КН 7648
КП 12589

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

1876

ОКТЯБРЬ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ БИБЛІОТЕКА АКАДЕМІИ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ ОСНОВЪ И ВРЕМЕНЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА. Р. Г. Вестфаля.

II. ОТЪ БѢЛОСТОКА ДО БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩИ. Путевыя замѣтки. Гл. I—VI. В. В. Крестовскаго.

III. ПОЭТЪ ДЕРЖАВИНЪ ПРАВИТЕЛЬ НАМѢСТНИЧЕСТВА (1785—1788). Окончаніе. Графа Е. А. Саліаса.

IV. ПОѢЗДКА ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ВЪ САРАЕВО ВЪ 1874 ГОДУ. М—ка.

V. ЛОРДЪ ПАЛЬМЕРСТОНЪ. Біографическій очеркъ. Р.

VI. ПРИ ДВОРѢ. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть первая. И. Л. Ласкосъ.

VII. РЕНЕГАТЪ. (Изъ Роберта Прутца.) Стихотвореніе. Ѳ. Б. Миллера.

VIII. ВРЕМЯ ШКОЛЬНАГО УЧЕНІЯ. УѢЗДНОЕ УЧИЛИЩЕ И ГИМНАЗІЯ (1816—1822). Изъ записокъ человѣка. Сто-одного.

IX. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЧЕРНОМОРСКАГО ОФИЦЕРА. А. Д. Сатина.

X. ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНІЕ ДЖОРДЖА ГЕНРИ ЛУИСА. Гл. V—VII. А. Ц. Стадлина.

XI. БЛУЖДАНІЯ РУССКОЙ МЫСЛИ. А.

XII. СОВРЕМЕННЫЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ В. С. Неклюдова.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. XIX—XXIV.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1877 года

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1877 году стóитъ въ Москвѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго Бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ:

АЛУПКІНСЬКИЙ
ПАЛАЦ-МУЗЕЙ
в м. Алупці
БІБЛІОТЕКА
Інв. № 1553

	Р.	К.
Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.	18	—

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

О ПОДПИСКѢ

НА

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

1877 года

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1877 году ежедневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками, причемъ, въ случаѣ полученія важныхъ новостей, послѣднія сообщаются читателямъ и въ эти дни особыми прибавленіями. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за табельнымъ праздникомъ или за двумя праздничными днями) издается, полный листъ газеты, но безъ передовой статьи.

Въ 1877 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и болѣе, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣщенія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты не помѣщается. Желающіе получать газету съ этими прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго Бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* въ 1877 году слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	4 р. 25 к.	На 3 мѣсяца.....	4 р. 75 к.
„ 6 мѣсяцевъ	8 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ	9 „ — „
„ 12 „	13 „ — „	„ 12 „	15 „ — „

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЙ ЧРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ БАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	5 р. 50 к.	На 3 мѣсяца	7 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ.....	9 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ	11 „ — „
„ 12 „ ...	16 „ — „	„ 12 „	18 „ — „

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почтѣ 16% подписной цѣны (съ доставкой) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

Цѣна съ доставкой за границу:

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты	8 р. — к.	14 р. — к.	26 р.
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
	9 р.	15 р.	28 р.

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по соглашенію съ редакціей.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ привислинскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 9 р. въ годъ безъ казенныхъ объявленій, 11 р. въ годъ съ казенными объявленіями; 5 р. за полгода безъ казенныхъ объявленій, 6 р. за полгода съ казенными объявленіями.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адресы *четко* написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ

ОСНОВЪ И ВРЕМЕНЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА *

Обозрѣвая различныя флексіи русскаго языка, мы съ перваго взгляда невольно приходимъ къ убѣжденію, будто бо́льшее обиліе формъ, а слѣдовательно и бо́льшій научный интересъ принадлежитъ области *склоненія*; насъ дѣйствительно поражаетъ то обстоятельство что русскій языкъ сохранилъ до нашего времени *шесть* различныхъ падежей (почти столько же какъ и санскритскій), и притомъ шесть падежей отличающихся полными, звучными окончаніями.

Однако, при болѣе основательномъ изученіи, насъ несравненно болѣе поразитъ богатство стариннаго, первобытнаго грамматическаго добра, сохранившагося въ теченіе тысячелѣтій не въ именныхъ, а въ *глагольныхъ* флексіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мы наталкиваемся не на одиночные факты, а на цѣлыя общія явленія, въ которыхъ русскій языкъ далеко оставилъ за собой оба классическіе языка, въ которыхъ онъ по ясности и прочности своихъ формъ непосредственно соперничаетъ съ языкомъ санскритскимъ. Правда, русскій языкъ утратилъ древнее образованіе славянскаго

* Читано въ апрѣльскомъ засѣданіи 1876 года Московскаго отдѣленія Общества Классической Филологіи и Педагогики.

аориста, сохранившагося въ сербскомъ, болгарскомъ и лужицкомъ нарѣчіяхъ; правда, русскіе глаголы не имѣютъ болѣе двойственнаго числа, процвѣтающаго еще нынѣ въ славянскихъ нарѣчіяхъ Крайны и Штиріи; но несмотря на эти довольно существенныя утраты, мы все-таки можемъ смѣло утверждать что между всѣми современными славянскими языками первое мѣсто по прозрачности и ясности глагольныхъ формъ безспорно принадлежитъ языку Россіи.

Но почему же не замѣчаемъ мы этого съ перваго взгляда?

Дѣло въ томъ что изъ всѣхъ временныхъ формъ первобытнаго индо-европейскаго языка спрягаемая часть русскаго глагола (verbum finitum) сохранила вполнѣ только *одну* форму, и притомъ въ двухъ наклоненіяхъ, а именно:

1. *Praesens indicativi*, употребляемое также въ значеніи *футура*, и

2. *Praesens optativi*.

Желательнымъ наклоненіемъ мы называемъ ту форму которая въ русской грамматикѣ носитъ имя *повелительнаго наклоненія*, хотя это послѣднее обозначеніе не выдерживаетъ строгой критики ни въ этимологическомъ, ни въ синтаксическомъ отношеніи. Образуется это наклоненіе, какъ извѣстно, посредствомъ гласной *і*, присоединяющейся къ корню или къ основѣ глагола, напримѣръ:

пек-*и*, дѣла-*й*.

Замѣчательно что это *і* въ такихъ словахъ съ гортанною основой какъ *пек-и* не производитъ въ русскомъ языкѣ того смягчающаго вліянія на предыдущую гортанную согласную, которому она постоянно подвергается предъ всякою другою мягкою или іотированною гласной. Такъ напримѣръ говорятъ:

печ-ёшь, печ-ёте,

а уже никакъ нельзя сказать:

печ-и или пещ-и,

какъ во всѣхъ остальныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Причина этого въ высшей степени замѣчательнаго явленія та что это *і* въ такъ-называемомъ повелительномъ наклоненіи русскаго глагола не есть первобытное *і*, а произошло изъ индо-европейской двугласной *аі*, являющейся намъ въ санскритскомъ языкѣ въ видѣ $\bar{e}$, а въ греческомъ—въ видѣ οι. Точно такое же *і*, происшедшее изъ первобытной дву-

гласной *ai*, видимъ мы напримѣръ въ окончаніи именительнаго падежа множественнаго числа:

лук-*и*, рук-*и*, ног-*и*,

которому соотвѣтствуетъ греческій именительный падежъ на οι и αι.

Изъ этого явленія мы можемъ вывести для русскаго языка слѣдующій непоколебимый звуковой законъ:

Если русская гласная и *происходитъ изъ индо-европейской двугласной* ai, *то это* и *никогда не смягчаетъ предыдущей гортанной согласной въ шипящую (небную). То же самое свойство имѣетъ и происшедшая изъ той же двугласной* ai *русская гласная* ѣ. Примѣры:

пек-*и́*, бѣг-*и́*, лг-*и́*, мог-*и́*, руќ-*и*, но́г-*и*, рук-*ъ*, Бо́г-*ъ* и т. д.

Неужели кто-нибудь станетъ отрицать что въ этомъ отношеніи русскій языкъ гораздо древнѣе и первобытнѣе всѣхъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, первобытнѣе даже церковнославянскаго? Глагольная форма, о которой здѣсь идетъ рѣчь, представляетъ намъ въ высшей степени интересное явленіе, бросающее яркій свѣтъ на отношенія русскаго языка и малороссійскаго нарѣчія къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Пора бы наконецъ вывести русскій языкъ изъ той почти рабской зависимости отъ церковно-славянскаго языка, въ которую его до сихъ поръ ставятъ составители русскихъ грамматикъ!

Итакъ въ *этимологическомъ* отношеніи русское желательное наклоненіе на *i* вполнѣ тождественно съ санскритскимъ и греческимъ оптативомъ съ двугласными *ē* и *oi*.

Что касается синтаксическаго употребленія этого наклоненія, то въ санскритскомъ языкѣ оно выражаетъ: 1) *приказаніе*, напримѣръ: ṭvam grâmam gaććheḥ „ты въ деревню ступай“, 2) *желаніе*, напримѣръ: bhavân ihâsîta „ваша милость сѣла бы здѣсь“. 3) *условіе*, напримѣръ: daṇḍaś ćen na bhavel loke vinaśyeyur imâḥ praǵâḥ „не будь наказанія на свѣтѣ, люди здѣсь бы погибли“. Тѣ же три главныя значенія оптатива находимъ мы, какъ извѣстно, и въ греческомъ языкѣ. Въ русскомъ мы видимъ то же самое явленіе, только здѣсь желательное наклоненіе въ большинствѣ случаевъ ограничивается выраженіемъ *приказанія*, такъ какъ ему приходится замѣнять исчезнувшую въ русскомъ языкѣ форму индо-европейскаго императива; однако наряду съ этимъ упо-

требленіемъ оно, подобно санскритскому и греческому оптативу, служитъ для выраженія *желанія*, не ограничиваясь, въ этомъ своемъ первоначальномъ значеніи, однимъ вторымъ лицомъ единственнаго числа, какъ напримѣръ: да-*й* вамъ Богъ! спаси Богъ! храни васъ Господь! сравни греч. ὑμῖν θεοὶ δοῖεν.

Наконецъ мы встрѣчаемъ это наклоненіе въ протазисѣ *условныхъ* предложеній не только во второмъ и третьемъ лицѣ единственнаго числа, но во всѣхъ лицахъ обоихъ чиселъ, напримѣръ: прійд-*и* я, прійд-*и* ты, прійд-*и* онъ, прійд-*и* мы, прійд-*и* вы, прійд-*и* они.

Употребленіе этого наклоненія въ разговорномъ языкѣ при драстическомъ разказѣ неожиданныхъ событій (напримѣръ: „а онъ возьм-*и*, да ему все и разболта-*й*“), я теперь объяснить не берусь; точно также я оставляю нерѣшеннымъ вопросъ о томъ нельзя ли признать за единственный остатокъ древняго индо-европейскаго *настоящаго* повелительнаго наклоненія на —*a* (греч. -ε) двѣ формы, стоящія безъ всякой аналогіи въ русскомъ языкѣ: я говорю о формахъ *ляг-ъ* и *ляг-те*, которыя едва ли можно употребить въ какомъ-либо другомъ значеніи кромѣ простаго повелительнаго наклоненія.

Возвратимся теперь снова къ перечисленію индо-европейскихъ глагольныхъ формъ, сохранившихся до сихъ поръ въ русскомъ языкѣ.

Кромѣ уцѣлѣвшаго вполнѣ *настоящаго* времени, русскій языкъ обладаетъ еще однимъ остаткомъ древняго славянскаго *аориста*: этотъ остатокъ представляется намъ, какъ извѣстно, въ такъ-называемомъ союзѣ *бы*.

Изъ остальныхъ временъ русскій и вообще славянскій языкъ, повидимому, долѣе всего хранилъ индо-европейскій *перфектъ*. Въ спрягаемой части глагола мы, правда, тщетно стали бы искать какихъ-нибудь слѣдовъ этого времени; за то уцѣлѣли еще оба *причастія* перфекта какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго залога, почти въ той же самой формѣ, въ какой мы ихъ видимъ въ санскритѣ, а именно: для *дѣйствительнаго* залога окончанія: —*въ*, —*вши*, (—*вшій*) —*ши*, (—*шій*) напримѣръ дѣла-*въ*, дѣла-*вшій*, пек-*ши*, соотвѣтствующія вполнѣ санскритскимъ окончаніямъ —*vas*, ж. р. —*uš̄ī*, напр. tēn-*ivas*, tēn-*uš̄ī*.=тяну-*въ*, тяну-*вша*(я), а для *страдательнаго* залога окончанія: —*нъ* (—анъ —енъ, —анный, енный)=скр. —*āna* и—*tъ*=скр. —*ta*.

Такъ напримѣръ русскому:

печ-*еньй*, пи-*тый*

соотвѣтствуютъ совершенно какъ по звуку, такъ и по значенію санскритскіе:

pēč-*ānaḥ*, pi-*taḥ*.

Говоря о русскихъ причастіяхъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ тотъ замѣчательный фактъ что изъ всѣхъ современныхъ индо-европейскихъ языковъ одинъ только русскій языкъ сохранилъ причастіе настоящаго времени не только въ дѣйствительномъ, но и въ *страдательномъ* залогѣ, съ окончаніями:

—*омый*,—*мый*=скр. *a*—*mānaḥ*=гр. όμενος,—μενος, напр. иск—*о́мый*, нес—*о́мый*, вед—*о́мый*, и т. д. вез—*о́мый*=скр. vaḥ-á-*mānaḥ*=гр. Fεχ—όμενος.

Прибавимъ къ упомянутымъ формамъ партиципіальную форму на—*лъ*, замѣняющую собой исчезнувшее индо-европейское изъявительное наклоненіе аориста и перфекта, и у насъ останется еще одна только форма русскаго глагола, именно: такъ-называемое *неопредѣленное* наклоненіе на —*ти*, —*ть* соотвѣтствующее по значенію и происхожденію санскритскому и латинскому *супину* на *tum*. Такъ напримѣръ отъ санскр основы *pa* (пасу́) супинъ будетъ *pa-tum*, лат. суп. *pas-tum*. Для русскаго языка мы ожидаемъ на основаніи звуковыхъ законовъ форму *пас-ты* или по крайней мѣрѣ (существующую въ церк.-слв. языкѣ) форму *пас-ть*. Но эти формы, повидимому, утратились и мы находимъ вмѣсто нихъ мягкія формы на *ти*, *ть*: *пас-ти́*, *пас-ть*, указывающія на смягченіе первоначальной формы *pas-tim* въ *pas-tím*.

Я говорю что онѣ *повидимому* утратились, такъ какъ не могу поручиться, что онѣ не существуютъ въ которомъ-нибудь изъ русскихъ нарѣчій, по которымъ разсѣяно столько первобытнаго грамматическаго добра, безвозвратно утраченнаго русскимъ литературнымъ языкомъ. Такъ напримѣръ мы видимъ что въ нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчіяхъ сохранилось окончаніе 1го лица множ. ч. съ полнымъ гласнымъ звукомъ—*ма* (малоросс.—*мо*), вмѣсто обыкновенно принятаго окончанія—*мъ*; такъ напримѣръ въ Тверской губерніи говорятъ до сихъ поръ *мы знае-ма*, *мы дѣлаема*, мы *бываема*, слѣдовательно точь въ точь какъ за нѣсколько тысячелѣтій въ древней Индіи: *bhavajamaḥ*.

Далѣе, кому не извѣстно какъ сильно распространено въ русскихъ нарѣчіяхъ окончаніе 3 лица ед. и мн. ч. —*тъ* вмѣсто —*ть*. Такъ напримѣръ Рязанецъ говоритъ правильнѣе чѣмъ мы, произнося *онъ береть, они берутъ* (скр. bharati, bharanti), вмѣсто нашего *онъ береть, они берутъ*. Жаль что русскій литературный языкъ утратилъ вышеупомянутыя окончанія——*ма* для 1 лица мн. ч. и —*ть* для 3 л. ед. и мн. ч., а то онъ могъ бы похвастаться, что за исключеніемъ 1 л. ед. ч., онъ сохранилъ всѣ личныя окончанія настоящаго времени почти въ такой же неприкосновенной цѣлости, какъ и санскритскій языкъ. Однако usus tyrannus! и мы теперь ежедневно видимъ странное зрѣлище: учителя употребляютъ все свое усиліе, не щадя угрозъ и наказаній, чтобы выбить изъ бѣднаго русскаго мальчика то тысячелѣтнее преданіе, по которому онъ съ изумительнымъ постоянствомъ продолжаетъ говорить и писать *онъ береть, они берутъ*, вмѣсто искаженныхъ, но литературныхъ формъ: *онъ береть, они берутъ*. Не иронія ли это судьбы?

Перечисляя флексіи русскаго глагола, мы, слѣдовательно, нашли только слѣдующія первобытныя формы:

1. *Praesens* indicativi и optativi.
2. Жалкій остатокъ *аориста—бы*.
3. *Participia* praes. et perf. act. et pass.
4. Participium на *лъ*.
5. Infinitivus или Supinum на *ти,-ть*.

Это было бы въ самомъ дѣлѣ весьма мало въ сравненіи съ обиліемъ древнихъ индо-европейскихъ глагольныхъ флексій.

Но тутъ-то какъ разъ мы наталкиваемся на одно изъ самыхъ интереснѣйшихъ явленій въ исторіи русскаго языка: для обозначенія различія *временъ* русскій языкъ весьма остроумно воспользовался различіемъ своихъ *глагольныхъ основъ*; и эти-то глагольныя основы носятъ на себѣ очевидный отпечатокъ такой первобытной старины, что при ихъ изученіи невольно забываешь что имѣешь дѣло съ живымъ, современнымъ европейскимъ языкомъ и представляешь себя перенесеннымъ на почву древней Индіи. Во всей индо-европейской семьѣ нѣтъ ни одного языка который по образованію и значенію своихъ глагольныхъ основъ такъ близко подходилъ бы къ санскриту, какъ именно языкъ славянскій вообще и русскій въ особенности.

Возвратимся теперь къ настоящему времени, въ которомъ

яснѣе всего проявляется тождественное образованіе глагольныхъ основъ въ русскомъ и санскритскомъ языкѣ.

Къ небольшому, сравнительно, числу санскритскихъ корней личныя окончанія настоящаго времени присоединяются *непосредственно;* въ русскомъ языкѣ мы находимъ лишь немногіе остатки этого простѣйшаго образованія, какъ напримѣръ: *дас-тъ*, *пс-тъ*.

Гораздо чаще санскритскій языкъ вставляетъ между корнемъ, кончащимся на согласную, и личными окончаніями гласную *a*, которая обыкновенно принимается за соединительную гласную, хотя новѣйшія изслѣдованія и не желаютъ мириться съ этимъ терминомъ. Въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ этому классу санскритскихъ глаголовъ около шестидесяти корней, оканчивающихся на твердую согласную, и принимающихъ въ первомъ лицѣ настоящаго времени окончаніе (*a-mi*, *a-мъ*, *ѫ*,) *у*. Замѣчательно что здѣсь русскій языкъ сходится съ санскритскимъ языкомъ даже въ удареніи. Санскритская коренная гласная въ настоящемъ времени обыкновенно усиливается (гунируется); въ этомъ случаѣ она принимаетъ удареніе; если же коренная гласная не усиливается, то удареніе стоитъ на соединительной гласной, напримѣръ отъ корня *budh* (*будить*) praesens *bódh-ā-mi*, а отъ *tud* (лат. *tundo*) praes. *tud-á-mi*. Въ русскомъ языкѣ то же самое: глаголы имѣющіе короткую коренную гласную имѣютъ удареніе на соединительной гласной, напримѣръ *вез-у*, *пад-у*, *пек-у*, *бер-у*, *жив-у*, *плыв-у* и такъ далѣе, но *мѝз-у*, *ля́г-у ся́-ду*, *ѣ́ду* съ долгою коренною гласной.

Третій способъ образованія основъ въ санскритскомъ языкѣ состоитъ въ томъ, что между корнемъ и соединительною гласной вступаетъ звуковая комбинація *aj*. Эти глаголы на *aj-ā-mi* по бо́льшей части не коренные, а производные (отыменные). Они существуютъ и во всѣхъ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, но почти вездѣ они утратили одинъ изъ трехъ звуковъ *aj-a* (большею частію исчезала полугласная j) и слили оставшіеся два звука въ одну долгую гласную или двугласную.

Въ *греческомъ* языкѣ это, какъ извѣстно, глаголы на ά́ω, ἔω, ό́ω, въ *латинскомъ* — глаголы на āre, ēre, īre, въ *германскомъ* — глаголы такъ-называемаго слабаго спряженія. Санскритское окончаніе этихъ глаголовъ *aj-ā-mi* не сохранилось ни въ одномъ изъ родственныхъ европейскихъ язы-

ковъ, за исключеніемъ одного только славянскаго, да и то только въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ; всѣ прочіе новые языки славянскаго происхожденія сохранили полугласную *j* только въ третьемъ лицѣ множественнаго числа; въ прочихъ лицахъ является контракція какъ въ греческомъ и во всѣхъ другихъ языкахъ. Напримѣръ по-русски: *игра-ешь*, *дѣла-ешь*, по-сербски *игра-шь*, по-крайнски *дѣла-шь*, по-болгарски *дѣла-шо*. Мы слѣдовательно находимъ полнѣйшее соотвѣтствіе между русскимъ глаголомъ *пад-а-ю* и санскритскимъ *pad-áj-ā-mi*

между *вы-плыв-а-ю* и санскритскимъ *vi-plav-áj-ā-mi*
— *про-пека-ю* — — *peč-áj-ā-mi*
— *вы-бир-а-ю* — — *bhar-áj-ā-mi*.

Если мы припомнимъ что санскритскій языкъ уже въ IV вѣкѣ до Р. Х. пересталъ быть живымъ языкомъ и уступилъ мѣсто пракриту, который точно также какъ греческій языкъ исказилъ окончаніе настоящаго времени *a-j-a-m-i*, что слѣдовательно съ тѣхъ поръ прошло до нашего времени около 2.300 лѣтъ, и что въ теченіе этихъ тысячелѣтій на всемъ земномъ шарѣ изъ всей многочисленной индо-европейской семьи одинъ только *русскій* языкъ старательно хранилъ и дѣйствительно благополучно сохранилъ всѣ три гласныя *a-j-a* въ своихъ глаголахъ на *аю*, то мы должны откровенно признаться что во всей обширной области индо-европейской сравнительной грамматики не существуетъ ни одного явленія которое могло бы насъ сильнѣе поразить и заинтересовать какъ именно эта замѣчательная особенность русскаго глагола.

Но этого еще не достаточно. Оказывается что сходство между санскритскимъ и русскимъ языкомъ доведено здѣсь до самой изумительной степени. Оба языка образуютъ основу на *aj* и отъ корней оканчивающихся на гласную, и оба языка употребляютъ для этого образованія одно и то же, въ высшей степени характеристическое средство: они вставляютъ между конечною гласной корня и суффиксомъ *-aj-* губную согласную *p*. Это *p* сохранилось въ санскритѣ, но смягчилось въ пракритѣ въ *b*, а въ русскомъ языкѣ въ *v*. Такъ напримѣръ, отъ корня *гпа—знать* происходитъ русск. наст. вр. желат. наклон. *у-зна-в-ай*=санскр. *ǰña-p-á-jēs*; тутъ даже удареніе тождественно.

Что касается значенія этихъ глаголовъ, то въ санскритѣ они имѣютъ преимущественно *каузативный* оттѣнокъ:

bhar-áj-ā-mi значитъ *я заставляю носить*,
pad-áj-ā-mi „ *я роняю*
ǧpa-p-áj-ā-mi „ *я даю знать*.

Изъ соотвѣтствующихъ греческихъ глаголовъ, какъ στροφέω, στρωφάω и т. п., необходимо заключить что первоначальное значеніе было также и *интензивное*. Или скажемъ лучше такъ: основное значеніе должно было быть *интензивное*, которое въ своей общности исчезло въ санскритскомъ языкѣ и перешло по довольно ясному логическому процессу въ болѣе спеціальное *каузативное* значеніе. Это предположеніе блистательнымъ образомъ подтверждается *русскимъ* языкомъ. Здѣсь также мы должны принять за общее основное значеніе формы на *аю* одно только *интензивное*.

Это интезивное значеніе весьма часто переходитъ въ *фреквентативное*, *многократное*. Но мы находимъ также и переходъ его въ *каузативное* значеніе. Для этой модификаціи основнаго значенія отдѣлилась отъ полной формы на a-j-y, *а-ю* побочная, сокращенная форма на *jy*, *ю*, въ которой слѣдовательно первая гласная *а* выпала. Такихъ глаголовъ около 900; всѣ они оканчиваются въ настоящемъ времени на *ю* или на *у* съ предыдущею смягченною согласной; неопредѣленное наклоненіе оканчивается у нихъ на *ить*, но также и на *ѣть* и *ать*: дѣл-*ю*, дѣл-*ить*; смотр-*ю*, смотр-*ѣть*; крич-*у*, крич-*ать*. Изъ этихъ трехъ окончаній неопредѣленнаго наклоненія первое на *ить* самое нормальное, то-есть оно слѣдуетъ аналогіи настоящаго времени; второе на *ать* сохранилось изъ древняго, первоначальнаго образованія на *а-ю*; наконецъ третье на *ѣть*, сократилось изъ *a-j-a-t-i* въ *a-j-t-i*—*ѣть*, такъ какъ *ѣ=aj*.

Далѣе, въ санскритскомъ языкѣ существуетъ способъ образованія глагольныхъ основъ, состоящій въ томъ что предъ соединительною гласной къ корню прибавляется *j*. Это *j* придаетъ глаголу *страдательное* или вообще *непереходное* значеніе. *Tud-a-t-e* значитъ *онъ бьетъ*, *tundit*, а *tud-j-a-t-e* есть правильный страдательный залогъ и значитъ *его бьютъ*, *tunditur*. Эта форма встрѣчается во всѣхъ родственныхъ европейскихъ языкахъ, но въ одномъ только славянскомъ, а въ особенности въ русскомъ языкѣ, мы встрѣчаемъ эту форму съ тѣмъ самымъ значеніемъ которое до сихъ поръ находили въ одномъ только санскритѣ. Дѣло въ томъ что рядомъ съ довольно значительнымъ числомъ каузативныхъ отымен-

ныхъ глаголовъ на *ю, ить* встрѣчаются глаголы со *страдательнымъ* или точнѣе сказать съ *непереходно-начинательнымъ* значеніемъ на *ью, ьть*; напримѣръ, *бьл-ю, бьл-ить* значитъ я *дѣлаю* бѣлымъ, а *бьл-ью, бьл-ьть* значитъ я *дѣлаюсь* бѣлымъ; точно также *черн-ить* и *чернѣть*, *пестрить пестрѣть*, *округлить кругльть*, *ослабить ослабьть*. Многіе изъ этихъ глаголовъ употребляются только въ этой непереходно-начинательной формѣ на *ью, ьть*, какъ напримѣръ: *красн-ьть, зелен-ьть, желт-ьть, толст-ьть. худ-ьть, груб-ьть блѣдн-ьть, жир-ьть, рѣд-ьть* и т. п., тогда какъ дѣйствительная форма зеле-*нить*, гру-*бить* и т. д. остается внѣ употребленія. Чтобъ объяснить происхожденіе этихъ страдательныхъ формъ, мы должны припомнить что, напримѣръ, каузативный глаголъ *бьл-ю* произошелъ отъ первоначальнаго *бьл-á-ю* (см. выше). Настоящая основа этого глагола есть слѣдовательно *бьл-а-j*. Чтобъ образовать отъ этой основы страдательный залогъ, мы должны, по примѣру санскритскаго языка, прибавить къ этой основѣ еще *j*; такимъ образомъ происходитъ страдательная основа *бьл-а-j-j*; между этою основой и личнымъ окончаніемъ *mi* вставляется соединительная гласная *a* и мы получаемъ настоящее время *бьл-aj-j-a-mi*, *бьл-aj-ı-ѫ* и эта послѣдняя форма сокращается по точнымъ фонетическимъ законамъ славянскаго языка въ *бьл-ѣ-ı-ѫ*, *бьлью*. Мы можемъ, слѣдовательно, сказать съ полнымъ основаніемъ что *русскіе глаголы на —ью составляютъ страдательный залогъ къ каузативнымъ глаголамъ на —ю (первоначально -аю)*. Если въ нѣкоторыхъ глаголахъ на *ью* первоначальное непереходно-начинательное (*инхоативно-интразитивное*) значеніе ослабло и перешло въ простое *непереходное* значеніе, (такъ напримѣръ *бьлѣть* значитъ не только *дѣлаться бѣлымъ*, но также и просто *быть бѣлымъ*), то этотъ переходъ ничего не имѣетъ необыкновеннаго, тѣмъ болѣе что какъ мы только-что упомянули, и въ санскритѣ приставка *j* придаетъ глаголу значеніе не всегда исключительно страдательное, а иногда только вообще непереходное.

Мы теперь, слѣдовательно, отыскали въ русскомъ языкѣ три различные способа образованія глагольныхъ основъ, которые, какъ оказывается, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ тремъ санскритскимъ формамъ спряженія; я позволю себѣ перечислить ихъ въ видѣ краткой таблицы:

I КЛАССЪ.

МЕЖДУ КОРНЕМЪ И ЛИЧНЫМЪ ОКОНЧАНІЕМЪ СТОИТЪ ТОЛЬКО СОЕДИНИТЕЛЬНАЯ ГЛАСНАЯ *А*.

Санскр.	*Русск.*
Глаголы на *-ā-mi* съ предыдущ. согласной: *bhá-rā mi.*	Глаголы на *у* съ предыдущ. твердою согласной: *бер-у́.*

II КЛАССЪ.

МЕЖДУ КОРНЕМЪ И СОЕДИНИТЕЛЬНОЮ ГЛАСНОЙ ВСТАВЛЯЕТСЯ ЗВУКОВАЯ КОМБИНАЦІЯ *АЈ* СЪ ИНТЕНЗИВНЫМЪ ЗНАЧЕНІЕМЪ.

Санскр.	*Русск.*
Глаголы на *-aj̄ā-mi* съ *каузативнымъ* значеніемъ: *рад-aj̄-ā-mi.*	Глаголы на *аю* съ *фреквентативнымъ* значеніемъ: *пад-а-ю,* отсюда побочная сокращенная форма: Глаголы на *ю* (*и на у съ предыдущ. смягченною согласной*) съ *каузативнымъ* значеніемъ: *бр-л-ю, верч-у.*

III КЛАССЪ.

ПРЕДЪ СОЕДИНИТЕЛЬНОЮ ГЛАСНОЙ ВСТАВЛЯЕТСЯ ЗВУКЪ *Ј* СЪ СТРАДАТЕЛЬНЫМЪ ЗНАЧЕНІЕМЪ.

Санскр.	*Русск.*
Глаголы на *-j̄ati* или *j̄ē* съ *страдательнымъ* и *непереходн.* значеніемъ: tud-j-a-tē.	Глаголы на (aj-ja-mi) *ю* образованные не отъ чистыхъ корней, а отъ каузативныхъ глаголовъ II класса на (aj-a-mi) *-ю*, съ *страд. и непереx.* знач. *бьлью.*

Изъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ одни только славянскіе имѣютъ ту замѣчательную особенность что ихъ глаголы соединясь съ предлогами измѣняютъ свое временное значеніе. Простой глаголъ имѣетъ въ настоящемъ времени значеніе *продолжающагося теперь дѣйствія* или состоянія, то-есть *презенса*, а въ прошедшемъ времени—значеніе *продолжавшагося прежде дѣйствія* или *состоянія*, слѣдовательно *имперфекта*. Въ сложеніи же съ предлогомъ оба времени, какъ извѣстно, теряютъ характеръ продолжительнаго, *дуративнаго* дѣйствія и обозначаютъ уже дѣйствіе *мгновенное* или же *оконченное*, причемъ *презенсъ* теряетъ свое отношеніе къ настоящему времени и обозначаетъ *будущее*: слѣдовательно:

дѣлаю, кричу—дѣлалъ, кричалъ,
сдѣлаю, закричу—сдѣлалъ, закричалъ.

Назовемъ пока это *мгновенное и оконченное прошедшее дѣйствіе* (закричалъ, сдѣлалъ) *аористомъ*, а *мгновенное* или *оконченное будущее дѣйствіе* (закричу, сдѣлаю) *futurum aoristicum*.

Простые, несложные глаголы имѣютъ только дуративныя, неаористическія времена, но за то еще одно *прошедшее многократное* (praeteritum iterativum), которое соотвѣтствуетъ греческому прошедшему на -σκον. Очевидно что мы въ этомъ -σκ- греческаго итератива имѣемъ совершенно особую форму глагольной основы и мы можемъ слѣдовательно говорить объ *итеративной основѣ на* σκ, которая встрѣчается только въ прошедшемъ, а не въ настоящемъ времени, напримѣръ, ἔ-φα-σκ-ο-ν ἐ-βάλ-ε-σκ-ο-ν. Совершенно аналогичное явленіе видимъ мы въ итеративномъ прошедшемъ русскаго языка. Чтобъ образовать это прошедшее, къ корню приставляется интензивная звуковая группа *-aj-*, съ которою мы познакомились во II классѣ санскритскихъ и русскихъ глагольныхъ основъ, напримѣръ *читывалъ* (сравни скр. *čitaipajāmi*). Это итеративное прошедшее въ соединеніи съ отрицаніемъ *не* уже не имѣетъ болѣе *итеративнаго* значенія, напримѣръ: я этого не читывалъ. Миклошичъ весьма вѣрно замѣтилъ что это итеративное прошедшее съ отрицаніемъ заключаетъ въ себѣ *интензивное* значеніе: интензивность относится здѣсь къ усиленному, интензивному отрицанію дѣйствія выраженнаго глаголомъ. Разсматриваемая нами форма глагольной основы на *-aj-* имѣетъ, слѣдовательно, *итеративное*, а съ отрицаніемъ—свое первоначальное *интензивное* значеніе,

какъ разъ то же самое значеніе, которое мы должны были предположить для санскритскихъ каузативныхъ глаголовъ на *aj-ā-mi*.

Но пока довольно о простомъ глаголѣ. Что касается до глагола сложнаго съ предлогомъ, то онъ, кромѣ своего аориста и аористическаго футура, имѣетъ хотя не итеративное, но за то *дуративное* настоящее и *дуративное* прошедшее время, которыя выражаются интензивною формой на *-аю* (*-в-аю*), придающею, слѣдовательно, *простому* глаголу *интензивное* и *итеративное* значеніе, а *сложному* глаголу—*дуративное*; напр. отъ простаго глаг. съ знач. настоящаго времени *кро-ю* образуется сложный глаголъ съ знач. аорист. будущ. *с-крою* и аор. *с-кры-лъ*, а отсюда производится посредств. приставки *ваја* дуративное настоящее *скрываю* и дуративное прошедшее *скрыва-лъ*.

Такимъ образомъ *простые* глаголы имѣютъ только *два*, а если считать довольно рѣдко встрѣчающееся итеративное прошедшее, то всего *три* времени (описательное будущее съ вспомогательнымъ глаголомъ *быть* насъ конечно здѣсь не касается); слѣдов. 1) *крою*, 2) *крылъ*, 3) *крывалъ*; напротивъ того, *сложные* глаголы различаютъ *четыре* времени, а именно: 1) отъ чистой основы *аористъ* и *аористическое будущее*, и 2) отъ усиленной основы на *аю* и *ваю*: *дуративныя презенсъ* и *имперфектумъ* 1. *скрылъ*, 2. *скрою*, 3. *скрываю*, 4. *скрывалъ*. Особый интересъ представляетъ намъ ограниченное число *простыхъ* глаголовъ, образующихъ тѣ самыя четыре времени, свойственныя сложнымъ глаголамъ. Большинство этихъ глаголовъ, правда, принимаетъ для образованія дуративныхъ временъ интензивную форму на *аю*, какъ напр. аор. буд. *паду́*; аор. *палъ*; дур. наст. *па́д-аю*; дур. прош. *па́д-а-лъ*. Но есть и такіе глаголы которые для этой цѣли употребляютъ сокращенную изъ *aj-a-(аю)* форму *ја* (*ю*), имѣющую, какъ мы видѣли выше (въ глаголахъ *бъю*, *круглю*), преимущ. *каузативное* значеніе. Такіе глаголы напр. *ля́г-у*, *лег-ъ—(лог-ю-сь) ложу-сь*, *(лог-јился) ложился*; *ся́д-у*, *сѣлъ—(сад-ю-сь) сажу-сь*, *(сад-јил-ся) садился*. Ту же самую форму на *ю* видимъ мы и въ нѣкоторыхъ сложныхъ, напр. аор. буд. *при-нес-у* и дур. наст. *при-ношу* (то-есть *при-нос-ю*) и т. д.

Итакъ мы видимъ что русскій языкъ употребляетъ для аориста болѣе простую глагольную основу, а для *имперфекта* и *презенса*—основу распространенную посредствомъ *j* или *aj*.

БИБЛІОТЕКА
Інв. № 1553

Въ греческомъ языкѣ русской формѣ на *-аю* соотвѣтствуютъ глаголы άω, έω, όω, тогда какъ греческіе іотированные глаголы на σσω, ζω, λλω и т. п. соотвѣтствуютъ русскимъ глаголамъ на *ю*. Русскій имперфектъ *они ложились* отличается, слѣдовательно, отъ аориста *они легли* точь въ точь также какъ греческій имперфектъ ἑ-κραζ-ον отъ аориста II ἔκρα-γον; точно также русскій имперфектъ *у-влека-ли* относится къ аористу *у-влек-ли* совершенно такъ какъ греч. имперфектъ ἑμυκώμεθα къ аористу ἐμύκομεν.

Эти русскіе аористы (*легъ*, *увлекъ*, *сѣлъ*, *палъ* и т. д.) по образованію своей основы совершенно, слѣдовательно, тождественны съ такъ называемыми II аористами или какъ нѣкоторые ихъ называютъ съ *сильными* аористами греческаго языка и мы поэтому имѣемъ полнѣйшее право внести и въ русскую грамматику терминъ „*II или сильный аористъ*“.

Греческій аористъ I отличается отъ втораго тѣмъ что основа передъ окончаніями распространяется посредствомъ согласной ς. Таковъ, по крайней мѣрѣ, внѣшній видъ этой формы, и для насъ здѣсь не важно, произошло ли это ς изъ корня глагола ἑστί или нѣтъ. Русскій языкъ употребляетъ аналогическое средство для того чтобъ образовать аористъ отъ значительнаго числа своихъ глаголовъ. Точно также какъ Грекъ присоединяетъ къ корню глагола ς, Русскій прибавляетъ къ корню своего глагола слогъ *ну;* напр. имперф. *дергалъ*, аор. *дернулъ*, соотв. греческому ἔγραφε—ἔγραψε. Для этихъ. аористовъ на *ну* мы смѣло можемъ заимствовать изъ греческой грамматики терминъ *аористъ I*, хотя тождественность образованія этихъ русскихъ и греческихъ аористовъ I далеко не такъ поразительна, какъ во вторыхъ аористахъ.

Итакъ мы приходимъ къ слѣдующему результату: что русскій языкъ, утратившій почти всѣ первоначальныя индоевропейскія времена, воспользовался яснымъ различіемъ своихъ глагольныхъ основъ для воспроизведенія нужныхъ ему временъ и съ теченіемъ времени образовалъ себѣ семь различныхъ временъ, а именно: 1. Praesens, 2. Imperfectum, 3. Praeter iterativum, 4. Aoristus I., 5. Aoristus II., 6 и 7. совершенно новыя времена *Fut. Aoristicum* I и II напр.

Praes.	дёргаю	вы-дёргиваю
Imprf.	дёргалъ	вы-дёргивалъ
Iterat.	дёргивалъ	

Aor. I.	дёрнулъ	вы́-дернулъ
Aor. II.		(по)вы́-дергалъ
Fut. aor. I.	дёрну	вы́-дерну.
Fut. aor. II.		повы́-дергаю.

При такомъ распредѣленіи временъ мы окончательно избавляемся отъ злополучнаго дѣленія русскихъ глагольныхъ формъ на *виды*, и становимся значительно ближе къ точному, строго научному изслѣдованію того положенія, которое занимаетъ русскій глаголъ въ средѣ прочихъ индо-европейскихъ глаголовъ.

Что касается синтаксическаго употребленія временъ русскаго и греческаго глаголовъ, то мы видимъ и здѣсь поразительное сходство, указанное въ рефератѣ нашего почтеннаго сочлена Э. В. Чернаго. Перечисленные имъ съ величайшею точностью случаи въ которыхъ русскій имперфектъ и аористъ *не* соотвѣствуютъ греческимъ имперфекту и аористу, мы должны разсматривать какъ индивидуальныя особенности, существующія въ каждомъ языкѣ. Вообще же мы можемъ сказать что въ синтаксическомъ отношеніи

русское Praesens	соотвѣтствуетъ	греческому	Praesens	
=	Imperfectum			
	и	=	=	Imperfectum
=	Praeter. iterativum			
=	Futurum	=	=	Futurum
=	Aoristus	=	=	Aoristus.

Но я желалъ бы въ заключеніе указать еще на одинъ случай замѣчательнаго синтаксическаго сходства между русскими и греческими временами, который почему-то не былъ упомянутъ г. Чернымъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Русскій аористъ дѣйствительнаго залога употребляется, какъ извѣстно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ другихъ языкахъ (напр. во французскомъ), употребляются вопервыхъ—Aoristus, вовторыхъ—Perfectum, втретьихъ—Plusquamperfectum. Такъ напр. j'écrivis, j'ai écrit, j'avais écrit переводится во всѣхъ трехъ случаяхъ просто аористомъ *я написалъ*. То же самое видимъ мы и въ греческомъ языкѣ. И тутъ аористъ почти всегда стоитъ тамъ, гдѣ мы ожидали бы Plusquamperfectum, и весьма часто тамъ, гдѣ слѣдовало бы стоять Perfectum. Мы слѣдовательно видимъ что въ греческомъ языкѣ аористъ уже начиналъ

принимать то исключительное преобладающее значеніе всякаго *совершеннаго* времени, которое онъ утвердилъ окончательно за собой въ русскомъ языкѣ, изгнавъ изъ употребленія Perfectum и Plusquamperfectum, существовавшія еще въ церковно-славянскомъ языкѣ. (При этомъ любопытно то, что роль русскаго аориста приняло на себя собственно Perfectum: *я написалъ=я написалъ есмь*; точно такое же явленіе видимъ мы и въ латинскомъ языкѣ). Но подобная замѣна перфекта русскимъ и греческимъ аористомъ возможна только въ *дѣйствительномъ* залогѣ. Въ *страдательномъ* же *русскій и греческій перфекты никогда не могутъ быть замѣнены аористомъ*. Такъ напр. въ дѣйствительномъ залогѣ можно сказать ἔτυψα вмѣсто τέτυφα, но едва ли въ страдательномъ ἐτύφθη вмѣсто τέτυπται. Въ русскомъ языкѣ то же самое: *онъ прибилъ* можетъ имѣть значеніе и *аориста* и *перфекта;* но въ страдательномъ залогѣ мы строго различаемъ аористъ *онъ былъ прибитъ* (il fut battu) отъ перфекта *онъ прибитъ* (il est battu).

Вотъ тѣ общіе результаты, къ которымъ меня привело изученіе русскаго глагола, заинтересовавшаго меня до такой степени что я рѣшился не успокоиться до тѣхъ поръ пока не достигну возможности представить на судъ науки полную, точную и наглядную систему русскаго глагола. Если же я рѣшился уже теперь выступить съ общимъ очертаніемъ своихъ изслѣдованій, очертаніемъ, къ сожалѣнію, слишкомъ краткимъ, а потому, можетъ-быть, и не вполнѣ наглядным, то я сдѣлалъ это въ надеждѣ услышать отъ природныхъ русскихъ ученыхъ пополненія и поправки къ этимъ изслѣдованіямъ, насколько они выяснились въ прочитанной статьѣ. Подобныя пополненія и поправки всегда вызовутъ съ моей стороны живѣйшую благодарность, такъ какъ съ ихъ помощью я вѣрнѣе и скорѣе достигну избранной мною цѣли.

Р. ВЕСТФАЛЬ.

БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

I.

Поѣздъ подошелъ къ Бѣлостокской станціи и мы вышли. День 27 іюня 1872 года былъ убійственно жарокъ, и подъ этимъ чисто тропическимъ солнцемъ предстояло еще сорокаверстное путешествіе до города Бѣльска, по тяжело-песчаной и пыльной дорогѣ!

Извощикъ-Еврей повезъ насъ въ городъ чрезъ деревянныя тріумфальныя ворота, построенныя нѣсколько лѣтъ назадъ для встрѣчи Государя Императора, мимо католическаго кладбища, которое довольно живописно раскинулось на холмѣ подъ тѣнью кудрявой рощи.

Первое впечатлѣніе при въѣздѣ говоритъ въ пользу города: мощеная широкая улица обрамлена съ обѣихъ сторонъ густолиственною аллеей старыхъ, вѣковыхъ липъ; дома каменные, довольно приличной наружности, между которыми встрѣчаются и многоэтажные, и вамъ начинаетъ казаться что вы въѣхали въ какой-нибудь очень приличный губернскій городъ.

Русскіе люди, принадлежащіе даже къ образованной средѣ, вообще очень мало знаютъ у насъ наши собственные

города и области входящія въ составъ нашего отечества, то-есть, говоря откровенно, понятій у насъ о многихъ изъ городовъ и областей нѣтъ никакихъ, или же самыя смутныя, и хорошо еще если мы знаемъ ихъ по имени, что вотъ-молъ есть у насъ въ такой-то губерніи и такой-то вотъ городъ. Нерѣдко случается встрѣтить цивилизованнаго Россіянина который знаетъ множество городовъ Западной Европы; случается иногда что онъ знакомъ и съ промышленною, и съ научною, и съ художественною, и съ иными сторонами жизни нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ отчетливо указать вамъ достопримѣчательности и даже дать кое-какія историческія свѣдѣнія о многихъ городахъ Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи; но спросите его: знаетъ ли онъ Кострому или Вологду, то онъ, буде только не уроженецъ того или другаго города, отвѣтитъ вамъ: „нѣтъ, вѣдь мы пензенскіе“, а если чиновникъ, то можете ждать чего-нибудь въ родѣ Скалозубовскаго отвѣта: „не знакомъ! мы съ нею вмѣстѣ не служили“, ибо чиновники наши по преимуществу, если даже не исключительно, знаютъ только тѣ грады и вѣси въ какихъ состояли на службѣ.

Согласитесь что мои слова имѣютъ за собою значительную долю основательности, едва ли оспоримой, а потому я надѣюсь что не навлеку на себя особыхъ сѣтованій если сообщу здѣсь очерки двухъ попутныхъ городовъ, чрезъ которые пролегаетъ путь въ Бѣловѣжскую Пущу, тѣмъ болѣе что одинъ изъ нихъ имѣетъ весьма не малое промышленное значеніе, другой же не лишенъ значенія историческаго.

Вскорѣ по завоеваніи Гедиминомъ (1320) страны извѣстной подъ общимъ именемъ Подлясья, * было основано селеніе при рѣчкѣ Бѣлой, ** которое въ подлясскихъ грамотахъ XV вѣка называется „Бѣльщаны-Стокомъ“. Долгое время Бѣльщаный, а въ послѣдствіи Бѣлый-Стокъ (Białystok), былъ не болѣе какъ простою деревней. Принадлежалъ онъ въ XV вѣкѣ какому-то Мацею зъ Тыкоцыны, которому былъ подаренъ Витольдомъ; потомъ владѣли имъ Веселовскіе, отъ которыхъ Бѣлостокъ отчисленъ къ короннымъ имуществамъ, а въ 1659 году король Янъ-Казиміръ отдалъ его въ ложизненное владѣніе гетману Степану Чарнецкому,

* Нынѣ Бѣлостокскій и Бѣльскій уѣзды Гродненской губерніи.
** Бѣлая впадаетъ въ Супрасль, которая сливается съ Наревомъ.

въ награду „за особыя заслуги“ оказанныя имъ отечеству. У Чарнецкаго была дочь Александра-Екатерина, на которой женился графъ Яковъ-Климентій Браницкій, получившій по смерти Чарнецкаго Бѣлостокское имѣніе, и такимъ образомъ Бѣлостокъ перешелъ въ родъ Браницкихъ. Сынъ графа Якова, Степанъ, построилъ въ Бѣлостокѣ деревянный „пала̀цъ“ и деревню преобразовалъ въ городокъ (miasteczko), а сынъ Степана, Иванъ Браницкій, великій гетманъ Литовскій и Краковскій каштелянъ, выпросилъ у Августа II для своего мѣстечка Магдебургское право, на основаніи котораго Бѣлостокъ, принадлежа Браницкимъ, сдѣлался уже городомъ, и съ 1745 года сталъ управляться магистратомъ. Новый городъ быстро разростался, населеніе его увеличивалось съ каждымъ годомъ, а Браницкій постоянно заботился о томъ какъ бы все болѣе и болѣе украшать свою резиденцію. Онъ окружилъ городъ каменною стѣной, въ которой имѣлось на выѣздахъ четверо воротъ съ каменными башнями; на площади выросло каменное зданіе городской ратуши съ башней и съ курантами на ней; тутъ же появились и каменныя лавки; каменный костелъ Св. Троицы былъ построенъ еще въ 1584 году прежнимъ владѣльцемъ Бѣлостока, Петромъ Веселовскимъ. Деревянный „пала̀цъ“ графа Степана былъ сломанъ, а на мѣсто его графъ Иванъ соорудилъ великолѣпный „па́лацъ“ каменный, взявъ за образецъ Версальскій дворецъ и окруживъ его флигелями и всевозможными затѣями магнатской роскоши: тутъ были, разумѣется, и прекрасные сады,—верхній и нижній, французскій и англійскій, и фруктовый, сохранившіеся до нашего времени, и пруды, и каналы, и оранжереи, и театръ, и псарни, и цѣлыхъ два звѣринца, до 14 верстъ въ окружности, изъ которыхъ въ одномъ содержались „данія̀льки“, то-есть дикія козы, а въ другомъ олени. Ясневельможный панъ грабя Янъ Браницкій жилъ съ совершенно царскою роскошью. Онъ владѣлъ громадными имѣніями въ Украйнѣ, въ Галичинѣ, въ Литовской Руси и въ „Коронѣ“, то-есть въ самой Польшѣ. Женатый на Елизаветѣ Понятовской, сестрѣ послѣдняго короля Польскаго, онъ въ честь ея задавалъ баснословныя празднества, о которыхъ въ Бѣлостокѣ и до сихъ поръ еще живы воспоминанія. Въ свое время эти празднества, пиры и охоты составляли даже предметъ особыхъ хроникъ, благодаря которымъ и потомство можетъ теперь имѣть нѣкоторое

понятіе о томъ что̀ такое была въ о̀ны дни пресловутая магнатская роскошь. На эти пиры съѣзжались издалека и магнаты, и принцы крови, и иностранные посланники, не говоря уже о „дробной шляхтѣ“, всегда охочей до лакомаго куска и ласковаго пинка своихъ ясневельможныхъ патроновъ. Тутъ были и аллегоріи, и декораціи, и иллюминаціи съ фейерверками; при тостахъ надворная гвардія стрѣляла изъ пушекъ и ружей, гремѣла „собственная“ музыка, „собственные“ таланты представляли комедіи и трагедіи, „собственныя“ феи и сильфиды плясали цѣлые балеты; впрочемъ, между актерами и танцовщицами были и не крѣпостные, а по преимуществу родовитые шляхтичи и шляхтянскія дѣвицы, составлявшія придворный штатъ и состоявшія подъ патронатомъ „пана грабего“ и его супруги. Для обѣдовъ устраивали особыя галлереи. Въ обѣденномъ столѣ на двѣсти особъ, во всю длину его, посрединѣ вдѣлывали каналъ, какъ говоритъ молва, серебряный; этотъ каналъ наполнялся дорогимъ токайскимъ виномъ, и плавали на поверхности его 24 кораблика, драгоцѣнной отдѣлки, наполненные всевозможными лакомствами для дамъ; мущины же лакомились изъ громаднаго прадѣдовскаго кубка Степана Чарнецкаго, изъ котораго, при громѣ музыки и пушекъ, лилось за здоровье самой графини.

При послѣднемъ раздѣлѣ Польши Подлясское воеводство досталось Пруссіи, и послѣ того, въ 1802 году, Бѣлостокъ былъ проданъ Прусскому королю за 270.970 талеровъ, съ тѣмъ условіемъ чтобы вдова графа Ивана, графиня Елизавѣта, владѣла городомъ по смерть свою и чтобы прусское правительство выдавало каждый годъ по 5.578 злотыхъ на содержаніе мѣстнаго польскаго костела.

Нѣмцы тотчасъ же внесли съ собою въ Бѣлостокъ свою прочную закваску, которая слишкомъ явно сказывается въ городѣ вездѣ и во всемъ, даже и по настоящую минуту. Браницкій хоть и строилъ башни и палацы, однакоже могъ совершенно спокойно переносить, рядомъ со своимъ дворцомъ, всяческую грязь, вонь и нечистоту, искони присущія польско-жидовскимъ мѣстечкамъ, и эта смѣсь роскоши съ грязью, эта уживчивость съ нечистотой составляетъ одну изъ отличительныхъ, одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ польскаго панства.

Нѣмцы сейчасъ же все передѣлали по-своему. Дома приказали выбѣлить, улицы выровняли, вычистили, вымостили

камнемъ, поставили гауптвахту и на все навѣсили ярлыки съ нумерами. „Все очень въ порядкѣ и очень систематично.“

На улицахъ Варшавской и Боярской ветхія деревянныя лачужки были сломаны, снесены прочь, а на мѣстѣ ихъ въ скоромъ времени появились, какъ родные братцы похожіе одинъ на другой, каменные двухъэтажные дома, и прибавилась совсѣмъ новая часть города, которую назвали „Клейндорфъ“. Бѣлостокъ произведенъ въ санъ „гауптштадта“ Бѣлостоцкаго департамента, въ который тотчасъ же начался наплывъ нѣмецкаго колонизаторскаго элемента.

По Тильзитскому миру Бѣлостокская область отошла къ Россіи, причемъ императоръ Александръ откупилъ у короля Прусскаго Бѣлостокъ за условленное вознагражденіе, сверхъ котораго долженъ былъ прибавить по счету 20.223 рубля серебромъ за оранжерейныя растенія и дворцовую мебель.

15го сентября 1808 года Бѣлостокъ сдѣланъ областнымъ городомъ, и въ этомъ значеніи оставался до присоединенія области (въ 1843 году), подъ именемъ и на правахъ уѣзда, къ Гродненской губерніи.

Замѣчательно что наибольшее промышленное развитіе и значеніе Бѣлостокъ получилъ еще въ то время когда пути сообщенія у насъ были вообще довольно плохи, а о желѣзныхъ дорогахъ едва ли кто и думалъ.

Начало этого развитія относится къ 1835 году. До того времени въ городѣ имѣлись только двѣ фабрики: шляпная и суконная, и нѣсколько ремесленныхъ, цеховыхъ заведеній. По тому времени и этого было уже много, если вспомнить что Бѣлостокъ принадлежитъ къ городамъ западнаго края, отличающимся полнѣйшимъ отсутствіемъ въ нихъ крупныхъ оптовыхъ дѣлъ и оборотовъ по части торговли и промышленности. Но не даромъ же въ немъ посидѣли Нѣмцы годовъ съ десятокъ. Благодаря ихъ иниціативѣ, жидовско-шляхетская резиденція пана Браницкаго становится уже подъ русскимъ правительствомъ однимъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктовъ западнаго края. Прошло едва ли какихъ-нибудь двадцать лѣтъ съ 1835 года, какъ уже въ Бѣлостокѣ и окрестныхъ мѣстечкахъ появляется множество крупныхъ и мелкихъ фабрикъ, преимущественно суконныхъ. Имена Моэса, Захерта, Бетхера, Герца, Михаловскаго, Кемихау, Малки Блоховой, какъ главнѣйшихъ дѣятелей въ промышленной производительности, получаютъ громкую извѣст-

ность не только въ мѣстномъ околоткѣ, но и далеко за предѣлами края: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Нижнемъ, въ Харьковѣ и Полтавѣ, въ Одессѣ, въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Варшавѣ, въ Ригѣ и даже за границей произведенія ихъ находятъ хорошій сбытъ и пользуются почтенною репутаціей. Около десятка близъ лежащихъ мѣстечекъ, которыя до того времени глохли и утопали въ грязи подъ гнетомъ паразитнаго еврейскаго населенія, вдругъ получаютъ видное мѣсто въ цѣлой губерніи, упрочиваютъ за собою репутацію фабричныхъ, промышленныхъ пунктовъ, привлекаютъ къ себѣ множество рабочихъ рукъ, поднимаютъ благосостояніе окрестныхъ жителей—и все это съ появленіемъ всѣхъ этихъ Моэсовъ, Захертовъ и пр. Супрасль, Хороща, Кнышинъ, Васильковъ, Ясеновка, Михалово, Добржинево, Марковщизна, Сухони обзаводятся множествомъ мелкихъ суконныхъ фабрикъ, которыя растутъ какъ грибы около фабрикъ крупнаго размѣра, поощряемыя съ одной стороны примѣромъ хорошаго производства, приносящаго добрые барыши, а съ другой, обиліемъ рабочихъ, умѣлыхъ рукъ, пріобрѣтшихъ это умѣніе опять-таки благодаря крупнымъ фабричнымъ заведеніямъ, которыя для нихъ служили и служатъ такъ-сказать школами ремесла. Обработку карта шерстянаго и бумажнаго началъ въ этомъ краѣ фабрикантъ Моэсъ, а его примѣру успѣшно послѣдовали Захертъ, Бетхеръ и Герцъ. Бѣлостоцкія сукна, карты, холстинки и платки расходятся, какъ мы сказали уже, въ весьма почтенномъ количествѣ. Еще пятнадцать лѣтъ назадъ въ городѣ и уѣздѣ уже работали 918 станковъ, при 3.113 работникахъ, которые ежегодно производили 1.240.800 аршинъ, на сумму 2.485.180 руб. сер. * И эти результаты даетъ одно только суконно-картовое производство.

Съ развитіемъ фабричной и заводской промышленности разростался и самый городъ, и замѣтно прибавлялось населеніе: въ двадцать три года число домовъ увеличилось на 29%, а число жителей на 50%. ** Эти процетныя цифры говорятъ сами за себя. Въ самомъ городѣ, не говоря уже объ

---

* П. Бобровскій. *Гродненская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи*, собранные офицерами генеральнаго штаба. Томъ II, стр. 283.

** П. Бобровскій. Т. II, стр. 859.

окрестностяхъ, можно насчитать до пятнадцати фабрикъ и заводовъ, между которыми есть суконныя, картовыя, кожевенные, бумаголрядильные, мыловарные, маслобойни и ливоварни, а также девять мукомольныхъ мельницъ, годовой перемолотъ которыхъ простирается до 20.000 четвертей муки; двѣ ливоварни производятъ ежегодно до 1.000 бочекъ пива. Но рядомъ съ развитіемъ промышленности процвѣтаетъ въ Бѣлостокѣ и торговля контрабандными товарами, которыхъ не мало найдете вы въ лавкахъ гостинаго двора. Торговля эта сосредоточена исключительно въ еврейскихъ рукахъ, и благодаря ей, не одинъ бѣлостокскій сынъ Израиля создавалъ себѣ въ короткое время и большое богатство, и почетное значеніе въ средѣ своихъ единовѣрцевъ.

Бѣлостокъ дѣлаетъ на свѣжаго человѣка впечатлѣніе скорѣе нѣмецкаго чѣмъ западно-русскаго или жидовско-польскаго города. Эти фабрики и заводы съ высокими горнами, эти чистенькія улицы (не всѣ, конечно, а только главныя), эти бѣлые дома и домики—почти всѣ до единаго съ красивыми черепичными кровлями — все это какъ будто переноситъ васъ въ какой-нибудь захолустный мирный уголокъ Германіи. Здѣсь даже существуетъ нѣмецкое общество стрѣлковъ изъ лука. Ежегодно собираются они на празднество Иванова дня (24го іюня) въ звѣринецъ, гдѣ ставится высокій шестъ увѣнчанный деревяннымъ орломъ который служитъ цѣлью для стрѣлъ. Попавшій въ орлиное сердце провозглашается королемъ праздника, въ каковомъ званіи и остается до слѣдующаго состязанія. При этомъ, конечно, выливается множество куфелей пива. Тутъ же устроенъ и Kegelbahn, а подъ тѣнью высокихъ сосенъ размѣщено много столиковъ, за которыми въ праздничные вечера вы найдете исключительно семейства нѣмецкихъ ремесленниковъ, сидящія за кружками пива.

Поживъ десять лѣтъ въ Бѣлостокѣ и уступивъ его Русскимъ, Нѣмцы не сразу начали послѣ своей уступки новый наплывъ въ этотъ городъ; только съ 1835 года стали вновь появляться сюда германскіе колонисты въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, и какъ мы уже сказали, съ этого же года начинаетъ подыматься и процвѣтать уровень мѣстной промышленности. Нѣмцы сосредоточиваютъ свои поселенія и промышленную дѣятельность почти исключительно около

Бѣлостока. И Бѣлостокъ долженъ этимъ Нѣмцамъ сказать большое спасибо, потому что не будь у него Нѣмцевъ, онъ оставался бы съ однимъ только „палацомъ“ Браницкихъ.

Кстати объ этомъ „палацѣ“: покойный государь императоръ Николай Павловичъ далъ ему лучшее примѣненіе, какого только можно было ожелать: съ 1841 года въ этомъ дворцѣ существуетъ женскій институтъ, въ которомъ получаютъ очень порядочное образованіе до ста дѣвицъ, и между ними тридцать штатныхъ, то-есть казеннокоштныхъ воспитанницъ. Вообще по учебно-образовательной части Бѣлостокъ, какъ уѣздный городъ, можетъ перещеголять весьма многіе и многіе изъ нашихъ городовъ, не только уѣздныхъ, но и губернскихъ: онъ, кромѣ института, имѣетъ еще мужскую гимназію, первоклассное еврейское училище и школу для еврейскихъ дѣвочекъ.

Къ числу особенностей Бѣлостока принадлежитъ замѣчательное въ этомъ краѣ отсутствіе нищихъ. (Мы говоримъ, конечно, относительно.) Съ одной стороны, къ искорененію нищенства способствуютъ все тѣ же фабрики, заводы и промышленныя заведенія, привлекающія массу рабочихъ рукъ, а съ другой, существованіе въ этомъ городѣ особаго пріюта для бѣдныхъ, гдѣ находятъ кусокъ хлѣба, одежду и теплый уголъ до ста калѣкъ, сиротъ, стариковъ и дѣтей, лишенныхъ возможности самостоятельно обезпечить свое существованіе. При этомъ пріютѣ, существующемъ съ 1855 года, есть и больница для бѣдныхъ, гдѣ пользуются и взрослые, и дѣти. Оба заведенія состоятъ подъ надзоромъ сестеръ милосердія и управляются комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ магазинахъ, кондитерскихъ, трактирахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ имѣются кружки для доброхотной копѣйки въ пользу этого пріюта и больницы, и такимъ-то образомъ, да еще при помощи концертовъ, лотерей и пожертвованій, годовой приходъ пріюта доходитъ до тысячи, и даже до полуторы тысячи рублей.

Въ настоящее время подъ Бѣлостокомъ пересѣкаются двѣ линіи желѣзныхъ дорогъ: Петербурго-Варшавская и Граево-Брестская, что въ недалекомъ будущемъ, безъ сомнѣнія, отразится самымъ счастливымъ образомъ на процвѣтаніи мѣстной промышленности и еще болѣе выдвинетъ Бѣлостокъ изъ ряда городовъ сѣверо-западной Россіи.

Послѣ довольно сноснаго обѣда въ трактирѣ, гдѣ прислуживаютъ мальчики въ великорусскихъ ситцевыхъ рубахахъ на выпускъ, я около шести часовъ вечера выѣхалъ изъ города по Бѣльскому почтовому тракту.

На седьмой верстѣ отъ Бѣлостока, при самой дорогѣ лежитъ небольшая нѣмецкая колонія, которая со времени своего основанія считала въ 1872 году только девятый годъ. Помѣщикъ владѣвшій въ этомъ мѣстѣ продалъ колонистамъ клочокъ земли, покрытой лѣсомъ и вообще мало удобной. Но Нѣмцы не смутились: они повырубали лѣсъ, повыжигали пни, выкорчевали корни, удобрили землю, и такимъ образомъ превратили свой клочокъ въ прекрасное и плодородное поле. Печать благосостоянія видимо лежитъ на самой внѣшности, на наружномъ видѣ колоніальныхъ построекъ. Бѣленькіе домики, покрытые красною черепицей, огорожены исправными изгородями, распланированы достаточно широко и на взглядъ производятъ довольно пріятное, веселое впечатлѣніе. На моемъ пути это было первое поселеніе въ которомъ я не замѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ жидовской корчмы съ жестяною бляхой: „распивочно и на выносъ“. Здѣсь ея такъ-таки и нѣтъ совсѣмъ, что̀ составляетъ въ западномъ краѣ явленіе весьма исключительное. Всѣ хозяева-колонисты занимаются суконнымъ производствомъ, и такимъ образомъ каждый домикъ этой колоніи представляетъ собою маленькую суконную фабрику. Вообще, окрестности Бѣлостока полны мануфактурно-промышленнаго характера и видимо говорятъ вамъ о благосостояніи этой мѣстности: эти красивенькіе фольварки съ черепичными кровлями, эти прочныя каменныя постройки фабрикъ и заводовъ съ высокими горками, эти веселыя рощицы и перелѣски, эти дороги, идущія аллеями по разнымъ направленіямъ,—все это почти невольно наводитъ васъ на мысль что̀ вы, силою какого-то чародѣйства, вдругъ перенеслись изъ грязнаго и бѣднаго Литовскаго края въ какой-нибудь благодатный уголокъ Германіи,—и вотъ, опять-таки, хочешь-не-хочешь, а отдаешь полную дань уваженія той прочной нѣмецкой закваскѣ, которая въ какія-нибудь десять лѣтъ кладетъ живыя сѣмена для германизаціи въ той самой мѣстности гдѣ мы, среди кореннаго русскаго населенія, въ цѣлое столѣтіе ровно ничего не сумѣли сдѣлать для обрусенія нѣсколькихъ сотъ семействъ ополяченной шляхты.

Отъ Бѣлостока до Бѣльска считается 40¼ верстъ, которыя вы дѣлаете въ два перегона (23 и 17¼). Отъ деревни Воишки, гдѣ находится почтовая станція, по пути къ Бѣльску вы встрѣчаете болотистые и обширные сѣнокосные луга по долинѣ рѣки Нарвы, доставляющіе главный, если не единственный источникъ существованія для мѣстнаго крестьянства, которое не можетъ похвалиться своею почвой: тутъ все — либо толь по низинамъ, либо песокъ на пригоркахъ и вообще по нѣсколько болѣе возвышеннымъ мѣстамъ, такъ что земледѣльческій трудъ вознаграждается крайне скудно. Вотъ уже именно гдѣ оказывается справедливою извѣстная поговорка что „колосъ отъ колоса — не слыхать бабья голоса". Цѣлыя поля, покрытыя скудною травкой, да низенькимъ корявымъ можжевельникомъ, лежатъ невоздѣланныя: не стóитъ обрабатывать, и потому здѣсь крестьяне предпочитаютъ жить „кутниками", то-есть ограничиваютъ свое хозяйство однимъ огородомъ, на которомъ и воздѣлываютъ преимущественно картофель. Этимъ картофелемъ они кормятся круглый годъ сами, кормятъ свиней своихъ и продаютъ его Евреямъ-арендаторамъ водочныхъ заводовъ, гдѣ изъ этого продукта выкуривается водка, очень плохая, но, къ несчастію, очень распространенная по цѣлому краю.

Дорога отъ Воишекъ, благодаря пескамъ, становится, очень тяжелою и пыльною; по краямъ ея уже исчезаетъ та богатая и разнообразная растительность, которая такъ пріятна для глазъ и такъ тѣнисто группируется въ длинной аллеѣ около Бѣлостока; но все-таки и здѣсь скудныя ветлы, да кое-гдѣ березки тянутся рядами по краямъ дороги, гдѣ обвалы и обсыпи нѣкоторыхъ пригорковъ позволяютъ видѣть чистѣйшій бѣлый и мелкій песокъ, составляющій грунтъ всѣхъ этихъ возвышенностей. Въ вертикальной плоскости этихъ обсыпей чернѣетъ почти правильными рядами множество норокъ, служащихъ гнѣздами полевымъ пташкамъ.

Мѣстность голая, однообразная, пустынная и скучная. Но вотъ, не доѣзжая четырехъ верстъ до Бѣльска, попадается навстрѣчу большая деревня Проневичи, лежащая по обѣимъ сторонамъ проѣзжей дороги. Послѣ той печальной голи и скудости, мимо которой мы только-что проѣхали, эта деревня просто поразила меня своимъ благосостояніемъ: хаты все прочныя, покрытыя хорошими соломенными кровлями, и всѣ

до одной имѣютъ дымовыя трубы, что̀ такъ рѣдко встрѣчается въ уѣздахъ Гродненскомъ и Волковысскомъ, которые можно даже назвать краемъ курныхъ избъ и жидовскихъ корчемъ, ибо тамъ только эти послѣднія имѣютъ дымовыя трубы.

Всѣ хаты и хозяйственныя постройки въ Проневичахъ осѣняются густою и кудрявою зеленью высокихъ и очень древнихъ деревьевъ. У каждой хаты непремѣнно вы найдете небольшой садикъ, изъ котораго весело выглядываютъ пестрыя головки цвѣтовъ: мальвъ, подсолнуховъ, настурцій и въ особенности разнообразныхъ маковъ. На дворахъ вездѣ чистота, предъ входомъ въ сѣни всегда подметено, и народъ въ будни ходитъ въ чистыхъ бѣлыхъ сорочкахъ, что̀ въ этомъ краѣ составляетъ явленіе тоже довольно рѣдкое. Насколько проневицкіе крестьяне простираютъ разумную заботливость свою о мѣстной культурѣ, можетъ служить примѣромъ небольшая березовая рощица, лежащая въ нѣсколькихъ саженяхъ направо отъ дороги какъ выѣдешь изъ деревни по направленію къ Бѣльску. Молодыя деревья насажены весьма часто и уже въ раннемъ возрастѣ даютъ непроницаемую густую тѣнь. Содержится эта рощица съ такимъ раченіемъ, въ такой необыкновенной чистотѣ и порядкѣ что другихъ подобныхъ я нигдѣ не встрѣчалъ въ Гродненской губерніи. Просто отрадно и весело глядѣть на такого рода людскую заботливость о предметѣ, который, пока еще не принося ровно никакой практически-хозяйственной выгоды, служитъ единственно для удовлетворенія такъсказать эстетическихъ потребностей жизни мѣстнаго крестьянства: мой ямщикъ сказывалъ что проневицкіе обыватели ходятъ сюда въ праздничные дни „на погулянки“.

Чуть лишь выѣдешь за Проневичи, какъ характеръ почвы тотчасъ же измѣняется и притомъ такъ что это сразу же рѣзко становится замѣтно глазу: лесокъ исчезъ, болотъ не видать, направо и налѣво широко разстилаются обширныя поляны тщательно распаханной тучной земли.

— Грунтъ хорошъ, для того и мужики богатые, пояснилъ мнѣ ямщикъ въ отвѣтъ на мое замѣчаніе о почвѣ.

На ровной открытой мѣстности лежитъ небольшой городокъ Бѣльскъ, издали похожій болѣе на какое-нибудь южнорусское село чѣмъ на городъ. Надъ группами бѣлыхъ хатъ и сѣрыхъ домишекъ, разбросанныхъ по плоскости широкаго

поля, возвышаются густыя раины вязовъ, ясеней, кленовъ, раскидистыхъ липъ и высоко подымаются къ небу силуэты пирамидальныхъ тополей. Двѣ бѣлыя башенки и куполъ православнаго собора въ центрѣ этихъ группъ довершаютъ незатѣйливую, но довольно миловидную картинку города Бѣльска.

Неизвѣстно въ точности кто именно былъ основателемъ этого города. Г. Бобровскій въ замѣчательномъ и въ высшей степени почтенномъ трудѣ своемъ (изъ котораго всякій пишущій что-либо о Гродненской губерніи, подобно намъ, будетъ почерпать много драгоцѣнныхъ свѣдѣній) дѣлаетъ предположеніе что Бѣльскъ основанъ вѣроятнѣе всего великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, около 1038 года. Наши лѣтописи содержатъ въ себѣ свѣдѣнія что въ началѣ XI вѣка этотъ государь, желая утвердиться въ южной части Подлясья, дабы обезпечить свои сосѣднія владѣнія на Руси, положилъ основаніе въ землѣ Ятвяговъ многимъ укрѣпленнымъ городамъ, населяя ихъ Русскими; Ятвяговъ же переселялъ на Русь. Такимъ образомъ возникли всѣ древнѣйшіе города Подлясья, какъ напримѣръ Дрогичинъ, Мельникъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Брестъ и др. Послѣ истребленія Ятвяговъ, Подлясье вытерпѣло много невзгодъ. До конца XIII вѣка его присвоивали себѣ то князья Русскіе, то Мазовецкіе, то Литовскіе, и въ это же время городъ Бѣльскъ былъ неоднократно опустошаемъ ордами Татаръ и рыцарями Тевтонскаго ордена. И тѣ и другіе рыскали по краю, представлявшему, вслѣдствіе этихъ безпрестанныхъ нашествій, печальную и безлюдную пустыню, по которой пустырями стояли разрушенные пожарами и войной города и села. И Татары, и рыцари жгли и грабили край самымъ исправнымъ образомъ, ославливая другъ у друга въ этихъ подвигахъ лальму разбойничьяго первенства. Впрочемъ, Бѣльскъ иногда и „отсиживался“. Такъ, напримѣръ, было въ 1377 году, когда гроссмейстеръ прусскій Винрихъ вторгся въ Подлясье и осадилъ Бѣльскій замокъ. Городъ не сдался; Прусаки постояли, постояли надъ нимъ, и, видя что на сей разъ ничего не подѣлаешь, сняли осаду и пошли къ Каменцу, вознаграждая себя за неудачу тѣмъ что повыжигали и поразоряли все что̀ ни подвертывалось подъ руку на пути ихъ шествія. *

* Балинскій и Липинскій, *Starozitna Polska*, стр. 1304.

Во второй половинѣ XIV вѣка власть Литвы была окончательно утверждена надъ Подлясьемъ, которое и оставалось въ безспорномъ владѣніи за Литовскими князьями до соединенія Литвы съ Польшей, послѣ чего Подлясье было слито въ одно цѣлое съ „Короной".

Вслѣдствіе споровъ за владѣніе между князьями Руси, Литвы и Мазовіи, а еще болѣе того вслѣдствіе слишкомъ часто повторявшихся опустошительныхъ набѣговъ Татаръ и нѣмецкихъ рыцарей, Бѣльскъ до конца XV вѣка не выходилъ изъ ряда бѣднѣйшихъ городовъ литовскихъ. Первыя льготы даны были ему Витольдомъ, но главнымъ его благодѣтелемъ былъ великій князь Александръ, женатый на Еленѣ, дочери великаго князя Московскаго, и потомъ король Сигизмундъ I. Первый изъ нихъ далъ, а послѣдній еще болѣе развилъ для Бѣльска муниципальныя льготы, основанныя на Магдебургскомъ правѣ, въ силу котораго городъ имѣлъ свой выборный судъ и право распоряжаться доходами и издавать указы (vilkirze или uchwały), относящіеся къ потребностямъ жителей. Александръ, между прочимъ, присвоилъ Бѣльску печать съ изображеніемъ *вола*.

Сначала благосостояніе города относительно торговли и промышленности далеко не процвѣтало. Въ этомъ виновато, вопервыхъ, самое мѣстоположеніе, невыгодное въ коммерческомъ отношеніи, такъ какъ Бѣльскъ стоитъ при маленькой несудоходной рѣченкѣ; а вовторыхъ, Евреи—эта вѣчная язва западнаго края. Но когда Витольдъ въ 1430 году освободилъ Бѣльскъ отъ Евреевъ, не дозволивъ имъ селиться въ городѣ, то Бѣльскъ поднялся такъ что еще до Люблинскаго соединенія, во второй половинѣ XVI вѣка, сталъ считаться уже въ числѣ самыхъ лучшихъ по количеству населенія и самыхъ благосостоятельныхъ городовъ Литовскаго великокняжества. Главнымъ занятіемъ мѣщанъ было хлѣбопашество, но рядомъ съ нимъ и ремесленность, внѣ убивающаго вліянія Евреевъ, стала развиваться въ столь обширныхъ размѣрахъ что Бѣльскій магистратъ долженъ былъ раздѣлить ремесла на шесть цеховъ. Наиболѣе процвѣтали въ городѣ мясничество, кузнечное, столярное и оружейное дѣло, кушнерное, портняжное, сапожное и кожевенное производства, а также солодовничество и пивоварство. Супруги польскихъ королей въ особенности покровительствовали городу, вслѣдствіе того что Бѣльскъ и Бѣльское староство состояли

въ ихъ непосредственномъ владѣніи. Но безпрерывныя войны и переходы многихъ армій мало-по-малу довели Бѣльскъ до такого плачевнаго состоянія что въ половинѣ XVII столѣтія число домовъ этого города уменьшилось въ пятнадцать разъ противъ прежняго, и весь Бѣльскъ состоялъ только изъ 48 жилыхъ строеній. Изъ этого положенія городъ сталъ подыматься только съ переходомъ его въ нѣмецкія руки, но все же тотъ Бѣльскъ, который, по принятіи его отъ Нѣмцевъ, мы знаемъ по настоящее время, далеко и весьма далеко не соотвѣтствуетъ Бѣльску XVI вѣка.

Теперь это не болѣе какъ скверный жидовскій городишко, на которомъ мы очень наглядно можемъ прослѣдить какъ Евреи совершаютъ послѣдовательное убійство всѣхъ живыхъ промышленныхъ силъ христіанскаго населенія края. Мы сказали уже что съ переходомъ въ нѣмецкія руки городъ въ теченіе первыхъ семи лѣтъ (съ 1796 по 1803 годъ) сталъ быстро возрастать и подыматься изъ своей косности; населеніе его значительно увеличилось, а вмѣстѣ съ нимъ и число домовъ дошло до 320, между которыми появилось семь каменныхъ, существующихъ и до настоящаго времени, въ нѣкоторомъ родѣ памятникомъ нѣмецкаго владычества, ибо ни прежде, ни послѣ Нѣмцевъ каменныхъ строеній въ Бѣльскѣ уже не появлялось. Нѣмцы внесли съ собою духъ оживленія, тотчасъ же отразившійся на торговлѣ и промышленности, которыми занимались *исключительно* одни христіане. Въ тѣ дни въ бѣльскихъ лавкахъ можно было найти иностранные товары, матеріи, сукна, колоніальныя произведенія, настоящія, а не поддѣльныя вина, разный мелочной товаръ, а пиво и водка продававшіяся въ шинкахъ, доставлялись туда со своихъ же христіанскихъ заводовъ. Но это, такъ-сказать, внутренняя городская сторона торговли, которая хотя и была значительна, однакоже уступала въ степени значительности торговлѣ внѣшней. Бѣльскіе мѣщане того времени вели довольно обширную торговлю съ Пинскомъ съ одной стороны, и съ Варшавой, Кенигсбергомъ, Данцигомъ и Эльбингомъ съ другой. Предметами вывоза служили: бѣльскій хмѣль, овчинные тулупы и „сукмяны“, особенный родъ верхней одежды изъ мѣстнаго сукна.

Но вотъ въ 1803 году, прусское правительство впервые разрѣшило Евреямъ безпрепятственно селиться въ городѣ Бѣльскѣ. И что же? Въ самое короткое время городъ при-

нялъ ту характерную еврейскую физіономію, которою отличаются вмѣстѣ съ еврейскими грязью и вонью, всѣ городишки западнаго края. Городъ Бѣльскъ представилъ собою для Евреевъ совершенно свѣжій и непочатой еще уголъ, и притомъ въ такую минуту когда нѣмецкая энергія значительно подняла его благосостояніе. Получивъ разрѣшеніе селиться въ Бѣльскѣ, Евреи внесли туда съ собою свой кагалъ, который негласно но твердо, сталъ что-называется всѣми легкими и нелегкими способствовать тому чтобы члены мѣстнаго еврейскаго общества удобно и выгодно для себя пріобрѣтали у христіанъ недвижимую собственность: тутъ дѣйствовали и купля и подкупъ, и продажа съ аукціона за долги и множество иныхъ темныхъ и хитроумныхъ способовъ, которые въ концѣ-концовъ привели къ тому что Евреи въ теченіе весьма немногихъ лѣтъ совершенно вытѣснили христіанъ изъ города на его окраины, овладѣли всѣмъ городскимъ центромъ, а съ нимъ, конечно, торговлей и ремеслами, предоставивъ Бѣльскимъ христіанскимъ мѣщанамъ только хлѣбопашество, къ которому Евреи считаютъ себя не способными и которое поэтому они презираютъ. Вмѣстѣ съ прибытіемъ Евреевъ, около полусотни шинковъ, въ которыхъ прежде вовсе не чувствовалось такой значительной потребности, тотчасъ же открылись на разныхъ улицахъ Бѣльска, и вся кабацкая торговля сразу перешла въ еврейскія руки. Болѣе половины еврейскаго населенія въ Бѣльскѣ занялось, какъ и по сей день занимается, перекупкой. На разсвѣтѣ въ базарные дни цѣлыми партіями выходятъ Евреи на дороги ведущія въ городъ, съ цѣлію перехватывать крестьянъ, везущихъ на базаръ свои сельскіе продукты. Съ помощью водки и обмана, Евреи перекупщики за безцѣнокъ овладѣваютъ крестьянскимъ товаромъ и уже сами препровождаютъ его на городской рынокъ, гдѣ сами же всѣмъ кагаломъ и установляютъ на него цѣны. Отъ этого при дешевомъ производствѣ въ окрестномъ краѣ, стоимость продуктовъ вседневнаго употребленія на Бѣльскомъ рынкѣ весьма высока. Все дѣло въ томъ что Евреи, забравъ въ свои руки какъ бы монополію мѣстной торговли, распоряжаются цѣнами по своему произволу. Это съ каждымъ годомъ все гибельнѣе отражается какъ на народномъ богатствѣ, такъ и на благосостояніи христіанскихъ мѣщанъ, ремесленниковъ, которые видя окончательную невозмож-

ность бороться съ прочно организованнымъ кагаломъ, все болѣе обращаются къ землепашеству, или же бѣдняютъ, разоряются и кончаютъ нищенствомъ. О той грязи и вони, которыя внесли съ собою Евреи въ чистенькій дотолѣ Бѣльскъ, мы уже и не говоримъ. Одно только что оставили Евреи на долю мѣстныхъ христіанскихъ обывателей, это разведеніе свиней. Бѣльскія свиньи пользуются большею извѣстностію, ихъ хорошо откармливаютъ и не безъ выгоды продаютъ осенью на базарахъ, гдѣ сбывается ихъ до тысячи головъ.

Переночевавъ въ плохомъ еврейскомъ „заѣздномъ домѣ“, который однако почитается здѣсь лучшимъ и потому носитъ даже названіе гостиницы, я на утро отправился осматривать кое-какія достопримѣчательности Бѣльска, случайно уцѣлѣвшія до нашего времени.

При заложеніи города, какъ мы уже сказали, вѣроятно Ярославомъ I, здѣсь былъ построенъ укрѣпленный за́мокъ. Одна изъ улицъ ведущихъ къ нему сохранила еще свое древнее имя и до сихъ поръ называется „За́мковою“. Однако въ наши дни она не совсѣмъ-то удобно ведетъ къ за́мку, или лучше сказать къ тому мѣсту гдѣ нѣкогда находился за́мокъ; оно представляется теперь небольшимъ возвышеннымъ бугромъ, или курганомъ, который у мѣстныхъ обывателей извѣстенъ болѣе подъ именемъ „Лысой горы“. Чтобы достичь до него, надо сначала перебраться чрезъ „перелазъ“, устроенный вѣроятно для предохраненія чьего-либо хозяйства отъ бродячихъ свиней и пасущагося скота; а потомъ слѣдуетъ взбираться на вершину холма по узенькой тропинкѣ. Валы бывшаго Бѣльскаго за́мка съ трехъ сторонъ довольны круты и поросли кустарникомъ и деревьями. Кустики сирени покрываютъ площадку этой „Лысой горы“, на которой стоитъ бѣлая каменная часовенька съ голубымъ куполомъ. Часовня эта построена на мѣстѣ алтаря бывшей „За́мковой церкви“ во имя Рождества Пречистыя Богородицы.

Въ древнія времена въ Бѣльскѣ было пять церквей православныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя существовали здѣсь еще съ XIII вѣка и даже ранѣе. При каждой церкви находилась богадѣльня, обезпеченная особымъ капиталомъ, а при церквахъ Михайловской, Богоявленской и Никольской (монастырской) существовали школы. Въ XVI столѣтіи всѣ Бѣльскія церкви были обращены въ унію, и обращеніе это совершилось посредствомъ насилій. Покровительство мѣстныхъ

католическихъ властей, при подстрекательствѣ католическаго духовенства, довело беззаконные поступки унитскихъ ставленниковъ до такой степени что даже большія дороги не были отъ нихъ безопасны; и понятно что унитскіе попы, чувствуя себя ренегатами, измѣнниками предъ людьми остававшимися въ лонѣ древняго православія, старались всячески изливать на нихъ свою злобу и мщеніе. Они срывали съ православныхъ священниковъ и монаховъ ихъ облаченія, отнимали кресты и потиры, выбрасывали на землю Св. Дары; при содѣйствіи ротъ „выборной пѣхоты“, отнимали силой православныя церкви, а этотъ родъ захватовъ не обходился безъ кровопролитія и убійствъ; въ городѣ было постоянное замѣшательство, смущеніе, бунтъ; остававшихся въ вѣрности православію преслѣдовали, тѣснили, выгоняли изъ города и лишали имущества и ложиткозъ. Королевскіе рескрипты и декреты въ пользу православія оставались мертвою буквой, помощи и нравственной поддержки не было ни откуда, и вотъ, древнее православіе, волей-неволей обратилось въ унію, и многіе ради собственнаго спокойствія и житейскихъ выгодъ перешли въ католичество. Это грустная и темная страница въ исторіи края, страница крови, горя и слезъ съ одной, и возмутительнѣйшихъ насилій и соблазновъ съ другой стороны... Мѣстный костелъ въ это время процвѣталъ и распространялъ свое давленіе на всю окрестную страну. Впрочемъ, ему легко было процвѣтать: въ то время какъ обираемыя и разоряемыя православныя церкви нищенствовали, Бѣльскому костелу предоставлены были громадныя выгоды, заключавшіяся въ корчемномъ городскомъ сборѣ; при самомъ костелѣ было нѣсколько корчемъ для продажи вина, доходъ съ которыхъ поступалъ въ пользу плебана.

Желая имѣть понятіе о Бѣльскихъ православныхъ церквахъ, я зашелъ въ ограду Пречистенской церкви и просилъ пономаря показать мнѣ ее. Церковь эта деревянная, очень древней постройки; колокольня, въ видѣ небольшой башни, стоитъ отдѣльно. До 1562 года Пречистенская церковь находилась въ за́мкѣ, гдѣ была воздвигнута княгиней Вассой Михайловной. Въ 1506 году король Александръ приказалъ перенести храмъ изъ за́мка, вмѣстѣ съ останками его строительницы, на болѣе удобное мѣсто. „Иножъ приказуемъ вашей милости“—писалъ онъ къ бѣльскому войту и подста-

ростѣ Шимбору:—„Тую церковь Матки Божіей Рождества ей, съ того за́мку перенесть на мѣсто годное, ижъ бо де съ наданія княгини Вассы Михайловой бабки нашое создана есть, гдѣ жъ бо и тѣло ей положено подъ Богородицею, которое съ богомоленіемъ перенести.“ Копія съ этого письма, написанная на пергаментѣ, хранится и теперь въ Пречистенской церкви, но признаки гроба княгини Вассы, похороненной вѣроятно подъ алтаремъ, въ настоящее время уже исчезли, разрушенные временемъ.

Въ алтарѣ мнѣ показали древнюю икону Богородицы, перенесенную изъ за́мка; подъ этою иконой и была погребена княгиня Васса. Изображеніе Богоматери писанное на липовой доскѣ, съ позолотой, носитъ характеръ византійскій въ контурахъ и западный въ исполненіи, а равно и во внѣшнихъ украшеніяхъ ризы. Впрочемъ, западный характеръ могъ быть приданъ уже во время уніи, при какой-нибудь реставраціи иконы, чему она, судя по нѣкоторымъ признакамъ, несомнѣнно подвергалась. Подъ этою иконой ломѣщается другая, Рождество Пресвятыя Богородицы, писанная на золотомъ же фонѣ, по которому выведены арабески. Въ этой послѣдней иконѣ характеръ письма уже вполнѣ византійскій, который сказывается какъ въ контурахъ каждой фигуры, такъ и въ исполненіи. Эта икона, несомнѣнно древняго происхожденія, какъ сказываютъ, послужила княгинѣ Вассѣ Михайловнѣ поводомъ къ тому чтобы во имя ея основать и церковь за́мковую. Она тоже подверглась реставраціи, потому что стала осыпаться, но реставрація произведена уже въ позднѣйшее время, при возстановленіи въ краѣ православія, и притомъ добросовѣстнымъ образомъ. Въ алтарѣ же находится и образъ Спасителя. Письмо этой послѣдней иконы можно признать одновременнымъ съ иконой Рождества Богородицы. Характеръ контуровъ и письма чисто византійскій, хотя ликъ вообще нѣсколько бѣлѣе противъ византійскаго стиля, что впрочемъ могло быть тоже послѣдствіемъ реставраціи. Примѣры этому находимъ мы иногда и въ церквахъ восточной Россіи, въ которыя реставрація живописи съ западнымъ характеромъ вторгалась во второй половинѣ XVIII и въ первой четверти нынѣшняго вѣка.

Иконостасъ въ Пречистенской церкви трехъярусный, сплошной, вплоть до потолка, совершенно въ такомъ родѣ какъ

встрѣчаемъ мы и теперь во многихъ церквахъ сѣверо-восточной Россіи. Къ сожалѣнію иконы въ ней очевидно подверглись замѣнѣ. Письмо ихъ хотя и древнее, но уже западнаго стиля и можетъ быть отнесено къ XVII вѣку.

Изъ Бѣльска выѣхали мы подъ вечеръ, въ половинѣ седьмаго, на Видово, Огородники, Раковичи, Осовку, слѣдуя въ село Ново-Березово. Погода была дивная. Мѣстность во все время пути представляла равнину съ невысокими волнообразными, широко и плавно расходящимися локатостями. Битая проселочная и удобная для движенія войскъ дорога идетъ по глинистому грунту. Недавно поставлены на ней и версты—плодъ заботливости бѣльскаго исправника Тимонова. Путь съ обѣихъ сторонъ обсаженъ молодыми ветлами, а отъ деревни Чижи (150 дворовъ) окопанъ канавами. Въ прежнее время дорога отъ Чижей до Ново-Березова была осѣнена рослыми и раскидистыми ивами, но въ послѣдніе годы онѣ посохли и потому выворочены съ корнями и уничтожены. За Чижами сохранились только по краямъ пути три, четыре старыхъ дерева. Почва суглиниста, и что̀ значитъ хорошее лѣто! Я просто изумлялся, глядя на рожь, овесъ и въ особенности на пшеницу. Послѣдняя была замѣчательно хороша на земляхъ принадлежащихъ деревнѣ Кривой. Подводчикъ нашъ сказывалъ мнѣ что „Кривые мужики“, благодаря землѣ своей, постоянно дающей добрый урожай, очень богаты, „гораздо богатѣйшъ за иного помѣщика“. Они не свозятъ избытокъ своего хлѣба въ Бѣльскъ, зная что тамъ одолѣютъ ихъ Евреи-перекупщики, а везутъ его въ Бѣлостокъ, въ надеждѣ на Нѣмцевъ-фабрикантовъ и промышленниковъ, которые по крайней мѣрѣ „даютъ цѣну“ и расплачиваются честно, „безъ ашуканья“, то-есть безъ обману. Въ Бѣлостокѣ „Кривые мужики“ продаютъ двухпудовую мѣру пшеницы отъ 3 до 4 рублей, а рожь отъ рубля пятидесяти колѣекъ до двухъ рублей. „А вотъ мы, жаловался подводчикъ, поглядь, и рядомъ съ Кривыми живемъ, а усё бѣдные, гля тово што у насъ безъ гною (навозу) ничего не уродится, да и грунтъ усё больш̀ болотысько, и таке болотысько проклятэ, што инъ день и скотъ у ёмъ тонетъ. Гля тово и деревня ще й отъ прадѣду зовется „Голоды“.

Вообще, по пути отъ Бѣльска къ Бѣловѣжской Пущѣ, и особенно по правую (южную) сторону дороги, благосостояніе

крестьянъ весьма замѣтно: избы прочныя, курныхъ хатъ нѣтъ вовсе, „господарства“ (хозяйства) по деревнямъ разселены просторно, и поселенія большею частію все людныя, отъ 30 до 150 и болѣе дворовъ. Народъ здѣсь глядитъ здорово и весело и, повидимому, очень благочестивъ. Почти у каждаго хозяина предъ выходящимъ на улицу фасадомъ хаты или садика стоитъ высокій деревянный крестъ съ желѣзнымъ пѣтушкомъ либо съ крестикомъ на самомъ верху и съ текстомъ изъ Писанія, а не то изъ какой-нибудь молитвы, начертаннымъ вдоль продольнаго бруса. Тексты всегда врѣзаны въ дерево, или выдолблены долотомъ и всѣ по-русски, то-есть по-славянски, но русскими гражданскими литерами. При дорогахъ и по полямъ разсѣяно также много крестовъ, но ни на одномъ изъ нихъ не замѣтилъ я польскаго или латинскаго текста; позднѣйшіе изъ крестовъ, по времени своей постановки, относятся къ 1862 году. При деревняхъ у околицъ кромѣ крестовъ стоятъ и часовенки, „каплйчки“, часто осѣненныя тополями. Мѣстами въ виду дороги и по преимуществу въ окрестностяхъ Бѣльска видны богатыя залежи торфа, которыя однако разрабатываются весьма мало и потому до времени представляютъ собою мертвый капиталъ; но нѣтъ сомнѣнія что въ будущемъ, когда у насъ будетъ обращено болѣе вниманія на сбереженіе лѣсовъ, эти изобильныя торфяныя залежи представятъ собою мѣстному населенію хорошій матеріалъ для разработки и не только въ смыслѣ удовлетворенія повседневнымъ нуждамъ собственнаго обихода, но и какъ одинъ изъ источниковъ народнаго богатства, ибо при развитіи фабричной и заводской промышленности въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ и при количествѣ дровъ поглощаемыхъ желѣзными дорогами, въ прилежащихъ мѣстностяхъ уже и теперь начинаетъ ощущаться потребность въ хорошемъ и дешевомъ топливѣ.

Еще за восемнадцать верстъ до Бѣловѣжской Пущи она становится уже видна.

— Ось, бачите, панòчку, аттò вонò! обратился ко мнѣ подводчикъ, указавъ кнутикомъ впередъ.

Я кинулъ взглядъ въ пространство предъ собою, и въ розовато-вечерѣющемъ воздухѣ увидѣлъ на горизонтѣ какую-то темно-сизую полосу, которая длинною, равною лентой широко протянулась по чертѣ земли отъ края до края неба и теперь невидимо для глаза терялась съ обоихъ концовъ гдѣ-то тамъ въ безконечности...

Такъ вотъ она, эта знаменитая Пуща Бѣловѣжская, этотъ единственный уцѣлѣвшій въ Европѣ остатокъ лѣсовъ первобытныхъ! Признаюсь, первое впечатлѣніе которое произвелъ на меня видъ этой безконечной темной полосы на горизонтѣ заключало въ себѣ нѣчто грандіозное. Быть-можетъ причиной тому было сознаніе что это именно Бѣловѣжская Пуща, которая давно уже манила меня къ ближайшему знакомству съ нею, ради своей первобытной природы и историческихъ воспоминаній.

Эта темно-сизая полоса Пущи, съ каждою верстой становясь все отчетливѣе, оставалась въ виду у насъ до самаго Ново-Березова, куда пріѣхали мы въ девятомъ часу вечера. Пуща, озаренная золотисто-розовымъ свѣтомъ заходящаго солнца, какъ стѣна стояла за поляной въ четырехъ верстахъ разстоянія отъ Ново-Березова. Прямо предъ глазами, подъ самымъ лѣсомъ, виднѣлись строенія Гайловки, мѣстопребываніе лѣсничаго III участка, а лѣвѣе, тоже подъ Пущей, искрился на солнцѣ крестъ и золотились бѣлыя стѣны новой церкви въ селеніи Дубины.

Въ Ново-Березовѣ находится волостное правленіе и сельская школа. Волостной писарь, очень радушный русскій человѣкъ, предложилъ мнѣ ночлегъ у себя и угостилъ чаемъ и ужиномъ. Мы помѣстились на крылечкѣ волостнаго правленія, откуда открывался широкій видъ на Пущу, и занялись чаемъ. Вскорѣ пришелъ сюда извѣщенный о нашемъ пріѣздѣ мѣстный священникъ, отецъ Іуліанъ Квочковскій, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ. Мы отрекомендовались другъ другу, и я тѣмъ болѣе радъ былъ этому случаю что еще въ Бѣльскѣ слышалъ объ отцѣ Іуліанѣ какъ о человѣкѣ хорошо знающемъ мѣстный край и условія его жизни. И дѣйствительно, его разказамъ обязанъ я многими свѣдѣніями которыя встрѣтитъ читатель на страницахъ этого очерка. Между прочимъ, узналъ я что открытыя мѣстности прилегающія къ Пущѣ со стороны Бѣльскаго (пограничнаго съ нею) уѣзда каждое лѣто страдаютъ отъ грозъ, которыя здѣсь вообще весьма сильны и опасны. Избытокъ влажныхъ испареній выдѣляемыхъ громадными лѣсами скопляется въ воздухѣ и въ жаркую пору разрѣшается сильными грозами именно на прилежащихъ открытыхъ равнинахъ, отчего нерѣдко происходятъ въ окрестныхъ деревняхъ значительные пожары. Такъ напримѣръ, въ вечернюю грозу

бывшую въ началѣ мая 1872 года загорѣлось отъ громовыхъ ударовъ по окрестности въ трехъ мѣстахъ, и въ селѣ Дубины сгорѣло девять хлѣбныхъ амбаровъ. Между прочимъ, былъ и такой любопытный случай: у одного крестьянина скирда хлѣба стояла вплоть съ одною изъ стѣнъ его хаты. Молнія ударила какъ разъ въ эту скирду, которая, конечно, тотчасъ же и загорѣлась. Сбѣжался народъ, но никто не рѣшился тушить пожаръ, потому что здѣсь почиталось грѣхомъ тушить огонь посланный съ небеси, т.-е. отъ Бога; если же Богъ посылаетъ на кого-либо Свой огонь, то по убѣжденію крестьянъ это является не иначе какъ въ наказаніе за грѣхи, которымъ онъ служитъ очищеніемъ и искупительною карой. Такимъ образомъ, тушить пожаръ происшедшій отъ „Божьей стрѣлы“ значитъ идти противъ Божьей воли, совершать новый и притомъ сознательный тяжкій грѣхъ. Сбѣжавшійся народъ стоялъ въ бездѣйствіи и только крестился. Между тѣмъ несчастному крестьянину грозило окончательное разореніе. Онъ въ слезахъ обратился къ сосѣдямъ съ мольбой о помощи. „Не можно, грѣхъ!“ отвѣчали ему сосѣди. „Та ничóго! нашелся одинъ изъ стариковъ: — и батюшка у церквы казавъ що можно, що нэ грѣхъ свого добра спасаты,—я самъ своима ушмы чуяу, якъ винъ казау тое!“—„Ну, якъ казау, то давайте спасаты, порѣшили крестьяне: — бо тогда вже на его души грѣхъ будэ!“ Этотъ аргументъ убѣдилъ нѣкоторыхъ въ возможности противодѣйствовать пожару, и они кинулись помогать несчастному сосѣду, стали тушить скирду, обливать водой соломенную кровлю хаты. И что̀ же! Скирда сгорѣла до основанія, а хата осталась цѣлёшенька. Собрались послѣ этого „грѣховоды“ и пошли къ священнику справляться „чи нэ грѣхъ ли вэлыкій зробыли воны?“ Отецъ Іуліанъ убѣдилъ что не только не грѣхъ, но истинно христіанское доброе дѣло. „И съ прауди!“ (точно, правда) порѣшили крестьяне: „бо якъ бы грѣхъ, то огонь не мусялъ бымъ потухаты, а усю дэрэвню попалиу бы— туши не туши, а попалиу бы, а то, глядь, и хата уцѣлила!“

Съ тѣхъ поръ окрестные крестьяне уже не затрудняются тушить грозовые пожары, и такимъ образомъ этотъ отдѣльный случай удачно способствовалъ къ уничтоженію одного лишняго предразсудка въ краѣ.

Нѣмцы, которыми здѣсь, какъ говорится, и не пахнетъ, тѣмъ не менѣе оставили кое-гдѣ свои прочные слѣды въ

сельскихъ постройкахъ. Если гдѣ по деревнямъ и фольваркамъ встрѣчаются каменные дома, сараи и тому подобное, то народъ говоритъ что „гэто ще одъ Нѣмцóу зосталося“. Въ деревнѣ Лосинкѣ есть одинъ каменный домикъ и деревянная клуня, то-есть сарай для складыванія сѣна.* Послѣдняя строена еще въ 1797 году однимъ нѣмецкимъ колонистомъ; но и понынѣ она такъ прочна и крѣпка что въ будущемъ смѣло простоитъ еще лѣтъ до восьмидесяти.

На слѣдующій день приходилось воскресенье, и мы отправились къ обѣднѣ. Церковь въ Ново-Березовѣ деревянная и очень старая. Въ послѣдній разъ была она реставрирована уже болѣе ста лѣтъ назадъ, въ 1771 году; метрики же ея восходятъ до 1729 года. Въ ризницѣ хранится нѣсколько богатыхъ ризъ, замѣчательныхъ по изящному рисунку ткани, онѣ вполнѣ были бы достойны вниманія художника-археолога: въ нихъ онъ нашелъ бы давно позабытые и потому *новые* мотивы для воспроизведенія очень изящнаго стиля. Тутъ же хранится и рукописное Евангеліе, писанное полууставомъ, съ киноварью и изображеніемъ четырехъ Евангелистовъ. Въ прежніе годы иконостасъ Ново-Березовской церкви, какъ и Бѣльской Пречистенской, былъ сплошной до потолка и тоже трехъярусный. Живопись на немъ полувизантійскаго характера, на золотомъ фонѣ съ арабесками. Въ послѣдствіи унія внесла въ Ново-Березовскій храмъ свой римскій характеръ, придѣлала хоры, поставила боковые открытые алтари съ гирляндами и измѣнила иконостасъ. Но старые иконостасные образа съ ихъ живописью, по счастію, сохранились. Они и по сей день висятъ въ алтарѣ по стѣнамъ. На верхнемъ ярусѣ этихъ образовъ изображены апостолы, на нижнемъ — пророки. Внѣшняя архитектура церкви не отличается никакимъ стилемъ: это просто четыреугольный продолговатый срубъ съ довольно высокою деревянною кровлей, на которой съ передней стороны торчитъ желѣзный покосившійся крестикъ, а надъ алтаремъ нѣчто въ родѣ купола, или скорѣе деревянная башенка, тоже съ желѣзнымъ крестикомъ. И это замѣчательно: полонизмъ, воздвигая по краю гдѣ только могъ свои пышные каменные костелы, обрекалъ на убожество и невзрачность не только православный, скуд-

* Сѣнные сараи называются здѣсь также „луня“ (измѣненное „клуня“) и „адрина“.

ныя числомъ, но даже и унитскія церкви. * Отецъ Іуліанъ сказывалъ впрочемъ что въ скоромъ времени предполагается начать въ Ново-Березовѣ постройку каменнаго храма, и тогда—если обстоятельства поблагопріятствуютъ — онъ намѣренъ остатки древняго иконостаса принести въ даръ Петербургскому Музею Христіанскихъ Древностей, или же Виленскому Музею, какъ памятникъ и свидѣтельство древняго православія въ краѣ и какъ образецъ древняго живописнаго искусства.

Въ этой бѣдной сельской церкви мы были неожиданно удивлены, услышавъ необыкновенно стройное, согласное пѣніе цѣлаго хора, который прекрасно исполнялъ нѣкоторые нумера музыки Бартнянскаго и Львова. Оказалось что отецъ Іуліанъ собственными стараніями сформировалъ изъ мѣстныхъ прихожанъ и учениковъ сельской школы хоръ въ тридцать человѣкъ, тщательно занялся его обученіемъ, подборомъ и обработкой голосовъ, и все это безо всякихъ особыхъ средствъ и приспособленій; обучаетъ онъ просто съ голоса, у себя на дому, подъ звуки стараго фортепіано, но тѣмъ изумительнѣе результаты которыхъ удалось ему достичь. Послѣ обѣдни онъ пригласилъ весь свой хоръ къ себѣ на домъ къ воскресной закускѣ, и здѣсь, послѣ завтрака, было при мнѣ исполнено нѣсколько концертныхъ духовныхъ партій, а также нѣсколько великорусскихъ и мѣстныхъ народныхъ пѣсенъ; послѣднія мнѣ впервые еще доводилось слышать въ хоровомъ исполненіи, что̀ придаетъ имъ свою оригинальную прелесть. Но какъ въ заключеніе спѣли они Глинкинское *Славься* изъ *Жизни за Царя*—просто на славу!

Благодаря содѣйствію отца Іуліана, мнѣ удалось записать нѣсколько мѣстныхъ народныхъ пѣсенъ, которыя поются тоже и въ Бѣловѣжской Пущѣ. Надѣюсь читатель не посѣтуетъ если я предложу ему познакомиться съ своеобразнымъ стихосложеніемъ и языкомъ этой народной поэзіи.

Вотъ напримѣръ, пѣсня матери о сынѣ уходящемъ въ солдаты:

---

* Во время іезуитскихъ гоненій остались вѣрны православію во всей странѣ составляющей нынѣшнюю Гродненскую губернію только три церкви: Заблудовская (въ мѣстечкѣ Заблудовѣ, Бѣлостокскаго уѣзда), Свято-Троицкая (въ Бѣльскѣ) и Дрогичинская.

Подъ похилымъ * деревомъ
Мати сына родила.
— Какъ я его родила,
То всю ночку сходила; **
Какъ его годовала ***
Много нужды пріймала,
А теперъ-ка въ полкъ отдаю
И съ печали всилѣваю. ****
— Мати-жъ моя родима,
Исправь же мнѣ три трубѣ, †
А всѣ три золотыя,
А четверту мѣдную.
Я въ первую заграю
Коника сѣдлаючи,
А въ другую заграю
На коника садучи,
А въ третью заграю
Съ двору выѣзжаючи,
Въ четвертую заграю
До полка пристаючи.

Вотъ пѣсня съ нѣсколько юмористическимъ характеромъ:

Ужь какъ грибъ-боровикъ
Надъ всѣмъ грибомъ полковникъ,
Онъ подъ дубомъ стоючи,
На всѣ грибы глядючи,
Приказавъ, повелѣвъ
Рыжичкамъ на войну идти.
Отказались рыжички,
Говорятъ: мы мужички,
Мы не можемъ на войну идти.

За симъ возвращеніе къ началу: „ужь какъ грибъ-боровикъ“, и далѣе,—„Волнушкамъ на войну идти.“

Одказалися волнушки,
Бо, говорятъ, мы старушки;
Одказались мухоморы,
Говорятъ: мы сенаторы.

---

* Похилый—склоненный, понурый; въ данномъ случаѣ то же что подъ плакучимъ деревомъ.

** Исходила.

*** Кормила.

**** Млѣю, изнываю.

† Справь, сдѣлай три трубы.

Наконецъ, доходитъ очередь до груздей. Эти соглашаются охотно:

Ну-ка, братья груздья,
Возьмемте-ка ружья,
Станемъ же мы дружко!
Пали!

А вотъ, наконецъ, пѣсня и съ политическимъ оттѣнкомъ, сложившаяся въ народѣ во время возстанія 1863 года:

Взбунтовались польски пàны,
Стàра шляхта оборвàна.
Ай ли люли, ай ли люли, ай ли люсиньки мои! *
Кресты, дзвоны ** поснимали,
Себѣ пушки выливали,
Подъ Бялòвѣжъ подступили
И картòшекъ наскоблили,
И картошки готовàли ***
Да й ходили воевали.
Какъ задали Русски пыли
Всѣ кокарды къ чорту сбили!
„Мòе братье кохаёнце,
Яки пули ихъ горòнцы! ****
Якъ свиснэла коло уха,
Лéдве втршѝмалъ † своéго духа!
Пся-кревъ юха ты Москàли
Вшистку Польску позабрàли.
Дѣти моѐ, ахъ вы, дѣти,
Уцѣкайте гдѣ вы хцете, †*
Уцѣкайте въ кàжде стрòнэ,
Кто до дѣти, кто до жоны!
Нѣма грòху †**, нѣма й хлѣба,
Вѐнцый вудки не потршѐба!“ †***

Въ самой Пущѣ начало этой пѣсни варьируется еще и такъ:

Збунтовалися Поляки
За хунтъ †**** хлѣба и табàки.

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.
** Колокола церковные.
*** Приготовляли, стряпали.
**** Мои милые братцы, какія пули у нихъ горячія.
† Едва удержалъ.
†* Удирайте куда хотите.
†** Гороху.
†*** Даже и водки не надо больше.
†**** Фунтъ.

А западнѣе, около мѣстечка Семятичъ, добавляютъ еще двѣ строки про „Москалей“:

Подъ Семятичъ подступили
Увесь городъ окружили,

и потомъ уже переходятъ къ воплю отчаянія Поляковъ: „Дѣти мое, ахъ вы, дѣти!“ Эту пѣсню, какъ сказывалъ мнѣ отецъ Іуліанъ, поютъ даже и Мазуры, на границѣ Польши, въ Алексинской волости, и очень любятъ дразнить ею тѣхъ кто желаютъ признавать себя Поляками.

Въ вѣдѣніи отца Іуліана находится мѣстная школа, съ пятью отдѣленіями оной по ближайшимъ окрестнымъ деревнямъ. Собственно въ Ново-Березовской школѣ въ 1872 году училось 70 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ, а съ пятью отдѣленіями всего до трехсотъ мальчиковъ и пятидесяти дѣвочекъ. Учительскую дѣятельность свою ведетъ отецъ Іуліанъ съ 1864 года, обучая Закону Божію, русской и церковно-славянской грамотѣ, письму, грамматикѣ, ариѳметикѣ, чистописанію, краткимъ началамъ географіи и исторіи, а также и пѣнію. Благая дѣятельность его на пользу народнаго просвѣщенія, въ чисто русскомъ духѣ, уже успѣла принести свои добрые плоды. Ново-Березовскіе крестьяне не безъ гордости показывали мнѣ четырнадцатилѣтняго мальчика, сына одного изъ своихъ односельчанъ, пріѣхавшаго къ отцу на каникулы. Этотъ мальчикъ, по имени Иванъ Алексѣевъ Ильяшукъ, изъ школы отца Іуліана поступилъ на иждивеніи Ново - Березовскаго сельскаго общества, въ Бѣлостокскую гимназію, и въ экзамены 1872 года перешелъ уже въ 4й классъ вторымъ ученикомъ. Другой изъ мѣстныхъ учениковъ того же отца Іуліана, Александръ Лаврентіевичъ Бирилко, прошелъ Бѣльское двуклассное училище, а потомъ Гродненское таксаторское училище, гдѣ окончилъ курсъ первымъ ученикомъ, получилъ награду и въ 1872 году состоялъ на государственной службѣ таксаторомъ при Бѣлостоцко-Сокольскомъ мировомъ съѣздѣ, получая 600 р. жалованья. Но и кромѣ этихъ двухъ выдающихся примѣровъ, уже много дѣльныхъ, трезвыхъ и грамотныхъ молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ существуетъ теперь въ окрестномъ краѣ, благодаря дѣятельности отца Іуліана. И это вѣдь дѣятельность скромная, тихая, ни гдѣ и никому о себѣ не кричащая, а между тѣмъ сколько добра и насущной пользы!.

При въѣздѣ въ село съ сѣверной стороны стоитъ красивенькая каменная часовня, постройка которой обошлась мѣстному сельскому обществу въ 700 рублей. Она воздвигнута въ память счастливаго избавленія Государя Императора отъ выстрѣла Поляка Березовскаго въ Парижѣ, 25 мая 1867. На этомъ самомъ мѣстѣ стояла дотолѣ деревянная каплица, остававшаяся еще отъ временъ унитскихъ. Въ ней издавна ломѣщались польско-католическіе образа, висѣла на стѣнѣ за стекломъ какая-то папская булла и портретъ какого-то папы, тоже за стекломъ и въ рамѣ. Этой буллѣ и въ особенности этому портрету поклонялись въ невѣдѣніи своемъ мѣстные православные крестьяне, почитая въ нихъ, по преданію отъ унитскаго причта, нѣчто особенно священное. Кѣмъ были внесены и поставлены сюда эти предметы—неизвѣстно, но предполагалось что убрать ихъ отсюда безъ какой-либо особенной причины было бы неудобно, именно потому что народъ не разсуждая мнилъ въ нихъ святыню; а Поляки межъ тѣмъ, указывая на буллу и портретъ, пользовались ими какъ аргументомъ въ пользу будто бы католическихъ симпатій мѣстнаго населенія. „Посмотрите, говорили они:—хоть и православные, а вотъ все же симпатіи ихъ тянутъ къ намъ, на католическую, на польскую сторону!“ Отецъ Іуліанъ лучше чѣмъ кто-либо сознавалъ всю несостоятельность этого аргумента, но до времени, нечего дѣлать, приходилось терпѣть его. Наконецъ, въ 1867 году, послѣ парижскаго выстрѣла, когда крестьяне всѣмъ обществомъ пожелали на собственныя доброхотныя средства поставить часовню въ память этого событія, отецъ Іуліанъ убѣдилъ ихъ сдѣлать это сооруженіе на мѣстѣ старой капилицы, и тогда уже совершенно безпрепятственно были имъ вынесены изъ нея всѣ неподобающіе польскіе орнаменты съ буллой и портретомъ, исчезновеніе которыхъ, при новой, совершенно православной обстановкѣ часовни, не вызвало въ средѣ крестьянъ ни малѣйшаго ропота и сомнѣній, да даже и вниманія-то на это они не обратили. Вотъ наглядное доказательство противъ тѣхъ кто говоритъ въ пользу оставленія въ возсоединенныхъ церквахъ латино-польскихъ аттрибутовъ, подъ предлогомъ будто уничтоженіе ихъ можетъ подавать поводъ къ смущенію и ропоту въ народѣ. Смущеніе и ропотъ здѣсь можетъ быть никакъ не со стороны народа, а развѣ только со стороны Поляковъ, которые, на

основаніи этихъ самыхъ аттрибутовъ, силятся доказывать намъ и въ особенности заѣзжимъ иностранцамъ quasi-католическія тенденціи и польскія симпатіи западно-русскаго народа.

Въ доказательство того же можно привести еще и слѣдующій фактъ: съ каждою весной въ здѣшнихъ окрестностяхъ появляются такъ-называемые *олейники*, т.-е. захожіе, бродячіе Венгерцы, которые разносятъ по краю въ своихъ коробкахъ разныя будто бы цѣлебныя снадобья—*олеи* (масла). Эти олейники—большой руки плуты и шарлатаны—принимаютъ на себя роль лѣкарей, знахарей, колдуновъ и „шептуновъ", выманиваютъ у крестьянъ деньги и, благодаря своимъ знахарскимъ нашептываніямъ, не мало-таки развиваютъ и поддерживаютъ въ крестьянской средѣ разныя суевѣрія. Кромѣ своихъ снадобій, олейники разносятъ еще для продажи и образа католическо-нѣмецкаго и польскаго пошиба, изъ которыхъ первыми запасаются изъ Вѣны и Пешта, а послѣдними въ Галиціи и преимущественно въ Краковѣ. Здѣшній православный народъ, за неимѣніемъ чего-либо болѣе подходящаго въ этомъ отношеніи, покупалъ и по неволѣ довольствовался чуждыми ему католическими изображеніями. Но вотъ, послѣ 1863 года, стали разъѣзжать по краю съ русскимъ иконописнымъ и книжнымъ товаромъ, а также и съ русскими картинками наши калужскіе мужики, и мѣстные крестьяне съ тѣхъ поръ почти уже исключительно отъ нихъ, а не отъ олейниковъ пріобрѣтаютъ себѣ образа и молитвенники. И замѣчательно что калужскіе торговцы появились здѣсь безо всякаго побужденія со стороны какихъ-либо властей, а просто такъ, по собственному своему почину, и доселѣ еще не имѣютъ причины жаловаться на неуспѣхъ своей торговли. Стало-быть, въ религіозномъ отношеніи въ здѣшнихъ крестьянахъ вовсе нѣтъ никакихъ особенныхъ латино-польскихъ стремленій, а замѣчается напротивъ какое-то инстинктивное стремленіе къ своему чисто-русскому, православному началу. Политическое же отношеніе ихъ къ „польщизнѣ" лучше всего выражается въ приведенной нами весьма популярной пѣснѣ о взбунтовавшихся Полякахъ. Древнерусскій край,—Русскій, еще отъ стародавнихъ временъ Ярослава I, его устроителя и культатора,—въ корнѣ своемъ, т.-е. въ простомъ народѣ, остается все-таки русскимъ, несмотря на

многовѣковое пребываніе свое подъ польскимъ игомъ, со всѣми его уніями, іезуитами и шляхтой. Достаточно уже однѣхъ лѣсенъ, хотя бы и тѣхъ которыя приведены нами, чтобъ убѣдиться самымъ наглядным образомъ что языкъ Подлясянъ, несмотря на ихъ ближайшее сосѣдство и, сталобыть, соприкосновеніе съ Польшей, т.-е. съ Мазурами, все-таки гораздо ближе къ *чистому* русскому языку, чѣмъ даже языкъ Черноруссовъ, населяющихъ уѣзды: Гродненскій, Волковысскій, Слонимскій и сѣверную часть Пружанскаго, по крайней мѣрѣ онъ отличается отъ чисто-русскаго языка гораздо меньшими особенностями чѣмъ нарѣчіе Черноруссское, составляющее одинъ изъ подговоровъ нарѣчія бѣлорусскаго. На Подлясьи, и именно въ мѣстностяхъ прилежащихъ къ Бѣловѣжской Пущѣ, рѣдко употребляется звукъ *ў* (короткое *у*, нѣчто среднее между *у* и *в*); здѣсь не говорятъ, какъ въ Черноруссьи, напримѣръ, *ўзяў, ўбиў, праўда*, а выговаривютъ: *взявъ, убивъ, правда;* слова *дзіця, дзіѣдзъ, дзень* выговариваются совершенно правильно по-русски: *дитя, дѣдъ, день*. Одинъ только звукъ *г* всегда и во всѣхъ случаяхъ произносится какъ латинское *h*. Подлясскій подговоръ въ окрестностяхъ Пущи, по формамъ своимъ, составляетъ нѣчто среднее между языкомъ чисто-русскимъ, подгóворомъ Черноруссовъ и нарѣчіемъ Полѣшуковъ. Послѣдніе населяютъ Бѣловѣжскую Пущу и говорятъ почти на чистомъ малороссійскомъ нарѣчіи, приближаясь къ волынскому складу онаго. Но вотъ одна оригинальная особенность которая замѣчается въ языкѣ мѣстныхъ крестьянъ, именно въ Чижевскомъ и Ново-Березовскомъ приходахъ: вмѣсто *и*, союза соединительнаго, они говорятъ *ке*,—какъ будто это *ке* занеслось къ нимъ какими-то судьбами изъ языка греческаго. Эта форма, надо замѣтить, употребляется исключительно тамъ гдѣ союзъ *и* служитъ для соединенія именъ существительныхъ и личныхъ: *Романъ ке Василь, Иванъ ке Марья, обмый стулъ ке лаву.* * Откуда взялось у нихъ это *ке*, и притомъ ограниченное въ употребленіи своемъ областью только двухъ смежныхъ приходовъ, я ужь не знаю и рѣшать не берусь.

Часу въ пятомъ пополудни мы поѣхали вмѣстѣ съ отцомъ Іуліаномъ въ сосѣднее село Дубины, которое лежитъ

* Вымой столъ и скамейку.

уже подъ самою Пущей, въ разстояніи отъ нея не болѣе какъ саженъ на двѣсти. Въ этомъ небольшомъ селеніи только-что была отстроена каменная церковь, въ которой иконостасъ весьма замѣчателенъ по своему изяществу. Онъ весь сдѣланъ въ русскомъ стилѣ изъ рѣзнаго стараго дуба, безъ малѣйшей позолоты, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было металлическихъ украшеній: ничего яркаго, ничего роскошнаго, кидающагося въ глаза; одна только искусная, изящная рѣзьба по темному дубу. Въ сквозные прорѣзы орнаментовъ, по верхнему карнизу и въ царскихъ вратахъ, вставлены разноцвѣтныя, очень гармонически подобранныя стекла, а это при вечерней службѣ, когда изъ алтаря просвѣчиваютъ въ стекла огни лампадъ и свѣчей, придаетъ всему иконостасу особенный, своеобразный эффектъ. И вообще вся идея этого иконостаса представляетъ необыкновенно удачное сочетаніе строгости и простоты стиля, исполненное чисто христіанскаго вдохновенія. Старый дубъ, послужившій какъ для иконостаса, такъ и вообще для всѣхъ подѣлокъ въ Дубининской церкви, былъ пожертвованъ Бѣловѣжскою Пущей. Я невольно залюбовался на это изящное произведеніе чисто русскаго искусства, исполненное вдобавокъ какимъ-то простымъ, безвѣстнымъ рѣзчикомъ изъ захожихъ русскихъ людей и чуть ли не крестьяниномъ-самоучкой. И гдѣ же, подумаешь, скрывается такая прелесть?!... Въ какихъ-то Дубинахъ, гдѣ-то въ безвѣстной глуши, на рубежѣ Бѣловѣжской Пущи...

Послѣ осмотра Дубининскаго храма, настоятель его отецъ Базилевскій вмѣстѣ съ отцомъ Іуліаномъ предложили мнѣ проѣхаться съ ними въ Пущу чтобы напиться на воздухѣ чаю; мѣстомъ поѣздки было избрано урочище Мѣдня. Въ этотъ день мнѣ предстояло еще сдѣлать болѣе двадцати верстъ до мѣста моего ночлега, села Бѣловѣжа, куда хотѣлось добраться еще засвѣтло. Поэтому не теряя времени, мы черезъ четверть часа отправились къ мѣсту нашего импровизованнаго чаепитія.

Солнце уже склонялось къ западу, но день все еще былъ томительно, удушливо жарокъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже въѣхали въ Пущу. Замѣчательно что со стороны Бѣльскаго уѣзда Бѣловѣжская Пуща вовсе не имѣетъ опушки: она прямо и сразу надвигается на васъ высокою стѣной своихъ вѣковыхъ, могучихъ великановъ. И что̀ это за отрадное

ощущеніе! Вотъ только сію минуту васъ еще обливали палящіе лучи солнца, отъ которыхъ вы не знали куда дѣваться; голова и грудь, и все тѣло еще мгновенье назадъ изнывали тоскливо въ духотѣ недвижимаго распареннаго воздуха, а тутъ, едва лишь переѣхали вы гранъ, едва вступили подъ роскошный тѣнистый навѣсъ лущенскихъ деревьевъ, какъ вдругъ всего обвѣяло живительною прохладой, слегка потянуло лѣсною сыростью, ароматомъ сосенъ, запахомъ грибовъ и свѣжей сочной лѣсной травы. Въ одно мновенье и такая разительная перемѣна, которая и тебя самого словно бы перерождаетъ, освѣжаетъ, бодритъ и духъ твой, и тѣло!

Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа мы уже были въ Мѣднѣ. Здѣсь, среди роскошнаго и густаго, высокаго лѣса, на небольшой расчищенной полянкѣ одиноко стоитъ убогая деревянная церковка, во имя семи мучениковъ Маккавеевъ. Вправо отъ нея, пройдя по бревенчатой и дощатой настилкѣ, проложенной по болоту, находится родникъ прекрасной холодной воды, которая славится по окрестности своими цѣлебными свойствами. Родникъ окруженъ нѣсколькими деревянными крестами и огороженъ небольшимъ срубомъ, надъ которымъ на четырехъ столбахъ утверждена крыша съ крестомъ на верху. Тутъ же, по обыкновенію, и ветхій образъ. Мѣстные крестьяне очень чтутъ этотъ источникъ, вода котораго помогаетъ въ грудныхъ и глазныхъ болѣзняхъ. Я не могъ не обратить вниманія на то что вокругъ этого родника, на вѣтвяхъ и сучьяхъ всѣхъ ближайшихъ кустовъ развѣшано множество полотняныхъ тряпицъ, платковъ и пестрыхъ лоскутковъ. Оказалось что это мѣстные крестьяне, страдающіе глазными болѣзнями, приходятъ сюда со своими тряпицами, которыя намачиваютъ въ родниковой водѣ и промываютъ ими себѣ глаза, а потомъ оставляютъ ихъ тутъ же на вѣтвяхъ, какъ бы въ жертву или въ благодарность за исцѣленіе. Кресты окружающіе родникъ поставляются также крестьянами и тоже въ память исцѣленій. Отецъ Базилевскій сказывалъ мнѣ что въ 1848 году, во время Венгерской кампаніи, когда въ здѣшнихъ мѣстахъ стоялъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, то одинъ капитанъ, фамилію котораго онъ теперь уже не упомнитъ, у котораго врачи находили начало бугорчатой чахотки, обратился по совѣту крестьянъ къ пользованію водой Мѣдницкаго родника и, къ

несказанному удивленію врачей, получилъ исцѣленіе. Въ 1831 году правительство обратило было вниманіе на цѣлебныя свойства этого источника и прислало для изслѣдованія его цѣлую спеціальную коммиссію, которая нашла въ родникѣ присутствіе желѣза и сѣры, и уже намѣревалась открыть здѣсь лѣчебное заведеніе, на устройство котораго требовалось, по ея смѣтѣ, только 500 рублей; но дѣло это почему-то затормозилось, встрѣтило какія-то препятствія и съ тѣхъ поръ кануло въ Лету.

Лѣсная церковка принадлежитъ Дубининскому приходу, но богослуженіе въ ней совершается только одинъ разъ въ годъ, 1го августа, въ день храмоваго праздника, причемъ изъ нея совершается крестный ходъ къ цѣлебному источнику. Какъ внѣшность, такъ и внутренняя обстановка этой церковки очень и очень бѣдна, но за то въ ней самой, въ этомъ одинокомъ расположеніи ея среди пустыннаго лѣса, въ этомъ родникѣ съ его лоскутками, и во всей окружающей ее природѣ есть какая-то тихая и грустная поэтическая прелесть—прелесть святой пустыни. Построена она въ 1848 году, послѣ многихъ подпольныхъ каверзъ со стороны ксендзовъ и препятствій отъ мѣстной администраціи, которымъ было не по нутру сооруженіе именно здѣсь православной церкви. Ксендзамъ хотѣлось тогда захватить это мѣсто въ свои руки и соорудить на немъ какой-нибудь филіальный костеликъ, именно въ томъ разчетѣ что цѣлебная сила родника привлекаетъ къ нему много простаго, вѣрующаго народа, на который очень удобно было бы при этомъ вліять своею пропагандой, а администрація, состоявшая въ тѣ времена изъ чиновниковъ почти исключительно польскаго происхожденія, конечно, склонна была оказывать всяческое содѣйствіе ксендзамъ и всяческія препятствія православнымъ. Но, не взирая на все это, отцу Базилевскому удалось наконецъ преодолѣть всѣ каверзы и затрудненія, и церковка была сооружена доброхотнымъ усердіемъ Дубининскихъ прихожанъ, причемъ и вся-то постройка ея, при готовомъ лѣсномъ матеріалѣ, обошлась только во 150 рублей. Съ тѣхъ поръ стало больше однимъ поэтическимъ уголкомъ въ Бѣловѣжской Пущѣ.

Разчетъ мой добраться засвѣтло до ночлега не оправдался. Раньше чѣмъ выбраться на большую Пущенскую дорогу, которая ведетъ отъ Гайновки до Бѣловѣжа, подводникъ нашъ долженъ былъ колесить разными лѣсными заглохшими

тропами, среди прелестной, совершенно дикой и глухой растительности. Въ Бѣловѣжъ пріѣхали мы когда солнце совсѣмъ уже сѣло и одна только слабая полоска свѣта тускло алѣла на западѣ. Когда мы выбрались изъ лѣсу, предъ нами открылась широкая равнина, до тринадцати верстъ въ окружности, со всѣхъ сторонъ замкнутая темною стѣной Пущи. На этой равнинѣ, которую пересѣкаетъ почти пополамъ рѣка Наревка, расположены вблизи береговъ селенія: Застава, Бѣловѣжъ, Сточёкъ и Подоляны. Темные силуэты колокольни и высокихъ куполовъ деревянной церкви стоящей на холмѣ вырисовывались на вечернемъ небѣ; лѣвѣе церкви виднѣлся изъ-за зелени парка Императорскій охотничій павильйонъ, построенный въ стилѣ русской избы; огоньки мигали кое-гдѣ по хатамъ разбросанныхъ селеній; издали доносились вечерніе звуки: что-то въ родѣ Тургеневскаго „Антропки“, пискливый наигрышъ самодѣльной свирѣлки, блеяніе заблудившейся овцы....

Я присталъ на ночлегъ въ волостное правленіе и узнавъ что г. Жоховскій, лѣсничій управляющій Пущей, дома и можетъ принять меня, отправился къ нему представиться и передать письмо которымъ былъ снабженъ изъ Гродны. Любезное содѣйствіе г. Жоховскаго дало мнѣ полную возможность основательно познакомиться съ Пущей.

II.

Бѣловѣжская Пуща лежитъ между 52°29′ и 52°51′ сѣверной широты и между 40°10′ и 42° восточной долготы, считая отъ меридіана острова Ферро.

До VII столѣтія земли вошедшія въ составъ нынѣшней Гродненской губерніи представляли одно сплошное пространство первобытныхъ дремучихъ лѣсовъ, которые большею частію росли на непроходимыхъ топяхъ и болотахъ, служа надежными притонами множеству медвѣдей, кабановъ, барсовъ, лосей, сернъ и зубровъ. Человѣкъ только случайно проникалъ въ эти трущобы, да и то лишь въ мѣста ближайшія къ окраинамъ и опушкамъ, не отваживаясь вдаваться на дальнія разстоянія въ глубину страшныхъ, невѣдомыхъ дебрей. Пятьсотъ лѣтъ спустя, уже въ XIII вѣкѣ, характеръ

страны, оставаясь лѣснымъ, успѣлъ однако на много измѣниться. Масса лѣсовъ, границами которой служили рѣки: Нѣманъ, Рось, Наревъ, Супрасль, Бобръ и Сокольда, оставалась все еще сплошною, но уже получила названіе Гродненской Пущи. Наревъ отдѣлялъ ее отъ обширной Бѣльской Пущи, которая входила въ непрерывную связь съ пущею Рудскою, тянувшеюся отъ Бреста до Кобрина. Центръ всѣхъ этихъ лѣсовъ занятъ былъ заповѣдною пущей Бѣловѣжскою, къ которой на востокѣ примыкали лѣсистыя Слонимскія топи, служившія для нея связью съ болотистыми лѣсами нынѣшнихъ Минской и Волынской губерній. Но между этими пространствами уже залегали значительныя площади открытой, заселенной и обработанной земли, да и самая глушь недоступныхъ трущобъ перестала страшить человѣка, который все болѣе и болѣе проникалъ въ глубину таинственныхъ дебрей.

Нынѣ Бѣловѣжская Пуща принадлежитъ Пружанскому уѣзду, и занимаетъ положеніе почти въ самомъ центрѣ Гродненской губерніи, на возвышенной площади, служащей водораздѣломъ Нѣмана, Буга и Припети, къ бассейнамъ которыхъ принадлежатъ всѣ остальныя рѣки губерніи. Въ настоящее время пространство лѣса который составляетъ Бѣловѣжскую Пущу (въ административномъ смыслѣ) занимаетъ 112.080 десятинъ. Это равняется 1.076 квадратнымъ верстамъ, или 22 квадратнымъ географическимъ милямъ. Но народъ не свыкается съ офиціальными межами и продолжаетъ называть Бѣловѣжскою Пущей все пространство примыкающихъ къ ней лѣсовъ казенныхъ и частныхъ, которые составляютъ пущи: Свислочьскую, Яловскую, Лядскую и Шерешевскую, занимая въ совокупности пространство въ 200.000 десятинъ, то-есть почти вдвое противъ того что составляетъ Бѣловѣжскую Пущу въ смыслѣ административномъ. Это уменьшеніе пущенской площади произошло постепенно, вслѣдствіе пожалованій королями Польскими и государями Россійскими значительныхъ частей ея разнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе. Поверхность Пущи, какъ мы сказали уже, возвышенная въ серединѣ, тамъ гдѣ лежитъ село Бѣловѣжъ, легко склоняется во всѣ стороны, что и даетъ разнообразное направленіе теченію рѣкъ и рѣчекъ, берущихъ свое начало въ обширныхъ пущенскихъ болотахъ. Эти болота исключительно травянистыя, луговыя, изобилу-

ютъ торфомъ и желѣзною рудой, и по своей величинѣ и топкости нерѣдко являются весной и осенью неодолимою преградой для сообщенія лущенскихъ жителей между собою, а въ жаркую лѣтнюю пору, когда стоячая вода подвергается гніенію, болота эти, выдѣляя изъ себя вредныя испаренія, вліяютъ на зарожденіе странной болѣзни, извѣстной подъ именемъ *колтуна*, который, можно сказать, составляетъ спеціальную болѣзнь Полѣсья. По направленію рѣкъ своихъ, Бѣловѣжская Пуща принадлежитъ къ водной системѣ Буго-Нарева; главнѣйшая изъ этихъ рѣкъ Лѣсна (по-польски Lsna), которая образуется изъ двухъ рѣчекъ того же имени. Восточная Лѣсна беретъ начало въ Шерешевскихъ болотахъ, а западная, или правая Лѣсна, въ Бѣловѣжской Пущѣ, гдѣ течетъ въ юго-восточномъ направленіи, среди болотистыхъ лѣсныхъ долинъ; сливаясь съ восточною Лѣсной, уже по выходѣ изъ Пущи, рѣка эта поворачиваетъ на юго-западъ и сливается съ Бугомъ. Ширина ея въ верховьяхъ отъ полутора до трехъ саженъ, а глубина отъ полутора до девяти футовъ, при довольно быстромъ теченіи. Весной вся долина Лѣсны, отъ трехъ до шести недѣль, остается подъ полою водой, и тогда сообщеніе между берегами возможно только на лодкахъ, да и вообще, эти берега, болотистые и заросшіе въ верхней части рѣки, остаются мало доступными до наступленія жаркаго и сухаго времени, когда верховая Лѣсна становится мелководною. Тогда на всемъ ея протяженіи временно открывается множество бродовъ, которые, впрочемъ, не совсѣмъ-то удобны, по причинѣ болотистаго, иловатаго русла. Съ лѣвой стороны въ нее впадаетъ рѣчка Переволока, сплошь текущая по лѣсу, а съ правой рѣка Бѣла. Этотъ послѣдній притокъ, огибая вмѣстѣ съ Лѣсной южную и юго-западную границы Пущи, имѣетъ для нея большое значеніе въ смыслѣ сплавнаго пути. Около 1860 года ложе Лѣсны было расчищено отъ карчей и иловучихъ деревьевъ, а на большихъ извилинахъ сдѣланы прокопы.

Рѣки Нарва и Наревка, вытекая изъ центральныхъ болотъ Гродненской губерніи (въ Пружанскомъ уѣздѣ), даютъ начало сплавной и судоходной рѣкѣ Нареву. Образуясь въ Никорскихъ болотахъ Бѣловѣжской Пущи (тамъ гдѣ была нѣкогда Окольницкая стражъ), Наревка течетъ вдоль по лѣсу, въ сѣверо-западномъ направленіи. Усиленная многими притоками, изъ которыхъ важнѣйшіе Гвоздна съ правой и Ло-

товня * съ лѣвой стороны, она нѣсколько выше заштатнаго города Нарева сливается съ Нарвой. Направленіе Наревки является особенно выгоднымъ для Бѣловѣжской Пущи, такъ какъ эта рѣка раздѣляетъ ее на двѣ почти равныя части, что̀ имѣетъ немалое значеніе въ отношеніи лѣсныхъ сплавовъ, которые, направляясь отъ центральнаго пущенскаго пункта, села Бѣловѣжи, спускаются по Нареву въ Вислу и далѣе за границу. Плоты ходятъ по Наревкѣ на протяженіи 35 верстъ. До 1860 года сплавы эти наряжены были съ затрудненіями, вслѣдствіе корчей, но со времени Бугенгагена, которому въ 1856 году уступлено было съ торговъ право на рубку пущенскаго лѣса, затрудненія эти устранены, благодаря тому что Бугенгагенская компанія истратила до 30.000 рублей на расчистку Наревки и другихъ рѣкъ Бѣловѣжской Пущи.

Что же касается озеръ, то таковыхъ здѣсь вовсе не имѣется, да и вообще центральная (Пружанская) группа болотъ характеристична тѣмъ что въ ней отсутствуютъ озера сколько-нибудь значительныя. Всѣ они находятся въ Гродненской Пущѣ и въ южныхъ частяхъ уѣздовъ Слонимскаго и Кобринскаго.

Рѣки Бѣловѣжской Пущи (и въ особенности Наревку съ Гвоздной) можно бы было сдѣлать еще удобнѣе для сплава, еслибы взялись за осушеніе центральныхъ болотъ, прилегающихъ къ Пущѣ съ востока. Къ сожалѣнію, здѣсь никогда не производилась осушка въ значительныхъ размѣрахъ; а по замѣчанію П. Бобровскаго **, она вполнѣ была бы возможна, посредствомъ прорытія глубокихъ рвовъ или каналовъ (что̀ относительно Гродненской Пущи дѣлали Тизенгаузъ и Валицкій), которые направляли и облегчали бы стокъ воды въ рѣки. Стоило бы, напримѣръ, прорыть канаву между притоками Нарвы и Свислочи на протяженіи одной лишь версты, чтобы съ полнымъ успѣхомъ осушить около ста квадратныхъ верстъ болота. Дзиковъ (дикихъ кабановъ) и другихъ прилежащихъ къ Бѣловѣжской Пущѣ. Одна только эта осушка дала бы странѣ до ста квадратныхъ верстъ чернозема, которымъ на сухихъ мѣстахъ такъ бѣдна Гроднен-

* Въ Лотовню впадаетъ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчекъ Бѣловѣжской Пущи—Криница.

** П. Бобровскій, т. I, стр. 162.

ская губернія. Кромѣ того замѣчено что сила и распространеніе колтуна, этой страшной язвы Полѣсья, ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ болотистой почвы. Теперь же, въ прямой зависимости отъ болотъ, кромѣ колтуна, являются еще продолжительныя лихорадки господствующія здѣсь весной. Жесткая и непитательная трава, свойственная вообще болотистой почвѣ, служитъ причиной множества болѣзней сельскаго скота и усиливаетъ падежи. По замѣчанію П. Бобровскаго, самыя эпидемическія болѣзни—холера, тифъ, скарлатина — распространеніемъ своимъ и силой обязаны сырости и міазмамъ, порождаемымъ столь обширными и многочисленными болотами.

Почва Бѣловѣжской Пущи, равно какъ и вообще всей Гродненской губерніи, носитъ на себѣ признаки наноснаго происхожденія. То безчисленное множество крупныхъ валуновъ и мелкихъ голышей, которыми усѣяны всѣ поля Сокольскаго и восточной части Бѣлостоцкаго уѣздовъ, указываетъ несомнѣнно что въ доисторическія времена здѣсь было море; да и многія бездонныя болота Гродненской Пущи, Пружанскаго уѣзда и далѣе „болотное море“ Пинскаго полѣсья служатъ тому также немалымъ подтвержденіемъ. Общій характеръ почвы представляетъ здѣсь смѣшеніе разноцвѣтныхъ, крупныхъ и мелкихъ, песковъ съ гранитомъ, кремневыми и иными валунами, глиной, мергелемъ и болотнымъ черноземомъ. Что касается собственно Бѣловѣжской Пущи, то здѣсь почва, оставаясь вѣрною своему общему характеру, представляетъ всѣ переходы въ супесчаную и суглинистую, и вездѣ покрыта въ значительной степени древеснымъ наземомъ, который, въ теченіи многихъ и многихъ столѣтій подвергаясь гніенію, образовалъ уже самъ изъ себя тучный слой, весьма плодороднаго свойства. Онъ-то и поддерживаетъ могучую растительность Бѣловѣжской Пущи. По берегамъ лѣсныхъ рѣкъ, а въ особенности по Бугу и Нареву, въ глубинѣ почвы нерѣдко попадаются ископаемые остатки допотопнаго животнаго міра. Тамъ находятъ иногда кости мамонтовъ, носороговъ, тапировъ. Болотистая почва здѣшнихъ мѣстъ очень богата хорошимъ торфомъ и желѣзною рудой, но мѣстные жители въ настоящее время вовсе не занимаются разработкой этихъ матеріаловъ. Въ XVI столѣтіи однако желѣзодобывательный промыселъ стоялъ здѣсь на значительной степени развитія. Изъ люстраціи 1563 года

видно что въ Бѣловѣжской Пущѣ дѣйствовали тогда четыре желѣзодѣлательные завода. Вообще, добываніемъ желѣза промышляли здѣсь съ древнѣйшихъ временъ, подтвержденіемъ чему служитъ названіе множества деревень *Руднями*, при которыхъ нерѣдко находятъ остатки разныхъ заводскихъ принадлежностей. Присутствіемъ желѣзной руды особенно богаты рѣка Наревъ и центральныя болота, гдѣ находятъ также лазурь, извѣстную въ промышленномъ мірѣ подъ именемъ прусской; но добываніемъ ея, къ сожалѣнію, тоже не занимаются. Въ этомъ отношеніи здѣсь гораздо болѣе посчастливилось мѣлу, который составляетъ вмѣстѣ съ мергельною известью подпочву суглинка, занимая почти исключительно мѣста бугристыя. Село Бѣловѣжъ въ особенности располагаетъ подобною подпочвой. Въ недалекомъ сосѣдствѣ съ Пущей есть деревня Койлы (Чижевскаго прихода), поля которой изобилуютъ особымъ видомъ совершенно бѣлой глины. Бѣловѣжъ своимъ мѣломъ, а Койлы своею глиной снабжаютъ всю окрестную мѣстность. Тотъ и другой матеріалъ употребляютъ для бѣленія внутренности хатъ, и, вслѣдствіе его изобилія и дешевизны, у многихъ хозяевъ чистота доведена даже до голландскаго педантизма, такъ что хозяйка, сваривъ кушанье, тотчасъ же принимается бѣлить закоптѣлое мѣсто печи. Лѣтъ восемнадцать назадъ, въ урочищѣ Кончикъ, находящемся въ сѣверной части Бѣловѣжской Пущи, найдены были пластовыя залежи сѣраго песчаника, который отличается здѣсь хорошею плотностью и самою мелкою ровною сылью. Изъ этого песчаника выходятъ отличные мельничные жернова и точильные брусья, но разработка его все-таки не достигаетъ должнаго развитія.

Климатъ Бѣловѣжской Пущи замѣтно суровѣе открытыхъ мѣстъ, непосредственно къ ней прилегающихъ. Болота и самая густота лѣса, препятствующая проникновенію солнечныхъ лучей, постоянно поддерживаютъ значительную влажность почвы. Вслѣдствіе этихъ причинъ весна въ Пущѣ, равно какъ и прилетъ птицъ, наступаютъ позднѣе чѣмъ въ сосѣднихъ окрестностяхъ, да и лѣто, нерѣдко сопровождаемое сильными туманами, бываетъ холоднѣе обыкновеннаго. Впрочемъ въ концѣ іюня и въ іюлѣ выдаются дни отличающіеся, при сырыхъ и прохладныхъ ночахъ, нестерпимою жарой. Это обстоятельство какъ нельзя лучше способствуетъ развитію и гигантскому росту самыхъ разнообразныхъ

древесныхъ породъ, но вредно отзывается на хозяйственныхъ растеніяхъ и на хлѣбопашествѣ: ростъ и созрѣваніе хлѣбовъ, плодовъ и овощей, сравнительно съ открытыми сосѣдними мѣстностями, ежегодно замедляется здѣсь на двѣ недѣли, и нерѣдко время жатвы совпадаетъ съ наступленіемъ продолжительной дождливой погоды, что̀ весьма вредитъ уборкѣ. Весенніе утренники кончаются здѣсь поздно, а осенніе начинаются слишкомъ рано, и всегда сопровождаются значительною изморозью, которая находится въ прямой зависимости отъ большаго количества водяныхъ паровъ, осаждающихся на растительность; скопленіе же паровъ, въ свою очередь, зависитъ отъ отсутствія вѣтровъ, свободному движенію которыхъ препятствуетъ обиліе, вышина и густота лѣса. Все это отзывается гибельно на огородной, садовой и полевой растительности. Число туманныхъ и пасмурныхъ дней въ Пущѣ бываетъ сравнительно почти вдвое больше чѣмъ въ открытыхъ мѣстностяхъ, и самые сильные туманы приходятся на долю октября мѣсяца; за то сентябрь является здѣсь чуть ли не лучшимъ временемъ года: дни тогда бываютъ ясные, теплые и сухіе, да и ночи становятся значительно теплѣе. Лѣтняя сырость воздуха способствуетъ расплоду множества насѣкомыхъ въ Пущѣ. Быстрые переходы отъ холоднаго и туманнаго утра къ знойному полудню, во время наливанія хлѣбнаго зерна, вліяютъ на образованіе такъ-называемыхъ хлѣбныхъ *рожковъ*, ядовитость которыхъ при употребленіи такого хлѣба въ пищу отзывается вредными и даже весьма опасными послѣдствіями для здоровья. Клейкимъ и сахаристымъ веществомъ этихъ рожковъ охотно питаются мухи и тогда отъ ихъ летающихъ массъ нѣтъ никакого покоя въ лущенскихъ деревняхъ ни людямъ, ни животнымъ. На каждое десятилѣтіе въ Бѣловѣжской Пущѣ приходится два мокрыхъ лѣта сплошь и три мокрыхъ іюня, а мокрый іюнь собственно и способствуетъ образованію рожковъ; дождливыхъ же весенъ приходится по три на каждыя двѣнадцать лѣтъ, и въ этомъ обстоятельствѣ мѣстные хозяева видятъ прямую причину своихъ частыхъ неурожаевъ.

Въ самой Пущѣ грозы бываютъ рѣдко; за то весьма часто разражаются онѣ, какъ мы сказали уже, на сосѣднихъ открытыхъ равнинахъ Бѣльскаго уѣзда. Бури посѣщаютъ Пущу обыкновенно осенью и изрѣдка весной, когда начинаютъ дуть продолжительные и сильные сѣверо-западные вѣтры.

Въ весеннее время эти вѣтры, при сухой погодѣ, въ лѣсныхъ пространствахъ ближайшихъ къ окраинамъ Пущи, сносятъ съ деревьевъ цвѣтъ и плодоносную пыль съ растеній, а осенью, когда постоянство сѣверо-западнаго направленія и сила вѣтра становятся еще упорнѣе, сопровождаясь проливными дождями, здѣсь нерѣдко разражаются сильнѣйшія бури. Страшно тогда становится обитателямъ лѣса — и людямъ, и птицамъ, и звѣрямъ. Неистовый ревъ и гулъ, и свистъ, и стонъ стоитъ по всей Пущѣ, и поминутно слышится то тамъ, то здѣсь раздирательный трескъ ломающихся вѣковыхъ деревьевъ. Сила вѣтра не только сноситъ вѣтви и верхушки, но и опрокидываетъ самое дерево, выворачиваетъ его съ огромными и глубокими корнями. Такимъ образомъ причиняется много вреда и порчи отличнѣйшимъ деревьямъ. Эти явленія называются здѣсь буреломами и замѣчено что они возвращаются періодически, черезъ каждыя десять или двѣнадцать лѣтъ, * а по свѣдѣніямъ П. Бобровскаго, въ теченіи шестидесяти пяти лѣтъ надъ Гродненскою губерніей пронеслось тридцать бурь, причинившихъ ея лѣсамъ болѣе или менѣе значительныя опустошенія. **

Въ прямой зависимости отъ климата и его особенностей находится развитіе нѣкоторыхъ болѣзней. Такъ съ наступленіемъ весны при таяніи снѣговъ въ деревняхъ и поселкахъ, лежащихъ при болотахъ и по берегамъ рѣчекъ болотистаго свойства, а въ особенности въ селеніяхъ около Лѣсны и Бѣлы, начинаютъ появляться перемежающіяся лихорадки, которыя въ случаѣ продолжительнаго ненастья не прекращаются и все лѣто, а къ осени, съ наступленіемъ обычныхъ дождей, усиливаются еще болѣе. Крестьяне противъ этой болѣзни употребляютъ горкіе настои изъ березовыхъ почекъ и листьевъ, изъ бобовника, пелуна и золототысячника, а также льютъ съ водою нюхательный табакъ. Но въ особенности гибельное вліяніе оказываетъ начало весны на дѣтей, которыя въ это время вмѣстѣ съ лихорадкой страдаютъ еще и катаральными кашлями. Лѣтомъ же, въ знойную пору, у дѣтей открываются поносы, нерѣдко и кровавые, отъ которыхъ лѣчатся настоемъ мухомора, а домаш-

---

* То-есть сильные, громадные или настоящіе буреломы, менѣе же значительные бываютъ почти ежегодно.

** П. Бобровскій, т. I, стр. 309.

ній скотъ начинаетъ падать отъ сибирской язвы и все это преимущественно въ мѣстностяхъ подверженныхъ вліянію болотныхъ испареній. Страданія взрослыхъ людей, кромѣ перемежающихся лихорадокъ, заключаются еще въ воспаленіяхъ легкихъ, которыя начинаютъ дѣйствовать съ наступленіемъ холодной, дождливой осени и развиваются преимущественно въ зимнее время. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, уже независимо отъ болотъ, дѣйствуютъ чисто мѣстныя особенности зимней крестьянской работы. Надо сказать что съ наступленіемъ зимы мѣстные крестьяне большею частію заподряжаются на рубку, уборку и перетаскиваніе лѣса въ пункты назначаемые подрядчиками. Эта работа требуетъ усиленнаго мускульнаго труда, соединеннаго конечно съ усиленными физическими движеніями, вслѣдствіе чего потѣя во время работы, крестьяне имѣютъ обыкновеніе скидать съ себя овчинные кожухи (тулупы) и остаются въ однихъ сорочкахъ, часто на вѣтру и при значительныхъ морозахъ, имѣя обыкновеніе прохлаждаться такимъ образомъ нѣкоторое время и послѣ работы. Послѣдствіемъ такого обыкновенія въ значительномъ большинствѣ случаевъ является воспаленіе легкихъ. Повальное воспаленіе легкихъ, въ тѣхъ же самыхъ низменныхъ, болотистыхъ мѣстахъ, почти ежегодно появляется и у домашняго скота, развиваясь исключительно во время холодныхъ и дождливыхъ весенъ и осеней. Гнилой, заплѣсневшій корень, ранній весенній выгонъ на подножный кормъ и стоячая гнилая вода преимущественно вліяютъ на развитіе у скота этой истребительной болѣзни. Но замѣчательно что при столь замѣтной воспріимчивости людей къ воспаленію легкихъ, тифозныя горячки въ Бѣловѣжской Пущѣ являются очень рѣдко: въ годъ одинъ или два случая не болѣе; холера же, несмотря на дѣтскіе лѣтніе поносы, и вовсе не появляется; по крайней мѣрѣ насколько извѣстно мѣстному лѣкарю, съ 1860 года, то-есть со времени его пребыванія въ Бѣловѣжѣ, Пуща была совершенно избавлена отъ ея посѣщенія. Кромѣ названныхъ болѣзней, обыкновенными страданіями у дѣтей являются золотуха, а у взрослыхъ ревматизмы (вліяніе сырыхъ и холодныхъ тумановъ), и особенно въ головѣ, вслѣдствіе нерѣдкаго обыкновенія спать на голой землѣ во время лѣтнихъ ночей. Ревматизмъ въ головѣ, по причинѣ ломоты, часто принимается здѣсь за колтунъ, который, какъ мы сказали уже, составляетъ спеціальную

болѣзнь Полѣсья. Дѣйствительно, въ началѣ болѣзни, припадки колтуна имѣютъ много сходства съ ревматизмомъ, обнаруживаясь ломотой въ головѣ, послѣ чего волосы начинаютъ свиваться, путаться и мало-по-малу получаютъ видъ пакли. Съ появленіемъ наружной лутаницы волосъ является и разстройство пищеваренія, а затѣмъ мѣстныя хроническія страданія разныхъ органовъ, какъ-то: рожа, зеленоватыя, глубокія и обширныя язвы на нижнихъ конечностяхъ, издающія зловоніе; затѣмъ опухлость и отвердѣніе сочлененій, сведеніе членовъ, а при запущеніи болѣзни обнаруживаются костоѣды и язвы. Цвѣтъ лица и кожи у колтунастыхъ всегда желтовато-блѣдный, вялый. Мѣстные крестьяне полагаютъ что для облегченія страданій слѣдуетъ отращивать волосы, которые, сбиваясь въ пучки, образуютъ въ послѣдствіи одну кровяную массу, иногда висящую по поясъ. Срѣзаніе колтунастыхъ волосъ почитается здѣсь не только вреднымъ, но даже и смертельнымъ, на томъ основаніи что въ этомъ случаѣ волосъ будто бы пойдетъ расти внутрь подъ кожу, къ черепу. По мѣстному убѣжденію, волосы непремѣнно сами отпадаютъ когда колтунъ достаточно созрѣетъ. Но новѣйшая медицина не видитъ ни малѣйшаго вреда въ срѣзаніи этихъ войлоковидныхъ пучковъ и смѣло приступаетъ къ должной операціи. Хотя распространенію колтуна весьма много способствуетъ употребленіе для питья болотной воды, содержащей въ растворѣ сѣрнокислую известь, но наблюденія медиковъ сводятся къ заключенію что болѣзнь не переходитъ на жителей переселяющихся въ эту страну изъ другихъ здоровыхъ мѣстностей; однако же колтунастая кормилица непремѣнно прививаетъ колтунъ ребенку, будь это дитя новопріѣзжихъ и самыхъ здоровыхъ родителей. Такимъ образомъ колтунъ есть болѣзнь исключительно *кореннаго полѣсскаго* населенія, и притомъ наслѣдственная, переходящая отъ родителей къ дѣтямъ. Кромѣ питья болотной воды, на развитіе ея вліяютъ еще и сырыя, неопрятныя хаты, гдѣ мало свѣта и воздуха, почему и распространеніе колтуна замѣчается преимущественно между крестьянами. Впрочемъ послѣдней причины въ Пущѣ не существуетъ: крестьяне здѣсь живутъ чисто и довольно просторно, за то и колтунъ сравнительно проявляется здѣсь рѣже чѣмъ въ другихъ, менѣе опрятныхъ по быту мѣстахъ, какъ напримѣръ,

на Припятьскомъ и Пинскомъ полѣсьяхъ, или въ болотахъ Пружанскаго уѣзда, непосредственно примыкающихъ къ Пущѣ. Крестьяне отъ колтуна лѣчатся своими домашними средствами; они употребляютъ отваръ (декоктъ) изъ травы извѣстной у нихъ подъ именемъ барвинка (vinca pervinca), которую разводятъ у себя въ огородахъ; она служитъ и наружнымъ средствомъ противъ колтуна: тѣмъ же отваромъ смачиваютъ голову. Кромѣ барвинка, употребляютъ еще и корень лопуха, но все это едва ли достигаетъ какой-нибудь цѣли. Опытные медики полагаютъ что лѣкарства, какія бы то ни были, противъ этой болѣзни положительно безсильны, что одно только осушеніе болотъ этой „полѣсской тундры“, просторность и чистота жилищъ, введеніе вовсе неизвѣстныхъ здѣсь великорусскихъ бань и вообще улучшеніе быта, въ смыслѣ устраненія нравственныхъ причинъ болѣзни, могутъ оказать вліяніе не только на уменьшеніе, но даже и на окончательное уничтоженіе „полѣсской язвы“.

Въ селѣ Бѣловѣжѣ есть своя лѣчебница, къ помощи которой обращаются крестьяне ближайшихъ пущенскихъ мѣстностей, то-есть почти вся Бѣловѣжско-Александровская волость, и число приходящихъ сюда за пользованіемъ простирается по словамъ лѣкаря до 400 человѣкъ ежегодно.

(Окончаніе слѣдуетъ)

В. КРЕСТОВСКІЙ.

ПОЭТЪ ДЕРЖАВИНЪ

ПРАВИТЕЛЬ НАМѢСТНИЧЕСТВА *

(1785—1788)

XVI.

Къ осени и зимѣ 1786—87 годовъ относится самое интересное и самое крупное дѣло занявшее губернатора, даже поглотившее все его время и всѣ его помыслы. Мы говоримъ объ открытіи *народныхъ училищъ*, главнаго въ Тамбовѣ и малыхъ по уѣзднымъ городамъ. Явленіе это въ высшей степени характерно и рисуетъ съ нѣкоторыхъ сторонъ тогдашнее правительство и общество.

Надо думать что лѣтомъ 1786 года въ Петербургѣ было извѣстно о намѣреніи правительства приступить къ заведенію въ Имперіи училищъ для народа, но въ провинціи, по крайней мѣрѣ въ Тамбовской и смежныхъ съ нею губерніяхъ, ничего еще объ этомъ не знали. Державинъ какъ поэтъ и литераторъ и вообще какъ человѣкъ наиболѣе образованный изъ числа его современниковъ долженъ былъ болѣе другихъ интересоваться этимъ дѣломъ и ранѣе другихъ знать все что происходитъ по этому поводу „въ вышнемъ правительствѣ“.

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

Однако и до Державина доходятъ лѣтомъ только сбивчивые слухи о проектируемыхъ въ Имперіи школахъ. Многіе его знакомые и друзья, люди близкіе къ женщинѣ-президенту Академіи Наукъ и члены небольшаго и тѣснаго кружка ученыхъ и образованныхъ людей того времени, въ которомъ премировала княгиня Дашкова, люди эти тоже не знали ничего навѣрно. Грибовскій, Послѣловъ, Козадавлевъ и другіе пишутъ Державину что есть разговоръ объ училищахъ, что сама государыня очень этимъ интересуется, но когда приступятъ къ осуществленію этого желанія государыни, неизвѣстно.

Наконецъ въ началѣ августа Державинъ получаетъ письмо изъ Петербурга отъ Козадавлева (будущаго начальника всѣхъ училищъ Имперіи), въ которомъ онъ говоритъ что уставъ о народныхъ училищахъ готовъ, но будетъ ли еще конфирмованъ императрицей, неизвѣстно, и что дѣло это покуда только проектъ.

Затѣмъ около половины августа Державинъ узнаетъ чрезъ друзей что уставъ уже конфирмованъ. Такимъ образомъ онъ могъ предположить что зимой, около Новаго Года, будетъ хлопотать объ открытіи училищъ въ своемъ намѣстничествѣ. Вдругъ 1го сентября Державинъ получаетъ предписаніе ототкрыть по всей губерніи училища въ день празднованія коронаціи государыни, то-есть 22 числа того же мѣсяца. Чрезъ три недѣли! Державинъ имѣлъ полное право смутиться и даже отказаться отъ исполненія этого предписанія за невозможностью что-либо сдѣлать въ такой короткій срокъ. Но вѣдь не онъ же одинъ, тамбовскій намѣстникъ, получилъ этотъ указъ. Вся Россія, всѣ намѣстники одинаково взяты врасплохъ! А между тѣмъ навѣрно въ доброй половинѣ Россіи эти училища въ двадцать дней съ бумаги перейдутъ въ дѣйствительность. Каковы они будутъ, это другой вопросъ.

Въ первые дни сентября уставъ уже былъ у Державина въ рукахъ, присланный его пріятелемъ Грибовскимъ, который съ тою же почтой уже предлагалъ себя въ директоры Тамбовскаго училища.

Директоръ сразу нашелся, но самихъ училищъ, учителей, учениковъ, книгъ, помѣщеній и главное, *денегъ на все это*—не было и въ поминѣ.

Державинъ, какъ натура горячая, рѣшительная, разсудилъ

что еслибы все это было налицо, тогда училища открылись бы сами собой, безъ его помощи. А изъ ничего создать все въ три недѣли, объ этомъ стóитъ поволноваться и похлопотать.

Посмотримъ же какъ училища открывались и наконецъ открылись.

Можно смѣло предполагать что почти та же самая комедія происходила тогда во всей Имперіи. Въ Тамбовѣ она имѣла по крайней мѣрѣ результатъ. Перваго сентября Державинъ получилъ отъ генералъ-губернатора слѣдующее предписаніе:

„Милостивый государь мой, Гаврило Романовичъ,—Препровождая при семъ копію съ полученнаго мною Высочайшаго Ея Императорскаго Величества именнаго указа, касательно заведенія народныхъ училищъ во многихъ намѣстничествахъ, въ томъ числѣ и въ Тамбовскомъ, за нужное считаю дать знать вашему превосходительству, что поколику заведеніе таковыхъ училищъ полагаю я нужнымъ сдѣлать, въ силу сего указа, сверхъ губернскаго города Тамбова, еще въ Козловѣ и Лебедяни, то и извольте, за отсутствіемъ моимъ, стараться въ губернскомъ городѣ Тамбовѣ приготовить на первый случай способный домъ для открытія онаго въ 22 день, поколику такого казеннаго нѣтъ, и все по усмотрѣнію вашему при томъ потребное, дабы тогда никакой остановки не было; а равнымъ образомъ о пріуготовленіи нынѣ же таковыхъ же нужныхъ къ 22 сентября сдѣлайте надлежащія предписанія немедленно козловскому и лебедянскому городничимъ; а я между тѣмъ, получа уставъ и штатъ сихъ училищъ, поспѣшу доставить вамъ, въ соображеніе нужныхъ замѣчаній; а за тѣмъ прошу ваше превосходительство прислать ко мнѣ свѣдѣнія о числѣ состоящей налицо, собранной въ сходственность Высочайшаго городоваго положенія, какъ въ Тамбовѣ, такъ Козловѣ и въ Лебедяни, городовой суммы и означа сколько оной еще быть въ полученіи надѣетесь, поспѣшно увѣдомить меня, какія средства вы, по пребыванію вашему на мѣстѣ, почитаете за удобнѣйшія къ содержанію народныхъ училищъ, въ силу сего указа, безъ оскудѣнія и для другихъ полезныхъ заведеній; и во ожиданіи чего пребываю съ особливѣйшимъ почтеніемъ, вашего превосходительства покорный слуга Иванъ Гудовичъ.“

Державинъ горячо принялся за дѣло и занялся имъ исключительно. По перепискѣ его съ Гудовичемъ видно что курьеры скакали между Рязанью и Тамбовомъ одинъ за другимъ. На всѣ бумаги касающіяся до училища, Державинъ отвѣчалъ въ тотъ же день. 1го сентября было получено имъ это предложеніе, а 22го дѣйствительно открылось въ Тамбовѣ главное училище. Разумѣется, какъ всегда бываетъ въ такихъ

случаяхъ, оно не могло оставаться въ томъ видѣ въ какомъ было открыто, и только весной слѣдующаго года было уже все въ порядкѣ и дѣло обученія въ полномъ ходу.

За тѣмъ, 5го сентября, Гудовичъ облегчилъ нѣсколько задачу, предписывая открыть покуда училище только въ Тамбовѣ и прислалъ къ Державину двухъ учителей съ книгами, прибывшихъ изъ Петербурга отъ Козадавлева. Въ этомъ предписаніи сказано что надо справиться сколько наберется въ городѣ дѣтей желающихъ поступить въ училище, и что *если такихъ охотниковъ не найдется, то достать ихъ во что бы то ни стало.* За тѣмъ Гудовичъ велитъ обратиться къ дворянству и купечеству съ просьбой о пожертвованіи въ пользу училищъ. Тогда Державинъ отложилъ хлопоты о малыхъ уѣздныхъ училищахъ въ Козловѣ и въ Лебедяни и занялся исключительно Тамбовскимъ главнымъ училищемъ.

Прежде всего сдѣланъ былъ приблизительный разчетъ во сколько обойдется содержаніе училища, а за тѣмъ, на какія суммы можно надѣяться. На главное училище было опредѣлено уставомъ 3.000 руб. Затѣмъ рѣшено было обратить на эту цѣль: 1) одинъ процентъ на рубль съ прибыли отъ продажи литей; 2) штрафныя деньги съ откупщиковъ и винныхъ подрядчиковъ; 3) штрафныя же деньги налагаемыя на присутственныя мѣста и лица, или такъ-называемыя *пенныя деньги*, взыскиваемыя за неправильныя рѣшенія и медленность въ дѣлопроизводствѣ. Въ послѣдствіи сюда причислили часть выручки Приказа отъ продажи кирпича и даже *выручку чрезъ продажу краденыхъ вещей.* Такимъ образомъ случилось что деньги 105 руб., отобранныя у одного атамана разбойниковъ, Кузьмы Осипова, пойманнаго въ Елатемскомъ лѣсу, пошли тоже на училище.

1го же сентября Державинъ приказываетъ коменданту Булдакову навести справки, сколько найдется въ городѣ всякаго званія людей согласныхъ отдать своихъ дѣтей въ училище, „которые могутъ на первый случай обучаться россійской грамотѣ, читать и писать“.

7го сентября ретивый полковникъ Булдаковъ увѣдомляетъ Державина рапортомъ, что по справкамъ оказалось желающихъ восемь человѣкъ, и прилагаетъ вѣдомость съ именами первыхъ дѣтей записанныхъ охотниками поступить въ училище.

Изъ этой вѣдомости коменданта мы видимъ что за исклю-

ченіемъ трехъ сиротъ, которыхъ зачислили, не спрашивая конечно ни чьего согласія, и за исключеніемъ сына архитектора Усачева, находившагося подъ судомъ, и дворовaго человѣка самого Булдакова, безъ сомнѣнія зачисленныхъ ради услуги губернатору, остается три родителя которые сами зачислили своихъ дѣтей: купецъ Толмачевъ, каптенармусъ Ивашинцевъ и однодворецъ Кудряковъ. Такъ какъ послѣднихъ двухъ можно заподозрить въ томъ что они исполнили приказаніе, то остается одинъ купецъ Толмачевъ повѣрившій пользѣ обученія грамотѣ.

Впрочемъ это была первая попытка и первый отголосокъ общества. Вскорѣ послѣ этого комендантъ доставилъ другой списокъ желающихъ, въ числѣ 35 человѣкъ. Затѣмъ набилось еще нѣсколько. Ко дню открытія въ спискѣ были 51 человѣкъ, большею частью 8ми и 9тилѣтнихъ; изъ нихъ было 11 дворянъ, въ числѣ которыхъ находился одинъ недоросль изъ дворянъ „Севастьянъ Петровичъ Аксентьевъ 20 лѣтъ“. Въ послѣдствіи, въ самый день открытія, явилось еще желающихъ 22 человѣка, итого всѣхъ набралось 73.

Вообще, какъ мы увидимъ ниже, дѣло открытія школъ сначала не клеилось, но Державинъ принялся за это дѣло съ такою ревностью, съ такою любовью, и наконецъ въ виду первыхъ неудачъ, съ такою настойчивостью продолжалъ идти къ цѣли, что вскорѣ и друзья его, ради сочувствія, а подчиненные ради услуги, принялись тоже ревностно хлопотать и помогать ему. Считая начало приготовленій къ открытію главнаго училища съ 5го сентября (день полученія предписанія генералъ-губернатора) и до дня открытія 22го, выходитъ что все было сдѣлано въ промежутокъ времени немного болѣе двухъ недѣль.

Справляясь постоянно чрезъ коменданта Булдакова о прибывающихъ охотникахъ въ школу, Державинъ одновременно искалъ и домъ для училища. Домъ былъ нанятъ, принадлежащій купцу Іонѣ Бородину, за 300 рублей ассигнаціями въ годъ, но домъ этотъ былъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что на его починку былъ немедленно найденъ необходимый матеріалъ и взятъ займообразно изъ казенной палаты, по невозможности купить его въ городѣ. Матеріалъ этотъ былъ: 35 сосновыхъ досокъ, 15 четвертей извести и 15 тысячъ кирпичей. Вообще поправка обошлась въ 200 рублей, что по тогдашнему было очень много. Да и эти деньги были взяты займооб-

разно изъ суммъ отложенныхъ въ Приказъ на устройство кирпичнаго завода.

Домъ Бородина такъ мало былъ годенъ для училища, что въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года Державинъ купилъ деревянный домъ, въ тридцати верстахъ отъ города, въ деревнѣ помѣщика Озпобишина, за 1.200 р., и перевезъ его въ Тамбовъ. Домъ былъ купленъ на деньги 1.000 р., пожертвованныя завѣщаніемъ скончавшагося въ это время епископа Ѳеодосія; двѣсти же рублей опять-таки заняты.

Вотъ каковы были губернскія средства сто лѣтъ назадъ.

Въ то же время Державинъ обратился къ обществу за пожертвованіями, по совѣту Гудовича, и въ особенности Козадавлева, писавшаго ему что въ Москвѣ, въ Смоленскѣ и въ Твери пожертвованія на училища отъ дворянства и купечества были значительныя. Державинъ обратился письменно къ губернскому предводителю Бибикову и ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, прося ихъ объявить всѣмъ мѣстнымъ дворянамъ объ открытіи главнаго училища 22го сентября, и приглашая ихъ присутствовать на торжествѣ, просить и о пожертвованіи *.

Съ тѣмъ же приглашеніемъ жертвовать обратился Державинъ къ городскимъ головамъ и городничимъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ. Къ городничимъ ближайшихъ городовъ: Козлова, Моршанска и Кирсанова, Державинъ обратился особо, съ приказомъ пригласить жителей вообще пріѣхать въ Тамбовъ на открытіе училища „по недальности разстоянія“.

Вслѣдствіе необходимости часто обращаться въ уѣздные города къ купечеству и вообще имѣя надобность, для разныхъ соображеній, знать навѣрно число купцовъ и мѣщанъ по всѣмъ уѣзднымъ городамъ, Державинъ на одномъ приказѣ Лебедянскому городничему обратиться къ купечеству (который слѣдовало переписать для разсылки всѣмъ городничимъ), собственноручно приписалъ съ боку: „пе-

* Въ одномъ черновомъ отношеніи есть интересное зачеркиваніе, писанное рукой Державина, которое однако зачеркнуто и которое трудно было бы понять, если бы мы не знали предыдущихъ ссоръ Державина. Въ бумагѣ на имя кирсановскаго предводителя, приглашающей дворянство къ торжеству, между прочимъ прибавлено: „...чтобы объявить благородному дворянству *кромѣ* капитана Михаила Ларіоновича, сына Сатина...“ Это было вѣроятно мщенье Державина за долгъ, но повторимъ, что оно зачеркнуто.

реписывать, то надобно справиться, есть ли въ Лебедянѣ и въ прочихъ городахъ купечество". Вслѣдствіе этой приписки, а можетъ-быть и по особому приказанію его, мы находимъ въ нарядѣ бумагъ касающихся до училищъ списокъ, сколько въ какомъ уѣздномъ городѣ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ. Списокъ этотъ тѣмъ интересенъ, что показываетъ, вопервыхъ, что Козловъ и Моршанскъ играли и тогда важную роль въ Тамбовской губерніи; вовторыхъ, что губернскій городъ занималъ по числу купечества *седьмое* мѣсто, а первое принадлежитъ Козлову. По числу же мѣщанъ и цеховыхъ первое мѣсто занимаетъ городъ Кадомъ,* второе принадлежитъ сосѣднему съ нимъ, Темникову, а Козлову третье. Хотя тогдашнимъ статистическимъ свѣдѣніямъ не слѣдуетъ разумѣется очень довѣряться, но все-таки мы узнаемъ изъ нихъ фактъ что Кадомъ былъ богатый, людный и торговый городъ тому назадъ девяносто лѣтъ.

XVII.

Празднество открытія училища въ Тамбовѣ было, конечно, самое блестящее изъ всѣхъ подобныхъ, происходившихъ въ этотъ день по всей Россіи. Не даромъ руководилъ всѣмъ чиновникъ-поэтъ и къ тому же одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей того времени.

Читая подробности этого празднества открытія училища и затѣмъ подробности вечера у губернатора, мы можемъ замѣтить что все происходило также какъ происходитъ и теперь. Но вѣдь это уже похвала. Не надо забывать что сто лѣтъ назадъ въ провинціальныхъ городахъ Россіи да еще въ такой глуши какъ Тамбовъ (гдѣ водились еще разбойники и атаманы, и стаи волковъ нападали на деревни) не могло все происходить *такъже какъ теперь*. Если въ празднествѣ этомъ мы находимъ формы общежитія болѣе или менѣе развитой среды нашихъ дней, то тогда въ Тамбовѣ это произошло не отъ мѣстнаго общества и дворянства, а явилось стараніями умнаго и просвѣщеннаго человѣка. Во

* Нынѣ заштатный. При Державинѣ былъ превращенъ въ посадъ въ 1786 году, о чемъ Державинъ донесъ тогда же въ Коллегію Наукъ.

было дѣломъ Державина, отъ самыхъ главныхъ до послѣднихъ подробностей и мелочей и даже увеселеній этого дня.

Празднество длилось съ девяти часовъ утра до двухъ часовъ ночи. Съ утра огромная толпа наполнила мѣстный соборъ, гдѣ епископъ тамбовскій и пензенскій, въ сослуженіи со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, отслужилъ литургію, а затѣмъ молебенъ. Во время провозглашенія многолѣтія царицѣ и наслѣднику престола по Тамбову прогремѣлъ и загудѣлъ грохотъ пушечной пальбы. Это была новинка для многихъ жителей, не выѣзжавшихъ быть-можетъ изъ Тамбова за всю свою жизнь ни разу. Нѣкоторые, не только изъ народа, но и изъ мелкихъ дворянъ отродясь не видали пушекъ и не слыхали пальбы изъ нихъ.

Эта канонада подняла весь городъ на ноги. И старъ и малъ бросились къ собору.

Послѣ молебна все духовенство, чиновничество, дворянство, купечество и туча народа двинулись длинною процессіей чрезъ весь городъ по направленію къ дому купца Бородина, гдѣ долженствовало помѣщаться училище. Тамъ снова былъ отслуженъ молебенъ. Маленькій домъ не могъ вмѣстить не только всего народа, но даже и всего духовенства съ чиновниками.

Преосвященный окропилъ святою водой домъ и учениковъ, которыхъ было уже 73 человѣка. Снова было провозглашено многолѣтіе государынѣ и снова загудѣли пушки, и вся масса народа, запрудившая улицу и домъ училища, огласила воздухъ дружнымъ *ура!* Когда смолкли пушки и крики, старшій учитель новаго училища, Роминскій, обратился къ слушателямъ со слѣдующею рѣчью, сочиненною не имъ самимъ, но и неизвѣстно кѣмъ (если не Державинымъ).

„Преславный сей день, въ который празднуемъ мы высокоторжественное восшествіе на престолъ Всероссійскія самодержицы, великія монархини нашея, представляетъ мысли нашей великолѣпное зрѣлище совершенствъ коими душа ея преукрашена. Побѣдоносные лавры, украшающіе величественную главу ея, побѣжденные враги, взирающіе съ трепетомъ и удивленіемъ на храбрость и великодушіе побѣдителя, внутреннее государства благоустроеніе, законы сообразные нравамъ подданныхъ, ободреніе наукъ и художествъ, распространеніе торговли, однимъ словомъ, миръ и благоденствіе пространнѣйшей въ свѣтѣ монархіи, не явно ли доказываютъ что управляется она самою премудростью, правдою и кротостью. Сіи божественныя свойства созерцаемъ мы въ душѣ великія монархини нашея.

„Представьте себѣ, просвѣщенные слушатели, чадолюбивѣйшаго отца, пекущагося для чадъ своихъ собственнаго покоя, пекущагося о благѣ общемъ ихъ, о благѣ каждаго особо, защищающаго ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, усиливающихся похитить оное, и въ то же самое время обращающаго вниманіе свое на внутреннее дома своего благоустройство; представьте и узрите существенный образъ его въ нашей повелительницѣ, узрите въ ней сильную защитницу сыновъ россійскихъ, премудрую обладательницу, чадолюбивѣйшую матерь, матерь отечества. Се нынѣ произрастаетъ новая и знаменитая отрасль премудрости и любви ея къ отечеству своему, отрасль обѣщающая принесть плоды, съ созрѣніемъ коихъ созрѣетъ и совершится благоденствіе Россіи.

„Премудрая монархиня наша, вѣдая пользу и необходимость просвѣщенія народа своего, благоволила чтобы въ сей день, въ который съ торжествомъ взошла она на Всероссійскій престолъ, открыты были училища для наученія младаго юношества всякаго званія, и тѣмъ содѣлать всерадостный день сей въ потомствѣ нашемъ незабвеннымъ. Не будетъ забвенъ въ потомствѣ нашемъ день сей, не будетъ забвенно и имя великія нашея монархини, ибо прейдетъ отъ рода въ родъ громкая слава дѣлъ ея, прейдетъ и провозгласитъ свѣту премудрость ея. Проникните, просвѣщенные слушатели, завѣсу древности, и зрите, гдѣ блистало просвѣщеніе разума и исправленіе нравовъ, гдѣ рождались добрые градоначальники и добрые граждане, гдѣ были храбрые защитники отечества и великодушные покровители, гдѣ процвѣтало благоденствіе народа, не тамъ ли, гдѣ процвѣтало ученіе? Въ семъ-то состоитъ ученія польза. Представьте жъ себѣ въ мысли тѣ блаженныя времена, когда засѣваемыя нынѣ наукъ сѣмена произведутъ сіи драгоцѣнные плоды обществу, въ изобиліи, хотя и нынѣ уже вкушаемъ мы оные,— произведутъ и умножатъ славу Россіи. Сіе не должно ли въ нашемъ сердцѣ возродить любовь къ наукамъ, наипаче когда премудрая наша повелительница, предвидящая и сокрытыя отъ насъ выгоды наши, желаетъ распространить оныя въ своемъ народѣ. Для сего насаждаетъ она благодѣтельною десницей своей во градѣ семъ вертоградъ наукъ въ вѣчный знакъ матернія своея любви къ вамъ, о граждане! Вы законоблюстители! яко ревностные послѣдователи монаршей воли, благоволите послѣшествовать размноженію онаго, согрѣвайте его милостію своею и назирайте дѣланіе онаго.

„Отцы! Для чадъ вашихъ открыто училище сіе, если желаете счастія имъ въ наукахъ, обрящутъ оное; потщитеся только, дабы дѣти ваши не остались въ меньшемъ просвѣщеніи нежели какое возникаетъ во всемъ отечествѣ нашемъ; симъ докажете что вы достойны великихъ милостей монархини нашея. На насъ возложено должное просвѣщеніе и исправленіе юношества, и мы употребимъ всевозможныя силы свои, дабы исполнить монаршее благоволеніе, и удовлетво-

рить ожиданію общества, и ожиданію вашему. А вамъ, младые юноши, остается послѣдовать правиламъ добродѣтели и разума, которыя будутъ здѣсь къ пользѣ вашей предлагаемы, сими содѣлаетесь отрадою родителямъ вашимъ, полезны себѣ и полезны обществу!"

Послѣ рѣчи этой розданы были дѣтямъ кое-какія уже прибывшія изъ Петербурга книги и затѣмъ все общество двинулось изъ училища. Тогда, уже на улицѣ, при выходѣ изъ дома, нѣкто однодворецъ Захарьинъ сталъ въ дверяхъ, останавливая архіерея и губернатора, а за ними и все общество, и обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

„Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего..."

И Захарьинъ заявилъ что онъ хочетъ сказать публикѣ *нечто какъ умѣетъ*. Тогда губернаторъ вернулъ все общество назадъ въ училище и Захарьинъ сказалъ рѣчь свою подъ портретомъ императрицы.

Однодворецъ Петръ Михайловичъ Захарьинъ былъ хорошо знакомъ всему намѣстничеству и во время пребыванія Державина въ Тамбовѣ началъ часто хаживать пѣшкомъ изъ Козлова и къ поэту-губернатору. Причина его частыхъ посѣщеній была та что онъ хотя и не очень талантливо, но усердно писалъ всякаго рода стихи. При этомъ онъ былъ горькій пьяница и крайне бѣденъ.

Когда приближалось открытіе училища, Державинъ хлопоталъ о хорошемъ проповѣдникѣ для того чтобы могла быть сказана хорошая проповѣдь или рѣчь. Епископъ Ѳеодосій, какъ человѣкъ больной, не надѣявшійся даже быть на открытіи, и притомъ не ученый, отказался говорить.

Державинъ послалъ просить объ этомъ извѣстнаго въ Тамбовѣ своимъ умомъ Ломовскаго архимандрита, но такъ какъ городъ Ломовъ по епархіи принадлежалъ къ Тамбову, а по администраціи къ Пензѣ, то архимандрита вытребовали съ тою же цѣлію въ Пензу. Тогда Державинъ поручилъ сочинить рѣчь явившемуся изъ Козлова Захарьину, объяснивъ ему что̀ нужно сказать. Этотъ согласился, но написалъ такую рѣчь, гдѣ не было „ни складу ни ладу". Три раза заставлялъ его Державинъ передѣлывать, но безъ успѣха. На разсвѣтѣ того же дня, какъ увѣряетъ самъ Державинъ, онъ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ Захарьина и продиктовалъ ему рѣчь собственнаго сочиненія.

Такъ какъ Захарьинъ не могъ говорить ни въ церкви, ни въ училищѣ, будучи не изъ духовныхъ и не изъ учителей, то рѣшено было что онъ скажетъ ее на улицѣ, остановивъ всѣхъ у дверей училища, что̀ и было сдѣлано.

Рѣчь эта была послана императрицѣ, очень понравилась ей и тотчасъ велѣно было чрезъ курьера привезти краснорѣчиваго однодворца ко двору. Но Захарьину надавали въ этотъ день столько денегъ что онъ запилъ и долго пропадалъ безъ вѣсти, пропивалъ до тѣхъ поръ, пока не допились что рѣчь была сочинена Державинымъ, чего онъ впрочемъ и не скрывалъ. Рѣчь была напечатана въ газетахъ и даже переведена для напечатанія на иностранные языки. Друзья Державина пишутъ ему объ этой рѣчи, намекая на то что она имъ сочинена.

Саблуковъ пишетъ что рѣчь великолѣпна, но удивительно, гдѣ могъ однодворецъ „почерпнуть краснорѣчіе Демосѳенова и Цицеронова“. И затѣмъ прибавляетъ: „что уроженецъ рѣки Ра“ можетъ и не такъ писать. Это былъ намекъ на псевдонимъ Державина подъ одною одой: *обитель р-ки Ра* (то-есть Волги).

Козадавлевъ пишетъ о сочинителѣ этой рѣчи: „здѣсь говорятъ: онъ будто не природный Россіянинъ, а крещеный Татаринъ и будто человѣкъ знатный, т.-е. мурза.“ Намекъ на знаменитую оду къ Фелицѣ. И далѣе: „Тамбовскій однодворецъ счастливѣе Олонецкаго пола, говорившаго рѣчь при открытіи Петрозаводской больницы.“

Львовъ, другъ Державина, также пишетъ объ этомъ случаѣ въ шутливомъ тонѣ: „Однодворецъ ходитъ по свѣту и теперь съ бородою, которая приросла къ нему по отъѣздѣ Петра Васильевича (Завадовскаго). Борода сія состоитъ въ томъ что рѣчь сію сочинилъ кто-то здѣсь (т.-е. въ Петербургѣ), а Петръ Васильевичъ выправилъ; но я вчера, въ публичной Академіи будучи, бороду намылилъ, а сегодня у княгини (Дашковой) и на обѣдѣ у графа (Безбородко) буду брить.“

Все это доказываетъ сколько шуму и толковъ было по случаю этой рѣчи. Въ послѣдствіи, на запросъ, какъ наградить Захарьина, Державинъ отклонилъ намѣреніе Гудовича опредѣлить его на службу, вслѣдствіе его пьянства, и совѣтовалъ какъ самое благоразумное положить въ банкъ на имя сына его рублей 500.

Однодворецъ этотъ, Петръ Михайловичъ Захарьинъ, безъ

вины виновный въ успѣхѣ сказанной имъ рѣчи, воспитывался съ дѣтства въ домѣ статскаго совѣтника Волкова, вмѣстѣ съ его сыномъ, и выучился тамъ правописанію, нѣмецкому языку, ариѳметикѣ и еще кой-чему; поступивъ затѣмъ въ военную службу, онъ началъ дурно вести себя, пить, и былъ вскорѣ выключенъ. Въ Тамбовѣ онъ жилъ уроками и стихами. Стихи писанные имъ были по большей части подражаніе псалмамъ и вообще вдохновлялись Святымъ Писаніемъ. Державинъ говоритъ что однодворецъ этотъ былъ человѣкъ очень даровитый и талантливый. Въ послѣдствіи Захарьинъ написалъ романъ (который хвалитъ и Державинъ) подъ заглавіемъ *Аѳѳакседъ*. Къ нему же именно написано Державинымъ одно шуточное стихотвореніе, переполненное мѣстными степными выраженіями. Оно озаглавлено: *Желаніе Зимы*. Посвященіе же гласитъ: „Его милости разжалованному отставному сержанту, дворянской думы копіисту, архиваріусу безъ архива, управителю безъ имѣнія, и стихотворцу безъ вкуса.“ Къ этому Державинъ могъ бы прибавить: и пьяницѣ безъ просыпа.

Послѣ отъѣзда Державина изъ Тамбовской губерніи, вслѣдъ за нимъ и Захарьинъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ адмиралъ Мордвиновъ отыскалъ его, какъ автора прочтеннаго имъ романа *Аѳѳакседъ*, и увезъ съ собою въ южную Россію. Захарьинъ умеръ въ Николаевѣ около 1800 года.

Послѣ молебна и рѣчей въ училищѣ, все общество было приглашено къ губернатору на обѣдъ. Тутъ было дворянство, какъ мѣстное, такъ и съѣхавшееся на открытіе училища изъ уѣздовъ, весь наличный составъ администраціи и наконецъ главнѣйшіе тузы изъ купечества. Покуда общество пировало у губернатора, народъ тоже пировалъ на площади. Купецъ Матвѣй Бородинъ (о которомъ еще не разъ придется упоминать ниже), откупщикъ, подрядчикъ и аферистъ, мастеръ на всѣ руки и въ особенности мастеръ обирать казну, устроилъ обѣдъ съ виномъ для народа на главной Тамбовской площади. Бородинъ, разумѣется, соблюдалъ свои интересы, угождая губернатору; и помимо надежды что имя его долетитъ и до Петербурга, приготавливалъ себѣ лазейку для полученія винаго откупа, въ которомъ Державинъ могъ ему помѣшать.

Во всякомъ случаѣ, благодаря ему, и простой народъ могъ попировать по случаю открытія училища.

За обѣдомъ у губернатора была сдѣлана подписка въ пользу новаго училища, но шла туго. Подписалось всего только 53 человѣка, на сумму въ 762 рублей. Подписной листъ этотъ полонъ именами которыя носятъ и теперь коренные обитатели Тамбовской губерніи. Тутъ подписались между прочими: Давыдовы, Чичерины, Хвощинскіе, Сатины, Сабуровы, Свѣчины, Аничковы, Бибиковы, Юзнобишины, Кугушевы, Мосоловы, Сухотины и, наконецъ, даже одинъ князь Давыдовъ-- родъ уже кажется прекратившійся. Вмѣстѣ со всѣми подписался послѣднимъ и Матвѣй Бородинъ. Державинъ, какъ губернаторъ, подписалъ сто рублей и отдалъ; поэтому и Матвѣй Бородинъ тоже подмахнулъ сто рублей, но не отдалъ. Всѣ остальные подписали отъ 25 рублей и ниже до одного рубля. Однако изъ этой подписной суммы въ 762 рубля, что̀ очень характеристично, было собрано деньгами менѣе трети. Если исключить пожертвованные губернаторомъ сто рублей, то изъ 662 руб., подписанныхъ за обѣдомъ, отдано было 192 руб. Остальные никогда не были собраны. Гости, очевидно, сгоряча подписались, а тамъ разъѣхались по домамъ и имѣніямъ, одумались и рѣшили: „Не стоитъ, молъ, того тратиться.“ Обѣдомъ, однако, празднество не кончилось. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, домъ губернатора тоже сіялъ огнями; въ немъ было празднество и балъ, о которомъ долго вспоминало Тамбовское намѣстничество.

XVIII.

Нѣсколько позже открытія училища, былъ открытъ Державинымъ и театръ, но такъ какъ зданіе театра еще не было готово, то сцена была на время поставлена въ его домѣ. Въ этотъ вечеръ на театрѣ шла комедія: *Такъ и должно*. Но прежде комедіи было представлено сочиненіе Державина, относящееся къ открытію училища.

Всѣ эти праздники и торжества должны были очень дорого обходиться Державину, и, какъ увидимъ ниже, ввели его даже въ долги.

Другъ его Львовъ, знавшій его денежныя дѣла, пишетъ ему однажды по поводу празднества въ честь Гудовича, въ видѣ шутки:

„....По скольку бишь вы за всякій праздникъ своихъ долговъ уплачиваете? Помнится мнѣ, Катерина Яковлевна мнѣ

этого не написала. Только полно что̀ за праздникъ! Правда, онъ долженъ былъ быть весьма хорошъ, только нельзя ли, мой другъ, чтобъ онъ былъ послѣдній? Или ты на банкъ надѣешься? Отпиши-ка ты мнѣ объ этомъ. Тогда я сдѣлаю праздникъ: Гаврилинъ покой и Катеринино счастье.

„Скажи, матушка, Катерина Яковлевна, по билетамъ что ли, или такъ просто, или какъ инымъ образомъ зовете, ваше превосходительство, боговъ-то къ себѣ въ гости? и намъ бы они были надобны, можетъ-быть иной блажной и богатый — долгъ заплатилъ.“

Сочиненіе Державина, представленное на сценѣ, имѣло мѣстный характеръ и интересъ. Оно называется:

Прологъ, въ одномъ дѣйствіи, съ музыкой, на открытіе въ Тамбовѣ театра и народнаго училища, представленный благороднымъ обществомъ.

Прологъ этотъ, относящійся главнымъ образомъ къ открытію народнаго училища, имѣетъ особую прелесть когда знаешь что онъ шелъ на домашней сценѣ губернатора, и каждое его слово имѣло тѣсную связь съ только-что совершившимся административнымъ актомъ. Дѣйствующія лица этого Пролога: Геній (исполнила дѣвица Бибикова), пустынникъ (Беклемишевъ), Мельпомена (дѣвица Орлова), Талія (дѣвица Чичерина) и дѣти—мальчики и дѣвочки, числомъ 20. Кромѣ того участвовало въ Прологѣ два хора уже взрослыхъ дѣтей дворянъ обоего пола, наконецъ хоръ домашнихъ лѣвчихъ помѣщика Сатина и доморощенные музыканты помѣщика Свѣчина.

Вотъ вкратцѣ этотъ *Прологъ* съ примѣчаніями Державина:

(Театръ представляетъ ночь и дикій лѣсъ, въ которомъ видны мрачныя пещеры. Свирѣпый вѣтеръ клонитъ деревья и производитъ трескъ и вой въ пещерахъ, въ которыя маленькія дѣти разнаго состоянія отъ шума бури и громовыхъ ударовъ прячутся. Музыка симфоніею своею изображаетъ неустройство стихій. По укрощеніи бури выходитъ Пустынникъ, украшенный сѣдинами, съ сѣкирой въ рукахъ.)

Пустынникъ. * О дикій, темный лѣсъ, ** но въ дикости прекрасный,
Стихіевъ шумомъ лишь и бурями ужасный!

---

* Аллегорическое отношеніе къ Петру Великому.

** Этими словами означается здѣсь тогдашнее малообразованное тамбовское общество. (Примѣчаніе Державина.)

Я годныхъ много зрю на дѣло здѣсь деревъ!
Но станетъ ли моихъ и вѣка и трудовъ,
Чтобы очистить ихъ?—Ахъ, нѣтъ! конечно нѣтъ!
По крайней мѣрѣ путь я къ свѣту проложу,
Пускай другіе, кто за мною, идутъ вслѣдъ....
(Рубитъ сучья, которые упадая, открываютъ просѣкъ)
Теперь довольнымъ я къ покою отхожу;
Исполнилъ я мой долгъ:—дорога къ свѣту есть.

Во второмъ явленіи театръ представляетъ на проложенной Пустынникомъ дорогѣ нѣсколько свѣтилъ, но оныя тотчасъ закатываются: восходитъ же выше всѣхъ ихъ солнце *, которое остановясь на полуденной линіи, лучами своими восхищаетъ вселенную. Музыка соотвѣтствуетъ ему радостными и великолѣпными тонами. Геній, или духъ просвѣщенія, слетаетъ на облакѣ, держа одною рукой учебную доску, а другою грифель. Видны при немъ кинжалъ и маска. Геній, сошедши съ облаковъ, удивляется красотѣ и величеству свѣтила олицетворяющаго Екатерину и говоритъ между прочимъ:

....Свѣтило славное! Отъ сотворенья міра
Блисталъ ли кто тебя любезнѣе, свѣтлѣе?
....Отъ свѣта твоего
Занявъ мой свѣтъ, мое блистанье
Я приложу стараньe
И лѣсъ сей просвѣтить готовъ.

Геній беретъ изъ облака учебную доску, вѣшаетъ на дерево и возглашаетъ:

Внимай меня, кто бъ ни былъ ты таковъ!
Убогій и богачъ, подвластный и свободный,
И пахарь, и купецъ, и рабъ, и благородный!

„Въ этихъ словахъ, говоритъ самъ авторъ въ примѣчаніи, намекъ на то что училище было открыто для всѣхъ сословій.“

Геній продолжаетъ:

....Себѣ желаетъ кто добра?..
Я чувствовать учу прямую честь,
Я разумъ знаньемъ наполняю,
Просите у меня, все дать я обѣщаю
Что̀ можетъ честь
Принесть

* Подъ солнцемъ разумѣется здѣсь Екатерина II.

И сердце воспалить къ поступкамъ благороднымъ.
Приди, кто хочетъ быть въ лѣсу семъ главнымъ!

На этотъ призывъ Генія являются отовсюду мальчики и Геній каждому изъ нихъ даетъ какой-нибудь совѣтъ.

Учись начальству быть послушнымъ прежде самъ!
Учись быть всѣмъ слугой!
Учитесь и трудитесь!

Въ явленіи третьемъ выходятъ Талія и Мельпомена и озираясь на лѣсъ замѣчаютъ:

И грамотѣ здѣсь знаютъ,
Здѣсь пишутъ кажется и могутъ мыслить.

Обѣ музы рѣшаются остаться въ этомъ лѣсу и рекомендуясь Генію какъ странницы изъ Греціи и Рима просятъ позволенія воздвигнуть въ лѣсу этомъ свой храмъ.

Геній восхищенъ прибытіемъ музъ и говоритъ что онѣ ему будутъ въ помощь въ трудномъ дѣлѣ. Онъ разказываетъ музамъ что лѣсъ этотъ уже нѣсколько вѣковъ стоялъ дикъ и подобенъ хаосу, но что:

Пустынникъ ревностный, могущій и великій

Очистилъ лѣсъ, проложилъ дорогу, и на ней лучи трехъ свѣтилъ (Екатерина, Анна и Елисавета) боролись съ окрестною тьмой, но не могли вполнѣ побороть ея и лѣсъ только слылъ просвѣщеннымъ. Но затѣмъ явилось великое свѣтило, которое своимъ блескомъ все возродило къ новой жизни и благодаря ему теперь

....Все движется, живетъ, растетъ и разцвѣтаетъ,
Все животворный огнь вкушаетъ, ощущаетъ,
Кремень преобращается въ алмазъ!

„Это, говоритъ авторъ въ примѣчаніи, намёкъ на однодворца Захарьина, который въ рѣчи своей назвалъ себя „сѣрымъ камнемъ, испускающимъ сильныя искры.“

Геній проситъ обѣихъ музъ скорѣе воздвигнуть въ лѣсу свой храмъ, потому что начальникъ края не будетъ этому противиться.

Голосъ вашъ здѣсь нынѣ будетъ внятенъ,
Оберегатель правъ здѣсь вамъ благопріятенъ.
Ты, Мельпомена, намъ доброты возвѣщай
И подвизаться въ нихъ героевъ поощряй;
А ты намъ, Талія, шпынствомъ твоимъ искуснымъ
Пересмѣхай порокъ и дѣлай его гнуснымъ.

Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы;
Вы умягчайте ихъ игрой своей....

На это отвѣчаетъ Мельпомена:

Все то что̀ по слѣдамъ пойдетъ коварства, лести,
И возродитъ въ сердцахъ крамолы, бунты,
Не пощадя себя на жертву принесу;
Иль съ тѣмъ умру, или отечество спасу!

Съ своей стороны Талія, получивъ отъ Генія маску, говоритъ:

Подъ ней сокрывшися, какъ будто не нарочно,
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страстно уязвлю.
Обманщиковъ, лжецовъ, ханжей и пустослововъ,
Хулителей, льстецовъ, язвителей, злослововъ,
Кокетокъ, игроковъ, неправедныхъ судей,
И въ прозѣ и въ стихахъ безграмотныхъ вралей,
Безмозглыхъ стихотворцевъ,
Безчестныхъ крючкотворцевъ,
Кащеевъ, гордецовъ,
И пьяницъ и мотовъ,
Господъ немилосердныхъ,
И мудрецовъ безвѣрныхъ
На свѣжу воду я всѣхъ выведу тотчасъ.
Иному въ носъ щелчка, другому иглу въ глазъ
Я смѣло посажу.
Ослины уши я иному присажу,
И добродѣтельныхъ заставлю имъ смѣяться.

Геній благодаритъ обѣихъ и прибавляетъ что прежде всего надо того

Пристойно помянуть,
Кто первый проложилъ въ лѣсу семъ къ свѣту путь.
И столь въ немъ расширилъ любезну свѣтозарность.
Намъ должно торжествомъ принесть тѣмъ благодарность.

Затѣмъ въ явленіи пятомъ:

Лѣсъ исчезаетъ, театръ представляетъ народную площадь украшенную великолѣпною колоннадой, въ концѣ которой виденъ храмъ просвѣщенія, по сторонамъ коего два обелиска съ сіяющими медальйонами. Первый, обвитый кипарисомъ, показываетъ въ тускломъ свѣтѣ, подобно зашедшему солнцу, вензелевое имя Петра I. Второй, обвитый лавромъ, въ полуденномъ свѣтѣ, представляетъ вензелевое имя

Екатерины II. Хоры пѣвчихъ. Мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными гирляндами, выходятъ съ обѣихъ сторонъ на площадь и становятся отъ обелисковъ вдоль по колоннадѣ. Геній становится на поставленномъ въ храмѣ тронѣ: Талія и Мельпомена—на ступеняхъ онаго, по правую и по лѣвую сторону.

Хоръ поетъ тихо, безъ музыки, обращаясь къ первому обелиску:

Ко скипетру рожденны руки
Онъ въ трудъ нескродный простиралъ:
Звучатъ до днесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертекъ ты, Великій Петръ!

По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами обелискъ Петра Великаго.

Послѣ этого, весь хоръ обращается ко второму обелиску и поетъ громогласно съ музыкой:

Сіяй, любезная планета,
Пресвѣтлой красотой твоей...
Сіяй несмѣтныхъ благъ причина,
Безсмертная Екатерина!...

(По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами второй обелискъ.)

Это представленіе по тому времени должно было, конечно, произвести огромное впечатлѣніе на полуобразованную и неразвитую среду. Всякій выходившій изъ залы театра, конечно, уносилъ съ собою массу новыхъ вопросовъ просившихъ разрѣшенія, — вопросовъ возникшихъ въ головѣ быть-можетъ въ первый разъ въ жизни.

Слѣдя за дѣятельностью Державина за три года его пребыванія въ Тамбовѣ, дѣйствительно удивляешься какъ его хватало на все. Какъ хватало времени на всѣ его занятія, дѣла, распри съ мѣстными жителями, на затѣи, мелочи этихъ разнородныхъ затѣй и вмѣстѣ съ тѣмъ на огромную переписку которую онъ велъ съ начальствомъ, съ друзьями обѣихъ столицъ и провинціи и даже съ юными актрисами изучавшими роли въ своихъ имѣніяхъ. Впрочемъ, за это время была принесена въ жертву муза. За время губернаторства

Державина имъ менѣе всего было написано. Да оно и понятно. Среди служебныхъ хлопотъ, душевныхъ волненій, досады и гнѣва, которые должна была возбудить въ немъ вскорѣ возникшая распря съ тамбовскими врагами, поэтъ поневолѣ долженъ былъ молчать въ немъ, а еслибъ и заговорилъ, то заговорилъ бы сатирикъ, заговорилъ эпиграммой... Ниже мы увидимъ какъ въ этой распрѣ губернатора съ мѣстнымъ чиновничествомъ, а затѣмъ и съ мѣстнымъ дворянствомъ, порядочному человѣку, честному, просвѣщенному, но пылкаго нрава, вносившему свою горячность во всякое дѣло, трудно было ужиться въ глуши. Увидимъ къ чему вела тогда борьба на аренѣ государственной службы съ болѣе сильными. Если поэтъ, уже извѣстный всей тогдашней грамотной и читающей Россіи, человѣкъ лично знакомый императрицѣ, чиновникъ покровительствуемый многими важными сановниками двора, однимъ словомъ, если Державинъ былъ осужденъ въ правомъ дѣлѣ и чуть не погибъ совсѣмъ, то что же могло случиться въ то время съ другимъ, съ простымъ смертнымъ?

XIX.

Итакъ, главное училище въ Тамбовѣ было съ грѣхомъ пополамъ открыто; помѣщеніе, ученики и книги были налицо. Но было налицо только два учителя. Вдобавокъ не было самаго главнаго, денегъ.

Да, денегъ не было и надо было ихъ достать во что бы то ни стало. Штрафныхъ денегъ съ купцовъ и подрядчиковъ было мало, пенныхъ денегъ еще менѣе, ибо, благодаря стараніямъ самого же губернатора, чиновники начали вести дѣла аккуратнѣе. Отъ продажи питей (процентъ съ рубля) еще можно было надѣяться на доходъ. Отъ продажи краденаго или пріобрѣтеннаго грабежомъ выручалось достаточно, но мѣра эта оказалась неприличною.

Итакъ Державинъ не успокоился на лаврахъ и, получая похвалы и благодарность изъ Петербурга за празднества и рѣчи по поводу открытія училища, занялся самыми существенными вопросами, т.-е. сталъ пріискивать учителей и обратился за пожертвованіями во всѣ уѣзды своей губерніи. Такъ какъ въ училищѣ не было и директора, а временно

завѣдывали имъ дворянскій засѣдатель секундъ-майоръ Карамышевъ и смотритель больницъ Степановъ, то Державинъ занялся и этимъ вопросомъ.

По поводу этого мы находимъ двѣ бумаги. Первая есть офиціальный рапортъ Гудовичу о томъ что Державинъ уже обращался къ преосвященному Ѳеодосію о присылкѣ семинаристовъ для училища, и что съ другой стороны онъ уже хлопочетъ о пріисканіи способнаго человѣка для занятія должности директора, но что пока никого не нашелъ. Рапортъ кончается словами: „доколѣ не получатся изъ Петербурга не вышедшія изъясненія исторіи и географіи, то приказалъ я учителямъ чтобъ они обучали симъ наукамъ по письменнымъ своимъ тетрадкамъ.“

Вторая бумага сюда относящаяся есть письмо къ Гудовичу отъ того же числа, въ которой Державинъ говоритъ между прочимъ: „Съ особеннымъ признаніемъ и благодарностью пріемлю я благосклоннѣйшее вашего превосходительства мнѣ порученіе избрать директора народныхъ училищъ, но, усмотря въ уставѣ описываемыя качества человѣка который долженъ отправлять сіе званіе, не вижу я здѣсь находящихся безъ должностей способныхъ къ оному, а потому и осмѣливаюсь вамъ рекомендовать титулярнаго совѣтника Поспѣлова, находящагося въ Петербургѣ,—весьма извѣстнаго мнѣ своимъ поведеніемъ и любленіемъ наукъ... который, по добрымъ своимъ качествамъ, конечно, можетъ выполнить совершенно возложенное на него служеніе.“

Далѣе Державинъ, по случаю отказа Поспѣлова, который получилъ мѣсто въ Петербургѣ, предлагаетъ тамбовскаго жителя Тимоѳеева и наконецъ Грибовскаго, который самъ желалъ этого и былъ бы назначенъ директоромъ, еслибы президентъ Академіи Наукъ, княгиня Дашкова, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не воспротивилась этому самымъ рѣшительнымъ образомъ. Державинъ кончаетъ письмо словами: „сіи люди знаютъ латинскій языкъ и прочія науки, въ уставѣ обучать предписанныя, то и могутъ весьма быть способны имѣть наблюденіе надъ учителями.“

Директоромъ училищъ мы находимъ зимою 1786—87 года Жохова.

Что касается до пожертвованій, на которыя вызывалъ Державинъ уѣздное дворянство и купечество, то наудача была полная, даже, можно сказать, неожиданная никѣмъ.

Въ Кирсановѣ дворянство отвѣчало молчаніемъ, а купечество прислало 75 рус. ассигн. Въ Спасскѣ дворянство тоже отвѣчало молчаніемъ, а про купечество городничій Коровинъ донесъ что онъ объявилъ имъ приглашеніе.... „Токмо изъ онаго всего Спасскаго общества, по неимѣнію у онаго большаго капитала, никого желающихъ къ тому не оказалось.“ Въ Шацкѣ дворянство тоже отвѣтило молчаніемъ, а городской голова Котовъ, отъ имени купечества, прислалъ для училища „въ пособіе издержекъ“ 25 руб. ассигн. Въ Елатьмѣ дворянство тоже отвѣчало молчаніемъ, за то купечество выслало, по приговору общества въ магистратѣ, 100 руб. ассигн. Въ Лебедяни купечество, въ свою очередь, отвѣчало молчаніемъ, а предводитель дворянства Илишинъ отвѣчалъ что Лебедянское благородное общество рѣшило такъ: „Когда въ здѣшнемъ городѣ таковое дѣтское училище учреждено будетъ, то тогда отъ всякаго, по достатку своему, въ таковое училище подаяніе отъ нихъ сдѣлано будетъ, а въ Тамбовское училище таковаго подаянія сдѣлать не согласны.“ Изъ Кадома купечество, самое богатое въ губерніи, отнеслось что „по ихъ нынѣ недостатку подаяніе учинить они не могутъ.“ Кадомскій же предводитель дворянства, Никифоровъ, отвѣчалъ губернатору слѣдующимъ письмомъ, которое пригодимъ дословно:

„Милостивый государь, Гаврилъ Романовичъ,—Всезнаменитыя дѣянія и слѣдующая сія (?) ко открытію народнаго въ городѣ Тамбовѣ училища, подъ руководствомъ вашего превосходительства, есть довольно любудительная цѣль каждаго патріота отечества, по изъявленію истиннаго усердія и споспѣшествованію того. Я, чувствуя всесердечно толь полезное роду человѣческому открытіе, всему въ округѣ находящемуся дворянству волю вашего превосходительства объявить и тщательное стараніе употребить и о дѣтяхъ не премину, и что̀ изъ того откроется, вашему превосходительству съ моимъ почтеніемъ донести не умедлю.

„По открытіи Тамбовскаго намѣстничества, Кадомское дворянство, имѣя чувственности къ постановленію Приказа Общественнаго Призрѣнія, и изъ усердія, составило сумму болѣе 700 руб., препоручивъ вкесть въ оной бывшему тогда господину предводителю, которыя и доставлены, но участвующія въ томъ особы, а особливо въ отдаленіи находящіяся, и понынѣ состоятъ о тѣхъ деньгахъ въ безъизвѣстности. Есть ли нѣтъ къ тому какихъ-либо-нибудь неизвѣстныхъ мнѣ препятствій, не благоволитель, ваше превосходительство, о томъ извѣстить. Чрезъ припечатаніе въ вѣдо-

мостяхъ мню небезполезнымъ и къ нынѣшнему случаю подѣйствовать сіе можетъ.

„Наконецъ съ истиннымъ моимъ и всесовершеннымъ къ особѣ вашего превосходительства почитаніемъ и преданностію пребуду во весь мой вѣкъ покорный слуга Иванъ Никифоровъ."

Этимъ письмомъ и запросомъ о 700 руб., прежде пожертвованныхъ, Кадомское дворянство и ограничилось. А деньги посланы были еще при губернаторѣ Макаровѣ и куда дѣвались, было конечно никому неизвѣстно. Державину же менѣе, чѣмъ кому-либо. Въ остальныхъ уѣздныхъ городахъ, какъ дворянство, такъ и купечество отозвались гробовымъ молчаніемъ.

Державинъ написалъ второй разъ. То же молчаніе. Въ третій разъ написалъ онъ. Но увы! уѣзды онѣмѣли или вымерли и по выраженію Державина: „не отзывались никакимъ голосомъ!"

Въ послѣдствіи только Козловское общество заявило себя рѣдкимъ исключеніемъ, построивъ каменный домъ при открытіи малаго Козловскаго училища. Затѣмъ Моршанское общество дало даровое помѣщеніе для своего малаго училища.

Итакъ, общество дало изъ всѣхъ уѣздовъ на образованіе свое 200 р., по нашему счету около 60 руб. сер.

Несмотря однако на скудость средствъ, въ ноябрѣ Державинъ уже задумалъ постройку въ Тамбовѣ каменнаго дома для училища.

Несмотря на это малое сочувствіе къ главному училищу въ уѣздахъ, губернаторъ вслѣдъ за открытіемъ этого училища все-таки занялся вопросомъ о малыхъ училищахъ по уѣзднымъ городамъ. Прежде всего обратился онъ къ городничимъ съ запросомъ о числѣ дѣтей которыхъ можно добыть. Вообще мы видимъ что для Державина, какъ и для правительства, главный вопросъ былъ: открыть училища и затѣмъ уже во что бы то ни стало найти дѣтей. Однимъ словомъ, не училища открывались для дѣтей, а дѣтей открывали, то-есть разыскивали для училищъ. При свѣдѣніяхъ какія были получены съ самаго начала изъ большинства уѣздныхъ городовъ, слѣдовало бы отложить учрежденіе училищъ лѣтъ на двадцать, если не болѣе... Родителей желающихъ отдавать дѣтей въ училища почти не оказывалось и можно сказать что главная надежда была на сиротскіе дома, вообще на сиротъ и на солдатскихъ дѣтей.

Свѣдѣніе о числѣ дѣтей которыхъ можно зачислить мы нашли только изъ пяти городовъ: Шацка, Елатьмы, Лебедяни, Моршанска и Козлова, а всѣхъ уѣздовъ въ Тамбовской губерніи было тогда двѣнадцать. Съ самаго начала, по первому призыву Державина, въ Козловѣ нашлось 20 человѣкъ; одинъ солдатскій сынъ, а остальные изъ купцовъ, однодворцевъ и мѣщанъ. Это было, какъ увидимъ, блестящимъ результатомъ сравнительно съ остальными упомянутыми выше четырьмя городами. Вообще Козловъ всегда во всемъ игралъ первую и видную роль, что̀ отчасти справедливо и теперь.

Въ Шацкѣ, съ самаго начала, оказался только нѣкто купецъ Лапушкинъ, соглашавшійся отдать своихъ трехъ сыновей, да еще одинъ сирота, числившійся въ Шацкѣ, но жившій однако съ матерью въ Кирсановѣ. Въ послѣдствіи нашлось 27 человѣкъ дѣтей. На это количество приходилось три купеческихъ сына и одинъ лѣкарскій, а затѣмъ шесть оберъ-офицерскихъ дѣтей, три сержантскихъ и 14 солдатскихъ; стало-быть на 27 человѣкъ 23 человѣка исключительно изъ дѣтей военнаго сословія. Въ Елатьмѣ нашлось восемь человѣкъ отдавшихъ своихъ дѣтей, а именно: два помѣщика, одинъ однодворецъ, одинъ церковникъ и четыре мѣщанина. Въ Лебедяни былъ тоже куріозный результатъ. На девять человѣкъ было двое дѣтей отставныхъ солдатъ и семь человѣкъ дѣтей тоже солдатъ, но изъ штатной Лебедянской команды. Училище вышло вполнѣ военное. Предполагать можно что здѣсь былъ просто отданъ исправникомъ приказъ по командѣ: „*отдавать!*“

Въ Моршанскѣ нашлось много охотниковъ отдать дѣтей въ школу: два купца, одинъ крестьянинъ, три солдата, двѣ солдатки, одинъ капралъ, одинъ барабанщикъ; остальные же 14 были изъ мѣщанъ. Всего охотниковъ 24 человѣка.

Изъ всего этого очевидно что дѣтей брали преимущественно такихъ родителямъ которыхъ можно было приказать учить ихъ грамотѣ.

Что касается до пріисканія домовъ для училищъ, то Державинъ прибѣгъ уже къ хитрости и предписалъ всѣмъ городничимъ вызывать охотниковъ изъ купечества строить каменные или деревянные училищные дома, съ обѣщаніемъ, что построившіе каменный домъ, не болѣе однако *трехъ человѣкъ вмѣстѣ* (а не всѣмъ обществомъ), освободятся *навсегда* отъ постоя въ ихъ собственныхъ домахъ. Если же

кто построитъ деревянный домъ, то „къ чести таковыхъ, могутъ быть имена въ газетахъ припечатаны.“

Нечего и говорить о томъ, какъ отозвались на это уѣздные жители. Охотниковъ пріобрѣсти такимъ путемъ освобожденіе отъ постоя не нашлось нигдѣ. Всякій зналъ что это обѣщаніе *навсегда* продлится только до первой смѣны губернатора. А видѣть имя свое *припечатанное* въ газетахъ и подавно никого не соблазнило. Одинъ городъ Козловъ былъ исключеніемъ; тамъ „благородное и гражданское общество“ положило выстроить каменный домъ. Немедленно послалъ имъ Державинъ форменный подписной листъ, планъ дома и смѣту потребнаго матеріала и, наконецъ, тотчасъ же назначилъ и мѣсто въ городѣ: „противъ гостинаго дома, на Московской улицѣ, отъ церкви Ильи Пророка первую угловую пропорцію“. Зданіе это и теперь существуетъ и очень красиво.

Въ нѣкоторыхъ городахъ дома однако скоро нашлись, въ другихъ предположено было нанять. Объ иныхъ же городахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній и только на одной бумагѣ находимъ приписку на краю листа: „А Спасскъ и Темниковъ остаются по недостатку учителей“, то-есть остаются безъ школъ.

Когда дома были найдены, были посланы повсюду плотники изъ Тамбовскаго баталіона, чтобы сдѣлать въ школахъ по одинаковому образцу столы, скамьи и черныя доски. Все это дѣлалось, пріискивалось, покупалось, чинилось съ невѣроятною поспѣшностью. Такъ напримѣръ 8го декабря были посланы: одинъ плотникъ въ Кирсановъ и Борисоглѣбскъ, другой въ Лебедянь, Липецкъ и Усмань, третій въ Моршанскъ, Шацкъ и Елатьму, четвертый въ Козловъ, гдѣ было болѣе всего работы, а между тѣмъ чрезъ двадцать два дня, то-есть въ Новый Годъ, предполагалось уже открытіе нѣкоторыхъ изъ этихъ училищъ. Но эти хлопоты были все-таки не велики въ сравненіи съ хлопотами Державина объ учителяхъ.

Пока онъ предписывалъ городничимъ о томъ чтобы *непремѣнно найти учениковъ*, онъ въ то же время велъ тщательную переписку объ учителяхъ съ преосвященнымъ Ѳеодосіемъ, съ консисторіей, съ ректоромъ семинаріи, съ Рязанскимъ губернаторомъ и съ Гудовичемъ. Въ учителяхъ былъ полный недостатокъ. Было только нѣсколько пріѣхавшихъ изъ Петербурга для главнаго училища.

Болѣе всего переписывается Державинъ съ преосвященнымъ Ѳеодосіемъ и проситъ Бога ради прислать ему семинаристовъ, которые уже „окончили грамматику, и которыхъ по навыкновенію ими способовъ учительскихъ въ главномъ училищѣ отъ присланныхъ изъ Петербурга,“ можно было бы къ Новому Году разослать по уѣзднымъ городамъ. Преосвященный Ѳеодосій пишетъ Державину 7го ноября, что семинаристовъ, окончившихъ грамматику, четыре человѣка къ нему отправлены.

Когда Державинъ на это сталъ требовать присылки двадцати двухъ человѣкъ, считая по два на каждое открываемое малое училище, то Ѳеодосій отвѣчалъ что онъ обязанъ прислать еще нѣсколько человѣкъ только для шести городовъ, потому что Шацкъ и Елатьма принадлежатъ къ Рязанской епархіи, Лебедянь, Липецкъ и Усмань къ Воронежской, а Темниковъ къ Владимірской. Ѳеодосій совѣтовалъ Державину обратиться въ Рязанскую семинарію, что̀ Державинъ и исполнилъ. Въ числѣ другихъ черновыхъ бумагъ мы нашли за это время слѣдующую собственноручную замѣтку Державина.

Учителя для народныхъ училищъ:

Отъ Тамбовскаго архіерея прислано.....	4	человѣка.
Изъ Рязани пришлются (?).....	12	„
Вольный однодворецъ Захарьинъ. *.....		
Да поручикъ Ломоносовъ.....		
Итого.....	18	человѣкъ.

Наконецъ въ исходѣ декабря нѣкто Дохтуровъ ** прислалъ изъ Рязани къ Державину десять человѣкъ семинаристовъ; въ то же время и Ѳеодосій прислалъ восемь человѣкъ. Державинъ благодарилъ перваго и очень сухо и желчно отозвался въ консисторію что присылка этихъ семинаристовъ была замедлена и что за неимѣніемъ въ нихъ теперь надобности, они отсылаются во-свояси въ семинарію. Затѣмъ, въ концѣ декабря, Державинъ предписываетъ городничимъ стараться непремѣнно открыть училища 1го января

* Это единственное указаніе на то что Державинъ хотѣлъ дать прославившемуся пьяницѣ Захарьину мѣсто учителя.

** Кто этотъ Дохтуровъ и какое мѣсто занимлъ въ Рязани, по дѣлу не видно.

и даетъ приказъ или наставленіе какъ совершить открытіе, то-есть говоритъ о приглашеніи жителей всѣхъ состояній, о молебнѣ, объ окропленіи святою водой и затѣмъ въ каждомъ городѣ назначаетъ въ чье завѣдываніе должно поступить училище, и даже поименовываетъ какихъ нанять сторожей. Въ то же время онъ предписываетъ Приказу Общественнаго Призрѣнія разослать учителей и каждому вручить подъ росписки нужныя имъ книги и по одному экземпляру устава о народныхъ училищахъ; притомъ выдать имъ по пятнадцати рублей жалованья впередъ.

Затѣмъ 14го января 1787 года Державинъ увѣдомляетъ Гудовича:

„Милостивый государь, Иванъ Васильевичъ,—Въ дополненіе донесенія моего, отъ 7го числа (января) къ вашему высокопревосходительству посланнаго, въ которомъ представлялъ я, между прочимъ, объ открытыхъ въ Шацкѣ и Моршанскѣ малыхъ народныхъ школахъ и что о прочихъ не имѣлъ рапортовъ, имѣю честь теперь донести что таковыя же школы дѣйствительно открыты въ первый день сего мѣсяца и въ городахъ Лебедяни, Козловѣ и Елатьмѣ...

„Гавріилъ Державинъ.“

Итакъ пять училищъ хотя съ великимъ трудомъ, но все-таки открыли въ Новый Годъ; и этими пятью малыми училищами Тамбовская губернія и ограничилась.

XX.

Укажемъ теперь къ какому результату эта вся дѣятельность привела.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1787 года директоръ Жоховъ, замѣнившій секундъ-майора Карамышева, временно исправлявшаго должность директора всѣхъ Тамбовскихъ училищъ, отправилъ въ Петербургъ *въ Главное Народныхъ Училищъ Правительство* слѣдующій отчетъ, который показываетъ какія училища дѣйствительно были открыты и въ какомъ положеніи находились какъ главное, такъ и малыя; первое почти чрезъ годъ своего существованія, а вторыя чрезъ восемь мѣсяцевъ.

Вѣдомость о состояніи народныхъ училищъ находящихся въ Тамбовской губерніи 1787 года.

§ 1. Въ Тамбовской губерніи находится нынѣ шесть народныхъ училищъ, изъ которыхъ одно главное въ губернскомъ городѣ Тамбовѣ, а другія малыя пять въ уѣздныхъ городахъ, какъ-то: въ Козловѣ, Лебедяни, Моршанскѣ, Шацкѣ и Елатьмѣ. Всѣ оныя училища, за неимѣніемъ казенныхъ училищныхъ домовъ, сдѣланныхъ по расположенію въ уставѣ народныхъ училищъ показанному, состоятъ въ домахъ городскихъ жителей, а именно: главное училище въ Покровской слободѣ, въ домѣ купца Бородина, занимая каменнаго строенія верхній этажъ, состоящій изъ четырехъ большихъ покоевъ для классовъ и одного малаго для библіотеки. Изъ малыхъ училищъ, Козловское, въ домѣ купца Баженова, Лебедянское—въ домѣ поручика Кузьмина; Моршанское—въ домѣ секретаря Минина; Шацкое—въ домѣ купца Милованова; Елатомское—въ домѣ построенномъ для присутственныхъ мѣстъ. Открыто изъ сихъ училищъ: первое главное—въ опредѣленное отъ Главнаго Училищъ Правительства время, прошедшаго 1786 года, въ день коронованія ея императорскаго величества. А малыя училища сего 1787 года, января 1го дня, съ котораго и начато ученье по предписанному порядку.

§ 2. Въ Тамбовскомъ училищѣ, въ силу Высочайшаго устава, коимъ опредѣлено чтобы вездѣ въ губернскихъ городахъ существовали главныя училища, состоящія изъ четырехъ классовъ, находятся оные четыре класса; малыя же училища, въ уѣздныхъ городахъ открытыя, состоятъ изъ двухъ классовъ.

§ 3. Учители въ главномъ училищѣ тѣ самые четыре кои присланы отъ Главнаго Училищъ Правительства, изъ коихъ первый предметомъ имѣетъ математическія части, физику, россійскій и латинскій языки, такожъ и рисованіе, въ третьемъ и четвертомъ классахъ; второй—всеобщую и россійскую исторію, всеобщую и россійскую географію и естественную исторію, также въ третьемъ и четвертомъ классахъ. Третій—пространный катихизисъ, священную исторію, книгу о должностяхъ человѣка и гражданина, руководство къ чистописанію, первую часть ариѳметики, письмо и рисованіе—во второмъ классѣ; изъясненіе Евангелія и пространный катихизисъ съ доказательствами—въ третьемъ классѣ. Четвертый—таблицы азбучныя, таблицы для складовъ, россійскій букварь, правила для учащихся, сокращенный катихизисъ, священную исторію, начальныя основанія письма и руководство къ чистописанію—въ первомъ классѣ, послѣдуя точно всѣ расположенія часовъ и учебныхъ предметовъ въ таблицѣ устава приложенной. Учители же малыхъ училищъ суть ученики требованные отъ его превосходительства г. правителя Тамбовской губерніи Г. Р. Державина изъ духовныхъ

семинарій Рязанской и Ломовской. Оныхъ шесть человѣкъ обучаютъ учебнымъ предметамъ, тѣмъ самымъ каковые главнаго училища въ первомъ и во второмъ классахъ, кромѣ ученія латинскаго языка, и съ тою притомъ отмѣною что въ сихъ классахъ, по окончаніи первой части ариѳметики, начинается и оканчиваеся вторая. Учители какъ главнаго, такъ и малыхъ училищъ, всѣ почти изъ духовнаго состоянія, кромѣ учителя главнаго училища втораго класса, который сынъ *подпрапорнаго;* всѣ природные Россіяне. Учители главнаго училища имѣютъ аттестаты отъ семинарій, въ коихъ прежде учились, до требованія указомъ въ главное С.-Петербургское народное училище для приготовленія себя къ учительской должности; учители изъ малыхъ училищъ аттестаты имѣютъ какъ отъ семинарій, такъ и отъ директоровъ тѣхъ школъ въ коихъ учились ариѳметикѣ и способу ученія. Жалованье получаютъ какъ тѣ, такъ и другіе по штату главнаго и малыхъ училищъ, въ уставѣ приложенному. * Всѣ учители въ должности своей рачительны и поведенія честнаго и похвальнаго.

§ 4. Число учениковъ въ главномъ училищѣ въ началѣ сего 1787 года, при первомъ публичномъ испытаніи, было 106 человѣкъ, причемъ присутствующіе всякаго званія жители города, какъ родители дѣтей, такъ и посторонніе, видя успѣхи учениковъ и уваживъ притомъ пользу наукъ, впредь послѣдовать имѣющую во всякомъ родѣ жизни ихъ дѣтей, съ большою охотой отдавать начали; такъ что при второмъ испытаніи, которое сего 1787 года іюля 9го и 10го дня, въ присутствіи его высокородія г. вице-губернатора М. И. Ушакова и другихъ особъ сего города было, собралось оныхъ учениковъ до 200 человѣкъ. А во всѣхъ малыхъ и съ главнымъ училищемъ 401 человѣкъ. Ученики въ главномъ училищѣ всѣ почти Россіяне, кромѣ двухъ, кои суть Нѣмцы; въ малыхъ же всѣ Россіяне. Состоянія ученики во всѣхъ училищахъ разнаго, а именно: бѣдныхъ дворянъ, купеческіе, однодворческіе, солдатскіе, господскихъ служителей и нѣкоторые изъ духовнаго состоянія. Всѣ они мальчики возрастомъ отъ 7 до 15 и 17 лѣтъ. Объ успѣхахъ учениковъ главнаго училища, кромѣ того что мною примѣчено, могутъ свидѣтельствовать уломянутыя два публичныя и приватныя испытанія, учиненныя, когда посѣщено было училище генералъ-губернаторомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ И. В. Гудовичемъ и губернаторомъ Г. Р. Державинымъ, которыя всѣ съ похвалою были отправляемы; успѣхи же учениковъ малыхъ училищъ довольно примѣчены мною въ бытность мою въ показанныхъ училищахъ.

---

* Въ главномъ училищѣ старшій учитель получалъ 400 р., младшій—200 р. Въ малыхъ училищахъ: старшій—150 р., младшій—120 р. Жалованье директора—500 р.

§ 5. Книги, какъ учительскія, такъ и ученическія въ главномъ и малыхъ училищахъ суть всѣ тѣ, въ § 3 показанныя, изданныя по Высочайшему повелѣнію для перваго и втораго классовъ. Книги же въ третій и четвертый классъ потребныя, поелику оныя, какъ-то: исторія общая и россійская, географія общая и Россійскаго государства, россійская грамматика, архитектура, не присланы отъ Главнаго Училищъ Правительства, то учители сихъ предметовъ ученикамъ диктуютъ изъ письменныхъ своихъ книгъ и послѣ, пересматривая, даютъ имъ наставленія, учиняемыя ими погрѣшности въ письмѣ исправлять.

У подлиннаго подписано: директоръ Андрей Жоховъ.

Въ слѣдующей же подробной вѣдомости, посланной въ главное управленіе училищъ 31 января 1788 года, находятся почти все тѣ же свѣдѣнія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ составѣ и въ средствахъ училищъ. Затѣмъ въ вѣдомости сообщено что 2, 3 и 4 января 1788 года было испытаніе въ присутствіи губернатора и „другихъ знатныхъ особъ, купечества и разнаго званія людей обоего пола". Публика задавала вопросы, въ особенности ариѳметическія задачи. Губернаторъ отнесся къ успѣхамъ съ большою похвалой. Дабы уничтожить *дурные слухи*, *ходившіе въ городѣ*, губернаторъ приглашалъ и прочихъ изъ посѣтителей вопрошать учениковъ, дабы вывести изъ сомнѣнія нѣкоторыхъ зрителей, полагающихъ будто ученики въ нѣкоторыхъ только статьяхъ изъ учебныхъ предметовъ на сей случай нарочно были приготовлены; но порядочнымъ и правильнымъ рѣшеніемъ задаваемыхъ посторонними вопросовъ и задачъ сіе сомнѣніе истребилось и публика совершенно удостовѣрилась о стараніи учителей и успѣхахъ учениковъ.

Затѣмъ въ той же вѣдомости доносится что главное училище перешло во вновь построенное казенное зданіе, близь присутственныхъ мѣстъ.

Затѣмъ въ донесеніи директора Жохова за весь 1788 годъ (помѣченное 25 января 1789 года, то-есть когда Державинъ выѣхалъ уже въ Москву, отрѣшенный отъ должности) находится снова тотъ же перечень учителей, учениковъ, книгъ и т. д. Въ этихъ вѣдомостяхъ мы уже находимъ фактъ уменьшенія числа учениковъ. Вотъ цифры всѣхъ трехъ вѣдомостей:

	Въ началѣ 1787 года.	Въ концѣ 1787 года.	За 1788 годъ.
Всего учениковъ въ малыхъ училищахъ.....	201	214	133
Въ главномъ училищѣ.....	200	152	148
Всего учениковъ въ Тамбовской губерніи.....	401	366	281

Эти цифры ясно доказываютъ: 1) что при каждомъ выпускѣ число выходившихъ превышало число вновь вступавшихъ въ школы; или 2) что публика, встрѣтившая открытіе школъ съ небольшимъ сочувствіемъ, понемногу окончательно охладѣла къ нимъ; или же 3) что солдаты, отдавшіе дѣтей по командѣ, побрали ихъ назадъ при новомъ удобномъ случаѣ; или наконецъ, 4) что при открытіи вступило, такъ-сказать, все накопившееся число неграмотныхъ отъ 7 и до 17 лѣтъ. Въ послѣдствіи же, послѣ очистки выпускомъ всего этого числа, сталъ поступать только годовой процентъ дѣтей охотниковъ въ первые классы училищъ. Къ несчастью, вѣдомостью за 1788 годъ кончаются свѣдѣнія о школахъ, и каково было ихъ послѣдующее состояніе, совершенно неизвѣстно.

Въ той же послѣдней вѣдомости есть указаніе о введеніи *новаго* обычая награждать лучшихъ учениковъ, отличившихся „успѣхами и благонравіемъ“, учебными книгами; имена второстепенныхъ хорошихъ учениковъ *читались* въ присутствіи посѣтителей на испытаніяхъ.

Въ концѣ вѣдомости находимъ доказательство что хлопоты Державина о пансіонахъ для дворянскихъ дѣтей не принесли желаемаго результата. Въ донесеніи Жохова сказано: „Пенсіоновъ и домашнихъ училищъ, какъ въ губернскомъ Тамбовѣ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, не находится.“

Къ этой же вѣдомости приложена длинная записка или, лучше сказать, нѣчто въ родѣ *хроники крупнѣйшихъ событій* въ школахъ. Изъ этой хроники мы узнаемъ что въ 1788 году Державинъ завелъ въ главномъ училищѣ учителя церковнаго пѣнія, нѣкоего чиновника съ жалованьемъ 150 р., съ помощникомъ, за 80 р. жалованья; но такъ какъ этотъ помощникъ, архіерейскій пѣвчій, Антипъ Травинъ, „ни съ чѣмъ несообразно льянствовалъ“, не являлся въ училище шесть мѣсяцевъ и пропилъ голосъ, то и былъ отрѣшенъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ была доставлена въ училище отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія электрическая машина, однако „безъ всякихъ къ ней принадлежностей“ и слѣдовательно стояла безъ пользы. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ городской лѣкарь Лимнеліусъ пожертвовалъ магнитъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ Державинъ, бывавшій часто въ училищѣ, пріѣзжалъ исключительно затѣмъ чтобъ осмотрѣть штукатурную работу. Это доказываетъ какъ Державинъ заботился объ училищѣ и входилъ самъ даже въ мелочи до школъ касающіяся.

Въ томъ же мѣсяцѣ пріѣзжавшій Гудовичъ былъ вмѣстѣ съ Державинымъ въ училищѣ „и учинено было приватное испытаніе учениковъ во всѣхъ четырехъ разрядахъ“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Тамбовъ, для ревизіи училища, главный начальникъ всѣхъ народныхъ училищъ Имперіи, Осипъ Петровичъ Козадавлевъ. Вмѣстѣ съ губернаторомъ, съ многочисленною публикой, явился онъ въ училище и сдѣлалъ экзаменъ во всѣхъ классахъ. Послѣ экзамена пѣвческій классъ пропѣлъ „начальныя основанія нотнаго пѣнія и кантъ“. Козадавлевъ остался крайне доволенъ и обѣщалъ о томъ „засвидѣтельствовать вышней командѣ“.

Въ августѣ баталіонный лѣкарь Друговъ пожертвовалъ въ училище „двѣ штучки натуральныхъ тѣлъ, изъ коихъ одна—родъ восточнаго хрусталя (?), а другая—самородный желѣзный кулоросъ (?)“

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ подполковникъ Свѣчинъ сдѣлалъ самое дѣльное изъ всѣхъ пожертвованій въ училище и вдобавокъ отчасти новинку, а именно: нѣсколько экземпляровъ сочиненій Ломоносова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подарилъ магнитъ въ желѣзной оправѣ, на подобіе подковы. Затѣмъ, неизвѣстно кѣмъ, прислана была астролябія, но безъ стрѣлки, и нѣсколько экземпляровъ сочиненія: *Нума Помпилій*.

Вообще жертвователи, исключая Свѣчина, сбывали въ училище всякую рухлядь.

Въ числѣ множества книгъ, присланныхъ въ этомъ году изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, находятся и географическія карты Америки. До того времени Америка для Тамбовскаго училища была еще не открыта. По каталогу выписываемыхъ учебныхъ книгъ видно, что требованіе на нихъ было

довольно разнообразно и колебалось между цифрою 20 и 80. Нѣкоторыя же книги требовались въ несравненно бо́льшемъ количествѣ. Такъ ариѳметикъ получено 200 каждой части, итого 400. Священныхъ Исторій 349 экземпляровъ. Книгъ *о должностяхъ человѣка и гражданина*, ученическихъ 294, что̀ почти равнялось спросу на руководства къ чистописанію (300 экземпляровъ) и превышало спросъ на буквари (250 экземпляровъ); за то руководствъ къ физикѣ и механикѣ требовалось по 20 экземпляровъ.

Другъ Державиныхъ, мужа и жены, княгиня Варвара Васильевна Голицына (Зубриловская), племянница князя Таврическаго, о которой мы упоминали уже не разъ, тоже пожертвовала въ училище „собраніе кремнистыхъ породъ камней, изъ коихъ примѣчанія достойны, какъ рѣдкостью, такъ и величиной, топазовые, калцедоновые, сердоликовые“.

Затѣмъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, 28 и 29 числа, было испытаніе учениковъ, интересное только тѣмъ что на немъ присутствовали вмѣстѣ Гудовичъ и Державинъ, уже заклятые враги, и въ то самое, слѣдовательно, время, когда жалобы и доносы Гудовича были уже въ Петербургѣ и когда Державинъ былъ уже отрѣшенъ отъ должности губернатора, но, вѣроятно, указъ объ этомъ еще не дошелъ до Тамбова. При испытаніи этомъ учениковъ оставалось уже только 148 человѣкъ, слѣдовательно съ іюня уменьшилось на 21, въ промежутокъ же не было выпуска. Вообще колебаніе числа учениковъ объясняется самимъ директоромъ Жоховымъ слѣдующимъ образомъ:

„Сіе число (учениковъ) иногда увеличивалось, иногда уменьшалось. Все сіе происходило по волѣ ихъ родителей, опекуновъ и господъ, которые, какъ представляли въ училище, такъ и брали, по своему произволенію. Многіе для употребленія на собственныя услуги, а нѣкоторые для опредѣленія въ государственныя должности.“

Надо думать что большинство публики, родителей и помѣщиковъ, относилось отчасти сочувственно и признавало пользу обученія, но только въ первыхъ классахъ; когда же дѣло доходило до исторій общей и россійской, до механики, до натуральныхъ тѣлъ и фигуръ и до латинскаго языка, то родители, а въ особенности господа, спѣшили взять ученика обратно или для опредѣленія въ службу, на жалованье, или къ себѣ во дворъ, или, наконецъ, за прилавокъ, если то были купцы.

Прибавимъ что во многихъ дѣлахъ есть указанія что въ народныхъ училищахъ былъ весьма малый процентъ дворянъ, и то были исключительно дѣти совершенно бѣдныхъ дворянъ; самый большой процентъ, какъ мы видѣли, состоялъ изъ солдатскихъ дѣтей.

Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ есть указанія на то что семинаристы, присланные изъ Рязани и изъ Ломова и вступившіе въ четвертый классъ главнаго училища въ Тамбовѣ, приглядывались къ порядку обученія въ младшихъ классахъ, со дня открытія по 1 января 1787 года, и затѣмъ поступили учителями въ малыя училища уѣздныхъ городовъ, но изъ этого невозможно прямо заключить что четвертый классъ былъ исключительно *приготовительнымъ учительскимъ*. Это было простымъ исключеніемъ. Нельзя утверждать что переходившіе въ четвертый классъ ученики могли готовиться въ немъ собственно къ учительской должности. Разумѣется однако что ученикъ окончившій въ главномъ училищѣ полный курсъ могъ быть немедленно принятъ учителемъ въ малое училище.

XXI.

Ссоры и непріятности Державина съ мѣстнымъ чиновничествомъ, а затѣмъ и съ мѣстнымъ дворянствомъ начались въ сущности уже въ январѣ 1787 года и длились годъ, а въ слѣдующемъ 1788 году уже началась настоящая открытая война. Тамбовъ и уѣздъ раздѣлились на два лагеря, и притомъ лагерь противниковъ губернатора, будучи съ самаго начала многочисленнѣе лагеря его сторонниковъ, увеличивался все болѣе съ каждымъ мѣсяцемъ. Не надо забывать что въ этомъ противномъ ему лагерѣ находился самъ генералъ-губернаторъ Гудовичъ, вице-губернаторъ тамбовскій Ушаковъ и всѣ крупные чиновники обѣихъ губерній входившихъ въ составъ генералъ-губернаторства, да кромѣ нихъ, еще нѣкоторые крупные помѣщики, къ которымъ съ удовольствіемъ присоединились вскорѣ Загряжскіе, Сатины и Араловы, то-есть всѣ прежніе враги.

Нельзя сказать что Державинъ былъ совершенно не виноватъ самъ въ этой борьбѣ и вообще во всей исторіи кончившейся для него очень дурно.

Въ тѣ времена второстепенные чиновники сидѣли десятки лѣтъ на своихъ мѣстахъ, сживались съ мѣстностью, роднились съ туземцами и между собой и пускали глубокіе корни. Мѣстный чиновникъ былъ или становился вскорѣ и мѣстнымъ дворяниномъ-ломѣщикомъ. Всякій, задѣвъ за живое одного человѣка, вооружалъ противъ себя нѣсколько семействъ. Задѣвъ двухъ-трехъ личностей не болѣе изъ міра администраціи, мѣстнаго дворянства и купечества, Державинъ сразу вооружалъ противъ себя всю губернію.

Въ этомъ губернскомъ административномъ мірѣ дѣйствительно на половину были люди сомнительной честности, и на половину люди порядочные, но дозволявшіе себѣ и своимъ подчиненнымъ уклоняться отъ обязанностей налагаемыхъ закономъ. Эти люди были честны по своему времени, и общество конечно считало ихъ таковыми. Напримѣръ, пользоваться казенными суммами, пускаться съ ними въ разныя предпріятія, какія только были тогда возможны (давать, напримѣръ, взаймы подъ проценты), считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

Ревизіи суммъ, которыя Державинъ постоянно дѣлалъ съ цѣлію прекратить это злоупотребленіе, возмущали чиновничество. Требовать чтобы казенныя деньги лежали въ своемъ мѣстѣ, а не путешествовали по разнымъ рукамъ и карманамъ, принося выгоду не казнѣ, казалось имъ не только педантствомъ со стороны губернатора, но и притѣсненіемъ, зложелательствомъ, „охотой и страстью дѣлать излишнія привязки и непріятности сослуживцамъ“. Державинъ долженъ былъ конечно знать что повсюду процвѣтаютъ тѣ же злоупотребленія, которыя онъ находилъ въ Тамбовѣ; врядъ ли онъ могъ надѣяться искоренить въ Тамбовѣ то что вошло въ плоть и кровь всякаго русскаго человѣка, и большаго и малаго, и столичнаго и губернскаго. Зачѣмъ же онъ боролся съ вѣтряными мельницами?

Дѣло въ томъ что Державинъ чиновникъ былъ самъ часто мелочно самолюбивъ, упрямъ и крутъ. Въ двухъ исторіяхъ которыя онъ затѣялъ въ Тамбовѣ, онъ очевидно не столько защищалъ казну и интересы правительства, сколько свое личное оскорбленное самолюбіе, да въ добавокъ еще мелкое. Державинъ хотѣлъ конечно и стремился быть тѣмъ чѣмъ были другіе губернаторы его времени, чѣмъ они были еще недавно: онъ хотѣлъ быть полновластнымъ и неограничен-

нымъ повелителемъ Тамбовскимъ. Но у другихъ современныхъ повелителей были связи въ Петербургѣ, дядюшки, тетушки, друзья; кромѣ того часто было имя, не литературное, не имя поэта, а имя извѣстное и блестящее, если не въ исторіи, то блестящее въ столицѣ и при дворѣ. Наконецъ если не имя, то состояніе, большія средства и слѣдовательно возможность покупать и закулать разныя мѣста и лица въ свою пользу. У Державина ничего этого не было. У него хватило только потомъ, по его словамъ, двѣ тысячи рублей на взятку въ Сенатѣ, да и тѣ были заняты подъ большіе проценты.

Державинъ, какo мы видѣли, не особыми заслугами на поприщѣ гражданской службы достигъ мѣста губернатора, а дѣлалъ карьеру и сдѣлалъ ее въ послѣдствіи при помощи и вслѣдствіе своего поэтическаго дарованія. Ода Фелицѣ была причиной и началомъ его повышенія. Что же могли сказать и говорили его современники?

— Виршами и стихами въ гору полѣзъ и въ люди вылѣзъ!

Нельзя сказать чтобъ и въ наше время положеніе писателя русскаго было завидное (и съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія). Каково же оно было въ тѣ времена! Еще живы были тѣ люди на памяти которыхъ первый поэтъ и стихотворецъ придворный былъ высѣченъ розгами на конюшнѣ вельможи. Другой писатель, уже современникъ Державина, былъ можно сказать въ штатѣ и на хлѣбахъ изъ милости у графа Панина. Третій, Сумароковъ, тоже почти современникъ Державина, поэтъ и драматургъ, на лути изъ кабака домой зачастую лежалъ пьяный въ халатѣ на Кудринской площади въ Москвѣ.

— А этотъ риѳмоплетъ виршами своими вышелъ въ люди! думалось Тамбовцамъ:—Да еще не сидитъ на своемъ мѣстѣ, а хочетъ повелѣвать, и все на свой ладъ вершить...

Будь на мѣстѣ Державина Нарышкинъ, Гудовичъ, Завадовскій, Безбородко и другіе. Они были бы и остались бы правы въ борьбѣ съ цѣлымъ намѣстничествомъ. Поэтъ и литераторъ, хотя человѣкъ просвѣщенный и умный, чиновникъ дѣльный и строго честный, былъ безъ труда смятъ и уничтоженъ толпой враговъ. Вскрывъ на свѣтъ Божій всѣ административныя злоупотребленія и безобразія провинціальнаго заходустья, Державинъ самъ запутался въ цѣлой сѣти жалобъ, доносовъ, ябедъ и каверзъ, которые посыпались изъ Тамбова въ Петербургъ. Начавъ барахтаться въ

этой стоячей мутной водѣ провинціальнаго общественнаго строя съ его обычаями и нравами, Державинъ поднялъ со дна на поверхность всю гниль и дрянь, всѣ подонки, и самъ захлебнулся въ этой всплывшей наружу тинѣ.

Правительство, подъ защиту коего онъ себя отдалъ, отлично знало что это честный, дѣльный и благонамѣренный чиновникъ. Но что жь изъ этого? Дальновидная и мудрая Екатерина умѣла различать и цѣнить людей, знала что Мурза видѣвшій Фелицу и воспѣвшій ее—честный и прямой человѣкъ, и конечно правъ въ своемъ дѣлѣ. А между тѣмъ императрица въ послѣдствіи заявила при свиданіи съ своимъ поэтомъ что „чинъ чина почитай, что онъ должно-быть безпокойный чиновникъ если въ третьемъ мѣстѣ не ужился," перессорился и кашу заварилъ. И при этомъ свиданіи въ умѣ императрицы тоже мелькнула мысль: „Да вѣдь это поэтъ! слѣдовательно плохой чиновникъ", и въ послѣднихъ словахъ государыни былъ совѣтъ: „писать лучше стихи".

Да и что жь могло сдѣлать правительство? Разогнать всѣхъ чиновниковъ въ Тамбовѣ, какъ лихоимцевъ и плутовъ, было бы не мудрено. Но откуда же было достать другихъ?

XXII.

Источникомъ главной непріятной исторіи было конечно мошенничество которое Державинъ вознамѣрился вывести на свѣжую воду отчасти по долгу правителя, а отчасти, повторяемъ, вслѣдствіе своего уязвленнаго самолюбія. Виновникомъ и героемъ дѣла является тотъ же Матвѣй Бородинъ, *угоститель* народа.

Личность этого Бородина, купца-аферіста, довольно интересна, хотя хорошо всѣмъ знакома. Пріятель всѣхъ второстепенныхъ губернскихъ чиновниковъ, знакомый всѣмъ и каждому, послѣдней собакѣ на улицѣ. Знающій всякаго и маленькаго человѣка и сильнаго міра и знающій какъ ко всякому изъ нихъ поддѣлаться и чѣмъ взять; личность извлекающая изъ всякаго человѣка, всякаго дѣла, всякаго случая, пользу себѣ и своему карману и въ концѣ-концовъ наживающая милліоны или отправляющаяся въ острогъ и въ Сибирь. Эта личность живетъ и теперь на Руси и можетъ-быть долго будетъ жить и процвѣтать.

Эта личность, одѣвающаяся грязно, кланяющаяся низко, лѣзущая и вылѣзающая изъ толпы въ люди назойливо, съ энергіей достойною лучшей доли, презирающая всѣхъ кто не наживается и все что̀ не деньги; отличный семьянинъ, отвратительный и вредный гражданинъ.

Это порожденіе той ехидны которая именуется полуграмотная среда. Это мужикъ съ милліономъ осиливший неразвитымъ, но отъ природы сильнымъ умомъ въ чемъ *суть* дѣла на землѣ.

На землѣ для него одинъ смыслъ, одна цѣль, одно дѣло — нажива. Для него равны: и бѣдный поселянинъ лотѣющій лѣтомъ въ страду, мерзнущій зимой въ холодной и худой избѣ; и важный сановникъ въ палатахъ за бумагами, увѣшанный орденами, и повелѣвающій полками писарей и подъячихъ; и ученый человѣкъ, говорящій на нѣсколькихъ ему невнятныхъ иноземныхъ нарѣчіяхъ, читающій и вычитывающій заморскую науку въ маханькихъ книжкахъ. Всѣ трое равны для него потому что онъ на всѣхъ трехъ взираетъ съ добродушнымъ презрѣніемъ, какъ человѣкъ на букашку, пеструю, размалеванную природой, но ненужную, или глупую и безвредную... Многихъ заурядныхъ качествъ и недостатковъ общихъ человѣчеству у него нѣтъ. Онъ не мстителенъ, но и не мягкосердъ, не обидчивъ, добродушенъ во злѣ, выносливъ во многомъ. Взаймы онъ не дастъ, нищему не подастъ, случайнаго бѣдняка должника согнетъ въ бараній рогъ и упечетъ по принципу...

Храмъ златоглавый съ богатымъ иконостасомъ выстроитъ, но подрядчиковъ и архитектора непремѣнно обочтетъ при расплатѣ. Онъ не самолюбивъ, не честолюбивъ, въ дворяне и превосходительные не лѣзетъ... Теперь подобныя личности иногда стали на это лакомы, да и вообще снаружи измѣнились, хотя внутренно остались тѣ же. Теперь они одѣваются чище, сняли длиннополый кафтанъ и дегтярные сапоги, сбрили бороды и орудуютъ на болѣе просторной аренѣ. Это уже не одно вино, сало, дрова, или казенные подряды. Теперь они проводятъ желѣзныя дороги, учреждаютъ банки, дружатся и роднятся съ генералами и сенаторами, ворочаютъ и своими и чужими милліонами и не воруютъ.... по мелочамъ. Иногда, понявъ силу печати, они появляются въ журналистикѣ, говорятъ рѣчи и подписываютъ статьи сфабрикованныя домашнимъ студентомъ. Нако-

нецъ иногда они издаютъ газеты и умѣютъ такъ намозолить глаза публики постоянно печатая громадными буквами свои фамиліи что становятся въ нѣкоторомъ смыслѣ знаменитостями, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ извѣстнаго изрѣченія нашего вѣка: Qu'est ce que la célébrité? c'est le scandal en grand!

Матвѣй Бородинъ, зная и понимая всю хилость тогдашней администраціи и всю нравственную шаткость ея представителей, умѣлъ дружиться съ сильными того міра и времени, и обманывая высшихъ чиновниковъ при помощи низшихъ, обманывалъ иногда и проводилъ въ концѣ-концовъ и этихъ послѣднихъ.

Онъ былъ или положительно очень богатъ и ворочалъ большими суммами и капиталами, или же въ дѣйствительности имѣлъ маленькія средства, но сумѣлъ прослыть за перваго мѣстнаго капиталиста. Во всякомъ случаѣ, при всякомъ денежномъ дѣлѣ, предпріятіи, подрядѣ, появлялся снова Бородинъ и дѣло всегда кончалось обманомъ. При контрактахъ онъ являлся владѣльцемъ сотней и тысячъ; при поступленіи же на него незначительнаго векселя и при описи имѣнія, оказывался безъ всякихъ средствъ. Всего интереснѣе что послѣ отказа его платить по ничтожному векселю, послѣ объявленной и очевидной несостоятельности, онъ снова появляется подрядчикомъ, капиталистомъ, и не знаешь чему приписать этотъ фактъ, наивности ли администраціи и общества, или его личной ловкости и умѣнью обернуться. Во всякомъ случаѣ эта типическая личность рисуетъ собою тогдашнее время и нравы.

Такъ какъ Бородинъ обманулъ уже разъ Державина съ подрядомъ кирпича, то понятно что губернаторъ старался отдалять плута отъ всякаго предпріятія. Бородинъ сначала не унывалъ. Съ цѣлью втереться въ милость къ губернатору, угодивъ въ трудную минуту, онъ угощалъ тамбовскихъ мѣщанъ обѣдомъ на площади при открытіи училища, обѣщалъ пожертвовать на училище деньги и даже убѣдилъ брата своего Іону отдать на первыхъ порахъ свой домъ подъ помѣщеніе того же училища. Но очевидно что несмотря ни на какія забѣганья ловкаго аферіста, губернаторъ былъ не податливъ. Между тѣмъ подошло время брать откупъ. Бородина не остановило явное недоброжелательство Державина. У него нашелся пріятель—тоже не по-

слѣдняя спица въ административной колесницѣ Тамбовской, а именно фактотумъ Гудовича въ двухъ намѣстничествахъ, правитель его канцеляріи, нѣкто Лаба. Бородинъ былъ уже давно близокъ Лабѣ, а Лаба былъ родственникъ и другъ вице-губернатора Ушакова, а Ушаковъ родственникъ многихъ и многихъ мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ. Сталобыть за Бородина были многіе...

Отсюда и ясно что борьба съ аферистомъ и плутомъ купцомъ перешла вскорѣ въ войну съ цѣлою губерніей. Дѣло началось такъ: Бородинъ вдругъ явился откупщикомъ. Заодно съ вице-губернаторомъ Ушаковымъ и совѣтниками правленія онъ ловелъ дѣло столь ловко и быстро что подписавъ контрактъ, по которому казна теряла до 30.000 руб. въ годъ, и не представивъ никакого залога и никакого свидѣтельства о своихъ средствахъ, получилъ откупъ по разрѣшенію самого Гудовича, дѣлавшаго все по указанію Лабы. И все было состряпано послѣшно и противъ воли губернатора и сначала даже безъ его вѣдома. Конечно прежде всего Державинъ былъ уязвленъ какъ чиновникъ и губернаторъ.

Условія откупа и разрѣшеніе Гудовича пришли въ Тамбовъ подъ Новый Годъ. Державинъ не могъ остановить сдачи откупа, иначе его самого вовлекли бы въ цѣлый лѣсъ приказныхъ крючковъ и тяжебныхъ ябедъ. Онъ разсудилъ остаться въ сторонѣ, сдѣлавъ такое постановленіе что въ случаѣ чего-либо, во всемъ бы отвѣчалъ Гудовичъ. Бородинъ принялъ откупъ, объявя 10.000, но не уплатилъ ни копѣйки, и понуждаемый губернаторомъ, три мѣсяца не платилъ ничего. Тогда стараніями ли Державина и преданныхъ ему лицъ, или иначе какъ-нибудь, но на Бородина вдругъ появилось взысканіе въ три тысячи рублей; онъ отказался платить. Приступили къ описи имущества его, котораго найдено всего на сумму 1.176 руб. 50 коп. Вѣроятно что онъ владѣлъ гораздо бо́льшими суммами, но сумѣлъ ихъ скрыть.

Державинъ все-таки могъ оставить Бородина откупщикомъ, ибо отвѣтственность въ обманѣ падала не на него, но онъ не захотѣлъ уступить и молчать, а послалъ жалобу въ Сенатъ; съ этого и заварилась каша. Жалоба эта задѣвала администрацію и общество, друзей Ушакова и друзей Бородина, наконецъ въ ней были задѣты самъ генералъ-губернаторъ Гудовичъ и его секретарь Лаба. Дѣло это все-таки въ послѣдствіи затянулось, какъ и многія другія

дѣла, и въ концѣ-концовъ не имѣло никакого результата. Забавно, что на торгахъ по содержанію виннаго откупа на слѣдующій годъ явился кандидатомъ тотъ же Матвѣй Бородинъ, по той причинѣ что его плутовство за прошлый годъ было еще не доказано, ибо рѣшеніе Сената еще не приходило. Друзья Державина отнеслись къ его поступку въ этомъ дѣлѣ какъ къ большой ошибкѣ и неосторожности его горячаго нрава, вообще какъ къ донъ-кихотству. Мѣшать обкрадывать казну и правительство вѣдь часто и теперь считается борьбой съ вѣтряными мельницами! И надо сказать, друзья были правы: въ послѣдствіи Державинъ пострадалъ, а Бородинъ остался цѣлъ, невредимъ и продолжалъ процвѣтать.

XXIII.

Вслѣдъ за дѣломъ Бородина, когда оно еще только началось, явилось другое, которое и повело къ окончательному разрыву Державина съ Тамбовцами.

Однажды во время Турецкой войны, явился къ правителю губерніи воронежскій купецъ Гарденинъ съ открытымъ ордеромъ ко всѣмъ губернаторамъ отъ князя Потемкина Таврическаго, какъ главнокомандующаго Украинскою арміей. Въ ордерѣ былъ приказъ помогать Гарденину, какъ провіантскому коммиссіонеру, въ покупкѣ и поставкѣ хлѣба на армію.

Потому ли что Державинъ давно зналъ лично и даже подъ конецъ любилъ Потемкина, и одолжить князя для него было особенно пріятно, или хотѣлъ онъ услужить фавориту и тѣмъ выиграть, трудно сказать. Вѣроятно, и то и другое вмѣстѣ. Но только Державинъ въ дѣлѣ Гарденина еще болѣе погорячился и въ этотъ разъ на его дѣйствіяхъ вполнѣ лежитъ уже печать служебнаго юпитерства и замѣтно желаніе отомстить, насолить врагамъ, поставить на своемъ чтобы показать свою власть.

Купецъ Гарденинъ представилъ Державину, помимо ордера къ нему, еще открытый указъ Сената казеннымъ палатамъ, объ отпускѣ Гарденину, какъ коммиссіонеру, безъ задержанія ассигнованныхъ на воинскій департаментъ суммъ.

Гарденинъ объяснилъ что онъ сторговалъ уже много хлѣба у сосѣднихъ помѣщиковъ, далъ задатку 50.000 рублей и долженъ по уговору при полученіи хлѣба уплатить всю остальную сумму или отказаться отъ хлѣба и потерять задатокъ. Срокъ поставки, назначенный по вскрытіи рѣкъ, приближался и Гарденинъ боялся опоздать. Выдача же остальныхъ денегъ должна была быть совершена изъ казенной палаты. Державинъ отослалъ Гарденина къ вице-губернатору Ушакову, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ казенной палаты. Ушаковъ, уже бывшій въ это время съ Державинымъ какъ говорится „на ножахъ“, вслѣдствіе исторіи съ Бородинымъ, неизвѣстно почему отказался наотрѣзъ объявивъ что провіантскихъ суммъ въ палатѣ нѣтъ никакихъ. Державинъ снова отослалъ Гарденина съ просьбой, за неимѣніемъ вышеупомянутыхъ суммъ, выдать нужныя деньги коммиссіонеру арміи, взявъ заимообразно изъ другихъ суммъ, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи замѣстить ихъ. Ушаковъ, не отвѣчая, въ тотъ же день выѣхалъ нарочно изъ города въ Липецкъ, лодъ предлогомъ указа Сената предписывающаго осмотръ тамошняго винокуреннаго завода. Гарденинъ былъ въ отчаяніи. Державинъ, очевидно разсерженный неудачей и явнымъ пренебреженіемъ къ нему Ушакова, взбѣсился. Онъ понималъ что единственная причина руководившая поступками Ушакова была личныя ссоры и личная месть за прошлое столкновеніе, а быть-можетъ и незаконное отсутствіе суммъ долженствовавшихъ быть налицо.

Въ сущности, слѣдовало оставить это дѣло, за которое ни Гарденинъ, ни самъ онъ отвѣчать не могли, ибо указъ Сената касался казенной палаты, а не губернскаго правленія, и прямымъ отвѣтственнымъ лицомъ явился бы Ушаковъ. Но Державинъ призвалъ тотчасъ же къ себѣ стряпчаго казенной палаты, и приказалъ подать себѣ вѣдомость о всѣхъ суммахъ находящихся въ палатѣ. Стряпчій отвѣчалъ что губернскій казначей и члены палаты не могутъ исполнить этого требованія за отсутствіемъ вице-губернатора. Это было справедливо, но Державинъ, разгорячаясь болѣе и болѣе, въ пылу гнѣва увлекся. Призвавъ коменданта Булдакова, преданнаго ему, и составивъ коммиссію изъ него, совѣтника правленія и секретаря, онъ приказалъ немедленно, безо всякаго права и насильственнымъ образомъ, обревизовать всѣ

имѣющіяся въ палатѣ суммы, и въ то же время послалъ обо всемъ случившемся рапортъ въ Сенатъ. Безпорядокъ конечно былъ найденъ полный. Суммы были большею частію размѣщены безъ записи, нѣкоторыя розданы знакомымъ Ушакова въ займы безъ процентовъ и безъ обезпеченія; коммиссаріатскихъ и провіантскихъ суммъ, которыя именно и просилъ Гарденинъ, оказалось около 200.000. Записныя книги были всѣ бѣлы и пусты. Наконецъ, неизвѣстныя суммы разложены были по разнымъ коробкамъ у мелкихъ чиновниковъ. Всего оказалось въ безпорядкѣ болѣе 500.000 рублей. Наряженною губернаторомъ коммиссіей былъ составленъ актъ и обо всемъ посланы вторичный рапортъ въ Сенатъ, и другой къ генералъ-губернатору.

Все это происходило предъ Страстною недѣлей. Въ Вербное воскресенье жена Державина открыла черезъ своихъ гостей и друзей-женщинъ заговоръ противъ мужа, заключавшійся въ томъ что палата послала уже въ Сенатъ рапортъ съ своей стороны о насиліи и притѣсненіи губернатора, и доказывала ложное содержаніе его рапорта о найденныхъ безпорядкахъ. Державинъ, не медля, на Страстной же недѣлѣ созвалъ къ себѣ почти всѣ мѣстныя власти: предсѣдателей палатъ гражданской и уголовной, двухъ Чичериныхъ, директора экономіи Аничкова, замѣнявшаго умышленно отсутствующаго Ушакова, казначеевъ, членовъ палатъ, присяжныхъ, губернскаго прокурора Хвощинскаго, коменданта и другихъ свидѣтелей ревизіи суммъ. И при всѣхъ сдѣлалъ допросъ бывшей коммиссіи: какой найденъ былъ безпорядокъ, и въ чемъ заключались притѣсненія и обиды нанесенныя чиновникамъ казначейства? Вся претензія ограничилась показаніемъ одного чиновника, который заявилъ что комендантъ Булдаковъ при ревизіи суммъ толкнулъ его тростью въ спину и сказалъ: „Ну, поскорѣе отпирай и вынимай что у тебя тамъ есть.“

Въ этомъ собраніи въ домѣ губернатора былъ снова составленъ актъ, конечно, на руку перехитрившаго ихъ губернатора, и отправленъ въ двухъ экземплярахъ снова въ Сенатъ и къ генералъ-губернатору. Но Гудовичъ былъ уже на сторонѣ враговъ Державина со времени дѣла объ откупѣ, и теперь, окончательно настроенный своимъ секретаремъ Лабой, энергически возсталъ противъ губернатора. Онъ тотчасъ

послалъ жалобу въ Сенатъ на своевольство Державина и превышеніе имъ власти. Сенатъ, гдѣ конечно у Гудовича было больше друзей и родни чѣмъ у Державина, хотя и прислалъ указъ немедленно выдать Гарденину требуемыя деньги, но сдѣлалъ выговоръ губернатору за то что онъ мѣшается не въ свое дѣло. Что касается собственно до распри между губернаторомъ и казенною палатой, то указъ предписывалъ Гудовичу „на мѣстѣ безпорядокъ исправить“. Это умышленно краткое изреченіе давало Гудовичу возможность и поводъ ко всякаго рода обидамъ. Въ то же время пришло, какъ нарочно къ увеличенію гнѣва Державина, рѣшеніе Сената и объ откулѣ, то-есть о купцѣ Бородинѣ, Ушаковѣ и Лабѣ. Указъ все оставлялъ по-старому, разрѣшалъ и утверждалъ.

Губернаторъ на глазахъ города и губерніи остался, какъ говорится, въ дуракахъ, а мошенничество было оправдано. Гудовичъ явился, разумѣется, лично въ Тамбовъ для исполненія сенатскаго указа, то-есть „безпорядокъ исправить“, и здѣсь произошла между нимъ и Державинымъ окончательная ссора, послѣ которой они уже остались врагами на всю жизнь. Дѣло доходило даже иногда до крупныхъ разговоровъ, причемъ Гудовичъ кричалъ что „Державинъ долженъ исполнять безпрекословно всѣ его повелѣнія какъ бы императорскаго величества“, и что онъ для Гудовича то же что и совѣтникъ... Державинъ отвѣчалъ что „онъ правитель губерніи, а не совѣтникъ“, и т. д. въ этомъ родѣ. Эта сцена живо представляется глазамъ и, конечно, не была страшна въ то время.

За то весь городъ, а вскорѣ и вся губернія, узнали что начальники развоевались и единоборствуютъ. И всѣ, отъ совѣтниковъ и казначеевъ до послѣдняго уѣзднаго становаго, были въ страхѣ за свою судьбу, свои мѣста и жалованья. По малороссійской пословицѣ: паны дерутся, у хлоповъ чубы болятъ! всякій ждалъ чѣмъ кончится поединокъ, чья возьметъ.

Началось крючкотворство и сочинительство съ обѣихъ сторонъ. Тамбовъ началъ бомбардировать Сенатъ ворохами *репортовъ* и *меморій*, то-есть, по-просту сказать, всякою ябедническою дребеденью. Но вѣдь въ тѣ времена пятьдесятъ процентовъ приходившихъ въ Сенатъ бумагъ были такого свойства, и тамъ имѣлись даже на это мастера очищать

во всякомъ дѣлѣ самую суть отъ *ябеды*, а затѣмъ подводить законъ, чтобы *милый* по возможности выходилъ сухъ изъ воды, а если и виновенъ, то по *легкомыслію*. Выраженіе существующее и теперь, но конечно уже не въ учрежденіяхъ и не офиціально, а въ обществѣ...

XXIV.

Но обѣ стороны не ограничились Сенатомъ. Туда жаловались чтобъ исполнить форму, но сила была не въ Сенатѣ и не тамъ въ сущности произносился приговоръ надъ борцами; тамъ только укладывался онъ на бумагу въ видѣ длинныхъ казенныхъ словъ, неудобо произносимыхъ по мудрености своей и не употребляемыхъ въ разговорной рѣчи.

Дѣло рѣшалось и приговоръ произносился тетушками, дядюшками, пріятелями, кумовьями и покровителями и въ сюртукахъ и въ юпкахъ.

Гудовичъ писалъ своимъ доброжелателямъ, Державинъ своимъ. Оба писали письма въ Петербургъ, въ Москву, прилагая всякія копіи, даже копіи дѣлъ давно уже забытыхъ, вызывающія снова на свѣтъ обстоятельства совсѣмъ не идущія къ настоящему дѣлу. Тутъ было все что только разумъ борца за свое личное самолюбіе могъ придумать.

Державинъ писалъ и заставлялъ жену писать всюду. Кажется чему бы общему быть между тамбовскою исторіей и лагеремъ подъ Очаковымъ. А между тѣмъ и туда поѣхало нѣсколько писемъ, къ Потемкину, къ правителю его канцеляріи В. С. Попову и къ адъютанту его князю Голицыну. Письма эти, помимо Державина и жены его, были отъ княгини В. В. Голицыной, остававшейся въ своемъ имѣніи въ Тамбовѣ и писавшей мужу и дядѣ въ защиту своего друга поэта, пострадавшаго якобы изъ-за него и интересовъ его арміи.

Между тѣмъ сужденіе Державина предвидѣлось, оно уже было на устахъ близкихъ ему людей.

Друзья Державина не оправдывали его поступковъ. Другъ его Львовъ, вѣчно пишущій въ шутливомъ тонѣ, говоритъ: „Вижу въ немъ (въ поступкѣ Державина) твое героическое намѣреніе, но не очень его понимаю. Курціусу хорошо было

одному въ яму прыгнуть: спасеніе отчизны его отъ того зависѣло."

Другой (Васильевъ) изъясняется болѣе просто: „Не выдавала казенная палата деньги коммиссіонеру присланному изъ Екатеринославля (то-есть Гарденину), она бы за то и отвѣчала. Тутъ можно сказать что вы входите въ распоряженія другаго и вовсе не принадлежащаго дѣла."

Державинъ и самъ хорошо зналъ это. Но превышеніе власти тогда было всюду ежечаснымъ явленіемъ и почти всегда сходило съ рукъ.

Что касается до освидѣтельствованія коммиссіей всѣхъ суммъ, о которомъ, очевидно, сообщилъ ему Державинъ, то вотъ мнѣніе того же Васильева, тоже характеризующее тогдашній взглядъ на служебныя обязанности съ точки зрѣнія честнаго чиновника.

„Коммиссія объ освидѣтельствованіи казенной палаты еще больше можетъ вамъ нанести нареканіе; ежели откроется что-либо по свидѣтельству, то скажутъ что вы по ненависти и мщенію оное сдѣлали, ибо тутъ дѣло уже идетъ до чести; буде же ничего не откроется, то еще больше скажутъ что придирка, и отнесть могутъ оную къ той же причинѣ..." Далѣе Васильевъ прибавляетъ что онъ говоритъ это не изъ дружбы съ Ушаковымъ, а изъ любви къ Державину, потому... „Чтобъ не говорили что вотъ человѣкъ нигдѣ не уживается; буде не съ начальникомъ, то съ подчиненными заводитъ разные раздоры."

Иного мотива какъ ненависть и мщеніе Васильевъ не допускаетъ. Да иного мотива, по правдѣ говоря, у Державина на этотъ разъ и не было. Дѣло шло положительно не о казнѣ и ея интересахъ, а о личной отместкѣ.

Дѣйствительно тогда установилось общее мнѣніе что Державинъ человѣкъ съ неуживчивымъ, крутымъ и деспотическимъ нравомъ. Исторія тамбовская и ссора съ Гудовичемъ была уже третья. Однако надо сказать что если Державинъ былъ не совсѣмъ правъ ревизуя начальственнымъ образомъ не прямо подвѣдомственныя ему учрежденія, то былъ когда-то совершенно правъ относительно чудачествъ Тутолмина въ Олонецкой губерніи и самоуправства генералъ-прокурора князя Вяземскаго.

Итакъ, пока администраторы тамбовскіе сражались перьями,

что же дѣлали ихъ жены? Неужели наши прабабушки были способны оставаться хладнокровными зрительницами? Нѣтъ, женщины только въ странахъ и націяхъ находящихся въ періодѣ упадка и разложенія бездѣйствуютъ. Римлянки временъ Ромула и Цезарей, Эллинки временъ Ликурга, Перикла и Гракховъ не бывали никогда за кулисами во дни борьбы... Женщины юной Екатерининской Россіи, представительницы первыхъ женскихъ поколѣній со дня своего освобожденія изъ теремовъ и свѣтлицъ, не могли страдать и не дѣйствовать. И вотъ, вскорѣ на арену выступаютъ и героини, жены враговъ, но выступаютъ не на дѣло примиренія.

Жена Державина была однажды въ гостяхъ у Араповыхъ, тамъ же была и жена Чичерина, предсѣдателя гражданской палаты. Между женами нечаянно или нарочно вышла ссора и вѣроятно было много сказано съ той и съ другой стороны. Старые люди еще помнятъ какъ наши прабабушки ссорились и что тогда подчасъ случалось!... Что именно произошло у Араповыхъ въ гостяхъ, неизвѣстно; въ запискахъ Державина не упоминается объ этой ссорѣ ни слова. Изъ переписки видно что Екатерина Яковлевна Державина даже заболѣла послѣ этого происшествія, вѣроятно съ горя или досады. Во всякомъ случаѣ, эта ссора подлила масла въ огонь. Новая жалоба на губернатора и его жену была отправлена прямо на Высочайшее имя, подписанная уже Чичеринымъ. Въ чемъ заключалась исторія и самая жалоба, видно изъ объяснительнаго по этому поводу письма Державина къ одному изъ своихъ покровителей, графу Безбородко, которое приводимъ почти цѣликомъ.

„3 іюля 1788 года. Сіятельнѣйшій графъ,— Воздерживался я безпокоить ваше сіятельство по здѣшнимъ обстоятельствамъ горестными моими письмами, зная обремененіе ваше государственными дѣлами; но, будучи много оскорбленъ людьми дурными и безчестными, прерываю терпѣніе и яко къ благодѣтелю моему прибѣгаю къ ломощи и защищенію!... Учинилось, мнѣ извѣстно... что отъ предсѣдателя здѣшней гражданской палаты, Чичерина, послана ея императорскому величеству на жену мою жалоба. Какого она точно содержанія, я не знаю; но ежели разсѣянному вѣрить слуху, то состоитъ она въ клеветѣ, что якобы жена моя, его, Чичерина жену, въ компаніи у дворянина Аралова не токмо бранила, но даже била, и выгнала вонъ. Я не буду въ защищеніе говорить того что жена моя воспитана въ Петербургѣ, что по-

веденіе ея извѣстно многимъ знатнымъ особамъ, которое никогда мнѣ стыда не приносило; слѣдовательно и не могла она быть столько буйною чтобъ еще въ чужомъ домѣ браниться и драться. Не буду я также подробно изъяснять того какое въ самомъ дѣлѣ случилось происшествіе съ женой моею въ домѣ Арапова, и не была ли она болѣе обижена Чичериной, пріѣхавшею со многою своею партіей въ домъ Арапова, гдѣ была жена моя одна, и принудивъ ее своими придирчивыми вопросами къ разговору; изъ чего хотя и произошла между ними размолвка, ничего однако непристойнаго не было, что могутъ хозяинъ и хозяйка и многіе тутъ бывшіе по присягѣ засвидѣтельствовать... Словомъ, только то донесу: ежели бы и въ самомъ дѣлѣ жена моя забыла всю пристойность и обидѣла столь несносно Чичерину, что стóило утруждать всемилостивѣйшую государыню... то какъ сіе случилось въ бытность въ Тамбовѣ Ивана Васильевича (Гудовича), а потому и должна была жалоба прежде дойти до него; ибо хотя проистекла она не изъ чего иного какъ изъ бабьихъ дрязгъ, но когда уже вступился мужъ и простиралъ жалобу свою даже до престола, слѣдовательно она, яко уже важное дѣло, должна быть производима своимъ порядкомъ, отъ разбирательства которой и отъ прекращенія ссоры, яко главный начальникъ въ городѣ, не долженъ былъ отказаться Иванъ Васильевичъ... Ежели же ничего этого не было, то для чего же г. Чичеринъ, будучи предсѣдатель, вѣдающій законы, принесъ жалобу свою чрезъ начальство и мѣста учрежденныя, прямо ко всемилостивѣйшей государынѣ; а особливо по столь неважному дѣлу, что весьма запрещаютъ законы... Самому Иванъ Васильевичу, а не Чичерину должно было довести до свѣдѣнія престола мою строптивость, мой безпокойный и горячій нравъ, которымъ, будучи не въ состояніи ничего другаго къ безславію моему сказать, меня упрекаютъ, что я далъ волю женѣ своей обидѣть благородную женщину, и яко начальникъ, разрушилъ тѣмъ спокойствіе общества и т. п. Личную же обиду Чичериной предоставить бы отыскивать гдѣ должно по законамъ, а мужа ея отъ таковой дерзновенности, приносить прямо къ престолу жалобы, воздержать, ибо, чаятельно, ни гдѣ и въ непросвѣщенныхъ народахъ того не водится чтобы женскія сплетни разбирали императоры. Но я въ пользу Ивана Васильевича убѣждаю себя вѣрить что столь неосновательная жалоба простерта къ ея императорскому величеству безъ его свѣдѣнія, хотя она и въ бытность его въ Тамбовѣ отправлена на почту и хотя при сочиненіи ея былъ его секретарь... Про ссору же между дамъ случившуюся, лично отъ меня и отъ хозяина Иванъ Васильевичъ зналъ, и какъ ничего уваженія достойнаго въ ней не заключалось, и я, имѣя болѣе права быть въ неудовольствіи за неуваженіе жены моей, перенесъ сію исторію сколько можно холодно, посмѣявшись

только на счетъ обѣихъ соперницъ, то и думалъ что она дальнѣйшихъ слѣдствій имѣть не будетъ... Жалоба Чичерина сочинена сыномъ его вообще съ вице-губернаторомъ, экономіи директоромъ, совѣтникомъ казенной палаты Макшеевымъ и секретаремъ генералъ-губернатора Лабою....“

Далѣе Державинъ говоритъ въ этомъ письмѣ что жалоба Чичерина была послѣдствіемъ все тѣхъ же ревизій суммъ въ палатахъ и что главный зачинщикъ всего тотъ же Ушаковъ. Письмо это кончается такъ: „Словомъ, я и сію Чичерина жалобу предполагаю болѣе проистекшею отъ него же, г. вице-губернатора, дабы и чрезъ стороннія руки представить меня притѣснителемъ всѣхъ со мною служащихъ и очернить характеръ мой и даже жены моей, и тѣмъ возбудить сожалѣніе о своей мнимой невинности, прикрыть свои непорядки, представить меня несноснымъ и тѣмъ самымъ, какъ ему давно желается, очистить себѣ мѣсто правителя...“ и т. д.

Помимо графа Безбородко Державинъ разослалъ нѣсколько копій съ этого письма и другимъ лицамъ.

Въ этомъ письмѣ знаменитаго поэта, несмотря на все безпристрастіе съ которымъ взираешь на всю Тамбовскую исторію и на его роль въ ней, трудно не замѣтить тоже нѣсколько крючкотворскую манеру.

Еслибы Чичеринъ былъ другомъ Ушакова и былъ золъ на губернатора за ревизіи суммъ, то давно бы нашелъ поводъ къ жалобамъ и доносамъ. А между тѣмъ Чичеринъ заговорилъ и послалъ жалобу на Высочайшее имя только послѣ темнаго происшествія между женами у Араповыхъ, нисколько не разъясненнаго и Державинымъ.

Затѣмъ копіи съ разныхъ бумагъ, приложенныя Державинымъ къ этому письму, подымаютъ снова наружу старыя дрязги. По поводу ссоры своей жены съ женой Чичерина Державинъ посылаетъ графу Безбородко бумагу въ которой тотъ увидитъ что Чичеринъ давалъ казенныя деньги взаймы на проценты... Было же это за два года предъ тѣмъ....

Въ другой бумагѣ за другимъ нумеромъ Державинъ доказываетъ что при ревизіи въ гражданской палатѣ суммъ не оказалось и онѣ сполна были внесены уже во время ревизіи. На это все можно было отвѣчать: прекрасно, но не въ этомъ

вопросъ. Вопросъ въ томъ: дрались ли жены или нѣтъ, и кто началъ и кто кого одолѣлъ.

Затѣмъ Державинъ обвиняетъ Чичерина въ преступленіи закона при подачѣ жалобы на него и его жену не Гудовичу, а прямо императрицѣ... Державинъ зналъ что это не только не преступленіе, а право всякаго Русскаго, непосредственно обращаться къ монарху...

„Чаятельно нигдѣ, остритъ онъ, и въ непросвѣщенныхъ народахъ того не водится, чтобы женскія сплетни разбирали императоры.“

Конечно правда! Но сплетня ли это? Происшествіе у Араловыхъ въ домѣ переполошило весь городъ. А между тѣмъ въ письмѣ Державина самый фактъ послужившій Чичерину поводомъ къ жалобѣ остается неразъясненнымъ. Предположить что Чичеринъ послалъ жалобу на Высочайшее имя *безъ всякаго повода*, что въ случаѣ наряженнаго слѣдствія могло бы оказаться что дамы только поспорили, что однимъ словомъ, Чичеринъ сдѣлалъ изъ мухи слона, предположить этого нельзя. Чичеринъ могъ послать ябеду и фальшивый доносъ въ Сенатъ, это было въ обычаѣ, въ нравахъ... Но лгать на Высочайшее имя не было въ нравахъ, къ этому не привыкли, да и боялись.

Итакъ, надо думать что губернаторша тоже погорячилась черезчуръ, подобно мужу, конечно выведенная изъ терпѣнія „многою партіей“ гжи Чичериной. Вѣроятнѣе всего этотъ вечеръ у Араповыхъ былъ засадой губернаторшѣ чтобъ *выговорить* ей все про мужа.

XXV.

Прошло два мѣсяца со времени этой послѣдней жалобы на губернатора и пришелъ отвѣтъ на первую, то-есть на жалобу генералъ-губернатора въ Сенатъ.

Указъ Сената требовалъ объясненій отъ Державина и предлагалъ оправдаться по нѣсколькимъ пунктамъ взводимаго на него обвиненія. Между прочимъ онъ обвинялся въ превышеніи власти, неповиновеніи прямому начальству и кромѣ того будто бы за время своего управленія накопилъ недоимку, предавался лихоимству, и наконецъ въ присутствіи генералъ-губернатора въ намѣстническомъ правленіи не

исполнялъ его приказаній. А къ довершенію всего, однажды *за воротъ тащилъ* въ правленіе генералъ-губернатора.

Послѣднее напоминало уже исторію о медвѣдѣ въ Олонецкомъ губернскомъ правленіи.

Державину не трудно было немедленно отвѣчать на этотъ, по его выраженію, „сумбуръ", но онъ понялъ что собственный его отвѣтъ не будетъ имѣть никакого значенія, что дѣло станутъ все-таки разбирать на основаніи справокъ которыя велятъ собрать на мѣстѣ самому же Гудовичу. Поэтому, не объявивъ сенатскаго указа въ правленіи, Державинъ призвалъ чиновниковъ и объяснилъ имъ что по одному постороннему дѣлу нужно официальнымъ порядкомъ собрать эти справки о немъ требуемыя Сенатомъ. Когда справки были собраны и подписаны совѣтниками правленія, Державинъ отослалъ ихъ въ Сенатъ. Такимъ образомъ клевета Гудовича была опровергнута его же подчиненными. По этимъ справкамъ оказалось, между прочимъ, что даже прежняя большая недоимка была собрана, а что въ присутствіи правленія губернаторъ не могъ ослушаться генералъ-губернатора, такъ какъ этотъ послѣдній *никогда* въ Тамбовскомъ намѣстническомъ правленіи не бывалъ. Свидѣтелей того что Державинъ Гудовича тащилъ за воротъ тоже конечно не нашлось.

Отославъ справки, Державинъ объяснилъ всѣмъ что указъ Сената явился по поводу жалобы ихъ общаго начальника. Прокуроръ и совѣтники, видя что дали справки опровергающія жалобу Гудовича, струсили и немедленно дали ему знать обо всемъ въ Рязань. Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ приказомъ не давать справокъ, но было уже поздно. Тогда Гудовичъ послалъ новую жалобу въ Сенатъ на то что Державинъ собраніемъ справокъ чрезъ совѣтниковъ какъ бы отдалъ его подъ судъ намѣстническаго правленія и его подчиненныхъ.

Благодаря этой жалобѣ Гудовича, друзья его въ Сенатѣ прибѣгали къ хитрости. Не принявъ справокъ Державина за отвѣтъ, сдѣлали видъ что отъ него отвѣта и объясненій на указъ нѣтъ и что онъ слѣдовательно виноватъ въ промедленіи. На этомъ основаніи родственникъ и другъ Гудовича графъ Завадовскій доложилъ императрицѣ что Тамбовскій губернаторъ виновенъ во многомъ и между прочимъ въ томъ что *упослѣживаетъ* отвѣтами и что его надо предать суду.

Двусмысленное выраженіе Завадовскаго было взято съ

польскаго языка, и въ этомъ состояло главное обвиненіе Державина. Uposledzic' значитъ ставить (одного) ниже (другаго), обходить, избѣгать. Что же значило *упосльжывать* отвѣтами, по выраженію Завадовскаго? Значило ли унижать генералъ-губернатора, ставя его ниже совѣтниковъ, или увертываться въ отвѣтахъ, не отвѣчать прямо на вопросъ, или же иное что. По объясненію самого Державина, Завадовскій хотѣлъ именно сказать и ставилъ ему въ вину что онъ медлилъ отвѣтомъ. Вотъ преступленіе губернатора которое довели наконецъ и до императрицы, чтобъ отдать подъ судъ виновнаго; но Екатерина приняла докладъ Завадовскаго и оставила его у себя безъ конфирмаціи. Мудрая монархиня, несмотря на обширность и разнообразіе своихъ занятій, входила въ *суть* всякаго и маловажнаго дѣла, и при случаѣ знала и умѣла отличать въ немъ серіозныя данныя отъ судейскихъ крючковъ.

Быть-можетъ этимъ все бы и окончилось, буря въ стаканѣ воды улеглась бы сама собой и всѣ бы снова примирились и зажили мирно, но какъ нарочно съ наступленіемъ зимы приходились дворянскіе выборы. Гудовичъ явился въ Тамбовъ въ ноябрѣ и вокругъ него сгруппировался весь его лагерь. Къ стыду тамбовскаго общества надо сказать что *всѣ* были на сторонѣ Гудовича, Ушакова и Чичерина. Державинъ говоритъ что въ это время даже вчерашніе друзья его, изъ мѣстнаго общества, а равно и подчиненные, съ которыми онъ былъ прежде въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, всѣ отшатнулись, кто изъ выгоды, кто изъ боязни.

Весь съѣздъ дворянъ и весь городъ веселились. Балы, маскарады, театры, обѣды и т. д. смѣнялись одни другими. Державины, мужъ и жена, какъ бы не существовали для общества, ихъ никуда не звали, и ни онъ, ни жена его не показывались нигдѣ. Гудовичъ самъ даже ни разу не видѣлся съ нимъ. Прошелъ наконецъ слухъ что губернаторъ отрѣшенъ отъ должности, и Державинъ началъ самъ вѣрить этому слуху. Въ эти трудныя минуты пребыванія своего въ Тамбовѣ Державинъ былъ глубоко оскорбленъ и огорченъ „всѣми накостями“ (по его выраженію) которыми отвѣтилъ ему Тамбовъ за его хлѣбосольство и честное трехлѣтнее управленіе.

А между тѣмъ, повторяемъ, онъ самъ былъ много вино-

ватъ что дѣло разыгралось такъ. Этотъ честный, дѣльный и дѣятельный правитель былъ все-таки человѣкъ безпокойный, вспыльчивый и деспотъ. Вѣдь не одни плуты и взяточники были теперь въ лагерѣ Гудовича; были тамъ и порядочные люди въ родѣ Мордвинова, не хотѣвшаго когда-то отправляться съ лошадьми на высочайшій проѣздъ за сотню верстъ. Былъ тамъ и Сатинъ, поневолѣ отдавшій бо́льшую часть состоянія своего не роднымъ дѣтямъ, а дальнимъ родственникамъ, лично знакомымъ губернатору. Была въ лагерѣ Гудовича и госпожа Чичерина, которой быть-можетъ въ самомъ дѣлѣ досталось порядкомъ отъ разсердившейся губернаторши. Были и другіе которымъ безъ причины и безъ нужды насолилъ губернаторъ своимъ самовластіемъ.

Наступило между тѣмъ открытіе дворянскаго собранія и выборы. Гудовичъ, продолжая игнорировать существованіе губернатора въ городѣ, самъ открылъ собраніе. Такъ какъ обыкновенно распоряженія генералъ-губернатора въ этомъ случаѣ шли непосредственно чрезъ губернатора, и онъ уже созывалъ дворянъ и руководилъ выборами, то Державинъ не выдержалъ и въ день баллотировки явился въ домъ Гудовича, гдѣ уже собрались всѣ дворяне. Гудовичъ былъ какъ всегда окруженъ своимъ лагеремъ. Всѣ заклятые враги губернатора были налицо. Державинъ, войдя, подошелъ къ генералъ-губернатору и объявилъ:

— До свѣдѣнія моего дошло что сей день назначенъ для открытія выборовъ, то не угодно ли будетъ чего мнѣ поручить?

Гудовичъ отвѣчалъ сухо, что онъ всѣ приказанія отдалъ господину предводителю дворянства, и что губернаторъ ему ни на что̀ не нуженъ.

Державинъ поклонился, вышелъ вонъ и затѣмъ тотчасъ же, вѣроятно донельзя разгоряченный всѣмъ случившимся, послалъ Гудовичу рапортъ, въ которомъ объяснилъ что такъ какъ онъ безъ всякой причины уволенъ отъ исправленія своей должности, то онъ слагаетъ съ себя заранѣе всякую отвѣтственность въ томъ что̀ можетъ случиться непредвидѣннаго.

Случиться, разумѣется, ничего не могло и Державинъ этимъ рапортомъ удовлетворялъ только своей потребности сказать послѣднее рѣзкое слово.

Но вышло совсѣмъ не то. Гудовичъ, человѣкъ недалекаго

ума, струсилъ и вообразилъ что губернаторъ затѣваетъ со своимъ маленькимъ лагеремъ что-нибудь очень опасное и страшное, нѣчто въ родѣ бунта. Лаба и К° настращали своего послушнаго и довѣрчиваго начальника какъ только могли. Всѣ эти совѣтники генералъ-губернатора сочинили письмо и жалобу къ графу Безбородко, говоря что дворянскіе выборы стали, что Державинъ дѣлаетъ новыя затрудненія и „замѣшательство“ при выборахъ и готовъ смутить всю губернію. Въ жалобѣ умоляли скорѣе убрать возмутителя общественнаго спокойствія.

Губернаторъ самъ мутящій народъ при съѣздѣ всѣхъ дворянъ въ городѣ—дѣйствительно опасный человѣкъ! Такъ вѣроятно поняли въ Петербургѣ.

Не прошло трехъ нѣдѣль, какъ графъ Безбородко доложилъ о *событіяхъ* въ Тамбовѣ императрицѣ. Тотчасъ же послѣдовала конфирмація доклада Завадовскаго и указомъ Правительствующему Сенату отъ 18го декабря 1788 года, Высочайше повелѣно немедленно отрѣшить Державина отъ должности правителя Тамбовскаго намѣстничества, съ тѣмъ чтобъ онъ для надлежащаго отвѣта явился въ Москву, въ шестой департаментъ Сената. Иначе говоря, это была отдача подъ судъ.

Державинъ былъ пораженъ и глубоко огорченъ, ибо чувствовалъ себя совершенно безвинно пострадавшимъ въ правой борьбѣ съ болѣе сильными.

XXVI.

Проводивъ жену въ Зубриловку къ Голицыной, Державинъ немедленно выѣхалъ въ Москву. Въ запискахъ своихъ онъ говоритъ что пріѣхалъ въ Москву въ Рождественскій постъ, но это не вѣрно... Отъ 25го декабря есть письмо къ Голицину, въ которомъ онъ поздравляетъ его со взятіемъ Очакова. Извѣстіе же это дошло до него въ самой Зубриловкѣ отъ курьера, присланнаго Голицинымъ къ женѣ. Наконецъ сенатскій указъ объ отрѣшеніи и не могъ настолько быстро дойти до Тамбова. Вѣроятно Державинъ выѣхалъ въ Москву не ранѣе 8го января 1789 года. Письмо его къ князю Потемкину, которое онъ вѣроятно написалъ вскорѣ

по пріѣздѣ въ Москву, и въ которомъ онъ проситъ его заступничества, помѣчено 14мъ января. Первое же письмо жены его, лѣняющей на то что онъ еще не извѣстилъ ее о своемъ пріѣздѣ въ Москву, помѣчено 17мъ января.

Время это, то-есть декабрь 1788 года и январь 1789, было тяжелымъ для Державина во многихъ отношеніяхъ. Помимо отрѣшенія отъ должности и огорченія видѣть себя безвинно подъ судомъ, у Державина были заботы иного рода, заботы денежныя. Его краткое пребываніе въ Петрозаводскѣ, гдѣ онъ обзавелся и долженъ былъ вскорѣ все кое-какъ распродать и бросить, его путешествіе въ Тамбовъ, новое хозяйственное обзаведеніе здѣсь, наконецъ его пированья и вечера и его хлѣбосольство въ Тамбовѣ, все это ввело его въ долги.

Одинъ изъ крупныхъ долговъ Державина былъ въ двѣ тысячи рублей, придворному банкиру Сутерланду. Въ самую пору отъѣзда его изъ Тамбова, Сутерландъ пишетъ ему о немедленной уплатѣ, и несмотря на высылку половины этой суммы, требуетъ довольно настойчиво и даже рѣзко уплаты всего долга. Такъ въ это время даже кредиторы Державина какъ бы сговорились съ его служебными врагами.

Итакъ Державинъ былъ въ Москвѣ въ первыхъ дняхъ января. По разнымъ неизвѣстнымъ причинамъ дѣло его не докладывалось и тянулось. Онъ сталъ проситься для принесенія жалобы въ Петербургъ, но его не пустили и, обѣщая ему завтра и завтра, заставили его прождать полгода.

Наконецъ, когда онъ настоялъ и просьбами и угрозами чтобы дѣло было доложено, то все кончилось въ іюнѣ въ одно присутствіе. Воспослѣдовавшее рѣшеніе Сената Державинъ въ запискахъ своихъ передаетъ такъ, своими словами:

„Хотя казенная палата и самъ генералъ-губернаторъ изобличены въ небреженіи ихъ должностей, а губернаторъ напротивъ того найденъ не виноватымъ; но о нихъ ничего не сказано, а о немъ—что какъ де онъ за справки, требованныя имъ изъ губернскаго правленія противъ генералъ-губернатора, удаленъ отъ должности, *то и быть тому такъ*.“

Виноватъ онъ въ чемъ, или не виноватъ, въ этомъ рѣшеніи и не упомянуто. Мы же видѣли что обвинить его дѣйствительно нельзя было ни въ чемъ. Но и оставить губернаторомъ тоже было нельзя. Административный Тамбовъ могъ просто взбунтоваться.

Такъ какъ въ то время копій съ рѣшенія суда подсудимому не выдавали, то Державинъ, собираясь жаловаться въ Петербургѣ, не зналъ что̀ сказать объ этомъ рѣшеніи и прибѣгнулъ къ вѣчно вѣрному средству, взяткѣ. Давъ двѣ тысячи рублей одному стряпчему, онъ получилъ тайно копію со всего своего дѣла. Затѣмъ надо было еще упросить чтобъ ему публично объявили въ Сенатѣ что дѣло его рѣшено, что онъ оправданъ и можетъ свободно ѣхать куда хочетъ.

Во время своего суда, живя въ Москвѣ, Державинъ написалъ свою оду *На счастье*. Слѣдующія строки были намеками на его положеніе:

.... Бывало ты меня къ боярамъ
Въ любовь введешь; беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ, безъ платежа.
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждутъ слова моего;
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ставлю никого....

БИБЛІОТЕКА АКАДЕМІИ

Строфа „*Гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы!*“ была острота на имя генералъ-губернатора Гудовича.

....Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ;
Не страстны мной, какъ прежде, музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ....

Въ объясненіяхъ къ своимъ сочиненіямъ, Державинъ говоритъ: „симъ авторъ показываетъ что безъ всякой вины, а только по одной привязкѣ вельможъ, былъ онъ удаленъ отъ губернаторства въ Тамбовѣ“.

Затѣмъ въ сочиненіяхъ Державина мы могли найти одно стихотвореніе по нашему мнѣнію относящееся ко времени его отрѣшенія отъ должности и суда надъ нимъ:

Справка.

Безъ справокъ запрещаетъ
Законъ дѣла рѣшить.
Сенатъ за справки отрѣшаетъ
И отдаетъ судить.
Но какъ же поступать?
Воровать!

Добившись въ Сенатѣ объявленія объ окончаніи дѣла, Державинъ отправился въ Петербургъ, былъ представленъ императрицѣ, и одинъ изъ вопросовъ Екатерины, приведенный имъ самимъ въ запискахъ его, выражалъ собой всеобщее мнѣніе о немъ.

— Но не имѣете ли вы чего въ нравѣ вашемъ, что ни съ кѣмъ не уживаетесь? спросила государыня.

Что отвѣчалъ на это поэтъ, онъ не говоритъ. Вѣроятно онъ чувствовалъ что это отчасти правда. Храповицкій, представлявшій Державина императрицѣ 1го августа 1789 года, въ своемъ дневникѣ заноситъ слѣдующія слова государыни сказанныя ему послѣ аудіенціи поэта.

— Я ему сказала что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причину въ самомъ себѣ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Il ne doit pas être trop content de ma conversation.

Послѣ же этой аудіенціи вышелъ однако указъ: Державину выдать неполученное жалованье и впредь выдавать его, до опредѣленія къ мѣсту.

Друзья Державина вздохнули свободно, потому что со времени его удаленія изъ Тамбова, всѣ они были въ трепетномъ ожиданіи: оправдаютъ или осудятъ. А между тѣмъ всѣ они знали въ чемъ состояло преступленіе Державина, или лучше сказать что оно ни въ чемъ не состояло.

Между тѣмъ въ Тамбовѣ продолжались дрязги и гоненіе на немногихъ оставшихся друзей Державина. Совѣтникъ правленія Филоновъ и комендантъ Булдаковъ, самые близкіе люди къ Державину, послѣ оправданія его въ Сенатѣ, чуть не сдѣлались козлищами очищенія. Они были загнаны болѣе всѣхъ и ихъ стращали постоянно отдачей подъ судъ. Въ обществѣ стали, какъ всегда бываетъ, но поздно, отрезвляться и холодно, безпристрастно судить Державина, губернатора и человѣка. Стали говорить что прежній губернаторъ былъ горячъ и крутъ, но честнѣйшій человѣкъ и умѣлъ веселить общество. Тѣмъ болѣе стали сожалѣть о Державинѣ что его преемникъ, генералъ-поручикъ Звѣревъ, не только ничего не дѣлалъ ни для губерніи, ни для общества, но былъ во всемъ игрушкой у совѣтника Савостьянова, пріобрѣвшаго великую силу въ Тамбовѣ и дѣлавшаго все по своему произволу. Звѣревъ почти вскорѣ по пріѣздѣ какъ-то странно заболѣлъ, даже лишился глаза въ

этой болѣзни и по словамъ Филонова въ письмѣ къ Державину, сидѣлъ безвыходно дома съ какою-то привезенною имъ съ собою польскою ланной и никогда не появляясь въ правленіе, писалъ однѣ и тѣ же резолюціи на бумагахъ: „Дѣлай такъ, какъ указъ гласитъ.“ „Сдѣлай такъ, какъ законъ повелѣваетъ.“

Коротко и ясно. И въ отвѣтъ не пойдешь.

Ушаковъ, Лаба и Бородинъ не дремали и долго еще послѣ отъѣзда Державина продолжали ему мстить разными придирками, которыя они выкапывали изъ прошлаго управленія. Такъ, напримѣръ, Державинъ будучи въ Тамбовѣ закупалъ, по Высочайшему повелѣнію, большія партіи хлѣба (всего до 100.000 кулей) и посылалъ въ Петербургъ; то же дѣлалъ онъ и для знакомыхъ своихъ. Въ одной такой казенной партіи не хватило 4.000 кулей, которые были однако украдены не въ дорогѣ, а на мѣстѣ при пріемѣ. По запросу въ Тамбовъ, враги Державина сумѣли повернуть дѣло такъ что онъ сталъ виновенъ. Это стоило ему въ Петербургѣ и денегъ и хлопотъ. Гудовичъ не отставалъ отъ другихъ въ выкапываніи всякой мелочи. Такъ однажды, онъ потребовалъ отъ Державина свѣдѣніе: „объ отлущенномъ въ 1787 году по словесному разрѣшенію бывшаго губернатора, для свиданія съ родственниками, на 29 дней, въ Петербургъ, Тамбовской губернской роты рядовомъ Тимоѳеевѣ.“

Очевидно и этотъ пустякъ понадобился для какого-нибудь крючка.

Къ несчастію не всѣ тамбовскіе канцелярскіе крючки были такъ незначительны. Одно дѣло сильно смутило Державина. Матвѣй Бородинъ по отъѣздѣ Державина послалъ жалобу въ Сенатъ что по наложеніи ареста на его имущество, во время дѣла о неправильной будто бы отдачѣ ему откупа, онъ потерпѣлъ убытокъ на 17.000 рублей и просилъ о взысканіи ихъ съ виновныхъ, то-есть съ бывшаго губернатора. Сенатъ, къ удивленію всѣхъ въ Тамбовѣ, знавшихъ обстоятельства дѣла, указалъ взыскать эту сумму съ Державина въ пользу Бородина. Однако дѣло это по счастію уладилось.

Въ Петербургѣ Державину было легче бороться съ тамбовскими врагами.

Проживъ въ Москвѣ и Петербургѣ праздно, и безъ мѣста и безъ дѣла, ровно три года, Державинъ былъ наконецъ назначенъ, въ декабрѣ 1791 года, статсъ-секретаремъ при

императрицѣ у принятія прошеній. Тутъ поэтъ былъ болѣе независимъ и ему вдобавокъ не съ кѣмъ было ссориться; по одному этому уже должность была по немъ.

Далѣе мы не послѣдуемъ за Державинымъ въ его служебной карьерѣ. Скажемъ только что далѣе, на болѣе высокихъ постахъ, ему предстояло еще болѣе невзгодъ и треволненій душевныхъ.

Повторимъ снова что еслибы нашъ знаменитый поэтъ не служилъ, а прожилъ мирною жизнью частнаго человѣка, то написалъ бы гораздо болѣе и избѣгнулъ бы многихъ тяжелыхъ минутъ и горькихъ разочарованій.

XXVII.

Но какой же итогъ подвести служебной дѣятельности Державина?

Екатерина умѣла выбирать людей и направлять ихъ дѣятельность, пользоваться, такъ-сказать, индивидуальными особенностями каждаго дарованія *и давать каждому дѣло по немъ*. На что же направила она дѣятельность своего поэта? Какое дѣло дала она ему? Екатерина знала близко Державина и помимо конечно таланта нашла въ немъ то что было болѣе или менѣе рѣдко въ то время: горячую прямоту характера и испытанную честность, или скажемъ прямо, неподкупность. И вотъ вслѣдствіе этого, послѣ краткаго губернаторства въ Олонцѣ и въ Тамбовѣ и послѣ нахожденія подъ судомъ въ Москвѣ, Державинъ получаетъ мѣсто при которомъ онъ долженъ только докладывать и распутывать запутанныя другими и умышленно затемнѣнныя дѣла, важныя и неважныя, доходящія до монархини и ожидающія себѣ отъ нея свѣта, истины и конечнаго праваго рѣшенія.

Когда Державинъ былъ взятъ къ императрицѣ состоять у принятія прошеній, должность эта не была еще строго опредѣлена. Многое и многое лошло тогда чрезъ руки поэта. Въ иностранныхъ газетахъ было даже напечатано стараніями его многочисленныхъ враговъ, что Русская императрица отдала Сенатъ во власть Державина.

Дѣйствительно рѣшенія и указы Сената тоже представлялись и докладывались государынѣ Державинымъ и бывая съ докладомъ почти каждый день, Державинъ могъ часто,

даже въ простыхъ бесѣдахъ, отдѣлять ложь отъ правды и направлять правдолюбивую монархиню въ ея дѣйствіяхъ.

Такъ прошло чрезъ его руки знаменитое уголовное дѣло о сибирскомъ генералъ-губернаторѣ Якобіѣ, которое длилось семь лѣтъ, и осужденный Сенатомъ Якобій былъ оправданъ императрицей по докладу Державина и благодаря ея секретарю-поэту.

Въ послѣдствіи Державинъ былъ президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, финансъ-министромъ и наконецъ при императорѣ Александрѣ та же честность и неподкупность привели Державина къ посту министра юстиціи, то-есть онъ сдѣлался главой той государственной сферы, того можно сказать издревле заколдованнаго круга, гдѣ наиболѣе совершалось отступленій отъ закона, гдѣ наиболѣе процвѣтало лихоимство, гдѣ царила особенная художественная путаница и хаосъ въ дѣлопроизводствѣ, и наконецъ даже ввелся обычай полнаго исчезновенія дѣлъ. Суды были капканы съ хитро-сплетенною сѣткой, которыхъ равно боялись и простолюдинъ и важный баринъ, даже крупный чиновникъ другаго вѣдомства; и всякій побывавшій въ этомъ капканѣ (еще впрочемъ и на нашей памяти) выходилъ нищъ, голъ, обезславенъ и измученъ физически и нравственно.

На этомъ посту можно было многое сдѣлать, но министръ Державинъ и тутъ ничего не совершилъ особеннаго, кромѣ проекта третейскаго суда, канувшаго въ Лету. Какъ губернаторъ, такъ и президентъ коммерціи и министръ онъ ничѣмъ особеннымъ себя не заявилъ. Хорошо изучивъ законодательство своего времени онъ является только честнымъ исполнителемъ буквы закона. Когда нельзя было руководиться статьей закона (еще не выработанною) Державинъ справлялся со своею совѣстью и она ни разу не обманула его и не вовлекла въ ошибку, за исключеніемъ развѣ мелкихъ случаевъ, гдѣ личный характеръ, вспыльчивость и горячность натуры увлекали его въ крайности...

Итакъ, стараясь найти въ служебной дѣятельности Державина признаки и даже плоды его геніальности, мы не нашли ничего. Нашли только доблестную прямоту, горячность даровитой и по природѣ впечатлительной натуры и неподкупную честность.

Если Державинъ не любилъ реформаторовъ и либераловъ въ родѣ Тутолмина, то изъ этого не слѣдуетъ что самъ онъ былъ глухъ къ новымъ вѣяніямъ и новымъ требованіямъ своего

времени. Онъ не отставалъ отъ лучшихъ свѣтлыхъ личностей Екатерининскаго вѣка и дѣянія Екатерининскихъ орловъ всегда находили сочувственный откликъ въ его душѣ. На каждое ихъ дѣяніе и каждый подвигъ всегда, неизмѣнно отвѣчалъ въ немъ поэтъ. Но самъ онъ чѣмъ ознаменовалъ свою государственную дѣятельность?

Малая и узкая рамка этой дѣятельности за все царствованіе Екатерины не дала ему вѣроятно возможности приложить къ дѣлу и выказать всю даровитость своей натуры. Въ послѣдніе дни великаго царствованія онъ былъ секретаремъ-докладчикомъ, то-есть тоже не имѣлъ широкой арены для самостоятельной дѣятельности, а только лишь контролировалъ другихъ. Когда же чины довели его наконецъ до возможности занять въ послѣдующія царствованія посты президента Коммерцъ-Коллегіи, финансъ-министра и наконецъ юстицъ-министра, то ему пошелъ уже седьмой десятокъ. Да и времена были уже другія. Прошло менѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ что онъ дѣятельно и горячо работалъ въ узкой рамкѣ правителя Тамбовскаго намѣстничества, а между тѣмъ сцена перемѣнилась и много воды утекло...

Императоръ Александръ почелъ шестидесятилѣтняго поэта-сановника актеромъ уже сыгранной драмы, дѣятелемъ иныхъ, уже устарѣвшихъ дней и почти безполезнымъ въ его дни, въ виду новой зари. И дѣйствительно, тотъ кто былъ юношей при Елисаветѣ, могъ ли быть дѣятелемъ Александровскихъ дней?

Державинъ, назначенный государемъ Александромъ Павловичемъ на постъ министра юстиціи, вдругъ и вскорѣ же покинулъ его снова, покинулъ съ горечью, поневолѣ...

Удалясь отъ арены государственной дѣятельности, на которой потратилъ онъ 42 года, многія силы души и разума, старикъ поэтъ и сановникъ, огорченный, даже оскорбленный, поселился въ Москвѣ.

Недовѣрчиво, съ горечью и болью глядѣлъ онъ отсюда на новыхъ вожаковъ Россіи, которыхъ казалось ему онъ видалъ мальчуганами еще такъ недавно.

Москва всегда хлѣбосольно принимала и принимаетъ своихъ старыхъ служивыхъ и всегда готова утѣшить на старости лѣтъ и добросердо закрыть глаза послужившему святой родинѣ.

Такъ прожилъ въ Москвѣ и Державинъ свои тринадцать послѣднихъ лѣтъ, и какъ многіе другіе дѣятели, онъ сводилъ

свои счеты съ пройденнымъ путемъ жизни и диктовалъ свои записки, стараясь доказать въ нихъ что онъ былъ обойденъ судьбой, не оцѣненъ современниками, не взысканъ милостью трехъ правительствъ, которымъ служилъ, и наконецъ неблагодарно отстраненъ, прогнанъ, въ тѣ минуты когда родина наиболѣе нуждалась въ немъ.... Эти минуты по словамъ Державина были тѣ которыя будто бы неосторожностью правительства сами вызвали на Русь полчища двунадесяти языкъ и Двѣнадцатый Годъ. Бородино и пожаръ Москвы были бы избѣгнуты Русью, читаешь между строками записокъ старика-поэта.... еслибы меня послушались....

Въ эту незабвенную эпоху Державинъ не стерпѣлъ и подалъ императору записку о томъ какъ спасти Россію....

1814 и 15 годы не утѣшили старика. Озираясь кругомъ и глядя на Александровскихъ дѣятелей онъ продолжалъ качать сомнительно головой.

Россія—тотъ сказочный скороходъ-богатырь, который шагаетъ чрезъ лѣса, города и моря, который что ни взмахнулъ лятой, тысячи верстъ нѣту!..

И вотъ здѣсь-то разгадка того неизмѣннаго на Руси и характернаго факта что почти всѣ наши лучшіе люди, крупные дѣятели всѣхъ поприщъ, наши свѣтлыя головы даннаго времени, никогда не могутъ поспѣть за богатыремъ-скороходомъ, всегда остаются позади роднаго великана и сомнительно, боязливо качаютъ головой, предрекаютъ богатырю сотни бѣдъ и неизбѣжную, скорую гибель.... Но благодаря Бога, богатырь идетъ себѣ, да идетъ...

Съ Державинымъ было то же. Онъ шелъ за великаномъ съ радостнымъ сердцемъ во все царствованіе Екатерины, но на рубежѣ новаго вѣка началъ отставать. Чутко прислушиваясь къ новой рѣчи новыхъ поколѣній и ко всему быстро свершавшемуся кругомъ, онъ началъ сомнѣваться, бояться, предрекать бѣды. Грозный Двѣнадцатый Годъ подтвердилъ и укрѣпилъ въ немъ эти опасенія....

Наконецъ черезъ годъ послѣ мира и конца великой борьбы, увидя какъ родной богатырь, только-что выбравшійся невредимымъ изъ бѣды, опять зашагалъ безъ оглядки, старикъ безнадежно и грустно махнулъ рукой.... и на вѣки закрылъ глаза.

ГРАФЪ Е. САЛІАСЪ.

ПОѢЗДКА

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ВЪ САРАЕВО

ВЪ 1874 ГОДУ

Предлагаемые наброски не что̀ иное какъ рядъ писемъ 1874 года. Рѣшаюсь печатать ихъ въ виду интереса съ которымъ относится въ настоящее время русское общество ко всякимъ описаніямъ страны южнаго славянства.

I.

....Былъ я въ Св. Софіи, въ мечетяхъ Сулейманіе, султана Ахмета, султана Баязида; въ среду осмотрѣлъ сокровищницу, старый дворецъ и базары; въ четвергъ ѣздилъ въ каикѣ на азіятскій берегъ слушать воющихъ дервишей и гулялъ подъ кипарисами Скутарскаго кладбища; видѣлъ султана въ пятницу при выходѣ изъ Долма-Бахче; * посѣтилъ въ субботу конюшни его величества, а въ воскресенье наглотался пыли на Сладкихъ Водахъ; ** словомъ, исполнилъ тягостный для меня долгъ туриста — „все видѣлъ, высмотрѣлъ“, и

* Дворецъ.

** Загородное гулянье.

теперь спѣшилъ уѣхать изъ Константинополя, уѣхать во что бы то ни стало, куда-нибудь, хоть обратно въ Россію, которую такъ недавно покинулъ съ твердымъ намѣреніемъ прожить въ Константинополѣ по крайней мѣрѣ два мѣсяца: Константинополь опостылилъ мнѣ чрезъ двѣ недѣли.

Счастливъ тотъ кто въ весеннее время, въ солнечное утро подъѣзжаетъ на пароходѣ къ Византіи. Въ жизни своей не видалъ онъ ничего подобнаго, да и не увидитъ на этомъ свѣтѣ. Какъ фатою, голубоватымъ, жемчужно-прозрачнымъ туманомъ окуталась красавица міра. На берегу опрокинулись высокія зданія и длинными, свѣтлыми полосами потонули въ Босфорѣ, а дальше, блѣдные и воздушные, одни надъ другими высятся kiosk'и, мечети, въ перемежку съ черепичными крышами, кипарисовыми рощами и куполами цвѣтущихъ деревьевъ. По оградамъ вьется жасминъ, розы, темнозеленый плющъ, и береговой вѣтеръ несетъ вамъ въ лицо запахъ бѣлыхъ акацій...

Въ полночь, когда тихо и свѣтитъ луна, Константинополь „похожъ на одинъ изъ тѣхъ городовъ о которыхъ говорится въ *Тысячи и одной ночи*, и гдѣ всѣ жители погружены въ очарованный сонъ". Золотой Рогъ, Стамбулъ съ садомъ Стараго Сераля, Мраморное Море, Острова Принца и за ними въ безконечной дали снѣжныя вершины Олимпа, * все залито мѣсячнымъ сіяніемъ; серебритъ луна Скутарскіе минареты на азіятскомъ берегу, и подернутый рябью Босфоръ и волнистыя облака въ синемъ небѣ.

Смотришь—ночь, не ночь; смотришь—день, не день;
Голубой зарей блещетъ ночи тѣнь.
Разглядѣть нельзя въ голубой дали,
Гдѣ конецъ небесъ, гдѣ рубежъ земли.
.....
Чешуей огня засверкалъ Босфоръ,
Пробѣжалъ по немъ золотой узоръ.
.....
Кипарисъ въ тѣни серебромъ разцвѣлъ,
И блестятъ верхи минаретныхъ стрѣлъ.
Золотые сны, голубые сны
Сходятъ къ намъ съ небесъ по лучамъ луны;

* Малоазіятскій Олимпъ, приблизительно въ 180 верстахъ отъ Константинополя.

Нѣгой дышетъ ночь... Что за роскошь въ ней!
Нѣтъ, нигдѣ такихъ не видать ночей!
И молчитъ она, и поетъ она,
И душѣ одной ночи пѣснь слышна.

А безлунная, темная ночь надъ Константинополемъ!

Вспыхнулъ сводъ небесъ подъ лучомъ лампадъ;
Всѣхъ красавицъ звѣздъ не охватитъ взглядъ—
И одна другой веселѣй горитъ,
И на насъ милѣй и нѣжнѣй глядитъ.
Вотъ одна звѣзда изъ среды подругъ
Покатилась къ намъ и исчезла вдругъ. *

Въ такую ночь хорошо стоять на одной изъ плоскихъ крышъ Перы. Не видать и не слыхать Константинополя. Справа и слѣва, надъ головой и подъ ногами, всюду темное ночное небо. Сверху звѣзды, внизу огоньки безчисленныхъ оконъ—точно по землѣ и по небу расползлись миріады свѣтляковъ, мерцаютъ и будто шевелятся. Мягкій, благоуханный воздухъ обнялъ васъ, не шелохнетъ. И хотѣлось бы перекинуться, какъ оборотень, ночною птицей, неслышно взмахнуть крыльями и утонуть въ теплой душистой мглѣ...

Да, да, все это прекрасно! Но если вамъ случится когда-нибудь быть на Босфорѣ, вотъ мой совѣтъ: оставайтесь на пароходѣ, который васъ привезъ, или катайтесь въ каикѣ, катайтесь сколько душѣ угодно, въ особенности вечернею зарей и при солнечномъ восходѣ, но не высаживайтесь на пристань, не подъѣзжайте даже близко.

Vedere Costantinopoli издали *e poi morir!*

Когда мимо дряхлыхъ деревянныхъ домовъ, однимъ изъ вонючихъ переулковъ, лѣстницею (буквально) спускающихся къ Босфору и Золотому Рогу, взберетесь вы наверхъ и очутитесь на днѣ продолговатыхъ колодцевъ, что здѣсь зовутъ улицами, у васъ закружится голова отъ неугомоннаго шума и пестроты, вамъ станетъ тяжко, душно и снова захочется свѣту и простора. Кажется, вотъ-вотъ унесетъ и задавитъ васъ эта вѣчно движущаяся навстрѣчу толпа. Съ двухъ сторонъ близко насунулись ряды многоэтажныхъ домовъ... Узкая лента неба въ вышинѣ. Плотно прижались вы къ стѣнѣ или вскочили въ магазинъ чтобы не попасть подъ колеса

* Стихотвореніе князя Вяземскаго.

проѣзжающей кареты; тротуаровъ нѣтъ. Уродливыя, нарумяненыя лица мелькаютъ за стеклами дверецъ, чернѣютъ сурмленыя брови сквозь кисею *яшмака*, а за экипажемъ верхами слѣдуютъ отвратительно долговязые негры. „Гвàрда!“ * кричатъ они серебристымъ голоскомъ. „Гвàрда!“ повторяетъ сзади хриплый басъ. Тревожно оглядываетесь вы: *гамáлы* ** со шкафами и комодами на спинѣ, грузно шлепаютъ по лужамъ. Гуськомъ плетутся лошади, нагруженныя булыжникомъ, кирпичомъ, досками; послѣднія волочатся концомъ по землѣ и того гляди перешибутъ вамъ колѣни. Ницiе—на подборъ образцы человѣческаго безобразія—слѣпые, безрукіе, безногіе, съ выставленными на показъ ранами, узнали въ васъ иностранца и ковыляютъ за вами, ловятъ за полы платья, цѣлуютъ руки. Трясущіяся головы, колтуны, опухшіе глаза съ ярко-малиновыми вѣками, губа ноздреватая, лиловая, отвисшая ниже подбородка,—все это лѣзетъ вамъ въ лицо и тлетворное дыханіе спираетъ вашу грудь. А между тѣмъ оглушительно-звонко отдаются отъ каменныхъ домовъ крики разнощиковъ, дребежжатъ желѣзныя полосы, гремятъ копыта о мостовую, и стономъ стоитъ надъ городомъ несмолкаемый визгъ собакъ. Это тожѐ ницiя въ ранахъ и чесоткѣ. Лежатъ онѣ, распластавшись среди улицъ, и лѣниво встаютъ изъ-подъ ногъ лошадей; иногда гной длинными нитками до самой земли тянется изъ ихъ глазъ.

II.

Я покинулъ Константинополь потому что онъ сталъ для меня невыносимъ. Но въ Россію возвращаться еще не хотѣлось, и я выѣхалъ 4 іюля на пароходѣ общества Лойдъ, шедшемъ въ Аѳины на Смирну и Сиру. 5го іюля мы прошли Дарданелы, затѣмъ стояли часъ въ Тенедосѣ и часъ въ Митилене и 6го іюля утромъ отдали якорь противъ Смирны.

Въ сѣверной части Дарданелъ справа и слѣва, по мѣрѣ удаленія отъ береговъ, растутъ возвышенности, постепенно, весьма медленно, такъ что далеко видно во внутрь страны. На склонахъ кое-гдѣ лѣса и кустарникъ. Южнѣе, сузив-

* Сморти! Берегись!
** Носильщики.

шись, Дарданелы съ прибрежными городами напоминаютъ немного Константинопольскій проливъ. Разумѣется, это лишь блѣдная, весьма посредственная копія Босфора. Главный изъ городовъ плоскій, некрасивый Галлиполи *(въ Европѣ). Противъ него наискось мѣстечко Лампсаки, когда-то подаренное Ксерксомъ Ѳемистоклу. Потомъ на европейскомъ берегу окруженный лугами заливъ нѣжно-голубаго цвѣта — устье Кáра-Ова-Су, бывшей Эгòсъ Потамòсъ, гдѣ Лизандръ одержалъ побѣду надъ аѳинскимъ флотомъ. Далѣе, зáмокъ Земенúкъ, первое владѣніе Солимана въ Европѣ. Здѣсь-то въ глубокой древности плавалъ Леандръ, и нѣсколько столѣтій спустя, Байронъ, послѣдовавъ его примѣру, переплылъ Геллеспонтъ. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, гдѣ теперь на азіятскомъ берегу близъ древняго Абидоса стоитъ крѣпостца Нагара, Ксерксъ строилъ мостъ чрезъ Геллеспонтъ. Наконецъ два форта защищаютъ входъ въ Мраморное Море,— вы въ Архипелагѣ.

Тенедосъ—свѣтлобурый городокъ со странными мельницами, на которыхъ вмѣсто обыкновенныхъ крыльевъ вертятся какія-то большія павлиныя перья. Онъ притаился въ глубинѣ бухты у подошвы горы, лишенной растительности, притаился какъ куропатка, такъ что и на близкомъ разстояніи не сразу различишь его: кажется, будто городскія зданія, мельницы, самая гора—все вылѣплено изъ громаднаго куска цѣльной глины. Съ мѣсяцъ назадъ двѣ трети города сгорѣли до-тла.

Въ Митилене пароходъ стоялъ ночью. Было такъ темно что виднѣлись однѣ чернѣвшія на небѣ мачты судовъ, да бѣлые и красные огоньки мелькали вдали на горизонтѣ.

Въ Смирну мы пришли рано, когда огненное солнце, продравшись сквозь облака, только-что показалось изъза амфитеатра темныхъ горъ. На берегу, вся въ зелени, съ величественнымъ куполомъ православнаго собора среди минаретовъ и кипарисовъ мусульманскихъ кладбищъ, широко разметнулась „родина розъ и красавицъ“. Съ вершины холма сторожатъ ее развалины старинной крѣпости и со всѣхъ сторонъ заглядѣлись на Смирну высокія горы. Онѣ не давятъ ея своею громадой; широкою дугой разступились онѣ вокругъ залива и далеко-далеко кругомъ, за предѣлами

* По-турецки *Джелиболо*; около 25.000 жителей.

водъ, виднѣются прибрежныя деревеньки, точно сплошные сады выросли изъ поверхности моря и между деревьями пріютились бѣлые какъ снѣгъ домики.

Похожденія мои въ Смирнѣ начались съ того что пробравшись въ европейскій кварталъ чрезъ набережную, загроможденную мраморными плитами, я сталъ стучаться у всѣхъ дверей чтобъ освѣдомиться гдѣ живетъ русскій консулъ. Отворяли мнѣ горничная или сама хозяйка; мужской прислуги не было видно. Любопытныя барышни, сбѣжавшись со всѣхъ концовъ дома, улыбались мнѣ, говорили что-то должно-быть по-гречески. Я ничего не понималъ и тоже улыбался. Одной изъ нихъ я отдалъ букетъ изъ вервенъ и георгинъ съ пахучею травкой по краю, купленный за полтора піастра у *чичекджуси* *. Нашелъ я наконецъ Русское консульство по флагу, развѣвавшемуся на высокой мачтѣ.

Въ Смирнѣ нѣсколько кварталовъ: европейскій, турецкій, армянскій, еврейскій. Я былъ только въ двухъ первыхъ.

На главной улицѣ европейскаго квартала пестритъ въ глазахъ отъ различнаго рода товаровъ. Товары такъ и лѣзутъ изъ лавокъ на свѣтъ Божій; высунулись они въ окна, покрыли стѣны домовъ. Рядомъ съ вывѣсками и гербами консуловъ висятъ цвѣтныя матеріи, оружіе, кофейныя чашки, снизанныя въ гроздья чудовищныхъ размѣровъ и пр. А гдѣ нѣтъ магазиновъ, тамъ изъ-за рѣшетокъ крошечныхъ двориковъ выглядываютъ на улицу цвѣты и деревья, какіе до этого времени я видалъ только въ оранжереяхъ, да въ книжкахъ съ картинками.

Въ турецкомъ кварталѣ часть улицъ—базаръ—крыта деревянною крышей. Здѣсь полусвѣтъ и прохлада; пахнетъ овощами, сыростью. Нечего останавливаться предъ лавками, гдѣ продаютъ шелковые платки или шитые золотомъ туфли: это успѣло надоѣсть въ Константинополѣ. Интереснѣе обжорный рядъ, съ молюсками, крабами, различными съѣдобными раковинами, персиками, виноградомъ и цѣлыми горками красныхъ какъ маковъ цвѣтъ баклажановъ. За базаромъ жалкіе кривые переулки, но и тутъ почти вездѣ тѣнь: въ иныхъ мѣстахъ деревянную крышу замѣняютъ рогожи, въ другихъ—цѣлыми аллеями растутъ вѣтвистые платаны или же по перекинутымъ съ крыши на крышу жердямъ вьется виноградъ.

* Продавецъ цвѣтовъ.

Смирна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ Константинополь. Та же пестрая толпа, тѣ же узкія улицы, отсутствіе тротуаровъ, мостовыя изъ булыжника. Но въ Смирнѣ больше простору и какъ-то вольнѣе дышется; зданія невысоки, нѣтъ крутыхъ подъемовъ лѣстницами, меньше собакъ и нищихъ, и что̀ важнѣе, здѣсь вы не испытываете того тревожнаго чувства которое не покидаетъ васъ на перской мостовой: жизни вашей не грозитъ опасность. Экипажи — рѣдкость; не видать и *седій*, * *гамаловъ*, лошадей съ досками. Лишь вереницы верблюдовъ съ тюками валлоннея ** и хлопка неслышно ступаютъ по камню своими широкими мягкими плюснами. Въ Смирнѣ сравнительно съ Константинополемъ благодатная тишина ***. Только стада навьюченныхъ ословъ звенятъ колокольчиками, да въ платанахъ назойливо стрекочутъ цикады. ****

Въ самую жару послѣ полудня *пошелъ* я на парусной лодкѣ въ одну изъ прибрежныхъ деревень, Кордальу, гдѣ, какъ увѣряютъ, жилъ въ плѣну Ричардъ Львиное Сердце На плоскомъ мысѣ, вдали отъ горъ, стоятъ хорошенькіе дома въ большомъ разстояніи другъ отъ друга. Между ними безъ конца тянутся огороды и сады, преимущественно съ гранатовыми и фиговыми деревьями.

Консульство отпустило со мной кавасса. Онъ не говорилъ ни на одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ языковъ, но понималъ меня: я указывалъ ему деревья — онъ называлъ ихъ по-гречески и по-турецки, объясняя при этомъ какіе плоды ѣдятъ, а какіе нѣтъ, т.-е. клалъ въ ротъ сложенные пальцы правой руки и чмокалъ языкомъ, или же отплёвывался, дѣлая видъ что проглотилъ что-то весьма невкусное. Кавассъ нарвалъ мнѣ цѣлый букетъ олеандровъ, за которыми безцеремонно лазилъ черезъ заборы.

Вотъ снова изъ-подъ колесъ парохода, точно расплавленное серебро, клубами бьетъ пѣна, и темно-голубые полипы мелькаютъ сквозь ея бѣлизну; попрежнему чайки летятъ надъ кормой, будто гонятся за нами и не могутъ нагнать;

---

* Паланкины.

** Плодъ дерева Quercus aegylops; употребляется какъ дубильное вещество.

*** Одинъ острякъ производилъ названіе города отъ слова *смирно*

**** Cicada orni—насѣкомое изъ семейства полужесткокрылыхъ.

опять гористые острова — голые, безжизненные, издали синеватые, вблизи бурые; тѣ же лица кругомъ съ выраженіемъ не то испуга, не то страданья; также воняетъ кухней и саломъ на палубѣ; тотъ же кислосладкій запахъ въ каютѣ!..

А какихъ спутниковъ посылаетъ мнѣ судьба!

На пароходѣ множество пассажировъ, въ особенности палубныхъ. Тутъ есть и европейскія дорожныя платья, и оборванные сюртуки Армянъ, и народные костюмы Болгаръ, Албанцевъ, Сербовъ. Бедуины въ бѣлыхъ чепцахъ и длинныхъ по щиколку бурнусахъ, Боснячки въ шароварахъ, восточные Жиды, голые по поясъ матросы — все говоритъ, преимущественно бранится, на разныхъ языкахъ. Такая *смѣсь одежды и лицъ, племенъ* и пр. живописна, но, какъ Константинополь, лишь издали, и жаль что на Лойдѣ нѣтъ отдѣльной палубы для *классныхъ* * пассажировъ. На ютъ ** пускаютъ всѣхъ безъ разбора.

Въ первомъ классѣ ѣхали со мной двѣ пожилыя барыни-Гречанки. Что за роскошные туалеты — страусовыя перья, атласъ и бархатъ! Что за брови надъ черными, когда-то прекрасными глазами! и что за носы! Эти дамы безъ гримировки имѣли бы успѣхъ въ первомъ дѣйствіи *Макбета*. Изъяснялись онѣ на весьма странномъ нарѣчіи. Лишь въ самомъ близкомъ разстояніи и единственно по выраженію ихъ лицъ можно было догадаться что говорятъ онѣ по-французски. Сопровождалъ ихъ кавалеръ въ щегольскомъ пиджакѣ, который впрочемъ за обѣдомъ зубочисткой вылавливалъ клёцки изъ супа.

Во все время переѣзда изъ Смирны въ Сиру вокругъ главной мачты недвижимы лежали на спинѣ пять Нѣмцевъ. Они почитали себя великими моряками, потому что ихъ не укачивало. Какъ жалокъ былъ въ ихъ глазахъ Нельсонъ! *** Поддерживая въ себѣ бодрость духа виномъ и петрличными пѣснями, Нѣмцы разражались хохотомъ надъ пассажирами испытывавшими печальныя послѣдствія качки и перекидывались остротами.

Два члена ордена Іисуса стояли сосредоточившись у кормы и созерцали: глядѣли то въ туманную даль на пустынную

---

* Такъ называютъ пассажировъ первыхъ двухъ классовъ.

** Задняя часть палубы.

*** Нельсонъ сильно страдалъ морскою болѣзнью.

ные острова, то на пѣнистый слѣдъ парохода, но большею частью взоры ихъ были обращены къ небу. Головы повертывали они плавно, переводя глаза съ западнаго края горизонта на восточный, съ моря на небо. Здѣсь взглядъ ихъ останавливался подо́лгу, казалось отдыхалъ, выражая голубиную незлобивость. За обѣдомъ іезуиты вмѣсто лоданной рыбы спросили яичницу. Отчетливо, со смиренномудріемъ, клали они куски въ полуотверстыя уста и вытирали свои полныя губы и гладко-выбритые круглые подбородки. Скверное греческое вино лили кротко, благоговѣйно.

7го іюля, въ 11 часовъ утра, пароходъ остановился противъ Сиры.

Снова голая выжженная гора. До половины ея бѣлесоватымъ треугольникомъ вползъ городъ. Улицы кривы и нешироки. Аляповатые, однообразные дома, безъ наружныхъ украшеній, безъ признаковъ крышъ, сплотились какъ стадо барановъ. Ни деревца, ни травинки: всюду одинъ раскаленный камень.

Не было у меня другой мысли, другаго желанія во время прогулки по городу какъ поскорѣе вернуться въ каюту, а между тѣмъ тайная сила влекла меня впередъ. Верхнія улицы и городская площадь (каменный дворъ, жалкая пародія на площадь Св. Марка), которая вечеромъ обращается въ муравейникъ, теперь были безлюдны, точно чума прошлась по городу. Отъ нечего дѣлать я заходилъ въ магазины: сдавалъ рупіями, долларами, лептами, даже нашими гривенниками и пятіалтынными *, за что̀ лавочники меня немилосердо обсчитывали; въ кофейняхъ, вмѣсто мороженаго, о которомъ здѣсь не имѣютъ понятія, предлагали отвратительнаго шипучаго лимонада; помадили розовымъ масломъ въ цирюльнѣ... Солнце жгло нестерпимо, и я все шелъ, шелъ, шелъ!

Внизу, у моря, больше движенія. Народъ ходитъ по лавкамъ, гдѣ грудами лежатъ различные сыры и фрукты. Въ портѣ грузятъ и разгружаютъ магоны **; матросы съ ящиками на спинѣ, подъ звуки греческихъ и италіянскихъ ругательствъ, ступаютъ по гнущимся доскамъ, а въ водѣ, среди черныхъ корпусовъ кораблей, вмѣстѣ съ чайками, купается множество мальчишекъ.

---

* Старыми, 84й пробы.

** Барки для нагрузки и разгрузки судовъ.

Ночью, между Сирой и Аѳинами, сначала было тихо и тепло. Я заглядѣлся на таинственное небо съ незнакомыми звѣздами на югѣ, съ хвостомъ кометы скрывшейся за горизонтомъ, съ серпомъ мѣсяца, котораго неосвѣщенная часть слабо теплилась точно гаснущій фонарь—заглядѣлся и незамѣтно заснулъ возлѣ рулеваго. Но около полуночи небо заволокло тучами; вѣтеръ подулъ, взбуровилъ море и пароходъ преобразился. Подобный библейскому Левіаѳану, дымясь и крехтя, летѣлъ онъ внизъ головой въ омутъ или вставалъ на дыбы между водяными покрытыми пѣной холмами. Подъ напоромъ вѣтра протяжно, безъ перерыва, загудѣли натянутыя снасти. Искры, вырываясь изъ трубы, быстро и весело мчались обратно въ Одессу; въ темнотѣ, какъ мухи, стаями носились злыя, соленыя капельки и впивались въ руки, въ лицо, въ шею... По мокрой палубѣ, свившись въ кольца, ползли и крались канаты. И только люди въ безобразномъ ворохѣ кругомъ трубы, казалось, заснули вѣчнымъ сномъ.

III.

Мы стали въ Пиреѣ. На пригоркѣ какія-то развалины, вѣроятно Акрополь, правѣе Гиметъ, Пентеликонъ. Старикъ съ визитною карточкой въ рукѣ: „Georges Macropoulos guide et *entrepрêtte* Athenes“, узнавъ во мнѣ Русскаго, подходитъ и привѣтствуетъ меня на родномъ безжалостно исковерканномъ языкѣ. Онъ слѣдитъ за моимъ взоромъ и быстро произноситъ славныя имена... Лодка ждетъ у трапа, но мнѣ жаль разстаться съ синимъ моремъ: кругомъ, куда ни глянешь, такіе непривѣтные свѣтло-глиняные берега. И это-то Эвбея, Эгина, Саламинъ!

Неужели и впрямь я на славной почвѣ Греціи? Четверомѣстная коляска съ господиномъ Макропуло на козлахъ въ облакахъ пыли мчитъ меня изъ Пирея * мимо вспаханныхъ полей и блеклыхъ оливъ, напоминающихъ наши ракиты (только наши ракиты красивѣе); по краямъ дороги торчатъ столѣтники и кактусы, съ толстымъ слоемъ пыли на листьяхъ, точно вырѣзанные изъ сѣраго картона. Вдали со всѣхъ сто-

* Изъ Пирея въ Аѳины ежечасно ходятъ поѣзды, но туристы обыкновенно совершаютъ этотъ переѣздъ въ коляскѣ.

ронъ безжизненныя горы, линіями которыхъ, къ несчастію, я не умѣю любоваться.

„А это неужели Аѳины?“ думалъ я, глядя изъ оконъ Hôtel d'Angleterre на площадь съ зелеными скамейками для музыкантовъ, на казармы съ садомъ, — въ послѣдствіи оказавшіяся королевскимъ дворцомъ, — на рѣдкихъ прохожихъ въ яркихъ какъ небо Греціи галстукахъ. Неужели это столица? Не одинъ ли изъ нашихъ губернскихъ городовъ принарядился немного по случаю проѣзда какого-либо сановника, для виду побрызгалъ на мостовую изъ пожарныхъ трубъ, но попрежнему стоитъ пыль столбомъ, за то солнце свѣтитъ особенно ярко, по-праздничному, въ честь высокаго посѣтителя. Самый дворецъ, если въ него вглядѣться хорошенько, напоминаетъ губернаторскій домъ. Только садъ не похожъ на наши городскіе сады; это скорѣе теплица въ нѣсколько десятинъ, безъ печей, безъ стекольныхъ рамъ,—теплица подъ открытымъ небомъ, съ апельсинными деревьями, аурокаріями, финиковыми пальмами, кактусами, дафнами и множествомъ всякихъ цвѣтовъ.

Первые дни посвятилъ я загороднымъ прогулкамъ въ Кеѳиссію и Фалéру.

Кеѳиссія, деревня верстахъ въ пятнадцати отъ Аѳинъ. Туда ѣздятъ пить кофе подъ огромнымъ платаномъ. Звенящій стрекотъ цикадъ, столѣтники въ цвѣту, точно увѣшанные кистями желтыхъ тесемокъ, скошенныя поля и оливы,—вотъ все что̀ осталось у меня въ памяти отъ этой прогулки.

Въ Фалéрѣ я слушалъ *Норму*. Удовольствіе это сто́ило мнѣ баснословно дешево: вы платите драхму (въ то время приблизительно 90 сантимовъ) за билетъ, съ которымъ ѣдете въ Фалéру (и обратно) въ I классѣ, и тамъ, ничего не приплачивая, слушаете оперу.

Въ Фалерѣ нѣтъ зданій кромѣ театра, или вѣрнѣе сцены, такъ какъ зрительная зала помѣщается подъ открытымъ небомъ, то-есть на берегу моря разставлены въ нѣсколько рядовъ скамейки. Сцена въ родѣ тѣхъ дѣтскихъ картонныхъ театровъ которые раздвигаются какъ гармоника. Боковыя кулисы всегда однѣ и тѣ же и представляютъ малиновыя занавѣсы, перехваченныя на срединѣ шелковыми шнурами; измѣняется лишь задній планъ, такъ что сквозь амфиладу тяжелыхъ бархатныхъ гардинъ вы видите то внутренность комнаты, то улицу, то лѣсъ.

Спектакль шелъ удачно; публика рукоплескала; въ особенности приходила она въ восторгъ отъ скрипача, который игралъ въ антрактахъ и не взялъ ни одной чистой ноты, точно смычокъ его былъ смазанъ саломъ. Зрители мало обращали вниманія на мелочи, на подробности представленія, какъ-то: декораціи, процедуру ихъ перемѣны, игру актеровъ и проч. Никто, напримѣръ, не выразилъ удивленія, когда солдатъ въ золотой каскѣ и серебряномъ панцырѣ до поднятія занавѣса вышелъ на авансцену сказать оркестру что все готово. Никого также не изумляло что дѣйствующія лица принимали посильное участіе въ перемѣнѣ декорацій: хоры растаскивали заднія кулисы, примадонна убирала стулья, а главный жрецъ несъ на головѣ столъ.

Множество зрителей тѣснилось на скамейкахъ подъ звѣзднымъ небомъ; Макро́луло указалъ мнѣ на трехъ, четырехъ высоколоставленныхъ лицъ; но меня болѣе забавляло общество весельчаковъ, смѣшившихъ публику разными невинными выходками. Такъ, напримѣръ, они кричали bis, когда два мальчика, вынутые Нормою изъ сундука и представленные публикѣ какъ плодъ del fallo primo, послѣ перваго смущенія, весьма не кстати подрались. Эти же шутники осыпали букетами появившагося на сценѣ солдата безъ рѣчей, того самаго который сказалъ оркестру что все готово.

Раза два уходилъ я гулять по песчаному берегу вдали отъ музыки и огней. Ночь была теплая, безвѣтреная. Звѣзды смотрѣлись въ зеркальную гладь моря, прислушиваясь къ почти неуловимому шуму прилива: точно на пескѣ у водной черты шептались раки.

Послѣ загородныхъ прогулокъ я приступилъ къ осмотру достопримѣчательностей. Вставалъ я съ разсвѣтомъ—днемъ было нестерпимо жарко—и, выпивъ небольшую полоскательную чашку café au lait, отдавался во власть своего проводника. Лазили мы въ Акрополь, ходили въ храмъ Тезея, въ темницу Сократа, въ Стадіумъ и народный театръ, видѣли оставшіяся 15 колоннъ (изъ 120) храма Юпитера и могилу Кимона и Θукидита...

Грустное впечатлѣніе произвелъ на меня Акрополь. Надъ грудами мусора возлѣ уродливыхъ стѣнъ и башенъ высятся стройныя колонны изъ пентеликонскаго мрамора, вѣроятно когда-то бѣлыя и гладкія, теперь же темнокоричневыя, съ проточинами. Въ храмахъ, рядомъ съ настоящими, поддѣль-

ныя каріатиды и карнизы, убогія заплаты Англичанъ, увлекшихъ оригиналы въ Британскій Музей. Рядами лежатъ обломки барельефовъ и статуй: торсы, руки, ноги. Отовсюду вѣетъ мертвенностію. Несмотря на жаркое солнце, отъ котораго болѣзненно морщишь лицо, на душѣ точно въ глубокомъ склепѣ сѣро и мрачно. Въ Генуэзской башнѣ гнѣздятся колчики; они стоятъ въ безоблачной вышинѣ, трепеща крыльями, и человѣку отрадно слѣдить за ихъ полетомъ: внизу, кругомъ человѣка, нѣтъ признаковъ жизни; только букашки ползаютъ по обломкамъ, да въ разсѣлинѣ скалы, куда Посейдонъ вонзилъ свой трезубецъ, растутъ капорцы.

Что̀ сказать о другихъ памятникахъ? Подъ коринѳскими колоннами храма Юпитера на грязныхъ столикахъ льютъ кофе; стрижи съ писком вьются между капителями; въ гробницѣ Ѳукидида и Кимона лежитъ раздавленная собака.

Жаль что вы не знаете моего проводника. Если будете въ Аѳинахъ, непремѣнно остановитесь въ Hôtel d'Angleterre. Тамъ въ общей залѣ прибита его визитная карточка. Тамъ знакомство съ нимъ неизбѣжно. Обѣдаешь ли за общимъ столомъ, пробѣгаешь ли журналы въ читальной комнатѣ, всюду въ почтительномъ отдаленіи, неясный какъ призракъ, рисуется образъ Жоржа. Вамъ и во снѣ чудится что онъ стоитъ на порогѣ номера, смиренно склонивъ сѣдую голову. Разъ вы допустили его въ Пиреѣ вынести изъ каюты чемоданъ или пледъ, Жоржъ становится вашимъ вѣрнымъ слугою, и какъ бы ни былъ изобрѣтателенъ умъ вашъ, вы уже не отдѣлаетесь отъ него до третьяго звонка на томъ пароходѣ который снова унесетъ васъ въ Эгейское море. Однажды мнѣ надо было писать письма и я разчитывалъ просидѣть цѣлыя сутки дома; чтобы не платить г. Макролуло за лишній день, я наканунѣ заявилъ что его услуги мнѣ не понадобятся.

„Très bien, Monsieur, très bien, très bien"... зачастилъ онъ, пятясь и кланяясь, послѣ чего исчезъ и даже въ эту ночь не снился мнѣ на порогѣ. Но просыпаюсь на другое утро и, позвонивъ лакея, требую кофе — кофе подаетъ мнѣ Жоржъ; прошу вычистить сапоги, которые забылъ выставить въ коридоръ — ихъ беретъ лакей, а вычищенные приноситъ Жоржъ; вечеромъ спрашиваю вина—мнѣ подаетъ его лакей, но за нимъ слѣдомъ идетъ Жоржъ съ тарелкой льду въ рукахъ. Дѣлать нечего, пришлось платить семь франко въ

Макролуло педантъ въ своемъ ремеслѣ: онъ требуетъ чтобы

путешественникъ не пропускалъ ничего достопримѣчательнаго, останавливался предъ каждою колонной, щупалъ мраморные торсы и головы, терпѣливо выслушивалъ его поясненія, непремѣнно входилъ въ тюрьму Сократа. Сначала Жоржъ жаловался мнѣ на свою старческую память; вотъ, напримѣръ, онъ знаетъ что были Ликургъ и Солонъ, но кто изъ нихъ побѣдилъ Персовъ при Марѳонѣ, не помнитъ. Однако вскорѣ, уличивъ меня раза два въ невѣжествѣ, сталъ относиться къ моимъ познаніямъ съ снисходительною ироніей. Покидая Аѳины, я рѣшилъ навсегда распроститься съ нимъ еще въ гостиницѣ и ѣхать въ Пирей одному. Изъ вещей со мной только небольшой сакъ-вояжъ; прочія мѣста я оставилъ въ портовой таможнѣ и прямо оттуда повезу ихъ на пароходъ. Вдругъ Жоржъ сообщаетъ мнѣ что таможня по пятницамъ заперта, что вдобавокъ оставленныя тамъ на храненіе вещи выдаются лишь знакомымъ и то не раньше двухъ недѣль послѣ востребованія. „Нечего сказать, хороши порядки въ Греціи“, подумалъ я. Своими свѣдѣніями Жоржъ повергъ мою душу въ какое-то тупое отчаяніе; я окончательно не зналъ бы на что рѣшиться, не предложи онъ ѣхать со мною въ Пирей. Дорогой Жоржъ утѣшалъ меня, обѣщая все устроить. И вообразите, вѣроятно благодаря его посредничеству, мнѣ выдали вещи безо всякихъ проволочекъ и затрудненій; а вѣдь въ тотъ день, какъ теперь помню, была пятница. На пароходѣ Жоржъ представилъ мнѣ счетъ въ 216 франковъ; между прочимъ стояло: „40 франковъ служащимъ въ таможнѣ“.

IV.

Весеннимъ вечеромъ, когда море тихо, а небо ясно, когда холмы блестятъ первою зеленью и цвѣтутъ апельсинныя деревья, говорятъ, можно безумно влюбиться въ Грецію. Но я путешествовалъ лѣтомъ, и покидалъ Аттику безъ сожалѣнія, не унося ни радостныхъ воспоминаній, ни свѣтлыхъ картинъ...

На дальнѣйшее путешествіе я еще не составилъ себѣ яснаго плана. Собственно мнѣ хотѣлось вернуться въ Россію черезъ Вѣну, миновавъ по возможности хорошо мнѣ извѣстные Тріестъ, Ажербергскій гротъ и тонели Земмеринга, и

я выдумалъ слѣдующее: плыть сначала по Адріатическому морю, остановиться гдѣ-нибудь на восточномъ его берегу южнѣе Тріеста и затѣмъ, повернувъ въ глубь страны, на почтовыхъ продолжать путь чрезъ Герцеговину и Боснію на Бродъ.

Теперь я ѣхалъ въ Каламаки на скверномъ пароходѣ какой-то греческой компаніи, которая доставляетъ пассажировъ изъ Аѳинъ въ Корфу чрезъ Коринѳскій перешескъ. Въ Каламаки я долженъ былъ перебраться въ экипажъ, а въ Лутраки, близь Коринѳа, сѣсть на другой столь же скверный пароходъ. Берега Аргосскаго залива не представляютъ ничего живописнаго: со всѣхъ сторонъ попрежнему пагія возвышенности. Черезъ перешеекъ перебрались около полудня въ крытыхъ шарабанахъ, куда агенты греческаго общества укладывали и втискивали насъ, какъ бѣлье въ чемоданъ, при чемъ лица путешественниковъ выражали грусть, и только іезуиты, тѣ самые что̀ ѣхали со мной изъ Смирны, мягко улыбались. Еще засвѣтло шли мы по Коринѳскому заливу. Врагу своему не порекомендую этого Общества пароходства. Кормили васъ лучшимъ цвѣтомъ греческой кухни: холодными артишоками и всевозможными морскими гадами, плавающими въ деревянномъ маслѣ. Къ столу подавали вино, густое, почти черное, съ запахомъ каучука, точно настоенное на новыхъ резиновыхъ калошахъ. Ночью мы стояли въ Патрасѣ, а на другой день увидѣли Занти съ его садами, и въ глубокой бухтѣ среди горъ уютную, хорошенькую Кефалонію *.

Здѣсь на нашъ пароходъ посадили обезьяну и привязали на цѣпь у кормы. Ее тотчасъ окружили пассажиры. Обезьяна имѣла крайне озабоченный видъ и все моргала глазами; впрочемъ на обступившихъ ее большихъ обезьянъ глядѣла благосклонно, протягивала имъ руку, ласкалась къ нѣкоторымъ. Увы! большія обезьяны оказались глупѣе маленькой: онѣ стали ее дразнить. Презиравшіе Нельсона Нѣмцы (которые тоже вмѣстѣ со мной выѣхали изъ Аѳинъ) сажали ее на колѣни, гладили, чесали головку; потомъ, накрывъ ее вдругъ кускомъ полотна, били какъ по подушкѣ. Одного изъ нихъ обезьяна укусила очень больно, послѣ чего я рѣшилъ взять ее за храбрость подъ свое покровительство и не давать въ

* Главные города двухъ Іоническихъ острововъ.

обиду двурукимъ. Къ вечеру все лежало пластомъ. Даже лакеи прикурнули на скамейкахъ. Обезьяна куталась въ холстинку, которую позабыли возлѣ нея Нѣмцы.

На разсвѣтѣ мы были противъ Корфу, съ его пятиэтажными домами надъ высокою набережной, съ отвѣсною скалой у моря, на которой точно сама высѣченная въ скалѣ стоитъ крѣпость. Вдали по склонамъ горъ, иногда къ самому берегу, спускаются густые, зеленые лѣса, какихъ до сихъ поръ не встрѣчалъ я за границей. Всплывшее надъ Эпирскимъ берегомъ солнце залило красноватымъ свѣтомъ городъ и окрестности, и они, блестящіе, будто вымытые, стали еще очаровательнѣе.

Не успѣли отдать якорь, не успѣла обезьянка вылѣзть изъ моего пледа, предоставленнаго ей на ночь, а проснувшіеся Нѣмцы спросить вина, какъ пароходъ со всѣхъ сторонъ окружили лодки, и на палубѣ, вскарабкавшись по борту, появились во множествѣ знакомые туристамъ матросы, сующіе въ лицо карточки различныхъ гостиницъ. Въ большей части случаевъ матросы, карточки и гостиницы одинаково грязны. Весьма прилично одѣтый господинъ, взобравшійся впрочемъ на пароходъ тоже безъ помощи трапа, поклонился мнѣ, какъ старому пріятелю. Я неосмотрительно отвѣтилъ на поклонъ и тотчасъ понялъ что попался, ибо прилично одѣтый господинъ былъ здѣшній garçon de place. Зная по горькому опыту насколько безполезно всякое сопротивленіе, я оставилъ вещи въ таможнѣ (гдѣ предварительно разспросилъ о порядкѣ ихъ обратной выдачи) и пошелъ бродить по городу съ новымъ своимъ покровителемъ. Меня поразило въ Корфу отсутствіе пыли на улицахъ. Только здѣсь узналъ я настоящій цвѣтъ кипарисовъ. Въ Константинополѣ они черны какъ банники, не разъ бывшіе въ употребленіи.

Во время прогулки по тѣнистымъ аллеямъ городской площади, куда съ одной стороны обращенъ фасадъ дворца короля Георга (бывшее помѣщеніе лорда президента), съ другой смотрятъ окна моей гостиницы Bella Venezia, а съ третьей высится наружный кругъ крѣпостныхъ стѣнъ,— проводникъ разказывалъ мнѣ подробности недавняго бунта. Насколько я понялъ ломанный италіянскій языкъ моего чичероне, первымъ поводомъ столкновенія народа съ войскомъ было то что какой-то солдатъ отдазилъ лапу собакѣ. Хозя-

инъ послѣдней сталъ браниться. Вокругъ собрался народъ. На слѣдующій день ссора продолжалась, сборище увеличилось. На третій начались драки. Наконецъ гарнизонъ заперся въ крѣпости и принялся стрѣлять по народу, толпившемуся на площади. Garçon de place показывалъ мнѣ балконъ гдѣ была убита шальною пулей дама—„una conoscenza del signore console gen-.ale di Russia“. Дѣло кончилось тѣмъ что по требованію явившихся къ губернатору консуловъ изъ города былъ высланъ весь гарнизонъ и въ послѣдствіи замѣненъ новымъ. „Во всемъ виноваты солдаты“, заключилъ проводникъ: „они почему-то смотрятъ на насъ, Корфусцевъ, какъ побѣдителей на побѣжденныхъ.“

Съ площади подъемный мостъ ведетъ въ крѣпость. Внизу за первою стѣной нѣтъ ничего любопытнаго: неуклюжія казармы, построенныя Венеціанцами и Англичанами, да солдаты на часахъ. Снявъ сюртуки, мы стали взбираться наверхъ по лѣстницамъ и тропинкамъ въ скалѣ; нѣсколько разъ проходили въ широкія ворота въ родѣ тонелей—тамъ было сыро и прохладно какъ въ погребѣ, а подъ открытымъ небомъ, несмотря на раннюю пору дня, глаза слипались отъ зноя. Однако я торопился, ибо за мною, тоже поснимавъ сюртуки, гнались разчетливые Нѣмцы, желавшіе даромъ пользоваться объясненіями проводника, который, хотя и не изучалъ древней исторіи въ продолженіе тридцати шести лѣтъ, но былъ потолковѣе Жоржа Макропуло.

Сила растительности въ Корфу замѣчательна. На площадкахъ крѣпости чуть не изъ голаго камня торчатъ различные деревья и цвѣты. Ихъ нюхаютъ, порхая, большія бабочки, какихъ у насъ не водится. Трава, правда засохшая, въ иныхъ мѣстахъ приходилась намъ по поясъ, а надъ головой въ отвѣсной скалѣ росли кустарники и бурьянъ.

Но вотъ послѣдняя тропинка, еще нѣсколько ступеней — и мы на верхней площадкѣ...

Тутъ я готовъ бросить перо!

Еслибы Каламъ изобразилъ зеленый лѣсъ, спускающійся со всѣхъ сторонъ къ узкой полосѣ врѣзавшагося въ берегъ голубаго моря; еслибы фламандскій художникъ набросалъ на первомъ планѣ красивый городъ, а по лѣсу разсыпалъ множество ослѣпительно-бѣлыхъ домиковъ; еслибъ Айвазовскій и слѣва, и справа, и за лѣсомъ написалъ море — спокойное, свѣтлое, съ островами, исчезающими въ сизомъ туманѣ, и

еслибы всю картину залить горячимъ свѣтомъ южнаго солнца—вы бы все-таки не имѣли понятія о видѣ съ верхней площадки!

Въ одномъ изъ угловъ ея подъ сѣнью большихъ деревьевъ, смоковницъ и гранатъ, среди кактусовъ * и столѣтниковъ, стоитъ маленькая лачужка. Здѣсь живетъ сторожъ, безъ сомнѣнія, приставленный для того чтобы отпаивать водою задохнувшихся отъ жары и усталости путешественниковъ. Онъ вынесъ мнѣ изъ сторожки прекрасную зрительную трубу, подаренную де ему какою-то коронованною особой, чуть ли не Францомъ-Іосифомъ. Я много пилъ, долго любовался безграничнымъ видомъ и вѣроятно никогда не забуду Корфу. Уходя, я далъ сторожу франкъ, и догнавшіе меня Нѣмцы даромъ пили воду и смотрѣли въ зрительную трубу.

Часа четыре спустя, снова пароходъ везъ меня по Адріатическому морю. Планъ моего путешествія выяснился. Я рѣшилъ ѣхать въ Рагузу, откуда думалъ продолжать путь въ экипажѣ чрезъ Мостаръ, Сараево, въ Бродъ, до Эссека, или же только до Брода и потомъ взобраться вверхъ по теченію Савы до Сиссака. Между Сиссакомъ (равно и Эссекомъ) и Вѣною есть желѣзнодорожное сообщеніе.

Изъ Корфу я оттого такъ скоро уѣхалъ что слѣдующаго парохода приходилось ждать цѣлую недѣлю, а временемъ надо было дорожить.

Пароходъ везшій меня въ Рагузу трое сутокъ (меньше времени требуется для переѣзда изъ Корфу въ Тріестъ, прямымъ сообщеніемъ) нѣсколько разъ на день заходилъ въ гавани. Еслибъ не лебедка ** тараторившая по цѣлымъ часамъ, да не вонь топленымъ саломъ, можно было бы наслаждаться панорамой приморскихъ городовъ и пейзажей.

По записной книжкѣ, — бѣдная, въ какомъ она видѣ послѣ путешествія! — я вижу что 17 іюля, на другой день по выѣздѣ изъ Корфу, мы стояли въ Porto Ragusino, недалеко отъ Авлоны, скрывшейся за лѣсистымъ берегомъ; что цвѣтъ моря, до сихъ поръ ярко-голубой, переходитъ въ зеленоватый; что далѣе къ сѣверу въ двухъ мѣстахъ, противъ устьевъ Віоссы и Семени, пароходъ пересѣкъ рѣзко очер-

* Плоды ихъ съѣдобны; по виду напоминаютъ винныя ягоды.

** Машина посредствомъ которой пускаютъ въ трюмъ или подымаютъ изъ трюма грузъ.

ченныя полосы мутной воды, точно пыльныя дороги среди молодыхъ всходовъ, терявшіяся на линіи горизонта; что близъ Дураццо, съ плоскихъ, низменныхъ береговъ вѣтеръ приносилъ на палубу запахъ цвѣтущей ржи и васильковъ.

Подъ 18мъ числомъ записаны Антивари, Будуа, Катарро, и вся страница испещрена кабалистическими знаками.

Были ли мы въ Антивари? Да, мы брали тамъ уголь. Если не ошибаюсь, тогда еще, отыскавъ этотъ городъ на картѣ, я удивился что по-турецки имя ему Баръ. Теперь же, хоть убей, не припомню ни одной подробности ландшафта.

Въ Будуа на палубѣ появились новые пассажиры: австрійскій офицеръ съ женой Италіянкой и множествомъ дѣтей. Младшаго изъ нихъ Австріецъ таскалъ на рукахъ. Италіянка, очевидно путешествовавшая по морю въ первый разъ, запрещала дѣтямъ подходить къ г. капитану (это былъ простой матросъ стоявшій у руля). Когда же дѣти спускались въ каюту, она кричала отъ страха, предполагая повидимому что тамъ, внизу, непремѣнно потонешь.

Вотъ съ двухъ сторонъ потянулись горы еще выше, еще безобразнѣе мною видѣнныхъ; отъ подошвы до вершины онѣ ровнаго пепельнаго цвѣта, и лишь на берегу стоятъ дома съ чахлыми садами. Солнце печетъ, шумятъ колеса, Австріецъ ходитъ взадъ и впередъ по юту, часто останавливаясь чтобы побесѣдовать съ сыномъ, котораго не спускаетъ съ рукъ. На носу бранятся матросы.

Бокка-ди-Каттарро, длинный, неширокій заливъ со множествомъ мѣстечекъ и фортовъ по берегу въ узкой полосѣ зелени, у сплошной стѣны сѣрыхъ горъ. По мѣрѣ приближенія къ Каттарро горы сходятся справа и слѣва, растутъ, давятъ васъ. Я записалъ въ книжку: Сутóрино, Кáстель-Нудо́во, Ризáно, Перáсто, Прчáае и Добрóга. Бухта заканчивается продолговатымъ озеромъ; со средины разсыпанные по берегу этажные дома кажутся крохотными, не больше тѣхъ хорошенькихъ игрушечныхъ домиковъ что́ фабрикуютъ въ Швейцаріи. Надъ озеромъ кольцомъ сомкнулись вершины. Вы точно на днѣ огромной ямы. Нѣтъ выхода взгляду, и шапка валится съ головы, когда глядишь на небо. Оно видѣется и глубоко внизу въ зеркалѣ водъ, куда смотрятся деревья, домики и пепельныя громады горъ.

Каттаро находится въ самомъ днѣ бухты. Я зналъ что гдѣ-то надъ нимъ на сѣромъ фонѣ невидимо проходитъ гра-

ница Черногоріи. Выскочивъ при первой возможности на пристань и не заглянувъ въ городокъ, я почти бѣгомъ пустился по набережной, вдоль низенькихъ каменныхъ стѣнъ, откуда свѣшивался колючій кустарникъ. На встрѣчу попадались босоногіе мальчишки, ослы, австрійскіе солдаты, упражнявшіеся на барабанахъ и рожкахъ; Черногорцы въ бѣлыхъ суконныхъ полукафтанахъ и съ длинными трубками; бабы навьюченныя снопами ячменя и на ходу вязавшія чулокъ.... Обогнувъ послѣдній заборъ, я сталъ подыматься вверхъ. На почвѣ, покрытой булыжникомъ, росли кусты боярышника, да изрѣдка попадались клочки вспаханной земли въ нѣсколько квадратныхъ саженъ. Погода стояла душная, какъ предъ грозой, идти было тяжело, а горы по мѣрѣ приближенія къ нимъ уходили въ небеса, и я вернулся назадъ, не добравшись до пепельной Черногоріи.

V.

Пароходъ вышелъ изъ Бокки, и снова потянулись спаленные солнцемъ горные берега Далматіи.

Морское плаваніе мое близилось къ концу, и я удивлялся однообразію видѣнныхъ мною мѣстностей. За исключеніемъ Босфора, Корфу и Каттарро, побережья до того схожи между собою что еслибъ отнять у меня карту Киперта и вновь возить по тѣмъ же мѣстамъ, я бы не зналъ гдѣ я нахожусь, близъ азіятскаго ли берега, около Сиры, Митилене, въ Коринѳскомъ заливѣ или среди Далматинскихъ острововъ.

Въ 4 часа пополудни на голой вершинѣ показалось большое зданіе, а по склону разсыпалось незначительное мѣстечко съ зеленью между домами. Это была Рагуза. Но мы прошли мимо не останавливаясь. Куда же насъ везли?

— Мы обогнемъ этотъ мысъ, пояснилъ одинъ изъ спутниковъ,—и войдемъ въ портъ Гравозу. Изъ Гравозы въ Рагузу ходятъ экипажи—всего двадцать минутъ ѣзды.

Въ Гравозѣ я однако не дождался экипажа и пошелъ пѣшкомъ. Матросъ за полгульдена взялся нести въ Русское консульство мой сакъ-вояжъ. Дорогой я узналъ что въ Рагузѣ всего шесть тысячъ жителей, что зданіе на верху какія-то казармы, и что въ ясную погоду оттуда видна Италія. *

* Должно-быть вершины Аппенинъ.

Консульство наше находится собственно въ пригородѣ, на длинной улицѣ, гдѣ только и видны каменные заборы. Двухъэтажное зданіе консульства, какъ и другіе дома въ предмѣстьи, выходитъ фасадомъ во дворъ, окруженный высокою стѣной, на которой въ одномъ мѣстѣ устроена площадка со скамейками. Отсюда удобно смотрѣть на beau monde, гуляющій въ сумерки по улицѣ. Надъ скамейками сплелись вѣтви двухъ большихъ акацій съ розовыми одуванчиками вмѣсто цвѣтовъ. Отъ парадной двери къ воротамъ идетъ въ видѣ навѣса густо поросшій виноградомъ трельяжъ—любимое мѣстопребываніе консульскихъ куръ. Сѣренькій козликъ гуляетъ по двору. Онъ давно выщипалъ траву и теперь питается подаяньемъ, кто нарветъ ему виноградныхъ листьевъ, кто сломитъ вѣтку акаціи.

Въ консульствѣ меня ждало грустное разочарованіе. Я думалъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Рагузу послать свой паспортъ на почтовую станцію, и тройкой, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, мчаться въ Сараево, куда разчитывалъ прибыть въ однѣ сутки. И вдругъ узнаю что ямской гоньбы здѣсь нѣтъ, что̀ до Мѣтковича (на Турецкой границѣ) надо ѣхать въ лодкѣ, сперва моремъ, затѣмъ по Неретвѣ: экипажная дорога въ плохомъ состояніи, и рагузскіе извощики заламываютъ невозможныя цѣны. Изъ Мѣтковича, куда вице-консулъ въ Мостарѣ вышлетъ мнѣ кавасса, придется продолжать путешествіе верхомъ. Къ тому же сегодня выѣхать изъ Рагузы нельзя уже по той простой причинѣ что нѣтъ лодокъ въ Гравозѣ — всѣ въ разгонѣ; къ тому же надо ждать попутнаго вѣтра.

— Когда же будутъ лодки?

— Богъ вѣсть! можетъ чрезъ недѣлю.

— А долго ли ѣхать до Мѣтковича?

— Если погода благопріятна, двое сутокъ; если же сѣверный вѣтеръ, придется вернуться назадъ. Иногда раза по три возвращаются.

И волей-неволей пришлось провести въ Рагузѣ нѣсколько дней.

Впрочемъ Рагуза прехорошенькій городокъ. Въ центрѣ его̀ высокія стѣны шоколаднаго цвѣта, зданія и церковь съ окошечками и карнизами какъ во Дворцѣ Дожей, и всюду ниши со статуями Св. Власія, патрона бывшей Рагузской республики. На улицахъ чисто; нѣкоторыя вы-

мощены большими плитами какъ площадь Св. Марка. Въ магазинахъ продаются роскошные альбомы, галстуки самыхъ ослѣпительныхъ цвѣтовъ, коробочки выложенныя ракушками и большія великолѣпныя брошки, преимущественно съ портретами дамъ цѣлующихъ голубей; такія брошки мнѣ случалось видѣть на Венеціанкахъ. Рагуза прехорошенькій городокъ, но общественной жизни въ немъ нѣтъ. Мѣстная аристократія, гордящаяся происхожденіемъ отъ гражданъ славной республики, и представители иностранныхъ державъ чопорно раскланиваются другъ съ другомъ на улицахъ, утромъ купаются въ Рагузскомъ портѣ, * и вечеромъ собираются пить кофе или пиво на скверѣ, противъ кофейни, гдѣ по воскресеньямъ играетъ оркестръ военной музыки. Другихъ развлеченій городъ лѣтомъ не представляетъ. Вдобавокъ купанье не безопасно, ибо въ Адріатическомъ морѣ года два назадъ появились акулы; ихъ не разъ видали близъ купальни, а въ Тріестѣ, какъ выразился мой чичероне-матросъ, онѣ имѣли неосторожность (imprudenzia) съѣсть двухъ молодыхъ людей.

Въ ожиданіи лодки и попутнаго вѣтра я посѣтилъ нѣкоторыя изъ окрестностей Рагузы. Жалѣю что гроза, представляющая здѣсь рѣдкое явленіе, помѣшала мнѣ съѣздить на живописный и пустынный островокъ Лакрому, бывшую резиденціей покойнаго императора Максимиліана и затѣмъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ русскаго консула. За то я былъ въ Бренѣ и Санъ-Стефано, куда собственно ѣздить не стоило, и присутствовалъ на пушечной пальбѣ въ австрійскомъ фортѣ, защищающемъ входъ въ Гравозскую бухту. Тутъ, подъ несносный гулъ орудій, ѣлъ колбасу купленную у маркитанта, запивая виномъ изъ мѣха—vino nostrano, ** и курилъ вонючія австрійскія сигары со вставленною въ хвостикъ соломенкой. Изъ семи пушекъ только одна заряжалась съ казенной части. Стрѣляли гранатами, *шрапанелью*, различными *кугелями*, но всячески стрѣляли плохо. Ядра летали мимо мишени поставленной въ морѣ на километръ разстоянія, и рикошетный полетъ ихъ, отмѣчаемый на водѣ перспективою столбовъ изъ пѣны, описывалъ дугу вправо или

* Въ Рагузскій портъ, вслѣдствіе подводныхъ камней, заходятъ одни небольшія парусныя суда.

** Мѣстное вино.

влѣво, а офицеры послѣ каждаго выстрѣла кричали: „bravo! gut getroffen!“

Лодки въ Гравозѣ все не было, такъ по крайней мѣрѣ говорилъ чичероне, и мною овладѣла тоска по Сараевѣ. Послѣдніе дни пребыванія въ Рагузѣ я провелъ во дворѣ консульства, гоняя длиннымъ шестомъ куръ, клевавшихъ виноградъ, и дразня зеленою вѣткой козлика. Онъ со слезами во взглядѣ смотрѣлъ на завѣтный кустъ капорцевъ, растущій высоко въ стѣнѣ. Заподозривъ наконецъ матроса въ неискренности, однажды, вмѣсто того чтобъ ѣхать по его предложенію въ Ragusa Vecchia, гдѣ уже рѣшительно нечего смотрѣть, я отправился самъ въ Гравозу за лодкой. Поиски мои увѣнчались успѣхомъ. Лодокъ оказалось нѣсколько. Хозяинъ одной взялся доставить меня въ Мѣтковичъ за двѣнадцать гульденовъ. Онъ собственно ѣхалъ только до Станьйо, * гдѣ я, перейдя черезъ перешеекъ соединяющій полуостровъ Sabioncello съ Далматіей, долженъ былъ поступить на руки къ другому лодочнику для дальнѣйшаго плаванія.

На слѣдующій день я простился съ Рагузой. Выѣхалъ рано утромъ. Одно вліятельное лицо, извѣстное русскимъ путешественникамъ своею любезностью, провожало меня на Гравозскую пристань и поручило особому попеченію лодочника, заявивъ что я ни по-италіянски, ни по-сербски не говорю. Какъ только мы отошли отъ берега, спутники мои Далматинцы (я ѣхалъ не одинъ) единодушно стали называть меня обезьяной, вѣроятно за легкомысленное обращеніе съ pince-nez, и не стѣсняясь передавали другъ другу соображенія насчетъ моей ограниченности, когда я помѣстился между вымазанными дегтемъ бочонками на грязный полъ лодки, пренебрегая платьемъ самаго поднаго покроя, только-что купленнымъ въ Рагузѣ. Вдругъ рѣзкій, свищущій свистъ; вѣтромъ пахнуло въ лицо; раскаты грома по горамъ... Мимо лодки,—она шла слегка накренившись лодъ парусомъ,—быстро, невообразимо быстро пролетѣло круглое черное пятно и уже вдали задѣвало и пѣнило волну. Облачко вымилось на холмѣ надъ знакомою австрійскою батареей. Вотъ вспыхнуло другое облачко; снова громъ, снова вѣтеръ стегнулъ по лицу и опять въ нѣсколькихъ шагахъ прогнѣвало ядро. Gut getroffen!

---

* Stagno; на берегу Адріатическаго моря.

Не думайте чтобы долгій переѣздъ въ лодкѣ представлялъ особое удовольствіе. Сначала чувство новизны пріятно овладѣваетъ вами. Поверхность моря такъ близка, такъ далекъ берегъ. Весело и жутко смотрѣть въ прозрачную воду, гдѣ у самыхъ краевъ лодки точно коллаки отъ лампъ плаваютъ матовые молюски съ синею оторочкой или блеснетъ чешуей испуганная рыбка. Весело и жутко съ моря вскинуть глазами на небо надъ самою головой и потонуть въ его бездонной глубинѣ. Но вскорѣ отъ подобныхъ занятій до того разболится голова что одна за другою улетятъ въ голубое пространство поэтическія мысли, и ясно выступитъ сознаніе своего безвыходнаго положенія. Когда улетятъ мысли, отчетливѣе станутъ ощущенія: несносно томительною скажется жажда; по отекшей ногѣ, глубоко вливаясь въ тѣло, начнутъ скакать булавки, въ лодкѣ среди дегтярныхъ боченковъ ни пройтись, ни сѣсть, ни вытянуться; некуда скрыть лица отъ соленыхъ брызгъ изъ-подъ веселъ гребцовъ, а солнце печетъ немилосердно, и вы чувствуете что оно уже испекло въ крутую вашу голову.

Переѣздъ въ Станьйо, куда прибыли въ 4 часа вечера, мы совершили благополучно, то-есть не встрѣтили сѣвернаго вѣтра, который, увѣряли меня, не только гонитъ путешественниковъ обратно въ Рагузу, но налетая внезапно шквалomъ опрокидываетъ лодку, если не успѣютъ убрать паруса. Однако намъ почти не пришлось любоваться моремъ. Сперва отъ него отдѣляла насъ цѣпь гористыхъ острововъ; потомъ мы вошли въ неширокій заливъ, суживающійся по мѣрѣ приближенія къ Станьйо и противъ города обратившійся въ вонючую лужу. Въ тѣни гнѣздилась кефаль. Вспугнутая веслами, она стрѣлой пускалась по водной поверхности и прыгала по-щучьи. Одна вскочила въ лодку. Сосѣдъ мой юноша лѣтъ шестнадцати, въ такомъ же модномъ костюмѣ какъ я, спряталъ рыбу въ карманъ, предварительно оторвавъ ей голову.

Станьйо состоитъ изъ восьми или десяти домовъ старинной постройки. Мѣстность гориста и некрасива. Кругомъ города четвероугольныя ставки для добыванія соли, тинистый заливъ, похожій скорѣе на рѣченку, и только съ одной стороны за высокимъ валомъ тянется живописная долина.

Видно туристы рѣдко посѣщаютъ Станьйо. Когда я вхо-

дилъ въ городъ по деревянному мостику, перекинутому черезъ канаву, въ окна высовывались тревожныя лица; глухо рычали собаки, поднявъ на хребтѣ шерсть; надъ бѣлымъ турбаномъ моей шлялы вились ласточки съ крикомъ которымъ онѣ обыкновенно привѣтствуютъ ястребовъ и кошекъ.

Здѣсь лодочникъ представилъ меня своему знакомцу Никòло Стоянòвичу. * Послѣдній отвелъ мнѣ комнату въ третьемъ этажѣ своего дома. Бѣлыя стѣны, двухспальная или лучше четверомѣстная кровать, комодъ уставленный чашками, маленькія окна и двери, все это, особенно послѣ ночи проведенной въ новомъ помѣщеніи, напоминало наши постоялые дворы. Къ довершенію сходства въ числѣ картинъ развѣшанныхъ по стѣнамъ была одна русскаго издѣлія, лубочная: среди широкаго поля, гдѣ разставлено нѣсколько четыреугольныхъ плевальницъ, въ халатѣ и огромной чалмѣ, съ трубкой въ зубахъ „Турецкій султанъ“, какъ гласила надпись, „Асматриваетъ легулярное войско“. Кто завезъ ее въ такую даль? Остальныя картины изображали подвиги Наполеона I. Между прочимъ, я узналъ что Наполеонъ раненъ въ пятку (?) подъ Регенсбургомъ. Судя по изображенію, это весьма красивый городъ: дома радужные, а на крышахъ выросли чудовищныя красныя лиліи. Внизу подписано: „la ville est en flammes“. Разумѣется Наполеонъ разбиваетъ на голову войска всѣхъ націй въ особенности достается Русскимъ: ихъ истребляютъ въ одно сраженіе до 200.000 человѣкъ и по стольку же берутъ въ плѣнъ; подъ Фридландомъ болѣе 180 русскихъ пушекъ захвачено Французами. Однако всѣ эти картины ученическое маранье сравнительно съ тою которая озаглавлена: „Napoleon reçoit son fils dans les cieux, á Paris chez Lorderau rue St. Jaques 59 et á Toulouse rue St. Rome 38.“ Тутъ и облака, и генералы въ звѣздахъ, и Бонапартъ, сидящій на крылѣ своего орла, и слава въ образѣ пожилой дамы со страусовымъ перомъ вѣнчающая лаврами Наполеона II.

Въ долинѣ за валомъ (куда я отправился гулять, добросовѣстно списавъ въ книжку тексты картинъ) оливы болѣе симпатичны, нежели въ Аттикѣ; ни души не видно, тихо;

---

* Объ имени этого господина я справился, ибо хотѣлъ на него жаловаться мѣстнымъ властямъ: онъ настоятельно требовалъ съ меня три гульдена за постой; я провелъ у него *одну* ночь.

по краямъ дорожекъ и пересѣкая поля тянутся живыя изгороди колючаго кустарника; на перекресткахъ стоятъ будки сложенныя изъ булыжника безъ цемента. Предназначены ли онѣ служить убѣжищемъ отъ непогоды, или это брошенныя часовни?

Долго шелъ я къ догоравшему горизонту, осторожно ступая по каменьямъ тропинки. Когда смерклось, и на небѣ зажглись звѣзды, оливы стали еще граціознѣе, а изъ кустовъ повѣяло душистою сыростью — запахомъ грибовъ и опавшихъ листьевъ.

Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Погоди немного—
Отдохнешь и ты!

Въ эту ночь однако подъ кровомъ Николо Стояновича мнѣ не суждено было отдохнуть. Не взирая на коленкоровый пологъ, долженствовавшій предохранять меня отъ комаровъ, ихъ наползло нѣсколько десятковъ въ мое одиночество, и затянули они свои неколыбельныя пѣсенки. Я давалъ себѣ пощечины; несмотря на жару уходилъ съ головой подъ теплое одѣяло (простынь не оказалось). Весь въ поту, измученный, я наконецъ забывался легкою дремотой, но чрезъ мгновеніе, задохнувшись, откидывалъ одѣяло и снова билъ себя по щекамъ, и отмахивался.

Съ разсвѣтомъ я былъ сданъ новымъ лодочникамъ. Они взвалили на плечи мои вещи, и караванъ нашъ, выступивъ изъ Станьйо, направился къ сѣверо-западу, чтобы пройти перешеекъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ. Ходьбы часъ съ небольшимъ. Дорога пролегала по другой долинѣ, менѣе живописной, безъ оливъ и кустарника, но утреннею зарей всѣ мѣстности хороши. Мы встрѣчали людей съ лопатами, граблями, ломами, вышедшихъ въ поля и виноградники. Пріятно поражали меня звуки славянской рѣчи, когда поселяне обмѣнивались съ лодочниками цѣлыми серіями обычныхъ вопросныхъ и отвѣтныхъ привѣтствій.

Томителенъ и однообразенъ былъ переѣздъ по морю до устьевъ Неретвы. Нигдѣ еще не испытывалъ я такой жары. Въ Аѳинахъ можетъ-статься бывало и жарче, но день (отъ 11 до 4) я проводилъ за ставнями и опущенными шторами, въ одномъ бѣльѣ. Здѣсь же некуда скрыться: новая лодка еще меньше гравозской.

Мертвый штиль. Медленно подвигаемся мы на веслахъ. Рядомъ свѣтлобурыя горы, такія же какъ вчера и третьяго дня. Между камнями торчитъ спаленый кустарникъ. Пустыненъ и мраченъ берегъ. Хотя бы малѣйшій звукъ донесся до слуха, хотя бы съ камня на камень порхнула птица, бабочка, или бы коршунъ парилъ въ свѣтломъ безоблачномъ небѣ. Все мертво. На морѣ ровно, спокойно, гладко — и снизу изъ воды, также какъ сверху, слѣпитъ раскаленное солнце.

Не богато приключеніями наше плаваніе. Часа два послѣ отхода, лодочники указали мнѣ на берегъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ прочихъ береговъ. „Ecco“, говорили они вполголоса: „ecco la Hercehovina.“ И дѣйствительно, на картѣ Киперта, немножко сѣвернѣе полуострова Sabionnello, въ томъ мѣстѣ гдѣ ползла наша лодка, сквозь желтую Далматію прорѣзался къ морю клочокъ розовой Турціи. Около полудня лодка причалила къ подножію утеса, и мы завтракали: бѣлыя сочныя головки лука хрустѣли подъ зубами гребцовъ въ то время какъ я ѣлъ купленый въ Рагузѣ ветчину и сардинки. Кажется гребцы и я взаимно завидовали другъ другу.

Часа въ четыре на полномъ ходу почувствовался толчокъ снизу; что-то заскребло по дну лодки, которая сдѣлалась такою легкою что отъ малѣйшаго неосторожнаго движенія нашего собиралась опрокинуться. Мы стояли на подводномъ камнѣ въ устьѣ южнаго рукава Неретвы: съ одной стороны мутная полоса воды уходила въ безграничную морскую даль,— съ другой разстилались нивы шелчущихъ тростниковъ. Много кряквъ и чирятъ водится подъ ихъ сѣнію, а въ глубинѣ задумчиво плаваютъ карпы. Вокругъ лодки прыгала кефаль, и лихія стаи куличковъ-свистунковъ съ быстротой мысли носились надъ водой. Я не жалѣлъ о морѣ, которое скрывалось за плесомъ.

Неретва, по-италіянски Narénta, главная рѣка Герцеговины, беретъ свое начало верстахъ въ пятидесяти къ востоку отъ Мостара, но прежде чѣмъ достичь этого города, протекаетъ по крайней мѣрѣ 200 верстъ. Сперва Неретва течетъ къ сѣверу и сѣверо-западу; пройдя же Конницу, гдѣ служитъ границей между Босніей и Герцеговиной, круто, подъ острымъ угломъ, поворачиваетъ къ югу (къ Мостару). Вся длина рѣки не болѣе 250—300 верстъ; между тѣмъ истоки ея находятся на значительной высотѣ. Неудивительна, въ виду этого, быстрота теченія Неретвы. Только

отъ Метковича внизъ ходятъ лодки. Выше же Неретва имѣетъ характеръ горныхъ рѣкъ, т.-е. шумитъ и пѣнится по камнямъ, большею частью въ ущельяхъ, или нешироких ъ долинахъ. Говорятъ однако что камни эти не что̀ иное какъ вершины скалъ, между которыми рѣка прорыла себѣ глубокое русло. Одинъ французскій инженеръ увѣрялъ меня что можно бы, взорвавъ скалы, открыть судоходное сообщеніе между Коницей и Мостаромъ.

Жаръ свалилъ, повѣяло рѣчною прохладой и запахомъ камышей. Иногда одинъ изъ гребцовъ шелъ береговою тропинкой вдоль полей кукурузы и, спугивая перепелокъ, которыя парочками летѣли черезъ рѣку, тянулъ привязанную къ верху мачты бичеву. Намъ встрѣчались туземныя лодки: однѣ несравненно меньше русскихъ душегубокъ, что-то въ родѣ корыта сколоченнаго изъ досокъ; другія широкія и плоскія какъ камбала, не рѣдко съ 15 и 20 пассажирами, которые сидѣли на обводѣ вокругъ и лицомъ другъ къ другу, вытянувъ ноги по отлогимъ бокамъ. Барки эти служили вмѣсто паромовъ для перевоза. До Мостара на Неретвѣ нѣтъ мостовъ. Мимо насъ проплывали мѣстечки съ высокими деревьями надъ водой и мрачными двухэтажными домами, и пять новыхъ именъ украсили страницы моей книжки: На́тросъ, Гра́дина, фортъ Опусъ, перекрещенный лодочниками въ Порто́пусъ *, Прва́зацъ и Ула-Нори́нска. Послѣднее принадлежало старинной необитаемой башнѣ или замку; про него одинъ изъ моихъ спутниковъ разказалъ длинную легенду, которую къ сожалѣнію я не записалъ въ книжку.

Чтобы размяться немного, я принялся было ходить взадъ и впередъ, шагая черезъ сидѣнія, но гребцы заклинали меня стоять смирно.

„Если мы не доставимъ васъ въ Метковичъ, что̀ съ нами сдѣлаютъ!“

Видно прежній лодочникъ разказалъ имъ кто провожалъ меня на Гравозскую пристань. Гребцы божились что если упасть въ Наренту,—все конечно.

„Это не море“, говорили они таинственно и указывали на маленькія вертящіяся ямочки, которыя то появлялись, то исчезали на гладкой поверхности. Ямочки эти по правдѣ

* Тутъ всѣ такъ называютъ это мѣстечко. Просто „Опусъ“ для нихъ непонятно.

сказать мнѣ не нравились, и я безъ ропота снова сѣлъ, скорчивъ свои отекшіе члены.

Но вдали на лѣвомъ берегу показался огромный холмъ, и на немъ городокъ въ родѣ Сиры; сумерки мѣшали разглядѣть подробности. Лодочники совѣтовали пѣшкомъ добраться до города по шоссе (изъ Портóлуса). Такимъ образомъ дорога сокращалась втрое, ибо рѣка, подходя къ Метковичу, дѣлаетъ большія излучины. Но я согласился на предложеніе гребцовъ, боясь оставить безъ присмотра плохо запертые чемоданы и расползшіеся ящики.

Вѣроятно и въ Метковичѣ, какъ въ сосѣднихъ деревняхъ, печальные изъ сѣраго камня дома, на улицахъ пыль и грязь, и за исключеніемъ двухъ платановъ у пристани нѣтъ растительности. Но мы пріѣхали туда ночью, и Метковичъ, котораго мнѣ не пришлось видѣть днемъ (я выѣхалъ съ разсвѣтомъ), до сихъ поръ представляется мнѣ волшебнымъ городомъ. У стѣнъ домовъ, казалось, росли кусты усыпанные незнакомыми цвѣтами; плющъ, перекинувшись, повиснулъ съ крышъ; что-то лепетали верхушки сонныхъ тополей; а по другую сторону рѣки, въ пустынѣ, чудилась такая же чарующая мѣстность, какъ на старинныхъ портретахъ—на тѣхъ портретахъ, гдѣ озаренныя луной, молодыя, задумчивыя, на высокомъ балконѣ сидятъ наши прабабушки въ сандаліяхъ и съ лирой у ногъ. Темная ночь подъ балкономъ; ничего не видно, не слышно; но чуткое воображеніе угадываетъ паркъ, бесѣдки надъ прудомъ, запахъ сирени и трели соловья.

Кавассъ Ристо, высланный мнѣ на встрѣчу вице-консуломъ въ Мостарѣ, прибылъ въ Метковичъ наканунѣ. Въ подобныхъ городкахъ, куда нога Европейца заходитъ такъ же рѣдко какъ въ Тумбукту, общій уровень любопытства достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ. Еще подъ платанами, когда лодка пристала къ берегу, насъ встрѣтила толпа Метковичанъ. Они признали меня въ темнотѣ и наперерывъ сообщали, что кавассъ Ристо пріѣхалъ, что лошади наняты, что вице-консулъ въ Мостарѣ здоровъ, приказалъ мнѣ кланяться и пр. Метковичане глядѣли на пріѣзжаго русскаго *господаря*, широко раскрывъ глаза, и никто не просилъ на водку. Молодежь безкорыстною гурьбой въ запуски побѣжала объявить Ристо о моемъ прибытіи. Въ то время какъ я сидѣлъ подъ открытымъ небомъ близъ городской кофейни

въ родѣ малороссійскаго шинка, курилъ сигару съ соломенкой, пилъ кофе и ни о чемъ не думалъ, а надъ головой въ темнотѣ, свистя крыльями, пролетали дикія утки, и мнѣ было какъ-то уютно, тепло и легко на душѣ—въ это время на площадку противъ кофейни вышла процессія подобная тѣмъ что̀ въ Фалерѣ появлялись на сцену изъ-за малиновыхъ гардинъ. Впереди шелъ Ристо, за нимъ, сгорая любопытствомъ, выступали горожане, лодочники и мальчишки. Они готовились смотрѣть на нашу торжественную встрѣчу. Поклонившись въ поясъ и назвавшись моимъ вѣрнымъ слугой, Ристо „поздравилъ господаря“ и нагнулся было цѣловать мою руку, но я по незнанію мѣстныхъ обычаевъ отдернулъ ее, чѣмъ къ сожалѣнію кажется оскорбилъ кавасса. Не многое было сказано между нами. Ристо, не знавшій по-русски, произнесъ обычный репертуаръ сербскихъ привѣтствій; выразивъ ему благодарность, я просилъ позаботиться о помѣщеніи на ночь, и Ристо исчезъ; но хоръ мальчишекъ подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго долго не расходился съ площадки противъ кофейни.

Что̀ такое кавассъ? Точно опредѣлить не могу. У всѣхъ иностранныхъ представителей на Востокѣ, начиная съ посла и кончая вице-консуломъ, есть особаго рода тѣлохранители, назначаемые турецкимъ правительствомъ и пользующіеся извѣстными преимуществами. Зовутъ ихъ кавассами. Я никогда не могъ уяснить себѣ, въ чемъ собственно заключаются ихъ обязанности. Они ходятъ и ѣздятъ впереди своихъ господъ какъ гайдуки и существуютъ, кажется, для вящей пышности и церемоніала.

Въ Константинополѣ, на самомъ бойкомъ мѣстѣ Перской улицы, гдѣ множество босоногихъ разнощиковъ газетъ неистово выкрикиваютъ: „Супплиманъ Фаръ дю Босфоръ!“ * „Levant Herald!“ и проч.; гдѣ лустраджи, чистильщики сапоговъ, двигаясь задомъ предъ прохожими, постукиваютъ щетками по крышкѣ своихъ деревянныхъ ящиковъ и съ особенною назойливостью ловятъ за ноги иностранцевъ, на Перской улицѣ, около прорѣзныхъ воротъ (въ то время какъ грязный мальчишка всѣми десятью пальцами, размазывалъ ваксу по моему сапогу), я не разъ заглядывался на высокаго статнаго муцину въ болгарскомъ платьѣ, расшитомъ

* Supplément du *Phare du Bosphore.*

ло красному сукну золотомъ на груди, на спинѣ и на откидныхъ рукавахъ, съ оружіемъ за поясомъ и двуглавымъ орломъ на смушковой шапкѣ. Это, говорили мнѣ, одинъ изъ кавассовъ нашего посольства, Христо. У братьевъ Абдуллы (фотографовъ султана) продаются его карточки въ самыхъ разнообразныхъ постановкахъ: то онъ лихо закручиваетъ свой исполинскій усъ, длиной мало не въ аршинъ, то цѣлитъ пистолетомъ въ невидимаго врага, или же, раздувъ ноздри, вытаскиваетъ шашку изъ чеканныхъ ноженъ.

Ристо *, кавассъ вице-консульства въ Мостарѣ, уѣздный Христо. Одѣтъ онъ не такъ богато какъ его столичный собратъ; за то темносиніе шаровары, засунутые въ высокіе сапоги, доломанъ въ накидку, серебряныя съ чернью лядунки сзади на ремнѣ, нагайка за голенищемъ, широкій кушакъ, откуда торчатъ рукоятки ятагановъ, кинжаловъ и револьверовъ внушительнѣйшихъ чѣмъ у Христо, все это придаетъ Ристо болѣе воинственный видъ. Вообще между Христо и Ристо такая же разница, какъ между гвардейскимъ и армейскимъ офицеромъ. Христо выше ростомъ, красивѣе собой и статнѣй; на немъ больше шитья, но еслибы спустить ихъ вмѣстѣ и натравить другъ на друга, мнѣ кажется Ристо побилъ бы Христо.

Ристо былъ первымъ кавассомъ консульства въ Мостарѣ (въ послѣдствіи переименованнаго въ вице-консульство) и слѣдовательно состоитъ въ этой должности около двадцати лѣтъ. Онъ постоянно путешествуетъ съ секретарями и консулами окрестныхъ вилаетовъ, и въ Герцеговинѣ, равно какъ въ Босніи, по собственному выраженію Ристо, собаки знаютъ его въ лицо. Въ сверткѣ за своимъ татарскимъ сѣдломъ, съ четвероугольными сковородами вмѣсто стремянъ, онъ привезъ изъ Мостара зонтикъ, пальто, непромокаемый плащъ и коверъ, который на привалахъ всегда умудрялся разостлать прежде чѣмъ я соскочу съ лошади. Въ перекидныхъ мѣшкахъ на задней лукѣ помѣщались хлѣбъ, салфетка, приборъ, стаканъ и въ послѣдствіи мои сардинки, окорокъ и вино. Лишь только послѣ короткой отлучки Ристо увелъ меня съ городской площади въ приготовленную квартиру на ночлегъ, я понялъ, какими удобствами будетъ об-

* Ристо и Христо собственно одно и то же имя; по-сербски буква *Х* не произносится.

ставлено мое дальнѣйшее путешествіе. Въ маленькой комнаткѣ, гдѣ взамѣнъ Станьевскихъ изображеній Наполеона I висѣла гравюра съ надписью: Napoléon III capitulirt bei Sedan, меня ждалъ превосходный кофе, на столикѣ возлѣ постели съ свѣжими простынями, стоялъ графинъ воды, спички, пепельница, стеариновая свѣча. Заботливый Ристо накрутилъ мнѣ даже папиросъ. Въ ломѣщеніи какимъ-то чудомъ не оказалось ни комаровъ, ни другихъ насѣкомыхъ, и я спалъ „какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ“. *

VI.

На другой день въ утреннемъ туманѣ надъ рѣкой погонщикъ и Ристо долго навьючивали моимъ имуществомъ невыспавшуюся, равнодушную ко всему лошаденку; веревки, которыми увязывали вещи, часто лопались, и ящики грохались на земь; бѣлье, платье, книги выглядывали изъ чемодановъ. Наконецъ Ристо подвелъ мнѣ сѣрую въ яблокахъ лошадь съ вице-консуловымъ сѣдломъ, самъ удальски вскочилъ на своего мохнатаго коня, и прежде чѣмъ взошло солнце, мы въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Мѣтковича переѣхали австро-турецкую границу. Лодочники, издали, изъ Австріи, махали намъ шляпами и желали счастливаго пути. „Съ Богомъ!“ прокричалъ имъ изъ Турціи Ристо.

Двѣ дороги одинаковой почти длины (8,9 саатовъ) ** ведутъ изъ Метковича въ Мостаръ: одна долиной Неретвы, по правому берегу, чрезъ мѣстечки Габе́лу и Крушева́цъ, другая, недавно проложенное шоссе, лѣвою стороной, вдали отъ рѣки, чрезъ Та́зовичи и Бу́ну.

Ристо выбралъ послѣдній путь, весьма неживописный.

До Бу́ны дорога пролегаетъ каменистою возвышенностью, частію безплодною, частію поросшею рѣдкимъ дубовымъ лѣсомъ. Въ долину, гдѣ по скошеннымъ полямъ гуляли стада клинтуховъ и горенокъ, *** спустились мы только два раза,

---

* *Скупой Рыцарь* Пушкина.

** Саатъ—часъ; отъ 4 до 5 верстъ, смотря по мѣстности.

*** Породы дикихъ голубей.

чтобы переѣхать рѣчки Кру́лу и Брега́ву. Крупа, орошая По́лово поле инкогнито подъ именемъ Требиньщицы, внезапно скрывается подъ землею, и близь Утова появляется снова на свѣтъ Божій уже съ собственнымъ названіемъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Брега́вы небольшое мѣстечко Та́зовичи; здѣсь мы отдохнули и разумѣется пили кофе. Но настоящій привалъ, привалъ съ ветчиной, сардинками, разостланнымъ ковромъ и высыпкой сдѣлали на поллути подъ дубомъ, близъ уединеннаго лѣснаго хана. *

Утомителенъ и скученъ долгій переѣздъ верхомъ. Съ непривычки отекаютъ ноги не меньше чѣмъ въ лодкѣ (боишься однако выказать кавассу свое малодушіе и покидаешь сѣдло только по его предложенію). Лошади, сбиваясь съ протоптанной по полотну шоссе извилистой тропинки, однообразно гремятъ копытами по камню; впереди все такъ же мѣрно колышется Расто; вѣтеръ развиваетъ откидные рукава; серебряныя лядунки докучливо блестятъ на солнцѣ.

Дорогой приставшій къ намъ зажиточный Мостарецъ развлекалъ меня бесѣдой о *ловѣ* ** въ Герцеговинѣ, о медвѣдяхъ, сернахъ, *зе́цахъ и ву́кахъ*. *** Раза два при остановкахъ обогнала насъ сонная лошадка, исчезавшая подъ ворохомъ вещей, но затѣмъ скрылась на долго. Пожитки свои я снова увидалъ лишь въ Сараевѣ, куда извощикъ доставилъ ихъ изъ Метковича за 70 мѣдныхъ піастровъ (приблизительно 3 р. 50 к.) Въ дорогѣ не пропало ни одной тетради, ни одного носоваго платка. Правда, погоньщикъ еще въ Ме́тковичѣ оставилъ мнѣ въ залогъ червонецъ.

Въ самую жару, послѣ шестичасовой ѣзды, мы точно съ воздушнаго шара увидали широкую, пространную долину. Подъ ногами на берегу рѣчки Бу́ны (отличающейся такою же причудливостью какъ и Кру́па, т.-е. съ подземнымъ бѣгомъ на извѣстномъ протяженіи) пріютилось мѣстечко того же имени—небольшая деревушка съ мечетью, десяткомъ домиковъ и развалинами или вѣрнѣе однимъ основаніемъ дворца, резиденціи знаменитаго Али-паши Ризванбе́говича. Вся мѣстность, говорятъ, принадлежала предкамъ нашихъ Милорадовичей. Далѣе, за Бу́ной, тянется равнина съ шахматны-

---

* Постоялый дворъ.

** Охота.

*** Зайцахъ и волкахъ.

ми четвероугольниками желтоватыхъ и бурыхъ полей, безъ признаковъ зелени, а по ту сторону, у подошвы противолежащихъ возвышенностей, верстахъ въ десяти отъ Бу́ны, въ лощинѣ застрялъ грязновато-сѣрый Мостаръ. Его не было бы замѣтно, еслибы на срединѣ не бѣлѣла высокая православная церковь.

Выше упомянуто имя Ризванбеговича. Желающихъ ознакомиться съ его жизнью, отсылаю къ біографіи изданной Гильфердингомъ. * Здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ напомню о дѣятельности бывшаго вали ** Герцеговины. Али-паша отъ 1844 по 1849 почти полновластно управлялъ этою областью. Онъ велъ частыя войны съ Черногоріей, жестоко преслѣдовалъ и мучилъ христіанъ, возмутился въ 1848 году противъ правительства, былъ взятъ въ плѣнъ Османъ-пашой и какъ бы невзначай застрѣленъ однимъ изъ его солдатъ, произведеннымъ въ послѣдствіи въ офицеры.

Въ Бу́ну, вслѣдствіе крутизны шоссе, пришлось спуститься пѣшкомъ. Ристо велъ лошадей подъ устцы. Слову *шоссе*, какъ видите, нельзя придавать того значенія какое оно имѣетъ у насъ. Здѣсь слово это означаетъ усыпанную камнями полосу земли, по которой вьючныя лошади проложили себѣ змѣйчатую тропинку. Изъ Мостара во всѣ стороны идутъ шоссе—въ Сараево, въ Невесинье, въ Ме́тковичъ; но на колесахъ по Сараевскому тракту доѣзжаютъ только до постоялаго двора на рѣчкѣ Подпоримъ (въ двухъ часахъ отъ Мостара), по Невеси́ньскому до Бла́гая (тоже два часа), по Метковичскому до Бу́ны. Далѣе путешествіе возможно лишь верхомъ и то на горскихъ лошадяхъ.

Изъ Бу́ны до Мостаръ дорога стелется скатертью, и я проѣхалъ по ней въ коляскѣ нашего вице-консула.

Зной, пыль, сѣрые невзрачные дома съ сѣрыми же изъ плоскаго камня крышами, убогія мечети, больныя собаки, лавки въ видѣ огромныхъ вставленныхъ въ стѣну деревянныхъ ящиковъ, *** гдѣ продаютъ лукъ, чеснокъ, веревки и

---

* „Жизнь Али-паши Ризванбеговича". Разказъ Іоакикія Памучина.

** Генералъ-губернаторъ.

*** Бокъ обращенный на улицу вставляется только ночью какъ ставень и вынимается днемъ. На днѣ ящика, подложивъ подъ себя коврикъ или тюфякъ, сидитъ хозяинъ и куритъ заколтѣлый наргиле́.

деготь; узкія безмолвныя улицы; кое-гдѣ кружки сидящихъ по-турецки мусульманъ съ голыми по плечи руками и грудью бронзоваго цвѣта; отнявъ отъ губъ чубуки, слѣдятъ они злобнымъ взглядомъ за нашею коляской. Вотъ картина Мостара, какимъ онъ предсталъ въ первый разъ моимъ разочарованнымъ взорамъ.

Нерѐтва дѣлитъ городъ на двѣ неравныя половины. Въ зарѣчьи много огородовъ, деревьевъ, заборовъ, горныхъ ручьевъ, бесѣдокъ надъ водою, и здѣсь несравненно лучше, чѣмъ въ главной части, гдѣ находятся конакъ губернатора и дома вице-консуловъ.

Городъ и зарѣчье соединены стариннымъ горбатымъ мостомъ * съ башнями на двухъ концахъ. Видъ со средины его весьма своеобразенъ: глубоко внизу шумитъ и лѣнится зеленая, цвѣта морской волны, Нерѐтва. По берегамъ камни такого размѣра что ихъ приличнѣе назвать скалами. На камняхъ и прислонившись къ камнямъ лѣпятся сѣренькіе домики. Мнѣ сообщили что пріѣзжалъ недавно фотографъ и снималъ съ этого моста виды.

Церковь въ Мостарѣ большая, каменная, въ византійскомъ стилѣ; ею могъ бы гордиться любой изъ нашихъ губернскихъ городовъ. Внутренность церкви не отдѣлана; кажется иконостасъ еще не прибылъ.

Грустно становится при ближайшемъ знакомствѣ съ состояніемъ здѣшнихъ храмовъ. Не говорю уже о деревенскихъ—тамъ почти нѣтъ образовъ, церковные сосуды изъ дерева, Евангелія безъ переплетовъ; назначаемые изъ малограмотныхъ простолюдиновъ священники ходятъ безъ рясъ. Но даже и храмы большихъ городовъ, каковы Мостарскій, Сараевскій и др., не отличаются богатствомъ. Недостатокъ въ богослужебныхъ книгахъ и другихъ принадлежностяхъ, отсутствіе колоколовъ, въ которые турецкое правительство запрещаетъ звонить, медленность доставки иконостасовъ и образовъ, посылаемыхъ Славянскимъ Комитетомъ—вотъ вѣчный предметъ жалобъ прихожанъ. Не слѣдуетъ однако забывать что всѣмъ своимъ достояніемъ храмы въ Босніи и

* „Мостъ старъ“ — отсюда названіе города. Мостъ выведенъ одним сводомъ въ 36 аршинъ отверстія и 27 вышины. Турки приписываютъ его постройку Солиману; относится она собственно ко временамъ Траяна (98 по Р. Х.).

Герцеговинѣ обязаны исключительно русской благотворительности.

Съ чувствомъ какой-то душевной тоски и жалости русскій человѣкъ присутствуетъ при здѣшнемъ богослуженіи. Холодомъ вѣетъ отъ нагихъ стѣнъ, лишенныхъ живописи и украшеній; на каменномъ полу нѣтъ постилокъ и лишь предъ алтаремъ лежатъ веревочные круги. Немного народу въ церкви, и тотъ по обычаю ли, или изъ боязни турецкихъ властей, не снимаетъ съ головы фесокъ. Самое служеніе (на сербскомъ языкѣ) идетъ какъ-то не по нашему, странными переливами звучатъ возгласы священника. Хоры человѣкъ въ 50, большею частію ученики православныхъ школъ, съ двухъ клиросовъ унисономъ тянутъ греческіе, чуждые слуху, напѣвы.....

По пріѣздѣ въ Мостаръ я пожелалъ явиться къ губернатору Ризванъ-пашѣ, сыну непобѣдимаго Али-паши Ризванбеговича, и С. повелъ меня въ конакъ его превосходительства. Когда мы со двора взбирались во второй этажъ по отвратительной деревянной лѣстницѣ, оборванные просители, подобные нищимъ, разступались предъ нами, и заптіе дѣлали честь. Кабинетъ мутесарифа походилъ на номеръ самой плохой уѣздной гостиницы: обтянутые кожей стулья пестрѣли рыжеватыми пятнами, полъ былъ натоптанъ, въ воздухѣ непріятный запахъ, стѣны безъ обоевъ.

Ризванъ-паша сосредоточеннымъ видомъ напоминалъ ѣхавшую со мной изъ Кефаліоніи обезьяну. Онъ сидѣлъ въ креслахъ или вѣрнѣе стоялъ въ нихъ на корточкахъ и прикладывалъ печать, висѣвшую на цѣпочкѣ часовъ, къ бумагамъ, которыя подносилъ ему секретарь. Оба встали при нашемъ появленіи. Мутесарифъ à la franca * пожалъ намъ руку, не сказавъ впрочемъ ни слова: затѣмъ, повернувшись спиной, опять съ ногами взлѣзъ на кресло и продолжалъ читать бумаги—въ этотъ разъ даже очки надѣлъ.

— Это онъ конфузится, не стѣсняясь замѣтилъ мнѣ С,— прикидывается что занятъ, чтобы не разговаривать. Да и гдѣ ему разговаривать, настоящій мужикъ!

Хозяинъ и гости долго молчали. Не то лакей, не то чиновникъ принесъ намъ сначала папиросъ, потомъ въ маленькихъ чашкахъ золотистаго кофе и, почтительно придержи-

* По-европейски.

ваясь за животъ, вышелъ въ дверь задомъ; онъ продолжалъ пятиться и за дверью, лока не скрылся изъ виду.

С. передалъ мутесарифу что въ Стамбулѣ я представлялся великому визирю Гуссейну Авни-пашѣ, который, узнавъ о моемъ намѣреніи ѣхать въ Мостаръ, поручилъ кланяться его превосходительству. Губернаторъ порой отрывалъ глаза отъ бумаги, и взглядывалъ на меня изъ-подлобья, но не рѣшался проронить словечка.

— Онъ-таки съ вами заговоритъ, обнадежилъ С.,—спроситъ васъ о семействѣ; вопросъ этотъ онъ всѣмъ предлагаетъ.

И дѣйствительно, губернаторъ спросилъ наконецъ есть ли у меня отецъ, мать, и гдѣ они живутъ?

— Ну, что жъ, насмотрѣлись на него вдоволь? Пойдемте.

Я насмотрѣлся на губернатора, и мы встали. Въ это время секретарь шепнулъ что-то на ухо Ризванъ-пашѣ. Послѣдній обратился къ С. съ предложеніемъ отрядить мнѣ нѣсколько заптіе до Сараева, отъ чего я разумѣется отказался: путешествіе по Герцеговинѣ и Босніи не представляетъ опасностей, а полицейскимъ приходится давать большіе бакшиши; трата непроизводительная.

— И проводниковъ не самъ догадался предложить. Секретарь надоумилъ, ворчалъ С.

Выходя изъ конака, я встрѣтился на улицѣ съ офицеромъ, на видъ лѣтъ 35—40, худощавымъ, высокаго роста, съ маленькою головкой на тонкой шеѣ, неуклюжими болтавшимися руками и выразительнымъ, нѣсколько звѣрскимъ лицомъ. С. сообщилъ мнѣ что это тотъ бывшій солдатъ Османъ-паши который застрѣлилъ Али-пашу Ризванбеговича, отца мутесарифа.

Скорѣе на лошадь! Вонъ изъ города, гдѣ убійцы въ почетѣ, гдѣ первое должностное лицо какой-то идіотъ, гдѣ христіане и въ церкви боятся турецкихъ чиновниковъ, отъ произвола которыхъ зависитъ ихъ благосостояніе и жизнь, гдѣ братья по племени, часто кровные братья * готовы задушить другъ друга. Вонъ изъ Мостара! Здѣсь изъ восьмнад-

---

* Въ Герцеговинѣ, равно и въ Босніи, нѣтъ Турокъ, не слыхать и турецкаго говора. Мѣстные мусульмане когда-то принявшіе исламъ Сербы, что̀ не мѣшаетъ имъ быть яростными фанатиками. Сербская пословица не даромъ говоритъ, что нѣтъ Турка злѣе потурчившагося Славянина.

цати тысячъ жителей только съ четырьмя вице-консулами можно перебросится словомъ; здѣсь *черный прыщъ* * преслѣдуетъ иностранцевъ; здѣсь въ европейскихъ женщинъ kидаютъ грязью и kаменьями **.

Прежде чѣмъ занялась заря, я и Ристо на тѣхъ же лошадяхъ пробирались сонными улицами къ сѣверу на Сараевскую дорогу. Ночь была мѣсячная, и подобно Мѣтковичу, пыльный, унылый Мостаръ преобразился въ лунномъ сіяніи. Дома, мрачные и непривѣтные днемъ, стали волшебными зáмkами; верхи минаретовъ ушли въ небо; на стѣнахъ въ тѣни вился плющъ и ползучія розы, а по сkлонамъ горъ, гдѣ утромъ изъ глинистой почвы торчали рядами сожженные виноградниkи, теперь выросли сады съ бесѣдkами и kіосkами. На улицахъ пустынно, тихо: лишь слышится дальній ропотъ фонтановъ, да kопыта лошадей, глухо стуча по kаменнымъ плитамъ, разkазываютъ сkазkи на арабскомъ языkѣ.

Холодно было намъ за городомъ въ долинѣ Бѣлополье. Съ зарей, по мѣрѣ того kакъ блѣднѣла луна, а голубое сіяніе ея замѣнялось сѣрымъ дневнымъ свѣтомъ, неясные очерkи дворцовъ и парковъ, растаявъ, стлались полосами легkаго тумана и висли надъ лощинами. Вотъ на сѣверъ вершины Порима окрасились розовымъ блескомъ; взошло солнце и отъ насъ побѣжали тѣни далеko чрезъ сkучные виноградниkи.

Верстахъ въ восьми отъ Мостара, не доходя рѣчkи Подпорима, отъ Сараевскаго шоссе, проложеннаго очень недавно, отдѣляется другая дорога kъ сѣверо-западу, kоторая, kакъ и шоссе, ведетъ въ Каницу, пограничный между Босніей и Герцеговиной городъ (отъ Каницы до Сараева съ 1866 года существуетъ kолесное сообщеніе). Шоссе, слѣдуя вверхъ по теченію Нерéтвы, сначала идетъ на сѣверъ, затѣмъ вмѣстѣ съ рѣkой kруто, подъ острымъ угломъ, поворачиваетъ на юго-востокъ. Путь этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ удобный, сkоро отkроется и для повозочной ѣзды; пока ей мѣшаютъ kаменные обвалы, да не наведены еще желѣзные мосты чрезъ Нерéтву, у Вальи и Яблоницы (одинъ изъ нихъ, почти

---

* Мѣстная болѣзнь, въ родѣ сибирской язвы.

** Это случается впрочемъ и въ самой столицѣ Турціи.

достроенный, въ бытность мою въ Сараевѣ, обрушился въ рѣку).

Между тѣмъ какъ шоссе, почти не отдаляясь отъ Неретвы, дѣлаетъ значительный крюкъ, старая дорога прямою линіей чрезъ горы Поримъ, Лѣпету и Врабецъ, перерѣзаетъ отверстіе угла образуемаго теченіемъ рѣки. Отъ Мостара до Каницы по шоссе считается 18 часовъ, по дорогѣ же всего 11. За то послѣдняя такъ утомительна для людей и для лошадей что въ настоящее время заброшена. Надо спускаться и подыматься на высоты въ три тысячи футовъ по страшнымъ кручамъ. Но здѣшніе консулы и вице-консулы ломятъ этотъ переѣздъ; имъ не разъ приходилось совершать его иногда всею семьей: мужъ и жена верхами, а дѣти, вмѣстѣ съ кухонною и столовою посудой, въ перекидныхъ корзинкахъ по два на одной лошади.

Долина Бѣлополье, орошаемая Неретвой въ трехъ саатахъ * отъ Мостара сразу превращается въ ущелье, куда вмѣстѣ съ рѣкой, шумящею внизу по камнямъ, входитъ прорѣзанное въ крутомъ скатѣ шоссе. До Яблоницы, болѣе 9 часовъ разстоянія, постепенно подымаясь въ гору вверхъ по теченію, ѣдешь тѣсниной. Тамъ свѣтло и прохладно; продуваетъ вѣтерокъ. Вдобавокъ, если выѣхать рано, весь день находишься въ тѣни: до полудня держишься восточнаго склона, а потомъ, вмѣстѣ съ солнцемъ перебравшись на западъ, продолжаешь путь правымъ берегомъ. Такимъ образомъ стѣны тѣснины защищаютъ васъ отъ палящихъ лучей. Горы, сначала и покатыя и невысокія, покрыты кустарникомъ; по склонамъ пасутся козы. Съ удаленіемъ отъ Мостара возвышенности растутъ, становятся отвѣснѣе и часто вырѣзаются на небѣ какъ зубцы исполинской крѣпости. Громче шумятъ потоки и водопады. Иногда увѣнчанныя кедромъ скалы грозно надвигаются и образуютъ полусводъ надъ головой. Въ одномъ мѣстѣ среди рѣки, развѣтвляя ея теченіе, чудовищной колонной стоитъ утесъ, совершенно круглый, равной ширины у основанія и у вершины. ** На капители растутъ сосны, только не наши, а какія-то особенныя.

---

* Часахъ.

** Мѣсто это называется Желѣзными Воротами.

Со временемъ въ открытой коляскѣ пріятно будетъ кататься по Нерétвинскому ущелью; но путешествовать верхомъ по пяти верстъ въ часъ все тою же мѣрною ходой, съ тѣмъ же молчаливымъ Ристо впереди, не особенно весело. Какъ опротивѣли мнѣ за этотъ переѣздъ его мотающіеся рукава и звенящія лядунки! Развлеченій представляется мало. Ристо крутитъ вамъ папиросы въ видѣ крошечной сахарной головы, и вы куриге ихъ одну за другой безъ передышки; останавливаетесь у каждаго шалаша чтобы выпить, не слѣзая съ лошади, чашку кофе. Порою кавассъ, красиво перегнувшись съ сѣдла, черпаетъ стаканомъ изъ струи водопада—вода холодная, чудесная.

Дорога ущельемъ собственно говоря безопасна, но сначала нѣсколько трусишь, когда тропинка на шоссе подходитъ къ самому краю обрыва. Внизу, саженяхъ въ пятидесяти, видишь груды камней, по которымъ скачутъ зеленыя волны рѣки. Въ иныхъ мѣстахъ путь исправляется или загроможденъ обвалами; приходится, держа лошадь подъ устцы, въ обходъ карабкаться на кручу и сползать въ овраги. При спускахъ лошади ступали осторожно, точно на цыпочкахъ, и садились на хвосты.

Что за красавицы злѣшнія лошадки, даромъ что малорослы, и какая имъ дешевая цѣна. Моя лошадь, пяти лѣтъ, статная, крѣпкая на ноги, безъ пороковъ, была заплачена около 60 рублей на наши деньги. За 40 австрійскихъ червонцевъ * можно пріобрѣсть настоящаго коня. Одно мнѣ не нравилось въ этихъ тваряхъ, именно, ихъ превратное понятіе о томъ что должно и чего не слѣдуетъ считать опаснымъ. Онѣ не боятся крутизны, къ водопадамъ и потокамъ тоже равнодушны, безъ всякаго волненія перебираются по чортовымъ мостикамъ; но лежатъ посреди дороги желѣзныя жерди, колесо или боченокъ, лошадь ваша навостритъ уши, вытянетъ шею, захрапитъ. Она не остановится, но непремѣнно пойдетъ по той сторонѣ гдѣ обрывъ. Душа уходитъ въ пятки; упираешься въ стремена; задерживая дыханіе, силишься сдѣлаться легкимъ какъ пухъ, а глупое животное семенитъ по самому краю и, вытаращивъ глаза на удивившій его предметъ, не думаетъ смотрѣть подъ ноги.

На днѣ широкой котловины, заключающей ущелье, распо-

* Австрійскій червонецъ около 3 руб. 50 коп.

ложилось мѣстечко Яблоница: съ десять бѣлыхъ мазанокъ и палатокъ подъ сѣнью деревъ вытянулось ниткой вдоль дороги. Шоссе здѣсь въ первый разъ удаляется отъ рѣки. Ландшафтъ напоминаетъ Швейцарію: кругомъ толпятся горы, съ облаками на вершинахъ; по склонамъ бродятъ стада коровъ и въ вечернемъ воздухѣ далеко разносится звонъ ихъ колокольчиковъ.

Хана въ Яблоницѣ не нашлось. Ристо, заворачивавшій во всѣ дворы, появлялся обратно смущенный, угрюмый и подобно Куперовскимъ Индійцамъ не отвѣчалъ на мои вопросы. Переходя отъ жилья къ жилью, мы достигли конца улицы: насъ никуда не пустили, и Ристо былъ принужденъ разостлать коврикъ подъ дубомъ у послѣдняго забора. Яицъ тоже не оказалось. Я принялся за ветчину. Вдругъ, шагахъ въ десяти отъ меня, изъ-подъ земли выросъ молодой человѣкъ, загорѣлый какъ Арабъ, но прилично одѣтый. Перескочивъ черезъ канавку у дороги, онъ подбѣжалъ ко мнѣ и схватилъ мою руку. Это былъ Полякъ Э., инженеръ, строившій мосты на Нерétвѣ и прокладывавшій дорогу въ Коницу. Несмотря на то что мы встрѣтились въ первый разъ, Э. обрадовался мнѣ какъ родному. Не говоря уже о мелкихъ неудобствахъ кочевой жизни въ здѣшнихъ гористыхъ странахъ, по скольку мѣсяцевъ насчастные инженеры, терпя голодъ и холодъ, лишены послѣдняго утѣшенія образованнаго человѣка, видѣть себѣ подобныхъ образованныхъ людей. Впрочемъ Э. жилъ не совсѣмъ Робинзономъ Крузе. Кромѣ помощника, у него гостили въ Яблоницѣ французскій вице-консулъ и вице-консульша.

Э. уже слышалъ о моемъ намѣреніи посѣтить Сараево: онъ только-что получилъ письмо отъ тамошняго консула нашего, которому вице-консулъ въ Мостарѣ телеграфировалъ по моей просьбѣ о высылкѣ въ Коницу экипажа и сараевскаго кавасса. Инженеръ повелъ меня къ себѣ. Я былъ въ некрахмальной рубашкѣ, грязный, затрепанный въ родѣ просителя. Э. увѣрялъ что здѣсь всѣ такъ путешествуютъ.

Познакомивъ меня съ своими сожителями, хозяинъ пригласилъ всѣхъ насъ идти смотрѣть на взрывъ скалы по новой Коницкой дорогѣ. Въ подколѣ сложено 25 окъ (75 фунтовъ) пороху. Такого взрыва еще не слыхала Герцеговина. Надо было торопиться; иначе, говорилъ инженеръ, порохъ можетъ отсырѣть.

Взобравшись на холмъ не вдалекѣ отъ деревни, мы расположились на травѣ среди кустовъ орѣшины. Смеркалось; Э. съ намотаннымъ на рукѣ фитилемъ суетливо отдавалъ приказанія и разставлялъ часовыхъ по дорогѣ. Помощникъ В. продувалъ сигнальный рожокъ. Вице-консульша, въ нормальномъ состояніи неумолкаемо-болтливая, притихла. Она боялась чтобы насъ не убило.

Но вотъ В. затрубилъ, и всѣ напряженно смотрятъ на выступъ скалы по ту сторону поляны, куда указываютъ инженеры. Внизу стремительно разбѣгаются рабочіе. Нѣкоторые, ломая орѣшники, взобрались на нашъ холмъ. Слышится ихъ тяжелое дыханіе. Вице-консулъ держитъ въ рукахъ часы. Прошло десять минутъ. Томительная тишина; лишь до слуха доносится дальній звонъ колокольчиковъ. Взрыва нѣтъ. Прошло двадцать минутъ: мы продолжаемъ упорно, не моргая, глядѣть на скалу, но выступа уже нельзя различить; горы слились въ сплошную темную массу. Изрѣдка въ томъ направленіи вспыхнетъ огонекъ; всѣ вздрогнутъ...

— Что же, повременимъ! сказалъ В., прерывая молчаніе,— случается, только чрезъ полтора, чрезъ два часа....

Взрыва мы такъ и не дождались и вернулись домой; вслѣдъ за нами пошли и инженеры.

Столъ былъ накрытъ въ саду подъ платаномъ; на одной изъ вѣтвей висѣла лампа. За обѣдомъ пили мое здоровье и убѣждали погостить денька два въ Яблоницѣ.

— Во всякомъ случаѣ вамъ не дозволятъ проѣхать, говорилъ Э.—Чрезъ 24 часа зальютъ подкопъ и только тогда распустятъ часовыхъ.

Однако я рѣшился ѣхать на другой день чѣмъ свѣтъ. Ночь провелъ въ палаткѣ, гдѣ помѣщались всѣ мущины. На зорѣ я проснулся отъ холоду и велѣлъ сѣдлать лошадей. Одно изъ самыхъ непріятныхъ воспоминаній моего путешествія—это умываніе въ Яблоницѣ. У входа въ палатку на морозѣ услужливый *момакъ* * поливалъ мнѣ голову и шею ледяною водой. Я совѣстился уѣхать немытый.

Часовые въ самомъ дѣлѣ было задержали насъ, но, пообѣдовавъ съ Ристо, пропустили. Сначала пришлось взбираться въ гору. Вершины высились за вершинами и казалось

---

* Малый.

мы никогда не взберемся на самый верхъ. Съ одной стороны дороги стѣной стояли обожженныя порохомъ скалы, съ другой спускался почти отвѣсный скатъ, покрытый щебнемъ докуда хватало зрѣніе. Внизу было еще темно. Порою камень, вырвавшись изъ-подъ лошадинаго копыта, летѣлъ въ пропасть, задѣвалъ по пути другіе камни, которые будто гнались за первымъ, въ свою очередь увлекая новыя и новыя массы каменьевъ. Все исчезало во мракѣ; но долго не прекращался какой-то глухой шелестъ, въ родѣ шума осенняго вѣтра въ сухихъ листьяхъ.

Дорога, повернувъ на сѣверо-востокъ, и, какъ сказано выше, еще до Яблоницы оставивъ въ сторонѣ Нерéтву, подымается на гору Палрáску, вершины которой мы достигли черезъ полтора часа. Видъ отсюда прелестенъ: между горъ въ долинахъ зеленѣютъ луга и лѣса, серебрятся рѣки.... Спускались мы часъ. Иногда ѣхали точно на рубежѣ земли, надъ облаками, начинавшимися у самыхъ ногъ по отвѣсному скату. Въ долинѣ Нерéтвы, гдѣ у подножья зелецыхъ холмовъ тянутся просяныя поля, и, перерѣзая ихъ, въ рѣку отовсюду бѣгутъ ручьи, гдѣ стада дикихъ голубей носятся по воздуху и садятся отдыхать на высунувшіеся изъ воды камни, въ долинѣ Нерéтвы, подъ липой, въ трехъ саатахъ отъ Коницы, Ристо въ послѣдній разъ постлалъ мою скатерть самобранку. Было жарко. Облака, въ которыхъ я такъ недавно гулялъ, безслѣдно растаяли. Мухи жужжали надъ остатками ветчины и сардинокъ.

Коница — тотъ же Мостаръ въ маленькомъ видѣ, но здѣсь вовсе нѣтъ улицъ. Сѣренькіе дома расположены въ одинъ рядъ на томъ и на другомъ берегу рѣки. Мечеть коричневаго цвѣта съ невысокимъ минаретомъ, кажется, единственная.

Въ то время какъ мы въѣзжали на старинный пятисводный мостъ,* по ту сторону Неретвы къ постоялому двору подкатила телѣга не телѣга, а просто на четырехъ колесахъ плетеная корзина въ родѣ тѣхъ что у насъ употребляютъ для вывоза сора. Въ ней однако сидѣлъ сараевскій

* Постройку его приписываютъ какому-то Фалиміру, десятому королю Далматіи. На мосту выставленъ годъ его постройки турецкими цифрами и по турецкому лѣтосчисленію, годъ соотвѣтствующій нашему 1093 по Р. Х.

кавассъ, Баришанъ, вовсе не похожій на кавасса, безъ ятагановъ и кинжаловъ, безъ воинственнаго вида и одѣтый обыкновеннымъ лакеемъ. Корзина очевидно была прислана за мною.

На постояломъ дворѣ, гдѣ я рѣшилъ отдохнуть, мнѣ отвели лучшую, если не единственную комнату, съ потолкомъ изъ обгорѣлыхъ балокъ и выбѣленными стѣнами. Возлѣ оконъ на широкой ступени, высившейся надъ остальною частью пола, сплюснутые какъ блины, лежали ситцевые тюфяки и подушки. Одну изъ нихъ я покрылъ пледомъ, умостилъ подъ голову, но не могъ заснуть отъ невѣроятнаго количества блохъ.

Противъ хана, наклонившись надъ Нерétвою, стоитъ большая ива. Въ нижнихъ вѣтвяхъ ея настланы подмостки, проходящіе надъ водой. Лѣстница ведетъ къ нимъ съ берега. Туда-то бѣжалъ я изъ постоялаго двора.

Подмостки на деревьяхъ, а равно и бесѣдки надъ ручьями и рѣками часто встрѣчаются въ Герцеговинѣ и въ особенности въ Босніи. Назначеніе ихъ служить убѣжищемъ отъ дневнаго жара. Воздухъ охлаждается отъ сосѣдства воды всегда ледяной. До чего она холодна, можно заключить изъ того что даже въ Неретвѣ, представляющей при небольшой глубинѣ значительную поверхность солнечнымъ лучамъ, ни въ какое время года нельзя купаться. Противъ ивы голые мальчишки въ водѣ по колѣно, держась другъ за друга, стояли какъ цапли на одной ногѣ и грѣли другую въ воздухѣ. Ихъ забавляло, какъ рѣка кружила бросаемыя ими щепки и палки.

Воздушный мой пріютъ принадлежалъ коницкому каймакаму, * проводившему здѣсь цѣлые дни. Онъ и теперь сидѣлъ рядомъ со мною, поджавъ калачомъ ноги. Вообразите себѣ длиннобородаго Турка въ шелковомъ халатѣ и чалмѣ, какъ на лубочной картинкѣ. Въ настоящее время даже въ Стамбулѣ рѣдко можно встрѣтить подобный нарядъ; онъ составляетъ исключительную принадлежность духовныхъ лицъ. Чаще попадаются нѣмецкія платья. Однобортный съ роговыми пуговицами сюртукъ, единственный плодъ европейской цивилизаціи въ Турціи, замѣнилъ живописное народное одѣяніе, а вмѣсто чалмы Турки носятъ красныя ермолки.

---

* Городничій.

Каймакамъ оказался такимъ привѣтливымъ и добродушнымъ что мнѣ стало жаль съ нимъ разставаться. Но сараевскія лошади отдохнули, и корзинка съ новымъ кавассомъ подкатила къ нвѣ. Разлука съ Ристо была трогательна. Онъ желалъ мнѣ счастливаго пути, скораго возвращенія на родину, удачи въ дѣлахъ, добрую жену... Я поскорѣй протянулъ ему руку, конечно не пустую, и на этотъ разъ допустилъ ее поцѣловать. Ристо звалъ меня къ себѣ охотиться подъ Мостаромъ; въ концѣ августа тамъ не оберешься куропатокъ.

VII.

Еще переѣхавъ Коницкій мостъ, мы покинули Герцеговину и очутились въ Босніи. Разница въ наружномъ видѣ этихъ областей, или по крайней мѣрѣ тѣхъ мѣстностей Босніи и Герцеговины которыя мнѣ случилось видѣть, рѣзко бросается въ глаза. Въ Герцеговинѣ возвышенности обрывисты, отдѣлены узкими долинами и ущельями; голыя вершины ихъ желтовато-бураго цвѣта; склоны лишены растительности или покрыты мелкимъ кустарникомъ и корявымъ лѣсомъ. Обработанной земли мало. Въ Босніи чаще попадаются вспаханныя поля. Мѣстность холмистая, но отлогая, и горы, столь же высокія какъ въ Герцеговинѣ, не имѣютъ того дикаго характера что поражаетъ васъ въ ущельи Неретвы. Порою отъ подножья до куполообразныхъ вершинъ онѣ заросли дремучими лѣсами. Здѣсь водится много всякаго звѣря, пушнаго и краснаго. *

Отъ Коницы до Сараева считается 12 часовъ. Повозочная дорога, черезъ деревни Тарчинъ, Пазаричи, Тулову, проложена еще въ 1866 году. Сначала она идетъ глухими дебрями вверхъ по Тешайницѣ, ** притоку Неретвы, и достигнувъ вершины Иванъ-Горы, спускается по сѣверо-восточному ея склону, живописною долиной Зуёвицы, притока Босны. Иванъ-Брда *** принадлежитъ къ кряжу составляющему

* Преимущественно волкъ, лиса и куница. Охота и выдѣлка мѣховъ составляютъ здѣсь немаловажную отрасль промышленности. До 12.000 волчьихъ шкуръ вывозится ежегодно изъ Босніи.

** Ее лишь слышно, но не видать за дубами и осинами.

*** Брда—гора.

водораздѣлъ рѣкъ Адріатической и Черноморской системы, короче Неретвы и Дуная. Съ вышины сквозь лѣсныя прогалины на сѣверъ и на югъ открываются широкіе какъ море виды.

Вечеромъ мы остановились въ ханѣ Горня Брдина, среди засѣянной просомъ и рожью поляны. Что-то родное слышалось въ запахѣ лѣса, въ боѣ перепеловъ, въ дерганіи коростеля. Изъ постоялаго двора принесли мнѣ сливочнаго масла и форелей. Красивыя гончія собаки подбирали косточки у моихъ ногъ, и умильно глядѣли въ глаза. Спалъ я въ сараѣ, закопавшись въ сѣно повозки.

На утро открываю глаза. Свѣтъ еле брежжитъ. Въ растворенныя ворота вмѣстѣ съ пронизывающимъ холодомъ и безтолковою болтовней проснувшихся воробьевъ, влетаютъ капли мелкаго осенняго дождя. Темныя лошадиныя морды жуютъ сѣно изъ телѣги и обнюхиваютъ мое лицо, а обводъ унизанъ пѣтухами и курами. „Ку-ка-ре-ку“ поютъ пѣтухи и хлопаютъ крыльями.

Я много разъ упоминалъ о ханахъ, считаю не лишнимъ дать о нихъ нѣкоторое понятіе.

Турецкій постоялый дворъ или ханъ въ Босніи обыкновенно есть одинокій двухъэтажный домикъ безъ надворныхъ строеній, безъ палисадника; но издали послѣ томительнаго перегона онъ кажется такимъ уютнымъ и чистенькимъ что ждешь всевозможныхъ удобствъ. Обаяніе исчезаетъ, когда подъѣдешь ближе. Съ удивленіемъ видете вы что въ нижнемъ ярусѣ нѣтъ ни оконъ, ни дверей, а вмѣсто ихъ въ лицевой стѣнѣ большія наглухо запертыя ворота. Погремѣвъ засовами, ханджи * медленно распахиваетъ створы, въ то время какъ вы слѣзаете съ лошади, и вводитъ коня и всадника не то въ сарай, не то въ конюшню. Полумгла, запахъ навоза; на первомъ планѣ телѣги, вороха сѣна въ углахъ, лошади по стойламъ; среди лужъ на земляномъ полу бродятъ куры и свиньи. Это нижній этажъ. Онъ составляетъ сплошное темное помѣщеніе, куда свѣтъ падаетъ лишь сверху изъ длинныхъ во весь потолокъ щелей, да въ четвероугольное отверстіе надъ головой, какъ разъ посреди сарая. Къ отверстію ведетъ лѣстница, что̀ приставляютъ къ крышамъ. Верхній этажъ, жилая часть зданія, состоитъ

* Хозяинъ постоялаго двора.

изъ клѣтушекъ отдѣленныхъ невысокими перегородками и безъ потолковъ. Первая комната, то-есть та гдѣ прорубь, служитъ въ родѣ пріемной, столовой и кухни. Въ окнѣ не имѣется стекольной рамы: огромный пробой заслоняется на ночь ставнемъ. Кругомъ стѣнъ, единственная мебель хана, деревянныя лавки и маленькія соломенныя скамейки. Посреди очагъ, выдолбленный камень въ родѣ древняго жертвенника. У этого первообраза печи сидитъ хозяинъ, окруженный кофейниками странной формы въ видѣ столбиковъ. Они различныхъ величинъ: въ двѣ чашки, въ три и т. д. Ханджи вѣчно занятъ, не покладаетъ рукъ: то вертитъ мельницу, то моетъ кофейники, тщательно сливая гущу въ кувшинъ съ бурою жидкостью, которою заваривается свѣжій кофе,—жаритъ на глиняномъ поддонникѣ зеленый лукъ въ маслѣ, полощетъ расписныя чашечки безъ ручекъ и ломоть выплескиваетъ на полъ; вода бѣжитъ въ широкія щели и снизу слышится испуганное квахтанье облитой курицы или радостное похрюкиванье свиньи. Надъ очагомъ трубы нѣтъ; дымъ, поднявшись, уходитъ въ трещины и дырки дряхлой крутобокой крыши, которыя какъ звѣзды блестятъ въ вышинѣ. На небѣ мѣсяцъ и въ теремѣ мѣсяцъ, на дворѣ дождикъ и въ теремѣ дождикъ.

Въ такихъ-то теремахъ особенно часто приходилось останавливаться мнѣ въ теченіи послѣднихъ девяти часовъ пути въ Сараево. Изъ Горней Брдины мы двинулись съ разсвѣтомъ. Несмотря на покрывавшія меня пальто и пледы, я до того зябъ что вылѣзалъ у каждаго постоялаго двора; но сквозь крышу накрапывалъ дождь, холодный вѣтеръ дулъ отовсюду, а у жертвенника можно было согрѣть лишь окостенѣвшія руки. Не зналъ я что если поискать хорошенько, въ ханѣ найдется зимнее помѣщеніе—комната съ потолкомъ, рамами и съ русскою печью.

Обогнувъ подножье покрытой лѣсомъ горы, мы очутились на Сараевской *планинѣ*. * Солнце выглянуло изъ-за тучъ, и температура, разность которой здѣсь въ однѣ сутки доходитъ до 22° по Реомюру, быстро измѣнилась; стало такъ жарко что я скинулъ съ себя все надѣтое утромъ, скинулъ даже пиджакъ. Усталыя лошади все плелись, лѣниво отмахиваясь отъ оводовъ.

Между тѣмъ цвѣтущимъ садомъ раскинулась вокругъ насъ

* Плоская возвышенность.

равнина, окаймленная высокими горами. * Прорѣзанные сѣтью рѣчекъ ** и ручьевъ разостлались луга, поля кукурузы, проса, пшеницы. Ни клочка пустопорожней земли. Всюду мызы въ зелени, фабрики съ высокими красными трубами. Чувствуется близость многолюднаго города.

У Элидже,*** гдѣ мы послѣдній разъ дали вздохнуть лошадямъ, открывается панорама города, но еще неясная, туманная. Виднѣются толпящіеся между двухъ высокихъ горъ дома, церковь, мечети, цитадель на холмѣ надъ городомъ. Все утопаетъ въ зелени. Сосѣднія вершины поросли лѣсомъ.

На шоссе увеличивается движеніе. Чаще попадаются ханы съ бесѣдками надъ быстриной рѣчекъ, съ распряженными *арабами* **** у воротъ. По дорогѣ медленно тащатся обозы; погоньщики на ходу курятъ длинныя трубки; идутъ солдаты въ выцвѣтшихъ голубыхъ мундирахъ; офицеры скачутъ, гремя сбруей и саблями. Встрѣчаются Боснячки христіанки въ коленкоровыхъ цвѣтныхъ шароварахъ и въ деревянныхъ сандаліяхъ на подставкахъ. Встрѣчаются мусульмане съ звѣрскими лицами и мрачнымъ взглядомъ; изъза пояса, который оттопыривается какъ у сбитеньщиковъ, торчитъ цѣлый магазинъ кинжаловъ и пистолетовъ. Вотъ промелькнули палатки расположеннаго подъ городомъ лагеря; вотъ въ желтомъ караульномъ домѣ солдаты отдаютъ мнѣ честь, и переѣхавъ горбатый мостъ, повозка загремѣла по главной Сараевской улицѣ, мимо бѣлыхъ уютныхъ домиковъ въ перемежку съ заборами, деревьями и мусульманскими кладбищами....

Но тутъ мнѣ приходится разстаться съ читателемъ.

Въ то время какъ я кутался въ пальто и пледы, тщетно стараясь согрѣться, а быть-можетъ и тогда когда сбросилъ съ себя верхнюю одежду, лихорадка, которая здѣсь сторожитъ иностранцевъ и при малѣйшей съ ихъ стороны неосмотрительности является къ нимъ на поклонъ, замѣтила и меня, рѣшивъ въ тотъ же вечеръ сдѣлать мнѣ визитъ.

Съ этой минуты все представляется мнѣ какъ бы въ

---

* До 6.500 фут.

** Изъ нихъ главныя Бо̀сна, До̀бра и Миляцка, на которой стоитъ Сараево.

*** Ханъ въ двухъ часахъ отъ города.

**** Араба́ — арба́, повозка.

туманѣ, и пребываніе мое въ Сараевѣ, и обратная поѣздка въ Россію.

Помню что я нанялъ за шесть австрійскихъ червонцевъ въ мѣсяцъ только-что отстроенный домъ на самой бойкой улицѣ, въ двухъ шагахъ отъ Русскаго консульства; большой домъ съ каменнымъ *магазиномъ* * внизу и обширнымъ лѣтнимъ помѣщеніемъ на верху.

Помню что въ озноб'ѣ и жару былъ у генералъ-губернатора Дервишъ-паши. Боснійскій вали не доходилъ на мостарскаго мутесарифа: любезно ложимая мнѣ руку, онъ наговорилъ съ три короба турецкихъ комплиментовъ, не хотѣлъ выпустить меня безъ завтрака и на другой же день отдалъ мнѣ визитъ.

Помню что въ свободное отъ пароксизмовъ время меня тянуло на верхъ, на горы; душно было внизу, хотѣлось простору; и я по цѣлымъ часамъ карабкался каменистыми тропинками среди кустарника, гдѣ росли грибы и брусника. Разъ вышелъ на прогулку до разсвѣта. Чрезъ прозрачную атмосферу небо мерцало звѣздами. ** Откуда-то шла почта и верховые *татарджіи* *** протяжнымъ заунывнымъ крикомъ будили окрестность. Въ пригородѣ свѣтились огоньки. Здѣшніе ремесленники (исключительно христіане) работаютъ ночью. Сперва это дѣлалось чтобъ избѣгнуть притѣсненій мусульманъ, теперь же перешло въ обычай.

Послѣ одной изъ такихъ прогулокъ, докторъ пощупалъ у меня пульсъ и сказалъ что мнѣ пора отправляться въ Вѣну.

Въ тотъ же день вечерними сумерками, обложенный подушками, ѣхалъ я въ парной таратайкѣ по Бусовацкому Полю, узкой болотистой долинѣ между горъ, покрытыхъ сплошь дѣвственными лѣсами. Съ разсвѣтомъ повозка катилась высоко; подъ ногами на сотни верстъ стлалось море облаковъ и со всѣхъ сторонъ зелеными островами безъ числа стояли вершины горъ, синѣя и исчезая въ отдаленіи.

Ѣхалъ я на долгихъ. Почтовыя лошади даются здѣсь

---

* Во всѣхъ сараевскихъ домахъ верхній этажъ деревянный (лѣтнее помѣщеніе), нижній—каменный (зимнее помѣщеніе); послѣдній называется магазиномъ.

** Замѣчательная прозрачность воздуха въ Сараевѣ объясняется возвышеннымъ положеніемъ города (1.500 ф. надъ уровнемъ моря).

*** Почтари.

только лодъ верхъ. Ночи проводилъ въ ханахъ. Чтобы предохранить себя отъ насѣкомыхъ, постилалъ пледъ среди комнаты, а вокругъ на полу ставилъ полдюжины сальныхъ свѣчъ въ желѣзныхъ лодсвѣчникахъ; ничто не помогало. Я вставалъ и шелъ бродить по дорогѣ или ложился въ телѣгѣ. Питался цыплятами, да швейцарскимъ сыромъ купленнымъ въ Сараевской аптекѣ: на постоялыхъ дворахъ можно достать только кофе, яйца и каймакъ *. Въ Турецкомъ Бродѣ, куда я прибылъ на четвертыя сутки, не было и этого.

Потомъ пароходъ везъ меня по Савѣ мимо ловучихъ мельницъ, дубовыхъ лѣсовъ, турецкихъ и австрійскихъ деревушекъ.

Изъ Сиссака я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ во второмъ классѣ; перваго не было. И здѣсь мнѣ не пришлось спать: сидѣнья въ вагонахъ придуманы такимъ образомъ чтобы пассажиру не было возможности сидѣть по-человѣчески.

На шестой день по выѣздѣ изъ Сараева я прибылъ въ Вѣну...

М—КЪ.

* Что-то въ родѣ пѣнокъ съ кипяченыхъ сливокъ.

ЛОРДЪ ПАЛЬМЕРСТОНЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

The life of viscount Palmerston, by sir Henry Lytton Bulwer (lord Dalling). 3 voll. 1873.
The life of viscount Palmerston, 1846—65. By the hon. Evelyn Ashley. 2 vol. 1876.

Извѣстный дипломатъ сэръ-Генри Литтонъ Булверъ вознамѣрился написать біографію лорда Пальмерстона, но успѣлъ привести въ исполненіе эту задачу лишь отчасти: онъ умеръ доведя свой трудъ до 1847 года. Продолжателемъ его явился членъ парламента г. Эвелинъ Ашлей, въ книгѣ коего изложены событія въ которыхъ принималъ участіе лордъ Пальмерстонъ, начиная съ революціонныхъ броженій предшествовавшихъ февральскому перевороту 1848 года во Франціи, до смерти этого знаменитаго государственнаго человѣка. Оба названныя нами сочиненія возбудили, какъ и слѣдовало ожидать, сильный интересъ. Періодическая печать занялась подробнымъ ихъ разборомъ и нѣтъ ничего любопытнѣе тѣхъ мнѣній которыя были высказаны ею по этому поводу о политикѣ министра одной изъ великихъ державъ, оказывавшаго въ теченіи долгаго времени сильное вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ. Между различными публицистами Европы происходило какъ бы соревнованіе въ одномъ и томъ же смыслѣ: каждый изъ нихъ, въ свою очередь, старался доказать что именно его отечеству причинилъ лордъ Пальмерстонъ

наиболѣе зла и относился къ нему съ особеннымъ недоброжелательствомъ. Онъ былъ виновникомъ тѣснаго союза, такъ-называемаго сердечнаго соглашенія (entente cordiale), между Англіей и Франціей, а между тѣмъ не только изъ его дѣйствій, но и изъ обнародованной нынѣ его корреспонденціи не трудно убѣдиться что съ полнымъ основаніемъ могъ онъ считаться однимъ изъ непримиримыхъ враговъ и Французской націи и всѣхъ французскихъ правительствъ, послѣдовательно смѣнявшихся одно другимъ послѣ 1830 года. Обвиненія противъ него Австріи высказаны были еще въ 1852 году въ надѣлавшей тогда много шуму книгѣ австрійскаго дипломата, графа Фикельмана: *Lord Palmerston, l'Angleterre et le Continent*, и дѣйствія его въ теченіе послѣдовавшихъ событій нисколько не способствовали къ тому чтобъ измѣнить или ослабить эти обвиненія. Что касается до Россіи, то нечего кажется распространяться о тѣхъ чувствахъ которыя питалъ къ ней лордъ Пальмерстонъ: онъ ненавидѣлъ наше отечество всѣми силами своей души и готовъ былъ употребить всѣ возможныя и зависѣвшія отъ него средства чтобы причинить ему вредъ. Читая письма лорда Пальмерстона, мы видимъ что со вступленія его на политическое поприще ни разу имя Россіи не встрѣчается подъ его перомъ безъ того чтобы не выразилъ онъ къ ней своего недовѣрія и не поставилъ бы себѣ въ особую заслугу свой враждебный противъ нея образъ дѣйствій.

Біографы лорда Пальмерстона утверждаютъ что именно негодованіе противъ его политики значительной части Европы и обезпечило ему право на уваженіе и довѣріе къ нему его соотечественниковъ. Его ненавидѣли, говорятъ намъ, за то что онъ слишкомъ близко принималъ къ сердцу интересы своей страны. Дѣйствительно, патріотизмъ былъ развитъ у лорда Пальмерстона въ высшей степени, но патріотизмъ этотъ, какъ выразился одинъ писатель, былъ слабаго свойства: „ненасытный, эгоистическій, безпощадный, исполненный презрѣнія къ людямъ и націямъ, къ теоріямъ и принципамъ“. Во всемъ мірѣ лордъ Пальмерстонъ не видѣлъ ничего кромѣ Англіи и былъ готовъ каждую минуту пожертвовать спокойствіемъ всего міра, лишь бы Англія извлекла изъ этого какую-нибудь выгоду. Въ біографіяхъ лорда Пальмерстона приведено нѣсколько его афоризмовъ, которые могутъ служить мѣриломъ человѣка. Вотъ одинъ изъ нихъ: „prendre,

ne jamais rendre et toujours pretendre". Лордъ Пальмерстонъ часто развивалъ его въ письмахъ къ подчиненнымъ ему дипломатамъ. „Никогда не отказывайтесь, говоритъ онъ одному изъ нихъ, даже отъ булавочной головки, которая принадлежитъ вамъ и которую вы считаете возможнымъ удержать за собою; если въ послѣдней крайности вы видите что нельзя ее сохранить, все-таки придумывайте разныя средства чтобы не выпустить ее изъ рукъ и показывайте видъ будто готовы для этого не отступать предъ ужасами войны." Чѣмъ, можно сказать, циничнѣе выражалось отсутствіе всякихъ принциповъ въ политикѣ лорда Пальмерстона, тѣмъ болѣе упрочивалась его популярность въ Англіи. Онъ занялъ наконецъ важный постъ перваго министра и оставался на немъ почти цѣлыхъ десять лѣтъ сряду, — явленіе не совсѣмъ обыкновенное если примемъ въ соображеніе слѣдующее обстоятельство: въ Англіи трудно указать на государственнаго человѣка который былъ бы поставленъ во главѣ управленія занимаясь исключительно дѣлами внѣшней политики и посвящая лишь незначительное вниманіе внутреннимъ вопросамъ. Питтъ младшій дѣйствовалъ въ такое время, когда Англійскій народъ вмѣстѣ съ другими государствами напрягалъ силы противъ невыносимаго преобладанія Франціи; всѣ интересы сосредоточились тогда на международныхъ сношеніяхъ, и если для Питта все другое отступило на задній планъ, то не слѣдуетъ забывать что въ первый періодъ своей политической карьеры онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ реформъ и готовился произвести ихъ въ широкихъ размѣрахъ. Каннингъ связалъ свое имя съ борьбой за эманципацію католиковъ; лордъ Джонъ Россель былъ однимъ изъ главныхъ двигателей парламентской реформы, сэръ-Робертъ Пиль содѣйствовалъ успѣхамъ свободной торговли. Напротивъ, внутренніе вопросы, какую громадную важность ни имѣли они для страны, оставляли почти равнодушнымъ лорда Пальмерстона и въ цѣлыхъ пяти томахъ его частной корреспонденціи не содержится даже намека чтобы принималъ онъ слишкомъ горячее участіе въ томъ или другомъ изъ нихъ: онъ упоминаетъ о нихъ только мимоходомъ, въ качествѣ зрителя, занятаго главнымъ образомъ мыслью какое вліяніе обнаружатъ они на судьбу министерства въ которомъ засѣдалъ онъ или которое старался свергнуть чтобы проложить себѣ дорогу къ власти. Внѣшнія

сношенія Англіи—вотъ единственная сфера гдѣ постоянно вращались его помыслы. Между тѣмъ онъ находился во главѣ управленія болѣе долгое число лѣтъ чѣмъ Каннингъ, Россель, Пиль и даже герцогъ Веллингтонъ и въ теченіе всего этого времени либеральная партія, изъ особеннаго уваженія къ нему, не возбуждала и рѣчи о реформахъ, казавшихся ей настоятельно необходимыми. Нужно ли лучшаго доказательства его популярности? „Лордъ Пальмерстонъ, говоритъ о немъ Булверъ, не былъ у насъ государственнымъ человѣкомъ той или другой партіи,—всѣ онѣ почти одинаково преклонялись предъ нимъ.“

Если таково было настроеніе англійской публики, то съ другой стороны, не были ли вполнѣ основательны нареканія которыя повсюду въ Европѣ слышались противъ этого государственнаго человѣка? Могла ли Европа относиться съ довѣріемъ къ политикѣ которая не разъ и безъ всякой основательной причины грозила нарушить ея спокойствіе, — къ политикѣ то проповѣдывавшей уваженіе къ трактатамъ, то радостно привѣтствовавшей ихъ нарушеніе, безпрерывно вмѣшивавшейся во внутреннія дѣла нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, заявлявшей поперемѣнно свои симпатіи и къ революціоннымъ движеніямъ и къ насильственной реакціи противъ революцій, устраивавшей дружественные и торжественные пріемы то Наполеону III, то Гарибальди? Тщетно искала бы Европа въ этой политикѣ какого бы то ни было возвышеннаго побужденія, она не видѣла предъ собою ничего кромѣ интересовъ Англіи, понимаемыхъ въ самомъ узкомъ, эгоистическомъ и корыстномъ смыслѣ. Эта цѣль оправдывала въ глазахъ лорда Пальмерстона всякія средства.

А между тѣмъ поклонники его стараются еще и теперь увѣрять будто во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководился онъ благородными и великодушными принципами. „Онъ никогда не забывалъ, говоритъ о немъ Булверъ, что политика Англіи должна быть политикой гуманности, справедливости и свободы.“ Самъ лордъ Пальмерстонъ позаботился выставить ее именно въ этомъ свѣтѣ предъ своими соотечественниками. Въ 1850 году обнаружилось противъ него сильное недовольство въ Англіи; даже Англичане находили что бо́льшая часть обвиненій противъ него основательны, что онъ вполнѣ заслужилъ прозвище „лорда Поджигателя“, которымъ окрестили его въ Европѣ, и подъ вліяніемъ этого чувства

Палата Лордовъ выразила ему строгое порицаніе по поводу извѣстнаго дѣла Еврея Пачифико. Когда резолюція въ томъ же смыслѣ была предложена и въ Палатѣ Общинъ, лордъ Пальмерстонъ произнесъ рѣчь, длившуюся пять часовъ сряду, въ которой онъ подробно объяснилъ свою дѣятельность и указалъ на тѣ мотивы которые лежали будто бы въ ея основѣ. Въ Европѣ сложилось твердое убѣжденіе что тревожнымъ, лихорадочнымъ вмѣшательствомъ Англіи въ дѣла континентальныхъ государствъ руководила вовсе не платоническая любовь къ либеральнымъ учрежденіямъ, которою она прикрывалась, а соображенія чисто-коммерческаго свойства: въ Испаніи конкурренція тамошнимъ хлопчато-бумажнымъ произведеніямъ, въ Португаліи желаніе захватить въ свои руки торговлю винами этой страны, въ Сициліи—богатыя ея сѣрныя копи, въ Греціи стремленіе пріостановить слишкомъ усилившееся развитіе ея флота, а въ Египтѣ—принудить Мегмета-Али отказаться отъ установленныхъ имъ монополій. Вопросъ о конституціяхъ, какъ выразился Фикельманъ, служилъ при этомъ лишь арсеналомъ, изъ котораго бралось оружіе для осуществленія задуманныхъ плановъ, но лорду Пальмерстону хотѣлось увѣрить будто Англія совершенно безкорыстно приняла на себя роль странствующаго рыцаря чтобы содѣйствовать утвержденію конституціоннаго порядка вещей на материкѣ Европы. „Я не думаю утверждать, говорилъ онъ въ знаменитой своей рѣчи, что правительство наше задалось странною мыслью навязывать другимъ государствамъ свои собственныя учрежденія, возбуждать въ средѣ ихъ неудовольствія и поощрять безпорядки. Все это совершенно не согласно съ нашими обязанностями. Но когда я вижу что какой-либо народъ напрягаетъ усилія для улучшенія своего внутренняго устройства, когда я вижу что онъ, подъ вліяніемъ испытываемыхъ имъ бѣдствій, старается разсудительно, спокойно и съ чувствомъ мѣры осуществить необходимыя реформы, то говорю прямо что народъ этотъ заслуживаетъ нашихъ симпатій. Если другія правительства, подъ вліяніемъ совершенно не согласнаго съ нами образа мыслей, прибѣгаютъ ко вмѣшательству съ цѣлью воспрепятствовать развитію свободы, то не сомнѣваюсь что англійское правительство всегда встрѣтитъ поддержку въ своей націи когда кладетъ свое вліяніе на вѣсы и возстановляетъ такимъ образомъ равновѣсіе.“ Съ этой точки зрѣнія роль

англійскихъ подданныхъ, которые считались слишкомъ безпокойными гостями въ различныхъ странахъ, прибѣгая тамъ ко всевозможнымъ интригамъ, вступая въ тѣсную связь съ враждебными правительствамъ партіями, должна была представляться даже въ обаятельномъ свѣтѣ. То были апостолы свободы и лордъ Пальмерстонъ съ негодованіемъ отрицалъ чтобъ они могли быть судимы за свои поступки на основаніи законовъ той или другой страны, которую они избирали почвой для своихъ экспериментовъ. „Подобно тому какъ древній Римлянинъ—этими словами заканчилъ онъ свою рѣчь,—не подвергался ни малѣйшимъ оскорбленіямъ лишь только произносилъ: civis Romanus sum, и англійскій подданный, куда бы ни забросила его судьба, долженъ почерпать увѣренность въ томъ что бдительный взоръ и могущественная рука его отечества всегда оградятъ его отъ оскорбленій и насилія....“

Эта заманчивая profession de foi какъ нельзя болѣе польстила общественному мнѣнію Англіи. Сэръ-Робертъ Пиль заявилъ что страна „имѣетъ полное право гордиться своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“, а одинъ изъ членовъ Палаты, Кокборнъ, воскликнулъ даже въ припадкѣ восторга, что какъ на пророка Елисея ниспала мантія Иліи, такъ Каннингъ оставилъ свою мантію лорду Пальмерстону. Посмотримъ же, насколько все это согласовалось съ дѣйствительностью.

Изо всѣхъ европейскихъ государствъ Франція, особенно начиная съ 1830 года, считала руководящимъ правиломъ своей политики поддерживать тѣсный союзъ съ Англіей. Государственные ея люди утверждали что подобный союзъ вызывался не только ея выгодами и необходимостью (хотя трудно понять въ чемъ состояли эти выгоды и необходимость), но что прежде всего онъ былъ какъ нельзя болѣе естественъ: обѣ страны обладали либеральными учрежденіями, а потому онѣ были призваны служить опорой принциповъ политической свободы въ Европѣ. Никто не считаетъ образцовымъ порядокъ вещей господствовавшій во Франціи при Лудовикѣ-Филиппѣ, но недостатки его лежали не столько въ правительствѣ, сколько въ самомъ обществѣ; что же касается до правительства, то едва ли какое-либо другое изъ существовавшихъ въ этой странѣ было такъ предано либеральнымъ учрежденіямъ и предоставляло бы столько

возможности для всесторонняго удовлетворенія и матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей націи при полномъ господствѣ свободы. Все что было наиболѣе просвѣщеннаго въ этой странѣ соединилось для служенія іюльской монархіи. Если принципы либерализма были дѣйствительно такъ дороги лорду Пальмерстону, то онъ долженъ былъ бы не создавать, а отстранять затрудненія которыя встрѣчало на своемъ пути правительство Лудовика-Филиппа, тѣмъ болѣе что былъ увѣренъ въ дружескихъ его чувствахъ къ своему отечеству. Между тѣмъ онъ имѣлъ право сказать въ похвалу себѣ—если только это можетъ считаться похвалой—что это былъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ его паденія. Онъ принялъ съ восторгомъ извѣстіе о февральской революціи: „Отреченіе короля баррикадъ, писалъ онъ своему брату, вслѣдствіе требованія національной гвардіи, считаю я однимъ изъ многознаменательныхъ примѣровъ политической справедливости.“ „Конечно, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, то что происходитъ теперь во Франціи побудитъ и у насъ выступить на сцену низшее народонаселеніе съ требованіемъ расширенія избирательнаго ценза, тайной подачи голосовъ и другихъ подобныхъ прелестей, но какъ бы то ни было, я все-таки готовъ кричать: vive Lamartine!“ Онъ неоднократно повторяетъ что никогда не вѣрилъ въ прочность порядка вещей возникшаго во Франціи въ 1830 году, и преслѣдуетъ злобными насмѣшками всѣхъ наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ его приверженцевъ. Откуда же эта ненависть къ конституціонной Французской монархіи? Можно ли повѣрить что она была вызвана исключительно пресловутымъ вопросомъ объ испанскихъ бракосочетаніяхъ, а между тѣмъ это было дѣйствительно такъ. Лишь только Франція обнаружила попытку утвердить, посредствомъ династической связи, свое вліяніе на Пиринейскомъ полуостровѣ, какъ лордъ Пальмерстонъ, считавшій это дерзкимъ посягательствомъ на интересы своего отечества, объявилъ ему войну на жизнь и смерть! Правда, дѣло не дошло до войны открытой, но пущены были въ ходъ всевозможныя интриги чтобы поколебать правительство, которое именно въ эту самую минуту подвергалось отчаяннымъ нападкамъ у себя дома со стороны враждебныхъ ему партій. Вредъ причиненный ему лордомъ Пальмерстономъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: въ самомъ Англійскомъ Парламентѣ обви-

няли его въ недостойныхъ происках и оправданіе принесенное имъ не только не разрушило, но скорѣе подтвердило эти обвиненія. Въ письмахъ своихъ, относящихся къ тому времени, лордъ Пальмерстонъ усиленно старается доказать что онъ былъ правъ, но какъ плохо удается это ему! Возможно ли читать безъ смѣха будто бы Лудовикъ-Филиппъ, которому нельзя отказать въ томъ что онъ не мало содѣйствовалъ сохраненію мира, которому его подданные ставили именно въ вину его миролюбіе и прозвали его „Napoleon de la paix“, угрожалъ всей Европѣ своимъ безсовѣстнымъ честолюбіемъ (unscrupulous ambition) и мечталъ о томъ чтобы разыграть роль Лудовика XIV и Наполеона I! „Fidarsi e bene, ma non fidarsi e meglio“, говоритъ Пальмерстонъ,—вотъ что должно быть руководящимъ нашимъ правиломъ относительно французскаго правительства: для меня очевидно что оно помышляетъ о высадкѣ въ Англію...“

Лудовикъ-Филиппъ былъ свергнутъ, во Франціи утвердилась республика, которую лордъ Пальмерстонъ привѣтствовалъ съ восторгомъ, но восторгъ этотъ продолжался не долго. Когда въ ночь на 2е декабря 1851 года президентъ республики разогналъ Національное Собраніе и установилъ въ странѣ военную диктатуру, знаменитый англійскій министръ, похвалявшійся своею преданностію къ конституціоннымъ учрежденіямъ, послѣшилъ тотчасъ же, даже не посовѣтовавшись со своими товарищами, не спросивъ мнѣнія королевы, выразить полнѣйшее сочувствіе къ этому перевороту, хотя обстоятельства при которыхъ совершился онъ внушали глубокое отвращеніе англійской публикѣ. По мнѣнію его, Лудовикъ-Наполеонъ поступилъ именно такъ какъ слѣдовало ему поступить; надо было не порицать его, а быть ему благодарнымъ за то что онъ низвергнулъ конституцію „вышедшую изъ взбалмошной головы Токвилля и Мэрраста“; негодовать на насиліе, нарушеніе законности, было бы „ребяческимъ безсмысліемъ“ (childish nonsense). Любопытно что и въ эту минуту лордъ Пальмерстонъ старается провести рѣзкую черту между собою и правительствами русскимъ и австрійскимъ, которыя—какъ дошло до его слуха—выразили также одобреніе поступку Лудовика-Наполеона. „Конечно, говоритъ онъ, они руководятся при этомъ своими деспотическими тенденціями; ихъ главнымъ образомъ радуетъ то что Парламентъ былъ разогнанъ войсками,“

а что же именно возбуждаетъ его энтузіазмъ? Не ухитрится ли онъ доказать что Лудовикъ-Наполеонъ оказалъ услугу свободѣ?... Онъ оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта, но въ одномъ изъ его писемъ (къ лорду Норменби, отъ 6 декабря 1851 года) содержится многознаменательная фраза: „События которыя произошли теперь въ Парижѣ должны имѣть огромное вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ вообще и на интересы нашего отечества въ особенности...“ Не предвидѣлъ ли онъ уже въ это время какую пользу удастся ему извлечь изъ воцаренія Лудовика-Наполеона, съ которымъ задолго предъ тѣмъ находился онъ въ дружбѣ?

Исторія этихъ отношеній къ Франціи служитъ любопытнымъ поясненіемъ той апологіи своей политики которую произнесъ лордъ Пальмерстонъ въ Палатѣ Общинъ. Но развѣ нѣтъ другихъ примѣровъ еще болѣе возмутительнаго противорѣчія между его дѣйствіями и принципами которыми онъ старался облечь ихъ?

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, послѣ долгой кровавой борьбы и безплодной дѣятельности дипломатіи, живо напоминающей то что происходитъ именно теперь предъ нашими глазами, создано было независимое Греческое королевство. Ему начертаны были самые тѣсные предѣлы; во главѣ его былъ поставленъ государь не имѣвшій ничего общаго съ Греческою націей; но Англія, бывшая главною виновницей того что цѣлыя области возставшія противъ мусульманскаго владычества остались попрежнему подъ ненавистнымъ игомъ, настояла чтобы Греція получила конституціонныя учрежденія. Было бы конечно гораздо лучше для этой страны еслибы по крайней мѣрѣ въ первый періодъ своего независимаго существованія она была избавлена отъ нихъ: ибо ни въ чемъ не нуждалась она такъ какъ въ сильной, доброжелательной и разумной власти, которая водворила бы въ ней порядокъ и способствовала бы ея возрожденію; печальная катастрофа графа Каподистріи свидѣтельствовала о томъ сколько анархическихъ элементовъ находилось въ Греціи и какъ было трудно обуздать ихъ; при господствѣ конституціонныхъ учрежденій представлялся еще болѣе широкій просторъ для взаимнаго ожесточенія партій, особенно въ виду того что на помощь имъ должны были явиться всякаго рода дипломатическія интриги. Такъ дѣйствительно и случилось. Протекло менѣе чѣмъ двадцать лѣтъ послѣ учре-

жденія Греческаго королевства, слишкомъ незначительный періодъ времени чтобы можно было дѣлать заключенія о томъ какая будущность ожидаетъ эту страну; положеніе ея представлялось далеко не завиднымъ, но самая обыкновенная справедливость заставляла принять въ разчетъ какъ еще недавно пользовалась она самостоятельною жизнью и отъ какого разоренія страдала она вышедши изъ-подъ власти султана. Все это не имѣло однако никакой цѣны въ глазахъ лорда Пальмерстона. Онъ не могъ примириться съ мыслію что Англіи не удавалось эксплуатировать эту страну для своихъ цѣлей, что вліяніе ея тамъ встрѣчало противодѣйствіе въ другихъ державахъ и онъ рѣшился нанести ей цѣлый рядъ ударовъ. Весной 1847 года англійское правительство вдругъ потребовало уплаты причитавшихся ему процентовъ того долга который былъ заключенъ Греціей у трехъ покровительствующихъ державъ; флотъ его появился предъ Пирейскою гаванью и угрожалъ насильственными дѣйствіями; въ эту критическую минуту одинъ изъ просвѣщенныхъ филеллиновъ, извѣстный женевскій банкиръ Эйнаръ, выразилъ готовность оказать услугу аѳинскому правительству ссудивъ ему требуемую сумму, но просилъ лишь непродолжительной отсрочки чтобы найти деньги. Лордъ Пальмерстонъ былъ неумолимъ. Въ отвѣтъ на великодушное предложеніе Эйнара онъ обрушился на него цѣлымъ градомъ оскорбительныхъ и грубыхъ насмѣшекъ. „По всему видно, писалъ онъ лорду Норменби, что Эйнаръ искусный актеръ, хотя и принадлежитъ къ аматерамъ этой профессіи: онъ разыгралъ свою роль отлично когда явился къ вамъ, и жаль только что не было при этомъ достаточно зрителей чтобы наградить его аплодисментами. Извѣстно однако что слышать разказъ о какой-нибудь сценѣ вовсе не то что самому присутствовать при ней, а потому—что касается до меня—то ни великодушіе г. Эйнара, ни его европейская репутація, ни его филеллинскій энтузіазмъ не пробуждаютъ ни малѣйшей симпатической искры въ моемъ холодномъ и сумрачномъ умѣ: прочитавъ до конца ваше письмо я остался такимъ же безчувственнымъ какъ Шейлокъ. Я не знаю вовсе г. Эйнара, но быть-можетъ именно поэтому знаю его лучше чѣмъ вы. Скажите ему что мы слишкомъ старыя птицы чтобы попасться на подобную приманку: намъ нѣтъ до него никакого дѣла, мы ведемъ свои счеты съ гре-

ческимъ правительствомъ, а не съ банкиромъ этого правительства, съ которымъ не хотимъ вступать ни въ какіе переговоры....“ Урокъ данный Греціи въ 1847 году не подѣйствовалъ, и по прошествіи не болѣе трехъ лѣтъ лордъ Пальмерстонъ рѣшился повторить его. Поводомъ къ тому послужили слѣдующія обстоятельства, которымъ англійское правительство сочло нужнымъ придать огромное значеніе: при устройствѣ королевскаго сада въ Аѳинахъ занятъ былъ клочокъ земли принадлежавшій извѣстному историку Джорджу Финлею, причемъ владѣлецъ требовалъ за него сумму, которую казна находила слишкомъ неумѣренною; кромѣ того былъ разграбленъ чернью домъ англійскаго подданнаго, Еврея Пачифико, который долгое время занимался торговлей въ Португаліи, а затѣмъ переѣхалъ въ Аѳины: Пачифико объявилъ что у него погибла богатая мебель и разныя бумаги, оцѣненныя имъ самимъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Нѣтъ сомнѣнія что англійское правительство могло бы уладить эти распри вполнѣ мирнымъ образомъ, но оно предпочло двинуть къ Саломинской гавани флотъ, состоявшій не менѣе какъ изъ пятнадцати линейныхъ кораблей и пароходовъ, подъ начальствомъ адмирала Паркера, который не получивъ отвѣта на требованіе свое чтобы тотчасъ же и безъ всякихъ отговорокъ былъ удовлетворенъ искъ предъявленный Евреемъ Пачифико, началъ захватывать греческія торговыя суда. Невозможно, кажется, и придумать болѣе возмутительнаго поступка. Англія сама являлась судьей въ своемъ дѣлѣ, она постановляла приговоръ и съ безпощадною строгостью приводила его въ исполненіе,—и все это потому что жертвой своею избрала она беззащитное и слабое государство. Можно ли однако повѣрить что именно по поводу разказанной нами печальной исторіи лордъ Пальмерстонъ произнесъ въ Парламентѣ знаменитую свою рѣчь, въ которой выставлялъ себя поборникомъ конституціонной свободы на материкѣ Европы! Онъ хотѣлъ увѣрить что интересы свободы играли во всемъ этомъ значительную роль. „Сумма, о которой хлопочемъ мы, весьма незначительна, говоритъ онъ (въ письмѣ къ лорду Блумфильду, отъ 27 марта 1850 года), но главное дѣло въ томъ что король Оттонъ—enfant gaté de l'absolutisme и деспотическія державы въ ярости отъ нашего поступка; онѣ не могутъ помириться съ мыслью что нельзя оградить сво-

его фаворита отъ заслуженнаго имъ наказанія.“ Другими словами это значило что Англія готова была оказывать поддержку лишь такому конституціонному порядку вещей который откpывалъ бы просторъ для ея вмѣшательства и вліянія; въ противномъ случаѣ, если даже конституція существовала, но конституціонное правительство не обольщалось ролью послушнаго орудія въ рукахъ англійскихъ министровъ, Англія готова была, по самому ничтожному поводу, оскорбить его предъ лицомъ всей Европы и унизить его въ глазахъ собственныхъ его подданныхъ.

Насъ завлекло бы слишкомъ далеко еслибы вознамѣрились мы прослѣдить съ этой точки зрѣнія продолжительную политическую дѣятельность лорда Пальмерстона. Къ счастію нѣтъ въ томъ и нужды. Чтобы произнести безпристрастный о ней приговоръ достаточно указать на тѣ принципы, или, вѣрнѣе сказать, на то отсутствіе принциповъ, которымъ руководилась она въ Восточномъ вопросѣ. Именно на этой почвѣ снискалъ лордъ Пальмерстонъ наибольшую популярность; послѣ Крымской войны преклоненіе предъ нимъ его соотечественниковъ достигло крайнихъ предѣловъ: посмотримъ же насколько, какъ увѣряли его приверженцы, были присущи политикѣ представителемъ коей служилъ онъ человѣколюбіе, состраданіе къ угнетеннымъ, самая обыкновѣнная справедливость и тотъ глубокій политическій смыслъ, который не довольствуется изо дня въ день разными уловками, а стремится создать что-нибудь долговѣчное и прочное? Въ книгѣ г. Ашлея приложена, между прочимъ, весьма куріозная корреспонденція, возникшая между лордомъ Пальмерстономъ и сэръ-Джоржемъ Корнуаль-Льюсомъ по вопросу о томъ, что̀ лучше: предупреждать событія могущія нарушить спокойствіе Европы или же выжидать пока они наступятъ, чтобы заботиться затѣмъ объ ослабленіи вреда который могъ бы быть ими причиненъ *. Пальмерстонъ становится рѣшительно на сторону перваго изъ этихъ мнѣній: „Задача истиннаго государственнаго человѣка, говоритъ онъ, состоитъ не столько въ томъ чтобы исцѣлять зло, сколько въ томъ чтобы не допускать его.“ Въ какой же мѣрѣ оставался онъ вѣренъ этому правилу по примѣненію къ одному изъ тѣхъ вопросовъ, который болѣе

* Correspondence with sir G. Lewis on „prevention better than cure“, II, 331.

чѣмъ всякій другой угрожалъ постоянно нарушить общеевропейское спокойствіе?

Послѣ Адріанопольскаго мира Русское правительство усвоило на Востокѣ политику, которая, еслибы сколько-нибудь справедливо оцѣнили ее другія державы, могла бы привести къ плодотворнымъ результатамъ. Война 1828—1829 годовъ не принесла намъ никакихъ значительныхъ пріобрѣтеній; миръ съ султаномъ былъ заключенъ на самыхъ снисходительныхъ для него условіяхъ, и условія эти въ послѣдствіи были еще смягчены. Несмотря однако на обнаруженное ею безпристрастіе Россія имѣла достаточно поводовъ убѣдиться что именно съ этого времени обнаружилось въ Европѣ непреодолимое недовѣріе къ ней по Восточному вопросу; во время войны едва не образовалась противъ насъ коалиція и все показывало что если снова возникнетъ у насъ враждебное столкновеніе съ Портой, то она найдетъ себѣ сильныхъ союзниковъ. Вмѣсто того чтобы разрѣшать Восточный вопросъ во всемъ его объемѣ, цѣной общеевропейской кровавой борьбы, не лучше ли было позаботиться о томъ чтобы сама Порта содѣйствовала его разрѣшенію? Не должна ли была она понять что подвластныя ей христіанскія области не могли оставаться въ томъ положеніи въ какомъ онѣ находились, что съ точки зрѣнія собственныхъ ея интересовъ необходимо было, улучшая мало-по-малу ихъ судьбу, довести ихъ до того чтобъ онѣ получили полную автономію подъ властью султана? Русское правительство вознамѣрилось доказать Портѣ что дѣйствуя такимъ образомъ она можетъ разчитывать на самыя дружелюбныя чувства съ его стороны, и оно дѣйствительно это доказало въ одинъ изъ наиболѣе критическихъ моментовъ для Оттоманской имперіи, въ началѣ тридцатыхъ и затѣмъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда Египетскій паша готовъ былъ разгромить ее.

Успѣхъ этой политики зависѣлъ отъ того чтобы одинаково оцѣнена была она по достоинству и Европой и Портой, чтобъ убѣдились онѣ что это единственное средство привести вопросъ къ мирному разрѣшенію, безъ насильственной катастрофы. Къ несчастію подобнымъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Порта не отказалась отъ недовѣрія своего къ намъ и справедливость требуетъ замѣтить что если упорствовала она въ этомъ недовѣріи, то

главнымъ образомъ подъ вліяніемъ внушеній которыми дѣйствовала на нее европейская и прежде всего англійская политика.

Мы замѣтили сейчасъ что у Россіи была опредѣленная и ясная программа на Востокѣ, которая въ концѣ-концовъ должна была привести къ тому чтобы рѣзкая черта была проведена тамъ между враждебными племенами и исповѣданіями, чтобы христіане, посредствомъ вполнѣ обезпеченныхъ имъ привилегій были ограждены отъ вмѣшательства въ ихъ дѣла турецкой администраціи, словомъ, чтобы населенія христіанское и мусульманское могли существовать на ряду другъ съ другомъ, но отдѣленныя одно отъ другаго. Люди основательно знакомые съ положеніемъ Оттоманской имперіи постоянно высказывали что только этимъ путемъ и могла она избавиться отъ угрожавшихъ ей бѣдствій. Что же съ своей стороны противопоставляла Англія упомянутой программѣ? Лордъ Пальмерстонъ отрицалъ, вопервыхъ, тотъ очевидный, несомнѣнный для всякаго фактъ что судьба соединила на Балканскомъ полуостровѣ подъ одною властью два племени до такой степени непримиримыя по своимъ вѣрованіямъ, происхожденію, преданіямъ, обычаямъ, симпатіямъ что никакая сила, никакая человѣческая мудрость не могли произвести сліянія между ними; для него Турецкое государство ничѣмъ не отличалось отъ всякаго другаго; правда, въ государствѣ этомъ вкоренились вопіющія злоупотребленія, но—такъ утверждалъ лордъ Пальмерстонъ—злоупотребленія эти относятся къ давно минувшему времени, они отнюдь не умножаются и нѣтъ причины предполагать чтобы Турція не могла вовсе отдѣлаться отъ нихъ. „Часто приходится слышать, читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ (къ сэръ-Генри Булверу), о неизбѣжномъ распаденіи Турецкой имперіи, но, вопервыхъ, никакое государство не распадается само собою, если слишкомъ нѣжные сосѣди не слѣшатъ разорвать его по клочкамъ, а, вовторыхъ, я вообще отрицаю чтобы для Турціи наступилъ періодъ разложенія. Если многимъ кажется что въ странѣ этой дѣла идутъ все хуже, то это объясняется единственно тѣмъ что въ настоящее время Европа съ каждымъ годомъ все ближе знакомится съ очевидными и разнообразными недостатками турецкаго устройства“... „Еслибы, продолжаетъ онъ развивать ту же тему въ другомъ письмѣ, удалось обезпечить Турціи

лѣтъ десять глубокаго мира, то не подлежитъ сомнѣнію что она могла бы сдѣлаться весьма почтенною державой (very respectable Power). Бо́льшая часть нелѣпыхъ заключеній къ которымъ приходитъ общество основывается на злоупотребленіи метафорами, на томъ что кажущееся сходство и созданное фантазіей подобіе принимаютъ за дѣйствительность. Такъ, напримѣръ, ту или другую древнюю монархію привыкли сравнивать со стариннымъ зданіемъ, со старымъ деревомъ или съ удрученнымъ лѣтами человѣкомъ, и такъ какъ зданіе, дерево, человѣкъ должны, по естественному ходу вещей, или разрушиться, или сгнить, или умереть, то начинаютъ думать что то же самое неизбѣжно предстоитъ и цѣлому народу, что законы управляющіе неодушевленною матеріей, растительнымъ царствомъ и человѣческою жизнью вполнѣ примѣнимы къ націямъ и государствамъ. По-моему это совершенно не философскій взглядъ. Не говоря уже о многихъ другихъ точкахъ различія, не слѣдуетъ забывать что составныя части зданія, дерева, человѣка всегда тѣ же самыя, что онѣ подвергаются разлагающему вліянію внѣшнихъ причинъ или портятся вслѣдствіе процесса органической жизни, тогда какъ напротивъ, составныя части общества ежедневно подлежатъ и физическому обновленію и нравственному улучшенію (physical renovation and moral improvement). Вотъ почему всѣ эти толки объ упадкѣ Турецкой имперіи, всѣ эти уподобленія ея бездыханному трупу или засохшему стволу, не болѣе какъ чистѣйшая безсмыслица."

Такова философія лорда Пальмерстона! До него не доходятъ вопли христіанскаго населенія на Востокѣ, требующаго себѣ самыхъ обыкновенныхъ гражданскихъ правъ, для него Турція не представляетъ двухъ враждебныхъ лагерей, онъ знаетъ въ ней только одну „оттоманскую націю", которую съ помощью преобразованій на европейскій ладъ можно вывести на путь всесторонняго развитія. И преобразованія дѣйствительно начались: султанъ Махмудъ организовалъ часть своего войска по европейскому образцу, Решидъ-паша ввелъ механизмъ централизованнаго управленія, Гюльханейскій гатти-шерифъ возвѣстилъ о полномъ уравненіи на бумагѣ христіанъ и мусульманъ, Фуадъ и Али-паша повторяли французскія фразы что и для Востока наступило время „des grandes agglomérations nationales". По мнѣнію лорда Пальмерстона нужно было только предоставить Турцію самой

себѣ, ибо все ея несчастіе, какъ увѣрялъ онъ, состояло не въ томъ будто бы она не въ состояніи справиться съ своими внутренними затрудненіями, а въ томъ что у нея слишкомъ много мнимыхъ доброжелателей, усердно старавшихся оградить ее отъ погибели. Онъ прибѣгалъ къ весьма игривымъ выходкамъ на эту тему въ Парламентѣ, подобнымъ выходкѣ о старомъ зданіи, деревѣ и человѣкѣ. „Недавно, сказалъ онъ однажды, гулялъ я въ Гайдъ-Паркѣ; какой-то джентльменъ сомнительной наружности подошелъ ко мнѣ и сказалъ что я рискую потерять носовой платокъ, который торчитъ у меня изъ кармана. Любезный другъ, отвѣчалъ я, оставь только ты самъ этотъ платокъ въ покоѣ и повѣрь что онъ уцѣлѣетъ. Не разрушится и Турція, если со всѣхъ сторонъ не будутъ приставать къ ней съ предложеніями спасти ее.“ Но увы, поставить Турцію на ноги и разчитывать что она не будетъ нуждаться въ поддержкѣ, было слишкомъ нелѣпымъ заблужденіемъ. Самъ лордъ Пальмерстонъ убѣдился въ этомъ очень скоро; пышныя фразы о самостоятельномъ ея развитіи имѣли въ виду произвести эффектъ въ Европѣ, а въ сущности Англія совершенно взяла Оттоманскую имперію въ свои руки и предоставила себѣ полное распоряженіе ея судьбами. „Что касается до вліянія которое удастся намъ пріобрѣсти въ Константинополѣ, пишетъ лордъ Пальмерстонъ еще въ тридцатыхъ годахъ, то степень этого вліянія должна зависѣть не столько отъ услугъ которыя мы окажемъ султану, сколько отъ чувства страха, который мы успѣемъ ему внушить относительно Россіи.“ Прежде всего нужно было слѣдовательно упрочить въ Туркахъ недовѣріе къ русской политикѣ, выставить всѣ ея дѣйствія въ самомъ превратномъ видѣ, и старанія въ этомъ смыслѣ увѣнчиваются наконецъ успѣхомъ, хотя и не безъ труда. Не то чтобы Порта питала симпатіи къ нашему правительству, но она дѣйствительно боялась его и лордъ Пальмерстонъ желчно подсмѣивается надъ ея страхами: „Порту, говоритъ онъ, можно сравнить только съ слабонервною дамой, падающею въ обморокъ при малѣйшей угрозѣ и которой безпрерывно нужно подносить къ носу флаконъ со спиртомъ; этимъ флакономъ служитъ нашъ флотъ.“ Главное обвиненіе противъ Россіи заключалось въ томъ что она слишкомъ много вмѣшивается во внутреннія дѣла Балканскаго полуострова, но если это было бы даже такъ, представлялась ли какая-нибудь возможность дѣйствовать иначе?

Не говоримъ тутъ о программѣ которою задалось наше правительство, но еслибы шла рѣчь о всякой другой, положимъ англійской, то представлялось ли средство осуществить какую бы то ни было программу не прибѣгая къ безпрерывному и упорному нравственному давленію на Порту? Не безумно ли было думать чтобы Турки, отказавшись отъ своего фатализма, обрѣли въ себѣ достаточно энергіи чтобъ осуществить реформы, даже несомнѣнно соотвѣтствовавшія ихъ собственнымъ выгодамъ и интересамъ? Отвѣтъ на это даетъ намъ самъ лордъ Пальмерстонъ: „Турки, какъ извѣстно, говоритъ онъ, согласны съ перваго раза рѣшительно на все. Они отвѣчаютъ вамъ „да, хорошо“, но какъ скоро вы переходите къ практической сторонѣ дѣла, къ его подробностямъ, то немедленно убѣждаетесь что обѣщанія ихъ не значатъ ровно ничего. Они уважаютъ васъ лишь сообразно тому понятію какое имѣютъ о вашей *силѣ*. Если вы хотите достигнуть положительнаго результата, несмотря на всевозможныя интриги, сомнѣнія, колебанія и предразсудки, то должны прямо сказать Турку *что* онъ обязанъ сдѣлать, *когда* и *какъ* именно обязанъ онъ это сдѣлать и дать ему понять что вы не шутите съ своимъ требованіемъ. Убѣдившись въ этомъ онъ согласится съ вами и будетъ даже полагаться на васъ.“ На основаніи этого весьма вѣрнаго и доказаннаго опытомъ замѣчанія, Англія, такъ настойчиво твердившая о самостоятельности Порты, о необходимости оградить ее отъ посторонняго вмѣшательства, господствовала надъ нею всею силой своего вліянія и руководила изъ Лондона какъ внѣшнею такъ и внутреннею ея политикой.

Лордъ Пальмерстонъ былъ не требователенъ относительно пресловутаго прогресса, который былъ рекомендованъ имъ для Турціи. Онъ видѣлъ что прогрессъ этотъ существуетъ лишь на бумагѣ, что ни одна изъ реформъ, обѣщанныхъ правительствомъ султана, не примѣняется въ дѣйствительности, но не прочь былъ довольствоваться и тѣмъ что Турки только на словахъ выражали намѣреніе примѣнить къ себѣ европейскіе порядки. „Правда, говоритъ онъ въ весьма интересномъ письмѣ къ англійскому послу въ Константинополѣ, сэръ-Стратфорду Каннингу, отъ 24 сентября 1850 года (болѣе чѣмъ чрезъ десять лѣтъ послѣ Гюльханейскаго гатти-шерифа!), правда все что сдѣлано до сихъ поръ ограничивается болѣе манифестами и предписаніями, чѣмъ какими

бы то ни было практическими мѣрами, но не слѣдуетъ цѣнить низко достоинство узаконеній, правилъ и учрежденій даже въ томъ случаѣ, если на практикѣ и не дѣйствуютъ сообразно съ ними (even when they are not practically acted upon). До тѣхъ поръ пока существуютъ хоть даже однѣ формы, всегда есть возможность уцѣпиться за что-нибудь; со временемъ, по мѣрѣ того какъ общественное мнѣніе мужаетъ (въ Турціи!), эти формы все болѣе и болѣе снискиваютъ уваженіе правителей, и то что въ началѣ было лишь теоріей, переходитъ въ дѣйствительность.“ Къ сожалѣнію, эта блаженная минута рѣшительно не наступала. Лордъ Пальмерстонъ расточаетъ увѣщанія, совѣты, требованія, онъ обращается съ ними и къ турецкимъ сановникамъ и къ посланникамъ султана при С.-Джемскомъ дворѣ, и все напрасно. „Простите меня, говоритъ онъ одному изъ этихъ посланниковъ, Мегметъ-пашѣ, что я вмѣшиваюсь въ дѣла которыя повидимому не касаются меня непосредственно и повѣрьте что мною руководятъ въ этомъ случаѣ единственно интересы султана и его имперіи. Турція еще не въ состояніи поддержать свою независимость и оградить себя отъ угрожающихъ ей враговъ безъ содѣйствія и помощи Великобританіи. Правительство наше искренно готово оказывать ей эту помощь во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но вамъ извѣстно что оно далеко не свободно въ своихъ дѣйствіяхъ, что ему нужно сообразоваться съ Парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Но ни общественное мнѣніе, ни Парламентъ не примутъ нашу сторону если мы не будемъ въ состояніи доказать что Оттоманское правительство не щадитъ усилій чтобы по возможности улучшить всѣ отрасли турецкой администраціи, что оно не пренебрегаетъ никакими средствами съ цѣлью обезпечить самооборону Турціи, развивъ для этого естественныя богатства, которыми такъ щедро надѣлило ее Провидѣніе.... Къ сожалѣнію въ Константинополѣ колеблятся, останавливаются на пути, а между тѣмъ проходитъ время наиболѣе благопріятное для реформъ. Англійская пословица гласитъ что нужно заготовлять сѣно пока солнце еще горячо и нужно производить передѣлки въ домѣ при благопріятной погодѣ, а не дожидаться холода и вьюги.“

Что же это были за реформы, которыхъ ожидалъ и требовалъ лордъ Пальмерстонъ отъ Порты? Не только можно составить о нихъ вѣрное понятіе изъ его корреспонденціи,

но онъ самъ начерталъ весьма обстоятельную ихъ программу, и сообщилъ ее тому же Мегмету-паше, къ которому адресовано приведенное нами сейчасъ письмо. Строгая экономія въ расходахъ, болѣе правильное взиманіе податей, устройство дорогъ, исправленіе крѣпостей, а также укрѣпленій на Босфорѣ, реорганизація арміи—вотъ, какъ говоритъ онъ самъ, главные пункты (les points principaux) его программы. Упоминается въ ней и о гражданскихъ правахъ для христіанскихъ подданныхъ султана, но какъ-то вскользь, безъ подробнаго развитія этой темы. „Нужно было бы улучшить судопроизводство, говоритъ лордъ Пальмерстонъ: увѣряютъ (on pretend) будто бы въ настоящее время оно отличается важными недостатками.“ Словомъ, онъ понималъ вопросъ о привитіи европейской цивилизаціи къ Турціи совершенно также какъ понималъ его султанъ Махмудъ, а именно въ томъ смыслѣ чтобы заимствовать изъ этой цивилизаціи все что̀ могло доставить внѣшнее могущество Оттоманской имперіи и сдѣлать ее способною къ успѣшной борьбѣ съ непріятелемъ. Интересы мусульманскаго владычества въ Европѣ, вотъ что̀ стояло у него на первомъ планѣ и съ этой точки зрѣнія относился онъ даже къ судьбамъ христіанской религіи на Востокѣ. Можетъ ли быть что-нибудь поучительнѣе слѣдующаго письма, адресованнаго имъ къ сэръ-Стратфорду Каннингу (отъ 29 октября 1849 года): „Въ Сиріи возникли волненія по поводу того что нѣкоторыя изъ общинъ греческаго исповѣданія вознамѣрились принять протестантскую вѣру. До меня дошли слухи будто турецкое правительство препятствуетъ подобному намѣренію съ ихъ стороны. Было бы благоразумнѣе еслибъ оно обсудило не обязано ли оно, въ собственныхъ своихъ интересахъ, потворствовать явленіямъ такого рода, вмѣсто того чтобы создавать для нихъ различныя затрудненія. Греческая и католическая церкви не болѣе какъ синонимы русскаго и французскаго вліяній, а русское или французское вліянія вносятъ разлагающіе элементы въ предѣлы Оттоманской имперіи. Протестантизмъ оградилъ бы ее напротивъ отъ этого зла; не могло бы быть для нея ничего лучше, еслибы вся райя греческаго исповѣданія и всѣ сирійскіе марониты сдѣлались протестантами. Существенное различіе, съ точки зрѣнія политической покорности (political obedience), между протестантизмомъ, католицизмомъ и греческою религіей, заключается

именно въ томъ что духовенство двухъ послѣднихъ изъ этихъ исповѣданій всегда готово служить орудіемъ чужеземныхъ происковъ, тогда какъ духовенство протестантское гораздо менѣе пригодно для подобныхъ цѣлей.“ Не поразительно ли видѣть министра великой христіанской державы, обращающагося къ мусульманскому правительству съ радушными совѣтами о томъ, какимъ изъ христіанскихъ исповѣданій можетъ оно наиболѣе удобно воспользоваться чтобы закрѣпить свое ненавистное владычество надъ христіанами? Не столь же ли поразителенъ и тотъ фактъ что въ настоящее время не поколебались обнародовать подобное письмо въ книгѣ предназначенной къ прославленію лорда Пальмерстона?

Послѣ всего что̀ мы видѣли съ начала сороковыхъ годовъ, было бы совершенно безполезно доказывать что всѣ попытки перерожденія Турціи были не болѣе какъ жалкимъ пуфомъ, разчитаннымъ на обманъ европейской публики. Никогда Турція не сдѣлается цивилизованнымъ государствомъ если Турки не перестанутъ быть Турками, если не откажутся они отъ своей религіи, отъ всѣхъ своихъ преданій, понятій, привычекъ, никогда Турокъ не допуститъ и съ своей точки зрѣнія не можетъ допустить чтобы христіанинъ сдѣлался равноправнымъ съ нимъ, гражданиномъ государства въ которомъ власть принадлежитъ преемнику Пророка. Мы рѣшительно не въ состояніи повѣрить чтобы люди наталкивавшіе Порту на путь различныхъ заманчивыхъ реформъ могли серіозно обольщать себя надеждой на успѣхъ задуманнаго ими дѣла. Кому не извѣстна сцена обнародованія пресловутаго Гюльханейскаго гатти-шерифа? Собрались всѣ сановники, прибылъ самъ султанъ, но торжество не начиналось довольно долгое время, потому что главный придворный астрологъ, стоявшій впереди всѣхъ съ своею астролябіей, выжидалъ удобной минуты; лишь послѣ того какъ произнесъ онъ: „Аллахъ взираетъ благосклонно на наше предпріятіе,“ приступлено было къ чтенію документа, въ обширномъ предисловіи къ коему было сказано что если для Турціи наступила новая эпоха, то именно поэтому должна она болѣе чѣмъ когда-нибудь оставаться вѣрною своимъ преданіямъ и всему что̀ предписываетъ Коранъ. Можно ли предположить чтобъ европейскіе дипломаты, присутствовавшіе при упомянутомъ торжествѣ, относились серіозно къ этой печальной комедіи? Не предвидѣли ли они уже тогда

что Турція, усиливаясь привить къ себѣ европейскіе порядки, будетъ походить, какъ выразился одинъ писатель *, на „дикаго Индійца который вздумалъ бы надѣть фракъ на совершенно голое и тутуированное тѣло?“ Тотъ же безпристрастный авторъ изъ котораго мы заимствовали эту фразу отзывается слѣдующимъ образомъ о результатахъ игры которою занималась европейская дипломатія: „Каковы же были послѣдствія законодательныхъ экспериментовъ, столь часто встрѣчавшихъ самые сочувственные отзывы въ англійскомъ Парламентѣ? Чалма была вытѣснена фесомъ; серальскія красавицы стали носить платья съ длиннымъ шлейфомъ, сдѣланныя по послѣдней парижской модѣ; лица принадлежавшія къ высшему слою константинопольскаго общества лили шампанское и болтали по-французски; молодая Турція, заразившись въ Парижѣ вольтеріанствомъ, подсмѣивалась надъ вѣрой своихъ отцовъ и старалась облагородить дикіе нравы своихъ соотечественниковъ изящными манерами, заимствованными ею изъ Closerie des Lilas. Правда, безпокойные паши уже не были такъ часто, какъ прежде, отправляемы на тотъ свѣтъ посредствомъ шелковаго шнурка и къ кинжалу потаенныхъ убійцъ обращались лишь въ исключительныхъ случаяхъ; турецкіе сановники изловчились пользоваться печатью для сенсаціонныхъ статей и для изобрѣтаемыхъ ими самими корреспонденцій; еще съ бо́льшимъ успѣхомъ выступила Порта на европейскихъ биржахъ какъ совершенно равноправный, въ этомъ отношеніи, сочленъ цивилизованныхъ странъ, и государственный долгъ ея возросталъ съ каждымъ годомъ въ поразительныхъ размѣрахъ.“ Между тѣмъ англійскія газеты воспѣвали похвалы либерализму и просвѣщеннымъ намѣреніямъ Оттоманскаго правительства; онѣ любили сопоставлять необычайные шаги сдѣланные имъ на пути прогресса съ русскимъ варварствомъ; оказывалось, такимъ образомъ, что если Англія сосредоточивала свои интересы на этой странѣ, то и тутъ она служила дѣлу свободы, конституціонныхъ учрежденій, ибо не слѣдуетъ забывать что въ началѣ сороковыхъ годовъ Турки дѣйствительно поговаривали даже о парламентѣ, но вмѣстѣ

* Трейчке, въ замѣчательной статьѣ своей „Die Türkei und die Grossmächte“, помѣщенной въ іюньской книжкѣ *Preussische Iahrbücher.*

съ тѣмъ весь этотъ эпизодъ проливаетъ яркій свѣтъ на то, въ какой мѣрѣ серіозно относился лордъ Пальмерстонъ къ принятой имъ на себя роли лоборника и покровителя либеральныхъ стремленій на материкѣ Европы. Никогда еще великіе принципы не были профанированы столь безсовѣстнымъ образомъ.

Къ началу пятидесятыхъ годовъ недостойная агитація, о которой говоримъ мы, принесла плоды: внутреннее состояніе Турціи не только не улучшалось, но становилось положительно отчаяннымъ, а между тѣмъ ее выставляли невинною жертвой какихъ-то враждебныхъ интригъ и отъ времени до времени наталкивали ее на такой образъ дѣйствій, который долженъ былъ нравиться тогдашнему настроенію европейской публики. Вѣрнѣе сказать, дѣйствовало Англійское правительство, а Порта лишь повиновалась его наставленіямъ и даже приказаніямъ. Въ 1849 году возникъ, напримѣръ, вопросъ о выдачѣ венгерскихъ и польскихъ выходцевъ по требованію Австріи и Россіи: сэръ-Стратфордъ Каннингъ въ Константинополѣ и лордъ Пальмерстонъ въ Лондонѣ подняли волль что это было бы оскорбленіемъ достоинства султана, но самъ султанъ и его министры думали иначе и находились гораздо болѣе подъ вліяніемъ страха, чѣмъ щекотливой заботливости о своемъ достоинствѣ. Необходимо было, какъ выражался Пальмерстонъ, „поднести имъ къ носу флаконъ со спиртомъ“. На это указывалъ и Каннингъ въ письмѣ своемъ къ министру: „Еслибъ я не обѣщалъ Портѣ поддержку, говоритъ онъ, то вѣроятно она уступила бы. Во всякомъ другомъ вопросѣ, который не затрогивалъ бы такъ сильно честь, справедливость и гуманность, я не посовѣтовалъ бы ей избрать столь опасный путь, но въ настоящемъ случаѣ не счелъ возможнымъ поступить иначе чтобы не подорвать нашего вліянія. Стыдъ палъ бы на *насъ* *, ибо всякому извѣстна наша солидарность съ Турціей, всякій знаетъ что предоставленный самому себѣ Решидъ-паша не былъ бы въ силахъ противостать потоку.“ Англійскій флотъ появился близь Дарданеллъ и тонъ Порты тотчасъ же сдѣлался тверже, хотя даже и въ эту минуту лордъ Пальмерстонъ издѣвается надъ нею, что она „испугана собственною храбростью“. Впрочемъ уже прежде того С.-Петербургскій

* Курсивъ въ подлинникѣ.

и Вѣнскій дворы измѣнили свои требованія, а именно желали только чтобы Порта интернировала выходцевъ. Лордъ Пальмерстонъ находилъ что и подобное домогательство слишкомъ неумѣренно, что оно противорѣчитъ независимости и достоинству султана. „Неужели, восклицалъ онъ, султанъ согласится принять на себя роль тюремщика Австрійскаго правительства?“ и убѣждалъ турецкихъ министровъ упорствовать до конца въ своемъ отказѣ. Они разочли однако что дѣло можетъ повернуться для нихъ очень дурно, что одна Англія едва ли будетъ въ состояніи оградить ихъ отъ непріязни двухъ сосѣднихъ съ нею державъ и уступила ихъ совокупнымъ настояніямъ. Мы видимъ теперь съ какою яростью принялъ это извѣстіе лордъ Пальмерстонъ: „Повсюду у насъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ сэръ-Стратфорду Каннингу, обнаруживался сильный энтузіазмъ въ пользу султана, ибо публика была убѣждена что турецкое правительство одушевлено великодушнымъ и мужественнымъ чувствомъ, которое не дозволитъ ему снизойти на роль тюремщика; вотъ что побуждало страну отъ одного конца до другаго—виговъ, торіевъ и радикаловъ, расточать симпатіи свои Портѣ, рѣшившейся, по нашему совѣту и подъ покровомъ нашего флота, сдѣлать вызовъ Австріи и Россіи. Но теперь почва ускользнула изъ подъ нашихъ ногъ и свѣтлыя надежды (bright hopes), которымъ предавалась Англійская нація, быстро изчезли... Мнѣ положительно стыдно за нашихъ protegés, т.-е. за султана и его трусливыхъ совѣтниковъ; можете кофиденціально сказть имъ что если они будутъ продолжать идти этимъ путемъ, то никогда не пошлемъ мы имъ не только флота, но и простой лодки. Проявившійся у насъ энтузіазмъ смѣняется теперь чувствомъ презрительнаго отвращенія (contemptuous disgust) къ выраженному ими рабскому согласію отличаться въ лозорной должности, которую навязалъ имъ князь Шварценбергъ.“

Впрочемъ едва ли въ 1849 году лордъ Пальмерстонъ полагалъ что для Англіи наступило время разыграть на Востокѣ ту роль, къ которой она видимо готовилась. Для этого нуженъ былъ ей союзникъ, но лишь позднѣе союзникомъ этимъ явилось государство на которое онъ могъ кажется менѣе всего разчитывать. Въ обширной корреспонденціи его не разъ выражается опасеніе, что тѣсное согласіе можетъ возникнуть между Россіей и Франціей въ восточныхъ дѣлахъ, что никакіе существенные интересы не побуждаютъ ихъ ко вза-

имной подозрительности и враждѣ. „Не слѣдуетъ забывать, пишетъ онъ въ 1839 году, въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ Восточнаго вопроса, что одна изъ наибольшихъ опасностей для Европы заключается въ возможности союза Франціи съ Россіей; если въ настоящее время препятствуютъ тому личныя чувства императора Николая, то гдѣ ручательства относительно будущаго?“ „Тѣсная entente между императоромъ Николаемъ и королемъ Лудовикомъ-Филиппомъ, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, утвердила бы господство одного изъ нихъ на Босфорѣ, а другаго на берегахъ Нила. Вотъ страшный для насъ призракъ! Я всегда былъ того мнѣнія, что въ союзѣ нашемъ съ Франціей мы ѣздили на лошади которая то и дѣло готова подняться на дыбы; лошадь эту нужно вести легкою рукой и не на слишкомъ тугихъ поводьяхъ, иначе она бросится въ лагерь нашего естественнаго противника. Тогда, въ виду этого страшнаго бѣдствія, должны выступить Англія и Германія.“ Судьба благопріятствовала англійской политикѣ: страна которой наиболѣе она опасалась обнаружила печальное отсутствіе политическаго смысла, рѣшившись безъ всякой нужды и вопреки своимъ интересамъ, сослужить ей службу и сдѣлаться послушнымъ ея орудіемъ.

Давно уже извѣстно что лордъ Пальмерстонъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ Восточной войны 1853—1856 года и обнародованная нынѣ его корреспонденція вполнѣ подтвердила это мнѣніе. Онъ имѣлъ достаточно времени убѣдиться что для Турціи положительно невозможно возрожденіе или, лучше сказать, перерожденіе посредствомъ навязанныхъ ей реформъ; онъ самъ издѣвался надъ ея прогрессивными стремленіями и говорилъ что единственно въ чемъ изощрилась Порта на пути прогресса, это въ умѣньи дѣлать иностранные займы; онъ не могъ не предвидѣть къ чему приведетъ подобное положеніе дѣлъ и вмѣсто того чтобы остановиться мыслью на дѣйствительныхъ средствахъ, которыя были бы способны отвратить катастрофу, не задумался возбудить страшную кровопролитную борьбу, съ цѣлію закрѣпить на Востокѣ невозможный порядокъ вещей. По истинѣ изумительно то, мы не можемъ выразиться иначе, легкомысліе, съ которымъ въ эту критическую минуту относился онъ къ Восточному вопросу. Вотъ что̀, напримѣръ, писалъ онъ своему товарищу по министерству г. Сидней

Герберту, нѣсколько времени спустя послѣ вступленія русскихъ войскъ въ Дунайскія Княжества: „Чего добивается императоръ Николай? Хочетъ ли онъ чтобы христіане Оттоманской имперіи были ограждены отъ угнетеній, несправедливости, преслѣдованій? Если такъ, то пусть первый покажетъ примѣръ, избавивъ христіанское населеніе Молдавіи и Валахіи отъ различныхъ бѣдствій, на которыя осуждено оно вслѣдствіе вступленія въ Княжества русской арміи. Затѣмъ пусть довольствуется онъ, подобно всѣмъ намъ, прогрессивно-либеральною системой Турціи (let him be satisfied, as we all are, with the progressively liberal system of Turkey); до сихъ поръ онъ не могъ представить ни одного примѣра угнетенія испытываемаго христіанами, да и нельзя представить такихъ примѣровъ (!). Вообще я рѣшительно не допускаю будто бы тѣ или другія турецкія провинціи питали неудовольствіе противъ своего правительства; всѣ эти розказни распространяются Россіей... У меня нѣтъ пристрастія къ Туркамъ какъ къ мусульманамъ и я былъ бы очень радъ еслибъ они обратились въ христіанство, но что касается до системы управленія господствующаго въ этой странѣ, то я положительно убѣжденъ что найдется много христіанъ въ Россіи, Австріи, Римѣ, Неаполѣ, которые были бы въ восторгѣ еслибы пользовались такою же безопасностью относительно своей личности и имущества какою пользуются христіанскіе подданные султана.“ Еслибы все это было изложено въ какомъ-нибудь документѣ предназначавшемся для публики, то можно было бы просто на просто предположить что лордъ Пальмерстонъ хотѣлъ сказать грубость, хотѣлъ пощеголять предъ своимъ противникомъ возмутительнымъ цинизмомъ. Но нѣтъ, онъ говоритъ это въ конфиденціальномъ письмѣ къ близкому ему человѣку, и все показываетъ что дѣйствительно съ такими воззрѣніями приступалъ онъ къ разрѣшенію Восточнаго вопроса. Онъ былъ бы готовъ забавляться до безконечности недостойною игрой въ турецкія либеральныя реформы, но его смущала мысль, что Россія не останется при этомъ равнодушною зрительницей, что она будетъ возвышать свой голосъ въ пользу христіанскихъ племенъ Востока и что настоянія ея должны имѣть значеніе и вѣсъ уже потому, что они основывались на формальныхъ трактатахъ, заключенныхъ съ Портой. „Тогда только будетъ сдѣлано что-нибудь, говоритъ

лордъ Пальмерстонъ, когда удастся намъ уничтожить эти трактаты и предоставить Турціи полную свободу дѣйствій." Онъ обольщалъ себя надеждой, что тогда ничто уже не помѣшаетъ, всякій разъ когда послышатся волли и жалобы христіанъ, отвѣчать имъ дерзкою насмѣшкой что они должны еще благословлять свою судьбу...

Не задолго предъ тѣмъ какъ возникли замѣшательства на Востокѣ, образовалось въ Англіи министерство во главѣ коего стоялъ лордъ Абердинъ. Не всѣ члены этого министерства были враждебно расположены къ Россіи. Въ сущности вполнѣ раздѣляя воззрѣнія своего воинственнаго товарища лорда Пальмерстона, они отличались отъ него тѣмъ что довѣряли прямому откровенному образу дѣйствій русскаго правительства. Дѣйствительно, можно было соглашаться или нѣтъ съ политикой которую преслѣдовала Россія на Востокѣ, но что политика ея всегда шла къ цѣли не окольными путями, а открыто заявляла о своихъ намѣреніяхъ, — этого не могли отрицать даже ея враги, за исключеніемъ лорда Пальмерстона, который постоянно приписывалъ ей коварные и сокровенные замыслы. Мы упоминали выше въ чемъ состояла ея программа послѣ Адріанопольскаго мира; Русское правительство, конечно не по своей волѣ, не въ состояніи было осуществить эту программу и сознавало очень ясно что путь избранный Портой не приведетъ къ добру; оно не могло не быть озабочено опасностями которыми угрожало подобное положеніе дѣлъ, но для отстраненія ихъ желало дѣйствовать не иначе какъ въ тѣсномъ согласіи съ державами интересы коихъ были тѣсно связаны съ судьбой Оттоманской имперіи. Императоръ Николай высказался на этотъ счетъ какъ нельзя болѣе ясно при посѣщеніи своемъ Англіи въ 1844 году: въ бесѣдахъ съ графомъ Абердиномъ, занимавшимъ тогда должность министра иностранныхъ дѣлъ, онъ формально отстранялъ мысль о какихъ бы то ни было территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ для Россіи, о всякомъ исключительномъ вліяніи, которое могло бы поколебать политическое равновѣсіе Европы, требовалъ только точнаго соблюденія Портой трактатовъ имѣвшихъ въ виду христіанскихъ ея подданныхъ и приглашалъ Англійское правительство, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, дѣйствовать съ нимъ за одно. Мысли высказанныя императоромъ были еще подробнѣе развиты въ меморандумѣ графа

Нессельроде, въ которомъ мы между прочимъ читаемъ: „Нельзя однако утаивать что Оттоманская имперія заключаетъ въ себѣ много элементовъ разложенія. Непредвидѣнныя обстоятельства могутъ ускорить ея паденіе помимо всякой возможности для дружественныхъ кабинетовъ воспрепятствовать этому. Такъ какъ человѣческой проницательности не дано устанавливать заранѣе опредѣленный планъ дѣйствій для того или другаго неожиданнаго случая, то было бы преждевременно заниматься теперь обсужденіемъ случайностей которыя могутъ и не осуществиться. Въ неизвѣстности, скрывающей отъ насъ будущее, только одна основная идея представляется повидимому вполнѣ практическою, а именно что опасность, которая можетъ произойти отъ катастрофы въ Турціи, была бы значительно уменьшена еслибы Россія и Англія условились относительно совокупнаго образа дѣйствій..... Причины, требующія подобнаго соглашенія, весьма ясны. На материкѣ Россія пользуется сильнымъ преобладаніемъ надъ Турціей, а на морѣ точно такое же положеніе принадлежитъ Англіи. Дѣятельность каждой изъ этихъ державъ, будучи изолирована, причинила бы много вреда, а направленная къ одной цѣли, породила бы добро; отсюда—необходимость соглашенія прежде чѣмъ приступать къ дѣйствіямъ“... По словамъ графа Нессельроде Россія и Англія должны были имѣть предъ собою слѣдующую опредѣленную задачу: „1) заботиться о сохраненіи Оттоманской имперіи въ теперешнемъ ея состояніи доколѣ эта политическая комбинація окажется возможною; 2) если же событія докажутъ что этой имперіи суждено разрушиться, условиться предварительно обо всемъ что̀ касается новаго порядка вещей, которому предназначено замѣнить собою существующій, и наблюдать сообща чтобы перемѣны происшедшія во внутреннемъ положеніи означенной имперіи не принесли бы ущерба ни безопасности ихъ собственныхъ государствъ, ни тѣмъ правамъ которыя обезпечены каждому изъ нихъ трактатами, ни сохраненію общеевропейскаго равновѣсія.“ Очевидно изъ этого что еще въ 1844 году правительство наше усвоило тотъ взглядъ которому оно оставалось неизмѣнно вѣрно и предъ началомъ Восточной войны 1853—1856 годовъ, ибо возможно ли было истолковать иначе слѣдующія слова, сказанныя императоромъ Николаемъ, въ надѣлавшей такъ

много шуму бесѣдѣ его съ сэръ-Гамильтономъ Сеймуромъ: „Дѣла въ Турціи находятся въ большомъ разстройствѣ; странѣ этой угрожаетъ разрушеніе, а разрушеніе ея будетъ великимъ бѣдствіемъ: вотъ почему очень важно чтобы Англія и Россія пришли къ полному согласію, чтобы не отваживались онѣ на рѣшительный шагъ безъ вѣдома одна другой. У насъ на рукахъ больной человѣкъ; говорю откровенно, было бы большимъ несчастіемъ еслибы въ непродолжительномъ времени прекратилъ онъ свое существованіе,— особенно же прежде чѣмъ будутъ приняты всѣ необходимыя распоряженія... Государство мое такъ обширно и во всѣхъ отношеніяхъ поставлено въ такія выгодныя условія что было бы неблагоразумно съ моей стороны желать бо́льшаго разширенія территоріи и бо́льшаго могущества чѣмъ то которымъ я обладаю; напротивъ, единственная наша опасность произошла бы отъ распространенія предѣловъ Имперіи и безъ того уже обширной... Въ настоящее время Турція снизошла постепенно до такого состоянія дряхлости что какъ бы ни желали мы продлить дни больнаго, онъ можетъ умереть внезапно и остаться у насъ на рукахъ; мы не въ силахъ воскресить то что̀ умерло; если Турція распадется, то уже не станетъ снова на ноги; не лучше ли приготовиться къ этой случайности, чѣмъ очутиться лицомъ къ лицу съ хаосомъ, смутами и неизбѣжностью общеевропейской войны? Несомнѣнно однако что все это будетъ послѣдствіемъ катастрофы если она наступитъ внезапно: обращаю на это вниманіе, особенное вниманіе вашего правительства.“ Въ словахъ этихъ не заключалось ни угрозы, ни намека на корыстные замыслы, точно также какъ не заключалось ихъ въ совершенно подобныхъ же заявленіяхъ, съ которыми обратилось наше правительство къ Англіи еще въ 1844 году: если тогда не послѣдовало за ними, съ нашей стороны, никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Турціи, хотя въ смутное для Европы время 1848 и 1849 годовъ Россія имѣла возможность прибѣгнуть къ нимъ, то почему же слѣдовало предполагать что теперь вознамѣрилась она заняться дѣлежомъ турецкихъ владѣній и домогалась сообщничества Англіи? Именно потому что лордъ Абердинъ слышалъ нѣкогда изъ устъ самого императора Николая слова, повторенныя затѣмъ сэръ-Гамильтону Сеймуру и сохранилъ впечатлѣніе совершенной ихъ искренности, онъ не поддавался долгое

время извѣтамъ и нареканіямъ противъ Русскаго правительства. Къ несчастію чтобы выдержать эту роль до конца, нужно было обладать извѣстною твердостью характера, а именно этого-то условія и недоставало лорду Абердину: вокругъ него печать раздувала народныя страсти; публика тѣмъ охотнѣе вѣрила ея внушеніямъ что въ послѣдніе годы не переставали толковать ей что Турція безъ всякой съ своей стороны вины терпитъ тяжкія невзгоды, что она сама способна утвердить у себя такой порядокъ вещей который удовлетворилъ бы самаго требовательнаго поборника прогресса, и если еще не исполнила этого до сихъ поръ, то единственно вслѣдствіе притязательности и происковъ русскаго честолюбія. Агитація усиливалась съ каждымъ днемъ: здравый смыслъ предостерегалъ противъ нея лорда Абердина, но боязнь очутиться въ разладѣ съ общественнымъ мнѣніемъ побуждала его къ мѣрамъ нерѣшительнымъ и двусмысленнымъ, которыя могли только повредить упроченію мира. „Тотъ, говорилъ онъ, кто рѣшится низринуть Европу въ пропасть изъ-за дѣла, по моему мнѣнію, вполнѣ несправедливаго, приметъ на себя тяжкую отвѣтственность. Я не хочу закончить свою карьеру революціонною войной: пусть начинаетъ ее кто-либо другой.“ Этотъ другой давно былъ на лицо и изыскивалъ всѣ средства чтобы привести распрю къ кровавой развязкѣ.

Изъ корреспонденціи лорда Пальмерстона мы убѣждаемся что лишь только возникло разногласіе между Россіей и Портой, онъ почти одинъ между своими товарищами не переставалъ доказывать что Англія должна принять вызывающій тонъ. „Политика и практика (the policy and practice) Русскаго правительства, говоритъ онъ, всегда состояла въ томъ чтобъ усиливать свои притязанія какъ скоро державы не обнаруживали относительно его достаточно твердости и энергіи, но оно всегда дѣлало уступки когда встрѣчалось съ непоколебимою готовностью къ сопротивленію, выжидая затѣмъ удобной минуты чтобы новымъ скачкомъ приблизиться къ своей жертвѣ.“ Лорду Пальмерстону трудно было бы конечно доказать изъ какихъ именно фактовъ вывелъ онъ подобное заключеніе, но какъ бы то ни было онъ считалъ его несомнѣнною истиной и старался склонить къ своему убѣжденію министерство. Почти ежедневно твердилъ онъ графу Абердину что необходимъ отважный образъ дѣйствій,

что только этимъ средствомъ можно привлечь къ себѣ симпатіи публики. Первый министръ долгое время оставался непреклоннымъ. Популярность не очень обольщала его, какъ видно между прочимъ изъ слѣдующей фразы, которую мы находимъ въ одномъ изъ его писемъ къ Пальмерстону: „Въ дѣлахъ подобнаго рода я боюсь толпы; однажды, когда въ Аѳинскомъ собраніи особенно сильно апплодировали Алкивіаду, онъ спросилъ окружавшихъ его не случилось ли ему сказать какую-нибудь глупость.“ Тѣмъ не менѣе лордъ Пальмерстонъ продолжалъ осаждать его подробными записками или лучше сказать меморандумами, въ которыхъ обвинялъ министерство въ непростительномъ, по его мнѣнію, малодушіи: ему хотѣлось бы чтобы при извѣстіи о вступленіи русскихъ войскъ въ Княжества, соединенныя англійская и французская эскадры были посланы не въ Безикскую гавань, а въ Босфоръ; въ послѣдствіи, когда Порта потребовала отъ насъ очищенія Молдавіи и Валахіи, угрожая въ противномъ случаѣ войной, союзный флотъ западныхъ державъ вступилъ въ Дарданеллы, лордъ Пальмерстонъ считалъ и эту мѣру недостаточною; онъ доказывалъ необходимость отправить его въ Черное Море и заключить въ то же время наступательный и оборонительный трактатъ съ Турціей. „Не забывайте, говоритъ онъ лорду Абердину, что мы поддерживаемъ Порту ради самихъ себя (for our own sake), ради собственныхъ интересовъ“, а интересы эти, по словамъ его, были такъ важны что безсмысленно было останавливаться на полумѣрахъ. Когда, въ концѣ октября 1853 года, зашла рѣчь о возобновленіи конференцій въ Вѣнѣ, онъ съ яростію началъ возставать противъ этихъ примирительныхъ попытокъ. „Золотой и серебряный вѣкъ дипломатической дѣятельности кончился, восклицалъ онъ, теперь наступила пора обратиться къ мѣди и желѣзу. Ни къ чему путному не могутъ привести переговоры; конференціи въ Вѣнѣ значатъ Буоль, а Буоль значитъ Мейендорфъ, а Мейендорфъ значитъ императоръ Николай; Туркамъ все это давно уже извѣстно, извѣстно также и Европѣ.“ На всѣ требованія лорда Пальмерстона первый министръ нерѣдко возражалъ одною и тою же неизмѣнною фразой: „Мой умъ никакъ не можетъ свыкнуться съ мыслію чтобы предлагаемый вами образъ дѣйствій способенъ былъ водворить миръ.“ Въ числѣ другихъ соображеній онъ останавливался между прочимъ и на

томъ что еслибъ Англія и Франція приняли рѣшительно сторону Порты, то это пробудило бы въ Туркахъ фанатизмъ, который прежде всего отозвался бы самыми жестокими послѣдствіями на христіанахъ. „Безсмыслица! возражалъ Пальмерстонъ. Все это басни, изобрѣтенныя въ Петербургѣ. Русскіе могутъ сколько угодно выставлять въ непривлекательномъ свѣтѣ то одушевленіе которое овладѣло мусульманскими подданными султана,—имъ не удастся охладить наши симпатіи къ Турціи...“

Лордъ Абердинъ и нѣкоторые изъ его товарищей, какъ мы замѣтили выше, старались не довести дѣло до катастрофы, и если усилія ихъ остались безуспѣшны, то винить въ этомъ они должны были самихъ себя. Мы не излагаемъ здѣсь событій 1853 и 1854 годовъ. Уже и то что̀ извѣстно о нихъ до сихъ поръ представляетъ несомнѣнныя, неотразимыя доказательства что наше правительство изчерпало всякую мѣру уступчивости съ цѣлью сохранить миръ, совмѣстный съ честью и достоинствомъ Россіи. Несмотря на то, война возгорѣлась между нашимъ отечествомъ и Портой, и съ самаго ея начала лордъ Пальмерстонъ поставилъ себѣ, повидимому, задачей сосредоточить въ своихъ рукахъ главное руководство англійскою политикой. Не было трудно подорвать кредитъ министерства, въ которомъ засѣдалъ онъ: для этого сто́ило только льстить народнымъ страстямъ, поддерживать ихъ возбужденіе, и онъ пользовался безъ малѣйшаго стѣсненія этимъ средствомъ. Онъ сдѣлался идоломъ народныхъ митинговъ; онъ произносилъ на нихъ рѣчи, которыя должны были бы кажется возмутить всякаго въ комъ не замерло чувство приличія; особенный эффектъ произвела рѣчь произнесенная имъ 31 января 1854 года на банкетѣ въ Клубѣ Реформы,—поразительная смѣсь хвастовства и грубыхъ выходокъ. Снискавъ такимъ образомъ популярность, лордъ Пальмерстонъ могъ безъ всякихъ опасеній выйти въ отставку; не болѣе какъ чрезъ десять дней онъ снова и съ торжествомъ занялъ мѣсто въ управленіи. „Всѣ считаютъ меня въ эту минуту l'homme *inevitable*“, говоритъ онъ, употребляя французское выраженіе. Дѣйствительно, въ февралѣ 1855 года графъ Абердинъ вынужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ, и Пальмерстонъ занялъ его мѣсто. Начальныя строки письма, адресованнаго имъ къ брату, показываютъ съ какимъ восторгомъ принялъ онъ это назначеніе:

„....Quod nemo promittere Divum
Anderet volvenda dies en attulit ultro.

„Еслибы мѣсяцъ тому назадъ спросили меня какое изъ всѣхъ событій кажется мнѣ наиболѣе невозможнымъ, то я отвѣчалъ бы: назначеніе меня первымъ министромъ. Абердинъ стоялъ во главѣ управленія. Дарби былъ вождемъ одной сильной партіи, а Джонъ Россель—другой, и, несмотря на все это, въ какіе-нибудь десять дней они были разсѣяны какъ солома вѣтромъ, я же сдѣлался первымъ лордомъ казначейства, и пишу эти строки, сидя въ официальной резиденціи своей въ Downing-Street...“

Остановимъ здѣсь разказъ свой о дѣятельности лорда Пальмерстона во время послѣдней Восточной войны, ибо въ книгѣ г. Ашлея помѣщено очень мало документовъ относящихся къ тому періоду который наступаетъ послѣ назначенія его героя первымъ министромъ. Къ тому же, дѣятельность эта уже достаточно намъ извѣстна; сдѣлавъ все зависѣвшее отъ него чтобы вызвать войну, Пальмерстонъ не менѣе энергически желалъ продлить ее и придать ей широкіе размѣры. Ему хотѣлось извлечь всевозможную пользу изъ тѣхъ благопріятныхъ для Англіи комбинацій, которыя сложились тогда въ западной Европѣ.

Впрочемъ уже сказаннаго нами вполнѣ достаточно чтобъ оцѣнить политику этого государственнаго человѣка, политику своекорыстную, жестокую, которая щеголяла разными заманчивыми принципами только для того чтобы прикрывать ими свой бездушный эгоизмъ. Еслибы по крайней мѣрѣ увѣнчалась она успѣхомъ, но какіе же положительные результаты, даже съ англійской точки зрѣнія, можно поставить ей въ заслугу? „Въ зародышѣ событій, говоритъ о Пальмерстонѣ въ припадкѣ восторга его біографъ лордъ Булверъ, онъ умѣлъ предугадывать ихъ послѣдствія и направлять эти событія къ общей пользѣ.“ Что же предугадалъ и предвидѣлъ онъ? Турцію намѣревался онъ возродить и укрѣпить посредствомъ внутреннихъ „либеральныхъ“ реформъ. Вотъ приговоръ объ этихъ попыткахъ, произнесенный недавно однимъ изъ товарищей его, г. Гладстономъ: „Пришло время и теперь мы знаемъ все, и полныя доказательства въ рукахъ у насъ. Теперь ясно что Турція, утвердившая свое господство на одной силѣ, потеряла эту силу. Сила изчезла и съ нею изчезли доблести свойственныя силѣ; осталась только гордыня да страсти силы, а самой силы нѣтъ.“

Лордъ Пальмерстонъ думалъ ослабить и унизить Россію; дѣйствительность показываетъ удалось ли это ему. Онъ употребилъ всѣ старанія чтобъ устранить исключительное вмѣшательство Россіи въ восточныя дѣла, которое только одно и производило и могло произвести счастливыя перемѣны въ положеніи дѣлъ на Востокѣ, онъ замѣнилъ его коллективною опекой державъ, и результаты предъ нами: взаимное недовѣріе, стремленія направленныя лишь къ тому чтобы парализовать одно другое, а въ концѣ-концовъ полнѣйшее безсиліе, благодаря которому зло разрослось на нашихъ глазахъ до чудовищныхъ размѣровъ. Онъ не задумался потрясти политическую систему въ теченіе почти полувѣка обезпечивавшую миръ и спокойствіе Европы, но имѣлъ ли онъ причины радоваться тѣмъ переворотамъ которые наступили затѣмъ съ поразительною быстротой? Перевороты эти застали Европу въ такой моментъ когда рушилась всякая солидарность между вліятельнѣйшими ея государствами, и причины этого явленія не заключаются ли опять-таки въ политикѣ которую олицетворялъ собою лордъ Пальмерстонъ? Можно было бы еще указать здѣсь на цѣлый рядъ другихъ примѣровъ его проницательности, начиная съ увѣнчавшихся успѣхомъ стараній его разрушить конституціонную монархію во Франціи и кончая увѣренностію которую обнаруживалъ онъ относительно неизбѣжнаго распаденія Соединенныхъ Штатовъ вслѣдствіе междуусобной войны.

Возвращаясь къ Восточному вопросу мы не могли не быть удивлены замѣчаніемъ сдѣланнымъ недавно г. Гладстономъ, что политика, которой слѣдуетъ теперешнее англійское министерство, рѣзко отличается отъ политики лорда Пальмерстона. Напротивъ, это именно та же самая политика, и въ этомъ состоитъ безпощадный приговоръ надъ нею. Ссылка на то что прежніе ревностные сотрудники Пальмерстона—лордъ Стратфордъ Каннингъ, лордъ Джонъ Россель, не говоря уже о самомъ т. Гладстонѣ—высказываютъ воззрѣнія иногда діаметрально-противоположныя воззрѣніямъ лорда Биконсфильда и лорда Дарби, свидѣтельствуетъ лишь о радикальной перемѣнѣ совершившейся въ ихъ образѣ мыслей. Слѣдуетъ пожелать чтобъ эта перемѣна была искренка, чтобы она распространилась на всѣ слои англійскаго общества и ознаменовалась не словами, а практическими результатами.

Р.

ПРИ ДВОРѢ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

„Зимній сезонъ начнется баломъ у кронпринца“... Вѣсть эта быстро разнеслась по всей столицѣ небольшаго королевства и какъ обыкновенно бываетъ при подобныхъ новостяхъ, произвела въ нѣкоторыхъ кругахъ общества суету, волненіе и даже тревогу. Правда, избранные судьбой, знавшіе навѣрное что они будутъ приглашены, приняли это извѣстіе съ относительнымъ спокойствіемъ; но многіе изъ тѣхъ которые были въ правѣ питать надежду что получатъ приглашеніе, и въ то же время могли опасаться что она не осуществится, сильно засуетились. Прибавилось тоже еще довольно большое число столичныхъ жителей и пріѣзжихъ изъ провинціи, никогда еще не бывавшихъ при дворѣ, но по какой-либо причинѣ полагавшихъ что въ этотъ разъ имъ удастся добиться приглашенія.

Оберъ-гофмаршалъ двора, баронъ Розенфельдъ, и штатсъ-дама кронпринцессы Франчески, княгиня Пильхау, были осa-

ждены визитами и записочками. На визитныхъ карточкахъ и между подписями на записочкахъ встрѣчались многія имена и людей „серіозныхъ“, занимавшихъ почетное мѣсто въ общественномъ мнѣніи. Одни старались чтобъ оказать кому-либо дружескую услугу, или чтобъ угодить теткѣ, кузинѣ хорошаго знакомаго и т. п., другіе хлопотали до униженія чтобы получить приглашеніе на балъ для самихъ себя. Заявленія ихъ желаній и правъ разсматривались на конференціяхъ между барономъ Розенфельдомъ и княгиней Пильхау, и въ случаѣ благопріятнаго приговора съ ихъ стороны, представлялись для окончательнаго рѣшенія кронпринцессѣ, которая съ нескрываемою ироническою улыбкой давала свое милостивое согласіе.

Балы и вообще всякія увеселенія во дворцѣ наслѣднаго принца славились особеннымъ оживленіемъ, что̀ приписывалось столько же сердечной привѣтливости кронпринца, сколько рѣдкому умѣнью кронпринцессы устраивать подобныя празднества.

Насталъ назначенный для бала день. Пришелъ наконецъ и вечеръ. Окна дворца кронпринца Карла освѣтились яркими огнями. Дворцовая площадь покрылась экипажами. Балъ начался. Волшебное устройство бальной залы, роскошь и прелесть туалетовъ, любезность кронпринцессы, эффектъ произведенный появленіемъ нѣсколькихъ новыхъ красавицъ, всеобщее оживленіе, превзошли всѣ ожиданія и вынудили даже у графини Лиліенталь, первой штатсъ-дамы королевы, замѣчаніе „что хотя теперь, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ уже не то что̀ было прежде, и все перемѣнилось къ худшему, но что однако этотъ балъ дѣйствительно ничѣмъ почти не уступаетъ балу данному въ этомъ же дворцѣ ровно тридцать пять лѣтъ тому назадъ, по случаю замужества королевы, тогда еще кронпринцессы...“

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Въ одной изъ боковыхъ комнатъ образовалось нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Слышался довольно оживленный разговоръ. На угловомъ диванѣ сидѣла графиня Лаура Геренъ, фрейлина королевы. Она была уже не молода, и врядъ ли когда-либо была красива. На первый взглядъ ея лицо казалось дурнымъ. Но пріятная улыбка и выраженіе глазъ, умное, открытое, вскорѣ изглаживали неблагопріятное впечатлѣніе. Нельзя было сказать

того же о ея обращеніи, отмѣченномъ нѣкоторою сухостью. Только знавшіе ее хорошо понимали что это происходитъ не отъ надменности, а отъ ея сдержанности, особенно относительно людей съ которыми она не была очень близка.

Лейбъ-медикъ Штейнъ, увидѣвъ графиню Геренъ, поспѣшно приблизился къ ней и помѣстился около нея.

— Какъ я радъ что нашелъ васъ здѣсь, графиня, сказалъ онъ. — Пестрота бальной залы утомила меня, я не зналъ куда направить свои шаги. Вѣроятно, какой-нибудь добрый геній, какъ бываетъ въ сказкахъ, указалъ мнѣ путь въ эту сторону...

— Я надѣялась видѣть васъ вчера.

— Не успѣлъ зайти къ вамъ, графиня. У меня накопилось пропасть дѣлъ. Послѣ трехмѣсячнаго отсутствія оно не удивительно; но тѣмъ не менѣе я пенялъ на судьбу: мнѣ такъ хотѣлось повидаться съ вами...

— Да, за это время мы другъ о другѣ знали только изъ офиціальныхъ извѣстій о мѣстопребываніи короля и королевы. Писать письма нѣтъ времени ни вамъ, ни мнѣ. Король, кажется, дѣйствительно очень поправился?

— Болѣе чѣмъ я ожидалъ. Но при его лѣтахъ, при общемъ состояніи всего его организма, а главное, при его образѣ жизни, врядъ ли можно разчитывать чтобъ улучшеніе его здоровья было очень прочнымъ. А здѣсь у васъ, въ столицѣ, ничего новаго?... Послѣ нѣкотораго отсутствія, ожидаешь всегда какихъ-нибудь перемѣнъ...

— Кажется, все по-старому.

— Да?... Чуть замѣтная саркастическая улыбка пробѣжала по лицу Штейна. — Значитъ, продолжалъ онъ (его черты опять приняли свое обычное серіозное, какъ будто ничѣмъ невозмутимое выраженіе),—графиня Лиліенталь все въ такой же ужасъ приходитъ если замѣчаетъ промахъ, противъ законовъ установленныхъ кодексомъ этикета... Княгиня Пильхау все съ тѣмъ же рвеніемъ хлопочетъ о спасеніи душъ другихъ, и все также продолжаетъ скорбѣть о грѣхахъ „ближняго“ болѣе нежели о своихъ собственныхъ... Оберъ-гофмаршалъ Розенфельдъ все съ одинаковымъ мастерствомъ краситъ свои бакенбарды и усы, и его парикъ завитъ все съ тѣмъ же совершенствомъ... Графъ Бергенъ все также могущественъ...

— Чуть ли еще не болѣе прежняго.

— Однако кандидатура барона Вальтера, его опаснѣйшаго врага, прошла. Въ этомъ нельзя не видѣть торжества оппозиціонной партіи.

— Боюсь что результаты этого торжества окажутся незначительными. Направленіе барона Вальтера ясно обозначилось въ принадлежащемъ ему журналѣ. Его принципы, идеи всѣмъ извѣстны изъ его статей. Его ораторскій талантъ также уже знакомъ. Конечно, въ качествѣ депутата онъ вѣроятно будетъ говорить еще смѣлѣе, и его участіе въ Палатѣ не можетъ пройти совершенно безслѣдно... Но повліяетъ ли оно на входящіе въ жизнь законы и разныя измѣненія?... Правая сторона все еще находится въ огромномъ большинствѣ.

— Пока графъ Бергенъ во главѣ министерства, другаго, разумѣется, и ожидать нельзя. Извѣстно съ какимъ замѣчательнымъ искусствомъ онъ умѣетъ дѣйствовать во время выборовъ.

— Вы обратили вниманіе на послѣднія правительственныя распоряженія? спросила графиня Лаура, оживляясь все болѣе и болѣе.—Они отмѣчены крайнимъ клерикализмомъ. Вступленіе на путь реакціи, стремленіе вернуться къ „доброму старому времени“, даже болѣе не скрывается уже. Одного не понимаю: неужели королева и кронпринцъ не въ состояніи хотя отчасти повліять на ходъ дѣлъ? Вѣдь самъ король....

— Мало пользуется своею властью? хотите вы сказать, перебила графиня Геренъ.—Это не совсѣмъ вѣрно. По крайней мѣрѣ онъ этого не думаетъ, даже относительно графа Бергена. Графъ Бергенъ въ совершенствѣ изучилъ характеръ и всѣ слабости короля. Онъ прилагаетъ всѣ старанія чтобъ избавить его величество отъ нѣкоторыхъ черезчуръ утомительныхъ занятій, но онъ ничего не предпринимаетъ, тѣмъ менѣе рѣшаетъ, не подчиняясь идеямъ, предположеніямъ его величества.... Уловка далеко не новая, часто употреблявшаяся многими женами и многими временщиками, и думаю почти всегда не безъ успѣха? Король убѣжденъ что графъ Бергенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ строго руководствуется его волею. Убѣжденіе это еще болѣе подкрѣпляется тѣмъ что нѣкоторые вопросы „не требующіе большихъ занятій“ и не имѣющіе собственно большой важности, дѣйствительно оставляются графомъ Бергеномъ „совершенно на разрѣшеніе его величества“...

— Нельзя однако отрицать, замѣтилъ Штейнъ,—что король иногда сознательно не пользуется предоставленною ему властью....

— Да, пожалуй, но онъ и сознательно не допуститъ чтобы завладѣлъ этимъ правомъ кто-либо другой, а менѣе всего королева. Неужели вы до сихъ поръ еще не замѣтили какъ онъ боится чтобы не подумали что она „управляетъ“ имъ?... Этотъ страхъ давно сумѣли вселить ему, и стараются поддерживать люди, въ интересахъ которыхъ по возможности парализовать вліяніе королевы.

— А Кронпринцъ?.... Въ это лѣто, когда онъ навѣщалъ короля, я имѣлъ случай ближе узнать его. Идеально-благородная натура!... Онъ долженъ глубоко страдать въ виду многаго что здѣсь происходитъ...

— Къ сожалѣнію онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ придерживаться правила ни во что не вмѣшиваться... Можетъ-быть потому что при существующемъ антагонизмѣ между нимъ и графомъ Бергеномъ онъ считаетъ соглашеніе съ нимъ немыслимымъ, а при всемогуществѣ графа, стараніе придать положенію дѣлъ другое направленіе напраснымъ. Кронпринцъ теперь только и живетъ что для своей семьи.

— Кажется онъ и по сю пору еще влюбленъ въ свою жену, послѣ четырехлѣтняго супружества!... И будь еще онъ обыкновеннымъ смертнымъ, но королевское высочество!... Это еще замѣчательнѣе....

— Не правда ли лѣтнее пребываніе въ К.... принесло кронпринцессѣ явную пользу? замѣтила графиня Лаура.

— Да, она еще похорошѣла. Каждое многочисленное собраніе, гдѣ можно насчитать много красавицъ, всегда новое торжество для нея. Каждый разъ на ареопагѣ общественнаго мнѣнія рѣшается что „красивѣе всѣхъ была все-таки кронпринцесса“.... Дѣйствительно, ея необыкновенная красота требуетъ этой дани справедливости... Но на меня красота эта производитъ странное впечатлѣніе, она вмѣстѣ и притягиваетъ и отталкиваетъ меня... Эти „удивительные“ глаза смотрятъ чѣмъ-то зловѣщимъ... Ее часто сравниваютъ съ разными богинями Олимпа. Мнѣ не разъ ужъ приходило на мысль что будь я скульпторомъ или живописцемъ, я выбралъ бы лицо кронпринцессы Франчески моделью для изображенія головы Медузы...

Звуки оркестра проиграли послѣдніе аккорды контрданса.

Мимо Штейна и Лауры Геренъ прошло нѣсколько танцовавшихъ паръ. Между ними была и кронпринцесса. Она оживленно разговаривала съ своимъ кавалеромъ.

— Съ кѣмъ это говоритъ кронпринцесса? спросилъ Штейнъ.

— Вы его еще не знаете? сказала графиня Геренъ.—Это графъ Хоцинскій.

— А!... Я ужъ слышалъ о немъ. Штейнъ прищурился и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ не сводилъ глазъ съ Хоцинскаго и кронпринцессы. На его тонкихъ губахъ опять мелькнула быстрая улыбка.—Онъ очень красивъ... проговорилъ Штейнъ.—Это кажется новая звѣзда при дворѣ?

— Новая?... переспросила графиня Геренъ.—Не совсѣмъ. Онъ почти все лѣто провелъ въ К.... и очень часто бывалъ во дворцѣ, особенно когда кронпринцесса затѣяла спектакль. У него замѣчательный сценическій талантъ. Жаль что такое дарованіе выпало на долю аристократа и богача. Графъ Хоцинскій, говорятъ, располагаетъ очень большимъ состояніемъ. Онъ врядъ ли,—прибавила графиня съ улыбкой,—прельстится перспективой сдѣлаться знаменитымъ актеромъ....

Кронпринцесса остановилась на нѣсколько мгновеній вмѣстѣ съ своимъ кавалеромъ, указывая ему на двѣ картины, изображающія виды Неаполя. Она была поразительно хороша. Глядя на нее, надобно было согласиться, что природѣ захотѣлось и удалось создать красавицу. Высокій ростъ, совершенство формъ; классически правильныя черты лица, точно освѣщенныя огненнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ. Роскошные черные волосы, съ нѣсколько синеватымъ оттѣнкомъ, были придержаны брилліантовою діадемой, и длинными, безчисленными локонами падали на великолѣпныя плечи. По матовому, немного смуглому цвѣту лица, по выраженію глазъ, легко было угадать въ ней уроженку Юга.

— Ахъ да! проговорилъ докторъ Штейнъ,—надѣюсь, графиня, что вы приняли подъ ваше покровительство Эльму Лаутенъ?

— Къ сожалѣнію мы видимся только при извѣстныхъ случаяхъ. Вѣдь она состоитъ фрейлиной при кронпринцессѣ. Между нашимъ дворцомъ и дворцомъ кронпринца Карла не только находится нѣсколько улицъ и площадей,—они составляютъ два совершенно различные, отдѣльные міра.... Къ тому же, вы знаете какъ я мало бываю свободна. Кромѣ

серіозныхъ занятій, множество разныхъ обязанностей ничтожныхъ, пустыхъ, и поглощающихъ столько времени!... Эльма Лаутенъ прелестное существо. Настоящее дитя еще.... Признаться, трудно объяснить, зная старую баронессу Лаутенъ и припоминая весь ея образъ мыслей, какъ это она рѣшилась....

— Договаривайте: пустить свою внучку ко двору?... Мнѣ кажется что старая баронесса Лаутенъ судитъ въ этомъ отношеніи такъ же какъ и я. Есть два рода личностей которыя не могутъ быть испорчены придворною атмосферой: личности стоящія на нравственной почвѣ такъ крѣпко, съ такимъ полнѣйшимъ сознаніемъ добра и зла, какъ вы, графиня, и личности какъ Эльма Лаутенъ, охраняемыя своимъ дѣтски-чистымъ невѣдѣніемъ. Я въ это лѣто нѣсколько разъ видѣлъ баронессу Лаутенъ. Изъ Т.... въ ея имѣніе всего часа два ѣзды. Она такъ бодра и съ такою удивительною покорностью судьбѣ переноситъ свое несчастье, что право не знаешь слѣдуетъ ли ее жалѣть.

— Она уже совершенно ослѣпла?

— Да. Но ея жизнь не измѣнилась. Также дѣятельна какъ и прежде. Баронесса слѣдитъ за всѣмъ что появляется интереснаго въ литературѣ, какъ и за всѣмъ что происходитъ въ политическомъ мірѣ. Управляетъ своимъ имѣніемъ, навѣщаетъ и лѣчитъ больныхъ, учитъ въ учрежденной ею воскресной школѣ; ея дочь Софи ей помощница во всемъ. Замѣчательныя женщины обѣ, каждая въ своемъ родѣ; и обѣ, каждая по своему, любятъ Эльму больше всего на свѣтѣ. Для нихъ, конечно, была большая жертва разстаться съ нею.... „Эльмѣ недавно минуло семнадцать лѣтъ...“ сказала мнѣ баронесса Лаутенъ. „Въ эти годы рано ей жить въ этомъ уединенномъ, маленькомъ имѣніи, цѣлый день ухаживать за слѣпою старухой, да сводить и переписывать счеты по хозяйству.... (баронесса Софи желала чтобы племянница начала „пріучать себя къ полезнымъ занятіямъ.“) Молодость не приходитъ два раза въ жизни—пускай Эльма хоть нѣкоторое время разсѣется, повеселится. У ней большія музыкальныя способности, пускай поучится еще, да послушаетъ хорошую музыку. А бояться за нее нечего. Эльма и при дворѣ не испортится....“ Мнѣ кажется что это совершенно вѣрно. Иногда слишкомъ ужь возстаютъ противъ „придворной атмосферы“. Если она часто измѣняетъ людей и придаетъ

извѣстную особенность нѣкоторымъ характерамъ и типамъ, то съ другой стороны, эта „придворная атмосфера“ вѣдь создается людьми же. Многіе, попадающіе ко двору, по своей натурѣ и наклонностямъ такъ превосходно подготовлены къ воспріятію всѣхъ міазмовъ придворной жизни, что весьма несправедливо приписывать исключительно ея вліянію ихъ испорченность и пустоту. Вотъ кстати и живой примѣръ въ подтвержденіе моихъ словъ... прибавилъ Штейнъ улыбнувшись.—Клара Бергъ!...

— Вы и не замѣтили что она сидитъ противъ насъ? Она бы вамъ этого не простила, сказала графиня Лаура.

— Какъ она мало мѣняется! Все еще хороша. Ея красота, это какая-то непремѣнная принадлежность нашего двора... И баронъ Берлау около нея... Что, запасъ его шуточекъ и остротъ еще не истощился?

— Бѣдный... проговорила графиня Лаура.—Его участь не менѣе достойна сожалѣнія чѣмъ судьба главныхъ сотрудниковъ какого-нибудь юмористическаго журнала.

— Съ той развѣ разницей, перебилъ Штейнъ,—что исполняя свою обязанность забавлять и вызывать смѣхъ, онъ кромѣ средствъ къ существованію, добылъ еще камергерскій мундиръ... Да! я заговорилъ о Кларѣ Бергъ. Вы помните ее въ началѣ ея поприща? Когда она поступила во фрейлины къ королевѣ, если не ошибаюсь, лѣтъ пятнадцать или шестнадцать тому назадъ; согласитесь что за всѣ эти годы она немногому новому научилась, и что тогда уже, подобно первому появленію на свѣтъ Минервы, она появилась при дворѣ въ полномъ вооруженіи.

Взглянувъ на барона Берлау и Клару фонъ-Бергъ, можно было подумать что они очень заинтересованы своимъ разговоромъ, и что имъ очень весело. Они, оживленно улыбаясь, смѣясь, перебрасывались разными фразами, вопросами, новостями. Но въ сущности имъ было очень скучно. Они оба были утомлены и баломъ, и своею болтовней, и оба вполнѣ сознавали что имъ собственно другъ до друга никакого дѣла нѣтъ. Баронъ Берлау отыскивалъ одно важное лицо, съ которымъ ему непремѣнно хотѣлось переговорить, но увидалъ это важное лицо за карточнымъ столомъ. Клара оставила бальную залу въ надеждѣ увидѣть одного изъ своихъ не танцующихъ обожателей, но не нашла его. Они встрѣтились, не подозрѣвая что внутренно сошлись на одномъ и томъ же чув-

ствѣ досады въ неудачѣ, и разговорились, потому что ни онъ, ни она не нашли никого другаго подъ рукой. Напускное оживленіе ихъ разговора происходило столько же отъ привычки такъ разговаривать, часто свойственной людямъ бывающимъ много въ свѣтѣ, сколько изъ боязни чтобы кто-нибудь, глядя на нихъ, не подумалъ что они скучали на балѣ у кронпринца...

— Вы не танцуете болѣе? спросила Клара.

— Я отдыхаю послѣ великаго подвига, отвѣчалъ баронъ Берлау.—Протанцовалъ три кадрили съ тремя баронессами Розенфельдъ. Супруга оберъ-гофмаршала наградила меня любезнѣйшимъ взглядомъ, исполненнымъ материнскаго чувства, а я воздалъ благодареніе Провидѣнію за то что оно не надѣлило ее еще четвертою дочерью... Итакъ, вы довольны вашимъ лѣтомъ? проговорилъ Берлау съ выраженіемъ участія и точно слѣша перемѣнить разговоръ, чтобы скорѣе рѣшить этотъ какъ будто дѣйствительно интересующій его вопросъ.—Говорятъ что графъ Хоцинскій много содѣйствовалъ оживленію пребыванія двора въ К., прибавилъ Берлау, вставляя съ пренекрасивою гримасой стеклушко въ глазъ.

— Графъ Хоцинскій сумѣлъ всякому чѣмъ-нибудь угодить, сказала Клара.—Онъ превосходный шахматный игрокъ. Кронпринцъ любитъ иногда сыграть съ нимъ партію. Королева съ удовольствіемъ слушаетъ его пѣніе: у него пріятный теноръ. Кронпринцессѣ онъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ помогалъ устраивать спектакли, живыя картины, шарады... Для княгини Пильхау онъ сочинилъ и самъ переписалъ очень красивымъ почеркомъ длиннѣйшій статутъ учреждаемаго ею новаго благотворительнаго общества. Княгиня нашла что этотъ статутъ „съ начала до конца составленъ въ истинно христіанскомъ духѣ, и что графъ Хоцинскій понялъ и оцѣнилъ, какъ весьма немногіе, особенно изъ числа свѣтскихъ людей, всѣ ея намѣренія и стремленія...“

Берлау начиналъ въ самомъ дѣлѣ интересоваться тѣмъ что говорила Клара. Такое событіе, какъ появленіе и успѣхъ новаго лица при дворѣ, должно было естественнымъ образомъ его нѣсколько встревожить. Но изъ словъ Клары онъ могъ вывести успокоительное убѣжденіе что графъ Хоцинскій былъ въ совершенно другомъ жанрѣ нежели онъ, и что слѣдовательно они другъ другу мѣшать не будутъ.

— Однимъ словомъ, проговорилъ Берлау съ новою гримасой,—графъ Хоцинскій всѣхъ успѣлъ очаровать...

— Почти всѣхъ... перебила Клара, засмѣявшись.—Прошу не оставить безъ вниманія что я употребила словечко „почти“. Но кажется болѣе всѣхъ маленькую Эльму Лаутенъ, что̀ она, въ своей „прелестной наивности“,—вы знаете принято восхищаться ея наивностью,—даже и не слишкомъ старается скрыть...

Можно было бы замѣтить Кларѣ фонъ-Бергъ: „какъ и вы (хотя васъ никакъ нельзя упрекнуть въ чрезмѣрной наивности) не слишкомъ стараетесь скрыть ваше враждебное чувство къ Эльмѣ Лаутенъ...“ Но Берлау еле разслышалъ ея послѣднія слова. Бросивъ взглядъ въ сосѣднюю комнату, онъ увидѣлъ что преслѣдуемое имъ въ этотъ вечеръ важное лицо встало изъ-за карточнаго стола. Онъ поспѣшилъ возможно приличнѣйшимъ образомъ прекратить разговоръ съ Кларой и приблизился къ нему.

Балъ клонился къ концу и становился еще оживленнѣе. Безчисленныя пары кружатся, исчезаютъ, опять появляются. Чудные наряды, разноцвѣтные атласы, газы, кружева, драгоцѣнные каменья, роскошныя плечи и руки, молодыя лица, оживленныя движеніемъ, музыкой, желаніемъ нравиться, прелестныя улыбки—все это быстро мелькаетъ предъ взглядомъ, безпрестанно составляя новыя красивыя группы, точно въ гигантскомъ, фантастическомъ калейдескопѣ, и соединяясь въ одно гармоническое цѣлое блеска, роскоши и красоты.

Король стоялъ у одной изъ колоннъ бальной залы. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ глядѣлъ на танцующихъ, разговаривая въ то же время со стоявшими около него оберъ-гофмаршаломъ Розенфельдомъ и двумя-тремя представителями иностранныхъ державъ. Онъ былъ въ духѣ и дѣлалъ разныя шутливыя замѣчанія, не лишенныя остроумія и вызывавшія тихій, но „неудержимый“ смѣхъ, какъ барона Розенфельда, такъ и трехъ посланниковъ, хотя одинъ изъ нихъ, стоя нѣсколько подальше и, кромѣ того, страдая немного глухотой, ничего не могъ разслышать изъ словъ его величества. Но, видя что товарищи смѣются, смѣялся, разумѣется, подобно имъ.

Всѣ находили что король послѣ своего лѣтняго лѣченія смотритъ гораздо веселѣе и бодрѣе.

Королева напротивъ имѣла въ этотъ вечеръ очень утом-

ленный видъ. Послѣ представленія ей нѣсколькихъ новыхъ дамъ, исполнивъ обязанность сказать каждой изъ нихъ какую-нибудь любезную фразу, она довольно скоро удалилась въ маленькій салонъ, извѣстный во дворцѣ подъ названіемъ „комнаты Рафаеля“. Названіе данное по Мадоннѣ Рафаеля замѣчательной красоты находившейся въ этой комнатѣ. Другихъ картинъ тамъ не было. Нѣсколько разнородныхъ диванчиковъ, мозаичные столики, фарфоровыя вазы, много растеній и цвѣтовъ, очень удачно сгруппированныхъ. Стѣны и мебель покрыты свѣтло-синимъ дама. Освѣщеніе не яркое. Всего нѣсколько лампъ матово-бѣлаго цвѣта. Когда королева была еще кронпринцессой и жила въ этомъ дворцѣ, она предпочитала эту комнату всѣмъ другимъ. По случаю женитьбы кронпринца Карла, все внутреннее устройство дворца было измѣнено, за исключеніемъ только „комнаты Рафаеля“. Наслѣдный принцъ пожелалъ чтобъ она была оставлена совершенно въ своемъ прежнемъ видѣ.

По Готскому календарю королевѣ значилось пятьдесятъ три года. На видъ она казалась гораздо моложе. Черты лица сохранили тонкость и нѣжность линій. Стройный станъ, грація движеній. Прелестная и совсѣмъ еще молодая рука. Только волосы какъ-то поспѣшили измѣниться, и уже не бѣлокурыми, а серебристыми локонами окаймляли ея лицо.

Королева сидѣла откинувъ голову на спинку дивана и разговаривала съ барономъ Вальтеромъ. Онъ замѣтилъ что она не слушаетъ его съ обычнымъ вниманіемъ, хотя имъ были затронуты вопросы обыкновенно очень интересующіе ее. И дѣйствительно, сдѣлавъ довольно разсѣянно нѣсколько замѣчаній, и не окончивъ даже разговора, королева встала со словами что чувствуетъ большую усталость и что должна оставить балъ раньше нежели предполагала.

Въ сосѣднихъ комнатахъ сдѣлалось нѣкоторое волненіе. Камергеръ фонъ-Гартунгъ схватилъ sortie de balé ея величества и кинулся въ „комнату Рафаеля“.

— Королева уѣзжаетъ... сказалъ онъ скороговоркой Лаурѣ Геренъ, проходя мимо нея. Графиня Лаура послѣдовала за нимъ. Ея взглядъ съ безпокойствомъ остановился на королевѣ. Лаура Геренъ глубоко была привязана къ королевѣ и хорошо знала ее. Взглянувъ на нее, она тотчасъ угадала что ея „утомленіе“ происходитъ не отъ физической усталости, а отъ душевной, съ трудомъ скрываемой, тревоги.

Проводивъ королеву, кронпринцесса вернулась въ бальную залу. Она казалась блѣднѣе обыкновеннаго. Но впрочемъ, когда она много танцовала, она всегда дѣлалась очень блѣдна.

Приготовлялись къ котильйону. Кронпринцесса поговорила съ нѣкоторыми лицами самымъ обязательнымъ образомъ. Потомъ, сопровождаемая камергеромъ фонъ-Гартунгомъ, направилась въ сосѣднюю комнату. Ея взглядъ искалъ кого-то. Графъ Хоцинскій приблизился къ ней.

— Здѣсь душно... сказала кронпринцесса Гартунгу.—Потрудитесь распорядиться чтобы предъ котильйономъ открыли окна. Вы замѣтили,—обратилась она къ графу Хоцинскому, входя вмѣстѣ съ нимъ въ другую комнату,—какъ дворцовая площадь красива при лунномъ освѣщеніи? Они оба подошли къ балконной двери. Кронпринцесса оглянулась—никого близко нихъ не было.—Королева при прощаньи сказала мнѣ нѣсколько словъ, проговорила она, понижая голосъ—которыя показались мнѣ странными... Собственно не по ихъ содержанію, но въ ея тонѣ, въ ея взглядѣ было что-то новое для меня... Я сама еще не могу себѣ отдать отчета почему, но я встревожена.. Начинаю бояться что она....

— Начинаетъ подозрѣвать истину? дополнилъ Хоцинскій недокончennую фразу кронпринцессы. Они нѣсколько секундъ помолчали. Кронпринцесса была видимо взволнована.—Вы читали конечно комедіи Альфреда де Мюссе?—спросилъ вдругъ Хоцинскій. Кронпринцесса взглянула на него съ удивленіемъ, почти съ упрекомъ.—Вы помните,—продолжалъ онъ,—одну довольно миленькую комедію *Un chandelier?*

— *Un chandelier?* переспросила кронпринцесса, все еще не объясняя себѣ оригинальной выходки графа.

— Да. Или все равно ее также можно было бы назвать: *Un paravent.* При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, при извѣстной обстановкѣ, нѣтъ лучшаго и болѣе вѣрнаго средства чтобы совершенно разбить даже сильнѣйшія подозрѣнія, не только чуть-чуть возникавшія, и отвести глаза наиболѣе проницательнымъ людямъ. Надобно только сдѣлать удачный выборъ. Если необходимо скрывать правду, слѣдуетъ искать правдоподобности. Клара Бергъ, думаю, не годится,—сказалъ онъ немного помолчавъ, и съ явною рѣшимостью продолжая далѣе развивать свой планъ, точно не допуская и возможности что онъ можетъ быть опровергнутъ.—При-

выкли, правда, ее видѣть окруженною поклонниками, но она слишкомъ опытна, хитра, крайне самолюбива. Можетъ догадаться. Избави Богъ нажить въ ней непріятельницу. Къ тому же она фрейлина королевы, и въ этомъ дворцѣ даже рѣдко бываетъ... Развѣ Эльма Лаутенъ?... проговорилъ графъ, опять помолчавъ, и какъ бы предоставляя на обсужденіе кронпринцессы явившуюся ему въ это мгновенье счастливую мысль.—Кстати, я ее пригласилъ на котильйонъ... прибавилъ онъ, слегка улыбнувшись.—Пожалуй придется остановиться на этомъ выборѣ... Ухаживанье за ней не будетъ конечно черезчуръ занимательнымъ... (графъ снова улыбнулся).—Но за то облегчитъ многія затрудненія. Эльму Лаутенъ не трудно увѣрить во всемъ что̀ понадобится, что̀ вздумается. Но она, сама ничего не подозрѣвая, не угадывая, можетъ сдѣлаться превосходнѣйшею союзницей.

— Будьте осторожны! проговорила кронпринцесса. „Странно!... подумала она, я все вижу этотъ испытующій, строгій взглядъ королевы... И вмѣсто ея обычной ласки, эти холодныя, сухія слова!... Въ нихъ звучало что-то рѣзкое, почти враждебное... Или это мнѣ только показалось?...“

— Мой страхъ за ваше спокойствіе долженъ служить вамъ достаточною порукой во всемъ! сказалъ съ жаромъ Хоцинскій.—Неужели вы думаете что мнѣ легко видѣть выраженіе тревоги на вашемъ лицѣ... думать что вамъ могутъ готовиться страданія!... Неужели вы не знаете что вы мнѣ дороги какъ моя родина... какъ моя честь!...

Оркестръ заигралъ интродукцію къ котильйону. Кавалеръ приглашенный танцовать съ кронпринцессой приблизился къ ней съ почтительнымъ поклономъ. Кронпринцесса, привѣтливо улыбнувшись, подала ему руку, и любезно съ нимъ разговаривая, медленно, точно чтобы дать всѣмъ мимо кого она проходила время любоваться ея красотой, прошла въ бальную залу.

— Какъ кронпринцесса сегодня хороша! послышалось нѣсколько голосовъ ей вслѣдъ... Она прошла также мимо кронпринца, разговаривавшаго съ какимъ-то недавно прибывшимъ иностраннымъ сановникомъ и съ барономъ Берлау, которому какъ-то удалось вмѣшаться въ разговоръ, и улыбнулась мужу.

„Какъ Франческа сегодня хороша...“ подумалъ и кронпринцъ, провожая нѣжнымъ, долгимъ взглядомъ свою жену.

II.

— Да, я давно замѣчаю что и королева и кронпринцесса стали холоднѣе въ своемъ обращеніи со мной. Сегодня онѣ обѣ только поклонились мнѣ и ни слова не сказали. И эта старая змѣя, княгиня Пильхау, вѣроятно это подмѣтила, потому что обошлась со мною сегодня еще надменнѣе обыкновеннаго. Да впрочемъ всѣ эти оскорбленія ничуть меня не удивляютъ. И быть иначе не можетъ, если мужъ не умѣетъ поставить жены въ свѣтѣ и только и занятъ что своею персоной и своими сердечными дѣлами....

Слова эти, произнесенныя на самомъ высокомъ діапазонѣ голоса и озлобленія, не производили никакого видимаго впечатлѣнія на барона Розенфельда. Онъ сидѣлъ около своей супруги молча и неподвижно, уткнувшись головой въ уголъ двухмѣстной кареты. За ними въ четырехмѣстной каретѣ ѣхали ихъ три дочери. Баронъ было надѣялся что жена сядетъ съ ними, и онъ останется одинъ и ему возможно будетъ заѣхать на полчасика къ его обворожительной Доротеѣ (красавицѣ въ настоящее время властвовавшей надъ его сердцемъ и карманомъ). Онъ и обѣщалъ ей непремѣнно заѣхать съ бала. Кстати у нея сегодня былъ маленькій вечеръ. Она, пожалуй, разсердится что не сдержалъ слова, увидитъ въ этомъ недостатокъ вниманія, любви.... Да еще вздумаетъ „наказать“, какъ это иногда дѣлаетъ, и запретитъ пріѣзжать въ продолженіи нѣсколькихъ дней.... Но что было дѣлать?! Когда подали четырехмѣстную карету, жена вдругъ говоритъ: „Пускай онѣ ѣдутъ однѣ—я поѣду съ тобою“....

Сказать правду, баронъ Розенфельдъ боялся „обворожительной Доротеи“ (по фамиліи Вейсъ) еще гораздо болѣе жены своей, даже болѣе графа Бергена. Но тутъ при всѣхъ, и какъ нарочно еще при выходѣ около нихъ стоялъ и Берлау. Онъ готовъ каждое слово на смѣхъ поднять—подумалъ оберъ-гофмаршалъ. Не могъ же я отвѣтить женѣ: „нѣтъ, я хочу ѣхать одинъ“.

Такой энергическій протестъ впрочемъ и не многимъ бы помогъ бѣдному Розенфельду. Его супруга твердо рѣшилась во что бы то ни стало имѣть tête à tête съ нимъ, и нашла поѣздку въ каретѣ при возвращеніи съ бала самымъ удоб-

нымъ временемъ для этого. Она была совершенно права. Баронъ очень рѣдко выѣзжалъ съ своею семьей. Дома не бывалъ почти никогда, а если и заѣзжалъ домой, то для того только чтобы поспать и собраться съ новыми силами предъ вновь предстоящимъ выѣздомъ, да чтобы заняться своимъ туалетомъ, что̀ совершалось всегда въ присутствіи только его камердинера и не иначе какъ при запертыхъ на ключъ дверяхъ. Объясненіе же съ мужемъ баронессѣ давно уже хотѣлось имѣть, а особенно послѣ этого бала, гдѣ она перенесла столько страданій: изъ числа величествъ и высочествъ ей почти никто и слова не сказалъ. Прочіе, приближенные къ нимъ, также совсѣмъ ее игнорировали. Дочери мало танцовали...

— Я многое переношу, продолжала баронесса,—переношу съ кротостью (при этомъ словѣ баронъ сдѣлалъ невольное движеніе и съ удивленіемъ взглянулъ на жену); я жертвую собою!... А вы!... Еслибы вы хоть позаботились о томъ чтобы вашей женѣ всегда было оказываемо должное почтеніе!... Пора бы вамъ наконецъ понять, что для того вѣдь я и вышла за васъ замужъ. Я хоть и мѣщанскаго происхожденія, но съ милліономъ приданаго у меня за женихомъ дѣло не стало бы... не только съ баронскимъ, но пожалуй и съ графскимъ титуломъ! И получше вашего, вѣдь у васъ и тогда уже не было гроша за душой... Нищій, только въ адъютантскомъ мундирѣ... Меня прельстило что вы такъ близки были съ королемъ. Я думала что вы и меня сумѣете приблизить ко двору, ввести меня въ интимный кругъ королевской фамиліи, но вмѣсто того...

— Моя милая... перебилъ наконецъ супругу баронъ,—еслибы не мои личныя отношенія къ королю, тебя никогда не приглашали бы ко двору. Ты знаешь какъ графиня Лиліенталь строго смотритъ на эти вопросы. Мало ли здѣсь дамъ которыя употребляютъ всевозможныя старанія чтобы попасть хоть на одинъ придворный балъ, и все напрасно, несмотря на то что по положенію мужа онѣ бы имѣли полное право бывать при дворѣ. Мужей приглашаютъ, а ихъ нѣтъ, потому что нельзя, потому что онѣ не изъ дворянъ.

— А! Вы хотите упрекнуть меня моимъ происхожденіемъ...

— Да нѣтъ, я только....

— Прекрасно!... Кажется я довольно дорого заплатила за ваше баронство. Честь быть женой оберъ-гофмаршала, и

быть изрѣдка приглашаемой ко двору стóитъ мнѣ не мало! Изъ моего огромнаго состоянія не осталось уже почти ничего.... (на это замѣчаніе баронъ нашелъ лучшимъ ничего не отвѣчать). Но я и это переношу съ рѣдкимъ *классицизмомъ*....

— Ты вѣрно хочешь сказать стоицизмомъ, невольно вырвалось у барона.

— Вамъ не трудно догадаться что̀ я хочу сказать! Вы лучше всѣхъ знаете куда ушло мое состояніе!

Баронъ опять смолчалъ. Но несмотря на зимнюю пору, ему начинало дѣлаться жарко. Онъ вынулъ платокъ и вытеръ себѣ лобъ. Баронесса дѣйствительно очень удачно выбрала время для объясненія съ мужемъ. Уйти ему теперь было некуда. Развѣ только выскочить изъ кареты.... Не выскочить ли въ самомъ дѣлѣ?.... мелькнуло въ мысляхъ бѣднаго барона. Да, нѣтъ, опасно. Холодно, снѣгъ идетъ. Ревматизмъ въ ногахъ можетъ усилиться. Извощика въ такую позднюю пору не найти....

— Да я бы вамъ все простила, все, все, все!... продолжала между тѣмъ баронесса, пользуясь своимъ благопріятнымъ положеніемъ,—еслибъ вы хотя немного подумали о дочеряхъ вашихъ, о ихъ судьбѣ.... Ни одна изъ нихъ не выйдетъ замужъ! А вѣдь меньшой-то нашей, Бетти, пошелъ уже двадцать девятый годъ.... прибавила баронесса, понижая голосъ, какъ бы боясь что скажи она это громче, кто-либо какимъ-нибудь чудомъ услышитъ ея слова. — А Розѣ минуло тридцать шесть.... Я хоть и говорю всѣмъ что ей всего двадцать четыре, и что Бетти настоящее дитя еще, но вѣдь скоро и вѣрить перестанутъ.... А вамъ и горя нѣтъ....

— Не могу же я насильно заставить кого-нибудь жениться на моей дочери!... значитъ не умѣютъ серіозно понравиться...

— Что̀?! Не умѣютъ понравиться? Мои дочери?! У васъ хватаетъ наглости утверждать это? Настолько варварства чтобы сказать это матери?! Вонзить въ ея сердце ножъ!.. Мои дочери!... Да вся столица давно уже ихъ прозвала „тремя *музами*“....

— Граціями.... проговорилъ баронъ.

— Вся столица признала что у моей Розы чисто древнегреческій *романтическій* типъ ...

— То-есть классическій, опять перебилъ баронъ.

— Что она смотритъ настоящею *Гекубой* и *Гетерой*....

— Можетъ-быть Гебой....

— Нѣтъ, нѣтъ Гетерой, закричала баронесса.—Вы всегда готовы мнѣ противорѣчить! Первое названіе я пожалуй забыла, но про Гетеру я слышала еще сегодня, собственными ушами....

— Тѣмъ хуже.

— Тѣмъ хуже?! Тѣмъ хуже что умѣютъ цѣнить ея необыкновенную красоту! Вы не отецъ, вы извергъ бездушный! собственныхъ дѣтей порочитъ: не умѣютъ нравиться!... А что говорятъ про Фанни? Развѣ не преклоняются всѣ предъ ея умомъ? Что слово, то хоть въ книгу! А про Бетти?... Третьяго дня еще, на вечерѣ у княгини Гохвартъ, баронъ Берлау сказалъ мнѣ: „Ваша Бетти походитъ иногда на бебе, а иногда на Гетевскую Офелію“....

— Шекспировскую.... опять не выдержалъ и замѣтилъ Розенфельдъ.

— Вы укажите лучше на настоящую причину.... скажите что мы почти совсѣмъ разорены, что всѣ боятся что наши дочери ничего не получатъ! Вы всему причиной... Я увѣрена, и король наконецъ устанетъ платить ваши долги. Тогда что дѣлать? Хоть по-міру идти, милостыню просить... какъ несчастный Велисарій, съ своею дочерью Антигоной....

Бѣдный Розенфельдъ ничего уже не возразилъ противъ указанія на этотъ историческій примѣръ. Онъ мысленно предложилъ себѣ еще разъ вопросъ: не выскочить ли?... Къ счастью карета наконецъ остановилась у подъѣзда ихъ дома. Съ помощію лакея, баронъ взобрался на лѣстницу и отправился въ свою спальню. Крехтя и потирая колѣно, онъ медленно опустился на кресла, и съ видомъ совершеннѣйшаго изнеможенія, откинулъ голову назадъ.... Возвращаясь домой каждый день только къ ночи оберъ-гофмаршалъ всегда испытывалъ большое утомленіе. И не мудрено! Въ продолженіе стольких часовъ неимовѣрныя старанія чтобы смотрѣть молодцомъ, чтобы держаться прямо, чтобы другіе не замѣтили мучительной боли въ ногахъ.... Но въ этотъ разъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго tête à tête съ женою, онъ чувствовалъ себя особенно не хорошо. Свѣжій румянецъ на щекахъ, черный завитой парикъ, черные какъ смоль усы, бакенбарды и брови казались точно злобною насмѣшкой, при этомъ потухшемъ взглядѣ, при этомъ старческомъ утомленіи. Камердинеръ заперъ дверь на ключъ и принялся за ночной туалетъ своего господина. Онъ полотенцемъ

стеръ румяны со щекъ, а другимъ фабру съ усовъ и бровей. Снялъ парикъ и мокрою губкой сталъ отклеивать часть бакенбардъ. На желтомъ морщинистомъ лицѣ, какъ-то странно удлиненномъ лысиной, осталось по обѣимъ сторонамъ щекъ нѣсколько клочьевъ сѣдыхъ волосъ.

Оберъ-гофмаршалъ уже начиналъ дремать. Глаза закрывались, голова покачивалась. Но камердинеръ все еще не выпускалъ изъ рукъ злосчастнаго барона. Окончилась только еще первая половина ночнаго туалета. Начиналась при помощи разныхъ косметическихъ средствъ вторая.

Городъ сталъ затихать. Замолкъ послѣдній стукъ экипажей. Только зимняя вьюга еще разгуливала по улицамъ, шумя, бѣснуясь, стуча въ окна домовъ, какъ бы завидуя сну и покою спящихъ людей. И во дворцѣ кронпринца Карла все уже, казалось, было погружено въ сонъ. Въ одномъ только окнѣ нижняго этажа, со стороны сада, виднѣлся свѣтъ. Это была спальня Эльмы. Вернувшись съ бала, Эльма поспѣшно раздѣлась и отослала свою горничную. Она усѣлась предъ зеркаломъ, и съ обычнымъ умѣніемъ начала было укладывать въ тяжелыя косы вьющіяся пряди своихъ золотистыхъ волосъ. Но задумалась. Волосы выскользнули изъ рукъ и разсыпались, закутавъ точно роскошною мантіей плечи и грудь дѣвушки. Счастье, дѣтски чистое, и глубоко святое свѣтило на ея личикѣ.

„Онъ любитъ меня“.... прошептала Эльма. Ея взглядъ, ея улыбка казалось повторяли эти слова. „Онъ, баловень природы и судьбы, онъ, идеалъ всего прекраснаго, всего высокаго, избралъ меня!... Съ тѣхъ поръ какъ я его узнала, съ тѣхъ поръ какъ онъ овладѣлъ каждымъ біеніемъ моего сердца, развѣ я хоть разъ посмѣла подумать что онъ можетъ полюбить меня?!... И сегодня онъ самъ говоритъ мнѣ что давно... давно думаетъ только обо мнѣ, что.... я слышу его слова любви, его клятвы.... Клятвы!... развѣ онѣ нужны?! Развѣ можно ему не вѣрить?!... Господи, Ты даешь мнѣ его любовь, помоги же мнѣ сдѣлаться достойною этого счастья.“

III.

На другой день послѣ бала у кронпринцессы, графъ Хоцинскій всталъ довольно поздно. Выпивъ чашку отличнаго кофе и закуривъ превосходную сигару, онъ помѣстился полулежа на широкомъ турецкомъ диванѣ. Утренній

нарядъ въ восточномъ вкусѣ очень шелъ къ графу. Онъ взглянулъ на себя въ трюмо стоящее противъ дивана, и подвинулъ немного на-бокъ шапочку, вышитую, съ золотою кистью. Потомъ сталъ читать начатой французскій романъ. Почитавъ съ четверть часа, онъ зѣвнулъ, всталъ и подошелъ къ піанино, началъ наигрывать аккомпаниментъ: „Una furtiva lacrima“ прежде стоя, а потомъ усѣлся, и запѣлъ чрезвычайно-пріятнымъ теноромъ и съ выраженіемъ. Только аккомпанировалъ себѣ мѣстами очень фальшиво. Окончивъ романсъ и пропѣвъ два раза послѣднюю фермату, второй разъ очень удачно, онъ всталъ и позвонилъ. Вошелъ человѣкъ въ ливрейномъ фракѣ и штиблетахъ.

— Отѣвались! сказалъ графъ.

— Патеръ Іеронимъ пришелъ, спрашиваетъ, угодно ли будетъ вашему сіятельству принять его?....

На красивомъ лицѣ графа выразилось неудовольствіе. „Угодно ли будетъ“.... подумалъ онъ. „Еще спрашиваетъ! Знаетъ что я не въ правѣ выгнать его. .. чортъ бы его побралъ.... надоѣлъ до смерти!... А впрочемъ, я вѣдь хотѣлъ на дняхъ ему написать; все равно, сказать можно....“—Проси! обратился графъ къ человѣку, съ нѣсколько оживившимся лицомъ.

Патеръ Іеронимъ вошелъ. Черная одежда ордена іезуитовъ еще болѣе удлиняла его и безъ того уже длинную, худощавую фигуру. На видъ ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Темный, съ желтоватымъ оттѣнкомъ, цвѣтъ лица, впалыя щеки, носъ крючкомъ, тонкія губы. Темные глаза точно прячутся подъ черными чрезмѣрно-густыми бровями. Когда онъ съ кѣмъ-нибудь говоритъ, онъ рѣдко глядитъ прямо въ лицо своего собесѣдника. Его взглядъ какъ будто ищетъ что-то на полу. Рѣдко также покидаетъ его какая-то странная улыбка, не то смиренная, не то ироническая.... По ней только легко можно догадаться что патеръ Іеронимъ перенесъ въ своей жизни много не то чтобъ именно горя; а много, очень много досады....

— А! Reverendissime! очень радъ видѣть васъ! воскликнулъ графъ, весело улыбаясь и любезно пожимая патеру Іерониму руку.—Милости просимъ.... Садитесь вотъ тутъ, на этихъ креслахъ вамъ удобнѣе будетъ.

— Благодарю васъ, графъ, отвѣчалъ патеръ Іеронимъ, усаживаясь на плетеномъ позолоченномъ стульчикѣ.—Мы не такъ избалованы, прибавилъ онъ, окидывая однимъ взгля-

домъ комнату и всю ея роскошную обстановку, точно онъ находился тутъ въ первый разъ.—Хотѣлъ спросить васъ, графъ, не можете ли вы сообщить мнѣ что-нибудь новенькое, утѣшительное послѣ вчерашняго бала... Я именно вчера опять получилъ письмо изъ Рима. Справляются о васъ, спрашиваютъ успѣшно ли вы дѣйствуете. На васъ много разчитываютъ, графъ. Согласитесь, что орденъ ничего не жалѣетъ чтобы доказать вамъ свое довѣріе.

— Я и дѣйствую совершенно сообразно даннымъ инструкціямъ.

— Но пока результаты еще не слишкомъ блистательны. Вы хотя и пріобрѣли довѣренность кронпринцессы... вполнѣ, вполнѣ... повторилъ патеръ Іеронимъ съ своею непріятнѣйшею улыбкой,—это намъ хорошо извѣстно... Но вы не достаточно пользуетесь вашимъ вліяніемъ. По крайней мѣрѣ незамѣтно до сихъ поръ никакой благопріятной перемѣны. Напротивъ, зло увеличивается все болѣе и болѣе. Партія королевы и Вальтера пріобрѣтаатъ все болѣе значенія и силы. Въ послѣднее воскресенье генералъ-суперинтендентъ Элеръ, опаснѣйшій изъ нашихъ враговъ, произнесъ проповѣдь, которую въ прежнее, столь недавнее еще время и онъ бы даже, я думаю, не посмѣлъ произнести. Въ этой богохульной проповѣди прямо говорилось противъ представителей католической единоспасительной церкви и ее слушали сотни людей; церковь была биткомъ набита. Въ церкви находилась королева: это неотвратимое зло, она протестантка. Но тамъ находился и наслѣдный принцъ! Замѣтьте это: наслѣдный принцъ, сынъ католической церкви!... Чего можно ожидать?! Одна надежда на графа Бергена. Но онъ ужь еле держится, и только пока живъ король. А потомъ? И теперь уже бѣда растетъ со всѣхъ сторонъ. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ представителей духовенства лишаютъ прежняго вліянія, отнимаютъ у нихъ учебныя каѳедры. Поговариваютъ о закрытіи нѣкоторыхъ монастырей. Въ Палатѣ поднимаются вопросы о законахъ направленныхъ прямо противъ церкви. Чего еще больше!. Времени терять нельзя. Конечно, служители церкви всячески и неустанно стараются противодѣйствовать всему этому.... Но ваше содѣйствіе, графъ, тутъ тоже необходимо.

— Я съ тѣмъ же рвеніемъ какъ и вы служу интересамъ церкви, проговорилъ графъ.

— О, безъ сомнѣнія, перебилъ его патеръ Іеронимъ.—Только наши пути розны, совершенно розны.... хе, хе, хе!... Въ этомъ смѣхѣ было столько озлобленія, столько не скрываемой даже ироніи что графъ съ трудомъ удержался отъ рѣзкаго замѣчанія. „Когда бъ не былъ ты мнѣ нуженъ, проучилъ бы я тебя," подумалъ онъ.

— Комбинація кажется хорошая, вѣрная, продолжалъ патеръ Іеронимъ. Онъ всталъ и заложивъ руки за спину, началъ медленными шагами ходить взадъ и впередъ.—Король нуль. Убѣжденіе многихъ что онъ все-таки умѣетъ парализовать вліяніе королевы, совершенно ложно; у насъ есть на то неопровержимыя доказательства. На королеву же могутъ вліять только два человѣка: Элерсъ и кронпринцъ. Къ Элерсу ни съ какой стороны приступить невозможно. Остается кронпринцъ. На него самое большое вліяніе имѣетъ его жена, а на кронпринцессу Франческу.... Не рѣдко женщины всецѣло подчиняютъ свои дѣйствія волѣ своего духовника, но мы убѣдились что на кронпринцессу Франческу надобно дѣйствовать иными средствами. Орденъ остановилъ свое вниманіе на васъ, графъ. Мы не ошиблись. Успѣхъ совершенно соотвѣтствуетъ нашимъ ожиданіямъ, но только съ одной стороны... съ одной стороны только, хе, хе, хе!... Относительно же главной преслѣдуемой цѣли, результаты, повторяю, весьма неудовлетворительны еще.

— Согласитесь, что тутъ надобно дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Впрочемъ, я сегодня еще увижу кронпринцессу. Ахъ, да!... пожалуста распорядитесь чтобы въ началѣ будущей недѣли мнѣ была доставлена сумма въ пять, шесть тысячъ франковъ.

Патеръ Іеронимъ молча поклонился.

— Мои финансы за этотъ мѣсяцъ нѣсколько истощились, прибавилъ графъ съ улыбкой.

— Кронпринцесса женщина умная и ловкая, продолжалъ патеръ Іеонимъ, какъ будто разговоръ не былъ прерванъ денежною замѣткой графа,—и способна принести большую пользу святой церкви. Мы конечно и не можемъ сомнѣваться въ вашей готовности, графъ, служить нашему дѣлу. Намъ ужь не разъ удавалось выводить васъ, въ весьма критическія для васъ минуты, изъ крайне затруднительнаго положенія и....

— О, я надѣюсь скоро привести въ порядокъ всѣ свои

дѣла, надменно перебилъ графъ.—Я конечно много пострадалъ, мои политическія убѣжденія стоили мнѣ половины моего состоянія (какъ столь многимъ изъ моихъ соотечественниковъ), но другая половина моего состоянія находится вся въ кредитныхъ билетахъ, слѣдовательно внѣ опасности быть конфискованной. Она достаточно велика еще чтобы совершенно обезпечить меня. Въ настоящее время только я всѣ свои деньги пустилъ въ оборотъ ради одного предпріятія, обѣщающаго огромный доходъ.

Патеръ Іеронимъ слушалъ графа молча. Онъ стоялъ неподвижно, упорно устремивъ взглядъ на полъ, какъ бы въ надеждѣ найти въ красивыхъ узорахъ лежавшаго предъ нимъ персидскаго ковра разгадку какой-нибудь интересной тайны. При послѣднихъ его словахъ только патеръ Іеронимъ очень злобно улыбнулся и хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ, закашлялся и громко высморкался. Онъ сказалъ прежде сущую правду: орденъ, къ которому онъ принадлежалъ, возлагалъ большія надежды на содѣйствіе графа Хоцинскаго.

При прощаніи патеръ Іеронимъ не забылъ дать еще нѣсколько нужныхъ указаній графу.

— Насилу спровадилъ! проговорилъ Хоцинскій, проводивъ до дверей патера Іеронима.—Все утро изъ-за него потерялъ. Я хотѣлъ было отправиться въ дворцовый паркъ. Эльма каждый день тамъ утромъ гуляетъ... Прелестное существо!... Или попробовать еще и пойти? Пожалуй она сегодня дольше пробудетъ тамъ... Графъ позвонилъ.—Одѣваться, скорѣе! сказалъ графъ вошедшему человѣку.—Великолѣпная мысль мнѣ пришла вчера въ голову!... Такимъ образомъ сама Франческа будетъ покровительствовать моему ухаживанію за Эльмой... (графъ невольно засмѣялся) и даже патеръ Іеронимъ, еслибъ узналъ, нашелъ бы все въ порядкѣ вещей... Что за милое, чистое созданіе эта Эльма... сколько дѣтской прелести въ ея движеніяхъ, въ ея улыбкѣ... какъ довѣрчиво смотрятъ эти чудные глаза.

Графъ совершенно вѣрно анализировалъ свои впечатлѣнія. Хотя это должно показаться страннымъ, невѣроятнымъ, но Эльма подѣйствовала на Хоцинскаго болѣе еще прелестью своей дѣтской чистой души, чѣмъ своею красотой. Онъ искренно благоговѣлъ предъ нею. Ему было хорошо около нея.

Графъ Хоцинскій быстрыми шагами прошелъ площадь

между своею квартирой и паркомъ. На большой аллеѣ ведущей ко дворцу, онъ встрѣтилъ Артура Бергена.

— А! здравствуйте! крикнулъ ему еще издали графъ, весело улыбаясь. (Онъ всегда старался быть любезнымъ съ нимъ: сынъ министра-президента подъ часъ можетъ пригодиться.)—О чемъ, или о комъ такъ задумались? Не объ одной ли изъ красавицъ вчерашняго бала? Вы какъ будто и поджидаете кого-нибудь... очень внимательно смотрите во всѣ стороны...

— Вы не ошиблись, графъ, но поджидаю не одну изъ посѣтительницъ придворнаго бала, а Ванду Элерсъ.

— Элерсъ?

— Да, дочь пастора Элерса.

— А... такъ вы любите заводить близкія знакомства съ мѣщаночками...

Артуръ вспыхнулъ. Впрочемъ Хоцинскій всегда раздражительно дѣйствовалъ на него и далеко не плѣнялъ его своею личностью какъ другихъ.

— Я не имѣлъ еще чести быть представленнымъ Вандѣ Элерсъ, проговорилъ Артуръ сухо, и слѣдовательно не только „близко“, но и вовсе не знакомъ съ нею. Недавно я ее замѣтилъ на художественной выставкѣ. Мнѣ ее назвали. Сегодня я случайно узналъ что она поступила въ лектрисы къ королевѣ, или собственно въ помощницы къ Элизѣ Вейсъ. Вы знаете какъ королева добра, она боится что Элиза Вейсъ стала худѣть и кашлять „отъ утомленія“. Мнѣ кажется что она хвораетъ скорѣе отъ злости, которую хотѣла бы излить на всѣхъ и каждаго, и иногда принуждена скрывать... настоящая ядовитая змѣйка. Но не въ томъ дѣло. Ванда Элерсъ должна, вотъ именно теперь, возвратиться изъ дворца... Она далеко не красавица, но кто ее разъ видѣлъ, непремѣнно захочетъ видѣть ее еще разъ... И вотъ почему я здѣсь прохаживаюсь. А затѣмъ до свиданія, графъ, я видно не дождусь ея, или она уже прошла по другой аллеѣ. Артуръ довольно холодно пожалъ руку графу и вошелъ въ боковую аллею.

„Онъ не на шутку разсердился.... подумалъ Хоцинскій. Должно-быть эта дочь пастора очень хороша собою. Пожалуй можно бы навести патера Іеронима на мысль чтобъ и домъ пастора былъ препорученъ мнѣ.... Вѣдь этотъ Элерсъ считается ими однимъ изъ злѣйшихъ враговъ церкви....

такъ слѣдовало бы чтобы кто-нибудь взялся хорошенько наблюдать надъ нимъ, и серіозно повліять на него, а чего лучше какъ чрезъ дочь? Особенно если она въ самомъ дѣлѣ хорошенькая....“ Графъ улыбнулся, самъ любуясь своею новою затѣей.

IV.

Ванда Элерсъ медленно сходила по отлогимъ ступенькамъ парадной дворцовой лѣстницы. Она вся находилась подъ вліяніемъ новыхъ сильныхъ впечатлѣній, и почти не замѣтила поклона швейцара, поспѣшившаго отворить ей выходную дверь. Въ этомъ поклонѣ выразилась неувѣренность: ему извѣстно было что эта высокая, стройная госпожа поступила въ лектрисы къ ея величеству; но онъ разумѣется не могъ еще знать какъ станутъ относиться къ ней во дворцѣ, и слѣдовательно, до поры до времени, не хотѣлъ обозначить характеръ и своего поведенія относительно ея. Разсѣянность Ванды, когда она отвѣтила ему на поклонъ, онъ принялъ за надменность и немного призадумался.... „Пожалуй откажутъ Вейсъ и эта новая лектриса поселится во дворцѣ...“

Взглянувъ на дворцовые часы, Ванда ускорила шаги. Отецъ должно-быть ужь вернулся изъ засѣданія въ консисторіи.... Ей бы хотѣлось скорѣе увидѣть его, скорѣе передать ему все что она пережила, перечувствовала въ это утро.... Да и поздно уже, надобно заглянуть въ кухню, новая кухарка женщина способная, но нѣсколько забывчива.... Потомъ надобно еще до обѣда дать урокъ Мери.... Сегодня утромъ не успѣла.... Моя милая Мери.... Невольная улыбка, исполненная нѣжности, пробѣжала по лицу Ванды при мысли о ея маленькой сестрѣ, о ея милой Мери....

Артуръ Бергенъ былъ правъ. Ванду Элерсъ нельзя было назвать красавицей. Черты ея лица не совершенно правильныя. Линія между лбомъ и носомъ могла бы быть прямѣе. Ротъ довольно большой, его выраженіе черезчуръ серіозное, строгое, мѣнявшееся только когда Ванда говорила или улыбалась.... тогда конечно можно было дѣйствительно заглядѣться на нее.... на эти зубки безукоризненной бѣлизны, эту прелесть улыбки, этотъ глубокій взглядъ ея большихъ карихъ глазъ.

Элерсы занимали квартиру въ церковномъ домѣ протестантской церкви. Домъ этотъ стоялъ на дворѣ. Онъ былъ небольшой, всего въ два этажа. Бѣлый, чистенькій, съ красивымъ балкономъ, съ палисадникомъ и четырьмя каштановыми деревьями предъ окнами. Онъ имѣлъ скорѣе видъ маленькой виллы. Всѣ окна и балконъ квартиры Элерса были заставлены разными цвѣтами въ горшкахъ.

Мери, прехорошенькая дѣвочка лѣтъ десяти, выбѣжала Вандѣ на встрѣчу въ переднюю.

— Ванда! моя дорогая, милая... злая, нехорошая, ужь я жду не дождусь тебя!... заговорила Мери, бросаясь сестрѣ на шею. Ванда ее поцѣловала и поправила ей совершенно растрепавшіеся бѣлокурые локончики.—Ты сказала что придешь раньше.... Я все успѣла сдѣлать: урокъ исторіи, чистописаніе, пыль вездѣ стерла въ нашей комнатѣ; клѣтку Биби (канарейка, собственность Мери) вычистила, помогла Катеринѣ просѣять сахаръ для пирожнаго.... Мери остановилась и вопросительно взглянула на сестру, какъ бы ожидая награды за всѣ свои подвиги. Ванда еще разъ ее поцѣловала.

— Что папа давно ужь дома? спросила она.

— Да. Онъ въ кабинетѣ, разговариваетъ съ Вальтеромъ.

— Какая досада....

— Развѣ ты не любишь Вальтера?.. Онъ такой добрый, славный...

— Да, конечно... Я его искренно уважаю.... Но теперь мнѣ бы хотѣлось поговорить съ папой....

— Ахъ, да! Вѣдь ты была во дворцѣ! Видѣла королеву? Ты понравилась ей, да? Я увѣрена что понравилась!... А маленькаго принца видѣла?... Ахъ, какъ бы я хотѣла видѣть его вблизи! Помнишь, мы его встрѣтили въ каретѣ, у него такіе золотистые волосики.... Разкажешь все?... Да?...

— Разкажу, разкажу.... Пойдемъ, надобно еще Катеринѣ кой-что приказать, а потомъ мы можемъ тотчасъ приняться и за урокъ. Мери отправилась въ припрыжку за Вандой въ кухню.

Катерина стояла предъ кухоннымъ столомъ и взбивала на большомъ блюдѣ бѣлки. Видно было что она только машинально исполняетъ этотъ трудъ, обыкновенно поглощавшій все ея вниманіе, и что мысли ея очень чѣмъ-то заняты. Это была женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ. Рослая, некрасивая, съ нѣсколько тупымъ взглядомъ и довольно

добродушною улыбкой. Ея одежда, темнаго цвѣта, отличалась опрятностью и порядочностью. Изъ-подъ бѣлаго чепчика, превосходно вымытаго и выглаженнаго, выглядывали узкія пряди темныхъ, тщательно причесанныхъ волосъ.

— Сударыня... заговорила Катерина, выслушавъ хозяйственныя распоряженія Ванды,—сегодня кончается моя пробная недѣля, и я хотѣла....

— Да, да!.. перебила ее Ванда.—Я именно собиралась сказать вамъ что я очень довольна вами. Мы, признаться, были немного избалованы нашею прежнею служанкой... прекрасная женщина... и мы къ ней очень привыкли. Но случилось что она нашла мѣсто гдѣ ей предложили жалованье ровно вдвое противъ того что она получала у насъ. Мы больше давать не можемъ, и я сама стала уговаривать ее принять это мѣсто. У нея старуха мать, которой она должна помогать. Я ей очень благодарна что она намъ васъ рекомендовала. Вы исполняете всѣ ваши обязанности съ умѣніемъ и добросовѣстно.

— Покорно благодарю, сударыня, но я... (Катерина немного замялась) передумала... и желала бы искать другое мѣсто...

— Это почему? Вы чѣмъ-нибудь недовольны?.. Я эти дни была занята болѣе обыкновеннаго, и можетъ-быть не довольно позаботилась о васъ...

— О, напротивъ! воскликнула Катерина.—Я такого мѣста еще никогда и не имѣла: помѣщеніе, ѣда, все хорошо. Работы не Богъ вѣсть сколько, да я и не люблю лѣниться. А про обхожденіе, какъ ваше, такъ и самого барина и говорить нечего! Мать родная не можетъ обойтись лучше...

— Такъ что же вамъ вздумалось? спросила Ванда, съ любопытствомъ взглянувъ на Катерину.—Ужь не хотите ли вы насъ оставить потому что мы по вашему „еретики“?.. прибавила она съ улыбкой. Вы кажется католичка?

— Точно такъ.

— Вы пожалуй думаете что мы не истинные христіане?.. Что въ нашемъ домѣ, случись съ вами какая-либо бѣда, вамъ и помощи не будетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... третьяго дня, когда мнѣ вдругъ сдѣлалось нехорошо, проговорила Катерина точно про себя,—вы и лѣкарство сейчасъ принесли мнѣ и не позволили чистить посуду... „Ничего, Катерина“, сказали, „завтра все уберете, а

теперь прилягьте да отдохните"... И самъ баринъ зашелъ въ мою комнату, да спросилъ: „Что, вамъ лучше стало?"

— Такъ съ чего же вы взяли уходить?.. спросила Ванда, съ возрастающимъ удивленіемъ слушавшая Катерину.

— Сударыня! Вы очень, очень ужь добры... я такой доброй барышни и не видывала еще!... Маленькіе, сѣрые глазки Катерины наполнились слезами.—И я бы... я бы не хотѣла остаться у васъ... потому что знаю... что не сумѣю со временемъ угодить вамъ.

— О, въ такомъ случаѣ я могу совершенно успокоить васъ. Эта скромность дѣлаетъ вамъ честь, моя милая Катерина. Но повторяю: мы вами очень довольны, и если вы хотите уйти только изъ-за боязни что не сумѣете угодить намъ, то я положительно не отпущу васъ. Ванда привѣтливо улыбнулась и вышла изъ кухни.

Катерина простояла нѣсколько минутъ не трогаясь съ мѣста, какъ вкопанная. „Видно такова ужь воля Божія!".... прошептала она. Потомъ она вошла въ свою комнату и набожно перекрестилась предъ висящею надъ кроватью иконой Божіей Матери.

Генералъ-суперинтендентъ Элерсъ сидѣлъ въ удобныхъ вольтеровскихъ креслахъ. Красивое лицо, выраженіе исполненное силы и мысли. Черты лица очень напоминали Ванду, но были гораздо правильнѣе, а линіи рта складывались еще строже нежели у дочери, и когда онъ улыбался, принимали чаще всего нѣсколько саркастическій характеръ. Черные волосы съ просѣдью, слегка вьющіеся, начинали рѣдѣть, отчего его высокій лобъ казался еще выше.

Баронъ Вальтеръ ходилъ взадъ и впередъ, останавливаясь иногда предъ Элерсомъ. Онъ былъ видимо взволнованъ. Говорилъ громко и съ большимъ жаромъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ тридцать пять. Высокій ростъ, изящество движеній, пріятное умное лицо и „безукоризненныя манеры"... какъ выражалась о немъ даже сама княгиня Пильхау, несмотря на все свое отвращеніе къ его „до безумія" либеральнымъ идеямъ.

— Вы видите хорошее предзнаменованіе въ томъ что моя кандидатура прошла, продолжалъ Вальтеръ,—но не забывайте что вся эта исторія выборовъ—какъ и вся наша пресловутая конституція—не что иное какъ пошлая, гнусная комедія! Если такой человѣкъ какъ баронъ Вальтеръ и допускается

къ участію въ Палатѣ, то это для того только чтобы нѣкоторымъ—собственно невиннымъ, но все-таки непріятнымъ—крикунамъ на время зажать ротъ. Но графъ Бергенъ и tutti quanti превосходно знаютъ что это лока ни къ какимъ серіознымъ результатамъ повести не можетъ. Они умѣютъ позаботиться о томъ чтобы правая сторона всегда находилась въ огромномъ большинствѣ. Не даромъ правительство издерживаетъ столько денегъ...., а „неподкупныхъ“ надѣляетъ разными важными и неважными мѣстами, привилегіями, орденами.... Мы остаемся въ меньшинствѣ—что̀ можемъ мы сдѣлать?....

— Сказать всенародно слово истины—это не мало.

— Но если видишь что оно еще болѣе возбуждаетъ ожесточеніе ретроградной партіи, и ведетъ за собою неправыя дѣла, то невольѣ начинаешь падать духомъ.... И еслибъ еще приходилось бороться только противъ заблужденій и злоупотребленій открытой власти, но борьба съ клерикалами, съ іезуитами!.... Какъ остеречься противъ ихъ тайныхъ козней, точно невидимою сѣтью опутывающихъ каждое движеніе впередъ....

— Немного терпѣнія, баронъ, ихъ бѣшеныя усилія—это послѣднія конвульсіи умирающаго....

— Однако результаты скорѣе доказываютъ сколько въ нихъ еще живучести.

А всѣ эти адресы затѣи и успѣхи ультрамонтанства! Всѣ эти исторіи процессій, поклоненія стигматизованнымъ „непорочнымъ“ дѣвамъ, живущимъ „не принимая никакой пищи...“ Да, такое фанатизированіе народа врядъ ли существовало и въ самыя темныя времена Среднихъ Вѣковъ!..

— Позвольте мнѣ заступиться за наше время... сказалъ улыбнувшись Элерсъ.—Еслибы мы съ вами жили нѣсколько вѣковъ тому назадъ, то напримѣръ я безъ всякаго сомнѣнія былъ бы сожженъ и мы были бы лишены удовольствія разговаривать другъ съ другомъ такъ спокойно,—развѣ встрѣтившись на одномъ одномъ и томъ же кострѣ...

— О, за желаніемъ сжечь, по крайней мѣрѣ хоть васъ, дѣло не стало бы.

— Забавно видѣть, въ какомъ затруднительномъ положеніи нѣкоторыя придворныя лица находятся изъ-за васъ. Съ одной стороны, ваши проповѣди, вся ваша личность, возмущающія ихъ набожныя души... а съ другой, обращеніе коро-

левы съ вами, ея уваженіе, довѣріе, вниманіе къ вамъ... Однако предупреждаю васъ что въ нѣкоторыхъ кружкахъ вражда къ вамъ принимаетъ невѣроятные размѣры! Въ доказательство этого можетъ служить недавняя выходка камергера фонъ-Гартунга... Онъ, который чуть ли не снимаетъ шляпы предъ Beauty (уродливѣйшій цлицъ, но, какъ вамъ можетъ-быть извѣстно, пользующійся благосклонностью королевы), который со всѣми признаками высокопочитанія относится къ „бѣлому какаду", въ Красной галлереѣ, потому что его величество, проходя мимо, иногда ласкаетъ его. (Не знаю, замѣтили ли вы эту несносную птицу,—кричитъ, цѣпляется, кусается). Намедни, на вечерѣ у графини Лиліенталь, онъ заговорилъ о васъ съ явнымъ намѣреніемъ сказать что-либо не въ вашу пользу и съ колкостью замѣтилъ мнѣ что многіе „не знаютъ какъ объяснить себѣ мои дружескія отношенія къ генералъ-суперинтенденту Элерсу..." И все это добрѣйшій камергеръ дерзнулъ высказать, несмотря на то важное обстоятельство что наканунѣ того же дня вы были приглашены къ столу ея величества! Но сегодня я черезчуръ ужь компрометирую себя, оставаясь такъ долго у васъ... Вальтеръ взялъ шляпу, и бросилъ взглядъ, не то вопросительный, не то какъ бы обманутаго ожиданія, на дверь въ сосѣднюю комнату, оттуда доходили голоса Мери и Ванды. Она не могла не знать что онъ здѣсь... Онъ крѣпко пожалъ руку Элерсу, и какъ-то торопливо распростился съ нимъ

— Ты одинъ? просила Ванда, показываясь въ дверяхъ.

— А вы, сударыня, ужь, кажется, давно дома, сказалъ Элерсъ съ радостною улыбкой;—и не изволите показываться...

— Я ждала. Мнѣ не хотѣлось при постороннемъ все разказать тебѣ. Я радовалась мысли подѣлиться прежде всего съ тобой, только съ тобой, всѣми впечатлѣніями этого утра.

— Я предсказывалъ тебѣ что онѣ будутъ хорошія...

— Королева такъ обласкала меня... Находясь вмѣстѣ съ ней, испытываешь все могущество ея превосходства, умственнаго и нравственнаго. Чувствуешь что эта женщина перенесла сильную борьбу въ жизни, но что она стала выше скорбей житейскихъ. Кажется что въ минуты тяжкихъ испытаній, слѣдуетъ только обратиться къ ней, чтобы найти совѣтъ, утѣшеніе и силу нести свой крестъ...

— Да, это женщина необыкновенная...

— Она много говорила со мною, но мнѣ бы хотѣлось разказать тебѣ все попорядку... Во дворцѣ, разумѣется, знали что я должна придти. Камеръ-лакей провелъ меня чрезъ цѣлый рядъ комнатъ, и наконецъ остановился въ круглой залѣ, объявивъ мнѣ съ довольно вѣжливымъ поклономъ что я тутъ должна немного подождать. Когда онъ удалился, я стала оглядываться. Вся эта роскошь плѣняла меня.

— Тебя, пожалуй, не слѣдовало пускать во дворецъ, замѣтилъ шутливо Элереъ.

— О, не бойся!... Я нигдѣ не буду чувствовать себя лучше, счастливѣе какъ дома, въ этихъ скромныхъ, маленькихъ комнатахъ. Но ты знаешь, все что̀ красиво, встрѣчается ли оно въ мірѣ внутреннемъ или внѣшнемъ, всегда очаровываетъ меня. А роскошь, если она соединена со вкусомъ, такъ красива!... Эти фарфоровыя вазы, эти мозаичные столы, шкалики... а картины!... Вотъ что̀ бы мнѣ хотѣлось имѣть! Хоть одну... нѣтъ, двѣ изъ картинъ что̀ висятъ въ этой круглой залѣ: одну головку Греза, и одного Мурильо—два мальчика въ нищенской одеждѣ. Съ какимъ беззаботнымъ весельемъ они раздѣляютъ свою тралезу... Кусокъ хлѣба, да нѣсколько вѣтокъ винограда... Сколько дѣтской прелести и жизни въ этихъ личикахъ!... Я совсѣмъ забылась предъ этою картиной.—Ея величество проситъ васъ, раздался мягкій, вкрадчивый голосокъ. Я обернулась и увидѣла предъ собою маленькую особу... не дурна.

— Вѣроятно, Элиза Вейсъ?...

— Да. Я угадала что это она. Признаюсь, она мнѣ сразу не понравилась. Въ ней что-то кошечье... Даже ея лицо сильно напоминаетъ хорошенькаго котенка. Такъ и кажется что изъ-за этихъ маленькихъ ручекъ готовы показаться порядочные когти... Впрочемъ, я предупреждена противъ нея разными слухами, быть-можетъ не совсѣмъ справедливыми. Она отодвинула складки тяжелой портьеры и съ граціознымъ движеніемъ указала путь впе́редъ. Я очутилась предъ королевой и почувствовала большое смущеніе. Это естественно, подумала я. Все что̀ я слышала, что̀ знаю о ней, должно было вселить мнѣ это благоговѣніе. Я остановила свою мысль и тутъ же обличила себя въ неискренности. Я поняла что не одно „благоговѣніе“ предъ ея личностью, но и сознаніе что она королева, причиняли мое смущеніе. Думаю что даже

люди чуждые всякаго лакейства, почти всѣ испытываютъ нѣчто подобное въ первыя минуты сближенія съ высшими міра сего.

— Прибавь только что очень немногіе рѣшаются въ этомъ сознаться.

— Я васъ уже нѣсколько знаю изъ разказовъ вашего отца, сказала мнѣ королева.—Твое имя было лучшимъ средствомъ ободрить меня. — Княжна Ритербургъ мнѣ также много говорила о васъ, продолжала королева. — Она хотя кажется еще недавно познакомилась съ вами, но уже совершенно расположена въ вашу пользу. Она слышала нѣсколько разъ ваше чтеніе въ институтѣ слѣпыхъ. Вѣдь васъ не утомляетъ громкое чтеніе?—Нисколько, ваше величество, отвѣчала я.—Прочтите мнѣ вотъ эту статью. Она указала предлинную, отмѣченную краснымъ карандашомъ, газетную статью.—Вы можете теперь отдохнуть, обратилась она къ Элизѣ Вейсъ слегка кивнувъ ей головой. Элиза Вейсъ вышла, взглянувъ на меня изъ подлобья какъ мнѣ показалось не слишкомъ дружелюбно. Я начала читать.

— Безъ страха?

— Сначала у меня немного дрожалъ голосъ. Потомъ я ободрилась. Однако не могла бы передать тебѣ все содержаніе этой статьи. Знаю только что въ ней было много разсужденій „о необходимости преобразованія элементарныхъ школъ въ краѣ“. Когда я кончила у меня еще сильнѣе забилось сердце. Во время чтенія королева не произнесла ни одного слова.—Вы читаете хорошо, сказала она.

Элерсъ кивнулъ головой какъ бы въ подтвержденіе словъ королевы.

— Вы любите читать стихи? — Иногда, ваше величество, отвѣчала я.—Вы правы. Чтеніе стиховъ требуетъ особеннаго расположенія. Попробуйте прочесть мнѣ что-нибудь изъ нашихъ классиковъ. На верхней полкѣ маленькой этажерки съ книгами, я увидѣла сочиненія Шиллера и Гёте. Я почти машинально вынула одну книгу и раскрыла ее. *Смерть Валенштейна.* Дѣйствіе четвертое. Я начала читать. Мнѣ давно *Валенштейнъ* не попадался въ руки. Я невольно поддалась силѣ почти новаго впечатлѣнія. Кто-то вошелъ. Я подняла глаза и узнала кронпринца. Онъ поклонился. Я хотѣла встать.—Продолжайте, продолжайте! проговорила королева.—

Сегодня вы положительно расположены читать стихи, сказала она съ ласковою улыбкой когда я кончила.—Вы прочли все это дѣйствіе превосходно! Вы вѣрно часто читали громко при вашемъ отцѣ... — Да, въ васъ легко узнать его ученицу, замѣтилъ кронпринцъ. — Никакая похвала въ мірѣ не могла бы такъ обрадовать меня.—Вы поете? спросилъ онъ вдругъ. — Нѣтъ, ваше высочество. — Странно! проговорилъ онъ какъ бы про себя, — у васъ такой симпатичный, такой звучный голосъ... Я былъ увѣренъ что вы должны владѣть замѣчательнымъ контральто.

— Не правда ли, какая прекрасная наружность у кронпринца? спросилъ Элерсъ.—И какъ мало собственно похожи всѣ его портреты на него?

— Да. Потому что его лицо дѣлается особенно выразительнымъ когда онъ говоритъ, улыбается. И всѣ его движенія отмѣчены такимъ благородствомъ... Глядя на него я невольно вспомнила слова Лира: „Every inch a King“

Щеки Ванды вдругъ покрылись яркимъ румянцемъ.

— Послѣ *Валенштейна*, королева и кронпринцъ еще долго говорили со мною, продолжала Ванда какъ-то послѣшно. — Объ институтѣ слѣпыхъ, о моихъ занятіяхъ тамъ, о княжнѣ Ритербургъ. Я не удержалась и высказала какъ я благоговѣю предъ нею. Королева видно хорошо ее знаетъ. Она вполнѣ оцѣнила ее. О тебѣ... Я все, все должна тебѣ пересказать.

— Искренно радуюсь, дитя мое, что ты вынесла благопріятное впечатлѣніе изъ этого перваго посѣщенія королевы. Я немного боялся за первый разъ. При столкновеніи съ совершенно чужими ей людьми, королева иногда бываетъ крайне суха... А моя Ванда горда.

— Отецъ!

— Нечего отнѣкиваться, сударыня. Говорю правду. Да и могу сознаться тебѣ на ушко что и отецъ твой далеко не чуждъ этого смертнаго грѣха... Я боялся что роль „придворной лектрисы“ покажется тебѣ тяжелою жертвой.

— Отецъ!

— Опять протестъ?... Ну, на этотъ разъ пожалуй болѣе справедливый. Я выбралъ невѣрное выраженіе. Знаю, другъ мой, что тебѣ никакая жертва не тяжела, если надобно быть полезной твоему отцу и помочь ему... Ужь такой ты уродилась, такой ты привыкла быть съ ранней, ранней молодости.

Элерсъ задумался. Онъ увидѣлъ предъ собою Ванду когда она еще была пятнадцатилѣтнею дѣвочкой, когда умерла его жена. Ему вспомнилось какъ тогда тотчасъ же Ванда взяла весь домъ въ руки. Переняла всѣ заботы хозяйки. Мери было всего нѣсколько недѣль. Ванда сдѣлалась ей матерью не только нѣжною, но и точно наученною опытомъ. Онъ взглянулъ на нее. И выраженіе лица у нея было тогда почти такое же какъ теперь. Тѣ же глаза, съ этимъ прямымъ, честнымъ взглядомъ.

— Мнѣ часто приходится, проговорилъ Элерсъ,—напоминать людямъ осиротѣлымъ что мы всѣ должны покорно переносить удары судьбы, безропотно покоряться волѣ Божіей, часто приходится произносить надъ открытыми могилами назидательныя слова... Но когда Господь отнялъ у меня твою мать, во мнѣ самомъ пошатнулась вѣра въ Его милосердіе... Да, дитя мое, я бы погибъ, еслибы ты не была около меня... Ты окружила меня ласкою, всѣми возможными попеченіями. По годамъ ты была почти еще дитя. Я понялъ что столько силы, такое разумѣніе выпавшихъ на твою долю обязанностей, могли быть тебѣ даны только свыше, я опять повѣрилъ въ Господа и примирился съ жизнью.

Ванда нѣжно, крѣпко поцѣловала руку отца.

— Мы стали жить спокойно, дружно, согласно, продолжалъ Элерсъ. — Ты поняла что мы обязаны во многомъ отказывать себѣ, потому что я долженъ заботиться и о существованіи тети Матильды. Еслибъ она и не была сестрою твоей матери, то и тогда какъ не помочь ей! Такая семья и никакого состоянія. Пока дѣти были маленькія,моихъ средствъ хватало. Теперь ихъ воспитаніе требуетъ черезчуръ большихъ издержекъ для меня. Ты пожелала своимъ трудомъ способствовать къ увеличенію нашихъ доходовъ. Естественно что эта мысль явилась у тебя. Но я ее одобрилъ не безъ внутренней борьбы. Не потому что боялся большаго для тебя утомленія... Ты, конечно, очень занята и дома уже; но въ тебѣ желаніе, энергія труда... Такимъ натурамъ какъ ты ставить преграды тамъ, гдѣ по ихъ убѣжденію самая простая обязанность указываетъ имъ на усиленный трудъ, это можетъ послужить имъ больше во вредъ нежели самыя утомительныя занятія. Не приписывалъ я также твое предложеніе одному увлеченію, хотя хорошо знаю какъ легко поддаваться благороднымъ порывамъ и какъ трудно становится

исполнять съ постоянствомъ свои добрые замыслы. Меня пугалъ родъ занятій который именно въ данный моментъ представлялся тебѣ, меня пугалъ дворецъ. Если не все, то очень многое въ жизни зависитъ отъ характера людей и отъ ихъ взгляда на вещи. То же самое въ чемъ многіе увидѣли бы великую честь, могло при извѣстномъ настроеніи показаться тебѣ униженіемъ и оскорбить тебя. Но вижу что королева сразу сумѣла задобрить тебя... прибавилъ Элерсъ съ улыбкой.

На порогѣ показалась Катерина.

— Сударыня, сказала она, — позвольте мнѣ на полчасика со двора. Я все приготовила.

— Не забудьте, моя милая, что уже три часа.

— Котлеты все равно надобно жарить какъ къ столу подавать. Я скоро вернусь.

— Хорошо, только смотрите не опоздайте.

Катерина съ несвойственною ей поспѣшностью стала одѣваться и сошла съ лѣстницы. Еслибы кто-нибудь сказалъ ей что она въ состояніи будетъ за часъ до обѣда оставить плиту и на плитѣ супъ безъ своего присмотра, она приняла бы такое предположеніе за крайнюю обиду. И вотъ въ дѣйствительности она рѣшилась совершить подобный поступокъ, казавшійся ей до сихъ поръ немыслимымъ. Значитъ жутко пришлось ей. Не въ мочь стало долѣе переносить эту душевную тревогу. Катеринѣ всего надобно было пройти одну небольшую площадь, да двѣ маленькія улицы; но отъ быстрой ли ходьбы, или отъ внутренняго волненія она совершенно запыхавшись остановилась предъ угловымъ церковнымъ домомъ *** прихода, медленно взошла по лѣстницѣ въ четвертый этажъ и съ замѣтною нерѣшительностью дернула звонокъ у низенькой входной двери. Дверь отворила женщина среднихъ лѣтъ, средняго роста, очень полная и очень некрасивая; съ краснымъ, широкимъ лицомъ и еще болѣе краснымъ носомъ, вздернутымъ нѣсколько вверхъ. Тюлевый чепчикъ съ малиновыми бантами и весь ея нарядъ, хотя далеко не безукоризненно опрятный, но съ явными претензіями на нѣкоторое барство, заставляли заключать что существо это по своему общественному положенію могло скорѣе претендовать на титулъ ключницы, нежели простой кухарки.

— Что вамъ надобно? спросила она загораживая своею особой входъ, и съ угрюмымъ выраженіемъ сдвигая свои густыя, рыжія брови.

— Отецъ Іеронимъ дома? спросила Катерина.

— Дома. Но занятъ и не велѣлъ никого принимать.

— Потрудитесь доложить что пришла *Катерина*, что находится въ услуженіи у генералъ-суперинтендента Элерса.

Двери захлопнулись предъ Катериной, но чрезъ нѣсколько минутъ опять отворились. Показалась та же толстая, красная особа.

— Войдите... проговорила она, чуть ли еще не угрюмѣе прежняго, и пропуская наконецъ Катерину изъ сѣней въ переднюю.

Отецъ Іеронимъ сидѣлъ въ креслѣ, покрытомъ темною клеенкой, порыжѣвшею отъ времени, предъ небольшимъ столомъ ясневаго дерева. Онъ медленно надписывалъ на конвертѣ большими, красивыми буквами, точно рисуя ихъ, слова: „Италія, Римъ“... Когда, постучавшись, вошла Катерина, онъ также медленно вытеръ перо и отложилъ его въ сторону.

— Здравствуйте, дочь моя, сказалъ онъ, дѣлая рукой на воздухѣ знакъ благословенія. — Что баронъ Вальтеръ не посѣщалъ съ прошлой недѣли генералъ-суперинтендента?

— Баронъ былъ сегодня. Оставался около двухъ часовъ.

— Два часа!... Гм... онъ человѣкъ очень занятой... Вы разслышали и поняли что-нибудь изъ его разговора?

— Нѣтъ. Двери были все время заперты. Я старалась подслушать, но ничего не разобрала.

— Сегодня дочь генералъ-суперинтендента была во дворцѣ. Не замѣтили ли вы въ какомъ она вернулась оттуда расположеніи?

— Кажется въ очень хорошемъ. Ея лицо смотрѣло еще веселѣе обыкновеннаго.

— Гм!.. Вотъ все что вы можете сообщить мнѣ?

— Я бы сегодня и не пришла, но должна поговорить о самой себѣ. Позвольте мнѣ оставить это мѣсто.

— Понятно, дочь моя, какъ вамъ тяжело ѣсть хлѣбъ у людей лишенныхъ во вѣки вѣковъ Господней благодати.... Но и не такія жертвы приносятся ради служенія церкви.

— Не слабымъ разумомъ, какъ я грѣшная, вѣдать, какому наказанію, какимъ истязаніямъ будутъ подвергнуты на томъ свѣтѣ эти несчастные... Но живя у нихъ, начинаю впадать въ большой грѣхъ: чувствую какъ съ каждымъ днемъ, помимо собственной воли, все болѣе привязываюсь

къ нимъ. Очень они добры со мной. До сегодняшняго дня ничего дурнаго и не было передавать о нихъ... Но какъ подумаю что пожалуй придется передать о нихъ что-нибудь что̀ можетъ послужить имъ во вредъ, меня беретъ невольная жалость. Такъ лучше, думаю, скорѣе избавиться отъ этого грѣшнаго чувства и уйти отъ искушенія...

— Я думалъ что вы лучше понимаете обязанности истинной христіанки, дочь моя. Чѣмъ труднѣе вамъ покажется исполненіе указанной вамъ задачи, тѣмъ въ бо́льшую заслугу поставится вамъ Господомъ ваше послушаніе. Чувство невольнаго влеченія къ людямъ отвергнутымъ единоспасительною церковью — ежели оно не повліяетъ на ваши *дѣйствія*—не есть *грѣхъ*, а лишь ниспосланное Провидѣніемъ *испытаніе*.... Можетъ-быть вы предназначаетесь имъ для болѣе важныхъ дѣяній. Неисповѣдимы пути Господни!... Отецъ Іеронимъ поднялъ глаза къ потолку, украшенному грубо нарисованными арабесками.—Нерѣдко, продолжалъ онъ, не измѣняя направленія взгляда,—именно *нищіе* духомъ избираются для исполненія небесныхъ предначертаній.... Не смущайтесь же, дочь моя. Оставайтесь на вашемъ мѣстѣ, и продолжайте по мѣрѣ слабыхъ силъ вашихъ служить святому дѣлу церкви....

Когда Катерина ушла, отецъ Іеронимъ прибралъ разбросанныя бумаги на столѣ, симметрически опять размѣстилъ всѣ принадлежности для письма, вложилъ письмо въ конвертѣ въ ящикъ стола и поставилъ на мѣсто толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ, взятую вѣроятно ради нужной цитаты съ одной изъ двухъ книжныхъ полокъ, прибитыхъ по сторонамъ большаго Распятія изъ темнаго дерева. Потомъ всталъ и приблизился къ дверямъ сосѣдней комнаты.

— Марта! крикнулъ онъ, — принесите чего-нибудь поѣсть.

— Давно пора, очень нужно было принимать эту *нимфу*... отозвалась ворчливо Марта. На какомъ основаніи ею было дано Катеринѣ это прозвище, Марта и сама бы объяснить не могла. У ней была привычка давать антипатичнымъ ей людямъ разныя названія не имѣющія ничего общаго съ ихъ личностью. На этотъ разъ слово *нимфа* было въ томъ отношеніи удачно выбрано что еслибы Катерина услыхала подобное сравненіе, да узнала въ какомъ костюмѣ обыкновенно изображаютъ нимфъ, она бы, въ справедливомъ сознаніи своего цѣломудрія, пришла въ ужасъ и почувствовала бы

неломѣрное негодованіе, несмотря на врожденное ей добродушіе.

Отецъ Іеронимъ обѣдалъ обыкновенно въ часъ пополудни, но ужиналъ поздно, и потому любилъ предъ сумерками полакомиться чѣмъ-нибудь сладенькимъ. Вскорѣ на кругломъ столѣ предъ клеенчатымъ диваномъ явились блюда и тарелки съ разными пирожками, вареньями, крендельками, стаканы, рюмки, бутылка мадеры, бутылка малаги и графинчикъ съ ликеромъ.

— Что жь вы не идете кушать? проговорила весьма непривѣтливо Марта.—Ужь какъ вамъ угодно, а я васъ долѣе ждать не стану! И такъ ужь проголодалась. Она налила рюмку ликеру и выпила ее залпомъ. Потомъ проглотила нѣсколько слоеныхъ пирожковъ и запила ихъ стаканомъ мадеры.

— Да и не зачѣмъ было ждать, сказалъ отецъ Іеронимъ, садясь на диванѣ, противъ Марты. — Вы могли покушать и прежде, въ своей комнатѣ.

— Для васъ это было бы пожалуй пріятнѣе... Я вообще замѣчаю что вы это послѣднее время не слишкомъ-то нуждаетесь во мнѣ.

— Занятъ, очень занятъ, моя милая...

— Э, вздоръ! Были бы такъ ужь черезъ мѣру заняты, не стали бы во всякое время принимать вотъ эту *наяду*... (отецъ Іеронимъ понялъ что рѣчь идетъ о Катеринѣ).

— Принимаю ее по дѣлу... моя милая, проговорилъ онъ, проглатывая кусокъ шоколаднаго пирога.

— „По дѣлу“—вздоръ! Знаемъ мы васъ... И какъ подумаешь, на кого она похожа, эта Эсмеральда!... (Марта видѣла балетъ *Эсмеральда*, и заключила что это названіе, какъ обыкновенно бываетъ въ балетахъ, принадлежитъ кому-нибудь сверхъестественному созданію.) Суха какъ щепка. Кожа да кости... и туда же наряжается!... Кухарка, дрянь, старая дѣва!...

Хуже, оскорбительнѣе этого послѣдняго прозвища Марта ничего бы не могла придумать. Въ положеніи старой дѣвы она видѣла величайшій позоръ, и никогда, при первомъ знакомствѣ съ кѣмъ бы то ни было, не забывала заявить что она вдова.

— А какая на ней кофта была! продолжала Марта, все съ большимъ раздраженіемъ.—Бархатная шляпа!... А вотъ я какъ

ужь давно желаю имѣть шелковое платье... повѣрить трудно—допроситься нельзя!

— Я ужь нѣсколько разъ старался объяснить вамъ, произнесъ сдержанно отецъ Іеронимъ,—что по нѣкоторымъ весьма уважительнымъ соображеніямъ, я не могу допустить чтобы вы черезчуръ наряжались. Вѣдь вы не лишены всякаго разсудка! Какъ же вы до сихъ поръ не хотите понять что въ моемъ положеніи необходима крайняя осторожность... Я вамъ даже сообщилъ свои надежды относительно моего будущаго... Я долженъ избѣгать всего что̀ можетъ дать врагамъ моимъ хотя малѣйшій поводъ къ осужденію моихъ поступковъ, моей жизни... Еслибы, напримѣръ, моимъ хозяйствомъ занималась женщина моложе и красивѣе васъ...

— А! такъ я не довольно молода и красива для васъ?! воскликнула съ бѣшенствомъ Марта. Ея цвѣтъ лица изъ краснаго сдѣлался багровымъ.—Такъ ищите другую! Я и такъ ужь собиралась сказать вамъ что намъ пора разстаться... Довольно долго, цѣлыхъ десять лѣтъ, промучилась живя у васъ... Не хочу долѣе жертвовать собою!...

Въ чемъ состояли, въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ, жертвы и мученія Марты, ей бы очень трудно было опредѣлить. Но въ данную минуту она была искренно убѣждена въ неопровержимой истинѣ своихъ словъ. И еслибъ она еще знала всю правду!.. Еслибъ она знала что при пріисканіи для себя ключницы отецъ Іеронимъ особенно заботился о томъ чтобы она была, правда, женщина еще не старая, но непремѣнно дурна собою и что его выборъ остановился на ней именно потому что ея наружность вполнѣ соотвѣтствовала такому требованію... Къ счастію для отца Іеронима, фактъ этотъ остался непроницаемымъ въ тайникахъ его души. И такъ ужь глядя на Марту онъ немного струсилъ. Да, струсилъ... Онъ съ большою покорностію переносилъ многое отъ нея. Онъ былъ увѣренъ что эта взбалмошная женщина, въ минуту гнѣва, способна была забыть свои собственные интересы и въ дѣйствительности оставить его. Вѣроятно не надолго; конечно, вернулась бы. Но какъ и короткое время ему быть безъ Марты? Десятилѣтняя привычка дѣло не шуточное.

Отецъ Іеронимъ зналъ по опыту что когда Марта находилась въ сильно раздраженномъ состояніи, разумныя увѣщанія никакого дѣйствія на нее не производили. Чтобъ

умиротворить ее, надобно было прибѣгать къ инымъ средствамъ.

— Ну, ну, перестаньте сердиться, проговорилъ онъ ласкающимъ голосомъ.—Присядьте-ка лучше сюда на диванъ поближе ко мнѣ. Вѣдь вы хотя и любите иногда поворчать, но истинно привязаны ко мнѣ, да и хорошо знаете что вы милѣе для меня всякой красавицы.

— Вы хоть кого сумѣете умаслить, произнесла Марта,— явно умилостивленная, и съ видимымъ удовольствіемъ усаживаясь около отца Іеронима.

— Выпьемъ же по стаканчику въ знакъ примиренія, сказалъ онъ, наливая одною рукой вино, а другою обвивая шею Марты. На ея толстыхъ губахъ появилась улыбка, придавшая еще болѣе отвратительное выраженіе ея и безъ того ужь столь некрасивому лицу.

V.

— Да, Кетхенъ, ваша разсѣянность, ваша безпорядочность приводятъ меня иногда въ отчаяніе! Меня, правда, предупредили что вы положительно не годитесь въ горничныя, но разказъ о вашемъ постоянствѣ меня расположилъ въ вашу пользу. Я сказала сыну что непремѣнно возьму васъ въ услуженіе къ себѣ! Вы пятнадцать лѣтъ любите одного человѣка—это дѣлаетъ честь вашему сердцу, Кетхенъ! Вы пятнадцать лѣтъ ждете чтобъ онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, устроилъ свои дѣла и женился на васъ—это дѣлаетъ честь вашему терпѣнію, Кетхенъ! И я хотѣла доказать всѣмъ своимъ знакомымъ что я умѣю цѣнить подобныя достоинства!

Эта длинная рѣчь была произнесена съ большимъ пафосомъ госпожею Мюлнеръ, маленькою, худенькою, пожилою дамочкой, въ маленькомъ салонѣ (изящно меблированномъ, но гдѣ сразу замѣчалась большая безпорядочность), и была обращена къ бѣлокурой, длинноногой и длинноносой горничной, стоявшей совершенно сконфуженно предъ своею барыней.

Госпожа Мюлнеръ, извѣстная во всемъ городѣ подъ названіемъ: „мать Мюлнера“, была вдовою бѣднаго органиста, прожившаго весь свой вѣкъ въ маленькомъ городкѣ. Онъ

училъ школьныхъ дѣтей лѣнію; въ воскресные и праздничные дни игралъ на плохомъ, почти совсѣмъ уже испорченномъ органѣ и посвящалъ все свое свободное время изученію Баха. Сынъ госпожи Мюлнеръ, Альбертъ Мюлнеръ, своею геніальностію, какъ скрипачъ и композиторъ, пріобрѣлъ европейскую славу; но онъ постоянно отказывался отъ блистательнѣйшихъ предложеній дѣлаемыхъ ему за границей, предпочитая жить „дома“, какъ онъ выражался, и оставлялъ родину развѣ только для того чтобы присутствовать гдѣ-нибудь при первомъ представленіи какой-либо изъ своихъ оперъ. Впрочемъ онъ и „дома“ занималъ самое высокое положеніе въ музыкальномъ мірѣ. Былъ директоромъ консерваторіи, концертмейстеромъ при дворѣ и т. д. Всѣ почести и овація оказываемыя сыну, госпожа Мюлнеръ приписывала главнымъ образомъ себѣ. Она находила и даже не рѣдко выражала эту мысль громко, что ея сынъ геній, конечно, но что онъ потому геній что она его мать, и что отъ такой геніальной женщины какъ она и не могъ родиться не геній. Госпожа Мюлнеръ сочиняла стихи. Она никогда не могла добиться чтобы въ одномъ изъ періодическихъ изданій появилось какое-либо изъ ея стихотвореній. И все не умѣла еще рѣшить, отказывали ей такъ упорно въ напечатаніи ея сочиненій „изъ низкой зависти и по интригамъ нѣкоторыхъ современныхъ поэтовъ, или потому что ея стихи были собственно выше настоящаго вѣка, и что только будущія поколѣнія въ состояніи будутъ ихъ вполнѣ оцѣнить“. Сообразивъ что ея стихотворенія достаточно многочисленны чтобы составить цѣлую книжечку, она рѣшилась издать ихъ сама, подъ названіемъ: *Буря* и *Тишь*. Ея сынъ очень долго этому противился, противился съ настойчивостью и энергіей, тѣмъ болѣе огорчавшими госпожу Мюлнеръ что она была крайне избалована его ласковостью и уступчивостью. „Что это тебѣ вдругъ вздумалось противорѣчить мнѣ?!“ повторяла она: „и противорѣчить въ такомъ еще дѣлѣ, когда рѣчь идетъ о распространеніи моей славы!... Тебѣ хорошо извѣстны мои сочиненія, я ихъ тебѣ читала не разъ...“ (Это было неоспоримо.) „И ты долженъ предугадывать какое впечатлѣніе произведетъ ихъ появленіе въ свѣтъ!....“

Мюлнеръ дѣйствительно предугадывалъ какъ нельзя вѣрнѣе это впечатлѣніе.... И старался молча выслушивать

всѣ доводы матери, боясь что у него невольно вырвется какое-нибудь черезчуръ искреннее замѣчаніе. Однако онъ кончилъ все-таки тѣмъ что поддался ея пламенному желанію, руководствуясь слѣдующимъ соображеніемъ: стихотворенія его матери, ло ихъ напечатаніи, будутъ попадаться въ руки разумѣется только ихъ знакомымъ; а всѣ ихъ знакомые безъ исключенія и такъ ужь превосходно ознакомлены съ ними. Если они одарены хотя мало-мальски хорошею памятью, они должны даже ихъ знать наизусть. Остановившись на этой сравнительно утѣшительной мысли, онъ самъ позаботился о томъ чтобъ изданіе *Бури* и *Тиши* вышло въ самомъ изящномъ видѣ. И Боже мой! какая это была для госпожи Мюлнеръ свѣтлая, великая минута, когда въ одно утро (и погода была въ тотъ день великолѣпная. Вся комната была залита солнечными лучами, точно сама природа праздновала вмѣстѣ съ госпожею Мюлнеръ ея торжество....) ея сынъ, вернувшись домой, вручилъ ей книжечку, и она прочла на заглавномъ листѣ—да, прочла собственными глазами: „*Буря* и *Тиша*. Собраніе стихотвореній Фредерики Мюлнеръ....“

Взглянувъ на озаренное восторгомъ лицо матери, Мюлнеръ упрекнулъ себя только въ одномъ: что онъ такъ долго препятствовалъ осуществленію подобной для нея радости.

О появленіи въ свѣтъ *Бури* и *Тиши* всѣ столичные журналы промолчали.

Ни единой строки, ни малѣйшаго намека о такомъ замѣчательномъ литературномъ явленіи!... Но госпожа Мюлнеръ сразу растолковала это молчаніе. Она поняла что оно происходило все отъ того же завистливаго недоброжелательства къ ней. Нѣкоторые изъ знавшихъ эти стихотворенія видѣли въ такомъ молчаніи о нихъ всѣхъ журналовъ новое доказательство общаго уваженія которымъ пользовался сынъ сочинительницы; но такое предположеніе осталось для нея разумѣется тайной. Въ одномъ юмористическомъ листкѣ появилась, правда, статейка о *Бури* и *Тиши*, написанная съ такою ѣдкою ироніей, что Мюлнеръ прочитавъ ее серіозно встревожился, опасаясь что она можетъ попасться его матери и глубоко огорчить ее. Но вскорѣ онъ успокоился: госпожа Мюлнеръ въ тотъ же день съ сіяющимъ видомъ сообщила ему „что она, какъ дѣлала это часто со времени напечатанія *Бури* и *Тиши*, велѣла принести себѣ нѣсколько разныхъ

газетъ и прочла самую злобную критику о своемъ сочиненіи.... Извѣстно, что только замѣчательнѣйшія произведенія встрѣчаютъ подобныя безмѣрныя нападенія.... Извѣстно также что удѣлъ именно геніальнѣйшихъ поэтовъ переносить (особенно въ началѣ своего поприща) брань и насмѣшку....“

Поощренная этимъ успѣхомъ гжа Мюлнеръ принялась писать большую поэму. Къ несчастію минуты высокаго вдохновенія находили на нее бо́льшею частью ночью и непремѣнно въ потьмахъ. Около ея кровати на столикѣ были, правда, всегда приготовлены бумага и карандашъ, и какъ только въ мысляхъ создавался стихъ, гжа Мюлнеръ тотчасъ же записывала его; но чтобы „не тревожить эти порывы вдохновенья“, какъ она выражалась, она никогда не зажигала свѣчи и весьма часто сама не могла разобрать днемъ что̀ написала ночью. Это обстоятельство очень замедляло ея трудъ. Однако двѣ первыя главы поэмы были готовы. (По задуманному плану, она должна была состоять, по крайней мѣрѣ, изъ двадцати главъ.)

Смѣсь элегантности и безпорядочности, отличавшая всю квартиру Мюлнеровъ, замѣчалась и въ туалетѣ гжи Мюлнеръ. Кашмировый калотъ, въ турецкомъ вкусѣ, былъ одѣтъ совершенно безъ юпокъ, такъ что довольно длинный шлейфъ болтался комкомъ. Воротничокъ изъ настоящихъ кружевъ былъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ разорванъ. На бѣлой шелковой подкладкѣ широкихъ висячихъ рукавовъ виднѣлись два чернильныя пятна. Изъ-подъ черной кружѣвной косынки накинутой на волосы (почти совсѣмъ посѣдѣвшіе) и приколотой немного криво, торчалъ сзади тоненькій кончикъ косы, съ хвостикомъ изъ чернаго шнурочка. За лѣвымъ ухомъ была прикрѣплена къ волосамъ живая малиновая георгина. Гжа Мюлнеръ обыкновенно носила въ волосахъ центифоліи. Но въ осеннее время должна была удовольствоваться другими цвѣтами.

— Я изъ-за васъ, Кетхенъ, продолжала гжа Мюлнеръ, — отказала своей прежней горничной, исполнявшей свои обязанности безукоризненно. Я назначила вамъ большое жалованье. Хочу даже сообщить вамъ, что намѣреваюсь сдѣлать для васъ еще больше! Предполагаю, по окончаніи своей поэмы, написать разказъ въ стихахъ, избравъ сюжетомъ для этого разказа исторію вашей любви и такимъ образомъ обезсмертить васъ, Кетхенъ!... Вы чувствуете ли это?!...

— Чувствую, сударыня.

— Но вы не должны употреблять во зло мое сочувствіе къ вамъ..... Взгляните на что̀ все похоже!... Гжа Мюлнеръ, употребившая эту фразу скорѣе ради реторической красоты, окинула, для бо́льшаго эффекта, взглядомъ всю комнату, и при этомъ случаѣ могла убѣдиться что въ дѣйствительности вся мебель, занавѣсы, портьеры, картины были покрыты толстымъ слоемъ пыли. — Вы, я думаю, болѣе недѣли здѣсь хорошенько не убирали... Сегодня даже мой сынъ, который никогда ни на что̀ не жалуется, сказалъ мнѣ, что вы каждый почти день забываете вычистить ему сапоги, а сегодня вы хоть и взяли ихъ, да забыли вовремя принести назадъ... И мой сынъ—мой сынъ! величайшій артистъ въ свѣтѣ—долженъ былъ въ однихъ носкахъ самъ сходить въ кухню за сапогами!... А отчего все это дѣлается? Оттого что у васъ нѣтъ никакой памяти, и что вы не хотите повѣрить мнѣ что память надобно упражнять... Сколько разъ я вамъ говорила: учите наизусть стихи, Кетхенъ... Я вамъ для этого даже подарила *Бурю и Тишь*, собраніе моихъ сочиненій. Но вы и книгу взять въ руки забываете!... Намедни совѣтница фонъ-Горнъ разказывала мнѣ, что ей предписали принимать каждый день по одной пилюлѣ; и что каждое утро, ровно въ семь часовъ, когда она еще въ постели, ея горничная приноситъ ей стаканъ воды и одну пилюлю.... Скажите, Кетхенъ, положа руку на сердце, были ли бы вы въ состояніи дѣлать это?... Вы молчите? Отвѣчу за васъ: Нѣтъ, Кетхенъ! Вы бы не были въ состояніи приносить мнѣ каждое утро пилюлю! Почему? Не потому что у васъ дурное сердце, или нѣтъ чувства, я убѣждена въ противномъ, а потому что вы забывчивы до крайности! Слѣдовательно...

Трудно рѣшить какъ долго пришлось бы еще Кетхенъ выслушивать всякія увѣщанія, еслибы не раздался звонокъ, и черезъ нѣсколько секундъ не вошелъ бы Альбертъ Мюлнеръ.

— Это ты уже, Альбертъ? обратилась къ нему съ радостною улыбкой гжа Мюлнеръ.—Что это ты сегодня вернулся такъ рано?

— Какъ рано? Напротивъ, часомъ позже обыкновеннаго. Я именно хотѣлъ просить васъ извинить меня что такъ опоздалъ.

— Ахъ Боже мой! воскликнула госпожа Мюлнеръ, засуе-

тившись.—А я сказала кухаркѣ чтобъ она не начинала дѣлать рагу пока я сама не приду въ кухню; прошлый разъ она рагу совершенно испортила. Я никакъ не думала что ужь такъ поздно!

— Я сегодня, признаться, немного проголодался.

— Сейчасъ, сейчасъ... Черезъ какихъ-нибудь полчаса или минутъ сорокъ, все будетъ готово... Да вы, Кетхенъ, кажется еще ничего къ столу не приготовили?

— Я было начала накрывать столъ, да вы изволили позвать меня сюда... робко отозвалась Кетхенъ.

— Яблоки къ дессерту купили?

— Нѣтъ... Вы сударыня ничего не изволили приказывать.

— Какъ не приказывала! Еще вчера сказала вамъ: не забудьте купить яблоки... Или это было про груши для вчерашняго обѣда?.. проговорила какъ бы про себя госпожа Мюлнеръ.—Идите скорѣе! Ахъ, какъ вы забывчивы! Ни малѣйшей памяти, ни малѣйшаго порядка!.. прибавила она скрываясь вмѣстѣ съ Кетхенъ за дверью.

Мюлнеръ вошелъ въ свой кабинетъ. Онъ уже не разъ испыталъ сколько времени обыкновенно продолжались у его матери „полчаса, или минутъ сорокъ". И сообразилъ что до обѣда можетъ еще преспокойно поработать. Онъ усѣлся предъ письменнымъ столомъ, отодвинулъ въ сторону нѣсколько написанныхъ начатыхъ листовъ. Взялъ новый листъ и изъ-подъ его пера стали показываться разныя новыя точки и черточки.

Какъ вамъ нравится наружность Мюлнера? спрашивалъ иногда кто-нибудь. — Онъ собственно дуренъ собою. — Какъ можно? Да онъ красивѣе всякаго красавца! — Это правда. Этотъ высокій лобъ, эти густые, вьющіеся волосы.—Но черты лица... Весьма неправильныя, но сколько въ его лицѣ выраженія, жизни... особенно когда онъ увлекается разговоромъ, или слушаетъ хорошую музыку. — Къ тому же онъ росту скорѣе большаго и вообще...

Вообще эти разныя мнѣнія наконецъ сходились на томъ, что Мюлнеръ дѣйствительно далеко не красивъ собою, но что у него наружность въ высшей степени симпатичная.

Мюлнеръ пересталъ писать. Онъ облокотился на столъ и закрылъ лицо руками. Музыкальная мысль не властна была поглотить всю его думу. Его преслѣдовалъ дѣтски-чистый взглядъ большихъ глазъ, какого-то неопредѣленнаго, чуднаго

цвѣта... На него глядѣло личико точно одна изъ головокъ ангельскихъ, созданныхъ кистью Беато Анджелико. Предъ его воображеніемъ ясно, неотступно рисовался образъ „маленькой Эльмы“. Какъ онъ любилъ ее! Насколько его чувства къ Эльмѣ было выше, чище, глубже всѣхъ тѣхъ болѣе или менѣе продолжительныхъ увлеченій, которыя онъ испытывалъ въ жизни и называлъ „любовью“. Мюлнеръ невольно улыбнулся при мысли какое обыкновенно придается значеніе „первой любви“, такъ часто зависящей болѣе всего отъ пробудившейся чувственности, замаскированной какимъ-то ложнымъ идеализмомъ... А потомъ!.. весь этотъ рядъ его побѣдъ... Знаменитыя красавицы, извѣстныя львицы, свѣтскія барыни, занимающія самое высокое положеніе въ обществѣ... и даже нѣкоторыя женщины пользующіяся „безукоризненною репутаціей“. Не пересчитать всѣхъ. И какъ легко онѣ отдавались ему, почти безъ борьбы. Одинъ изъ какого-то тщеславія; другія потому что связь съ артистомъ представляетъ много удобствъ, легче скрывается предъ мужемъ и свѣтомъ.

„И какъ вспомнишь, подумалъ Мюлнеръ, что было время когда я былъ способенъ серіозно увлекаться подобными женщинами и чуть ли не гордился подобными побѣдами... Правда, я тогда не зналъ еще Эльмы. Проститъ ли она мнѣ мое прошлое?... Проститъ ли? Развѣ въ этомъ только вопросъ, развѣ я знаю что она меня любитъ?... Многіе говорили мнѣ что я „избалованъ женщинами“... Припоминаю, съ нѣкоторыми изъ нихъ я бывалъ смѣлъ почти до дерзости... И теперь я робѣю предъ этимъ ребенкомъ.... „маленькою Эльмой“. Все лѣто я ее видѣлъ каждый день, теперь тоже часто бываю съ нею одинъ.... Пересматриваю нотные листки написанные ею, она наклоняетъ головку, ея шелковистые локоны дотрогиваются до моего лица.... Она благодаритъ меня.... такъ горячо жметъ мнѣ руку, оставляетъ свою крошечную ручку нѣсколько секундъ въ моей рукѣ, и я не смѣю сказать ей что я ее люблю!... Съ какимъ замираніемъ сердца я подмѣчаю каждый ея взглядъ, каждую улыбку.... Въ послѣднее время ея личико приняло какое-то восторженное выраженіе.... Оно точно просіяло радостью, счастьемъ.... Она должна полюбить меня, она должна быть моею....“

Мысль что Эльма, или ея родные могутъ увидѣть въ ея

замужествѣ съ нимъ mesaillance, не тревожила его. Онъ зналъ что Эльма была воспитана внѣ подобныхъ предразсудковъ. Онъ слышалъ не разъ какъ княгиня Пильхау, неодобрительно покачивая головой, разказывала „что въ домѣ бабушки Эльмы, старой баронессы фонъ-Лаутенъ, придерживались крайне-либеральнаго направленія.... Фактъ собственно непостижимый, если взять въ соображеніе благородныя традиціи семейства фонъ-Лаутеновъ.... Объясняемый развѣ тѣмъ обстоятельствомъ что когда баронесса фонъ-Лаутенъ находилась еще при дворѣ, она какъ-то сошлась съ генералъ-суперинтендентомъ Элерсомъ и съ барономъ Вальтеромъ... и вѣроятно была заражена ихъ пагубными идеями“...

Мюлнеръ почти громко засмѣялся, припомнивъ съ какимъ комически-важнымъ видомъ княгиня Пильхау произносила свое изреченіе. Къ тому же слѣдовало также еще взять въ соображеніе что на артистическомъ поприщѣ нельзя было достичь положенія болѣе почетнаго и обезпеченнаго чѣмъ онъ.... Мюлнеръ всталъ и быстро прошелся по комнатѣ. На душѣ его стало свѣтло. Онъ рѣшился говорить съ Эльмой. Онъ вспомнилъ еще что благодаря учрежденному въ ихъ семействѣ майорату, почти все состояніе фонъ-Лаутеновъ перешло въ руки дяди Эльмы. Эти подробности онъ какъ-то слышалъ тоже отъ княгини Пильхау. Какъ она ни была ему антипатична, онъ бы въ эту минуту обрадовался возможности увидѣть ее, чтобы разспросить ее получше, чтобы еще разъ получить удостовѣреніе что Эльма не богата... что она ему будетъ обязана роскошью и богатствомъ. Онъ теперь богатъ.

Онъ сталъ припоминать давно прошедшее.... Время дѣтства, когда еще жилъ отецъ и ихъ существованіе близко граничило съ бѣдностью, но все же было хотя нѣсколько обезпечено. А потомъ.... послѣ смерти отца, нужда, крайность.... Вечеръ. Комнатка ихъ скудно освѣщена. Мать, съ заплаканными красными глазами, сидитъ нагнувшись надъ шитьемъ какого-то грубаго бѣлья. Шьетъ до поздней ночи. Бывало скажешь ей „покойной ночи“, ляжешь спать и засыпая все думается: когда это мама перестанетъ шить?.. Отъ чего-нибудь проснешься.... свѣча почти догорѣла, а она все нагнувшись шьетъ. Ей за это платятъ, но мало. По утрамъ къ ней приходятъ дѣвочки. Она имъ даетъ уроки. У нея видъ такой утомленный, но она не жалуется, а все только

учитъ ихъ. И за это ей платятъ, но тоже мало. Потомъ когда дѣвочки уходятъ, садишься за фортепьяно (какія они были плохенькія, избитыя).... чтобъ играть гаммы. Въ комнатѣ такъ холодно... руки костенѣютъ, мученіе, однако все играешь, а то мать замѣтитъ что терпишь такой холодъ.... Но становится не въ мочь, и начинаешь согрѣвать дыханіемъ окоченѣвшіе пальцы.... Мать подойдетъ, взглянетъ съ такою печалью.... Потомъ приласкаетъ и проговоритъ какимъ-то точно надорваннымъ голосомъ: „дня чрезъ два я окончу эту работу, получу побольше денегъ, мы купимъ дровъ“... И не прибавивъ ни слова, опять садится за работу. Самъ тоже молчишь. Но такая боль сжимаетъ сердце... и думается: „когда я буду большой, я сдѣлаюсь органистомъ какъ былъ отецъ, можетъ-быть еще лучше, важнѣе, я сдѣлаюсь богачомъ! Тогда мама не будетъ шить до поздней ночи, не будетъ учить этихъ дѣвочекъ... Не будутъ у нея такіе заплаканные глаза.... Опять покажется ея добрая улыбка, опять она начнетъ иногда писать стихи. Когда отецъ жилъ, какъ она любила подчасъ заняться сочиненіемъ стиховъ.... Теперь и пера въ руки не беретъ!... Въ комнатѣ у насъ всегда будетъ тепло. За обѣдомъ будетъ каждый день мясное кушанье, а по воскресеньямъ миндальные крендельки, мамино любимое пирожное. За кофе по утрамъ будетъ булокъ всегда вдоволь.... Но для того чтобы разбогатѣть, надобно учиться много, хорошо....“ И, несмотря на испытываемый холодъ, пальчики опять, и съ удвоенною энергіей, забѣгаютъ по клавишамъ....

Такъ прошли многіе годы. Настало время когда не мать одна уже, но и я самъ вступилъ въ борьбу съ нуждою, съ жизнью—и наконецъ мечты дитяти осуществились — я разбогатѣлъ.... Какъ вспомнишь какое счастье я сталъ испытывать, когда сдѣлался въ состояніи доставлять матери всѣ удобства жизни.... Когда могъ, встрѣчая маленькихъ мальчиковъ что хотятъ учиться и терпятъ нужду, матерей изнемогающихъ подъ бременемъ бѣдности, труда и мысли что ихъ дѣти не могутъ учиться, потому что для этого нужны деньги.... Когда я могъ сказать имъ: „Отдохните. Перестаньте мучиться—я помогу вамъ.“ Я ко всему этому какъ-то привыкъ.... Я точно забылъ что я богатъ.... и вспомнилъ теперь только объ этомъ, при мысли о жизни вмѣстѣ съ Эльмой. И опять я испытываю то же чувство счастія, какъ тогда, въ началѣ моего богатства!...

VI.

На слѣдующее утро, Мюлнеръ прямо изъ консерваторіи отправился во дворецъ кронпринца, и быстро взбѣжавъ по лѣстницѣ одного изъ флигелей дворца, остановился въ длинномъ корридорѣ предъ дверью съ надписью: „Баронесса Эльма фонъ-Лаутенъ, фрейлина ея высочества кронпринцессы.“

Придворный лакей сидѣлъ на скамьѣ, около дверей, въ удобной позѣ, и разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ, въ ожиданіи возможности будущихъ занятій, узоры разостланнаго по корридору коврика.

— Спросите пожалуста, сказалъ ему Мюлнеръ,—можетъ ли баронесса принять меня.

Лакей вскочилъ и исчезъ за дверью съ поспѣшностью, ясно доказывавшей какимъ почетомъ Мюлнеръ пользовался во дворцѣ. Лакей вскорѣ опять вернулся со словами:

— Баронесса проситъ.

Эльма стояла предъ клѣткой съ парочкой прелестныхъ *oiseaux touches*, помѣщенною на столикѣ между горшками съ цвѣтами и растеніями, и наполняла отдѣленіе для воды свѣжимъ кормомъ. Она всегда дѣлала это сама, не довѣряя никому уходъ за ея крошечными любимцами. Увидѣвъ Мюлнера, она сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу и съ сердечностью пожала ему руку.

— Вы давно не были у меня, сказала она,—почти цѣлую недѣлю!... Вамъ не грѣшно?... Я всѣ эти дни ждала васъ.

Мюлнеръ взглянулъ на нее.... Опять ея личико точно освѣщено счастьемъ.... Отблескъ этого чего-то особенно свѣтлаго проникаетъ въ душу Мюлнера.... Эльма, кажется ему, за это время еще похорошѣла. Это справедливо и всѣ это замѣчаютъ. Въ ея взглядѣ больше жизни, огня. На щекахъ появился живой румянецъ. Подобно тому какъ иногда нѣсколько послѣднихъ штриховъ сдѣланныхъ кистью великаго художника создаютъ главную красоту картины, такъ выраженіе счастья придало Эльмѣ небывалую еще въ ней прелесть. Всѣ при дворѣ, кто съ доброжелательною, кто съ завистливою улыбкой, поговаривали о вѣроятной причинѣ этой перемѣны въ ней. Съ послѣдняго бала у кронприн-

цессы прошло всего какихъ-нибудь недѣли три; но графъ Хоцинскій такъ мало старался скрывать свою пробудившуюся „страсть“ къ Эльмѣ, что его ухаживаніе за ней ни для кого уже не было тайной.

Хоцинскій сумѣлъ обворожить своею личностью весь дворъ, „весь городъ“, какъ выражалась графиня Лиліенталь, твердо убѣжденная, по своимъ понятіямъ о статистикѣ, что къ населенію „всего города“ слѣдуетъ причислять только людей принадлежащихъ къ высшему кругу. При дворѣ было разъ навсегда заявлено и принято что графъ Хоцинскій „человѣкъ необыкновенный, одаренный блистательнѣйшими талантами, замѣчательною красотой, рыцарскимъ характеромъ“.... И было единогласно рѣшено „что если онъ дѣйствительно женится на Эльмѣ, можно будетъ искренно порадоваться ея счастью....“ Радость эта у многихъ высказывалась довольно явно уже заранѣе. Нѣкоторыя изъ засидѣвшихся фрейлинъ говорили о графѣ Хоцинскомъ и Эльмѣ не иначе какъ съ принужденною, или злобно-насмѣшливою улыбкой; Клара Бергъ, хотя внутренно бѣсилась болѣе всѣхъ, держала себя осторожнѣе; но и та не могла удержаться чтобъ иногда не кольнуть Эльму какимъ-нибудь замѣчаніемъ. Много также горькихъ минутъ пережилъ изъ-за этой предсказываемой женитьбы графа Хоцинскаго на Эльмѣ оберъ-гофмаршалъ Розенфельдъ.

— Развѣ можно сравнить это миніатюрное, ничтожное созданіе съ моими дочерьми?!.. безпрестанно восклицала баронесса Розенфельдъ.—А какой ей кладъ дается! Графъ красивъ, богатъ! Говорятъ (и онъ самъ какъ-то разказывалъ) что ему въ Польшѣ, не то что большія деревни, цѣлые города принадлежатъ!... Развѣ онъ занялся бы этимъ крохотнымъ существомъ, еслибы могъ имѣть случай сблизиться съ моими дочерьми?.. А почему я должна дожить и до этого еще униженія?! Потому что мой милый супругъ такъ старательно исполняетъ свои отцовскія обязанности!... Сколько разъ говорила вамъ: пригласите графа Хоцинскаго почаще приходить къ намъ....

— Приглашалъ. Не могъ же я насильно тащить его къ себѣ... рѣшался иногда замѣтить оберъ-гофмаршалъ.

— Не извиняйте себя пожалуста! перебивала его съ яростью оберъ-гофмаршальша.—Извѣстно какой вы отецъ! Вы хуже индійскаго бога Марса, проглотившаго своихъ собственныхъ дѣтей!...

Княгиня отнеслась съ большимъ сочувствіемъ къ вѣроятному замужеству Эльмы, „потому“ говорила она „что графъ Хоцинскій, при всей своей свѣтскости, превосходный, истинный христіанинъ (что̀ заявилъ ей лично разъ даже самъ отецъ Іеронимъ...). Если графъ женится на Эльмѣ, то конечно серіозно займется спасеніемъ ея души, и поспѣшитъ предохранить ее отъ пагубнаго вліянія ея бабушки, старой баронессы фонъ-Лаутенъ, проповѣдывающей чуть ли не Волтеровскія идеи!...“

Одинъ Мюлнеръ ничего не зналъ. Онъ за это время нѣсколько разъ, подъ предлогомъ нездоровья, отказывался отъ приглашеній ко двору, и хотя мысль объ Эльмѣ не покидала его, рѣже видѣлъ ее. Онъ хотѣлъ вынести одинъ борьбу предшествовавшую его рѣшенію говорить съ ней. Къ тому же, менѣе всего онъ могъ подумать что Хоцинскій станетъ ухаживать за Эльмой. По странному противорѣчію со всею личностью Мюлнера, столь чуждою свѣтской проницательности, свойственной людямъ проводящимъ свою жизнь при дворѣ, онъ прежде всѣхъ ихъ разгадалъ характеръ отношеній между графомъ Хоцинскимъ и кронпринцессой. Потому ли что по какому-то инстинктивному чувству, онъ вообще не довѣрялъ Хоцинскому и его „рыцарскому благородству...“ потому ли что кронпринцесса и Хоцинскій, знавшіе какъ мало Мюлнеръ заботился о происходившемъ вокругъ него, какъ легко онъ и посреди салонной болтовни уходилъ мыслью въ міръ отвлеченный, менѣе остерегались его нежели другихъ. Мюлнеръ могъ иногда подмѣтить страстный взглядъ, оттѣнокъ нѣжности въ голосѣ когда кронпринцесса говорила съ Хоцинскимъ; слышать то одно, то другое слово сказанное ей графомъ подъ шумъ говора вокругъ нихъ и обнаруживающее нѣкоторую интимность между ними. Наконецъ, Мюлнеръ, пораженный этими данными, почуявъ предстоящее горе кронпринцу, котораго искренно любилъ, невольно, какъ бы для отвращенія грозившей ему опасности, сталъ обращать больше вниманія на кронпринцессу и Хоцинскаго, и вскорѣ убѣдился въ справедливости своихъ догадокъ.

— Показать вамъ мой новый романсъ для арфы? спросила Эльма.

— Вы лучше прежде сыграйте мнѣ его.

— Когда я сочиняю что-нибудь новое, мнѣ всегда такъ хочется чтобы вы скорѣе просмотрѣли, прослушали каждую

строчку написанную мною.... Но часто я сама удивляюсь своей смѣлости. Еслибъ мнѣ прежде сказали что я стану показывать свои сочиненія Альберту Мюлнеру, я бы приняла такое предсказаніе за насмѣшку.... Вы сами виноваты, избаловали меня!...

Эльма начала играть. Она была признана артисткой на арфѣ. Но то же что̀ о ея красотѣ, можно было сказать и о ея игрѣ: она сдѣлалась еще прелестнѣе.

— Романсъ этотъ, мнѣ кажется, лучшая вещь изъ всего что̀ вы сочинили, сказалъ Мюлнеръ.—Какъ вы хорошо сыграли сегодня!...

Эльма встала и взяла Мюлнера за обѣ руки.

— Послушайте... проговорила она взволнованнымъ голосомъ.—Я ждала васъ съ нетерпѣніемъ не для того только чтобы показать вамъ этотъ романсъ.... Я хотѣла видѣть васъ чтобы сказать вамъ... она остановилась. Ея щеки покрылись яркимъ румянцемъ. Мюлнеръ крѣпко сжалъ ея ручки. Ожиданіе какой-то великой радости охватило его.—Вы не должны считать меня неблагодарной.... продолжала Эльма.—Здѣсь многіе очень добры ко мнѣ: Лаура Геренъ, княжна Ритербургъ, докторъ Штейнъ, но я все-таки иногда чуждаюсь ихъ. Я бы не могла высказать имъ всю свою душу какъ вамъ, вы мой лучшій другъ здѣсь!... Я хочу сказать вамъ что я счастлива... что я люблю, что я любима... прибавила она почти шепотомъ.

Мюлнеръ почувствовалъ какъ онъ поблѣднѣлъ. Сердце бившееся за минуту такъ радостно, точно упало. Его надежды были безумствомъ. Она любитъ, но другаго... кого же, кого? спрашивалъ онъ себя съ мучительною душевною болью.

— Кого любите вы? проговорилъ онъ.

Эльма раскрыла альбомъ съ фотографіями послѣднихъ живыхъ картинъ при дворѣ. Картина Фаустъ и Гретхенъ удалась по всеобщему приговору болѣе всѣхъ. Въ ней участвовали Эльма и графъ Хоцинскій.

Эльма молча и опять вся вспыхнувъ указала на эту группу.

— Графъ Хоцинскій!... воскликнулъ Мюлнеръ.

— Вы удивлены, не правда ли, что такой человѣкъ могъ избрать меня?... О, повѣрьте, я сама сознаю что я его не стою...

— Вы его не стоите!... Эльма, Эльма, онъ васъ обманываетъ...

Эльма взглянула на Мюлнера съ широко раскрытыми

глазами. Что съ нимъ? Что означаютъ эти слова, лишенныя всякаго смысла, и эта внезапная блѣдность, и его встревоженный видъ.

— Графъ Хоцинскій любитъ другую!

— Это не можетъ быть.

— Если нѣтъ, то тѣмъ хуже, тѣмъ онъ подлѣе!

— Другому я бы не отвѣтила на такія слова; вамъ я скажу только какъ мнѣ больно слышать ихъ отъ васъ!

— Я не могу, не хочу сказать вамъ все... Но Эльма, ради самого Создателя вѣрьте мнѣ! Вы полюбили человѣка недостойнаго, безчестнаго...

— Довольно, прошу васъ... перебила Эльма. Она была сильно взволнована, ея губы дрожали.—Я вамъ сказала что я его люблю, я не могу позволить такъ говорить о немъ!

— Нѣтъ, вы должны выслушать меня до конца!... Не стану скрывать предъ вами истины. Эльма, я васъ люблю.

— Вы!...

— Я хотѣлъ вамъ сказать это сегодня. Но мнѣ кажется что съ той минуты когда я на это рѣшился, когда сегодня вошелъ сюда и увидѣлъ васъ, до настоящаго мгновенья, прошло много, много времени... Тогда я мечталъ о невыразимомъ счастьи, я мечталъ о счастьи осчастливить васъ Эльма... О томъ какъ я буду свою Эльму беречь, окружать ее всѣми радостями жизни... Теперь все кончено. Моя мечта была безуміемъ. И теперь не ревность заставляетъ меня предостерегать васъ. Вы любите другаго, этимъ для меня сказано все. Быть-можетъ я примирился бы съ этою мыслью, еслибы въ вашемъ выборѣ видѣлъ залогъ вашего счастья... Но графъ Хоцинскій!... Все въ немъ—блескъ рѣчи, пониманіе и „серіозное“ изученіе искусства, „возвышенныя чувства“, „жертвы“ принесенныя имъ для родины, его политическое мученичество, все мнѣ кажется однимъ мишурнымъ прикрытіемъ внутренней пустоты. Во всемъ я вижу ложь, низкій обманъ...

— Я не должна долѣе слушать васъ!...

— Эльма, поймите хоть какъ вы мнѣ дороги, если я рѣшаюсь оскорблять ваше чувство, огорчать васъ!... Послѣ того что я сказалъ вамъ, вы мнѣ повѣрите еще менѣе чѣмъ всякому другому. Но вы сами назвали меня вашимъ „лучшимъ другомъ“... Кто же скажетъ вамъ правду?... Я спрашиваю себя, почему я, именно я разгадалъ графа Хоцин-

скаго лучше нежели другіе?... Почему! Я вѣрю въ силу предчувствія, въ извѣстныя предназначенія... Судьба, отнявъ у меня надежду на счастье, хотѣла быть-можетъ вознаградить меня возможностью спасти васъ, Эльма, отъ погибели... Вы улыбаетесь?... Вы не выражаете негодованія возбужденнаго моими словами, потому только что—не правда ли? — видите въ нихъ бредъ больной души, бредъ „влюбленнаго“ и жалѣете меня?...

Мюлнеръ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ опять остановился предъ Эльмой.

— Обѣщайтесь мнѣ хоть что вы не перестанете быть искренны со мною, сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу болѣе спокойствія.—Что вы останетесь моимъ другомъ... Простите меня, я огорчилъ васъ.

Его лицо выражало столько страданія... Эльма взглянула съ участіемъ на него и пожала ему руку.

— Вы вѣрите въ этого человѣка. Я думаю что онъ недостоинъ васъ. Вы вѣрите въ его любовь... Эльма, вы прелестны, онъ можетъ-быть увлекся вами, какъ до сихъ поръ былъ увлеченъ другой, какъ увлечется завтра третьей... Если я ошибаюсь,—прибавилъ быстро Мюлнеръ, замѣтивъ движеніе нетерпѣливаго негодованія у Эльмы,—тѣмъ лучше!... Но я долженъ былъ высказать вамъ все что думаю, потому что знаю васъ... Знаю что вы вся отдадитесь вашему чувству, потому что боюсь за васъ, Эльма, боюсь что оно погубитъ васъ!...

Въ первой комнатѣ послышались шелестъ платьевъ, веселый говоръ, бряцаніе сабли. Вошла графиня Лиліенталь, какъ всегда важная, и какъ всегда въ великолѣпномъ туалетѣ, хотя вполнѣ соотвѣтствующемъ ея лѣтамъ и скромнымъ требованіямъ утренняго наряда. За ней показались Артуръ Бергенъ и Клара Бергъ.

— Очень рада что мы застали васъ, милая Эльма, проговорила графиня, немного задыхаясь. Она страдала отдышкой и очень мучилась этимъ недугомъ, вспоминая что совершенное спокойствіе въ голосѣ, даже въ минуты сильнѣйшихъ душевныхъ волненій, должно быть принадлежностью людей хорошаго общества.

— Мы къ вамъ съ порученіемъ отъ принцессы Матильды, сказала Клара Бергъ, прерывая оживленный разговоръ съ Бергеномъ, и какъ бы приходя на помощь графинѣ Лиліен-

таль.—Вы, конечно, знаете уже что послѣзавтра у принцессы вечеръ съ повтореніемъ послѣднихъ живыхъ картинъ? Она желаетъ чтобы къ прежней программѣ прибавили еще двѣ, три новыхъ картины. Одна ужь выбрана: „Эгмонтъ и Клерхенъ"—когда она предъ нимъ на колѣняхъ. Роль Клерхенъ поручается вамъ, Эльма. Роль Эгмонта будетъ исполнена графомъ Хоцинскимъ... Ни у кого не хватитъ настолько жестокости чтобы разлучить васъ въ этой „сценѣ любви" какъ ее обыкновенно называютъ... прибавила Клара съ улыбкой, приблизившись къ Эльмѣ и понизивъ голосъ, но такъ что всѣ могли разслышать слова.

Графиня Лиліенталь еще не успѣла придти въ себя отъ этой „неосторожной выходки" Клары, какъ та, снова подойдя къ Бергену, стала перешептываться съ нимъ; причемъ присѣла къ нему такъ близко, что ея платье прикрыло сапогъ и колѣно его правой ноги. Графиня Лиліенталь была какъ на иголкахъ. И когда въ добавокъ еще Клара вдругъ громко расхохоталась, она наконецъ не утерпѣла, и съ яннымъ неодобреніемъ воскликнула: „Клара!"... Клара закусила губки съ насмѣшливою гримаской, и заговорила съ Мюлнеромъ.—„Точно избалованный ребенокъ—и королева все ей прощаетъ,... непостижимо!..." подумала графиня Лиліенталь. Въ этомъ надобно было съ нею согласиться. Поведеніе Клары Бергъ должно было иногда казаться „неприличнымъ" не только ей, видѣвшей въ соблюденіи предписаній этикета важнѣйшую, чуть ли не священнѣйшую задачу жизни, но и всякому другому, привыкшему не уклоняться отъ установленныхъ въ порядочномъ обществѣ требованій. И дѣйствительно королева, эта женщина столь серіознаго ума и направленія, которую можно было бы упрекнуть развѣ въ томъ что она была къ другимъ такъ же строга, какъ и къ самой себѣ, никогда не осуждала Клары Бергъ. Она смотрѣла сквозь пальцы на „самыя непозволительныя" выходки, какъ не безъ основанія иногда замѣчала во всеуслышаніе даже княгинѣ Пильхау. Королева привыкла видѣть въ Кларѣ принадлежащую къ дому изящную игрушку, немного испорченную правда, но все же прелестную, и точно боялась что когда станешь ее трогать и исправлять, она пожалуй перестанетъ блестѣть и забавлять.

Клара въ самомъ дѣлѣ была очаровательна. Таланты, умъ, исполненный блеска и юмора, красота, все ей было дано.

И какъ она была сложена! И какъ она умѣла одѣваться! Покрой ея платьевъ былъ всегда такъ придуманъ что еще помогалъ угадывать все совершенство ея формъ. Сколько было разчитаннаго, плѣнительнаго кокетства въ ея туалетахъ, прическѣ. Роскошные локоны такъ капризно раскидывались по плечамъ, что казалось никакъ не могли быть фальшивыми. Волнистая прядь волосъ такъ своевольно ложилась на лобъ. Капюшонъ sortie de bal такъ небрежно былъ накинутъ на эту красивую головку... точно все это дѣлалось само собою. Одно зеркало Клары знало сколько времени она употребляла чтобы приколоть такъ локоны, уложить эту прядь волосъ и накинуть капюшонъ....

Клара была еще очень хороша. Время однако начинало брать свое. На лбу и около глазъ стали показываться морщинки; цвѣтъ лица пожелтѣлъ, повялъ, но Клара съ рѣдкимъ талантомъ умѣла пособлять горю, и это какъ бы напоминаніе о томъ что она уже лѣтъ шестнадцать состояла при дворѣ въ качествѣ „очаровательной красавицы“, не было замѣчено почти еще никѣмъ, какъ и никто еще не подозрѣвалъ сколько труда и стараній стоило Кларѣ чтобы достичь этой цѣли. Это осталось тайной даже для ея собственной горничной. Хотя по ея манерамъ и разговору, ее можно было считать неосторожной и легкомысленной, Клара была собственно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ высшей степени обдумана, хитра, осторожна.

И при всѣхъ этихъ данныхъ она не выходила замужъ... „Странно!...“ „Удивительно!...“ повторяли многіе. Оно было тѣмъ удивительнѣе, что желаніе выйти замужъ, или вѣрнѣе сдѣлать хорошую партію, составляло средоточіе всѣхъ размышленій, всѣхъ ея стремленій, и по мѣрѣ того какъ годы прибавлялись, стало все болѣе и болѣе принимать характеръ настоящей idée fixe. Въ прежнее время ей было пріятно всякое ухаживаніе, гдѣ даже не могло предвидѣться замужества. Клара была слишкомъ холодна сердцемъ чтобы быть способною испытать сильную страсть, а тѣмъ менѣе глубокую любовь; но она была самолюбива и чувственна. Нѣкоторые мущины ей нравились. Она любила чтобъ ихъ ухаживаніе за ней доходило до очень сильныхъ размѣровъ, и даже какъ многіе увѣряли, великодушно прощала, если въ пылу увлеченія, они позволяли себѣ нѣкоторыя „невинныя“ вольности съ ней. Элиза Вейсъ утверждала что и Мюлнеръ одно

время принадлежалъ къ числу подобныхъ счастливцевъ, „что у нея на это доказательства есть!...“ Но Элизѣ Вейсъ, по извѣстной завистливости ея характера, и потому еще что она была сильно занята Мюлнеромъ, нельзя было совершенно довѣрять.

Предъ женитьбой кронпринца и послѣ, Клара всячески старалась очаровать его. Удачи не было. „А еслибъ и была?...“ говорилъ иногда докторъ Штейнъ при своихъ дружескихъ бесѣдахъ съ графиней Геренъ. „Это все-таки не пристроило бы нашу бѣдную Клару“, прибавлялъ онъ съ своей вѣчно-насмѣшливою улыбкой. „Время маркизъ Монтеспанъ, маркизъ Помпадуръ и т. п. увы, прошло!... И роль нынѣшнихъ ихъ послѣдовательницъ, хотя и возбуждаетъ часто тайную зависть, но все-таки нельзя сказать чтобы пользовалась явнымъ почетомъ. Провидѣніе иногда жестоко подсмѣивается надъ судьбой людей. Вотъ, напримѣръ, баронъ Берлау, или Клара Бергъ, они теперь чистый анахронизмъ. Въ былое время баронъ Берлау сдѣлался бы исторически извѣстнымъ придворнымъ шутомъ, а Клара Бергъ исторически извѣстною метрессой какого-нибудь короля. Стали бы они оба фигурировать въ разныхъ романахъ à la Дюма, и ихъ имена заучивались бы на всѣхъ школьныхъ скамьяхъ. А теперь!... Благо еще, если, какъ поговариваютъ, Берлау дѣйствительно въ награду за свои шуточки да прибауточки скоро получитъ камергерскій ключъ, а Клара Бергъ въ награду за свои долголѣтнія старанія, найдетъ высоколоставленнаго и богатаго жениха, а то ихъ существованіе оставитъ въ исторіи человѣчества еле замѣтный слѣдъ...“

Клара пришла относительно себя къ тому же заключенію что и докторъ Штейнъ. Она поняла что ради одного ухаживанія не стóитъ расточать своихъ чаръ, и что ей слѣдуетъ посвятить всѣ свои старанія одной цѣли: пріисканію мужа. Прежде всего ей пришелъ на умъ принцъ Лудвигъ. Онъ близкій родственникъ королевскаго дома, но для него не предвидится возможности какого-либо престолонаслѣдія, слѣдовательно затрудненій изъ-за политическихъ соображеній не будетъ. Онъ очень молодъ—тѣмъ лучше: Бальзакъ давно доказалъ что если несовсѣмъ молодыя женщины вообще способнѣе всякихъ другихъ очаровывать, то онѣ въ особенности производятъ такое дѣйствіе на совершенно молодыхъ людей. Она не богата, но при огромномъ состояніи принца Лудвига

смѣшно и думать объ этомъ. И развѣ подобные браки теперь ужь такая рѣдкость! Вовсе нѣтъ! И чтобъ она, Клара Бергъ, не добилась того что̀ удалось столькимъ другимъ, не стоющимъ и одной ея дивной ножки!... Клара принялась кокетничать съ принцемъ Лудвигомъ, съ такою обдуманностью, съ такимъ умѣніемъ, что по образцу ея дѣйствій можно было бы составить поучительный курсъ кокетства. Все было пущено въ ходъ. Плѣнительные туалеты и позы; комедія испытываемаго чувства любви, возбужденіе ревности, вовремя страстные порывы, и вовремя цѣломудренная сдержанность... Принцъ началъ терять голову. Но при дворѣ зашла рѣчь о его женитьбѣ на племянницѣ королевы, принцессѣ Матильдѣ. Король и королева пожелали чтобъ онъ познакомился съ ней ближе и съѣздилъ ко двору ея родителей. Принцъ Лудвигъ не могъ, разумѣется, уклониться отъ исполненія этого желанія, но отправился въ путь съ твердымъ намѣреніемъ не жениться на своей кузинѣ. Онъ былъ убѣжденъ что серіозно любитъ Клару, и написалъ ей даже нѣсколько страстныхъ писемъ. Но недѣли черезъ три, четыре, онъ вдругъ, къ собственному удивленію, замѣтилъ что влюбленъ въ свою молоденькую кузину. „Она прелестна, свѣжа, чиста точно только-что расцвѣтшій цвѣтокъ“.... Писалъ онъ къ королевѣ, довольно вѣрно характеризуя этими словами наружность и всю личность принцессы Матильды. „Вся моя жизнь будетъ посвящена ея счастью“.... и т. д. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Клара, какъ всегда „въ восхитительномъ туалетѣ“, присутствовала вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ на свадьбѣ принца Лудвига, отпразднованной въ столицѣ съ большою пышностью.

Но подобно привыкшему игроку, который потерявъ большія суммы, съ наружнымъ спокойствіемъ и надеждой на счастье въ будущемъ беретъ новую колоду и съ прежнею ловкостью снова начинаетъ метать карты, Клара опять принялась раскидывать свои сѣти. И куда, куда она ихъ ни забрасывала!... Все еще не разставаясь съ мыслью выйти за принца крови, она сначала преимущественно занималась разными высочествами пріѣзжавшими ко двору погостить. Успѣха не было. Затѣмъ пошелъ рядъ князей, графовъ, бароновъ, молодыхъ, среднихъ лѣтъ, старыхъ; тоже нѣкоторыхъ смертныхъ не титулованныхъ, но занимающихъ видныя мѣста въ бюрократическомъ мірѣ, или располагающихъ большимъ состояніемъ. Все напрасно!...

Появленіе при дворѣ графа Хоцинскаго возбудило, разумѣется, въ Кларѣ новые планы и надежды, но она вскорѣ оставила ихъ (хотя, еслибъ она не подчинялась вся разчету, могла бы увлечься имъ болѣе чѣмъ кѣмъ-либо другимъ), убѣдившись что онъ положительно не заботится о ней. Тогда Хоцинскому казалось еще неудобнымъ ухаживать, такъ-сказать въ присутствіи кронприцессы, за другою.

Кларѣ уже приходило на мысль выйти за Мюлнера. Европейская слава, большое состояніе. Свой аристократизмъ Клара упокоивала тѣмъ что рѣшившись сдѣлаться женою Мюлнера, она могла бы окружить себя ореоломъ пренебреженія всѣхъ предразсудковъ и безпредѣльнаго поклоненія величію генія... Многіе и такъ, смѣшивая признаки нѣкоторой даровитости съ особенностями артистической натуры, серіозно утверждали что Клара „артистка въ душѣ“. Но Мюлнеръ точно вовсе не понималъ полупризнаній, томныхъ взглядовъ и довольно ясныхъ намековъ Клары. „Онъ вообще совсѣмъ перемѣнился!..“ рѣшила Клара, чуть ли не съ пренебреженіемъ отвернувшись отъ плебея, не сумѣвшаго оцѣнить ея рѣшимости сдѣлать mèsaillance.

Въ настоящее время Клара бросила свои взгляды на графа Бергена отца и на графа Бергена сына. Состояніе Бергеновъ весьма значительное. Артуръ Бергенъ—адъютантъ кронпринца и очень любимъ имъ. Старый графъ Бергенъ имѣетъ, правда, ужь очень старческій видъ.... Но быть женой министра-президента! Принимать у себя весь дипломатическій корпусъ! Давать балы и обѣды, на которые вся высшая бюрократія, вся столичная аристократія жаждутъ получить приглашеніе! Его покойная жена была стара, не красива, наводила на всѣхъ скуку... Какъ оживится его домъ когда ея мѣсто займетъ Клара!... Молодая жена.... потому что для графа Бергена она будетъ очень молодою женой. Пока Клара имѣла гораздо болѣе успѣха у отца нежели у сына. Несмотря на свои лѣта и занятія, графъ Бергенъ не переставалъ быть и выказывать себя поклонникомъ женской красоты. Кокетничанье съ нимъ Клары ему льстило. Артуру Бергену Клара не нравилась. „Можетъ-быть“, прибавлялъ онъ, говоря о ней, „она бы произвела на меня иное впечатлѣніе, еслибы принадлежала къ числу женщинъ полусвѣта... Она бы была тогда болѣе на своемъ мѣстѣ. Ея образованіе выступало бы въ болѣе яркихъ краскахъ, а ея манеры и обращеніе сулили

бы не цѣли брачной жизни, а наслажденья ни къ чему не обязывающія...“

Сокративъ по возможности разговоръ съ Кларой, Мюлнеръ взялъ шляпу.

— Не уходите еще, обратилась къ нему довольно любезно графиня Лиліенталь.—Намъ можетъ-быть понадобится вашъ совѣтъ при выборѣ новыхъ живыхъ картинъ.

— Простите, графиня, сказалъ Мюлнеръ,—но сегодня экзаменъ въ консерваторіи, меня ждутъ тамъ.

— Какіе вы всѣ нелюдимые! воскликнула Клара, когда ушелъ Мюлнеръ.—Вообразите, Эльма! Встрѣтивъ графа на вашей лѣстницѣ, я насилу уговорила его зайти къ вамъ.... У Мюлнера хоть хорошій предлогъ всегда наготовѣ: консерваторія. Но вы, графъ...

— У меня мало обязательныхъ занятій, перебилъ Артуръ,—это правда; но есть полнѣйшее сознаніе насколько мое присутствіе при вашихъ совѣщаніяхъ о живыхъ картинахъ вамъ не нужно. Я въ этихъ вопросахъ профанъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не беру своего обвиненія назадъ! продолжала Клара, воспользовавшись разговоромъ между графиней Лиліенталь и Эльмой чтобъ опять отойти съ Артуромъ въ сторону.—Вы, не скажу, не умѣете, но не хотите быть любезнымъ... прибавила она съ немного грустною и „злѣнительною“ улыбкой.—Вотъ третьяго дня, вы знали что я буду обѣдать у васъ, и васъ не было дома....

— Я ушелъ не безъ намѣренія, сказалъ Артуръ съ малоскрываемымъ оттѣнкомъ ироніи.—На сценѣ я переношу, иногда даже люблю драматическія ситуаціи... хотя, признаться, предпочитаю смотрѣть нынѣшнія веселенькія оперетки, но въ дѣйствительной жизни, особенно еще въ собственной семьѣ, я бы не хотѣлъ содѣйствовать къ повторенію положеній, сплетекій, катастрофъ, такъ мастерски обрисованныхъ Шиллеромъ въ его *Донъ-Карлосѣ*... или кажется Расиномъ въ его *Федрѣ*... Можетъ-быть я и перепуталъ.... Я, увы, очень поверхностно занимался литературой....

Клара вспыхнула (это съ ней еще иногда случалось) и сочла лучшимъ расхохотаться.

— Я не знала что вы умѣете быть не только не любезнымъ, но и злымъ... проговорила она шутливо. Клара дѣйствительно этого не знала, и рѣшила что умнѣе и осторожнѣе будетъ заняться пока исключительно графомъ Бергеномъ-отцомъ. Она присѣла къ графинѣ Лиліенталь и Эльмѣ.

Разговоръ оживился. Послѣдній балъ и ближайшій будущій балъ, живыя картины, костюмы. Прелестный по своей оригинальности туалетъ графини В.... Претензіи на молодость княгини Д.... Ея комическая куафюра. Новая опера Мюлнера и новый теноръ. Пріѣздъ принца ***. Смерть барона К... Подтвержденіе приговора что его вдова „съ большимъ тактомъ“ держала себя на его похоронахъ. Предстоящій раутъ у графа Бергена и неумѣніе его сестры исполнять роль хозяйки. Бѣшенство княгини З.... что она не была выбрана въ предсѣдательницы при основанномъ принцессой Матильдой благотворительномъ обществѣ. Новая, удивительной красоты, собака принца Лудвига. Вѣроятное повышеніе фонъ-Гартунга изъ камергера въ оберъ-камергера... и т. д. и т. д. Эльма также разговорилась, и вскорѣ тяжелое впечатлѣніе произведенное страннымъ обращеніемъ Мюлнера, его неожиданнымъ признаніемъ, изгладилось.

Оставшись одна, она однако ясно стала припоминать нѣкоторыя особенности ихъ разговора. „Удивительно!... подумала она, всѣ эти выходки противъ Хоцинскаго не возбудили во мнѣ и малѣйшаго непріязненнаго чувства къ Мюлнеру.... Впрочемъ, я увѣрена, онъ говорилъ по искреннему убѣжденію.... изъ желанія „спасти“ меня....“ Эльма улыбнулась. „Да и потомъ, какъ онъ ни благороденъ, его сужденіе тутъ не можетъ быть безпристрастнымъ... помимо его воли оно должно сдѣлаться враждебнымъ.... его за это винить нельзя.“ И при мысли что Мюлнеръ любитъ ее, ей стало его жаль, такъ жаль что даже слезы навернулись на глаза. Но счастливая любовь, если и располагаетъ иногда въ отношеніи къ другимъ къ великодушнымъ порывамъ, рѣдко перестаетъ быть чувствомъ глубоко эгоистическимъ. Мысль и грусть Эльмы не на долго остановились на Мюлнерѣ. Воображеніе и сердце стремились къ радостнымъ воспоминаніямъ и надеждамъ. Она увидитъ Хоцинскаго не раньше завтрашняго вечера.... Сколько еще часовъ томительнаго ожиданія!... И вспоминаетъ она, до мельчайшихъ подробностей, ихъ послѣднее свиданіе, его страстные взгляды, его рѣчи, исполненныя столь нѣжной любви.... „Какъ я люблю его...“ шепчетъ Эльма, и все ея личико озаряется улыбкой невыразимаго счастья....

VII.

Столичное высшее общество жаловалось что королева въ этомъ году мало принимаетъ. Дѣйствительно, сезонъ уже почти подходилъ къ концу, а во дворцѣ за всю зиму было всего два бала. Только музыкальные вечера повторялись, какъ и въ прошлые годы, довольно часто. Королева любила и понимала музыку какъ немногіе. „Отъ серіозныхъ занятій и заботъ легче всего отдыхаешь, слушая хорошую музыку...“ говаривала она. На эти музыкальные вечера во дворцѣ приглашались, кромѣ лицъ принадлежащихъ ко двору, истинные любители музыки, и люди къ которымъ королева особенно благоволила, вообще весьма немногіе. Поэтому приглашенія на такой музыкальный вечеръ добивались какъ высшаго земнаго счастья. Всѣ средства пускались въ ходъ: лесть, интрига, униженіе, ложное меломанство.... Благодаря неутомимой энергіи, нѣкоторые добивались цѣли, вслѣдствіе чего въ число „истинныхъ меломановъ“ входили иногда и люди для которыхъ не существовало ничего скучнѣе музыкальнаго вечера, попадались тоже въ „избранный кругъ“ королевы и личности далеко не симпатичныя ей.

Въ концертной залѣ королевы собралось довольно многочисленное общество. Первый нумеръ программы кончился, къ сожалѣнію однихъ, съ наслажденіемъ прослушавшихъ мастерски сыгранный квартетъ Бетговена, и къ удовольствію другихъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ конца квартета, въ надеждѣ что во время антракта съ ними заговоритъ кто-нибудь изъ величествъ или высочествъ.

Между приглашенными находились также князь и княгиня Гохвартъ, бывавшіе почти на всѣхъ собраніяхъ при дворѣ. Князь подошелъ къ женѣ, и понизивъ голосъ, съ принужденною улыбкой спросилъ ее: „замѣтила ли она какъ сухо королева сегодня обошлась съ ними?“ Князь и княгиня Гохвартъ были люди уже пожилые. Во всю свою жизнь они не испытали собственно никакого сильнаго горя. Они оба происходили изъ древне-аристократическаго рода; оба владѣли большимъ состояніемъ. Они полюбили другъ друга и обвѣнчались. Послѣ тридцати лѣтъ, они, какъ и въ первые годы своего супружества, жили душа въ душу. Князь былъ

человѣкъ ума серіознаго и обширнаго образованія. Отечество и правительство вполнѣ оцѣнили его, онъ былъ надѣленъ всякими почестями. Кромѣ того, оказывая охотно услугу нуждающимся въ его помощи, онъ пользовался всеобщимъ сочувствіемъ и можно сказать не имѣлъ враговъ. Княгиня была также женщина умная и благоговѣла предъ заслугами мужа. Они бы могли быть счастливѣйшими людьми въ мірѣ.... Но всѣ данныя имъ судьбой блага были жестоко отравлены горькими страданіями испытываемыми ими изъза случаевъ „невниманія“ (бо́льшею частью созданнаго ихъ воображеніемъ) оказываемаго имъ при дворѣ. Стоило чтобъ они узнали что при дворѣ былъ или будетъ вечеръ, обѣдъ, раутъ, на который ихъ не пригласили; чтобы на какомънибудь публичномъ собраніи гдѣ находилась и королевская фамилія, ихъ величества и ихъ высочества не обратили на нихъ вниманія... и т. п. И у княгини разстраивались нервы, у князя пропадалъ аппетитъ.... Онъ терялъ способность интересоваться любимѣйшими своими занятіями, совершенно падалъ духомъ; цвѣтъ его лица желтѣлъ, и онъ только и находилъ облегченіе что въ возможности по цѣлымъ часамъ разсуждать съ женой „объ этомъ новомъ, столь оскорбительномъ для нихъ случаѣ.....“ Онъ освобождался отъ своихъ мученій не ранѣе какъ получивъ какое-либо доказательство что дворъ попрежнему благоволитъ къ нему. Но тревожное чувство, томительный страхъ что эти отношенія могутъ какъ-нибудь испортиться, почти никогда не покидали его. Объяснить подобную двороманію у человѣка какъ князь Гохвартъ, при его высокомъ умственномъ развитіи и при его совершенно независимомъ состояніи, весьма трудно. Лучше всѣхъ его понималъ камергеръ фонъ-Гартунгъ.

При видѣ фонъ-Гартунга, вѣроятно приходило на мысль что въ немъ вновь ожилъ Шиллеровскій Маршалъ Калбъ. И это новѣйшее изданіе смѣшнаго, мелочнаго, тупоумнаго царедворца, фонъ-Гартунгъ, совершенно сходился въ придворномъ прислужничествѣ съ княземъ Гохвартомъ! Одна изъ аномалій создаваемыхъ придворною атмосферой. Сколь многіе, попавъ туда, въ началѣ искреннѣйшимъ образомъ этому удивляются, а глядь, чрезъ короткое время сами заражаются недугами фонъ-Гартунговъ и князей Гохвартовъ...

Фонъ-Гартунгъ приблизился къ князю и княгинѣ Гох-

вартъ. Онъ угадалъ по выраженію ихъ лицъ что они чувствуютъ себя не хорошо. Мало того, и онъ замѣтилъ что королева (съ нею это случалось иногда изъ разсѣянности, безъ малѣйшаго намѣренія) приняла ихъ весьма сухо. Фонъ-Гартунгу (собственно существу добродушному) стало искренно жаль Гохвартовъ. Къ тому же, онъ самъ долженъ былъ причислить этотъ вечеръ къ счастливѣйшимъ въ его жизни: король, отправляясь въ балетъ (его величество рѣдко пропускалъ балетное представленіе), встрѣтилъ его на лѣстницѣ, и сказалъ ему съ любезною улыбкой: „А! это вы, Гартунгъ... Очень радъ видѣть что вы совсѣмъ поправились отъ вашей болѣзни...“ Фонъ-Гартунгъ не переставалъ пользоваться цвѣтущимъ здоровьемъ. Послѣ неизбѣжныхъ дѣтскихъ болѣзней, онъ во всю свою жизнь былъ только разъ боленъ лѣтъ пять тому назадъ, простудившись на придворномъ балѣ, вслѣдствіе слишкомъ усерднаго прислуживанія. Ясно что король слышалъ о болѣзни какого-нибудь другаго камергера и перепуталъ фамиліи. Но фонъ-Гартунгъ разумѣется объ этой ошибкѣ его величества и не заикнулся, а только, со словами глубокой благодарности, низко поклонился. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи съ его величествомъ, фонъ-Гартунгъ попался на глаза кронпринцессѣ; вошедъ въ концертную залу, она почувствовала маленькую дрожь, и попросила его (хотя тутъ же находились многіе другіе, къ которымъ она могла обратиться съ этимъ порученіемъ) принести ей накидку... И сейчасъ, вслѣдъ затѣмъ, королева поручила ему же сказать участвующимъ въ квартетѣ что она желаетъ чтобъ они начали играть.

Понятно что фонъ-Гартунгъ чувствовалъ себя въ этотъ вечеръ счастливѣйшимъ смертнымъ, и извѣстно что если продолжительное счастье часто развиваетъ въ человѣкѣ эгоизмъ, то иногда также въ минуты истиннаго счастья съ бо́льшимъ чувствомъ относишься къ горю другихъ. Фонъ-Гартунгу удалось разсѣять тяжелыя мысли князя Гохварта. Онъ между прочимъ замѣтилъ что королева сегодня не въ особенно хорошемъ расположеніи. Передалъ слышанный имъ недавно отъ кронпринца очень лестный отзывъ о князѣ... и т. д.

Въ то время какъ лица князя и княгини Гохвартъ прояснились, на лицахъ графини Лиліенталь и княгини Пильхау

можно было подмѣтить поднимающуюся желчь и внутреннюю бурю. Между ними существовалъ непримиримый антагонизмъ, хотя скрываемый безукоризненною внѣшнею любезностью. Сказать одна другой колкость, причинить непріятность, все это, конечно, съ пріемами утонченнѣйшей вѣжливости, доставляло обѣимъ истинное наслажденіе. Княгинѣ Пильхау (ей всегда принадлежалъ наступательный образъ дѣйствій, между тѣмъ какъ графиня Лиліенталь, собственно только вынужденная чувствомъ защиты, прибѣгала къ непріязненнымъ мѣрамъ) однимъ изъ удобнѣйшихъ орудій для ея атакъ служила Клара Бергъ. Графинѣ Лиліенталь былъ порученъ нѣкоторый надзоръ надъ еще молодыми фрейлинами королевы, и княгиня Пильхау, высмотрѣвъ что-нибудь предосудительное въ Кларѣ, никогда не упускала случая кольнуть этимъ свою соперницу.

— Какой красивый туалетъ сегодня у Клары... сказала она ей, прищуриваясь съ ироническою улыбкой.—Жаль только что она какъ будто забыла надѣть лифъ...

Графиня Лиліенталь взглянула на Клару и онѣмѣла. Слова княгини тѣмъ болѣе уязвили ее что въ нихъ нельзя было найти и малѣйшаго преувеличенія. Клара, строго слѣдуя модѣ предписывающей сильно вырѣзанныя платья, въ этотъ разъ дошла до каррикатуры: лифчикъ изъ свѣтлой матеріи, съ рукавчиками изъ бѣлаго тюля и съ широкою modestie, но надѣтый очень низко, дѣйствительно, не походилъ на лифъ, а скорѣе имѣлъ видъ кушака.

— Нынѣшній покрой платьевъ скоро затмитъ своею нескромностью моды временъ первой имперіи!.. наконецъ нашлась сказать графиня Лиліенталь, и подошла къ Кларѣ чтобы посовѣтовать ей поднять немного modestie...

— Я сегодня такъ поздно вернулась съ обѣда у принцессы Матильды что еле успѣла одѣться... проговорила Клара.— Моя горничная дѣлается ужасно безпечною... прибавила она, поправляя modestie.

Княгиня Пильхау, вмѣстѣ съ удовольствіемъ испытываемымъ при возможности уязвить графиню Лиліенталь, была искренно скандализована туалетомъ Клары. Подъ этимъ впечатлѣніемъ, она вступила въ разговоръ съ Фольвартомъ (библіотекарь королевы, и чуть не единственный протестантъ пользовавшійся благосклонностью княгини Пильхау). „Онъ былъ бы достойнымъ принадлежать къ нашей церкви"! говорила она иногда.

Пока они вдвоемъ разсуждали о суетѣ міра сего, объ испорченности всего человѣчества вообще и нѣкоторыхъ людей въ особенности; пока выраженіе лица у княгини Пильхау становилось все желчнѣе, а Фольвартъ морщилъ лобъ и складывалъ свои тонкія губы все строже, Клара, точно чтобъ еще сильнѣе раздразнить ихъ, воспользовавшись антрактомъ и отсутствіемъ графа Бергена (при немъ она вела себя осторожнѣе), принялась кокетничать съ принцемъ Лудвигомъ. Со времени его женитьбы она имъ вовсе не интересовалась. Она была занята другими планами, да и о супружескомъ счастьѣ принца Лудвига и принцессы Матильды разказывали чудеса. Теперь же начинали поговаривать что онъ охладѣлъ уже къ своей женѣ, и что даже подаетъ ей серіозныя причины къ ревности. Въ этотъ день, за обѣдомъ, Кларѣ показалось что онъ бросилъ на нее влюбленный взглядъ... Привычка кокетства, воспоминаніе оскорбленнаго самолюбія, разыгрались въ ней.

Глядя на Клару, на ея плечи (она весьма плохо поправила себѣ modestie), слушая ея пикантный разговоръ, надобно было согласиться что она „увлекательна“. Однако принцъ Лудвигъ, стоя около нея, имѣлъ видъ скорѣе равнодушный. И даже, замѣтивъ выходящую изъ сосѣдней комнаты княжну Ритербургъ, довольно поспѣшно, съ почтительнымъ поклономъ, приблизился къ ней. Клара поглядѣла ему вслѣдъ. Ея глаза сверкнули злобно. „Значитъ, этотъ взглядъ, столь хорошо знакомый мнѣ, подумала она,—меня обманулъ... Или онъ былъ вызванъ мыслью о другой?..“

Княжна Ритербургъ была приблизительно однихъ лѣтъ съ королевой и съ самой молодости дружна съ нею. Она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Но не всѣ ее любили. Она имѣла неудобную для многихъ привычку говорить всегда правду и открыто порицать все что находила достойнымъ порицанія. Дѣлала она это просто, скромно, безъ малѣйшаго выставленія своего *я*, безъ ожесточеннаго озлобленія, и тогда только, когда полагала что ея искренность принесетъ пользу доброму дѣлу. Но тѣмъ не менѣе ей иногда приходилось задѣть самолюбіе одного, изобличить затѣи другаго, указать на несправедливость третьяго. Кромѣ того, многимъ даже лично не знакомымъ съ нею, весь ея образъ дѣйствій казался до такой степени „страннымъ“ что по ихъ понятіямъ онъ могъ принадлежать „развѣ только интриганткѣ или комедіанткѣ“...

Приговоръ этотъ однако не долго просуществовалъ. Онъ разбился о факты. Принялись доискиваться чего-либо другаго. Привязанность княжны Ритербургъ къ королевѣ, ея дружескія отношенія и къ остальнымъ членамъ королевской фамиліи, ея преданность (завѣщанную ей и семейными преданіями) къ интересамъ царствующей династіи, начали было называть „заискиваніемъ“, „низкопоклонствомъ“.... Но и это обвиненіе не имѣло успѣха. Обращеніе княжны Ритербургъ, всѣ ея поступки, весь образъ ея жизни, наконецъ выборъ людей съ которыми она сближалась (причемъ она руководствовалась только своими симпатіями, вовсе не заботясь о числѣ ихъ предковъ или о ихъ положеніи въ свѣтѣ), были неоспоримо отмѣчены полнѣйшею независимостью характера.

— Я именно искала васъ, принцъ, сказала княжна Ритербургъ съ привѣтливою улыбкой принцу Лудвигу.—Присядемъ вотъ здѣсь, на этомъ диванѣ... Я была недѣли три больна, не выѣзжала, никого не принимала... Я васъ и не поблагодарила еще, прибавила она, ложавъ принцу руку,—вы были такъ добры нѣсколько разъ заѣзжали ко мнѣ. Я сегодня была поражена перемѣной въ принцессѣ Матильдѣ. Она за это время очень похудѣла...

— Вы находите?.. проговорилъ принцъ Лудвигъ, точно сконфузившись.

— Мы всѣ привыкли видѣть ее цвѣтущею здоровьемъ, безпечно веселою... Какъ-то странно не слышать ея рѣзваго смѣха, замѣчать на этомъ миломъ личикѣ слѣды нравственныхъ страданій... (Принцъ слегка закашлялся.) Въ городѣ ходятъ нехорошіе слухи о васъ, принцъ, продолжала княжна, прибѣгая къ самой кроткой интонаціи своего голоса чтобы по возможности смягчить это жесткое выраженіе. Не могу знать до какой степени они справедливы.... Но не подлежитъ сомнѣнію что эти слухи дошли и до принцессы Матильды. Поберегите ее!.. Она не принадлежитъ къ сильнымъ натурамъ. Да и притомъ, она такъ молода, такъ неопытна... Не думаю чтобъ она была въ состояніи справиться съ большимъ горемъ — оно или сломитъ ее... или испортитъ. Я имѣю очень хорошее мнѣніе о вашемъ сердцѣ, принцъ. Вы искренно добры. Это уже проявлялось когда вы еще были маленькимъ мальчикомъ. Приломинаю какъ часто вдвоемъ съ вашею покойною матушкой мы любовались нѣкоторыми выходками „шалуна Лудвига“, доказывавшими его сердеч-

ную доброту... Я увѣрена что вы не станете слишкомъ пенять на меня за мою откровенность и постараетесь сберечь покой и счастье принцессы Матильды.

Княжна Ритербургъ собственно не ошиблась. Принцъ Людвигъ нисколько не обидѣлся ея словами; онъ, напротивъ, былъ даже тронутъ ея участіемъ къ женѣ и въ эту минуту обѣщалъ себѣ непремѣнно исполнить многія прекраснѣйшія намѣренія. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этихъ мыслей и чувствъ, онъ вскорѣ послѣ разговора съ княжной Ритербургъ, подошелъ къ женѣ, присѣлъ къ ней и сталъ разговаривать съ ней съ такою лаской въ голосѣ и взглядѣ съ такою заботливостью сталъ спрашивать ее „не устала ли она?..“ что̀ большіе голубые глаза принцессы Матильды, только-что смотрѣвшіе грустно и уныло, начали оживляться, ея блѣдныя щеки покрылись румянцемъ, все личико повеселѣло... Княжна Ритербургъ взглянула на нихъ, и на ея лицѣ также показалась дѣтски-добрая улыбка. При всемъ ея умѣ, при ея лѣтахъ и обстоятельствахъ жизни, дававшихъ ей, казалось бы, возможность пріобрѣсти большую опытность, она все-таки не переставала слишкомъ легко и скоро вѣрить въ осуществленіе всего хорошаго.

Мюлнеръ, со скрипкой и смычкомъ въ рукахъ, подошелъ къ фортепьянамъ. Говоръ въ залѣ прекратился разомъ. И величайшіе артисты не всегда бываютъ застрахованы отъ болтовни громко или хоть шепотомъ во время ихъ игры. Но всѣ знали что королева любила чтобы музыку слушали со вниманіемъ.

Въ игрѣ Мюльнера соединялось все: благородство стиля, глубина чувства, огонь страсти. Техническія трудности не существовали для него; но онъ видѣлъ въ нихъ не болѣе какъ средство, нужное иногда для вѣрности выраженія мысли. Высказывать восхищеніе возбуждаемое его игрой казалось черезчуръ банальнымъ. Но его игра такъ электризовала слушателей что гдѣ бы онъ ни игралъ, невольные возгласы восторга вырывались со всѣхъ сторонъ.

Королева пожелала чтобы послѣ Мюлнера, Эльма сыграла нѣсколько романсовъ Шуберта, переложенныхъ ею для арфы. Послѣ игры Мюлнера произвести впечатлѣніе на публику могло удаться развѣ только одной Эльмѣ. „Я увѣренъ“, говаривалъ докторъ Штейнъ, „что ея игра должна очаровывать и глухихъ“.... Дѣйствительно, трудно было

представить себѣ что-нибудь прелестнѣе Эльмы за арфой. Этотъ инструментъ шелъ къ ней. Ея игра, нѣжная, легкая, граціозная, исполненная неподдѣльнаго чувства, гармонически сливалась со всею ея наружностью.

Въ этотъ вечеръ Эльма произвела настоящій фуроръ. Ее засыпали похвалами. Даже докторъ Штейнъ, не любившій кому-либо высказывать похвалу въ глаза, не вытерпѣлъ, подошелъ къ ней и обѣими руками крѣпко сжалъ ея ручку.

— Я давно подозрѣваю, сказалъ онъ ей,—что вы собственно должны быть маленькая фея, вздумавшая пожить нѣкоторое время между людьми, и что вы слѣдовательно располагаете сверхъестественными силами... Вы сдѣлали неимовѣрные успѣхи...

Графъ Хоцинскій былъ очарованъ. Кромѣ красоты и игры Эльмы, этому много способствовалъ и эффектъ произведенный ею. Онъ приблизился къ Эльмѣ. Говоръ въ залѣ и мѣсто выбранное имъ чтобъ усѣсться — диванчикъ въ одной изъ нишъ залы—позволяли ему говорить съ нею не стѣсняясь. Онъ былъ въ этотъ вечеръ дѣйствительно влюбленъ въ нее. Какъ было Эльмѣ не вѣрить ему!... И не однѣ его рѣчи, его взглядъ, все выраженіе его лица такъ ясно говорили ей о его страсти...

Кронпринцесса привыкла видѣть Хоцинскаго часто вмѣстѣ съ Эльмой. И привыкла не обращать на это никакого вниманія, и считать то и другое необходимостью. Она подчинялась этому безъ малѣйшаго тревожнаго чувства. Она была спокойна. Но въ этотъ разъ кронпринцесса случайно или инстинктивно взглянула на Хоцинскаго и Эльму и ея взглядъ остановился на нихъ точно прикованный. Внезапная блѣдность покрыла ея лицо. Она стиснула губы, ея тонкія черныя брови грозно сдвинулись..... Выраженіе страстной, ожесточенной злобы исказило почти до безобразія эти „классически красивыя“ черты. Посмотрѣвъ на нее въ эту минуту, врядъ ли кто-либо не согласился бы со Штейномъ, не разъ выражавшимъ замѣчаніе что „кронпринцесса Франческа могла бы послужить превосходною моделью для изображенія головы Медузы..“

Во время игры Эльмы королева находилась въ сосѣднемъ небольшомъ салонѣ. Она иногда любила слушать музыку изъ другой комнаты, нѣсколько уединившись. Возлѣ королевы сидѣлъ генералъ-суперинтендентъ Элерсъ.

— Сегодня я съ особеннымъ удовольствіемъ прослушала Эльму Лаутенъ, сказала королева.—Подобно арфѣ царя Давида ея игра успокоила мою возмущенную душу... прибавила она слегка улыбнувшись.—Все что вы сообщили мнѣ о продѣлкахъ, о тайныхъ козняхъ іезуитовъ въ краѣ, а главное, о ихъ успѣхахъ, наводитъ на самыя тяжелыя размышленія..... Приходишь къ сознанію какъ тщетны были до сихъ поръ всѣ старанія подкосить ихъ вліяніе, какъ трудно прямыми путями совладать съ ними. Припоминаешь разсказы въ сказкахъ о безсильной борьбѣ съ нѣкоторыми страшными чудовищами выходящими невредимыми изъ-подъ смертельныхъ ударовъ...

— Надлежитъ по крайней мѣрѣ всѣми средствами содѣйствовать устраненію ихъ вліянія на народное просвѣщеніе. Не въ ихъ ли рукахъ всѣ элементарныя школы въ краѣ, и простой народъ оставляется въ грубомъ невѣжествѣ, систематически устраняется отъ него все что могло бы послужить къ его умственному развитію. Есть цѣлые университеты подъ ихъ исключительнымъ господствомъ.

Разговоръ, перешедшій въ обсужденіе мѣръ кои могли бы парализовать вліяніе клерикальной партіи, былъ прерванъ раздавшимися звуками скрипки. По назначенной программѣ, Мюлнеръ началъ играть новую элегію своего сочиненія. Новое сочиненіе Мюлнера было для королевы всегда интереснымъ событіемъ. Присутствіе Элерса не мѣшало ей слушать. Она знала что онъ любитъ и понимаетъ музыку. Въ минуту наслажденія прекраснымъ, ничто такъ не портитъ этого впечатлѣнія, какъ близость людей чуждыхъ чувства прекраснаго.

— Какая дивная мелодія!.. проговорилъ Элерсъ.—Сколько пѣвучести въ ней... Нужно бы, безъ всякаго измѣненія, превратить эту элегію въ престный романсъ для голоса...

— Да, это правда... Но тогда пришлось бы пріискивать слова... замѣтила королева. — Не знаю можно ли разсказать словами всю глубину грусти что слышится въ этой мелодіи... Это точно жалоба, страшная, неутѣшная... Мнѣ кажется что выразить ее такъ сильно легче одними звуками скрипки, особенно когда играетъ самъ Мюлнеръ.

Кронпринцъ наслѣдовалъ отъ матери любовь къ музыкѣ. Игра Мюлнера производила на него всегда сильное впечатлѣніе; но въ этотъ разъ оно было глубже чѣмъ когда-либо,

потому ли что піеса пришлась ему по сердцу, или что въ самомъ дѣлѣ, какъ казалось кронпринцу, Мюлнеръ въ этотъ вечеръ „превзошелъ самого себя“. Кронпринцу сдѣлалась въ тягость эта нарядная толпа, вся эта атмосфера придворной сдержанности и принужденнаго веселья. Онъ часто, послѣ хорошей музыки, испытывалъ желаніе уйти подальше отъ людей и быть поближе къ природѣ. Весной и осенью онъ иногда возвращался изъ оперы домой пѣшкомъ, шелъ черезъ дворцовый паркъ, и тамъ, прогуливаясь по аллеямъ роскошныхъ деревьевъ, или усаживаясь на скамейкѣ и любуясь звѣзднымъ небомъ, погружался воспоминаніемъ въ міръ мелодій и гармоній очаровавшихъ его.

Вблизи отъ концертной залы находился зимній садъ. Кронпринцъ вошелъ туда. Онъ былъ увѣренъ что въ это время тамъ не будетъ никого. Зимній садъ этотъ былъ устроенъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Густыя аллеи, дорожки покрытыя пескомъ, бесѣдки, фонтаны, лужки окруженные цвѣтами, каскады, горки, мостики. Потолокъ со сводомъ, и на немъ превосходно сдѣланное *al fresco* изображающее небо. Легко можно было забыться и вообразить что находишься не въ стѣнахъ дворца, а въ дѣйствительномъ саду. Недалеко отъ входа была любимая бесѣдка кронпринца,—прелестное мѣстечко. Съ обѣихъ сторонъ большіе кусты розъ; напротивъ фонтанъ: Геба работы Кановы. Бесѣдка, сдѣланная изъ темной зелени, была точно спрятана въ группѣ высокихъ акацій и опиралась о стволъ дерева одной изъ боковыхъ аллей.

Кронпринцъ усѣлся на маленькомъ очень уютномъ диванчикѣ въ бесѣдкѣ. Ему пріятна была эта тишина, нарушаемая только шумомъ бьющаго фонтана, пріятно было глядѣть на эти красивыя растенія, чувствовать себя какъ будто посреди лѣта. „Я давно тутъ не былъ, подумалъ онъ, какъ здѣсь хорошо!“.. Привыкши нѣсколько къ шуму фонтана ему показалось что онъ слышитъ голоса. Да, дѣйствительно... и они стали приближаться.... Кронпринцъ узналъ голосъ графа Хоцинскаго.

— Въ первую минуту я принялъ ваши слова за шутку.... говорилъ Хоцинскій. — Когда вы сказали мнѣ, что я черезчуръ увлекся своею ролью, что ухаживая за Эльмой Лаутенъ, я пожалуй не обманываю никого кромѣ васъ, я готовъ былъ расхохотаться....

Кронпринцъ весьма не радъ былъ случаю заставившему его сдѣлаться невольно нескромнымъ слушателемъ явно очень интимнаго разговора. Онъ хотѣлъ было тотчасъ же уйти; но боязнь встрѣтить говорящихъ, и поставить ихъ въ ложное положеніе, удержала его. Они шли по аллеѣ которая примыкала къ бесѣдкѣ.

— Допустить мысль, продолжалъ Хоцинскій,—что вы можете сомнѣваться во мнѣ, въ моей любви, мнѣ казалось сумасбродствомъ!.... Но ваша ироническая улыбка, вашъ до жестокости холодный взглядъ убѣдили меня что я ошибся. Какъ передать вамъ что я почувствовалъ тогда!... Оскорбленіе, скорбь, озлобленіе противъ васъ.... Мнѣ хотѣлось осыпать васъ упреками, и въ то же время пасть къ вашимъ ногамъ, обнять ваши колѣна, и сказать вамъ: „Франческа, Франческа, развѣ ты не знаешь какъ я тебя люблю“....

„Франческа?... Кому еще кромѣ моей Франчески, принадлежитъ это имя?“... подумалъ кронпринцъ. Шелестъ платья и шаги становились яснѣе. Что это?! Страшный сонъ?... Или бредъ больнаго воображенія?... Ему показалось что онъ узнаетъ походку кронпринцессы.... Вся кровь прихлынула къ сердцу, въ вискахъ застучало.... Статуя Гебы точно зашевелилась.... шумъ фонтана сдѣлался вдругъ оглушительнымъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ кронпринцъ ничего не могъ разслышать. Звукъ говора, шаги, шелестъ платья какъ будто разомъ замолкли. Но вотъ опять раздался, и еще ближе, голосъ Хоцинскаго.

— Еслибъ не эта любовь, безграничная, безмѣрная, произнесъ онъ съ жаромъ,—еслибъ не мой страхъ за ваше спокойствіе, развѣ я согласился бы на эту постыдную комедію.... Да, постыдную... потому что эта бѣдная дѣвушка можетъ увлечься серіозно.... Мнѣ иногда бываетъ ея жаль... Но это было самое лучшее средство чтобъ охранить васъ! Для этого я не остановился бы ни предъ какою жертвой и для этого я рѣшился даже заглушить въ себѣ чувство совѣсти!....

Эти слова были сказаны превосходно. Графу Хоцинскому приходилось въ своей жизни прибѣгать къ разнороднѣйшимъ ролямъ; но слѣдуетъ признаться что онъ особенно бывалъ доволенъ если оказывалась надобность заняться на время исполненіемъ „благороднаго характера“. Онъ себѣ въ этой роли очень нравился. — Вы говорите, продолжалъ онъ,—что глядя на меня когда я около Эльмы, врядъ ли

возможно сомнѣваться въ искренности моего чувства къ ней, но какъ бы иначе эта комедія могла имѣть успѣхъ?.... Установилось ли бы тогда при дворѣ убѣжденіе что „маленькая Эльма совершенно вскружила мнѣ голову". Благо мнѣ пригодился мой „сценическій талантъ"... прибавилъ Хоцинскій съ горечью.—Но я не всегда умѣю быть актеромъ. Сегодня, теперь, услыша ваше замѣчаніе на счетъ моего обращенія съ Эльмой Лаутенъ, взглянувъ на васъ... мнѣ невозможно было бы не сказать вамъ тотчасъ же какъ глубоко вы оскорбили меня и невозможно было бы говорить съ вами въ эту минуту при всѣхъ.... Казаться спокойнымъ.... сторожить выраженіе своего лица, звукъ голоса.... Я просилъ васъ послѣдовать за мною сюда.... Но я былъ не правъ.... Я точно защищаюсь предъ вами! Я этимъ самъ оскорбляю свое чувство любви. Мнѣ слѣдовало молча перенести эту обиду. Вы бы сами поняли какъ она несправедлива и жестока!... Да, Франческа, ты бы поняла что тотъ кто любитъ тебя, кому ты отдала свою любовь, не будетъ думать о другой... Ты бы вспомнила что ты выше всѣхъ женщинъ въ мірѣ—не ради трона королевы, который тебя ожидаетъ—но потому что тебѣ принадлежитъ тронъ чарующей, всемогущей красоты.... Потому что никто не способенъ дарить такіе восторги любви какъ ты!...

Послѣднее сомнѣнье исчезло. И все-таки кронпринцъ захотѣлъ взглянуть на нихъ, видѣть ихъ..... точно онъ иначе не могъ повѣрить самому себѣ. Онъ всталъ и попробовалъ раздвинуть сплетенныя вѣтки бесѣдки.

„Прости меня.... ты правъ — я виновата предъ тобою"... услыхалъ кронпринцъ. Эти слова были произнесены такъ близко что казались обращенными къ нему. Онъ остановился, не трогаясь, сдерживая дыханье. Его рука судорожно и точно окаменѣлая сжимила листья. Малѣйшее его движеніе могло бы быть замѣченнымъ. Онъ весь превратился въ слухъ. Теперь они дошли до самой бесѣдки. Молчатъ. Прошли мимо... Кронпринцъ раздвитулъ вѣтки. Величественная фигура кронпринцессы ясно рисовалась на темномъ фонѣ густыхъ растеній. Ея блѣдно-розовое атласное платье казалось при этомъ полусвѣтѣ еще эффектнѣе нежели въ яркоосвѣщенной залѣ. Она остановилась и повернулась къ Хоцинскому. Какъ она была хороша!... На одномъ изъ своихъ портретовъ—онъ находился въ кабинетѣ у кронпринца—

она была изображена совершенно такъ. Во весь ростъ, въ этой позѣ, въ профиль, также въ блѣдно-розовомъ платьѣ, и въ волосахъ, также какъ и въ настоящую минуту, только двѣ бѣлыя розы. Кронпринцъ очень любилъ этотъ портретъ.

— Мысль что я могу быть обманутою, точно помрачила мой разсудокъ.... проговорила кронпринцесса.—Благодарю судьбу что мои сомнѣнія разсѣялись—это было невыносимое страданіе....

Раздвинутыя вѣтки бесѣдки выскользнули изъ рукъ кронпринца. Все скрылось. И словъ уже нельзя было разобрать. Только еще слышались удаляющіеся шаги, да неясный, все болѣе слабѣющій говоръ.... Наканунѣ этого дня, кронпринцъ былъ прерванъ въ своихъ занятіяхъ звуками похороннаго марша. Онъ подошелъ къ окну. Хоронили какого-то военнаго. За гробомъ вели женщину въ траурѣ и двухъ маленькихъ дѣвочекъ, также въ траурѣ. Вѣроятно жена и дѣти умершаго. Похороны давно прошли, но кронпринцъ все еще думалъ о горѣ этой женщины въ траурѣ, объ этихъ маленькихъ сиротахъ.... все еще съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ удаляющимся звукамъ похороннаго марша. Онъ почему-то вдругъ вспомнилъ и мелодію этого марша, и это вчерашнее впечатлѣніе.

Наконецъ все стихло. Раздавался только попрежнему шумъ фонтана. Онъ съ бѣшенымъ весельемъ распадался милліонами брызгъ, совершенно какъ прежде, какъ будто тутъ ничего особеннаго не случилось, какъ будто тутъ только-что, на этомъ мѣстѣ, не разбилось счастье человѣка....

Кронпринцъ страстно и глубоко любилъ свою жену.

Выйдя изъ зимняго сада кронпринцъ миновалъ концертную залу. Тамъ должны были находиться кронпринцесса и Хоцинскій (исполнялся послѣдній музыкальный нумеръ назначенной программы), онъ боялся увидѣть ихъ въ эту минуту. Кронпринцъ бывалъ на войнѣ; его храбрость была извѣстна. Онъ безъ страха встрѣчалъ опасность и смотрѣлъ смерти въ глаза. Но при мысли что теперь, сейчасъ же, его жена, или Хоцинскій могутъ подойти къ нему, заговорить съ нимъ—его охватывала дрожь боязни. Онъ не зналъ, нашлось ли бы у него теперь настолько силъ чтобы въ ихъ присутствіи совладать съ собою.

Въ смежной съ концертною залой комнатѣ находилось

нѣсколько лицъ, которымъ, по требованіямъ приличія и этикета, кронпринцъ обязанъ былъ сказать хоть двѣ-три любезныхъ фразы. Обязанность всегда бывать „любезнымъ“ нерѣдко тяготила его. Но въ настоящую минуту она показалась ему такимъ истязаніемъ что ему стало не въ моготу долѣе тутъ оставаться. Стѣны вокругъ точно сжимали его, отнимая у него послѣднюю возможность свободно вздохнуть. Ему припомнился разказъ о средневѣковомъ италіянскомъ тиранѣ, придумавшемъ для одного своего подданнаго новое, небывалое наказаніе: онъ былъ посаженъ въ большую великолѣпную клѣтку изъ золота, сдѣланную такъ искусно что ея стѣны, какъ только онъ туда вошелъ, начали, почти незамѣтнымъ образомъ, сдвигаться все болѣе и болѣе, все ближе и ближе къ несчастному, пока наконецъ, сжавъ его со всѣхъ сторонъ, не задушили его въ своихъ золотыхъ объятіяхъ....

Королева все еще сидѣла на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Кронпринцъ подошелъ къ ней.

— Что съ тобою Карлъ?... спросила королева, взглянувъ на него,—ты очень блѣденъ.... Въ этихъ простыхъ словахъ звучала вся нѣжность материнской заботливости. Какъ могущественно онѣ подѣйствовали на кронпринца!... Съ того мгновенья какъ находясь въ бесѣдкѣ, онъ узналъ истину, до этой минуты, жгучая душевная боль давившая его впервые была какъ бы прервана, поддаваясь вліянію иного ощущенія. Еслибъ онъ могъ теперь слѣдовать своему влеченію! Еслибъ онъ могъ припасть къ матери, обнять ее, дать волю рыданіямъ душившимъ его.... Бываютъ минуты въ жизни, когда кажется что только на груди матери найдешь облегченіе томящему горю, какъ въ тѣ первые годы дѣтства, когда получивъ ушибъ, обрѣзавъ ручку, прежде всего бѣжишь къ матери, въ увѣренности что ея ласки дадутъ помощь, исцѣленіе, что онѣ прекратятъ нестерпимую боль....

Около королевы сидѣли князь Гохвартъ (его лицо сіяло восторгомъ) и гордая, чопорная леди Брумъ, жена англійскаго посланника.

— У меня немного болитъ голова... сказалъ кронпринцъ,—благоразумнѣе будетъ отправиться домой. Покойной ночи.... Онъ поцѣловалъ руку королевы.—Пожалуста передай Франческѣ что я уѣхалъ одинъ, не желая лишать ее удовольствія остаться до конца....

Королева съ выраженіемъ безпокойства поглядѣла сыну вслѣдъ. Зорокъ глазъ матери, чутко ея сердце....

Королева не была избалована судьбой. Она перенесла много тяжелаго горя. Своего счастья она не испытала, и знала въ жизни только одно счастье, счастье сына. И какъ оно было дорого ей, какъ она берегла его!... Она вдругъ вспомнила ужасное подозрѣніе запавшее ей въ душу—еще въ началѣ зимы—мучительные дни, безсонныя ночи что̀ проводила тогда, думая о сынѣ.... Вспомнила какъ она благодарила Бога, когда ея подозрѣнія разсѣялись, и она убѣдилась что ошиблась....

Планъ графа Хоцинскаго удался вполнѣ: всѣ, и даже королева, были увѣрены что онъ серіозно полюбилъ Эльму Лаутенъ. Графъ нѣсколько разъ въ разговорѣ съ посторонними лицами замѣтилъ мимоходомъ что онъ намѣревается провести будущую зиму въ Италіи, и что вѣроятно отправится туда не одинъ... Никто не сомнѣвался что онъ камекаетъ на свою близкую женитьбу на Эльмѣ. Королева совершенно успокоилась, но въ эту минуту, разстроенный видъ кронпринца, что-то странное въ тонѣ его голоса когда онъ произнесъ имя жены; и, какъ показалось королевѣ, улыбка исполненная иронiи и страданія скользнувшая по его лицу при словахъ что онъ не хочетъ „лишить Франческу удовольствія остаться до конца“.... вдругъ расшевелили давно заснувшій страхъ... Опять невозможное представилось возможнымъ, и опять королева провела безсонную ночь въ мысляхъ о сынѣ, то стараясь повѣрить очевидности успокоительныхъ доказательствъ, то изнемогая отъ невольно охватывающей душу тяжелой тревоги....

Карета кронпринца остановилась у подъѣзда его дворца. Лучше... да, лучше что я теперь не могъ остаться съ матерью наединѣ... думалъ онъ. Потомъ я сдѣлаюсь спокойнѣе... Я сумѣю молчать и скрыть свою скорбь и при ней я долженъ нести свое горе одинъ. И даже Господа не могу молить о состраданіи: съ возмущеннымъ духомъ и местью въ мысляхъ нельзя молиться.

Кронпринцъ быстро взошелъ по лѣстницѣ и быстро прошелъ нѣсколько комнатъ. Онъ спѣшилъ, хотѣлъ быть одинъ. Его раздражалъ видъ всѣхъ этихъ камеръ-лакеевъ и просто лакеевъ въ ливреѣ, вскакивающихъ при его входѣ съ своихъ мѣстъ точно куклы на пружинахъ, и одинъ какъ другой

все съ тѣмъ же низкимъ поклономъ отворяющихъ предъ нимъ двери. Но войдя въ корридоръ, ведущій въ его спальню, онъ долженъ былъ остановиться: у него захватило дыханіе. Не отъ скорой ли ходьбы?.... Онъ приблизился къ стѣнѣ корридора и облокотился. Возлѣ была дверь. Она вела въ комнаты его малютки сына. Кронпринцъ какъ будто безсознательно отворилъ дверь и очутился въ первой комнатѣ. Потомъ, тихо, на цыпочкахъ вошелъ во вторую. Тутъ малютка спалъ. Дежурная нянька встала съ своего мѣста. На ея лицѣ явно выразилось сильное безпокойство. Въ такой поздній часъ кронпринцъ никогда не приходилъ, развѣ только когда маленькій принцъ былъ не совсѣмъ здоровъ. Ужъ не сдѣлалъ ли кто-нибудь на нее доноса?... Она давно подозрѣваетъ что она окружена во дворцѣ врагами, что послѣдній сдѣланный ей кронпринцессой подарокъ, бархатная кофта (дѣйствительно великолѣпная и совсѣмъ еще новая), возбудилъ всеобщую зависть. Не захотѣлъ ли кронпринцъ самъ удостовѣриться какъ она исполняетъ свои обязанности?... Она тревожно оглянулась. Все было въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ....

— Подите, отдохните немного.... проговорилъ ласково Кронпринцъ, и замѣтивъ услугъ няньки, даже попробовалъ привѣтливо улыбнуться.—Я пока побуду здѣсь...

Маленькій принцъ спалъ безмятежнымъ сномъ счастливаго ребенка. И дѣтямъ извѣстно горе, сильное, томительное. Большіе часто забываютъ только душевныя тревоги дѣтскихъ лѣтъ. Забываютъ какъ бывало страдалось, когда испортится любимая игрушка, или отымутъ ее... Когда няня, мама разсердятся, накажутъ... отгоняютъ отъ себя, точно перестаютъ любить... Или когда видишь, хотя и не понимаешь причины что эти дорогія существа чѣмъ-нибудь огорчены... И мало ли еще разныхъ другихъ страданій бываетъ у дѣтей.... Но маленькій принцъ въ продолженіе всей своей жизни—а ему пошелъ уже четвертый годокъ—не испыталъ еще горя. Любовь, да ласка; вокругъ него все свѣтло, красиво. Самъ онъ былъ ребенокъ здоровый, прелестный, счастливаго нрава. И все ему улыбалось, и люди, и весь его маленькій міръ. Около него всегда было то что ему любо. Вотъ и теперь, въ кроваткѣ, лежали разныя игрушки, и онъ во снѣ крѣпко прижимаетъ ручонками къ груди своего любимаго ослика.

Бѣлые занавѣсы кроватки были отдернуты. Ночная лампа тускло освѣщала комнату; но сквозь высокое окно заглядывала луна. Ея лучи прямо падали на малютку и придавали его личику еще бо́льшую, какъ бы неземную прелесть. Щечки слегка раскраснѣлись; ротикъ былъ полуоткрытъ. Золотистые волосы кудрями падали на лобъ. Только матери тутъ не доставало чтобы глядѣть и радоваться на свое дитя....

„Теперь, въ эту минуту, подумалъ кронпринцъ, она можетъ-быть переживаетъ въ своемъ воображеніи радости послѣдняго свиданія съ своимъ любовникомъ.... придумываетъ когда, какъ ей опять возможно будетъ удобнѣе принять его у себя... какъ ловчѣе обмануть мужа.... И какъ мастерски она умѣетъ обманывать! Какъ она сегодня еще взглянула на меня.... Сегодня! Какихъ-нибудь десять минутъ предъ ея разговоромъ въ саду съ Хоцинскимъ... Сколько любви я прочелъ въ этомъ взглядѣ!... Все разбито, отравлено... Даже прошлое отнято у меня! Эти четыре года „счастья“—вѣра въ нихъ погибла навсегда.... Ея улыбки, ея слова любви и страстные поцѣлуи... какъ знать?... Можетъ-быть они всегда только таили обманъ и измѣну.... Развѣ съ тѣхъ поръ какъ... съ тѣхъ поръ какъ Хоцинскій здѣсь, я могъ замѣтить въ ней какую-либо перемѣну?!.... Развѣ сегодня, вчера, она не „нѣжно“ улыбалась мнѣ?... Развѣ ея ласки сдѣлались холоднѣе?... И все это была ложь.... Когда же въ нихъ жила правда?!.... И еслибъ я хоть могъ сказать этому человѣку: ты отнялъ у меня счастье, вѣру, покой и честь. Намъ обоимъ нѣтъ мѣста на землѣ. Въ живыхъ изъ насъ двухъ можетъ остаться только одинъ.... Но это право, данное послѣднему бѣдняку, отнято у кронпринца, у наслѣдника престола.... Мое несчастье—позоръ для всего королевскаго дома и я обязанъ таить этотъ позоръ. Я, „счастливый избранникъ судьбы“, поставленный ею на самой высокой ступени общественнаго положенія, назначенный царствовать надъ милліонами людей, я долженъ молча переносить адскія мученія, оскорбленіе и стыдъ!... Кронпринцъ засмѣялся и самъ испугался звука своего голоса.... Онъ все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, неподвижно, у кроватки сына. Мучительныя, зловѣщія мысли унесли его далеко отъ спящаго малютки.... Теперь онъ тревожно взглянулъ на него: ужъ не разбудилъ ли онъ его?.... „Мое дорогое, мое бѣдное

дитя....“ прошепталъ кронпринцъ, какъ бы моля его о прощеніи за этотъ невольно вырвавшійся смѣхъ....

Но малютка спалъ, спокойно, сладко. И радостные сны вѣрно видѣлись ему, счастливая улыбка озаряла его личико... Или онъ чуялъ близость отца?... чуялъ что отецъ страдаетъ, и хотѣлъ утѣшить, приласкать его?... Всевластна улыбка любимаго ребенка, съ умиротворяющею силой она проникла въ измученную, усталую душу отца.... Кронпринцъ тихо, осторожно, сѣлъ около кроватки, облокотилъ руку о рѣшетчатыя перила и положилъ голову на руку. Такъ онъ сидѣлъ долго. Долго не спуская глазъ онъ глядѣлъ на свое дитя и вмѣстѣ съ улыбкой малютки стала проситься въ душу молитва—тотъ вопль страданія что̀ обращается ко Всевышнему и получаетъ въ отвѣтъ силу бороться съ посылаемою имъ скорбью....

VIII.

Вернувшись изъ балета, король, разчитывая что музыка уже кончилась, зашелъ еще въ концертную залу. Музыкальные вечера, особенно если на нихъ исполнялась музыка болѣе серіозная, наводили на него скуку; да и вообще онъ скучалъ въ кругу лицъ предпочитаемыхъ королевой и приглашаемыхъ именно на эти вечера. Побесѣдовавъ съ Розенфельдомъ (король любилъ разговаривать съ нимъ, и присутствіе оберъ-гофмаршала, крайне несимпатичнаго королевѣ, считалось ею необходимымъ зломъ) и сказавъ нѣсколько словъ еще двумъ, тремъ лицамъ, король, подъ предлогомъ что ему предписано медиками раньше ложиться, вскорѣ оставилъ общество, и въ этотъ разъ дѣйствительно прямо отправился въ спальню, и бѣгло просмотрѣвъ первыя главы новѣйшаго, очень забавнаго французскаго романа, позвонилъ камердинера. Раздѣваясь и укладываясь, король не безъ удовольствія слушалъ его болтовню и разные разказы о городскихъ новостяхъ, бо́льшею частью нѣсколько водевильнаго свойства.

Францъ Вертъ уже много лѣтъ состоялъ камердинеромъ при его величествѣ. Не удивительно что онъ, одаренный притомъ большою смѣтливостью, изучилъ до послѣднихъ тонкостей всѣ привычки, наклонности своего господина и что сдѣлался для него нѣкоторымъ образомъ

необходимымъ. Врядъ ли кто-либо еще угадывалъ съ такою безошибочностью какъ Францъ Вертъ въ какомъ расположеніи находится король, слѣдуетъ ли молчать, или говорить; сообщать интересные городскіе слухи, или разсказывать забавные нецензурные случаи; когда слѣдуетъ кого хвалить, когда осуждать. Врядъ ли кто-либо больше его умѣлъ всячески угождать королю. Это во дворцѣ знали всѣ. Но лучше всѣхъ зналъ это самъ Францъ Вертъ. Онъ превосходно зналъ цѣну и своимъ достоинствамъ, и своему положенію, и отлично пользовался имъ. Всѣ члены дворцовой лакейской корпораціи относились къ нему съ униженнымъ подобострастіемъ, а нѣкоторые изъ числа менѣе храбрыхъ положительно дрожали предъ нимъ. Правда, что Вертъ держалъ себя въ отношеніи къ нимъ съ крайнимъ высокомѣріемъ, а съ тѣми изъ прислуги которые не были заняты на половинѣ короля и которыхъ онъ поэтому считалъ своими подчиненными, онъ обращался со строгостью, доходящею иногда до настоящаго тиранства.... Но и многіе другіе не принадлежащіе (по крайней мѣрѣ официальнымъ образомъ) къ лакейскому міру, и стоящіе на несравненно высшей ступени общественнаго положенія, заискивали благосклонность Верта, и нерѣдко добивались его протекціи, хотя успѣхъ въ этомъ имъ приходился далеко не дешево.....

Францъ Вертъ получалъ, разумѣется, большое жалованье, кромѣ того король часто и щедро дарилъ его. Но Вертъ хорошо понималъ что при своемъ разстроенномъ здоровьи, король врядъ ли долго проживетъ, а что послѣ смерти короля ему оставятъ жалованье, вручатъ вѣроятно завѣщанный его величествомъ капиталецъ; но съ своимъ вліяніемъ при дворѣ и съ своими другими столь значительными доходами ему придется распроститься. Онъ зналъ что кронпринцъ не долюбливаетъ его. Въ видѣ назидательнаго наставленія, Вертъ повторялъ себѣ одно изреченіе произнесенное Фридрихомъ Великимъ: выслушавъ жалобу о „бѣдности“ одного чиновника въ отставкѣ, онъ сказалъ ему: „Вы долгое время занимали очень доходное мѣсто и остались бѣднякомъ! Значитъ вы не въ правѣ жаловаться на судьбу, потому что вы поступили не умнѣе осла поставленнаго у полныхъ яслей и оставшагося голоднымъ“... Вертъ очень любилъ, находясь въ интимномъ кругу, пересказывать этотъ анекдотъ; и даже сохранилъ *Сборникъ анекдотовъ* гдѣ онъ былъ

напечатанъ, стараясь по возможности не отклоняться отъ скрытаго въ немъ нравоученія. Вообще онъ дѣйствовалъ всегда толково, обдуманно, и всегда оставался доволенъ собою, на что имѣлъ собственно неоспоримое право: его дѣла обстояли превосходно. Это внутреннее довольство ясно отражалось во всей его наружности. Хотя ему минуло далеко за шестьдесятъ лѣтъ, онъ сохранилъ видъ бодрый, моложавый. Его широкое лицо было покрыто румянцемъ; маленькіе хитрые глаза смотрѣли весело, живо, даже волосы и бакенбарды посѣдѣли очень мало, и онъ ихъ потому только подкрашивалъ что оберъ-гофмаршалъ Розенфельдъ красилъ себѣ волосы и бакенбарды.

Въ оберъ-гофмаршалѣ Вертъ привыкъ, съ поры еще своей юности, видѣть высшій идеалъ, которому онъ во всемъ старался подражать. Въ голосѣ, въ манерѣ говорить, садиться, кланяться, въ сужденіяхъ о красотѣ женщинъ, въ донъ-жуанствѣ; уклоняясь отъ подражанія ему только по двумъ вопросамъ: относительно его расточительности и его страха предъ супругой. Вертъ, напротивъ, былъ скупъ до скряжничества, а съ своею женой обращался деспотически и жестоко. Казалось что онъ находитъ особенное наслажденіе еще болѣе запугивать и мучить это и безъ того запуганное, измученное и такъ безгранично преданное ему созданіе.

Анна Вертъ была изъ зажиточнаго мѣщанскаго семейства и получила очень порядочное образованіе. Она была далеко не бѣдною невѣстой, вышла замужъ если не противъ воли, то противъ желанія своихъ родителей. Францъ Вертъ имъ не нравился. Ея отецъ предсказывалъ ей тяжкую долю. — Можетъ-быть ты и правъ... говорила на это Анна, но я его люблю. Я все перенесу. Никто не услышитъ отъ меня жалобы.

Она сдержала слово. Почти съ самаго начала ихъ брака, ея жизнь сложилась самымъ безотраднымъ образомъ. Свободной воли ей не было ни въ чемъ. Отъ мужа она не видѣла ласки, не слышала добраго слова. Ея родители скоро умерли. Остался братъ, сердечно любимый ею: но мужъ поссорился съ нимъ и запретилъ ей видѣть его. Дѣтей у нея не было. Мужъ заходилъ домой только чтобъ отобѣдать, переодѣться, и оставался дольше только если былъ въ очень дурномъ расположеніи. Чего-чего тогда Аннѣ ни приходилось наслушаться! Придирки, брань, насмѣшки, оскорбленія...

Горько она страдала, но молчала и не переставала любить мужа. Много также она мучилась изъ-за чувства ревности. Вертъ даже и не слишкомъ старался скрывать предъ женой свои многочисленныя связи съ другими женщинами. Анна безропотно несла свою долю. Только иногда задумается, слезы навертываются на глазахъ и работа выпадетъ изъ рукъ.

Часовая кукушка, выскочивъ изъ своего домика, прокуковала одиннадцать разъ.

„Я и не знала что ужь такъ поздно...“ подумала Анна, прерванная въ своихъ мысляхъ и поспѣшно вставая. „Францъ пожалуй скоро вернется...“

Она накрыла столъ бѣлою скатертью, и поставила на столъ приборъ, двѣ бутылки вина, бутылку пива и нѣсколько тарелокъ съ разными яствами. Ужинъ роскотный. Потомъ вошла въ комнату мужа и стала приготовлять ему постель, что она всегда дѣлала сама, хотя у нея и была довольно смышленая служанка. Послышались въ корридорѣ шаги Верта. На лицѣ Анны выразилась тревога. Ея руки поспѣшнѣе стали взбивать подушки.

— Ты кажется и постели мнѣ еще не изволила приготовить?... спросилъ Вертъ, входя и строгимъ взглядомъ окидывая жену.

— Сейчасъ будетъ готово...

— Сейчасъ будетъ готово... повторилъ Вертъ, передразнивая слабый голосъ Анны.—Близко полночь (всего прошло какихъ-нибудь десять минутъ какъ пробило одиннадцать) и вы до сихъ поръ не успѣли сдѣлать постель! Обязанность, кажется, не трудная и не тяжелая... Теперь въ тороляхъ, я увѣренъ, положите подушки криво, пуховикъ комкомъ, а я именно сегодня хочу скоро лечь; только съѣмъ что-нибудь. Я завтра долженъ рано встать... Разбуди меня ровно въ семь часовъ!... крикнулъ онъ ей уже изъ другой комнаты, вошедъ туда чтобы „немного поѣсть“. — Слышешь?.. Не забудь, не позже семи часовъ.

— Хорошо... проговорила Анна.—Завтра утромъ приготовить кофе или бульйонъ? спросила она приближаясь къ мужу.

— Бульйонъ и яйца, отвѣчалъ онъ нѣсколько мягче, вѣроятно благодаря вкусно зажаренному бекасу, котораго проглотилъ съ удивительною скоростью.—Я долженъ повидаться

съ отцомъ Іеронимомъ, и хочу сходить завтра къ нему прежде чѣмъ встанетъ король, а то пожалуй потомъ помѣшаютъ. Дѣльце выйдетъ славное, не слѣдуетъ откладывать... И когда подумаешь что оно чуть было не ускользнуло у меня изъ рукъ!.. Вотъ ужъ именно счастливый случай помогъ мнѣ...

Анна не помнила чтобы когда-либо еще слышала подобное признаніе отъ своего мужа. Всѣ свои удачи онъ приписывалъ своей ловкости, своему умѣнью устраивать свои дѣла. Видно ужь очень что-то пріятное съ нимъ случилось, да и онъ сегодня въ очень хорошемъ расположеніи,—ничего обиднаго не говоритъ, разказываетъ ласково... Ахъ, еслибъ онъ всегда такимъ былъ!

— Конечно, если всепочтеннѣйшій генералъ-суперинтендентъ во дворцѣ, я всегда насторожѣ... продолжалъ Вертъ, уничтожая втораго бекаса, и приблизивъ къ себѣ маіонезъ изъ рыбы,—но при такомъ большомъ сборищѣ, и всѣ сидятъ да слушаютъ разные эти концерты, квартеты—много толку изъ этого не выходитъ. Думалъ что и сегодня будетъ то же самое... Поболтавшись тамъ и сямъ, прохожу такъ, безъ всякаго особеннаго намѣренія, чрезъ китайскую галлерею—вдругъ слышу въ сосѣдней комнатѣ (голубой салонъ что̀ около концертной залы), разговариваетъ королева очень живо, какъ будто взволнована... Я ближе къ портьерѣ—узнаю голосъ генералъ-суперинтендента. Э-ге, вотъ оно что̀, думаю, и тихонько становлюсь между двумя портьерами. Ну ужь его высокопреподобіе не пожалѣлъ на этотъ разъ краснорѣчія! Самъ дьяволъ не сумѣлъ бы ловчѣе оговаривать и клеймить, убѣдительно доказывать „необходимость противодѣйственныхъ мѣръ“... какъ онъ изволилъ выразиться. Да все-таки по волѣ судьбы, маленько оплошалъ; вообразилъ что одной королевѣ только передаетъ свои „идеи“ и „проекты“, а въ то же время просвѣталъ и Франца Верта.. Да еще получше пожалуй ея величества... (Вертъ громко засмѣялся.) Королева кое-что и позабудетъ можетъ-быть, а Францъ Вертъ—хотя Господь надѣлилъ его памятью далеко не плохою, все же сказалъ себѣ: вѣрнѣе будетъ записать. Много ужь тутъ очень говорится... Я отодвинулъ немного китайскую портьеру, вынулъ изъ кармана записную книжечку—всегда приготовленную для подобныхъ случаевъ — и сталъ дѣлать нужныя отмѣтки!.. потому что Францъ Вертъ не дуракъ

какой-нибудь, и тотчасъ смѣкнулъ что разговоръ этотъ не маловажный... его высокопреподобіе упоминалъ такъ часто о баронѣ Вальтерѣ. Я кстати вспомнилъ еще что баронъ Вальтеръ приглашенъ на завтра къ столу ея величества, да сообразивъ все вмѣстѣ, подумалъ: такія свѣдѣнія, милѣйшій мой отецъ Іеронимъ, не передаются за безцѣнокъ... Заставлю тебя сверхъ назначеннаго хорошенько раскошелиться...

Анна понимала что во всемъ этомъ „славномъ дѣльцѣ“ таится много нехорошаго, но она не то что замѣтить это мужу, и подумать объ этомъ еле дерзала. Осудить мужа за что бы то ни было, ей казалось немыслимымъ, и она сама даже, хотя въ сущности была женщина добрая и честная, еслибъ онъ потребовалъ чтобъ она совершила дурное дѣло, врядъ ли въ состояніи была бы и въ этомъ не подчиниться его волѣ.

— Что?.. спросилъ Вертъ, самодовольно прищуриваясь.— Тебѣ, при твоемъ крошечномъ умишкѣ, я думаю, и постичь трудно, какъ это одинъ человѣкъ, безъ всякой посторонней помощи, можетъ все и собразить, и ничего не упустить изъ виду, и подготовить такую аферу?..

Анна промолчала и только кротко улыбнулась. Она была въ этотъ вечеръ счастлива что мужъ такъ „ласковъ“ съ ней, хотя смутно сознавала что еслибъ онъ могъ пересказать все это кому-нибудь другому, то вѣроятно вовсе не принимался бы разговаривать съ ней... Дѣйствительно, Вертъ не изъ потребности подѣлиться съ женой своими впечатлѣніями и надеждами, сообщилъ ей кой-что изъ своихъ предпріятій, а потому что испытывалъ непреодолимое желаніе хвастнуть хоть предъ кѣмъ-либо и громко заявить о новомъ доказательствѣ своего „рѣдкаго ума“. Для этого, когда рѣчь шла о „дѣлѣ“ такого рода, могла пригодиться только одна Анна. Онъ, правда, никогда не упускалъ случая подтрунивать надъ „ограниченностью ея умственныхъ способностей“, а въ минуты гнѣва давалъ ей обыкновенно эпитетъ „полуидіотки“, но внутренно онъ собственно очень хорошо зналъ что его жена далеко не глупа, и никогда неосторожнымъ словомъ не скомпрометтируетъ его.

Опустошивъ, съ замѣчательнымъ аппетитомъ, почти всѣ поставленныя предъ нимъ тарелки, Вертъ отправился въ спальню. Черезъ нѣсколько минутъ уже раздавалось его мѣрное храпѣнье, означавшее у него что развѣ только при

помощи энергическихъ толчковъ возможно было бы въ настоящій моментъ разбудить его. Несмотря на это сознаніе, Анна начала ходить на цыпочкахъ, и открывшей дверь служанкѣ сдѣлала поспѣшно знакъ рукой чтобъ она лучше не входила.

На другое утро, уже въ половинѣ восьмаго, Вертъ вышелъ изъ дворца и, подумавъ немного, кликнулъ извощика. Иногда онъ признавалъ необходимость „не жалѣть денегъ“ и разщедриться. Не позже какъ черезъ часъ ему надобно вернуться, а его переговоры съ отцомъ Іеронимомъ потребуютъ нѣкоторыхъ обстоятельныхъ объясненій.

Марта находилась въ кухнѣ и кипятила молоко для приготовленнаго уже кофе. Послышался звонокъ. Она съ яростью отодвинула отъ огня кастрюльку съ молокомъ, и пошла отворять дверь, ворча и надѣляя посѣтителя вздумавшаго такъ рано тревожить ее эпитетами и пожеланіями весьма недружелюбнаго свойства. Но увидѣвъ Верта, ея нахмуренное лицо мгновенно преобразилось. Она скривила ротъ въ любезнѣйшую улыбку и принялась дѣлать книксены.

— Здравствуйте, моя милая, проговорилъ Вертъ, удостоивая Марту довольно привѣтливаго поклона, при этомъ сохраняя однако надменный видъ, на который его общественное положеніе давало ему столь „несослоримое право“.—Доложите отцу Іерониму что я пришелъ.

Но, прежде еще чѣмъ Марта успѣла сдѣлать новый книксенъ, отецъ Іеронимъ, узнавъ голосъ Верта, поспѣшно вышелъ къ нему на встрѣчу. Также стараясь придать своей физіономіи выраженіе крайней любезности, онъ со всѣми возможными почестями ввелъ гостя къ себѣ; между тѣмъ какъ Марта, придя, наконецъ, въ себя отъ волненія причиненнаго ей появленіемъ Верта, и ужаснувшись мысли что ея туалетъ быть-можетъ не въ порядкѣ, начала поправлять свой чепецъ, вслѣдствіе чего онъ, надѣтый сперва совершенно прямо, передвинулся на бокъ.

Конференція между Вертомъ и отцомъ Іеронимомъ продлилась, какъ это предвидѣлъ Вертъ, довольно долго. Послѣ его ухода, отецъ Іеронимъ, видимо озабоченный, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ усѣлся предъ письменнымъ столомъ, и такъ задумался что даже не отвѣтилъ Мартѣ на ея вопросъ „думаетъ ли онъ сегодня самъ остаться безъ кофе и ее также проморить голодомъ?..“ И только когда она, еще

болѣе раздраженнымъ голосомъ, повторила тотъ же вопросъ, онъ отрывисто сказалъ ей чтобъ она принесла ему чашку кофе и завтракала безъ него, да чтобы не мѣшала ему: сама не входила и никого къ нему не впускала, потому что онъ долженъ писать важныя письма...

Марта хотѣла было вспыхнуть, но сообразила что, повидимому, на мировую въ это утро трудно разчитывать. Она молча принесла чашку кофе и молча вышла, хлопнувъ только за собой очень сильно дверью. Отецъ Іеронимъ наскоро проглотилъ кофе и, дѣйствительно, тотчасъ же принялся писать. Онъ писалъ долго и много; но все шифрованнымъ шрифтомъ, такъ что собственно и Марта могла бы тутъ оставаться, и всякій другой могъ бы войти и даже разсматривать эти исписанныя страницы,—разобрать и прочесть ихъ никто не сумѣлъ бы.

IX.

Пренія въ Палатѣ становились очень интересными, и привлекали многочисленную публику. Рѣчи Вальтера производили фуроръ. Здравый смыслъ, логичность, ясность и сила его доводовъ были еще поддерживаемы краснорѣчіемъ, исполненнымъ огня и юмора Онъ безжалостно поражалъ своихъ противниковъ. Многіе представители центра, клонившіеся сперва къ правой сторонѣ, стали открыто присоединяться къ оппозиціонной партіи, вмѣстѣ со всею печатью, за исключеніемъ только двухъ-трехъ журналовъ, завѣдомо купленныхъ министерствомъ.

Въ противоположность своимъ соучастникамъ, замѣтно начинавшимъ падать духомъ, графъ Бергенъ не терялъ свойственной ему энергіи; но сообразивъ что настоящій моментъ не годится для дальнѣйшей борьбы, порѣшилъ, въ виду серіозности и значенія всего положенія дѣла, извлечь изъ него единственно возможный хорошій результатъ. Графъ никакъ не отрицалъ могущества общественнаго мнѣнія, и даже признавалъ необходимость подчиняться иногда этой силѣ, „созданной сумасбродными идеями новаго времени“, и такъ часто становящейся поперекъ его замысловъ... Онъ не забывалъ также что вовремя сдѣланная уступка не рѣдко вѣрнѣе всего парализуетъ успѣхи оппозиціи. Но онъ всегда умѣлъ такъ обставить ходъ дѣлъ что казалось будто онъ дѣйству-

етъ по собственной иниціативѣ, а не по принужденію. Эта уловка обманывала многихъ, при подобныхъ случаяхъ съ наивнымъ убѣжденіемъ повторяющихъ, что враги и завистники графа Бергена клевещутъ на него, и что онъ въ душѣ собственно преданъ истинно либеральнымъ принципамъ, и только силою обстоятельствъ бываетъ иногда принужденъ прибѣгать къ мѣрамъ имѣющимъ характеръ ретроградныхъ....

Какъ бы въ подтвержденіе этого мнѣнія, офиціозные органы печати начали выражаться скорѣе въ духѣ враждебныхъ имъ журналовъ, точно переубѣжденные ихъ доводами, и вслѣдъ затѣмъ появились нѣкоторыя правительственныя распоряженія, сильно встревожившія представителей клерикальной партіи. Многія дамы, въ особенности извѣстныя въ столицѣ своею страстью къ обсужденію политическихъ вопросовъ, какъ и своимъ благочестіемъ, засуетились еще болѣе обыкновеннаго. Въ салонѣ княгини Пильхау собирались настоящіе женскіе митинги, на которыхъ княгиня никогда не забывала замѣтить „что это новое торжество враговъ святой церкви, это непостижимое затмѣніе, помрачившее повидимому даже разумъ такого человѣка какъ графъ Бергенъ, никакъ не слѣдуетъ приписывать единственно только такъ-называемому ораторскому таланту барона Вальтера... но также стараніямъ и вліянію нѣкоторыхъ другихъ лицъ... напримѣръ, генералъ-суперинтендента Элерса... (непонятно, какъ это правительство до сихъ поръ еще не приняло надлежащихъ мѣръ чтобы лишить такого человѣка возможности продолжать свою дѣятельность какъ публичную, такъ и частную!) и иныхъ еще болѣе вліятельныхъ личностей...“ При этихъ словахъ, княгиня обыкновенно останавливалась.

Въ городѣ, дѣйствительно, ходили слухи что баронъ Вальтеръ пользовался совѣтами Элерса и также самой королевы, и что онъ съ ними обсуждалъ содержаніе своихъ рѣчей въ Палатѣ, какъ и вообще всѣ свои дѣйствія на политическомъ поприщѣ. Болѣе всѣхъ вѣрила этому княгиня Пильхау. Она питала къ королевѣ чуть ли еще не болѣе сильную вражду чѣмъ даже къ Элерсу, тѣмъ болѣе ожесточенную что она принуждена была таить это чувство въ душѣ.

Вѣрно было то что въ послѣднее время Вальтеръ приглашался къ королевѣ еще чаще прежняго, и что онъ также очень часто навѣщалъ Элерса. Элерсъ не совсѣмъ довѣрчиво относился „къ пораженію клерикаловъ“, и называлъ сдѣланныя

правительствомъ уступки „временною мѣрой принятою въ виду возраставшей грозы оппозиціи...“ Но Вальтеръ, отуманенный нѣсколько успѣхомъ, приписывалъ пессимистическія сужденія Элерса болѣе всего состоянію его здоровья. Съ нѣкоторыхъ поръ Элерсъ часто чувствовалъ себя очень нехорошо. Съ нимъ вдругъ дѣлались припадки тошноты и головолокруженія, проходившіе, правда, довольно скоро, но оставлявшіе за собой большую слабость. Онъ попрежнему продолжалъ свои занятія, попрежнему навѣщалъ больныхъ, бѣдныхъ, несчастныхъ, нуждающихся въ его помощи, совѣтѣ, привыкшихъ слышать его слово утѣшенія... Но исполнялъ все это иногда черезъ силу. Сознаніе что ему не всегда удается побѣждать охватывавшее его изнеможеніе, раздражало его и ухудшало еще его состояніе; однако, на всѣ увѣщанія Вальтера, на всѣ просьбы Ванды посовѣтоваться съ медикомъ, онъ отвѣчалъ упорнымъ отказомъ, то отшучиваясь и смѣясь надъ ихъ опасеніями, то повторяя что онъ всѣхъ избаловалъ своимъ отличнымъ здоровьемъ, и потому эти ничтожныя болѣзненныя явленія кажутся имъ чѣмъ-то важнымъ; между тѣмъ какъ онъ увѣренъ, что, поубавивъ немного свои занятія, и подчинившись нѣсколько болѣе строгой діетѣ, онъ, безъ всякихъ микстуръ и лилюль, скоро совершенно поправится. Но, несмотря на самую строгую діету и значительное уменьшеніе занятій, припадки приходили все чаще и становились мучительнѣе.

— Видишь, другъ мой, обратился въ одно утро Элерсъ къ Вандѣ:—ты третьяго дня опять совершенно напрасно такъ перепугалась... Вотъ два дня уже я чувствую себя совсѣмъ хорошо...

— Но, отецъ, перебила Ванда,—если такой припадокъ повторится, пошли за врачомъ!.. Не упрямься долѣе!.. Она заплакала и прильнула губами къ рукѣ отца.

— Хорошо... проговорилъ Элерсъ, прижимая къ себѣ Ванду.—Послѣдній припадокъ былъ, дѣйствительно, сильнѣе прежнихъ...

Катерина вытирала пыль на полкахъ съ книгами.

— Катерина! сказала ей Ванда.—Я раньше двѣнадцати не вернусь изъ дворца... Что съ вами?.. прервала онъ себя.—Вы точно нездоровы?..

— Не знаю, сударыня... Ничего, кажется... пробормотала Катерина, какъ бы съ трудомъ произнося слова.

— Приготовьте для барина ровно къ половинѣ двѣнадцатаго чашку бульйону.

— Хорошо, сударыня.

Катерина уронила книгу; когда она подняла ее и поставила на прежнее мѣсто, ея рука замѣтно дрожала.

— Да у васъ, моя милая, просто лихорадка!.. воскликнула Ванда.—Губы совсѣмъ блѣдныя, и вы вся дрожите...

— Смотрите, поберегитесь... прибавилъ Элерсъ. — Въ это время, въ началѣ весны, надобно очень остерегаться лихорадокъ. Одѣньтесь потеплѣе, да выпейте стаканъ вина.

— Мери! Дай Катеринѣ стаканъ вина, сказала Ванда.

Мери побѣжала къ дверямъ. Она была всегда очень довольна, если получала порученіе по хозяйству.

— Славная женщина... замѣтила Ванда, когда Мери и Катерина вышли.—У нея нѣсколько холодный видъ, но сердце предоброе, и она, кажется, очень привязана къ намъ... Каждый разъ, когда тебѣ дѣлалось дурно, она была видимо разстроена... Вотъ и теперь она, я увѣрена, увидала что я заплакала, прибавила Ванда улыбнувшись,—и мои слезы взволновали ее такъ...

— Да, хорошая женщина, подтвердилъ Элерсъ.

Ванда собралась идти во дворецъ. Простилась съ отцомъ, поцѣловала Мери. Въ передней Мери ее догнала.

— Ванда, ты позволишь мнѣ писать переводъ съ французскаго въ кабинетѣ? спросила она. Въ ея большихъ голубыхъ глазахъ выражалась просьба.—Папа хотя и здоровъ сегодня, все-таки лучше чтобъ онъ не оставался одинъ... Не правда ли?..

— Да, да... моя милочка, сказала Ванда.—Если ты около него, папѣ и веселѣе будетъ.

Ванда шла, какъ всегда, быстрымъ шагомъ. Но кто хорошо ее зналъ, могъ подмѣтить и въ походкѣ ея и во всемъ ея существѣ нѣкоторую перемѣну. Въ ея шагахъ, обыкновенно столь твердыхъ, было что-то неувѣренное, точно подкошенное... Свѣтлое выраженіе ея лица какъ бы спряталось за тѣнью тревожной, тяжелой мысли... Не было и прежней ровности въ ея обращеніи и расположеніи духа, прежней неутомимости въ трудѣ. Не было и прежней веселости... Сонъ бѣжалъ иногда отъ нея до половины ночи. Она принималась за переписываніе разныхъ древнихъ манускриптовъ, нужныхъ отцу для его работъ. „Больше заниматься... трудиться

до утомленія—это будетъ лучше всего для меня...“ повторяла себѣ Ванда. Такъ просиживала она за письменнымъ столомъ по цѣлымъ часамъ. Но все-равно, покрывались ли предъ ней листы написанными строками, или она переставала писать и оставалась неподвижно съ перомъ въ рукѣ, лучше и легче не становилось...

Причина этой душевной тревоги не была единственно только въ безпокойствѣ за отца. Ванда содрагалась предъ этою истиной, сознаваемой ею съ такою мучительною тоской... Она безпокоилась, пугалась, когда отцу дѣлалось дурно; но приладокъ проходилъ, отецъ поправлялся, и она успокоивалась. И хотя она тревожилась его отказами посовѣтоваться съ медикомъ, думая что серіозно полѣчившись, онъ бы скоро могъ совершенно избавиться отъ этихъ припадковъ, она не придавала имъ особеннаго значенія. Перемѣна въ ней происходила отъ другихъ причинъ... Въ ея душѣ жила вина. „Вина?..“ спрашивала себя безпрестанно Ванда. „Развѣ я сама не смѣюсь надъ этимъ чувствомъ, такъ безжалостно охватившимъ меня?.. Развѣ я сама не называю чувство это сумасбродствомъ... преступленіемъ?!. Но я не властна надъ нимъ. Въ этой тяжкой борьбѣ отецъ,—да, онъ одинъ только могъ бы поддержать меня... помочь мнѣ... Но гдѣ найти силу сказать ему кого я люблю?.. Какъ причинить ему такое горе?.. Господи! Ты знаешь, вся душа моя была всегда открыта предъ нимъ, какъ предъ Тобой... Помилуй меня... избавь меня отъ этой тайны предъ отцомъ... Помоги открыть ее ему... сказать ему что я напрасно призываю разумъ, молитву на помощь... что одна моя надежда на него!..“

Ванда осталась немного дольше обыкновеннаго во дворцѣ. Королева пожелала чтобъ она дочитала до конца одну очень длинную статью. Кронпринцъ часто присутствовалъ при ея чтеніи. Часто также, по поводу какой-нибудь статьи или новаго сочиненія, завязывался оживленный разговоръ, въ которомъ и кронпринцъ принималъ участіе. Въ этотъ разъ его не было. Ванда сознавала что она должна быть этому рада... что лучше если она его видитъ рѣже, а сердце болѣзненно сжималось что его нѣтъ... и все шевелилась въ ней надежда что можетъ-быть онъ еще придетъ...

Когда Ванда вышла изъ дворца, она увидала что небо покрыто тучами. Въ воздухѣ чувствовалась гроза. Было душно. Слышались отдаленные раскаты грома. Гроза... первая

въ этомъ году — весна... подумала Ванда. Она очень любила весну, и всегда какъ дитя радовалась ей... а теперь!...

Тяжелыя думы и чувства волновали ее. Начиналъ накрапывать дождь. Ванда прибавила шагу. Вотъ наконецъ церковная площадь, церковь — вотъ выглядываетъ изъ-за деревьевъ и церковный домъ... она достигнетъ порога еще до сильнаго дождя... Цвѣты на окнахъ, бѣлыя занавѣсы точно ей весело улыбаются и зовутъ ее... Она вздохнула свободнѣе. Дома, вмѣстѣ съ пріютомъ отъ грозы, около отца, она найдетъ и миръ душевный. Она спокойно взошла на лѣстницу и позвонила.

Дверь отворила не Катерина, а Мери.

— Ванда!.. воскликнула Мери, припавъ къ ней и громко зарыдавъ—Ванда... скорѣе... папа...

— Ему опять сдѣлалось дурно?

— Такъ папѣ еще никогда не было!.. самъ велѣлъ чтобы Катерина скорѣе поѣхала за докторомъ... папа лежитъ въ спальнѣ...

Ванда кинулась въ спальню отца. Изъ передней туда надобно было пройти три комнаты.

— Папѣ совсѣмъ было хорошо, говорила Мери, задыхаясь отъ рыданій, — онъ читалъ, самъ спросилъ бульйонъ, выпилъ чашку и вдругъ такой сильный припадокъ!.. Хоть бы скорѣе доктора привезли... Катерина уже давно уѣхала... Я бѣгала внизъ, но только одна Мина дома. Пасторъ Бауеръ въ школѣ, она къ башмачнику ушла... Слава Богу что ты вернулась... папа все зоветъ тебя!

Ванда не могла произнести ни слова. Она наконецъ добѣжала. Эти секунды длились точно вѣчно. — Отецъ! вскрикнула она, взглянувъ на него.

Элерсъ лежалъ на диванѣ. Жилетъ и рубашка были разстегнуты. Грудь подымалась высоко и часто, дыханье слышалось. Взглядъ и все лицо.... Ванда видѣла свою умирающую мать — она на лицѣ отца узнала смерть.

— Ванда!.. мое дорогое дитя... проговорилъ онъ. Что-то похожее на радостную улыбку прошло по его чертамъ.—Я зналъ что увижу еще тебя — Господь милостивъ!... Крѣпись... молись мой другъ — я умираю. Ванда упала на колѣни около него. Онъ схватилъ ея голову обѣими руками и приблизилъ посинѣвшія, уже холодающія губы къ ея лбу.— Спасибо тебѣ, мое дитя... произнесъ онъ съ трудомъ и мед-

ленно, но ясно.—Ты была всегда радостью моей жизни — пусть это сознаніе послужитъ тебѣ утѣшеніемъ послѣ моей смерти. Оставляю тебѣ мое благословенье—и мою Мери... Его голова откинулась назадъ, глаза закрылись...

Мери стояла по другую сторону дивана. — Папа, папа не умирай!.. закричала она съ отчаяніемъ, и дрожа всѣмъ своимъ крошечнымъ тѣломъ.

— Тише Мери! Не кричи, не плачь громко, не тревожь папы!.. прошептала съ мольбой Ванда. Мери прижала ручки къ груди и сдержала громкія рыданія

Въ комнатѣ тишина совершенная. Ванда не шевелится, не плачетъ. Она смотритъ на лицо отца, прислушивается къ его слабѣющему дыханію. Ей кажется что вмѣстѣ съ его жизнью должна оставить ее и ея жизнь... что она переживаетъ свою собственную смерть...

Онъ открылъ глаза, поднялъ голову.... Его взглядъ выразилъ ужасъ.

— Дѣти! дѣти мои... гдѣ вы? Я васъ не вижу болѣе!... воскликнулъ онъ. Ванда бросилась въ его объятія. Его рука нашла головку Мери. — Ванда... Мери... сколько любви прозвучало еще въ этихъ двухъ произнесенныхъ имъ именахъ. — Да благословитъ васъ Господь, Онъ не оставитъ васъ!... Ванда не выпускала отца изъ своихъ объятій. Его голова опять откинулась назадъ, взглядъ остановился. Кончено. Ванда закрыла глаза отца. На его лицѣ разлился покой смерти.

Прошло нѣкоторое время. Сколько?... Ванда никогда не могла отдать себѣ отчета въ этомъ. Она только помнила что Мери съ громкимъ плачемъ куда-то убѣжала, что ей и въ голову не пришло спросить Мери куда она бѣжитъ, или удерживать ее. Что скоро потомъ комната наполнилась разными людьми, и что прежняя тишина замѣнилась возгласами, вопросами, плачемъ, суетой.... Ее начали уговаривать выпить какія-то капли. Она выпила капли. Потомъ всѣ стали говорить шепотомъ, и ей казалось что отъ этого шепота, еще болѣе нежели отъ шуму, у нея такъ сильно стучитъ въ вискахъ. Пришелъ и пасторъ Бауеръ, и что-то много и долго говорилъ ей о томъ что „пути Господа неисповѣдимы, что надобно покориться Его волѣ...“ и т. п. Ванда слушала его молча, съ трудомъ понимая смыслъ его словъ, и взглянувъ на него, только начала представлять себѣ:

какое у него будетъ лицо когда онъ умретъ?... Вотъ онъ теперь живетъ, подумала она, а вѣдь и онъ будетъ „покойникомъ...“ И всѣ эти люди что теперь около меня суетятся... И жена ластора Бауера, она такая молоденькая, хорошенькая... всѣ они, всѣ, всѣ умрутъ... А теперь, странно!... они всѣ живы.... Вандѣ въ эту минуту жизнь казалась чѣмъ-то непонятнымъ, неестественнымъ.... Такъ во время спокойствія и даже бурь жизни, не понимаешь смерти, забываешь и не сознаешь ея присутствія въ жизни.... Теперь мой отецъ „покойникъ“.... Онъ никогда болѣе не взглянетъ на меня.... я никогда не услышу его голоса, никогда не увижу его.... Никогда. И даже это тѣло, что уже не онъ, но все-таки мое, это что-то безмолвное, бездыханное, холодное, что вселяетъ мнѣ невольный ужасъ, и вмѣстѣ приковываетъ всю душу мою, и это тѣло скоро унесутъ, и не останется ничего!.... Мой отецъ!... вскрикнула Ванда, припавъ къ этому тѣлу, и громко зарыдавъ.

— Пусть она плачетъ, сказалъ кто-то, — это лучше.

Но Ванда не плакала, а только рыдала. Ей сказали что она должна пойти въ другую комнату, что ее опять скоро сюда пустятъ, но теперь ей тутъ оставаться нельзя.... Ее вывели.

— Ахъ Ванда, поберегите себя... что же дѣлать!... говорила жена ластора Бауера. Она заливалась слезами, и ея кругленькій подбородокъ сильно дрожалъ. — Вы должны непремѣнно скушать хоть тарелку супу. Я велѣла Минѣ приготовить куриный бульйонъ, да и вообще остаться у васъ хоть до завтра. Ваша Катерина совсѣмъ расхворалась..... Когда она вернулась (не нашла ни одного доктора, да помощь была и невозможна уже!... По всему видно, нервный ударъ...) и услыхала что генаралъ - суперинтендентъ скончался, съ ней сдѣлался сильнѣйшій истерическій припадокъ... Насилу успокоилась немного... Но и потомъ еще у нея руки такъ дрожали, что она выронила изъ рукъ чашку—ту самую что всегда подавали генералъ - суперинтенденту... Въ ней еще находился недопитый имъ бульйонъ!..., Чашка разбилась въ дребезги. Я даже вскрикнула... Понятно что вы пожелали бы сохранить эту чашку. Да бѣдную Катерину и винить нельзя!... Она очень привязана къ вамъ. Хорошая женщина.

— Хорошая женщина... повторила Ванда,—да, да! Это ска-

залъ отецъ когда я уходила сегодня... Это были его послѣднія слова... Пожалуста, прошу васъ... позаботьтесь о ней! прибавила Ванда, сжимая обѣими руками пухленькую ручку ласторши.

— Будьте покойны. Я и такъ была около нея пока ей сдѣлалось легче... И посовѣтовала ей прилечь немного. Скажите, милая Ванда, я думаю мнѣ лучше самой съѣздить теперь къ портнихѣ, а то Мина ложалуй не сумѣетъ передать все какъ слѣдуетъ чтобы заказать для васъ и Мери траурныя платья...

— Мери одѣнутъ въ трауръ! Нашу Мери... Наше дитя!.. воскликнула Ванда съ такимъ ужасомъ, съ такимъ упрекомъ въ голосѣ, что ласторша принялась плакать луще прежняго.

— Мнѣ очень больно... проговорила она, что я... что мои слова.... Но мнѣ кажется что Мери уже большая дѣвочка, и...

— Да, да... Вы совершенно правы... перебила ее Ванда.— Прошу васъ все это устроить... Я вамъ сердечно благодарна... Я себя уже видѣла въ глубокомъ траурѣ, но Мери.. Она тогда была въ пеленкахъ... Мысль увидѣть ее въ трауръ меня какъ-то вдругъ напугала... Это нелѣпо... Я понимаю... Простите меня.

Вандѣ сказали что если она желаетъ, она можетъ теперь вернуться въ комнату отца. Она вошла туда. Прежній безпорядокъ исчезъ. Все было прибрано, поставлено опять на свое мѣсто. Занавѣсы спущены, зеркало завѣшано. На отцѣ былъ надѣтъ его самый лучшій таларъ и золотая цѣпь съ крестомъ. Выраженіе лица было спокойное и строгое.

— Такимъ онъ иногда смотрѣлъ съ каѳедры, и еслибы онъ теперь открылъ глаза, то... еслибы!... Отецъ, отецъ!... прошептала Ванда.

Она чувствовала нестерпимую, физическую боль въ сердцѣ, ей казалось что часть ея сердца отрывается, и слезы— наконецъ!—слезы обильныя, безконечныя полились по ея щекамъ.

Насталъ вечеръ, зажгли свѣчи. Всѣ стали расходиться. Ласторша объявила что она не уйдетъ и будетъ спать въ комнатѣ Ванды и Мери на диванѣ. Она просидѣла около Ванды далеко за полночь. Но наконецъ чрезчуръ утомилась, и взявъ съ Ванды слово что и она скоро ляжетъ,

пошла спать. Она приблизилась къ кровати Мери и заботливо взглянула на нее. Мери спала. Одна слеза еще катилась по ея щечкѣ.

Бѣдное дитя... Бѣдная Ванда!.. подумала ласторша, съ искреннимъ глубокимъ состраданіемъ. Потомъ начала припоминать нѣкоторыя личныя дѣла. Стали приходить на мысль и самые ничтожные предметы, разныя мелкія заботы. Она подумала какой обѣдъ ей заказать завтра. И хорошо ли сдѣлаетъ ей ботинки этотъ новый башмачникъ. И достанетъ ли она еще билетъ на послѣзавтрашній филармоническій концертъ, и вскорѣ спокойно и крѣпко заснула.

Ванда обманула ласторшу. Она не легла, а просидѣла всю ночь около отца. Къ утру уже она начала впадать въ тяжелое забытье, и заснула. Звонъ колоколовъ (былъ праздничный день) разбудилъ ее. Она оглянулась, увидѣла предъ собою тѣло отца: она вспомнила все. Говорятъ что сонъ для испытывающаго великую скорбь—благодать. Забываютъ подумать о пробужденіи.

До похоронъ еще, въ эти полтора дня, у Ванды перебывали всѣ ея знакомые. Появленіе каждаго новаго лица было для нея новою пыткой. Сколько назидательныхъ увѣщаній и нелѣпыхъ утѣшеній пришлось ей выслушать... И какъ жестоко многіе изъ этихъ добрыхъ людей, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, своими словами мучили ее и растравляли еще ея душевную боль. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это всеобщее участіе доставляло ей что-то похожее на отраду, и она нѣсколько разъ порывалась побѣжать къ отцу чтобы подѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями... Вѣдь она ему все разказывала, все, все!.. Принесли ей нѣсколько газетныхъ статей, гдѣ говорилось о смерти отца. Вездѣ отдавали дань его рѣдкимъ достоинствамъ и заслугамъ. Говорили о великой потерѣ, понесенной протестантскою церковью, наукой, безчисленными бѣдными, человѣчествомъ... Ванда прослушивала эти статьи съ жадностью, и при этомъ опять та же мысль, то же желаніе прочесть, разказать отцу...

— Какъ жаль, замѣтилъ кто-то,—что баронъ Вальтеръ находится теперь въ отсутствіи: онъ отправился по дѣлу на нѣсколько дней въ свое имѣніе; вотъ кто бы сумѣлъ написать некрологъ генералъ-суперинтендента!.. Да онъ впрочемъ вѣроятно послѣ еще напишетъ...

„Да, жаль что его нѣтъ, подумала и Ванда. Отецъ его любилъ. Мнѣ бы хотѣлось видѣть его...“

Похороны были великолѣпные. Стеченіе народа огромное. Кромѣ знакомыхъ Элерса, кромѣ знавшихъ его только по имени, но желавшихъ отдать ему послѣдній долгъ, набралось и множество людей чтобы поглядѣть на такіе пышные похороны. Въ церковь пріѣхала королева вмѣстѣ съ кронпринцемъ. Королева приблизилась къ Вандѣ, обняла, поцѣловала ее и сказала ей нѣсколько теплыхъ словъ: она сумѣла найти ихъ. Справилась и о Мери, нагнулась къ ней и съ нѣжною лаской поцѣловала ее. Многіе, точно позабывъ ради чего все это происходило, стали съ нескрываемою завистью, тутъ же въ церкви, перекидываться замѣчаніями объ этомъ участіи королевы къ Вандѣ, о рѣдкой чести выпавшей на долю дочери генералъ-суперинтендента. Кронпринцъ молча пожалъ руку Ванды. Въ его взглядѣ выражалось столько глубокаго состраданія, сочувствія... Его глаза, пожатіе его руки вдругъ напомнили Вандѣ цѣлый міръ прошлаго. Тревога, радость, ожиданія... мучительная борьба... Да, это была любовь, сильная, страстная... Но это было давно. Неужели минуло только нѣсколько дней?... Все измѣнилось! Все отошло въ даль и сдѣлалось прошедшимъ. Въ душѣ живетъ только одно: безпредѣльная скорбь.

Похороны кончились. Всѣ разъѣхались, разошлись. Ванда все еще не отходила отъ могилы. Ждетъ пока могильщики кончатъ свою работу. Они кончили и ушли. Ванда вернулась домой. Она остановилась въ кабинетѣ отца. Все какъ прежде: книги, мебель, цвѣты. Больнѣе всего глядѣть на цвѣты, на ихъ свѣжесть, красоту, и отецъ такъ любилъ цвѣты...

Жена пастора Бауера и нѣкоторые другіе близкіе знакомые остались около Ванды до поздняго вечера. Мери уложили. Ванда осталась одна. Было уже очень поздно. Она какъ-то машинально вошла въ свою комнату, присѣла. Сна нѣтъ. Нѣтъ и слезъ. Молиться не можетъ. Жгучая тоска разрываетъ душу. Охватываетъ чувство страшнаго одиночества. Жить не для кого болѣе, не зачѣмъ. Будущаго какъ будто и быть не можетъ...

— Ванда! вдругъ раздался голосъ Мери.

Въ немъ слышались слезы. Ванда вздрогнула и взглянула

на Мери. Мери приподняла головку съ подушки. По ея исхудалому, поблѣднѣвшему личику катились слезы.

— Ванда... продолжала она,—я не могу спать... Мнѣ страшно... Папа умеръ, а ты... ты меня не любишь болѣе!..

Она еще сильнѣе заплакала и закрыла себѣ лицо руками. Ея плечики безпрестанно вздрагивали. Ванда кинулась къ ней.

— Мери, моя милая, моя дорогая! воскликнула она, прижимая ее къ себѣ.—Успокойся... не плачь такъ... Я не люблю тебя?.. Я?.. Мери, мое дорогое дитя... Да, за эти дни я тебя точно забыла... Я не заботилась, не думала о тебѣ... Мери, прости меня, и моли Господа чтобъ Онъ меня простилъ...

Долго еще сидѣла Ванда около Мери, пока нѣжными словами, да ласками не успокоила, не убаюкала ее. Мери припала головкой къ ея плечу, и крѣпко заснула. Ванда глядѣла на нее. Что-то другое около гнетущей и всепоглощающей скорби зашевелилось въ душѣ: чувство нѣжной заботливости и любви.

„Вѣдь онъ сказалъ мнѣ, прошептала Ванда, оставляю тебѣ мою Мери...“

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ИЗА ЛАСКОСЪ.

РЕНЕГАТЪ

(ИЗЪ РОБЕРТА ПРУТЦА)

Чу! звучатъ цимбалы, цитры; звуки манятъ, звуки льются;
Баядерки вереницей въ дикой пляскѣ вихремъ вьются.
Подъ лурпуровымъ наметомъ ренегатъ сидитъ сѣдой,—
Онъ страны той повелитель и прославленный герой.

Ни одинъ изъ Европейцевъ перешедшихъ къ мусульманамъ,
Замѣнившихъ Крестъ чалмою, а Евангелье—Кораномъ,
Ни одинъ такого счастья и богатства не достигъ,
Не былъ такъ, какъ онъ, извѣстенъ, такъ могучъ и такъ
великъ.

Вотъ бокалъ ему подноситъ одалиска молодая.
„Выпей влаги запрещенной, говоритъ она, играя,—
Будетъ сердцу веселѣе; да хранитъ тебя Алла!“
—Мнѣ досадны эти звуки: въ нихъ звучатъ колокола!

„Господинъ мой! ты печаленъ. О, скажи мнѣ, что съ тобою?
Развлеки себя охотой иль забавою иною,
Или въ земляхъ христіанскихъ разгуляться дай мечу.“
—О, молчи о христіанахъ; я забыть о нихъ хочу.

Онъ умолкъ и съ мрачной думой голова его склонилась,
И душа его невольно въ міръ мечтаній погрузилась.
Видитъ онъ въ селѣ знакомомъ храмъ, бѣлѣющій межь горъ,
Слышитъ онъ органа звуки и обѣдни стройный хоръ.

Видитъ онъ себя ребенкомъ при божественномъ служеньѣ,
Вотъ стоитъ онъ у престола въ бѣлоснѣжномъ облаченьѣ,
Вотъ въ рукѣ его дымится изъ кадила ѳиміамъ,
И торжественно сіяетъ весь огнями Божій храмъ.

Вотъ сестеръ своихъ онъ видитъ въ день великій воскресенья,
Какъ онѣ, склонивъ колѣна, ждутъ святаго причащенья;
Вотъ и мать его старушка въ умиленіи стоитъ...
О, съ какой она любовью на дѣтей своихъ глядитъ!

Вотъ священникъ поднялъ руку, прихожанъ благословляя...
Ренегатъ невольно вздрогнулъ, этотъ мигъ припоминая.
Чу! ему какъ будто шепчутъ чьи-то вѣщія уста:
„Проклятъ, проклятъ тотъ на вѣки, кто отрекся отъ Христа!“

Взоръ испуганный онъ поднялъ: все кругомъ его спокойно,
Видитъ онъ—къ нему по взморью корабли несутся стройно:
Это имъ еще недавно въ море посланный пиратъ,—
Вотъ съ добычею богатой онъ идетъ теперь назадъ.

„Господинъ мой! исполняя, какъ рабы, твое велѣнье,
Мы внесли въ страну гяуровъ грозный мечъ опустошенья,
Всѣ прибрежныя ихъ села разгромили и пожгли,
И съ собой тебѣ въ подарокъ сотни плѣнныхъ привезли.“

Такъ сказалъ начальникъ флота, и къ шатру, гремя цѣпями,
Идутъ плѣнники толпою съ обнаженными главами:
Мужи, юноши и дѣвы, съ ними пастырь ихъ сѣдой;
Всѣ въ тревогѣ ожиданья, всѣ убитые тоской.

Лишь одинъ межь нихъ ребенокъ съ золотистыми кудрями,
Милый мальчикъ, озираетъ всѣхъ спокойными глазами;
Онъ, прижавъ къ груди Распятье, впереди толпы стоитъ
И невинно-смѣлымъ взоромъ на властителя глядитъ.

Этотъ крестъ въ рукахъ малютки, эти кудри золотыя,
Этотъ видъ души невинной, эти очи голубыя—
Что-то милое былое знать напомнили ему,
Что поспѣшно онъ надвинулъ на глаза свои чалму.

Взоръ отступника невольно вдругъ слезою омрачился...
„Вы свободны!“ онъ промолвилъ, и въ чертогъ свой удалился.
И никто не могъ придумать, чѣмъ властитель ихъ смущенъ,
И за что всѣмъ христіанамъ возвратилъ свободу онъ.

Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

ВРЕМЯ ШКОЛЬНАГО УЧЕНІЯ

УѢЗДНОЕ УЧИЛИЩЕ И ГИМНАЗІЯ

(1816—1822)

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕЛОВѢКА.

Необходимость дать образованіе подросшимъ сыновьямъ и дочерямъ заставила моихъ родителей въ августѣ 1816 года оставить деревню и поселиться въ Рязани. Отецъ, послѣ перерыва, снова поступилъ на службу. Нѣсколько лѣтъ служилъ онъ по выборамъ засѣдателемъ въ гражданской палатѣ, а потомъ занималъ коронную должность губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго.

Гимназія, состоявшая въ то время изъ четырехъ классовъ, помѣщалась вмѣстѣ съ двуклассным уѣзднымъ училищемъ въ одномъ и томъ же домѣ, въ которомъ помѣщается и теперь. Мы съ братомъ поступили въ первый классъ училища. Ученики были разночинцы. На однѣхъ лавкахъ съ немногими дворянскими дѣтьми сидѣли дѣти мѣщанъ, солдатъ, почталіоновъ, дворовыхъ. Дворянство обыкновенно избѣгало школъ съ такимъ смѣшаннымъ составомъ, боясь за нравственность своихъ дѣтей, которыхъ потому и держало при себѣ подъ надзоромъ наемныхъ учителей, гувернеровъ и гувернантокъ или помѣщало въ пансіоны, содержимые иностранцами. Но

мои родители, какъ люди средняго состоянія, не имѣли возможности прибѣгнуть ни къ первому, ни ко второму способу образованія. Имъ нужно было ученіе безплатное, какими и были тогда уѣздное училище и гимназія. Сословное различіе моихъ товарищей обнаруживалось и въ одеждѣ, и въ прическѣ: одни ходили въ сюртукахъ и куртках, снимая зимнюю одежду въ нижнемъ этажѣ дома, а другіе зимой сидѣли въ тулупахъ и фризовыхъ шинеляхъ, подпоясанныхъ кушакомъ или ремнемъ. Прическа также не отличалась однообразіемъ: многіе стригли волосы въ кружокъ, а иные вовсе не стригли ихъ, какъ дѣвчки. Наконецъ возрастъ былъ замѣтно неровный: наряду съ девятилѣтними, десятилѣтними мальчиками сидѣли здоровые и рослые ребята лѣтъ шестнадцати и семнадцати—сыновья лакеевъ, кучеровъ, сложниковъ. Все это пестрое общество, говоря правду, не могло похвалиться приличнымъ держаніемъ. До прихода учителя въ классѣ стоялъ стонъ-стономъ отъ шума, возни и дракъ. Слова не допускаемыя въ печати такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ. Нерѣдко младшій классъ гуртомъ бился на кулачки со старшимъ. Бой происходилъ на площадкѣ, раздѣлявшей классы, и оканчивался, разумѣется, побіеніемъ первоклассниковъ. Однажды, я помню, какой-то бойкій школьникъ втораго класса вызвался одинъ поколотить всѣхъ учениковъ перваго. Но онъ потерпѣлъ сильное пораженіе: толпа одолѣла самохвала, наградивъ его синяками подъ глаза. Трудно представить себѣ положеніе мое и братнино среди подобныхъ сценъ. Добропорядочно выдержанные дома, неопытные ни въ борьбѣ, ни въ кулачномъ бою, мы были изумлены, ошеломлены происходившимъ предъ нами. Мы не только не могли принять какого-либо участія въ рукопашныхъ свалкахъ товарищей, но и боялись потерпѣть похмѣлье на чужомъ пиру, чтобы намъ не надавалъ кто-нибудь тумаковъ или не влѣпилъ бы такъ-называемой затрещины. Намъ оставалось одно—сидѣть или стоять въ сторонѣ, да волей-неволей смотрѣть на буйную потѣху. Остановить шалуновъ и забіякъ было некому: ни при училищѣ, ни при гимназіи не имѣлось надзирателей. Смотритель училища являлся только въ учебные часы, а директоръ и на уроки не ходилъ, хотя квартира его находилась въ гимназическомъ домѣ. Случалось, однакожъ, но рѣдко, что какой-нибудь учитель, жившій также въ гимназіи и выведенный изъ терпѣнія

стукомъ и крикомъ надъ его квартирой, придетъ угомонить развозившихся шалуновъ. При мирномъ настроеніи класса дѣло шло иначе: большинство учащихся громко повторяло уроки, остальные же занимались незатѣйливымъ завтракомъ: кто ѣлъ ломоть хлѣба, обильно посыпанный крупною солью, кто огурцы или зеленый лукъ, кто печеныя яйца и т. п.

Мы съ братомъ поступили въ первый классъ училища нѣсколько позднѣе срока назначеннаго для пріема, почему, какъ новички, и заняли послѣднія мѣста. Можетъ-быть намъ пришлось бы долго оставаться на нихъ, еслибы не выдвинуло насъ впередъ одно обстоятельство. Штатному смотрителю училища, Вознесенскому, вздумалось узнать, не забыты ли учениками „правила для учащихся въ народныхъ училищахъ“, изданныя при Екатеринѣ II, знаніе которыхъ требовалось отъ поступающаго. Эта небольшая книжечка у меня и брата была въ свѣжей памяти, тогда какъ всѣ прочіе успѣли забыть ее. Кого ни спроситъ смотритель, каждый или молчитъ, или путается въ отвѣтѣ; обратится къ намъ, мы такъ и рѣжемъ безъ запинки. Окончивъ репетицію, Вознесенскій сдѣлалъ выговоръ классу, а намъ съ братомъ велѣлъ занять первыя два высшія мѣста. Не могу не сказать съ чувствомъ самодовольства что я удержалъ за собой первый нумеръ не только въ училищѣ, но и въ теченіе всего гимназическаго курса.

По уставу 1804 года двухлѣтній курсъ уѣздныхъ училищъ былъ очень обширенъ; въ нихъ полагалось преподаваніе пятнадцати предметовъ: Закона Божія и Священной Исторіи; должностей человѣка и гражданина; * русской грамматики и правилъ слога; географіи всеобщей и русской съ начальными правилами географіи математической, исторіи всеобщей и русской, ариѳметики и начальныхъ правилъ геометріи, начальныхъ правилъ физики, естественной исторіи и технологіи, чистописанія и рисованія. Опытъ показалъ и безполезность такого учебнаго плана, и невозможность выполнить его, еслибъ онъ даже имѣлъ за собою какое-нибудь педагогическое основаніе; почему въ мое время многіе предметы сошли съ росписанія уроковъ: не было ни „должностей человѣка и гражданина“, замѣнившихся „правилами для учащихся“, ни правилъ слога, ни начальныхъ правилъ геометріи, физики, естественной исторіи и технологіи, ни рисованія.

---

* По книжкѣ, изданной при Екатеринѣ II.

Изъ двухъ учителей уѣзднаго училища одинъ обучалъ въ первомъ классѣ Закону Божію и Священной Исторіи (преподаваніе которыхъ не было обязанностью исключительно духовныхъ лицъ), грамматикѣ, ариѳметикѣ и чистописанію, а другой во второмъ классѣ: ариѳметикѣ, географіи и исторіи. Оба они, особенно послѣдній (И. А. Гульковскій), молодой и дородитый человѣкъ, принадлежали къ числу хорошихъ преподавателей. Мы интересовались толковымъ объясненіемъ его уроковъ, и больше всего рѣшеніемъ задачъ изъ математической географіи.

Ни въ училищѣ, ни въ гимназіи за все время моего тамъ шестилѣтняго ученія не было тѣлесныхъ наказаній. Высѣкли только троихъ, и то по просьбѣ ихъ матерей-вдовъ, у которыхъ они отбились отъ рукъ и которыя вынуждены были прибѣгнуть къ начальству чтобъ оно усмирило непокорныхъ дѣтей. Провинившихся наказывали другими способами: ставили на колѣни и оставляли безъ обѣда; въ большомъ ходу были и другія, болѣе грубыя и недостойныя мѣры внушенія: волосодраніе, лощечины, подзатыльники, иначе называемыя затрещинами, и не безъ причины: кто получалъ ихъ, у того дѣйствительно трещало въ головѣ и сыпались изъ глазъ искры, такъ что полъ превращался въ небо усѣянное звѣздами. Однажды учитель перваго класса такъ артистически далъ вихры шалуна-школьника что у него распоясался кушакъ и изъ-за пазухи посыпался моченый горохъ, приласенный конечно на завтракъ или на обѣдъ, еслибъ ему пришлось остаться въ училищѣ безъ обѣда. Мы съ братомъ были избавлены отъ трехъ послѣднихъ наказаній, сколько потому что не заслуживали ихъ, столько же и потому что учителя иначе держали себя съ нами, какъ единственными учениками изъ дворянскаго сословія.

Въ курсахъ уѣзднаго училища и гимназіи былъ пробѣлъ, почитавшійся дворянами великимъ недостаткомъ. Это отсутствіе французскаго языка и танцованія, двухъ предметовъ необходимыхъ въ тогдашнемъ благородномъ обществѣ. Чтобы пополнить такой недостатокъ казеннаго образованія, мы съ братомъ, въ свободные отъ гимназическихъ уроковъ часы, ходили въ женскій пансіонъ, очень не дурной по тогдашнему времени, такъ какъ преподаватели въ немъ большею частію были гимназическіе учителя. Тамъ же воспитывалась старшая сестра моя. Содержательница пансіона, madame Pelouse, при

ломощи своего мужа, вела свое дѣло успѣшно. Она держала и полныхъ пансіонерокъ и полупансіонерокъ, взимая съ тѣхъ и другихъ хотя не высокую по нынѣшнему времени, но значительную для тогдашняго платы, отъ чего, послѣ многихъ лѣтъ, скопила порядочное состояніе. Кромѣ пансіонерокъ ей дозволялось брать въ ученіе и мальчиковъ которые приходили на уроки въ извѣстные часы и помѣщались въ одной классной комнатѣ съ дѣвицами, только за особымъ столомъ. Въ мое время тамъ были дѣти губернскихъ тузовъ: Князевъ (сынъ губернатора), двое Кобяковыхъ, Р...ій, все развязные, избалованные и своевольные барченки, бойко говорившіе по-французски и ловко танцовавшіе. Боже мой! сколько пришлось натерпѣться отъ нихъ мнѣ и брату—застѣнчивымъ новичкамъ, только-что начавшимъ французскую азбуку. Нашъ выговоръ носовыхъ французскихъ звуковъ возбуждалъ постоянныя насмѣшки. Глаголъ „manger“ особенно затруднялъ моего брата; passé défini этого глагола всегда выходило у него какимъ-то русско-рязанскимъ „маньжа“, за что и прозвали его „маньжой“. Бывало какъ только онъ приходитъ въ пансіонъ, такъ и слышитъ привѣтствіе: „Здравствуй господинъ маньжа!“ Сорванцы вели себя не лучше и съ пансіонерками.

Смотритель Вознесенскій косился на меня и брата за наши частные уроки въ пансіонѣ. Онъ видѣлъ въ этомъ какъ бы измѣну казенной школѣ, состоявшей въ его ближайшемъ вѣдѣніи. Однажды при повтореніи Священной Исторіи онъ спросилъ меня чрезъ сколько дней приходится Вознесеніе послѣ Пасхи.

— Вотъ видишь ли, сказалъ онъ, не получивъ отвѣта,— Священную Исторію ты забылъ, а вѣрно знаешь какъ по-французски называется Вознесеніе.

— L'ascension, отвѣтилъ я быстро.

— То-то же, промычалъ онъ.

Мнѣ вдругъ пришло въ голову что фамилія его (Вознесенскій) во французскомъ переводѣ будетъ monsieur de l'Ascension. Я не могъ не разсмѣяться, за что и былъ поставленъ на колѣни съ выговоромъ:

— Какъ ты смѣешь, дуракъ, смѣяться, когда тебя спрашиваютъ о двунадесятомъ праздникѣ?

Директоръ гимназіи, носившій также праздничную фамилію (Воскресенскій), рѣдко бывалъ въ трезвомъ состояніи,

почему мы и зрѣли его ликъ раза два въ годъ, не больше: предъ началомъ ученія, въ августѣ, и по окончаніи его, въ концѣ іюня. Въ оба раза онъ являлся какъ важная особа, давалъ намъ строгія наставленія, послѣ которыхъ, не знаю для чего, грозилъ намъ пальцемъ. Рѣдко видя его мы не могли къ нему присмотрѣться, какъ лисица ко льву, и потому очень боялись его. На второмъ году нашего гимназическаго курса онъ былъ замѣщенъ новымъ директоромъ нисколько на него не похожимъ. То былъ отставной полковникъ Иванъ Михайловичъ Татариновъ, мужъ извѣстной мистички (урожденной Буксгевденъ). Жена его, имъ оставленная, какъ свидѣтельствуетъ П. Кукольникъ, * жила въ Петербургѣ. Причина почему разошлись они неизвѣстна. Конечно не за различіе въ образѣ мыслей, такъ какъ самъ Татариновъ принадлежалъ къ масонамъ. Всего вѣроятнѣе ему, красивому и молодому мущинѣ лѣтъ тридцати пяти, не нравились странности жены, удалившейся отъ свѣта и собиравшей къ себѣ разнохарактерное общество для молитвенныхъ „радѣній“. Единственный сынъ ихъ умеръ въ дѣтствѣ и этою смертью порвана была послѣдняя связь между ними. Не зная семейной исторіи нашего новаго начальника, мы удивлялись какъ такой бравый молодецъ не найдетъ себѣ подъ пару невѣсты, а живетъ одинъ.

Директорство Татаринова принесло много пользы. Онъ сразу поднялъ гимназію во мнѣніи рязанскаго общества, потому что принялся за дѣло съ охотой и любовью. Гимназисты, для которыхъ прежній директоръ былъ своего рода мифомъ, ежедневно видѣли новаго въ классѣ выслушивающимъ уроки учителей и отвѣты учениковъ. Составъ преподавателей не измѣнился, но тѣ изъ нихъ—впрочемъ весьма немногіе, которые позволяли себѣ иногда являться въ послѣобѣденное время „навеселѣ“, воздерживались отъ своей слабости и аккуратно посѣщали классы. Много значило и то обстоятельство что Татариновъ по своему состоянію, чину, образованію и петербургскимъ связямъ, стоялъ наряду съ губернскою знатью. Онъ держалъ себя независимо и какъ начальникъ отдѣльной части, и какъ лицо представительное въ обществѣ, и какъ человѣкъ съ самостоятельнымъ характеромъ. Дворянство не боялось уже отдавать своихъ дѣтей въ гимназію и относи-

* *Русскій Архивъ* 1874, кн. I.

лось уважительнѣе къ образованію въ ней получаемому. Сообразуясь съ потребностью времени, Татариновъ ввелъ частные уроки танцевъ для желающихъ, съ платою по 25 рублей въ годъ, пригласивъ отличнаго учителя, Италіянца Коломбо, жившаго прежде у богатаго помѣщика Ржевскаго, который изъ крѣпостныхъ своихъ дѣвокъ устроилъ балетную труппу, и не рѣдко угощалъ публику балетами на Рязанскомъ театрѣ. *

Въ день акта, утромъ, родители и посторонніе собирались въ гимназію на раздачу одобрительныхъ листовъ и книгъ лучшимъ ученикамъ, а вечеромъ на спектакль, устраиваемый въ большой залѣ. Піесы разыгрывались учениками. Татаринову же одолжена была гимназическая библіотека значительнымъ приращеніемъ. Онъ подвигнулъ нѣкоторыхъ дворянъ на пожертвованія. Тогдашній генералъ-губернаторъ пяти губерній, А. Д. Балашевъ, выбравшій Рязань мѣстомъ своего пребыванія, захотѣлъ съ своей стороны сдѣлать вкладъ и просилъ директора указать, въ чемъ именно нуждается библіотека. Директоръ написалъ: „сочиненія Шиллера, или сочиненія Гёте“, или сочиненія Корнеля и Расина“, или... и т. д. Балашевъ понялъ смыслъ записки и замѣнилъ союзъ *или* союзомъ *и*, такъ что библіотека наша заразъ получила книгъ рублей на шестьсотъ. Нельзя было не замѣтить перемѣны и въ учащихся: они приличнѣе держали себя, лучше соблюдали классный порядокъ, внимательнѣе смотрѣли за своею одеждой, книгами и тетрадями. Неблагопристойныя слова, грубыя выходки, кулачные бои прекратились, хотя въ промежуткѣ между уроками дозволялись игры на просторномъ гимназическомъ дворѣ.

Важнѣе всего было вниманіе директора къ успѣхамъ учениковъ. Отличая того или другаго, онъ не имѣлъ надобности дѣйствовать по разчетамъ, съ цѣлію угодить знакомымъ или виднымъ лицамъ. Доказательствомъ служитъ тотъ порядокъ въ какомъ девять учениковъ четвертаго класса гимназіи окончили курсъ: первымъ вышелъ я, за мною слѣдовали сынъ солдата, двое дворовыхъ людей, сынъ мелкаго чиновника, сынъ почталіона, двое дворянъ (изъ нихъ одинъ сынъ бывшаго предводителя дворянства) и сынъ мѣщанина.

---

* Нѣкоторые сюжеты изъ этой труппы (Виноградова, Харламова) поступили потомъ на Московскую сцену.

Въ особенности отличалъ Татариновъ тѣхъ гимназистовъ, въ которыхъ, кромѣ успѣшнаго ученія, подмѣчалъ охоту къ чтенію, любознательность. Я съ удовольствіемъ вспоминаю какъ бывало, по окончаніи послѣобѣденныхъ уроковъ, * зазывалъ онъ меня къ себѣ на квартиру, помѣщавшуюся въ гимназіи, угощалъ лакомствами и показывалъ библіотеку. Однажды, раскрывъ лежавшую на столѣ книгу, я увидѣлъ *Приключенія послѣ смерти*, Штиллинга. Татариновъ, какъ сказано, былъ масонъ, и потому бо́льшая часть его библіотеки состояла изъ сочиненій масонскаго и мистическаго содержанія.

Изъ числа учителей, нѣкоторые могли бы, по своимъ способностямъ и знаніямъ, и въ настоящее время приносить пользу въ учебномъ дѣлѣ. Упомяну о Свиставскомъ, учителѣ латинскаго языка, и о Воздвиженскомъ, учителѣ естественной исторіи, занявшемъ впослѣдствіи каѳедру того же предмета въ Демидовскомъ Лицеѣ. Но на первомъ мѣстѣ я долженъ поставить И. А. Гаретовскаго, преподавателя Закона Божія и русской словесности. Онъ выходилъ изъ ряда своихъ товарищей какъ рѣдкое исключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значило тогда учительское сословіе? Оно образовало среду почти совершенно замкнутую и жившую особнякомъ. Ни оно не знало общества, ни общество не хотѣло знать его. Оно не пристало къ дворянству, до котораго ему было далеко; оно отстало и отъ круга среднихъ и мелкихъ чиновниковъ, съ которымъ не имѣло никакихъ общихъ интересовъ. Дворянинъ могъ нуждаться въ учителѣ, но вовсе не желалъ водить знакомство съ учителемъ, котораго если и приглашалъ къ себѣ, то единственно съ цѣлью задобрить его въ пользу своего лѣниваго или малоспособнаго сына, то-есть угостить чѣмъ-нибудь или предложить какой-нибудь подарочекъ. На этомъ пунктѣ и оканчивались всѣ сношенія. Самый визитъ педагога, несмотря на свою краткость, считался тратой времени, издержаннаго на скучнѣйшій разговоръ. И о чёмъ бы стали бесѣдовать между собою лица смотрящія въ противоположныя стороны? Не о грамматикѣ же или ариѳметикѣ, которыя хорошо могъ знать учитель, ничего остальнаго не знающій. У чиновниковъ были

* Каждодневно было по три двухчасовыхъ урока: до обѣда отъ 8 до 12, послѣ обѣда отъ 2 до 4 часовъ.

свои резоны не сходиться съ учительскимъ людомъ, такъ какъ послѣдній не могъ держать имъ компаніи ни въ картежной игрѣ, ни въ толкахъ о дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. По этимъ причинамъ гимназическіе преподаватели, какъ существа непрактичныя и неспособныя для общежитія, по общему мнѣнію чудаки, пребывали въ своемъ собственномъ кружкѣ, ходили другъ къ другу въ гости, ссорились и мирились между собою, проводя служебные часы въ классахъ, а неслужебные у себя на квартирахъ, бо́льшая часть которыхъ находилась тоже въ стѣнахъ гимназій. Вообще ученые, на всѣхъ степеняхъ учености, большихъ и малыхъ, не пользовались ни сочувствіемъ, ни уваженіемъ свѣта, а скорѣе возбуждали сожалѣніе и насмѣшки. Дворянинъ охотнѣе отдавалъ дочь за армейскаго прапорщика, если онъ былъ свой братъ дворянинъ, или за чиновника, если онъ занималъ теплое мѣстечко, чѣмъ за ученаго, вышедшаго изъ духовнаго званія. Одна дама, жалуясь другой на лѣность своихъ дѣтей, прибавила: „вижу что имъ не бывать профессорами“. Слушательница, дѣти которой, напротивъ, учились хорошо, приняла послѣднія слова на свой счетъ и возразила съ обидой: „позвольте узнать, кто же это хочетъ сыновей своихъ дѣлать профессорами?“ Если на званіе профессора смотрѣли такъ низко, чего могли ожидать бѣдные учители?

Не таковъ былъ Гаретовскій. Двойное жалованье вмѣстѣ съ доходами жены его, первой акушерки въ городѣ, обезпечивало его матеріально. Кромѣ занятій въ гимназіи онъ имѣлъ частные уроки, по пяти рублей (ассигнаціями)—цѣна въ то время значительная. Давалъ онъ ихъ не по нуждѣ, а по настоятельной просьбѣ нѣкоторыхъ родителей. Особой должности инспектора тогда не полагалось, но Гаретовскій былъ имъ de facto, такъ какъ Татариновъ постоянно совѣтовался съ нимъ по дѣламъ управленія. Въ классѣ держалъ онъ себя превосходнымъ образомъ: всегда прилично и ровно. Умѣньемъ объяснять уроки онъ внушилъ намъ охоту заниматься не только словесностью, но и Закономъ Божіимъ. Преподаваніе послѣдняго предмета, да и всѣхъ вообще, отличалось въ то время большею свободой. Преподаватель не былъ стѣсняемъ ни выборомъ учебныхъ книгъ, ни ихъ содержаніемъ. Такъ и поступалъ Гаретовскій: онъ сообщалъ намъ многія вещи которыхъ не имѣлось въ учебникѣ и которыя ученикъ могъ, по желанію, вносить въ свою тетрадку.

Въ концѣ курса мы познакомились съ составомъ Библіи и съ содержаніемъ Евангелія, благодаря тому что и самъ преподаватель велъ объяснительное его чтеніе и насъ заставлялъ читать его на дому. Мы не только знали наизусть отдѣльные тексты, приведенные въ катехизисѣ, но и понимали ихъ смыслъ въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Кромѣ того, Гаретовскій давалъ мнѣ изъ своей библіотеки законоучительныя книги, между прочимъ какое-то полемическое богословіе на латинскомъ языкѣ, гдѣ положенія защищались или опровергались схоластически, въ формѣ силлогизмовъ. Съ большимъ трудомъ, при помощи лексикона, я добирался до смысла того что̀ было предметомъ спора.

Еще съ большею охотой учились мы у Гаретовскаго русской словесности. Предпочтеніе этого предмета другимъ было тогда господствующимъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ и въ средѣ интеллигентнаго общества литературные интересы стояли на первомъ планѣ. Гимназистъ могъ оказывать малые успѣхи въ математикѣ, латинскомъ или французскомъ языкѣ, но тщательное приготовленіе уроковъ учителю русскаго языка считалось обязательнымъ и заслуживало особую похвалу. Конечно, такое предпочтеніе много зависѣло и отъ личности преподавателя, отъ его способности вести дѣло, отъ умѣнья привлечь учащихся къ своимъ урокамъ. Гаретовскій былъ надѣленъ этою способностью: онъ хорошо зналъ свой предметъ, владѣлъ даромъ слова и на письмѣ, и въ разговорѣ. Увидѣвъ при переходѣ нашемъ изъ училища въ первый классъ гимназіи плохое знаніе орѳографіи онъ занялся ею и довелъ насъ до желанной цѣли. Проходя риторику, заставлялъ выучивать наизусть многія мѣста изъ сочиненій Карамзина, И. Дмитріева, Крылова, Жуковскаго, Батюшкова, которые начали смѣнять преобладавшее вліяніе Ломоносова, Державина, Богдановича и Хераскова. Незамѣтно пріобрѣли мы и отдѣльныя фактическія знанія изъ исторіи литературы. Насъ трудно было сконфузить вопросами: что̀ сочинили Херасковъ и Богдановичъ, какія лучшія оды Ломоносова и Державина, въ какомъ родѣ писали Капнистъ, Аблесимовъ? и т. п. Изъ любви къ чтенію мы добровольно дѣлали то что̀ при другихъ условіяхъ выполняется принужденно и потому безуспѣшно. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Послѣобѣденный урокъ начинался въ два часа пополудни. Чтобы выгадать время на чтеніе инте-

ресовавшей насъ книги, мы, будучи въ четвертомъ классѣ, сговорились обѣдать раньше и собираться въ гимназію за полчаса до прихода учителя. На что же употреблялись эти полчаса? Я и товарищи мои поочередно читали *Освобожденный Іерусалимъ* Тасса, въ прозаическомъ переводѣ Москотильникова (1819). Помню какъ мы восторгались битвами крестоносцевъ съ мусульманами, нисколько не плѣняясь прелестями Армиды и ея времяпровожденіемъ съ Ринальдо. Если же случалось манкировать учителю и въ нашемъ распоряженіи оставались свободными цѣлыхъ два часа, мы задавали себѣ какую-нибудь тему для сочиненія, которое въ классѣ оканчивали и прочитывали чтобы видѣть кто изъ насъ лучше умѣетъ выражать мысли. О самыхъ мысляхъ умалчиваю. Нельзя требовать серіознаго содержанія отъ юношей 15 и 16 лѣтъ, при скудномъ матеріалѣ ихъ знаній. Хорошо и то что мы мало-по-малу пріучились къ литературному складу рѣчи, на которомъ, по нашему знакомству съ Карамзинымъ и Жуковскимъ, отражалось вліяніе того либо другаго.

Эти чтенія и письменныя упражненія въ классѣ, устраиваемыя учениками по вольному ихъ побужденію, образовали своего рода литературныя собранія, бывшія тогда въ модѣ и въ университетахъ, и въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, и въ кадетскихъ корпусахъ. Но кромѣ того въ Рязанской гимназіи учредилось, по почину Гаретовскаго, другое собраніе подъ названіемъ „Кабинетъ для чтенія“. Въ библіотечной залѣ, разъ въ недѣлю (въ среду), по окончаніи урока сходились ученики третьяго и четвертаго классовъ, за исключеніемъ тѣхъ которые провинились лѣностью или шалостями. При открытіи кабинета Гаретовскій произнесъ рѣчь *. Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я каждой среды! Съ какимъ удовольствіемъ спѣшилъ въ библіотеку, гдѣ на большомъ столѣ разложены были послѣднія книжки журналовъ! Вокругъ этого стола, занимавшаго средину комнаты, садились мы и Гаретовскій, а сторонніе посѣтители размѣщались у стѣнъ. Читалъ самъ Гаретовскій и назначаемые имъ ученики. Для чтенія выбирались частію извѣстныя сочиненія писателей, преимущественно Карамзинскаго времени, частію нововышедшія, напри-

* Она напечатана въ № 21 *Вѣстн. Евр.* 1820.

мѣръ описаніе грозныхъ дѣйствій Іоанна IV изъ девятаго тома *Исторіи Государства Россійскаго*. Иногда трое или четверо учениковъ декламировали какую-нибудь сцену изъ трагедій Озерова. При выборѣ піесъ замѣтно было особенное пристрастіе нашего преподавателя къ Воейкову: онъ часто угощалъ насъ отрывками изъ его перевода *Делилевыхъ Садовъ*, его посланій и даже нѣкоторыхъ критическихъ статей. Надъ этимъ пристрастіемъ подтрунивалъ директоръ, да и мы не находили вкуса въ блюдахъ Воейковской стряпни. Засѣданіе оканчивалось чтеніемъ шарадъ, печатавшихся почти въ каждомъ нумерѣ журнала. Намъ очень хотѣлось отгадать ихъ, но на бѣду всегда предупреждалъ насъ кто-нибудь изъ сторонннхъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ бывали и почетныя лица: самъ Балашовъ, чиновники его канцеляріи, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Петербурга, корпусный командиръ Потемкинъ и другіе.

Слабость Гаретовскаго къ твореніямъ Воейкова имѣла свою причину. Въ Рязани проживала княгиня Екатерина Александровна Волконская, родственница князя И. М. Волконскаго, начальника Главнаго Штаба. Женщина образованная и уважаемая обществомъ, она любила литературу. Изъ трехъ дочерей ея, умныхъ и начитанныхъ, одна вышла замужъ за полковника Казначѣева, бывшаго въ послѣдствіи правителемъ канцеляріи одесскаго градоначальника Воронцова. Съ сильно-религіознымъ настроеніемъ, княгиня искала человѣка который своею бесѣдой удовлетворялъ бы ея чувству, направленному на духовные и литературные предметы. Случай или рекомендація свели ее съ гимназическимъ преподавателемъ Закона Божія. Гаретовскій сдѣлался ея желаннымъ посѣтителемъ, домашнимъ человѣкомъ. Взявъ духовно-назидательную книгу или новое литературное произведеніе, онъ проводилъ у ней вечера въ чтеніи и разговорѣ о читанномъ. У нея-то познакомился онъ съ Воейковымъ, наѣзжавшимъ въ Рязань *. Это знакомство льстило учителю. Имя Воейкова тогда славилось: оно стояло въ поэтическомъ тріумвиратѣ наряду съ Жуковскимъ и Батюшковымъ. Между посланіями тріумвира одно адресовано Гаретовскому:

---

* Письма Воейкова къ этой княгинѣ напечатаны въ *Библіографическихъ Запискахъ* Аѳанасьева на 1858 годъ (№ 9).

Ты истинный мудрецъ, Гаретовскій! и въ свѣтѣ
Немного мудрецовъ подобныхъ на примѣтѣ.
Не раболѣпствуешь надменнымъ богачамъ,
Въ переднюю вельможъ не ходишь по утрамъ
Потакать, постоять, польстить, попресмыкаться,
И ни чиновъ, ни лентъ не хочешь добиваться.
Въ тѣлесномъ здравіи, въ слокойствіи души,
Однообразно ты, безъ блеска и въ тиши,
Всѣ дни свои ведешь и мирно, и блаженно,
И въ маленькомъ кругу ты счастливъ совершенно
Любовью, ласками подруги и дѣтей. *

Гаретовскій былъ дѣйствительно мудрецъ въ смыслѣ человѣка обладавшаго житейскою мудростью. Въ обществѣ служилаго и неслужилаго рязанскаго дворянства онъ умѣлъ поставить себя такъ ловко и достойно, какъ удавалось рѣдкому педагогу. Онъ не разыгрывалъ роль вороны въ павлиныхъ перьяхъ, потому что зналъ себѣ цѣну и пользовался не покровительскою лаской, а такимъ уваженіемъ, какое оказываютъ другъ другу стоящіе на одной ногѣ. Къ каждому архіерею онъ входилъ въ фаворъ, что̀ и не удивительно: какъ отличный законоучитель, знатокъ церковнаго устава и богослуженія, онъ былъ для него пріятнымъ собесѣдникомъ, а какъ человѣкъ практически-умный, хорошо знающій жизнь города и обычаи горожанъ, онъ былъ полезнымъ совѣтникомъ. На экзаменахъ въ семинаріи онъ вопросами и возраженіями выказывалъ знаніе и начитанность, удивлявшія профессоровъ. Особенно любилъ его архіепископъ Гавріилъ, бывшій его товарищемъ по Духовной Академіи. По протекціи Гаретовскаго давались мѣста священниковъ и дьяконовъ, такъ что его въ шутку называли викарнымъ. Служебную свою карьеру заключилъ онъ директорствомъ въ Витебской гимназіи; а по выслугѣ полнаго пенсіона вышелъ въ отставку и остальные годы жизни (ему было слишкомъ 80 лѣтъ) провелъ въ Рязани.

Заботясь объ успѣшномъ ученіи дѣтей, которыя были моложе всѣхъ своихъ товарищей, отецъ пригласилъ на житье съ нами лучшаго ученика старшаго класса, И. О. Шиховскаго, занимавшаго потомъ каѳедру ботаники въ Петербургскомъ университетѣ. Выборъ оказался удачный. Полякъ по

* *Вѣст. Евр.* 1819, № 6.

происхожденію, Шиховскій до поступленія въ гимназію получилъ очень хорошую подготовку, свободно говорилъ по-французски. А это-то и было намъ въ особенности нужно, такъ какъ гимназическіе преподаватели новыхъ иностранныхъ языковъ, плохо понимая свое дѣло, старались привести насъ къ цѣли, недостижимой въ средне-учебномъ заведеніи. Мы съ братомъ полюбили нашего приставника—добраго и образованнаго юношу. Его добросовѣстность въ исполненіи и умѣнье держать себя въ чужомъ домѣ оказали доброе на насъ вліяніе.

Гимназическое ученіе моего времени было свободнѣе сравнительно съ нынѣшнимъ. Гимназистъ, успѣвая въ однихъ предметахъ, могъ оказывать неудовлетворительные успѣхи въ другихъ и это не мѣшало его переводу въ слѣдующій классъ. Уроки учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ не приносили намъ ни малѣйшей пользы. Мы смотрѣли на нихъ какъ на трату времени, какъ на потѣшную рекреацію. Не зная ни слова по-русски, наставники заставляли насъ твердить наизусть граматическія правила. Труда было много, а толку никакого: смыслъ заученнаго оставался для насъ загадкой. Свобода выражалась также въ болѣе независимомъ отношеніи къ учебнику и въ собственныхъ, сверхкомплектныхъ занятіяхъ учащихся. Проходя исторію по Шрекку, мы исключительно занялись Греціей и Римомъ, отчего получили особенное пристрастіе къ героямъ древности, подобно всѣмъ тогдашнимъ юношамъ. Любознательные ученики, по собственной охотѣ, дополняли свѣдѣнія о классическомъ мірѣ отрывочными фактами изъ исторіи новыхъ народовъ. Я, напримѣръ, зная имена греческихъ и римскихъ философовъ, поэтовъ, ораторовъ, историковъ.... вносилъ въ особую тетрадь имена ученыхъ и авторовъ прославившихся въ другихъ странахъ. Конечно, въ памяти моей накопился простой запасъ чиселъ, именъ и заглавій сочиненій, которыхъ я не читалъ, да и не могъ читать, но все же это было нѣчто больше круглаго невѣжества, которое разѣваетъ ротъ при имени Эвклида или Исократа, смѣшивая послѣдняго съ Сократомъ. Вообще мы многимъ обязаны самимъ себѣ. Можно сказать, что чтеніе книгъ приносило намъ въ иныхъ случаяхъ больше пользы, чѣмъ учебникъ, иногда дурно объясняемый преподавателемъ, иногда непослѣдовательно имъ проходимый. И потому въ наше время было не рѣдкостью встрѣ-

тить людей которые хотя плохо учились въ школѣ, но вышли развитѣе и образованнѣе кончившихъ полный курсъ ученія. Такіе факты имѣли мѣсто не только въ жизни геніальныхъ натуръ, каковы были Пушкинъ и Гоголь, но и въ жизни натуръ просто любознательныхъ. Наша любознательность большею частію возбуждалась какою-нибудь книгой, попадавшейся въ руки. Если намъ нравилось ея содержаніе, мы старались даже забѣгать впередъ, т.-е. заниматься предметами не положенными въ гимназіи. Увидавъ, въ домѣ моего товарища, физику Гиларовскаго, я выпросилъ ее для чтенія, а читая началъ дѣлать выписки, которыя обратились въ сокращенное изложеніе всей науки. Подарили мнѣ „Плутархъ для юношества“ Бланшара: я извлекъ изъ него біографическія свѣдѣнія о знаменитыхъ мужахъ, а потомъ, доставъ „Плутарха для дѣвицъ“, Ѳ. Глинки, пополнилъ жизнь геровъ новыми свѣдѣніями о жизни героинь. Сильно заинтересовала меня книга: *Открытыя тайны древнихъ магиковъ и чародѣевъ, или волшебныя силы натуры, въ пользу и увеселеніе употребленныя*,—я научился изъ нея рѣшенію нѣсколькихъ замысловатыхъ задачъ и произведенію нѣкоторыхъ физическихъ и химическихъ штукъ. Изъ библіотеки отца моего, очень скудной, прочелъ я театръ Коцебу, романы Августа Лафонтена и Редклифъ, *Всемірный Путешественникъ* (аббата де-ла-Порта). Коцебу далъ мнѣ понятіе о томъ что̀ такое драма, а де-ла-Портъ сообщилъ множество географическихъ свѣдѣній. Выписки изъ книгъ, болѣе и болѣе накоплявшіяся, я переписывалъ набѣло, въ чистыя тетради. Хотя на такую работу тратилось много времени, но я не могу и не хочу назвать его потерянымъ: это было бы и несправедливо, и не благодарно. Неумѣнье справиться съ какимъ-нибудь дѣломъ заставляло меня прибѣгать къ чужой помощи. Преподаватель алгебры, объяснивъ намъ, но очень смутно, теорію уравненій первой степени, задалъ нѣсколько задачъ. Сколько ни мучился я надъ ними, но все не зналъ какъ приступить къ ихъ рѣшенію. Нужно было обратиться къ кому-нибудь за совѣтомъ. Шиховскій уже не жилъ у насъ. Я вспомнилъ бывшаго моего учителя ариѳметики въ деревнѣ, проживавшаго гдѣ-то въ Рязани, и послалъ за нимъ няню. Няня отыскала его и привела, къ счастію, трезваго. Онъ тотчасъ объяснилъ мнѣ непонятое мною въ классѣ и я при немъ же самъ рѣшилъ задачи. Боже мой, въ ка-

комъ я былъ восторгѣ отъ ниспавшаго на меня свѣта! Я готовъ былъ расцѣловать моего просвѣтителя. Нечего было подарить ему, да онъ же и не принадлежалъ къ интересанамъ. Онъ удовольствовался обѣдомъ и тремя рюмками ерофеича, который былъ для него дороже всякой гекатомбы.

При воспоминаніи о школьномъ періодѣ житни, я и теперь съ интересомъ останавливаюсь на томъ внутреннемъ, духовномъ настроеніи, которое владѣло мною три года сряду: послѣдній въ гимназіи и два первые въ университетѣ. Оно возникло и развилось подъ союзнымъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ: темперамента, домашней обстановки и гимназическаго ученія.

Отецъ мой считался человѣкомъ очень религіознымъ въ церковно-обрядовомъ смыслѣ этого слова. Онъ твердо зналъ чинъ богослуженія, за что былъ много уважаемъ приходскимъ священникомъ. По тому же направленію онъ повелъ и дѣтей. Съ девятилѣтняго возраста мы ходили съ нимъ къ обѣднѣ каждое воскресенье, каждый двунадесятый праздникъ, а наканунѣ послѣдняго и ко всенощной. О манкировкахъ, по близости отъ насъ приходской церкви (Семіона Столпника, на старомъ базарѣ), не могло быть и рѣчи. Онъ строго требовалъ чтобы во время службы стояли мы чинно и со вниманіемъ слушали все что поется и читается. Нерѣдко и охотно бывали мы въ соборѣ, гдѣ восхищались и хоромъ лѣвчихъ и торжественностью служенія архіепископа Θеофилакта Русанова (потомъ бывшаго экзархомъ Грузіи). Въ результатѣ вышло то что я до такой степени освоился съ богослуженіемъ что, не проходя его въ гимназіи, твердо зналъ порядокъ литургіи, вечерни и всенощной и кромѣ того еще поукрѣпился въ церковно-славянскомъ языкѣ. И то и другое было знаніемъ которымъ я даже гордился, сравнивая себя съ дѣтьми другихъ знатныхъ и богатыхъ дворянъ, которые не умѣли порядочно прочесть ни одной молитвы и стояли въ церкви безъ малѣйшаго понятія о томъ что̀ предъ ними происходитъ.

Столь же строго соблюдались въ нашемъ домѣ посты Великій и Успенскій. Съѣсть въ эти девять недѣль что-нибудь скоромное было для насъ не мыслимо; даже оскоромиться нечаянно, по забывчивости, считалось великимъ грѣхомъ. Строгость особенно увеличивалась во время говѣнья на Страстной недѣлѣ: мы ежедневно ходили три раза въ церковь —

къ заутренѣ, обѣднѣ и вечернѣ. Какъ ни хотѣлось намъ спать, но дѣлать было нечего: няня будила насъ съ первымъ ударомъ колокола и мы, зѣвая, морщась и дрожа отъ холода, волей-неволей вставали и одѣвались. Послѣ исповѣди намъ не давали не только ужинать, но даже пустаго чаю. Каково было мальчикамъ ложиться въ постель голодными и оставаться съ пустымъ желудкомъ отъ 6 часовъ вечера до 11 часовъ утра. Конечно, это тяготило насъ, но такъ какъ намъ постоянно внушалось что говѣнье необходимая обязанность христіанина, то мы не роптали на отца требовавшаго отъ дѣтей того же что̀ онъ самъ исполнялъ неуклонно. Сверхъ того, многія церковныя пѣсни нравились моему дѣтскому сердцу. Я чувствовалъ такое удовольствіе при чтеніи правила предъ причастіемъ что вздумалъ было выучить наизусть всѣ содержащіяся въ немъ молитвы. Однакожь работа оказалась не по силамъ: я остановился на шестой или седьмой.

Одновременно съ домашнею атмосферой такого рода дѣйствовало на меня преподаваніе богословія въ гимназіи. Я уже говорилъ объ охотѣ возбужденной во мнѣ къ этому предмету нашимъ законоучителемъ Гаретовскимъ,—охотѣ, заставившей меня читать даже полемическія книги съ желаніемъ узнать какъ думаютъ противники православія и какъ слѣдуетъ опровергать ихъ. Дѣйствительно, катехизическіе уроки и объяснительное чтеніе Евангелія интересовали меня болѣе чѣмъ хожденіе въ церковь. Но еще сильнѣе было наступившее затѣмъ вліяніе мистическое. На него направилъ меня самъ директоръ, давая мнѣ какъ первому ученику книги изъ своей библіотеки. Хоть я весьма мало понималъ и въ *Приключеніяхъ послѣ смерти*, и въ *Тоскѣ по отчизнѣ* (Юнга Штиллинга), но это-то самое и подстрекало меня. Мнѣ хотѣлось добраться смысла аллегорій, которыми наполнено второе сочиненіе, отыскать ключъ къ таинственному содержанію перваго. Третья книга оказалась доступнѣе моему уму-разуму. Это было одно изъ *твореній* госпожи Гіонъ (такъ ихъ тогда титуловали), розданное въ награду лучшимъ гимназистамъ на экзаменѣ: *Легчайшій способъ молиться.* *

* Вскорѣ однакожь чиновникъ присланный изъ Москвы или Петербурга отобралъ у насъ всѣ экземпляры. Директоръ въ это время осматривалъ училища. Возвратясь, онъ сдѣлалъ выговоръ заступавшему его мѣсто, который допустилъ чиновника распоряжаться въ гимназіи въ отсутствіе ея начальника.

Удовольствіе мое было все-таки неполное: не было человѣка съ кѣмъ я могъ бы поговорить о томъ что̀ прочтено мною, кто своими силами разрѣшилъ бы мои недоразумѣнія. Случай пришелъ ко мнѣ на выручку: онъ познакомилъ меня со студентомъ Рязанской семинаріи, богословскаго курса, Захаромъ Петровичемъ Петровымъ. * Такъ какъ онъ жилъ почти рядомъ съ нашимъ домомъ, то онъ часто приходилъ ко мнѣ потолковать о предметѣ равно насъ интересовавшемъ. Онъ былъ лѣтъ на шесть, если не болѣе, старше меня; но это-то мнѣ и нравилось: я именно нуждался не въ ровесникѣ, а въ руководителѣ. На первый разъ онъ принесъ мнѣ рукопись извѣстной полемики между Филаретомъ (ректоромъ Петербургской Духовной Академіи) и Ѳеофилактомъ Русановымъ (архіепископомъ Калужскимъ) по поводу *Эстетическихъ разсужденій* Ансильйона, переведенныхъ студентами Калужской семинаріи и напечатанныхъ съ одобренія ихъ пастыря, когда онъ состоялъ членомъ Синода. Такъ какъ я не читалъ самаго перевода, да еслибъ и прочелъ, то ничего бы не понялъ по совершенному невѣдѣнію что̀ такое эстетика, то споръ двухъ іерарховъ не имѣлъ для меня значенія. Но за то *Божественная Философія* Дю-Туа, данная мнѣ Петровымъ, была истиннымъ сокровищемъ. Мистическій пафосъ автора поразилъ меня. Я погрузился въ ея чтеніе, тщетно стараясь понять смыслъ ея содержанія такъ же легко и удобно, какъ понималъ гимназическіе уроки. Особенно искушалъ мою пытливость „звѣздный духъ“, часто упоминаемый въ книгѣ. Сколько разъ ни перечитывалъ я страницы гдѣ встрѣчается это выраженіе, сколько ни ломалъ головы надъ его уразумѣніемъ, ничто не помогало. Я обратился за помощію къ Петрову.... Увы! и онъ сознался въ своей несостоятельности на этомъ пунктѣ: „звѣздный духъ“ такъ и оставался для меня загадкой сфинкса. ** Новая книга

* Поступивъ въ Московскій университетъ, я писалъ къ нему письма, адресовавъ первое изъ нихъ такимъ образомъ: „Его благородію, милостивому государю и *любезнѣйшему другу моему* Захару Петровичу Петрову“. Пріемщикъ писемъ, взглянувъ на адресъ, улыбнулся и сказалъ: ну, безъ любезнѣйшаго друга можно было и обойтись. Петровъ изъ семинаріи поступилъ въ Духовную Академію (Московскую), а по выходѣ изъ нея былъ, если не ошибаюсь, священникомъ въ Берлинѣ при нашей посольской церкви.

** Мистики различаютъ, по отношенію къ человѣку, три рода духа

Брань духовная, составляющая первый томъ *Путеводителя къ совершенству жизни христіанской* (1816), переведеннаго Лабзинымъ, подѣйствовала болѣе на мое поведеніе, чѣмъ на любознательность. Авторъ ея, Амвросій Ломбезъ, аскетъ и мистикъ, даетъ наставленія, какъ побѣждать страсть и торжествовать надъ пороками. Надежда что я исподволь украшу свою душу добродѣтелями, достигну совершенства христіанскаго... чрезвычайно манила и обольщала меня. Я сталъ выписывать совѣты о пріобрѣтеніи воздержанія, смиренія, милосердія и другихъ качествъ и старался, борясь съ самимъ собой, слѣдовать предписаніямъ выбраннаго мною моральнаго кодекса. Дѣйствія моего подвижничества выражались различно, по мѣрѣ моихъ силъ. Вмѣсто обычныхъ двухъ чашекъ чаю я выпивалъ одну; дадутъ мнѣ какое-нибудь лакомство, я отдавалъ его дворовому мальчику; помогу

или свѣта: стихійный, звѣздный и чистый, или божественный, свѣтъ Духа Святаго. Божественный былъ присущъ душѣ Адама во время его райскаго блаженства, и онъ долженъ быть воспринятъ каждымъ возрожденнымъ человѣкомъ, по словамъ апостола Павла: „преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего“ (Рим. XII, 2); естественный же, просто разумный, но не преображенный человѣкъ его не имѣетъ. Второй свѣтъ — свѣтъ разума остался въ Адамѣ и по его паденіи и переданъ отъ него всѣмъ людямъ. Смотря по тому, примѣшивается ли къ нему дѣйствіе чувствъ или не примѣшивается, онъ представляетъ два вида. Дѣйствуя какъ здравый смыслъ, то-есть пріобрѣтая мысли подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ нашими чувствами, онъ есть „духъ стихійный“; тотъ же духъ, дѣйствуя независимо отъ чувствъ и внѣшнихъ предметовъ, есть свѣтъ или „духъ звѣздный“, названный такъ по своему сходству со свѣтомъ звѣздъ, который хотя и блистаетъ, но не можетъ сравниться съ блескомъ солнца, уподобляемымъ божественному свѣту. Этому звѣздному духу дано знать многое что̀ служитъ предметомъ человѣческаго вѣдѣнія, но не дано знать тайны Божіи. Послѣднее знаніе принадлежитъ только духу божественному. (*Божественная Философія*, Дю-Туа, т. I, гл. 1 и 3.) Замѣчу что терминъ „звѣздный духъ“ сильно затруднялъ также одного изъ нашихъ мистиковъ, князя Гавріила Петровича Гагарина, бывшаго министромъ коммерціи при Павлѣ I и умершаго въ 1807 году. Сочиненіе его, изданное въ 1813 году подъ названіемъ *Забавы уединенія моего въ селѣ Богословскомъ*, содержитъ въ себѣ, между прочимъ, шесть „духовныхъ писемъ“: это не что̀ иное, какъ извлеченіе нѣкоторыхъ мыслей изъ *Божественной Философіи*.

брату или товарищу въ приготовленіи задачи и учитель похвалитъ ихъ: я радовался похвалѣ, какъ наградѣ моему смиренію, отсутствію во мнѣ зависти и честолюбія; если прислуга разобьетъ стаканъ или тарелку, я принималъ вину на себя, за что̀ получалъ выговоръ, а иногда и стоялъ въ углу: наказаніе не огорчало меня, такъ какъ я видѣлъ въ себѣ своего рода мученика за любовь къ ближнему. Въ послѣобѣденное время, когда отецъ и мать отдыхали, а братъ и сестры рѣзвились въ саду, я уходилъ въ пустой залъ и молился въ тайнѣ: это нужно было для искуса въ мысленной молитвѣ, въ умѣньѣ поклоняться Отцу духомъ и истиной, по ученію Гюйонъ. Въ классѣ я уступалъ товарищамъ, не ссорился съ ними, пересталъ участвовать въ общихъ играхъ. Таковы были факты моей духовной брани. Они оказались не безъ послѣдствій: я потерялъ прежнюю веселость и живость, сдѣлался смирнѣе и задумчивѣе, даже похудѣлъ. И дома, и въ гимназіи замѣтили во мнѣ наружную и внутреннюю перемѣну. Родители испугались, думая, не боленъ ли я. Болѣзнь, дѣйствительно была, если называть этимъ именемъ насилованіе молодой жизни. Оно могло пожалуй довести меня и до опасныхъ результатовъ, потому что природа, по словамъ Гуфеланда, не оставляетъ безъ наказанія добровольнаго отступничества отъ ея законовъ. Но дѣло въ томъ что я чувствовалъ тяготу лишь въ нѣкоторыхъ моихъ подвигахъ: воздержаніе отъ пищи, игръ и гимнастическихъ упражненій было для меня дѣйствительно лишеніемъ, какъ противное позывамъ юношескаго возраста; пристойное же, гуманное отношеніе къ роднымъ, товарищамъ и прислугѣ нисколько не тяготило и не стѣсняло меня, потому что оно было инстинктивнымъ стремленіемъ моей доброй натуры, которую, конечно, слѣдовало развивать разумнымъ образомъ а не такимъ, на какой я напалъ случайно. И до знакомства съ „Духовною бранью“ я обращался съ дворнею не по крѣпостному обычаю: я не оскорблялъ ее ни дѣломъ, ни словомъ, за что̀ и былъ любимъ ею особенно.

Я кончилъ гимназическій курсъ въ іюнѣ 1822 года, пятнадцати лѣтъ съ половиной отъ роду. Публичный экзаменъ былъ для меня торжествомъ. Родители восхищались мною какъ первымъ ученикомъ. На актѣ раздавали посѣтителямъ мое сочиненіе: *Объ истинной славѣ*, напечатанное въ губернской типографіи. Не содержа въ себѣ ничего, кромѣ

словъ, словъ и словъ, оно было написано по всѣмъ правиламъ схоластической риторики: сначала предложеніе, потомъ доказательство, далѣе противное... все, чему слѣдуетъ быть въ хріи. Въ примѣръ ложной славы кого было привести, какъ не Наполеона? И вотъ я заклеймилъ его всѣми клеймами позорнаго, кроваваго честолюбца, Risum teneatis, amia... Тогда это не возбуждало смѣха.

Что же, спрашивается, вынесли мы съ собою по окончаніи гимназическаго курса? Своя ноша не тянетъ, говорится въ пословицѣ. Наша ноша не тяготила насъ еще и потому что она не была велика ни объемомъ, ни вѣсомъ. Мы основательно прошли Законъ Божій и русскій языкъ, пріобрѣтя при этомъ значительный навыкъ въ литературномъ изложеніи. Преподаваніе латинскаго языка ограничилось этимологіей, чтеніемъ исторіи Евтропія и нѣсколькихъ біографій изъ Корнелія Непота; о переводахъ съ русскаго на латинскій, о такъ-называемыхъ экстемпораліяхъ не было и помину. Особенно жалѣли мы о нашихъ скудныхъ успѣхахъ въ алгебрѣ и геометріи, въ чемъ надобно винить неискусство учителя. Свѣдѣній по исторіи и географіи набралось не мало, но они не представляли цѣлостности и систематичности. Новые языки остались для насъ страной невѣдомою, которую пришлось намъ открывать въ послѣдствіи самимъ. Если прибѣгнуть къ оцѣнкѣ нашихъ успѣховъ сравнительно съ современнымъ образованіемъ гимназистовъ, то справедливо будетъ сказать, что мы едва ли выдержали бы экзаменъ въ пятый классъ нынѣшней гимназіи. Я исключаю греческій языкъ, который у насъ не проходился, а ставлю на видъ только предметы общіе гимназическому курсу какъ прежнему, такъ и настоящему. Такое сравненіе говоритъ, конечно, въ пользу новѣйшаго состоянія учебнаго дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не служитъ, однакожъ, укоромъ прошедшему. Нѣтъ, я вовсе не имѣлъ въ виду укорять; напротивъ, я имѣю въ виду совершенно другое, и именно вотъ что. При всемъ убѣжденіи въ непреложности прогрессивнаго хода вещей, надобно помнить, что прогрессъ бываетъ двоякаго рода: количественный и качественный. Можно преуспѣвать въ ширину и можно преуспѣвать въ глубину. Нѣтъ сомнѣнія что, при быстромъ развитіи образованія, въ такое-то время больше людей грамотныхъ, больше знающихъ грамматику или ариѳметику, чѣмъ было до того лѣтъ за

двадцать или за тридцать. Но отсюда не слѣдуетъ чтобы каждая единица въ позднѣйшемъ большинствѣ знала и грамоту, и ариѳметику, и грамматику непремѣнно лучше каждой единицы прежняго меньшинства. Иногда выходитъ совершенно наоборотъ: многія личности старой эпохи превышали, по развитости и знаніямъ, людей позднѣе ихъ пришедшихъ въ міръ. Примѣню эту мысль къ гимназіи моего времени. Мы кончили курсъ въ числѣ девяти или десяти человѣкъ. По какому разчету, на какомъ основаніи каждый изъ насъ долженъ быть поставленъ непремѣнно ниже каждаго изъ девяти или десяти гимназистовъ кончившихъ курсъ... хоть бы напримѣръ въ 1876 году? На основаніи меньшаго количества знаній, вынесенныхъ нами изъ школы? Съ этимъ нельзя не согласиться, но въ то же время нельзя не замѣтить, что, при скудномъ научномъ запасѣ, мы пріобрѣли въ гимназіи то чего и теперь можно не пріобрѣтать: любознательность, охоту къ чтенію и самообразованію, восполняющихъ недостатокъ школьнаго ученія, привычку къ работѣ, желаніе и способность быть полезными своимъ трудомъ. Вотъ тѣ драгоцѣнности, за которыя мы съ благодарностію, съ доброю памятью разставались съ нашими наставниками. Душевно желаю чтобъ и сынъ мой, въ итогѣ своихъ воспоминаній, сохранилъ, подобно мнѣ, воспоминаніе объ искренней привязанности къ мѣсту своего воспитанія.

СТО ОДИНЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ЧЕРНОМОРСКАГО ОФИЦЕРА

Странна судьба человѣческая вообще, но всего страннѣе она на войнѣ. Кому она мать, а кому мачиха. Да и матерью-то иногда она бываетъ не до конца. Хранитъ - хранитъ, спасаетъ сто разъ отъ смерти, а потомъ губитъ стаканомъ холодной воды или неудачнымъ выстрѣломъ на охотѣ.

Припоминая судьбу моихъ Севастопольскихъ товарищей и сослуживцевъ, я хочу разказать участь нѣкоторыхъ.

I. Не судьба.

У меня былъ товарищъ Егоръ Петровичъ Б...; у него одна была мысль, одна idée fixe, это накопить денегъ и съѣздить въ отпускъ въ Астрахань къ своей матери. Нѣтъ, не судьба была ему съ нею видѣться. Оставшись сиротой, послѣ смерти отца, ему не долго пришлось пользоваться ласками матери. Онъ поступилъ на службу во флотъ, а мать осталась въ Астрахани, жила одною пенсіей.

Въ то время мичманъ получалъ 245 рублей жалованья, слѣдовательно ему и думать не приходилось ѣхать въ отпускъ. Онъ ждалъ лейтенантскаго чина. Произвели, онъ началъ копить деньги.

Въ одно прекрасное утро онъ порѣшилъ что денегъ достаточно и пора ѣхать. Но вышло иначе. Ему дали выгодное назначеніе и онъ не могъ отказаться. Отложилъ. Въ 1853 году началась война, пришлось опять покориться судьбѣ. Въ числѣ офицеровъ вызванныхъ изъ Балтійскаго въ Черноморскій флотъ былъ и онъ.

Счастье ему благопріятствовало, онъ попалъ на парусный фрегатъ *Флора*, который выдержалъ ночной бой съ тремя турецкими паровыми фрегатами. Настала Севастопольская година. Ему и тутъ повезло: досталась одна изъ лучшихъ батарей, почти ключъ позиціи. Поле блестящее, отличиться и умереть. Но судьба хранила его. Одиннадцать мѣсяцевъ онъ командовалъ своею батареей, и ни разу не былъ раненъ. Только одиннадцать флотскихъ офицеровъ было не раненыхъ и онъ въ ихъ числѣ.

По заключеніи мира, ему, какъ не раненому, пришлось вести команду изъ Чернаго въ Балтійское море. Жутко ему было скитаться по Руси и не имѣть возможности завернуть поглядѣть на старушку мать. „Ну, думалъ онъ, приду въ Кронштадтъ, сдамъ команду, и въ отпускъ.“ Капризная судьба рѣшила иначе. Ему предложили мѣсто старшаго офицера на фрегатѣ, отправлявшемся въ дальнее плаваніе. Онъ колебался, но согласился.

Я служилъ съ нимъ на томъ фрегатѣ два года. Много вечеровъ мы пробесѣдовали съ нимъ, говоря о родномъ, о родныхъ. Онъ былъ русскій человѣкъ, ему не нравилась иноземщина. Онъ охотно принималъ все хорошее, только что̀ касалось морскаго дѣла. Остальное все было пустяки. Егоръ Петровичъ былъ служака и морякъ въ душѣ. Иногда онъ увлекался, бросалъ большія деньги, но потомъ у него являлось раскаяніе: лучше бы матери отправить. Онъ положительно скучалъ за границей. Одно его утѣшало, это эффектъ и восторженное удивленіе которое онъ производилъ на иностранцевъ, въ особенности на Англичанъ. Молодой лейтенантъ, Станиславъ съ короной и Анна съ короной на шеѣ, командиръ той батареи, воздвигнутой въ глазахъ непріятеля, о которую дважды разбилась гордость англійской арміи, заставляли Англичанъ смотрѣть на него съ должнымъ уваженіемъ. Они пріѣзжали взглянуть на него какъ на чудо и почти поклонялись ему. Одинъ англійскій капитанъ, командиръ парохода *Swolow*, былъ положительно влюбленъ

въ него и надоѣдалъ ему страшно. Егоръ Петровичъ не говорилъ по-англійски, а командиръ *Swolow* на другомъ языкѣ не изъяснялся. Пріѣдетъ бывало, поздоровается и сядетъ; выпьетъ бутылку *porto* и уѣдетъ. На другой день шлетъ ему какой-нибудь новый англійскій романъ съ надписью: „Господину Б..., коменданту большаго Редана, отъ его друга, командира *Swolow*.“ Егоръ Петровичъ ихъ не читалъ. Чрезъ два года его назначили командиромъ парохода; онъ уѣхалъ въ Россію. Пробывъ еще годъ за границей и мы вернулись въ Кронштадтъ. Однимъ изъ первыхъ нашихъ посѣтителей былъ Егоръ Петровичъ Б...

— Ну что же, былъ въ Астрахани?

— Нѣтъ, братъ, не былъ. Да я лучше устроился. Видно мнѣ туда не судьба. Я мать сюда выписываю, женюсь, братъ, на красавицѣ, хочу домкомъ зажить: пора. Будешь у меня шафером?

— Охотно, только дай зубной боли пройти.

У меня страшно болѣли зубы, я просто сходилъ съ ума. Докторъ посовѣтовалъ мнѣ лѣчиться на берегу, въ сухой квартирѣ. Я перебрался къ Севастопольскому товарищу В..., помощнику капитана надъ портомъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, В... ушелъ, по обыкновенію, въ шесть часовъ утра въ портъ на работу; ко мнѣ зашелъ въ семь часовъ Егоръ Петровичъ.

— Что, тебѣ лучше?

Я только отмахнулся рукой.

— Ну, такъ я зайду къ тебѣ послѣ работы, до свиданія.

Онъ ушелъ. Въ десять часовъ В... вернулся, какъ онъ говорилъ, закусить „на-черно“. Первымъ его словомъ было:

— Ты слышалъ, какое несчастіе съ Б..., онъ умеръ ударомъ.

Странно мнѣ было это слышать, но В.... вѣдь человѣкъ серіозный. Неужели это правда? Я все-таки не хотѣлъ вѣрить.

— Да вотъ, смотри, его несутъ мимо насъ!

Я бросился къ окну. И удивительная вещь, неожиданность происшествія меня такъ поразила что я забылъ зубную боль и она прошла.

Нѣсколько человѣкъ несли бездыханный трупъ Егоръ Петровича.

Въ 9 часовъ утра отходитъ первый пароходъ изъ Петер-

бурга, въ $10^1/_2$ онъ приходитъ въ Кронштадтъ. Было безъ четверти одиннадцать часовъ когда его положили на столъ. Дверь отворилась, вошла его мать. Не судьба!

II. Дядя Ярыга.

За что̀ его такъ прозвали, не знаю, да и понять не могу. Назвалъ его кто-то изъ мичмановъ *Дядя Ярыга*, такъ и осталось за нимъ это прозвище.

Кто служилъ до Крымской кампаніи, тотъ вѣроятно зналъ личностей, и не одну, такъ-называемыхъ *изъ разжалованныхъ*. Всѣ они пользовались, большею частію, репутаціей бретёра, буяна и скандалиста. Но въ сущности они были милые и добрые люди. Узкая была тогдашняя рамка для русской широкой натуры. Воспитаніе было плохое, семнадцати или восьмнадцати лѣтъ выпускали въ офицеры на полную свободу изъ замкнутыхъ стѣнъ корпуса.

Дядя Ярыга былъ изъ разжалованныхъ. Судьба его не взлюбила съ колыбели. Отца и матери своей онъ не помнилъ. Опекунъ, дальній родственникъ, отвезъ его въ малолѣтній корпусъ, оттуда онъ поступилъ въ Морской. Домой по воскресеньямъ его никто не бралъ; что̀ было за стѣнами корпуса, то былъ для него невѣдомый міръ. Онъ привязался страстно къ товарищамъ и возненавидѣлъ всѣхъ взрослыхъ. А такъ какъ эти взрослые были только начальники, то отсюда пошли всѣ его невзгоды.

Попадись онъ при выпускѣ въ офицеры къ хорошему командиру, онъ вышелъ бы далеко недюжинный офицеръ. Но судьба судила иначе. Онъ остался такимъ какъ былъ добрымъ, хорошимъ товарищемъ, съ полнымъ невѣдѣніемъ жизни и въ постоянной оппозиціи начальству. Семьи онъ не зналъ, родныхъ у него не было, ничто не смягчало его лыкій нравъ и суровый характеръ. Онъ предавался иногда буйному разгулу. За то для товарищей, для добраго дѣла, онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ, перенести все. Отличительною чертой его характера была насмѣшливость. Остроты его были умны, злы и не щадили никого.

Познакомился я съ нимъ когда уже онъ былъ штабъ-офицеромъ. Но былъ у начальства въ загонѣ и командовалъ транспортомъ.

— Что вы подѣлываете? бывало спросишь его.

— Да хлѣбъ жую, да сало и леньку вожу.

Наше знакомство было довольно оригинально. Мнѣ еще не было восьмнадцати лѣтъ когда я вновь-произведеннымъ мичманомъ пріѣхалъ въ Севастополь. Встрѣтивъ товарищей, мы кутнули, и накутили. Скандалъ вышелъ громадный: городъ говорилъ о немъ три дня. Мы похитили со свадьбы невѣсту 56 лѣтъ, выходившую замужъ за Жидка 22 лѣтъ. Но такъ какъ Екатерину Ивановну зналъ весь городъ, то комичность приключенія заставила смотрѣть сквозь пальцы на преступную шалость. Губернаторъ приказалъ кончить миромъ. Мы заплатили. Я пришелъ въ клубъ; въ биллiардной ко мнѣ подошелъ какой-то штабъ-офицеръ. Наружность его была замѣчательна. Маленькій ростъ, плотный, широкоплечій, рыжіе волосы съ лысиной, нахмуренныя нависшія брови, надъ умными, насмѣшливыми, проницательными глазами, показывали энергію и силу воли. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня. Доброта или злоба была въ этомъ взглядѣ, тогда я рѣшить не могъ; меня поразили его слова.

— Мальчишка, поди-ка сюда. Ты что тамъ накуралѣсилъ, а? Изъ яйца только-что вылупился, молоко на губахъ не обсохло, а ужь наскандалилъ такъ что старому мичману только бы въ пору. Ну, отвѣчай.

— Да вамъ-то что за дѣло!

— Смотри братъ, сорвешься.

Онъ опять какъ-то злобно-насмѣшливо посмотрѣлъ на меня и отошелъ.

— Господи, что это за оригиналъ?

— Да это *Дядя Ярыга*, нашъ староста, онъ славный. Поди помирись съ нимъ, отвѣчали мнѣ товарищи-мичманы.

— Дядинька, простите его, вѣдь онъ не одинъ былъ, за что же вы его одного распекли.

— Ну и тѣмъ достанется. А ты поди сюда, пойдемъ въ буфетъ. Видишь ли ты, съ кѣмъ я разъ выпилъ, тотъ мнѣ другъ, во всемъ можетъ положиться на меня; но изъ повиновенія не выходить, смотри!

Полюбилъ я его, да и онъ ко мнѣ былъ расположенъ. Я сталъ у него бывать. Онъ только съ мичманами и велъ компанію; отъ многихъ бѣдъ онъ ихъ спасалъ. Съ товарищами-адмиралами водить знакомство ему не позволяла гордость, съ товарищами по чину онъ не хотѣлъ. Много

вынесъ я изъ его бесѣдъ, много онъ мнѣ объяснилъ, многое мнѣ стало ясно, онъ много читалъ и меня пріохотилъ къ серіозному чтенію. „Служи, учись и читай“, говорилъ онъ постоянно. Старайся попасть въ заграничное плаваніе. Это та же школа своего рода. Вникай во все и замѣчай.

Любопытны были его отношенія къ Флегонту, его слугѣ.

— Вѣришь ли, братъ, что этотъ человѣкъ мнѣ крови испортилъ. Двадцать восемь лѣтъ мучаюсь съ нимъ, отвязаться не могу. Вольную далъ, прогонялъ, нѣтъ-таки придетъ и опять по-старому.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ послышалось ворчаніе.

— Ладно, жалуйтесь, наплачитесь. Вотъ дай только нашимъ пріѣхать—уѣду, право.

— Дядинька, это кто же наши?

— Мужички мои. Видишь ли, я сиротой остался. У меня опекунъ былъ. Кой-когда денегъ присылалъ. Давно тому назадъ, я получаю письмо. Предводитель пишетъ что опекунъ мой умеръ и что я, какъ совершеннолѣтній, могу управлять самъ. Шестьдесятъ пять душъ у меня. Пріѣхалъ бурмистръ, привезъ 180 рублей денегъ. А туши и индюшки, говоритъ, засмердѣли, до Перекопа побросали. Спрашиваетъ приказаній. А я тогда первый разъ разжалованъ былъ. Шестьдесятъ пять душъ! А своя-то въ матросской шинели. Я и говорю: живите какъ прежде жили.—Нѣтъ, говорятъ, такъ обидно, лучше на оброкъ пустите.—Стулайте.—Сколько же положите оброку?—Сколько можете, столько и платите. Вотъ, братъ, они ко мнѣ и ѣздятъ. Прежде каждый годъ ѣздили, а теперь рѣже. Окорока, холстъ возятъ. Я имъ запрещалъ ѣздить. Нѣтъ, говорятъ, нельзя же своего барина не провѣдать. Вотъ это онъ ихъ и ждетъ. Да вѣдь врётъ, надуетъ, не уѣдетъ, это онъ всякій разъ такъ. Одинъ разъ доѣхалъ до Бахчисарая, вернулся-таки проклятый.—Флегонтъ! Ты вѣдь тогда изъ Бахчисарая вернулся? сказалъ дядя съ ядовитою усмѣшкой.

— Изъ Неаполя, прорычалъ Флегонтъ изъ другой комнаты.

— Ишь крокодилъ, чѣмъ попрекаетъ.

— А было что-нибудь въ Неаполѣ?

— Охъ, братъ, цѣлая исторія. Католическаго попа вздулъ. Флегонтъ! разкажи имъ какъ это ты поссорился съ попомъ-то.

— Сами знаете, такъ сами и разказывайте, прорычалъ опять изъ другой комнаты Флегонтъ. Послышался звукъ разбитой тарелки.

— Разкажите, дядя, пожалуста.

— Стояли мы въ Неаполѣ, я командиромъ тогда былъ. Просится Флегонтъ на берегъ, земляка, говоритъ, нашелъ. А землякъ этотъ Полячишка бѣглый былъ. Зашелъ онъ это къ нему; у него сидитъ попъ ли, монахъ ли католическій, не знаю. Они его и ну уговаривать: молъ, если нашу вѣру и наше подданство примешь, вольный будешь. Какъ, моей вѣрѣ, моему Царю измѣнить! моего барина бросить! И ну ихъ лупить. Шибко ихъ вздулъ. Пришла полиція, онъ и ее разнесъ. Вѣришь ли, дня три я возился съ этимъ дѣломъ. Много мнѣ было съ нимъ хлопотъ за границей, онъ вообще иностранцевъ не любитъ. Въ Смирнѣ Турку забилъ. Опять исторія. Съ Греками онъ еще ладилъ, одной вѣры. Да они и сами, говоритъ, то чувствуютъ, постоянно прибавляютъ въ разговорѣ: „*одинъ религіонъ* съ вашимъ Царемъ“.

Вошелъ торжественно съ арбузомъ Флегонтъ. На его суровомъ лицѣ сіяла ясная, самодовольная улыбка. Но все-таки же и тутъ нагрубилъ. Ставя на столъ арбузъ, повернулся къ барину спиной чуть не подъ самый носъ. Много онъ отъ него терпѣлъ.

Его вечера, на которые приглашались лишь избранные, были своеобразны. На нихъ царилъ или дикій разгулъ, или велась научная бесѣда. Мы предавались сладкимъ мечтаніямъ строили воздушные зáмки.

Какъ теперь помню одинъ вечеръ. Это было въ концѣ зимы 1854 года. Англо-французскій флотъ уже вступилъ въ Черное Море. Мы ждали случая съ нимъ помѣриться.

Насъ было трое: дядя, я и Л... молодой лейтенантъ и блестящій старшій офицеръ одного изъ лучшихъ нашихъ фрегатовъ. Л. и я мечтали, какъ по окончаніи кампаніи, обѣ Черноморскія дивизіи кораблей превратятся въ паровыя. Какъ очередная дивизія выйдетъ изъ Босфора въ Средиземное море для крейсерства и ей на смѣну придетъ одна изъ трехъ дивизій Балтійскаго флота.

Много и другихъ воздушныхъ зáмковъ строили мы. Мечтали что Адріатическое море будетъ Славянское море. Дядя молчалъ, онъ насъ слушалъ съ грустною, добродушною улыбкой.

— Дядя, скажите что-нибудь.

— Охъ! жизнь бы сейчасъ отдалъ, чтобы вы все это увидали. Дай вамъ Богъ.

Переходы у него были рѣзки. Онъ всталъ, глаза его злобно-насмѣшливо блеснули, и онъ началъ говорить:

— Вотъ я занимался вычисленіемъ (онъ показалъ исписанную бумажку), когда будетъ опять морское сраженіе, и Турецкій флотъ будетъ снова истребленъ. По-моему выходитъ что ему слѣдовало бы быть уничтоженнымъ въ 1870 году. Но боюсь что немного опоздаетъ. Тутъ все какихъ-то три года мѣшаютъ. Слушайте: Турецкій флотъ періодически истребляется нашимъ, каждые 20 лѣтъ. Смотрите. Въ 1770 году іюня 24 днемъ Турецкій флотъ былъ разбитъ при Чесмѣ, а 26го ночью сожженъ. 1790 году іюля 8го Турецкій флотъ былъ разбитъ нашимъ вновь созданнымъ Черноморскимъ флотомъ, подъ командой Ушакова, противъ Керченскаго пролива. Августа 28 и 29 этотъ же флотъ былъ лобитъ опять у Хаджибея (Одесса). Но такъ какъ онъ истребленъ не былъ, то Ушаковъ порѣшилъ съ нимъ у мыса Каліакріа 31го іюля 1791. Въ самый день заключенія предварительнаго мира въ Галацѣ. Тутъ, теперь, вкралась маленькая фальшь. Въ 1798—99 мы были въ Союзѣ съ Турками *. А потому Турецкій флотъ былъ истребленъ тремя годами ранѣе, а именно: въ 1807 году 10го мая, у входа Дарданеллы, и вторично у острова Лемноса, въ виду Аѳонской горы, 19го іюля, того же года. Тутъ, теперь, идетъ аккуратно. Ровно чрезъ двадцать лѣтъ 8го октября 1827 года Турецкій флотъ уничтоженъ при Наваринѣ. Но все-таки есть отступленіе отъ первоначальной цифры. Слѣдовало бы 1830 года. А послѣдній бой опять на три года опаздываетъ, такъ какъ турецкій флотъ истребленъ въ Синопѣ 18го ноября 1853 года. А потому слѣдующему истребленію должно было бы быть въ 1870 году, чтобы закончить столѣтній юбилей Чесменскаго боя. Только вотъ вопросъ: если опять опоздаетъ на три года, то послѣ первоначальной цифры или послѣ Синопа?

— Ахъ! еслибы дожить.

— Старина, другъ! обратился онъ къ накрывающему на столъ Флегонту.—Не доживемъ вѣдь мы съ тобой до праздника-то. А?

— Что Бога-то испытывать. Сподобитъ, увидимъ; нѣтъ,

* Въ 1798 и 1799 годахъ союзный Русско-Турецкій флотъ, подъ командой Ушакова, отнялъ у Французовъ всѣ Іоническіе острова, въ томъ числѣ и Корфу. Султанъ Селимъ III подарилъ адмиралу Ѳедору Ѳедоровичу Ушакову драгоцѣнный алмазный челенгъ (султанъ), соболью шубу и нѣсколько пушекъ. При возвращеніи нашего флота въ Черное Море, султанъ принималъ Ушакова въ Константинополѣ торжественною встрѣчей.

другіе увидятъ. Каждому свое. Были мы съ вами подъ Наваринымъ, вотъ и до Синопа дожили. И за то надо Бога благодарить.

— Такъ, такъ, правъ ты другъ Флегонтушка. Да дѣтушекъ-то хотѣлось бы посмотрѣть. Какъ они тамъ распорядятся. И онъ добрыми глазами посмотрѣлъ на насъ.

Не жить ему хотѣлось, нѣтъ; но видѣть торжество имъ горячо любимаго Черноморскаго флота, вотъ чего онъ желалъ. Онъ грустно вздохнулъ. Онъ чувствовалъ что не сподобитъ его Господь Богъ дожить до этого счастья. Когда предъ ужиномъ Флегонтъ вынесъ на подносѣ водку, онъ первымъ подошелъ къ барину. Эта атенція видимо тронула, польстила дядѣ.

— Будь здоровъ, Флегонтушка.

— Кушайте на здоровье.

— И прости меня Богъ если я ошибаюсь.

По суровымъ ихъ лицамъ скатилась слеза. Предъ войной, когда Корниловъ, будучи еще начальникомъ штаба, распоряжался Черноморскимъ флотомъ, онъ оцѣнилъ его вполнѣ и далъ ему ходъ. Но морское поприще стало скоро ограниченко, а потому ему дали одну изъ лучшихъ, то-есть опасныхъ батарей. Все шло хорошо.

5го октября онъ отличился. Батарея его буквально была засыпана ядрами и бомбами. Но тутъ судьба разразилась надъ нимъ въ послѣдній разъ, и страшно.

Была темная октябрьская ночь. Вдалекѣ, на Адмиралтейской башнѣ пробила полночь. На батареѣ отдыхали. Очередная прислуга дремала у орудій, сигнальщики зорко смотрѣли въ темную даль, барабанщикъ и горнистъ стояли готовые ударить тревогу. Вдругъ впереди батареи раздался ружейный выстрѣлъ и за нимъ трескотня ружейной пальбы. Ударили тревогу. „По орудіямъ!“ скомандовалъ дядя. Фитили дымились, шнурки отъ ударныхъ замковъ были въ рукахъ *комéндóровъ*.

— Штурмъ! Французы въ ровъ лѣзутъ!

— Пли!

Раздался залпъ картечи. За брустверомъ послышались стоны раненыхъ и русскіе голоса.

Предъ спускомъ въ ровъ лежалъ съ оторванною ногой лейтенантъ Г.... и семь человѣкъ матросовъ.

То былъ нашъ секретъ *.

* Секретный пикетъ, который кладется на ночь между обороняющимися и непріятелемъ.

Обыкновенно когда кладутъ секретъ, то назначаютъ батарею или мѣсто куда отступать и предупреждаютъ соотвѣтствующихъ командировъ.

Такъ и было сдѣлано. Но лейтенантъ Г...., выдвинувшись близко къ непріятельской траншеѣ, увидалъ у себя въ тылу непріятельскій секретъ. Обмѣнялись выстрѣлами, оба должны были отступить въ сторону. Не перенесъ дядя этого удара. Онъ заболѣлъ и умеръ въ лазаретѣ тифомъ.

Миръ праху твоему добрый дядя!

III. „Вотъ на пути село большое.“

Когда я встрѣчаюсь съ моимъ другомъ и Севастопольскимъ товарищемъ, командиромъ Р—скаго полка, полковникомъ М—скимъ, нашимъ разговорамъ нѣтъ конца; но о чемъ бы мы ни говорили, разговоръ кончается Севастополемъ. Да иначе и быть не можетъ. Ни повѣствованія о тѣхъ чудныхъ странахъ, гдѣ мнѣ какъ моряку пришлось быть, ни разказы о тѣхъ теплыхъ уголкахъ Россіи, гдѣ ему пришлось скитаться на службѣ, не могли насъ заставить забыть тѣ величественно-страшные одиннадцать мѣсяцевъ, въ которые мы грудью отстаивали честь и достояніе Россіи. Ни чудеса древней страны пирамидъ, ни красота Неаполя и Южнаго берега Крыма, не могли насъ заставить забыть тѣ голые холмы окружающіе Севастополь, омытые нашею и нашихъ товарищей кровью.

Теплый майскій день склонялся къ вечеру, мы сидѣли у открытаго окна. Мы говорили о томъ: „что бы было, если-бы мы взяли Силистрію? Что бы было если-бы мы стоптали непріятеля и бросили его въ море 24го октября, подъ Инкерманомъ? а счастье было такъ близко, такъ возможно.“ Мы грустно опустили головы. Вдругъ раздался унылый звукъ шарманки: *Вотъ на пути село большое.* Я, не обращая вниманія, продолжалъ курить сигару, но не то сдѣлалось съ М—скимъ. Онъ вскочилъ, судорожно схватилъ мѣдную монету, завернулъ ее въ крупную ассигнацію и бросилъ въ окно.

Я посмотрѣлъ на него. Глаза его блестѣли, и бѣлый Георгіевскій крестъ колыхался на его высоко поднятой груди.

— Что съ тобой, аль вспомнилъ что старое?

Онъ долго не отвѣчалъ, съ жадностью слушая фальшивые звуки шарманки.

— Видишь ли, это было 8го іюня, мы стояли подъ Силистріей. Штурмъ передовыхъ укрѣпленій былъ назначенъ на разсвѣтѣ. Мы ждали его какъ праздника. Грустно намъ было. Вы истребили Турецкій флотъ и сожгли Синопъ. Товарищи наши на Кавказѣ ротами били турецкія дивизіи; мы же ничего не сдѣлали на Дунаѣ. Не благословлялъ Богъ нашего оружія. Ни воодушевленіе, ни храбрость, ничего не помогли. Насъ вездѣ было мало, гдѣ мы встрѣчали Турокъ. Молодежь не могла помириться съ неудачами. Вѣрь, то не зависть была, а соревнованіе, мы не хотѣли быть хуже васъ. Орловъ, Сельванъ и Костанда олицетворяли протестъ молодаго поколѣнія противъ старой рутины. Они рванулись впередъ, но штурмъ Арабъ-Табіа, въ ночь съ 16го на 17е мая не удался. Богъ не благословилъ. Но вотъ общій штурмъ назначенъ, мы только въ тридцати пяти саженяхъ отъ передовыхъ укрѣпленій. Пробѣжать это разстояніе одна минута. Что мы ихъ возьмемъ, мы были увѣрены. Моральная сила была слишкомъ велика. А тамъ, Силистрія падетъ сама собою; а нѣтъ, такъ возьмемъ штыками. Былъ вечеръ. Батареи наши перестрѣливались съ турецкими, въ переднихъ траншеяхъ слышна была трескотня штуцеровъ. Въ лагерѣ была торжественная тишина, всѣ готовились къ штурму. Кто писалъ письма, кто тихо передавалъ свои послѣднія желанія. Солдаты выправляли свое оружіе, надѣвали чистое бѣлье. Вѣдь русскій солдатъ готовится къ сраженію какъ къ таинству. Вдругъ, какъ будто электрическій ударъ разразился надъ лагеремъ. Всѣ всполохнулись, всѣ бросились въ одну сторону. Въ концѣ лагеря показалась шарманка, наигрывая: „*Вотъ на пути село большое*“. Всѣ бросились къ ней, всѣмъ были отрадны родные звуки. Каждый припомнилъ свое село, свою родную колокольню. Душа летѣла туда, къ родному очагу, гдѣ все дорогое и милое сердцу. Генералы и офицеры кидали золото и серебро, солдаты кидали свои мѣдюки. Но вотъ на пути другое большое село, съ его чуждыми минаретами; завтра предстоитъ его взять или умереть. Солнце садилось. Пробили зорю, сыграли: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, но въ душѣ все еще раздавались звуки родной пѣсни: „*Вотъ на пути село большое*“. Конецъ ты знаешь. Ночью пріѣхалъ адъютантъ фельдмаршала Протасовъ съ приказаніемъ отступить.... Не благословилъ Господь Богъ и на этотъ разъ!

А. САТИНЪ.

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНІЕ

ДЖОРДЖА ГЕНРИ ЛУИСА*

(*Вопросы о Жизни и Духѣ.* Problems of Life and Mind.)

V. Походъ противъ таинственности.

Faust: Geheimnissvoll am lichten Tag
Lässt sich Natur des Schleiers nicht berauben,
Und was sie deinem Geist nicht offenbaren mag,
Das zwingst du ihr nicht ab mit Hebeln und mit Schrauben. **

Человѣческая жизнь есть загадка среди великой тайны вселенной. Будетъ ли предметомъ созерцанія космосъ, какъ *бытіе* наполняющее безконечность пространства, или какъ *процессъ развитія* совершающійся въ безконечности времени; обратится ли нашъ умственный взоръ отъ зрѣлища необъятнаго внѣшняго міра къ явленіямъ микрокосма, ко внутреннему міру чувствъ, желаній, мыслей и страстей человѣка,—всюду мышленіе наталкивается на непроницаемыя тайны. Къ такому же результату приводитъ всякая попытка постигать и *объяснять* даже вседневные предметы и

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 7.

** Да, въ чемъ отъ вѣка какъ слѣпцамъ
Природа отказала намъ,
Того не сдвинешь рычагами;
И отъ таинственныхъ дверей
Замка не вынудишь у ней
Ни хитростью, ни клиномъ, ни зубцами.

явленія, предметы непосредственно окружающіе насъ, явленія безпрестанно происходящія предъ нашими глазами. Внутреннія свойства простой капли воды, внутреннее строеніе песчинки или любаго вещества, ростъ дерева или цвѣтка, процессы зарожденія, развитія и разложенія, происходящіе въ живыхъ организмахъ, простѣйшее ощущеніе, всѣ эти и тысячи подобныхъ фактовъ на которые большинство даже не обращаетъ вниманія какъ на слишкомъ обыкновенные и извѣстные, являются въ высшей степени загадочными, таинственными, лишь только становятся предметомъ научнаго изслѣдованія или философскаго размышленія.

Съ тѣхъ поръ какъ человѣчество себя помнитъ, оно, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, изъ вѣка въ вѣкъ трудилось надъ разрѣшеніемъ великихъ проблемъ своего существованія и вообще бытія.

Woran so viele Häupter gegrübelt,
Häupter in Hieroglyphenmützen,
Häupter im Turban und schwarzen Baret
Perrückenhäupter und tausend andere
Arme, schwitzende Menschenhäupter. *

Но по мѣрѣ того какъ одна загадка бывала разгадана, всегда представлялась другая, еще болѣе непроницаемая или, вѣрнѣе, изъ самаго разрѣшенія одной проблемы возникали новые вопросы, въ свою очередь требовавшіе изслѣдованія и рѣшенія. Среди заблужденій, предразсудковъ, иллюзій и суевѣрій, человѣчество подвигалось впередъ ощупью, къ цѣли постоянно отступающей предъ нимъ по мѣрѣ его движенія. Каждый шагъ, будучи несомнѣнно шагомъ впередъ, такъ какъ открывалъ людямъ новыя точки зрѣнія и расширялъ ихъ кругозоръ, въ то же время, повидимому, не приближалъ ихъ къ конечной цѣли, къ разгадкѣ сокровенныхъ тайнъ существованія. Напротивъ, тайна росла по мѣрѣ того какъ въ нее всматривались. И это неудивительно, ибо конечная цѣль стремленій человѣческаго разума и жажды познанія—безконечность. Если же, по геніальному сравненію

---

* ... Надъ которой ужъ много мудрило головъ—
Головъ въ колпакахъ съ іероглифами,
Головъ въ чалмахъ и черныхъ баретахъ,
Головъ въ парикахъ и тысячи другихъ
Потѣющихъ бѣдныхъ головъ человѣческихъ.

Паскаля, безконечность есть сфера, центръ которой вездѣ а окружность нигдѣ, то не мудрено что великая загадка никогда не можетъ быть разгадана и цѣль достигнута вполнѣ и окончательно.

И, странное дѣло, чѣмъ выше умственный уровень человѣка, чѣмъ глубже онъ вникаетъ въ нѣдра природы, чѣмъ болѣе онъ вдумывается въ сокровенныя проявленія своего внутренняго, духовнаго міра, тѣмъ яснѣе онъ сознаетъ таинственность всего существующаго, тѣмъ неотразимѣе становится его убѣжденіе въ непроницаемости мрака покрывающаго первичныя проблемы бытія и знанія. Для животнаго нѣтъ тайнъ; дикари, дѣти и вообще люди не привыкшіе къ рефлексіи удивляются лишь тому что̀ поражаетъ ихъ новизной, неожиданностью, рѣдкостью. Повседневное, сплошь и рядомъ испытываемое и видимое кажется имъ вполнѣ естественнымъ, а *естественное* въ обыкновенной рѣчи значитъ *понятное*. Пріобрѣтенная опытомъ и привычкой увѣренность въ неизмѣнномъ сосуществованіи, въ правильной послѣдовательности извѣстныхъ фактовъ и явленій, принимается за знаніе этихъ фактовъ, за постиженіе самой сути этихъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, кому же придетъ въ голову мысль находить что-либо непонятное или таинственное хоть напримѣръ въ ежеминутно наблюдаемыхъ явленіяхъ тяжести? Что камень ничѣмъ не поддерживаемый падаетъ на землю, это всегда бываетъ такъ; сталобыть оно иначе и не можетъ быть, а то что̀ иначе быть не можетъ для нерефлектирующаго ума кажется само собою понятнымъ. Но пусть человѣкъ находящій фактъ всеобщаго земнаго притяженія вполнѣ натуральнымъ и вовсе не загадочнымъ, увидитъ воздушный шаръ свободно парящій надъ облаками; пусть ему покажутъ какъ въ стеклянной трубкѣ (изъ которой предварительно удаленъ воздухъ) всѣ тѣла, свинецъ и перышко, желѣзо и отрѣзокъ тончайшей бумаги падаютъ съ одинаковою скоростью: эти факты поразятъ его удивленіемъ, они покажутся ему непонятными, таинственными. Физикъ, напротивъ, не находитъ ничего удивительнаго въ этихъ явленіяхъ, онъ въ состояніи объяснить ихъ на основаніи общаго закона, но за то самый фактъ тяжести для него составляетъ непроницаемую тайну. Еще одинъ примѣръ: Внезапный порывъ чувства, неожиданная мысль, причудливый сонъ, все это покажется загадочнымъ,

таинственнымъ необразованному человѣку; но чувствованіе, мышленіе, сознаніе вообще, для него вещи нисколько не удивительныя; вѣдь съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнитъ, онъ всегда чувствовалъ, думалъ, сознавалъ: что же тутъ непонятнаго, загадочнаго, въ столь привычныхъ фактахъ? Психологъ, напротивъ, объяснитъ, пожалуй, отдѣльный порывъ чувства, единичную мысль, странный сонъ, то-есть данныя явленія будутъ для него лишь частныя, но правильныя дѣйствія извѣстныхъ психическихъ законовъ; зато для него совершенно непостижимымъ останется то именно что̀ другому представляется весьма простымъ, то-есть первоначальные факты сознанія, чувствованія, мышленія.

Такимъ образомъ, когда философъ или человѣкъ науки принимается за изслѣдованіе самыхъ *простыхъ*, какъ будто вполнѣ *понятныхъ* фактовъ и явленій, то сложность, непонятность, короче, таинственность ихъ обнаруживается все болѣе и болѣе по мѣрѣ того какъ изученіе подвигается впередъ. Какъ бы глубоко ни проникъ анализъ, какъ бы далеко ни зашелъ процессъ разложенія, объясненія условій и причинъ, все же въ концѣ концовъ получатся неразложимыя данныя, далѣе которыхъ идти нельзя и которыя, между тѣмъ, не представляютъ полнаго безусловнаго разрѣшенія проблемы, не даютъ ключа къ постиженію загадки. Если же въ послѣдствіи оказывается что такія предполагаемо-конечныя данныя въ свою очередь могутъ быть разложены и сведены на болѣе простыя, то и за этими окончательными фактами все-таки останется загадочный x, непонятная *сила* или *причина*, таинственное, непостижимое *нѣчто*, словомъ, остается—непознаваемое. Нѣтъ объекта познанія, который философское или научное изслѣдованіе исчерпало бы до послѣдняго основанія, разъяснило бы безъ остатка. Неизвѣстное, т.-е. таинственность, относится къ крайнимъ предѣламъ нашего знанія какъ безконечное пространство къ крайнимъ предѣламъ видимаго міра. Какъ бы ни усовершенствовались телескопы, зрѣніе не достигнетъ до предѣловъ безпредѣльной вселенной; какъ бы ни изощрялось мышленіе, оно никогда не обниметъ все существующее, никогда не постигнетъ тайну бытія.

Эта истина, составляющая инстинктивное вѣрованіе человѣческаго рода на всѣхъ ступеняхъ развитія, достигаетъ особенной яркости въ сознаніи людей мысли, воображенія,

науки; ее признали одинаково величайшіе поэты, философы, изслѣдователи всѣхъ временъ. Ни одна религія, ни одна философская система, ни одно научное ученіе никогда не заявляли притязанія на разъясненіе сокровеннѣйшихъ основъ всего существующаго, на устраненіе всякой таинственности. Даже ученіе объ относительности всякаго знанія, выражающее общій выводъ самыхъ разнородныхъ философскихъ системъ, составляющее результатъ и достояніе какъ идеализма такъ и позитивизма, принятое одинаково эмпирическою наукой и апріорною философіей есть имено не иное что̀ какъ признаніе великой тайны лежащей за предѣлами всякаго возможнаго знанія, раціональная демонстрація непроницаемости этой тайны. Въ этомъ общепризнанномъ фактѣ одинъ изъ мыслителей современной Англіи, Гербертъ Спенсеръ, усматриваетъ возможность примиренія науки и религіи, ту общую точку въ которой обѣ сходятся. Никто вѣроятно не заподозритъ въ мистицизмѣ писателя столь явно принадлежащаго ультрапозитивному и реалистическому направленію. А между тѣмъ вотъ что̀ говоритъ объ этомъ предметѣ г. Спенсеръ во главѣ V *Основныхъ Началъ*.

„Безсиліе разума обнаруживающееся при нашихъ попыткахъ дать отвѣтъ на высшіе вопросы объективной науки (то-есть о внѣшнемъ мірѣ) оказывается, по изслѣдованію субъективной науки (психическаго міра), необходимо вытекающимъ изъ законовъ этого разума. Изъ тщетности нашихъ усилій мы узнали не только что лежащая въ основѣ явленій реальность вполнѣ и навсегда непостижима для насъ, но и то еще что такъ должно быть по самой природѣ нашего разума.“

И далѣе:

„Въ этомъ признаніи реальности совершенно непостижимой по своей природѣ заключается положенія по своей сущности совпадающее съ основнымъ положеніемъ религіи. Мы вынуждены считать каждое явленіе обнаруженіемъ нѣкоторой силы дѣйствующей на насъ; а такъ какъ явленія, сколько намъ извѣстно, простираются безпредѣльно, то должно считать эту силу вездѣ присутствующею. Критика же научаетъ что эта сила совершенно непостижима. Въ этомъ-то сознаніи неисповѣдимой вездѣ присутствующей силы имѣемъ мы то самое сознаніе на которомъ покоится религія.“

Какъ же относится Луисъ къ этому предмету и вообще къ теоріи относительности утверждающей непознаваемость причинъ и сущности бытія? Нѣкогда онъ выступилъ горячимъ защитникомъ этого ученія. Вся суть *Исторіи Философіи* заключалась именно въ томъ положеніи что всякое знаніе будучи относительнымъ, ео ipso ограничено, что все лежащее за предѣлами опыта непознаваемо и составляетъ непроницаемую тайну. А такъ какъ эта тайна на вѣки останется недоступна разуму, то не зачѣмъ де тратить время и силы на тщетный трудъ разгадки ея; стало-быть — таково было общее заключеніе—метафизика есть напрасная погоня за химерами и ее слѣдуетъ окончательно упразднить. Философы, разумѣется, ни мало не смущались нареканіями и увѣщаніями Луиса и его школы, зная что хотя метафизическое какъ и всякое знаніе лишь относительно, оно тѣмъ не менѣе возможно. Правда, никакія усилія разума не въ состояніи открыть абсолютную истину, но и область относительнаго—безконечна, неисчерпаема: выйти *изъ* границъ ея нѣтъ ни малѣйшей надежды: но развѣ мы дошли или когда-нибудь дойдемъ хоть *до* предѣловъ относительнаго? Каждый новый шагъ даже въ этой области есть *приближеніе* къ истинѣ, а въ этомъ заключается высшая цѣль стремленій человѣческаго разума. Но допустимъ въ видѣ предположенія что всѣ философствующіе умы до единаго, вѣря Луису на слово, отказались разъ навсегда отъ напрасныхъ попытокъ разъяснить тайны вселенной, признавъ ихъ неразрѣшимыми. Пусть, отрекшись отъ „туманнаго величія метафизики,“ они рѣшились упражнять свои умственныя силы на „болѣе благородной аренѣ“ положительной науки, и всѣ, словно по командѣ, преусердно ударились кто въ естествознаніе, кто въ соціологію и пр. Что же изъ этого выйдетъ? А выйдетъ слѣдующее: исходя отъ безконечнаго разнообразія конкретныхъ фактовъ, видимыхъ явленій, процессъ индукціи дойдетъ до высшихъ обобщеній на которыхъ остановится не достигнувъ однако самаго основанія вещей. Въ концѣ изслѣдованія получатся общіе выводы, конечныя данныя далѣе которыхъ идти нельзя, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ ясно что эти послѣднія для насъ звенья на самомъ дѣлѣ не суть и не могутъ быть дѣйствительно послѣдними. Опредѣливъ отношенія и условія явленій, ихъ частные и общіе законы, научная критика наконецъ очутилась лицомъ къ лицу съ вѣч-

ными проблемами матеріи и духа, съ неразрѣшимыми загадками *силы* и *причины*, словомъ, съ неисповѣдимою тайной. La métaphysique est morte, vive la métaphysique!

Въ виду неизбѣжности такого результата, Луисъ подступаетъ нынѣ ко врагу съ другой стороны. Его „перемѣна фронта“ имѣетъ какъ на войнѣ чисто стратегическій характеръ. Нельзя сразить и опрокинуть непріятеля съ фронта, такъ не попытаться ли зайти въ тылъ, либо ударить во флангъ? Если таинственность которую мы устранили, отрекаясь отъ метафизики, воскресаетъ изъ нѣдръ положительнаго знанія „тормозя изслѣдованіе“, если даже „великіе вожди науки бросаютъ тоскливые взоры на темные пути запретнаго изслѣдованія“, то остается одно средство: устранить препятствіе. Delenda est Carthago! Таинственность мѣшаетъ: прочь ее, pereat!

Согласно этой программѣ, Луисъ въ первой же главѣ *Вопросовъ о жизни и духѣ* обѣщаетъ читателю такой небывалый еще методъ который „разсѣчетъ туманъ таинственности, затемнявшій столь долго ясное небо.“ Но чтобы преодолѣть силы ада, необходимо спуститься въ адъ; чтобы сорвать съ метафизики всѣ покрывала, для этого нужно отважиться въ самую глубь метафизики. Новый Данте, Луисъ рѣшился на столь невѣроятный съ его стороны подвигъ. Однако, какъ же ему удастся „разсѣять туманъ таинственности“? Самымъ простымъ средствомъ было бы объясненіе тайнъ, развязка великой загадки бытія. Къ сожалѣнію, это невозможно. Остается другой способъ: разсѣчь Гордіевъ узелъ коли мудрено распутать его, иначе говоря, припустить къ „туману таинственности“ густѣйшій мракъ и окончательно затемнить непроницаемою мглой послѣдній уголокъ „яснаго неба“. Словомъ: чего нельзя объяснить, то можно игнорировать; такъ поступилъ Луисъ во время оно, въ *Исторіи Философіи*. Когда же игнорировать нельзя, и объяснить равномѣрно невозможно, то остается одно: *отрицать*. Такъ поступаетъ нынѣ авторъ *Вопросовъ*. Его „разсѣваніе тумана“ есть не что иное какъ отрицаніе всякой таинственности: все ясно, все понятно, все просто, прозрачно и главное—извѣстно. Загадочнаго ничего болѣе нѣтъ; plus de mystère. Вся философія Луиса сводится къ положеніямъ въ слѣдующемъ родѣ:

1) „Наше знаніе *абсолютнаго* не только не безнадежно, но, наоборотъ, *обширно, разнообразно и точно*.“ Это ни болѣе

ни менѣе какъ полное отрицаніе принципа относительности, составляющаго, какъ извѣстно, коренную аксіому положительной науки.

2) Сила и причина вовсе непознаваемы, ибо онѣ тождественны съ *закономъ*, а законы доступны опытному изслѣдованію. Зная дѣйствіе силы, мы знаемъ и самую силу, зная слѣдствіе, мы знаемъ причину; эффектъ и причина—одно и то же: паденіе тѣлъ *есть* тяготѣніе тѣлъ. *Какъ—почему.* (!?) Ньютонъ, открывшій законы всемірнаго тяготѣнія, съ наивною скромностью воображалъ что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о причинѣ тяготѣнія. Такого же взгляда держатся до нынѣ величайшіе представители науки; но будемъ надѣяться что аксіома Луиса: Дѣйствіе=причинѣ, откроетъ имъ глаза и выведетъ ихъ изъ заблужденія.

3) Сущность вещей непознаваема потому только что это чистый призракъ, иллюзія ума; тайна непроницаема, такъ какъ вовсе не существуетъ.

4) Вещь сама въ себѣ и явленіе — одно и то же; предметы суть именно то чѣмъ они намъ кажутся и *ничего болѣе.* Значитъ звѣзда являющаяся намъ въ видѣ свѣтящейся точки, сама по себѣ *есть* свѣтлящаяся точка и только. Что̀ скажетъ здравый смыслъ? что̀ скажутъ астрономы?

5) „Вещи суть сумма ихъ свойствъ и ничего болѣе.“ Этимъ просто отрицается матеріальное существованіе вещей, ибо свойства или сумма свойствъ безъ носителя оныхъ—совершенная немыслимость.

6) Сознаніе есть нервный процессъ, а духъ—функціональный продуктъ. И тутъ, какъ видно, таинственнаго или непонятнаго ничего нѣтъ!

7) „Міръ возникаетъ въ сознаніи“. Вещи суть то что̀ дано ощущеніемъ, и не существуютъ независимо отъ чувствованія. Оказывается что чувствованіе предполагаетъ нервное вещество, а нервное вещество существуетъ лишь въ ощущеніи. Сознаніе есть нервный процессъ, а нервы возникаютъ въ сознаніи и не существуютъ независимо отъ него! Причудливѣе этого circulus viciosus трудно и придумать что̀-нибудь.

Здѣсь пока еще не мѣсто вдаваться въ подробный разборъ этихъ положеній; достаточно замѣтить что они касаются самыхъ фундаментальныхъ вопросовъ философіи и рѣшаются Луисомъ въ смыслѣ упраздненія и отрицанія таин-

ственности признанной доселѣ всѣми школами (не исключая и матеріализма) за великими первобытными проблемами субстанціи, причины, силы и пр. Въ какія безвыходныя противорѣчія вовлекло автора его желаніе во что̀ бы ни стало „разсѣять туманъ“, въ какомъ невозможномъ положеніи онъ черезъ это очутился между наукой и философіей, между крайнимъ идеализмомъ и грубѣйшимъ реализмомъ, мы увидимъ въ послѣдствіи. Теперь же необходимо указать цѣль и причину кампаніи предпринятой Луисомъ противъ таинственности.

VI. Взглядъ Луиса на философію.

Ja, eure Reden, die so blinkend sind,
In denen ihr der Menschheit Schnitzel bräuselt,
Sind unerquicklich wie der Nebelwind,
Der herbstlich durch die dürren Blätter säuselt.
Goethe.

Въ виду систематическаго отрицанія общепризнанной непознаваемости первичныхъ основъ всего существующаго, естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ мѣшаетъ Луису „таинственность“? Съ какою цѣлью считаетъ онъ необходимымъ исключить ее изъ сознанія людей и, наконецъ, кого собственно авторъ желаетъ убѣдить?

За отвѣтомъ мы обратимся къ *Вопросамъ о жизни и духѣ*. Вотъ заключительныя слова 2 тома: „Цѣлью этого сочиненія было положить основы *вѣры* указаніемъ метода обезпечивающаго успѣшность изслѣдованія и приведеніемъ нѣкоторыхъ общихъ результатовъ достигнутыхъ при его помощи.“ (Главные изъ этихъ *результатовъ* мы резюмировали въ семи пунктахъ приведенныхъ въ концѣ прошлой главы.) А въ предисловіи мы читаемъ: „Сочиненіе разрослось въ систематическое введеніе въ философію науки, и то, изъ чего я хотѣлъ сдѣлать только приготовленіе для психологіи, развилось въ *основы вѣрованія*.“

Какъ, основы *вѣры*, а не *знанія?* спроситъ удивленный читатель. До сихъ поръ вѣра всегда была признаніемъ безсилія разума внѣ извѣстной сферы. признаніемъ непостижимо-

* Да, тощій плодъ хитросплетеній,
Въ итогѣ вашихъ умозрѣній
Питателенъ какъ вѣтра свистъ,
Какъ осени поблеклый желтый листъ.

сти нѣкоторыхъ первичныхъ проблемъ; вѣра необходимо предполагаетъ тайну.

А вдругъ Луисъ, взамѣнъ вѣры возникающей изъ безсилія человѣческаго разума и лополняющей пробѣлы нашего знанія, предлагаетъ намъ какъ „основы вѣрованія“ ученіе отвергающее всякую таинственность, смѣло утверждающее что мы все знаемъ или можемъ знать, даже „абсолютное“, что неизвѣстнаго, непонятнаго, загадочнаго ничего нѣтъ. Мысль, нельзя не признать, въ высшей степени оригинальная! Впрочемъ, можетъ-быть и основательно сдѣлать изъ отрицанія таинственности и непознаваемости основъ бытія предметъ „вѣрованія“, а не положительнаго знанія, такъ какъ для принятія такого ученія со стороны читателя дѣйствительно требуется порядочная доза не только вѣры, но даже легковѣрія.

Луисъ, повидимому, самъ хорошо понималъ это, ибо онъ продолжаетъ такъ: „Человѣку въ мои годы трудно ожидать обращенія въ свою *вѣру* тѣхъ современниковъ чьи взгляды уже установились. При такихъ условіяхъ ожидать сочувствія можно только въ *болѣе молодомъ поколѣніи*, со стороны тѣхъ кто, вслѣдствіе образованія и *природнаго предрасположенія, склонны встрѣчать сочувственно новыя идеи.*“

Заявленіе это въ своей невообразимой наивности какъ будто перифразируетъ знаменитое двустишіе:

Wer fertig ist, dem ist nichts recht zu machen;
Ein werdender wird immer dankbar sein. *

Да, дѣйствительно, „обращать въ свою вѣру,“ убѣдить тѣхъ у кого нѣтъ убѣжденій, кто вслѣдствіе „природнаго предрасположенія и образованія (вѣрнѣе, недостатка образованія) склонны встрѣчать сочувственно новыя идеи“ (и главное, громкія фразы, *послѣднія слова)* дѣло весьма немудреное. Но спрашивается: что собственно докажетъ сочувствіе „молодаго поколѣнія“ въ пользу состоятельности и научности воззрѣній и *вѣры* Луиса? Съ какихъ поръ „природное предрасположеніе“ принять тѣ или другія идеи считается пробнымъ камнемъ истинности этихъ идей? Съ какихъ поръ молодость и неопытность признаются компетентными судьями въ рѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ

* Человѣку вполнѣ развитому трудно угодить; развивающійся же за все скажетъ спасибо.

науки и философіи? Если авторъ заранѣе увѣренъ что его ученіе не можетъ быть признано людьми серіозными, съ „установившимися взглядами“, если успѣхъ его доктрины имъ же ставится въ зависимость отъ увлеченія молодости, то это доказываетъ что самому провозвѣстнику какъ-то плохо вѣрится въ его новую „вѣру“. По крайней мѣрѣ не слыхано чтобы Кеплеры, Галилеи, Ньютоны, Локки, Канты, когда-либо возлагали на „природное предрасположеніе“ юношества свои надежды относительно признанія и торжества своихъ идей и ученій: убѣжденные мыслители всегда разчитывали лишь на внутреннее достоинство своихъ концепцій, на силу аргументовъ, короче—на истину.

Различные способы дѣйствія естественно указываютъ на различныя цѣли. Главная цѣль философскихъ сочиненій Луиса не столько философія сколько пропаганда. Въ этомъ, на нашъ взглядъ, и заключается единственно вѣрный отвѣтъ на вопросъ о причинѣ насильственнаго изгнанія „таинственности“. Таинственность мѣшаетъ Луису тѣмъ что не входитъ въ его программу, а напротивъ, есть камень претыканія успѣшному ходу пропаганды. Но въ чемъ же заключается эта пропаганда? Въ популяризаціи такъ-называемыхъ *позитивныхъ* воззрѣній, въ распространеніи утилитарно - соціалистическихъ доктринъ. Главными догматами этихъ воззрѣній и доктринъ являются слѣдующія положенія: Нормой всякаго мышленія и всякой дѣятельности должно быть одно лишь „положительное“, а за положительное признается исключительно то что̀ чувственно - осязаемо и измѣримо; все нечувственное, идеальное — пустая мечта и химера. Человѣкъ не болѣе какъ явленіе среди другихъ явленій; если же онъ, не довольствуясь такою ролью, считаетъ себя за нѣчто субстанціальное и непреходящее, если онъ стремится къ познанію вѣчнаго закона въ порядкѣ вселенной и вѣчнаго начала этого закона, то это „слабость“, а не признакъ сильнаго ума. Существуетъ ли Богъ, духъ, сверхчувственное или нѣтъ, это совершенно безразлично, не представляетъ вопроса науки и не должно занимать мысли людей, вся жизнь которыхъ замкнута въ предѣлахъ чувственнаго міра явленій, и всѣ, даже высшіе, интересы которыхъ не должны выходить изъ этихъ предѣловъ. Чувственный міръ явленій представляетъ свойства числовыя, геометрическія и механическія, свойства физическія, химическія

и жизненныя: въ этомъ заключается совокупность всего что̀ можетъ быть познано и что̀ полезно знать; устремиться далѣе—напрасное и суетное желаніе. Изученіемъ свойствъ матеріи, ея явленій и законовъ занимается положительная наука, а позитивизмъ, какъ философія—систематизаціей результатовъ отдѣльныхъ наукъ, приведеніемъ ихъ къ высшему единству и приложеніемъ добытыхъ такимъ путемъ выводовъ къ индивидуальнымъ, общественнымъ, государственнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ, положительныя науки и положительная философія удовлетворяютъ всѣмъ насущнымъ, дѣйствительнымъ нуждамъ личности и общества: съ одной стороны, онѣ объясняютъ намъ порядокъ космоса, а съ другой даютъ руководящій принципъ для индивидуальной и соціальной дѣятельности. Поэтому, вопросы о причинѣ явленій, о сущности вещей, безцѣльны и праздны; религіозныя и метафизическія проблемы должны быть окончательно устранены какъ неразрѣшимыя и къ тому же совершенно ненужныя.

Такова точка зрѣнія которой *Исторія Философіи* служила пропагандой. Но вотъ оказалось что даже изученіе физической природы, опытное изслѣдованіе законовъ и явленій матеріальнаго міра приводятъ къ таинственнымъ загадкамъ, что научное мышленіе то и дѣло наталкивается на нѣчто лежащее внѣ его сферы. А таинственность эта соблазняетъ, манитъ даже закаленные въ позитивизмѣ умы, вызывая ихъ къ философскому и религіозному созерцанію. Гдѣ разумъ ясно сознаетъ свое безсиліе, тамъ одинъ только шагъ къ вѣрѣ: возникаетъ опять „благоговѣйное чувство“ предъ безконечностью, раждаются догадки о вѣчной причинѣ вселенной, о „вездѣ присутствующей силѣ“, объ отношеніи человѣка къ этому „безотносительному“. И вотъ мы слышимъ отъ передоваго представителя положительной школы знаменательныя признанія въ родѣ слѣдующихъ словъ Герберта Спенсера: „*Сила*, насколько мы знаемъ ее, можетъ быть разсматриваема только какъ извѣстный условный эффектъ *безусловной причины*, какъ относительная реальность указывающая на *абсолютную реальность которая произвела ее.*“ Или же: „Въ самомъ утвержденіи относительности всего нашего знанія заключается *признаніе того что существуетъ безотносительное, абсолютное.*“ „Намъ невозможно освободиться отъ сознанія

дѣйствительности *лежащей за явленіями* и вслѣдствіе этой независимости является наша *непреодолимая вѣра* въ эту дѣйствительность."

Такія изреченія, да еще со стороны самаго мощнаго мыслителя въ позитивномъ лагерѣ пришлись очень не по вкусу Луису. Помилуйте, какъ можно высказывать подобныя *enormités!* Если признать ихъ, то рушится главная опора истиннаго (то-есть отрицательнаго) позитивизма, и что̀ еще хуже рушится сила и авторитетъ утилитарнаго ученія и основанныхъ на ономъ соціальныхъ доктринъ. Доктрины же эти надлежитъ провести во что̀ бы ни стало, per fas et nefas: лишь бы восторжествовалъ утилитарный соціализмъ, а тамъ хоть пропадай истина, философія, наука, даже здравый смыслъ. Но какъ же восторжествовать *принципамъ* пока люди, не довольствуясь честью быть индивидуальными и общественными животными, станутъ фантазировать о какомъ-то духовномъ началѣ и доискиваться какихъ-то „тайнъ" и сверхчувственныхъ причинъ и основаній чувственныхъ явленій? А во всемъ виновата метафизика, идеологія, долотопные предразсудки въ родѣ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будеши.* Когда-то удалось сдать въ архивъ весь хламъ умозрѣнія и вмѣстѣ съ нимъ „таинственность" подъ предлогомъ неразрѣшимости, а глядь—подъ скальпелемъ анатома, въ ретортахъ химика, подъ микроскопомъ натуралиста, въ физическихъ лабораторіяхъ, таинственность и метафизика воскресли! Люди опять стали мечтать объ идеалахъ, о высшихъ интересахъ, о неплотскихъ потребностяхъ. Гдѣ же тутъ надежда на окончательное водвореніе міроспасительныхъ утилитарно-соціалистическихъ взглядовъ?

> Ich sag'es dir: Ein Kerl der speculirt,
> Ist wie ein Thier auf dürrer Haide
> Von einem bösen Geist im Kreis herumgeführt—
> Und rings umher liegt schöne grüne Weide. *

Новая книга Луиса служитъ какъ бы комментаріемъ этого Мефистофелева предостереженія. Если простое устраненіе назойливыхъ проблемъ и загадокъ не достигаетъ цѣли, то дѣлать нечего: приходится ихъ уничтожить, вырвать съ корнемъ. И вотъ Луисъ пишетъ философское сочиненіе

* Говорю тебѣ: человѣкъ который углубляется въ умозрѣнія, это животное водимое бѣсомъ на песчаной степи, въ то время какъ кругомъ лежатъ тучныя зеленыя пастбища.

имѣющее единственною цѣлью—представить метафизическіе вопросы въ такомъ видѣ чтобы всѣ пришли къ невольному заключенію что внѣ *тучныхъ пастбищъ* нѣтъ спасенія. *Вопросы о духѣ и жизни* не являются прямою демонстраціей, открытымъ оправданіемъ утилитарно-позитивнаго соціализма, нѣтъ, они исполняютъ это назначеніе лишь косвенно: капитальныя задачи философіи рѣшаются въ такомъ смыслѣ и таинственная сторона ихъ такъ ловко эскамотируется что всякій, однажды согласившійся съ выводами автора, ео ipso и роковымъ образомъ долженъ превратиться въ адепта тѣхъ воззрѣній которымъ книга Луиса служитъ косвенною пропагандой, ad majorem gloriam утилитарной школы.

Въ самомъ дѣлѣ, если высшій критерій истины заключается въ „чувственномъ фактѣ“, если существуютъ только явленія, если подъ хаосомъ вѣчно измѣняющихся явленій нѣтъ постоянной, непреходящей *реальности*, если „дѣйствіе силы есть самая сила,“ а „эффектъ то же что̀ причина“, если чувство, воля, мысль не иное что̀ какъ „нервный процессъ“, а духъ и жизнь „функціональные продукты“ (чего?!)—то выводъ изъ этихъ посылокъ очевиденъ и неизбѣженъ. Интересы человѣчества совпадаютъ съ его потребностями, а послѣднія всецѣло вытекаютъ изъ его физической природы, опредѣляются средой и ни въ какомъ случаѣ не должны простираться за предѣлы чувственнаго міра явленій; не зачѣмъ допытываться неизмѣннаго принципа, вѣчнаго начала этого міра, а тѣмъ болѣе абсолютнаго закона, постоянныхъ правилъ практической дѣятельности; эти призраки и химеры должны быть изгнаны изъ сознанія и мышленія; они не должны руководить далѣе, въ качествѣ основъ морали, общественнаго и государственнаго строя, частною и коллективною дѣятельностью людей. Предпосылки такого вывода заключаются цѣликомъ въ книгѣ Луиса въ видѣ конечныхъ результатовъ философскаго изслѣдованія; самый же выводъ, какъ вполнѣ неизбѣжный, авторъ спокойно предоставляетъ проницательности и логикѣ читателя. Къ чему mettre les points sur les i когда дѣло ясно и безъ того и всякій самъ сумѣетъ поставить точку гдѣ слѣдуетъ?

Такимъ образомъ, не то что̀ прямо говорится, а то что̀ подразумѣвается составляетъ существенную идею книги Луиса: его послѣдніе выводы не что̀ иное какъ предпосылки и основанія для дальнѣйшаго заключенія. *Вопросы*

о жизни и духѣ именно разчитаны такъ чтобы вызвать такое заключеніе со стороны читателя. Здѣсь едва ли нужно замѣтить что философія, какъ и наука, теряютъ свою правдивость коль скоро онѣ призваны служить посторонним цѣлямъ; свое достоинство и благодѣтельное вліяніе онѣ сохраняютъ лишь строгою независимостью отъ всякихъ частныхъ интересовъ лицъ, кружковъ и партій, какія бы цѣли ни преслѣдовали они, политическія, соціальныя или церковныя. Луисъ неоднократно высказываетъ что высшее назначеніе философіи и всякаго знанія есть „руководство въ дѣйствіяхъ“, а не праздное созерцаніе, „забава ума въ игрѣ со символами“. Совершенно вѣрно, но съ тѣмъ однако чтобы знаніе, мысль, то-есть наука и философія, сохраняли свою полную самостоятельность, а не подчинялись бы *дѣлу*, какъ средство подчиняется цѣли. Въ самихъ себѣ онѣ заключаютъ свою высшую цѣль; *истина*— вотъ цѣль къ которой должно стремиться научное и философское мышленіе; при этомъ только условіи оно можетъ быть дѣйствительнымъ и законнымъ „руководствомъ въ дѣйствіяхъ“. Другими словами, наша дѣятельность должна быть слѣдствіемъ нашей философіи, а не философія слѣдствіемъ нашей дѣятельности. Таковою, между тѣмъ, является философія Луиса: онъ составилъ себѣ или, вѣрнѣе, принялъ отъ утилитарно-позитивной школы готовый идеалъ индивидуальной и общественной дѣятельности людей, идеалъ опредѣляющій заранѣе объекты, предѣлы и направленіе этой дѣятельности, и вотъ онъ пускается въ метафизическія изслѣдованія, составляетъ философское ученіе, имѣя цѣлью оправдать готовый идеалъ, создать для него якобы научную почву, придать видъ *результата* новой философской доктрины тому что на самомъ дѣлѣ было *источникомъ* этой доктрины. Не Луисовъ идеалъ человѣческой дѣятельности вытекаетъ изъ его философіи, а, напротивъ, Луисова философія есть прямой продуктъ его соціальнаго идеала, попытка и орудіе пропаганды послѣдняго. Но чтобы создать ученіе исполняющее такое назначеніе и которое, будучи плодомъ взгляда автора на лучшій способъ „человѣческихъ дѣйствій“, могло бы служить для другихъ „руководствомъ въ дѣйствіяхъ“, для этого пришлось во многомъ и многомъ пожертвовать высшими интересами знанія, истиною: философію и науку сдѣлать средствомъ для достиженія посто-

ронней цѣли. Иначе по крайней мѣрѣ мы не можемъ объяснить себѣ безвыходныя противорѣчія въ которыя авторъ попадаетъ въ самыхъ капитальныхъ вопросахъ, безцеремонную перестановку основныхъ понятій философіи, обходъ и скрывательство главныхъ затрудненій и даже искаженіе положительно научныхъ фактовъ, встрѣчающіяся сплошь и рядомъ въ *Вопросахъ о жизни и духѣ*. Приписать такія *погрѣшности* плохой логикѣ, незнакомству съ философскими понятіями, незнанію научныхъ фактовъ въ ихъ дѣйствительномъ значеніи, нѣтъ основанія или повода, точно также нельзя предполагать невольныя ошибки и lapsus calami. Вся суть этихъ противорѣчій, логрѣшностей и пр. заключается, на нашъ взглядъ, цѣликомъ въ тенденціозности Луисовой философіи, къ разсмотрѣнію главныхъ положеній которой мы теперь и переходимъ.

VII. Психологическія начала (сознаніе и духъ).

Wagner: Nur noch ein Wort! Bisher musst ich mich schämen,
Denn Alt und Jung bestürmt mich mit Problemen.
Zum Beispiel nur: noch Niemand konnt' es fassen,
Wie Seel' und Leib so schön zusammenpassen... *

Goethe.

Если „правила философскаго мышленія“ представляютъ итогъ и какъ бы конденсированный экстрактъ міровоззрѣнія Луиса, то въ отдѣлѣ „Психологическія начала“ мы видимъ источникъ, зародышъ его философскаго ученія. Дѣйствительно, слѣдующая затѣмъ „проблема I: предѣлы знанія,“ занимающая вторую бо́льшую половину перваго тома, а равнымъ образомъ пять остальныхъ „проблемъ“, составляющія содержаніе втораго тома суть не что̀ иное какъ расширеніе „психологическихъ началъ“, примѣненіе ихъ къ вопросамъ философіи и метафизики, часто даже простое повтореніе или перифразъ.

Съ этой точки зрѣнія, а также по внутреннему содержанію, *Психологическія начала* являются безспорно наиболѣе

* *Wagner*: Одно еще слово! Бывало совѣстно даже, ибо и старъ и младъ осаждаютъ меня проблемами; напримѣръ, никто еще не могъ постигнуть какимъ образомъ душа и тѣло такъ отлично прилажены другъ къ другу.

замѣчательною частью всего сочиненія. Сжатость изложенія, опредѣленность мыслей, оригинальность нѣкоторыхъ воззрѣній придаютъ этому отдѣлу особенный интересъ. Тѣмъ не менѣе, при всей занимательности предмета, цѣль и предѣлы настоящаго труда не позволяютъ намъ вдаваться въ подробный разборъ психологической программы Луиса; она будетъ разсмотрѣна здѣсь лишь со стороны касающейся собственно философскихъ и метафизическихъ вопросовъ.

„Человѣкъ, говоритъ Луисъ, представляетъ собою не только животный организмъ, но и единицу въ соціальномъ организмѣ. Онъ ведетъ индивидуальную жизнь которая составляетъ также часть коллективной жизни. Отсюда два разряда двигателей: личный и симпатическій—эгоизмъ и альтруизмъ." Животный организмъ является такимъ образомъ источникомъ *животной*, чувственной жизни, соціальный же организмъ (общественная среда) — источникомъ *человѣческой*, нравственной и умственной жизни. Согласно такому взгляду психологія должна „отыскивать свои данныя въ біологіи и соціологіи" (т.-е. въ наукѣ о жизненныхъ явленіяхъ и въ наукѣ о явленіяхъ общественныхъ). Стремленія метафизиковъ объяснить психологическія явленія посредствомъ внутренняго анализа сознанія, и притязанія физіологовъ искавшихъ психическія данныя „въ сочетаніи такого анализа съ объясненіемъ нервныхъ явленій," Луисъ считаетъ одинаково ошибочными, во всякомъ случаѣ, односторонними. По его мнѣнію, такъ-называемый интроспективный методъ (анализъ сознанія, психическое зрѣніе) совершенно литній; физіологическій же методъ одинъ и безъ помощи соціологическихъ данныхъ недостаточенъ для психологіи человѣка.

Не отрицая громадныхъ услугъ которыя физіологія принесла и еще можетъ принести психологіи изслѣдованіемъ нервныхъ процессовъ, не оспаривая также важности изученія, въ связи съ психическими явленіями, соціальныхъ данныхъ, мы однако находимъ что расширяя съ одной стороны область науки, Луисъ, съ другой стороны, суживаетъ ее, исключая изъ психологіи тотъ элементъ который всегда считался и теперь считается главнѣйшимъ, а именно *внутренній анализъ сознанія*. Вѣдь явленія чувства, воли и мысли, какъ факты чисто внутренніе, совершенно недоступны физіологическому изслѣдованію и не могутъ, равнымъ образомъ, быть выводимы изъ историческихъ или соціологиче-

скихъ данныхъ; какъ факты и явленія личнаго сознанія они доступны лишь самонаблюденію, внутреннему анализу. Такой анализъ возможенъ на томъ основаніи что человѣкъ не только животный организмъ и соціальная единица, а также и прежде всего—существо разумное, мыслящее. Послѣдняго обстоятельства Луисъ не отрицаетъ, но на разумъ и мышленіе со всѣми проявленіями ихъ въ сферѣ науки, искусства, общественности онъ смотритъ какъ на *продуктъ соціальной среды*, выработанный коллективною жизнью всѣхъ. Изолируя человѣка отъ общественнаго состоянія, говоритъ авторъ, „мы получимъ животное“. Не только цивилизація, общее нравственное и умственное достояніе человѣчества, но и личный разумъ, индивидуальное мышленіе каждаго есть *капитализованный опытъ* расы и находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ общественнымъ развитіемъ. Эта мысль во многихъ отношеніяхъ является такою вѣрною и безспорною что чудовищная парадоксальность въ ней заключающаяся не сразу бросается въ глаза. Въ послѣдствіи этотъ вопросъ будетъ предметомъ подробнаго разбора; теперь же ограничимся краткимъ необходимымъ возраженіемъ. Нѣтъ сомнѣнія что индивидуальный разумъ, въ смыслѣ накопленнаго знанія, пріобрѣтенныхъ воззрѣній и привычекъ, находится въ зависимости отъ соціальной среды и является въ значительной степени продуктомъ общественнаго развитія. Но въ то же время, и даже въ *этомъ* смыслѣ, разумъ есть не только продуктъ и слѣдствіе, а также факторъ и причина соціальнаго развитія,—о чемъ Луисъ столь же осторожно сколь упорно умалчиваетъ. Въ смыслѣ же *способности*, т.-е. такъ-называемой *разумности*, индивидуальный разумъ вовсе не есть и не можетъ быть продуктомъ соціальнаго организма, какъ это авторъ доказываетъ, прибѣгая къ смѣшенію существенно различныхъ понятій заключающихся въ одномъ и томъ же словѣ. Никакая среда, никакія коллективныя усилія, никакія вліянія массъ не въ состояніи развить въ индивидуумѣ, въ отдѣльной особи, то чего въ ней вовсе не находится, хотя бы только въ видѣ зародыша. Пусть высшія проявленія разума будутъ продуктомъ, даже въ значительной степени, общественнаго развитія, но разумность есть первичное данное, присущій каждой человѣческой единицѣ неотъемлемый атрибутъ; это та способность безъ которой немыслимы умственное развитіе и прогрессъ.

Слѣдовательно, ни біологическія, ни соціологическія данныя, порознь или вмѣстѣ взятыя не могутъ дать ключа къ разъясненію *всѣхъ* психическихъ явленій: для этого необходима помощь еще третьяго, по важности своей, *перваго* способа изслѣдованія — самонаблюденія, внутренняго анализа сознанія. Не устранилась бы необходимость этого средства изученія психическихъ фактовъ даже и тогда еслибы дѣйствительно, какъ того желаетъ Луисъ, разумъ былъ вполнѣ продуктомъ общественнаго организма, а не прирожденною, индивидуальною способностью единичнаго человѣка. И вотъ почему: процессъ образованія представленій, понятій, сужденій и умозаключеній, словомъ—мышленія, происходитъ вѣдь не гдѣ-то въ идеальной средѣ, не въ коллективной (реально не существующей) душѣ человѣчества вообще, а въ индивидуальной душѣ, въ личномъ сознаніи, въ непосредственномъ Я единичной особи отдѣльныхъ живыхъ людей. Стало-быть эти процессы и психическіе акты могутъ быть изучаемы лишь тамъ гдѣ они совершаются, а именно въ личномъ сознаніи доступномъ единственно внутреннему, психическому зрѣнію, то-есть самонаблюденію.

Но почему же Луисъ устраняетъ именно *этотъ* элементъ изслѣдованія, первостепенная важность котораго признается даже психологами рѣшительно-позитивнаго направленія, каковы Спенсеръ, Бэнъ, Вундтъ и пр.? Отчего, указывая на необходимость изучать духовныя явленія со стороны ихъ физіологическихъ условій и какъ продукты соціальнаго организма (то-есть посредствомъ внѣшняго опыта и историческаго метода), не допускаетъ онъ изученія ихъ какъ актовъ личнаго сознанія, индивидуальнаго духа, съ помощію внутренняго опыта (то-есть интроспективнаго метода)? Просто потому что, согласно *правилу IV*, „не слѣдуетъ допускать никакого дѣятеля не имѣющаго основанія въ нашихъ чувствахъ," потому что *духъ* заранѣе и систематически упраздняется. Внутренній же опытъ, анализъ сознанія неизбѣжно приводитъ къ докучливымъ вопросамъ въ слѣдующемъ родѣ: психическія явленія суть явленія *чего?* въ чемъ заключается то неизвѣстное, загадочное *нѣчто*, то неизмѣнное единство, модификаціями котораго являются быстро мѣняющіяся состоянія нашего сознанія? И хотя въ отвѣтъ получится лаконическое „не знаю", но за этимъ „не знаю" останется неразгаданная проблема, „туманъ таин-

ственности" не долженствующій, какъ извѣстно, быть терпимымъ въ наукѣ и философіи. Такъ вотъ почему „внутренній анализъ сознанія" увольняется въ отставку какъ средство негодное и, пожалуй, даже опасное.

Какъ бы то ни было, но Луисъ формально объявляетъ что біологъ остающійся вѣрнымъ научному методу обязанъ принимать жизненность за „конечный фактъ"; онъ не долженъ задаваться вопросомъ „что такое жизнь взятая отдѣльно или въ общей системѣ явленій," а отыскать ея факторы, то-есть условія и законы проявленія. „Главнымъ образомъ, говорится далѣе (I т. стр. 112), психологъ долженъ признать *сознаніе* или, выражаясь точнѣе (?), *чувствительность* за конечный фактъ и изучать лишь факторы, ея условія и законы." Дѣйствительно ли „сознаніе" и „чувствительность" суть тождественныя понятія, причемъ даже второй терминъ представляетъ болѣе „точное выраженіе", это еще вопросъ и требуетъ доказательства; да не въ томъ дѣло. Мы вполнѣ согласны съ авторомъ въ томъ что *жизнь* и *сознаніе* суть конечные факты для опытной біологіи и психологіи. Но если научный методъ требуетъ нейдти далѣе такихъ конечныхъ фактовъ, не вдаваться въ опредѣленіе того что̀ такое жизнь и сознаніе, а ограничиться изученіемъ ихъ условій и законовъ, то спрашивается: зачѣмъ же самъ Луисъ, претендующій на строгую научность своего метода, идетъ далѣе, и тутъ же, чрезъ три строчки, опредѣляетъ *что̀ такое* эти конечные факты? Вотъ его собственныя слова:

„Аналогія жизни и духа есть наиболѣе близкая изо всѣхъ аналогій, если только послѣдній есть что̀ либо иное кромѣ особой формы первой. Отсюда, то что̀ извѣстно относительно жизни будетъ лучшимъ руководствомъ для того что̀ можетъ быть познано о духѣ. Оба они (то-есть жизнь и духъ) *суть процессы*, или съ другой точки зрѣнія, *функціональные продукты*. Ихъ нельзя назвать ни сущностью, ни силой."

Сказано ясно, но было бы лучше еслибы было хоть сколько-нибудь *доказано*. Къ сожалѣнію, Луисъ не нашелъ нужнымъ привести въ подтвержденіе хоть малѣйшее доказательство. Итакъ, *сущность* жизни и духа (до которой, по заявленію Луиса, наукѣ и положительной философіи нѣтъ дѣла) заключается именно въ томъ что они „не сущность", а „процессы или функціональные продукты", то-есть чистый динамизмъ.

Разсмотримъ по очереди эти два опредѣленія.

Нѣтъ спора что всякое явленіе физическое, химическое, органическое есть *процессъ*. Въ примѣненіи къ жизни, это опредѣленіе, не что̀ иное какъ общее мѣсто, ибо никто не смотритъ на жизнь какъ на нѣкоторое *существо:* все что̀ имѣетъ начало, послѣдовательные фазы развитія и конецъ, стало-быть и жизнь представляетъ собою явленіе, т.-е. процессъ. Относительно же *духа*, терминъ „процессъ“ равносиленъ съ безусловнымъ отрицаніемъ: если всякое явленіе—процессъ и всякій процессъ явленіе, то опредѣлить духъ тѣмъ или другимъ изъ этихъ названій значитъ, вопервыхъ, отрицать его существованіе, вовторыхъ, этимъ самымъ рѣшать чисто метэмпирическій вопросъ, лежащій за предѣлами положительнаго знанія и опытной науки.

Обращаясь затѣмъ ко второму опредѣленію, мы прежде всего спросили бы: если жизнь и духъ суть „функціональные продукты,“ то *чего* именно? Касательно жизни получится слѣдующій отвѣтъ: она есть продуктъ совокупныхъ функцій (т.-е. дѣятельностей) животнаго организма, или же—результатъ тѣхъ органическихъ условій при которыхъ возникаетъ и развивается жизнь. А это чистѣйшее тождесловіе: жизнь есть жизнь. Но въ приложеніи къ духу Луисово опредѣленіе представляетъ опять-таки совершенно иной, да притомъ весьма категорическій смыслъ. Коль скоро духъ есть „функціональный продуктъ“, то онъ очевидно продуктъ функцій какого-нибудь органа, какой-либо ткани. Органъ этотъ есть головной мозгъ, ткань—нервная. Стало-быть духъ есть продуктъ нервныхъ процессовъ, иначе говоря: духъ есть *не*-духъ; онъ не дѣятель, а дѣятельность, не существо, а отправленіе нервнаго организма. Мы не навязываемъ автору нашихъ собственныхъ выводовъ изъ его положеній, ибо нѣсколько далѣе Луисъ уже прямо заявляетъ что „сознаніе или (?) чувствованіе есть *нервный* процессъ.“ Тутъ же онъ отвергаетъ „преданіе о духѣ существующемъ отдѣльно отъ жизни,“ преданіе происходящее, по его мнѣнію, отъ пагубной „наклонности нашей смѣшивать идеальныя дѣленія съ реальными,“ отъ „неосторожности при употребленіи отвлеченныхъ понятій.“ А далѣе говорится (I, стр. 137): „Великая задача психологіи, какъ отдѣла біологіи, заключается въ томъ чтобы вывести *всѣ* психическія явленія изъ одного основнаго процесса въ одной жизненной ткани.

Ткань эта—нервная; процессъ заключается въ группировкѣ нервныхъ единицъ. Нервная единица есть дрожаніе."

Итакъ, вопросъ о духѣ рѣшенъ. Духъ или душа, какъ дѣятель, какъ особое начало или субстратъ психическихъ явленій, не существуетъ. Это—неумѣстная реализація логическаго дѣленія, олицетвореніе чистой абстракціи. Сознаніе, конечный фактъ, сущность котораго не слѣдутъ де опредѣлять, опредѣляется однако Луисомъ весьма категорически какъ „процессъ заключающійся въ группировкѣ нервныхъ единицъ", причемъ даже извѣстно что единицею является „дрожаніе". Такой взглядъ самъ по себѣ не новый; съ различными варіаціями онъ проводится во всѣхъ матеріалистическихъ ученіяхъ. Великою новостью была бы его научная или логическая демонстрація. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго мы не находимъ въ книгѣ Луиса: affirmo, я утверждаю — вотъ и все его доказательство.

Въ одномъ пунктѣ, впрочемъ, новизна и оригинальность Луисова воззрѣнія безспорны и заслуживаютъ полнаго вниманія читателей. Дѣло вотъ въ чемъ. Отрицаніе духовнаго начала, души, какъ особаго, самостоятельнаго дѣятеля, хотя и сдѣлалось ходячимъ понятіемъ среди сторонниковъ извѣстныхъ ученій, но оставило неразгаданною одну великую загадку, а именно—простой фактъ *сознанія*. Загадочность этого факта заключается въ слѣдующемъ: Какимъ образомъ нервныя движенія превращаются въ ощущенія, чувствованія, мысли и пр.? Словомъ, какимъ чудомъ эти нервные процессы *сознаются* нами, да притомъ сознаются не какъ движенія или дрожанія нервныхъ единицъ, а какъ ощущенія цвѣта, звука, вкуса и т. д.? Что общаго между вибраціями нервныхъ молекулъ и сознательными актами воли, представленія, мышленія? Всѣ до сихъ поръ, не исключая и самыхъ ярыхъ реалистовъ, самыхъ рѣшительныхъ адептовъ позитивизма, признали совершенную непостижимость факта превращенія нервныхъ движеній въ чувствованія, механическаго процесса въ сознательный актъ. Допустить что сознаніе есть нѣчто субстанціальное или же свойство и аттрибутъ нематеріальнаго дѣятеля, души, не хотѣлось; объяснить дѣло на основаніи физіологическихъ данныхъ не было никакой возможности; осталось одно — признать фактъ за непроницаемую тайну, чѣмъ онъ до сихъ поръ и считался всѣми мыслителями. Но Луисъ, какъ заклятой врагъ

всякой „таинственности“, не могъ согласиться на такую капитуляцію разума и науки предъ Непознаваемымъ. и вотъ онъ предлагаетъ слѣдующее *разъясненіе* загадки (II, 435): „Нервный процессъ и чувствованіе (то-есть сознаніе) составляютъ двѣ разныя стороны одного и того же явленія. Съ физической или объективной стороны это — нервный процессъ, а съ психической или субъективной стороны — процессъ чувствованія“. Но вѣдь, скажете вы, то же самое говорятъ и тѣ кто считаютъ сознаніе въ высшей степени загадочнымъ фактомъ; вся тайна заключается именно въ томъ, *какимъ образомъ* одно и то же явленіе можетъ оказаться съ одной стороны физическимъ, молекулярнымъ процессомъ, а съ другой—чувствомъ, мыслью, сознательнымъ актомъ? *Какимъ образомъ* нервное движеніе переходитъ въ чувствованіе? Вотъ собственно что непостижимо! На это Луисъ спокойно возражаетъ (II, 441): „Непостижимость я допускаю, но самый фактъ перехода оспариваю“. Какой великолѣпный водопадъ! восклицаете вы, глядя на Ніагару. Великолѣпіе я допускаю, возражаетъ вамъ собесѣдникъ, но самый фактъ водопада отрицаю; никакого водопада тутъ нѣтъ. Точно такимъ же образомъ разсуждаетъ и Луисъ: „Я допускаю что *переходъ* движенія въ чувствованіе непостижимъ, что мы не можемъ умственно прослѣдить процессъ превращенія; но я не признаю чтобы здѣсь было какое-нибудь превращеніе“. Оказывается что движеніе и *есть* самое чувствованіе. „Это обстоятельство, весьма справедливо замѣчаетъ Луисъ, просматривалось всѣми философами, сочиненія которыхъ мнѣ доводилось читать“. И въ другомъ мѣстѣ (II, 447): „Попытка смотрѣть на чувствованіе какъ на видъ движенія, считалась вообще нелѣпою; но я не знаю, старался ли кто-нибудь взглянуть на движеніе какъ на видъ чувствованія, а между тѣмъ для меня это окончательный выводъ, способный *рѣшить всѣ возникавшія до сихъ поръ затрудненія*“. Очевидно что при такихъ радикальныхъ способахъ „рѣшенія“, всякія затрудненія улетучиваются и исчезаютъ вмѣстѣ съ породившими ихъ проблемами. Вамъ не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ крошечный желудь мало-по-малу дифференцируется и развивается въ величественный дубъ? Отрицайте фактъ такого развитія, утверждайте смѣло что желудь и дубъ одно и то же, и проблема рѣшена, „затрудненія“ не существуетъ! Какъ образецъ окончательнаго и

всеобъясняющаго рѣшенія темныхъ вопросовъ, приведемъ еще слѣдующее мѣсто (*Псих. начала*, I, 114): „Каждому умственному (сознательному) явленію соотвѣтствуетъ особое нервное явленіе; оба явленія представляютъ какъ бы выпуклую и вогнутую поверхность одного и того же шара, которыя тождественны, хотя и могутъ быть различны"... И вотъ таинственность устранена! Переходъ движенія въ чувствованіе, превращеніе нервнаго процесса въ сознательный актъ видѣнія, радости, печали, восторга, художественнаго творчества, отвлеченнаго мышленія и пр., кажется вамъ загадочнымъ, непостижимымъ. Ну, такъ мы отвергаемъ фактъ перехода, отрицаемъ превращеніе движенія въ чувствованіе, молекулярный процессъ и сознаніе—одно и то же, все равно что выпуклая и вогнутая стороны шара. Правда, мы и теперь понимаемъ не болѣе прежняго, но за то „туманъ разсѣянъ", тайны ужъ нѣтъ, а остается quasi-научная *фраза*, за которою ваше незнаніе также обезпечено отъ философскихъ сомнѣній какъ обитатель кроговины отъ солнечныхъ лучей.

Устранивъ духъ, опредѣливъ сознаніе какъ „нервный процессъ, заключающійся въ группировкѣ нервныхъ единицъ", Луисъ считаетъ возможнымъ изложить еще подробнѣе суть и механизмъ этого процесса. „Нѣсколько единицъ, продолжаетъ онъ (I, 137), группируются въ высшую единицу или нервный процессъ, представляющій сліяніе дрожаній, подобно тому какъ звукъ есть сліяніе воздушныхъ колебаній; каждый процессъ въ свою очередь можетъ группироваться съ другими, и такимъ образомъ изъ этой группировки группъ проистекаетъ все разнообразіе нервныхъ явленій. То что съ физіологической стороны будетъ просто нервнымъ процессомъ, *становится процессомъ чувствованія* съ психологической стороны."

Хорошо. Вотъ въ моемъ сознаніи (то-есть съ *психологической* стороны), при чтеніи этой тирады мелькаютъ одобрительныя слова съ которыми нѣкогда Мефистофель обратился къ *гомункулу:*

Was du nicht alles zu erzählen hast!
So klein du bist, so gross bist du Phantast. *

---

* Чего только ты не разказываешь! Ты хоть и малъ, но за то великій фантазеръ.

Теперь я попросилъ бы Луиса или любаго изъ сторонниковъ его теоріи пожаловать къ доскѣ и демонстрировать, путемъ чертежа, либо вычисленій и уравненій чѣмъ представляется это двустишіе съ *физіологической* стороны. Пусть объяснятъ намъ наглядно или по крайней мѣрѣ толково: какія „нервныя единицы“ группировались въ „высшую единицу“, какимъ образомъ далѣе произошла группировка этихъ высшихъ единицъ, такъ что „сліяніе нервныхъ дрожаній, группировка группъ“ воспроизводили и представляли собою стихи Гёте? Какимъ способомъ эти дрожанія, сліянія, группировки и пр. стали сознательнымъ актомъ припоминанія? Но этимъ дѣло демонстраціи еще не должно окончиться. Вѣдь сколько разнообразныхъ психическихъ явленій сопровождало самый актъ припоминанія! А эти явленія въ свою очередь требуютъ объясненія съ „физіологической стороны“; для примѣра назовемъ хоть нѣкоторыя изъ нихъ: 1) сосредоточенное на „научномъ объясненіи“ Луиса вниманіе; 2) зрительное ощущеніе печатнаго шрифта; 3) уразумѣніе смысла каждаго слова порознь и цѣлыхъ предложеній; 4) вниканіе въ общій смыслъ читаемаго отрывка; 5) мгновенно возникавшія при чтеніи возраженія противъ взгляда автора; 6) сопоставленіе этого взгляда съ другими; 7) предъугаданіе, при первыхъ же словахъ „объясненія“ того что̀ будетъ дальше; 8) мгновенно чувство удовольствія, видя что догадка оправдалась; 9) общее чувство несогласія съ теоріею автора; 10) недоразумѣніе о томъ дѣйствительно ли Луисъ воображаетъ чистосердечно что его „объясненіе“ что-либо объясняетъ и пр. и пр. и пр. Всѣхъ психическихъ актовъ сопровождавшихъ чтеніе и умѣстившихся въ какой-нибудь полминутѣ времени и перечесть нельзя. Теперь не угодно ли адептамъ Луисова ученія разъяснить какіе именно молекулярные процессы дрожанія нервныхъ единицъ и сліянія группъ соотвѣтствовали въ моемъ мозгу этимъ сознательнымъ актамъ и составляютъ ихъ „вогнутую сторону“, тогда какъ впечатлѣнія, чувствованія, мысли и пр. представляютъ собою „выпуклую сторону“?

Тутъ весь хоръ реалистовъ и позитивистовъ uni sono отвѣтитъ: слишкомъ многаго требуете! вѣдь и химикъ, зная формулу соединенія двухъ или нѣсколькихъ элементовъ, не въ состояніи однако въ подробности прослѣдить и объяснить самый процессъ этого соединенія и дать отчетъ въ томъ что̀ происходитъ съ отдѣльнымъ атомомъ, что̀ совершается въ

каждой группѣ атомовъ. А тѣмъ не менѣе формулы и объясненія химическихъ процессовъ считаются достовѣрными и вполнѣ научными.—Совершенно справедливо, но тутъ есть существенная разница. Что̀ собственно утверждаетъ химикъ? Что продуктомъ соединенія такихъ-то элементовъ, напримѣръ азота и водорода, является такое-то тѣло, положимъ амміакъ, то-есть: два вещества съ извѣстными свойствами образуютъ, соединяясь въ опредѣленной пропорціи, новое вещество съ иными свойствами; матеріальный, химическій процессъ приводится къ матеріальному же химическому результату. А что̀ утверждаетъ теорія Луиса? Что продуктомъ нервныхъ дрожаній является чувство, воля, мысль, то-есть матеріальный, механическій процессъ приводитъ къ результату... *не* матеріальному, *не* механическому, а къ сознательной, умственной дѣятельности. Итакъ, въ первомъ случаѣ, полная соразмѣрность процесса и его продукта, во второмъ полное отсутствіе такой соразмѣрности. Далѣе. Химикъ, положимъ, не знаетъ сокровенной сути самаго процесса химическаго соединенія; ему неизвѣстно отчего именно одинъ атомъ азота съ тремя атомами водорода образуетъ амміакъ. Но вѣрность своихъ опредѣленій и формулъ онъ во всякое время можетъ доказать посредствомъ качественнаго и количественнаго анализа, разлагая данное вещество на тѣ элементы изъ которыхъ оно, по его увѣренію, образовалось. Но существуетъ ли хоть что-нибудь похожее на качественный и количественный анализъ въ примѣненіи ко психологической теоріи Луиса? Могутъ ли мысли или чувствованія быть приведены обратно къ нервнымъ движеніямъ съ которыми они якобы тожественны? Такой экспериментъ, очевидно, невозможенъ. Но гдѣ же тогда гарантія въ научности теоріи его? Гдѣ критерій истины объявленный единственно достовѣрнымъ, а именно, „сведеніе вывода къ чувственнымъ, конкретнымъ даннымъ“?

А развѣ головной мозгъ, нервная ткань не суть чувственныя, конкретныя данныя? возразитъ позитивистъ. Совершенно вѣрно, но, не видя никакого непосредственнаго отношенія между этими данными и фактомъ сознанія, не постигая, средствами собственнаго ума-разума, необходимой, то-есть причинной связи, между нервными движеніями и психическими явленіями, мы и принуждены поставить вопросъ такъ: чтобы съ такою увѣренностію утверждать что

каждый сознательный актъ не только *сопровождается* нѣкоторымъ нервнымъ процессомъ (съ чѣмъ не трудно согласиться), но тожественъ съ нимъ, что самое сознаніе и *есть* нервный процессъ, вамъ вѣроятно извѣстно хоть что-нибудь положительное объ этихъ процессахъ? Я не спрашиваю *почему* (пусть это вопросъ не научный), я спрашиваю въ какой формѣ, при какихъ условіяхъ происходитъ процессъ, какимъ образомъ движеніе сообщается нервнымъ единицамъ, переходитъ къ группамъ, распространяется на группы группъ и главное какимъ способомъ или чудомъ количественно различныя и матеріальныя дрожанія становятся качественно различными ощущеніями, душевными аффектами, понятіями и идеями? Послѣдняя проблема, по признанію самого Луиса, неразрѣшима: онъ отрицаетъ, какъ мы видѣли, фактъ перехода движенія въ чувствованіе. Но и относительно перваго вопроса, собственно о формѣ и условіяхъ нервныхъ процессовъ, о способѣ возбужденія и распространенія вибрацій, точныя, положительныя свѣдѣнія физіологіи сводятся, увы!— на *нуль*. Объ этомъ предметѣ достовѣрно извѣстно почти что ровно ничего, а съ этимъ согласны всѣ серіозныя физіологи не ставящіе умозрѣнія на мѣсто научныхъ фактовъ. Ни одинъ смертный глазъ, даже съ помощію наилучшихъ инструментовъ, не видалъ еще „нервнаго дрожанія“, не открылъ чего-либо хоть сколько-нибудь похожаго на „процессъ“ котораго „выпуклая сторона“ есть сознаніе.

Такимъ образомъ, въ одномъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ философіи, теорія Луиса, вмѣсто научныхъ фактовъ, предлагаетъ намъ чистѣйшую гипотезу. Но гипотеза, какъ бы она ни была вѣроятна, не можетъ служить исходною точкой и основаніемъ дальнѣйшихъ догматическихъ рѣшеній, а между тѣмъ догадка Луиса о духѣ и сознаніи является какъ бы фундаментомъ психологіи, краеугольнымъ камнемъ всего философскаго міровоззрѣнія. Допустимъ что гипотеза нервныхъ процессовъ сопровождающихъ всякое психическое явленіе имѣетъ значительную степень вѣроятности, но отъ этого къ признанію причинной связи или даже тождества этихъ процессовъ и явленій сознанія громадный шагъ, ибо между тѣмъ и другимъ порядкомъ фактовъ и явленій лежитъ неизмѣримая пропасть. Мы далеки отъ мысли отрицать, въ угоду той или другой философской системы, значенія положительныхъ данныхъ, научныхъ фактовъ, или

даже оспаривать тѣ выводы которые логически и законно вытекаютъ изъ такихъ фактовъ. Но съ другой стороны мы требуемъ чтобы намъ не выдавали за научныя аксіомы умозрѣнія опирающіяся, положимъ, на фактахъ, но далеко выходящія изъ предѣловъ всякой возможной повѣрки и выводы которыхъ внѣ всякой соразмѣрности съ ихъ собственными предпосылками. Теорія же Луиса грѣшитъ противъ его собственнаго принципа: она опытно не провѣрена и не провѣряема, стало-быть лишена того именно доказательства которое, по многократному заявленію, одно только и признается имъ достаточнымъ и достовѣрнымъ. Но этого мало: Луисова гипотеза не оправдывается даже тѣми физіологическими данными изъ которыхъ она якобы выведена, она нисколько не объясняетъ того, объясненіемъ чему должна служить. Короче, гипотеза о сознаніи, выдаваемая за аксіому и догматъ, грѣшитъ противъ всякой вѣроятности и является одинаково несостоятельною съ научной, философской и логической точекъ зрѣнія. Для доказательства мы обратимся прежде всего къ обзору положительныхъ данныхъ представляемыхъ современною физіологіей нервной системы.

(*Продолженіе будетъ* *).

А. СТАДЛИНЪ.

---

* ПОПРАВКА. Въ первую часть настоящей статьи (№ 7 *Русскаго Вѣстника*) вкрались двѣ важныя опечатки. На 407й стран. 7 строч. сверху напечатано: *всякіе* доводы; слѣдуетъ читать: *вѣскіе* доводы. На 416й стран., 1 строч. снизу напечатано: *внѣшнихъ* обобщеній, а слѣдуетъ читать: *высшихъ* обобщеній.

БЛУЖДАНІЯ РУССКОЙ МЫСЛИ.

Сочиненія. Аполлона Григорьева. Изданіе Н. Н. Страхова. Томъ первый. 1876 года.

Настоитъ ли какая-нибудь надобность говорить въ настоящее время о сочиненіяхъ Аполлона Григорьева? Извѣстно ли публикѣ это имя, представляютъ ли для нея интересъ произведенія этого, уже сошедшаго съ литературнаго и земнаго поприща, писателя?

Если вѣрить г. Страхову, издавшему съ рѣдкою тщательностью первый томъ его сочиненій,—большой, увѣсистый томъ, въ 600 слишкомъ страницъ убористой печати,—ни одно литературное явленіе не заслуживаетъ такого внимательнаго отношенія критики, какъ эта книга. Аполлонъ Григорьевъ въ характеристикѣ своего почтеннаго издателя является не только писателемъ имя котораго „очень извѣстно“, но и писателемъ феноменальнымъ, неразгаданнымъ легкомысленными соотечественниками и обнаруживающимъ глубину и широту воззрѣній, почти недоступную пониманію профановъ. Даже болѣе—онъ является таинственнымъ сосудомъ откровеній, прорицателемъ необычайныхъ истинъ, основателемъ и единственнымъ представителемъ русской критики. „Значеніе его, говоритъ нѣсколько мистически издатель, для многихъ, даже для огромнаго большинства, совершенно темно. Одна изъ прямыхъ и простыхъ причинъ этого (?) заключается въ малой доступности для читающихъ самаго рода его писаній.

Критика, по существу дѣла, есть нѣкоторое философское разсужденіе, и слѣдовательно требуетъ особаго упражненія и усилія мысли. Были, конечно, и есть, и другія причины, и внѣшнія и внутреннія. Ко внутреннимъ принадлежитъ, напримѣръ, широта и многосторонность мысли, затрудняющая пониманіе и мѣшающая самому писателю выражать свой взглядъ рѣзкими формулами и итогами". Изданная г. Страховымъ книга представляется самому издателю „явленіемъ органическимъ". Чтобы писать такія книги, говоритъ онъ, „нужно чтобы предметы нашихъ мыслей составляли часть нашей жизни, сокровище нашего сердца. Такимъ предметомъ дѣйствительно была для А. Григорьева наша литература (то-есть художественная). Отсюда то глубочайшее воодушевленіе, тотъ тонъ горячаго убѣжденія которымъ поражаетъ эта книга; отсюда и тѣ истины которыя она намъ открываетъ". „Разгадать внутреннюю силу развитія нашей литературы, говоритъ далѣе г. Страховъ, смыслъ ея движенія, есть глубокая и важная задача. Рѣшеніе ея, единственное заслуживающее имени рѣшенія, предложено А. Григорьевымъ."

Сказано очень сильно. Но не заблуждается ли издатель *Сочиненій*, смѣшавъ свое личное отношеніе къ Аполлону Григорьеву съ отношеніемъ къ нему общества и литературы, не перенесъ ли онъ слишкомъ неосторожно на публичную сцену ту роль которую Григорьевъ игралъ въ собственномъ, личномъ развитіи г. Страхова? По крайней мѣрѣ заявленіе что имя Григорьева „очень извѣстно", невольно заставляетъ такъ предполагать. Въ кружкахъ литераторовъ, дѣйствительно, всѣ знаютъ это имя; но возможно ли измѣрять извѣстность писателя извѣстностью его среди нѣсколькихъ десятковъ людей, живущихъ исключительными интересами журналистики? Непонятые геніи и непризнанные пророки, въ нашъ вѣкъ не возбуждаютъ большаго довѣрія. Литература и публицистика до такой степени сблизились съ жизнью что всякій даровитый писатель стремится отвѣчать на запросъ жизни. Если большинство образованной публики относилось къ Григорьеву всегда очень равнодушно, и кажется такимъ же равнодушіемъ встрѣтило нынче появленіе полнаго собранія его сочиненій, то причина должна крыться именно въ томъ что этотъ писатель очень мало отвѣчаетъ на запросы жизни. Его темы почти всегда интересны, но его отношенія къ предметамъ по большей части таковы что возбужденный интересъ

читателя остается не удовлетвореннымъ. Это происходитъ, какъ кажется, отъ особаго склада ума, съ весьма ограниченнымъ кругозоромъ. Григорьевъ никогда не умѣлъ отойти отъ предмета на такое разстояніе, съ котораго предметъ виденъ цѣликомъ; онъ, напротивъ, до крайности приближался къ нему, какъ бы желая лучше разсмотрѣть его—и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, видѣлъ только одну сторону, и по этой сторонѣ дѣлалъ заключеніе о всемъ сферическомъ цѣломъ. Были и другія причины, о которыхъ мы скажемъ ниже, и которыя всѣ вмѣстѣ имѣли результатомъ то что Григорьевъ сдѣлался авторитетнымъ центромъ маленькаго литературнаго кружка, отчасти существующаго и понынѣ, но никогда охотно не читался публикой. Для того чтобы стать дѣйствительно извѣстнымъ и любимымъ писателемъ, необходимо умѣть подойти къ каждому явленію жизни или литературы съ самой интересной его стороны, а именно этого-то умѣнья и не доставало Григорьеву; онъ интересовался преимущественно тѣмъ, въ чемъ для образованнаго русскаго общества не заключалось никакого интереса.

Тѣмъ не менѣе, въ своей плодовитой журнальной дѣятельности Григорьевъ, при послѣдовательности и даже можно сказать упрямствѣ взглядовъ, развилъ и выразилъ довольно опредѣленное отношеніе къ вопросамъ продолжающимъ до настоящаго времени занимать общество и литературу. Правда, это отношеніе очень односторонне и часто напоминаетъ ковырянье по одному и тому же мѣсту; но познакомиться съ нимъ не мѣшаетъ, потому что оно представляетъ примѣръ нѣкотораго „органическаго“ (по его любимому выраженію) блужданія русской мысли—блужданія, происходящаго оттого что эта мысль до сихъ поръ еще не нашла своего настоящаго мѣста между зачатками самобытнаго культурнаго творчества и европейскими вліяніями. Вотъ почему мы думаемъ что бесѣда о сочиненіяхъ Григорьева—не лишняя въ настоящее время бесѣда, и даетъ намъ поводъ высказаться по вопросамъ представляющимъ несомнѣнный интересъ. Какъ бы ни былъ одностороненъ чей-нибудь взглядъ, вникая въ него мы невольно научаемся многостороннѣе понимать обозрѣваемый предметъ, и все пропущенное этимъ односторонимъ взглядомъ яснѣе представляется нашему вниманію.

Но прежде чѣмъ вникнуть въ мысль Григорьева, мы должны

сказать нѣсколько словъ о трудностяхъ, встрѣчаемыхъ при чтеніи его произведеній. На эти трудности указываетъ и издатель, объясняя ихъ впрочемъ самымъ лестнымъ для Григорьева образомъ; эти трудности сознавалъ и самъ Григорьевъ, говоря неоднократно что въ его статьяхъ есть темнота, и прибѣгая для устраненія ея къ безконечнымъ повтореніямъ и разъясненіямъ. Къ сожалѣнію, эти усилія самого автора приводили къ прямо-противоположнымъ результатамъ. Чѣмъ болѣе онъ повторялъ и разъяснялъ, тѣмъ болѣе запутывалъ свою мысль, и въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ его сочиненій есть очень большія статьи, по прочтеніи которыхъ мы рѣшительно не въ состояніи опредѣлить что̀ именно хотѣлъ сказать авторъ. Происходитъ это по нашему мнѣнію отъ причинъ совершенно отличныхъ отъ тѣхъ какія выставляетъ г. Страховъ. Мы думаемъ что темнота у писателя никогда не бываетъ слѣдствіемъ широты воззрѣній, а только слѣдствіемъ неясности собственной мысли. Самая глубокая и возвышенная мысль можетъ-быть выражена совершенно ясно, если она ясно сознана. Рискуя нѣсколько забѣжать впередъ, мы должны сказать что темнота у нашего „органическаго“ критика чаще всего является результатомъ замаскированной скудости мысли. У него есть, напримѣръ, огромная статья о *Дворянскомъ Гнѣздѣ* г. Тургенева; въ этой статьѣ до *полутораста* страницъ убористой печати; добрая половина повѣсти вошла въ нее въ видѣ цитатъ и выписокъ; а между тѣмъ статья эта говоритъ о лучшемъ произведеніи г. Тургенева такъ мало, такъ мало что мы думаемъ всякому заурядному читателю откроется изъ *Дворянскаго Гнѣзда* гораздо болѣе чѣмъ открываетъ критикъ. Чѣмъ же прикрыта такая скудость критическаго содержанія? Отступленіями, амплификаціями, напряженнымъ развитіемъ маленькихъ придаточныхъ мыслей, которыя приличнѣе было бы вовсе опустить, какъ подразумѣваемыя само-собою. Такова вообще *манера* Григорьева. Смѣлость, съ которою онъ исписываетъ десятки и сотни страницъ чтобы доказать нѣчто совсѣмъ безспорное, подразумѣваемое и придаточное, по истинѣ удивительна. Онъ, напримѣръ, много разъ съ чрезвычайнымъ напряженіемъ возвращается къ тому чтобы доказать что всякому опредѣленному движенію въ литературѣ предшествуютъ первоначальныя неопредѣленныя попытки, и создаетъ для ихъ

характеристики особый терминъ „допотопныхъ явленій“ терминъ стоившій ему многихъ раздраженій, діалектическихъ потугъ и массы исписанной бумаги. Повидимому онъ вполнѣ увѣренъ что своими „допотопными явленіями“ онъ сказалъ нѣчто совершенно-новое и въ высокой степени важное, нѣчто такое до чего прежняя критика, критика Бѣлинскаго, не умѣла додуматься. Въ другихъ статьяхъ онъ удѣляетъ десятки страницъ чтобы показать какъ природа извѣстной мѣстности, извѣстный пейзажъ, отражаются на писателѣ выросшемъ въ этой мѣстности. Безъ сомнѣнія самъ Григорьевъ понималъ что это вовсе не „открытіе“, что это такая естественная, общеизвѣстная и общепонятная вещь, о которой и говорить не стоитъ; но по врожденной своей наклонности къ философствованію, онъ не могъ взглянуть просто и прямо на это простое явленіе, а сдѣлалъ изъ него звено „органической“ критики и облекъ такимъ туманомъ что становится очень скучно. Такъ и во множествѣ другихъ случаевъ, темнота въ статьяхъ Григорьева очевидно происходитъ не отъ глубины и разносторонности мысли, а напротивъ отъ скудости мысли и отъ постоянныхъ напряженныхъ усилій всякую самую обыкновенную и придаточную мысль поставить на философскія ходули и прикрыть туманомъ мнимой глубины. Еслибы мы взяли на себя трудъ выжать изъ статей Григорьева все дѣйствительное ихъ содержаніе, оно можетъ-быть умѣстилось бы на одной изъ 600 страницъ перваго тома, да и то между выжатыми такимъ образомъ тезисами оказалось бы не мало вовсе не составляющихъ личную авторскую собственность Григорьева. Раздувать статьи, толить тему въ массѣ безконечныхъ, и надо сказать очень скучныхъ амплификацій и повтореній, хлопотать надъ самыми обыкновенными мыслями, которыя можетъ-быть только потому не представлялись Григорьеву обыкновенными что онъ никогда не смотрѣлъ прямо на предметъ, а ловилъ что-то носящееся вокругъ предмета въ воздухѣ (и это „что-то“, къ сожалѣнію, всегда оставалось неясно и для него самого, и для читателя); вотъ что̀ постоянно приходилось дѣлать Григорьеву и что̀ всегда вредило живости и опредѣленности имъ написаннаго.

До какой степени Григорьевъ былъ непонятенъ самому себѣ, какъ мучительно лутался онъ въ противорѣчіяхъ собственной мысли, лучше всего можно видѣть въ его усиліяхъ

уяснить вопросъ о народности въ литературѣ. Это самый главный, основный вопросъ „органической критики“, ея постоянная точка отправленія; безъ рѣшительнаго, самаго рѣшительнаго къ нему отношенія, невозможно ни мыслить, ни писать въ томъ направленіи, въ какомъ мыслилъ и писалъ Григорьевъ. Посмотримъ же какъ разрѣшаетъ онъ этотъ вопросъ.

„Литература, говоритъ Григорьевъ, бываетъ народна въ обширномъ смыслѣ, когда она въ своемъ *міросозерцаніи* * отражаетъ взглядъ на жизнь, свойственный *всему* народу, опредѣлившійся только съ большею точностью, полнотой и такъ-сказать художественностью въ передовыхъ его слояхъ; въ *типахъ* разнообразные, но общіе, присущіе общему сознанію, сложившіеся цѣльно и полно типы или стороны народной личности; въ *формахъ* красоту по народному пониманію выработавшемуся до художественности представленія, будь это красота греческая и италіянская, фламандская, все равно; въ *языкѣ* весь общій языкъ народа, развившійся на основаніи его коренныхъ этимологическихъ и синтаксическихъ законовъ, слѣдовательно не языкъ *касты* съ одной стороны, не языкъ *мѣстностей* съ другой. Чтобы не оставить и малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ, должно прибавить что подъ передовыми слоями народа разумѣю я тоже не касты и не слои случайно выдвинувшіеся, а верхи самобытнаго народнаго развитія, ростки, какіе сама изъ себя дала жизнь народа.

„Въ тѣсномъ смыслѣ литература бываетъ народна, когда она или 1) приноровляется ко взгляду, понятіямъ и вкусамъ неразвитой массы для ея воспитанія, или 2) изучаетъ эту массу какъ terram incognitam, ея нравы, понятія, языкъ какъ нѣчто особенное, диковинное, чудное, ознакомливая со всѣмъ этимъ особеннымъ и чуднымъ развитые и можетъ-быть пресытившіеся развитіемъ слои.

„Въ *первомъ* смыслѣ, народность литературы, какъ національность, является понятіемъ безусловнымъ, въ самой природѣ лежащимъ.

„Во *второмъ*, народная литература, какъ litterature populaire, есть нѣчто относительное, нѣчто обязанное своимъ происхожденіемъ болѣзненному въ извѣстной степени состоянію общественнаго организма, и притомъ вовсе не ис-

* Курсивъ вездѣ въ подлинникѣ.

кусство, которое прежде всего свободно и никакихъ внѣшнихъ, поучительныхъ, воспитательныхъ, научныхъ и соціальныхъ цѣлей не допускаетъ. Народная литература въ этомъ, то-есть въ тѣсномъ смыслѣ, относится не къ художеству, а къ педагогикѣ, или естественной исторіи."

Таково у Григорьева опредѣленіе народности въ литературѣ. Когда мы сами читаемъ эти строки, онѣ намъ совершенно понятны, смыслъ ихъ представляется намъ совершенно вѣрнымъ. Дѣйствительно, та литература должна быть названа народною въ настоящемъ, европейскомъ смыслѣ (litterature nationale), которая отражаетъ умъ и духъ всего народа, съ наибольшею полнотой опредѣлившійся въ передовыхъ его слояхъ; литература же отражающая жизнь и воззрѣнія одного только простонародья, пользующаяся языкомъ только низшихъ классовъ, есть литература простонародная, litterature populaire. Въ этомъ смыслѣ Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, суть писатели національные, народные въ высшемъ значеніи слова, а напримѣръ Шевченко поэтъ простонародный. Въ такомъ значеніи, повторяемъ, является намъ опредѣленіе народности у Григорьева, когда мы сами читаемъ это опредѣленіе; но когда мы начинаемъ добиваться какъ понималъ собственныя свои слова Григорьевъ, то вдругъ оказывается что понималъ онъ ихъ совсѣмъ иначе, вовсе не одинаково съ нами. Представьте себѣ что вышеприведенныя строки находятся въ статьѣ подъ заглавіемъ *Послѣ Грозы Островскаго* и имѣютъ цѣлью доказать что г. Островскій писатель національный, а не народный, что его *Гроза* подходитъ къ первой части опредѣленія, а не ко второй. Какъ скоро мы узнаемъ это, мы, разумѣется, перестаемъ понимать нашего критика, или другими словами для насъ дѣлается очевиднымъ что сочиняя вышеприведенное опредѣленіе національности и народности, авторъ думалъ нѣчто совсѣмъ другое, противоположное тому что̀ писало его перо. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчаетъ ли *Гроза* хотя бы одному изъ условій перечисленныхъ въ первой части опредѣленія? Нѣтъ не отвѣчаетъ ни одному, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ которыя вполнѣ ясно выражены. Можно ли напримѣръ сказать чтобы міросозерцаніе Катерины, ея мужа, старухи Кабановой, Дикаго, Варвары, Кудряша, однимъ словомъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, вплоть до Ѳеклуши и до того мужика который разсматриваетъ улавшую съ неба Литву—можно ли ска-

зать чтобъ это міросозерцаніе отражало „взглядъ на жизнь свойственный всему народу, опредѣлившійся только съ большею точностью, полнотой и такъ-сказать художественностью въ передовыхъ его словахъ"—какъ того требуетъ Григорьевъ въ своемъ опредѣленіи національной литературы? Очевидно нѣтъ. То міросозерцаніе (ради точности не измѣняемъ употребленнаго Григорьевымъ слова) какое выразилось въ *Грозѣ*, не имѣетъ ничего общаго съ воззрѣніями передовыхъ, то-есть образованныхъ слоевъ Русскаго народа; оно принадлежитъ исключительно только низшему классу, и самъ авторъ піесы едва ли не относится къ нему отрицательно. Это со стороны содержанія; а со стороны формы, можно ли сказать что языкъ дѣйствующихъ лицъ драмы—„весь общій языкъ народа, слѣдовательно не языкъ касты", какъ того требуетъ все то же вышеприведенное опредѣленіе національности у Григорьева? Конечно нѣтъ, даже совсѣмъ напротивъ. Языкъ Дикаго, Кабановой, есть именно языкъ касты, также какъ и языкъ Ѳеклуши и прочихъ дѣйствующихъ лицъ піесы, и никто изъ образованныхъ русскихъ людей не говоритъ этимъ языкомъ.

Итакъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія что Григорьевъ понималъ національность и народность въ литературѣ совершенно иначе чѣмъ мы, хотя мы и согласились вполнѣ съ его опредѣленіемъ. Чтобы добиться, какъ именно понималъ этотъ вопросъ Григорьевъ, надо обратить вниманіе преимущественно на слѣдующее мѣсто въ вышеприведенномъ опредѣленіи: „Чтобы не оставить и малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ, должно прибавить что подъ передовыми слоями народа разумѣю я тоже не касты и не слои случайно выдвинувшіеся, а верхи самобытнаго народнаго развитія, ростки, которые сама изъ себя дала жизнь народа". Вотъ въ этихъ-то строкахъ, прибавленныхъ во избѣжаніе недоразумѣній, и заключается огромное, хотя тщательно прикрытое недоразумѣніе. Если необходимо поставить все вышеприведенное опредѣленіе народности въ согласіе съ отношеніемъ автора къ г. Островскому, то послѣднія строки могутъ имѣть только слѣдующій смыслъ: „Подъ передовыми слоями народа я не разумѣю образованный классъ; все образованное русское общество я вообще исключаю изъ народа, отчасти какъ касту, отчасти какъ слой случайно выдвинувшійся; я разумѣю только верхи самобытно изъ

народа развившіеся, то-есть купцовъ, оставшихся необразованными, мѣщанъ-самоучекъ въ родѣ Кулигина, да еще можетъ-быть начетчиковъ и людей избравшихъ подвигъ нравственной жизни" (говоримъ *можетъ-быть*, потому что такихъ народныхъ типовъ г. Островскій не далъ). Вотъ что̀ долженъ былъ бы сказать Григорьевъ чтобы быть совершенно яснымъ и войти въ согласіе со своимъ взглядомъ на г. Островскаго, какъ на писателя національнаго, а не народнаго. Но Григорьевъ не сказалъ этого, потому что если онъ изъ понятія „весь народъ" выдѣляетъ образованный классъ, то въ такомъ случаѣ разрушается установленное имъ различіе между національностью въ обширномъ смыслѣ и народностью въ тѣсномъ смыслѣ, и приходится сказать что г. Островскій писатель не національный, а народный. Таковъ этотъ cercle vicieux, въ которымъ роковымъ образомъ заключился Григорьевъ: тронешь въ началѣ, разсыпается въ концѣ, тронешь въ концѣ—разсыпается въ началѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія что Григорьевъ самъ чувствовалъ опутавшее его противорѣчіе и сознавалъ необходимость разъяснить его; но къ сожалѣнію, предпочелъ болѣе удобный выходъ—то-есть сказалъ что отвѣтитъ въ послѣдствіи на эти вопросы прямо и положительно—и поставилъ точку. Это, впрочемъ, обыкновенный финалъ всѣхъ статей Григорьева: напустивъ непроницаемаго тумана, запутавшись въ безысходныхъ противорѣчіяхъ, наставивъ вопросовъ, не разрѣшимыхъ потому что уравненіе составлено неправильно, онъ обрываетъ обѣщаніемъ въ слѣдующей статьѣ все разрѣшить и распутать—и дѣлу конецъ. Всѣ его статьи—только введеніе, предисловіе къ чему-то неясно носившемуся въ его мысли; въ этомъ отношеніи лучшею характеристикой Григорьева могутъ служить собственныя его слова, которыми оканчивается изданное нынче собраніе его сочиненій: „все это до сихъ поръ—присказка, а сказка будетъ впереди". Впереди—то-есть никогда.

Мы не безъ намѣренія начали съ пункта о народности. Пунктъ этотъ важенъ не только потому что на немъ болѣе всего выясняется неопредѣленность и сбивчивость такъ-называемой органической критики, и ея крайне неудовлетворительный методъ, но и потому что всѣ сочиненія Григорьева представляютъ какъ бы лишь нескончаемую амплификацію этой запутанной мысли о народности въ обширномъ

и въ тѣсномъ смыслѣ. Показавъ, какъ думаетъ Григорьевъ объ этомъ предметѣ, мы почти цѣликомъ показали его читателю. Всѣ другія темы, затронутыя имъ въ его плодовитой критической дѣятельности, явнымъ образомъ вытекаютъ изъ этого такъ-сказать скрытнаго пониманія народности, запрятаннаго въ вышеприведенныхъ строкахъ, или же притягиваются къ нему. Почему Григорьевъ остерегался высказать такое пониманіе прямо, мы не беремся судить; можетъ-быть по причинѣ присущаго ему нерасположенія къ выясненію всякой мысли до ея опредѣленныхъ предѣловъ, можетъ-быть по другой причинѣ; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ что онъ понималъ народность именно во второмъ, тѣсномъ, а не въ первомъ, широкомъ смыслѣ, и считалъ образованное общество чѣмъ-то такимъ, чѣмъ литература совсѣмъ не должна интересоваться. Отсюда происходитъ бо́льшая часть тѣхъ по истинѣ удивительныхъ „откровеній“, которыя въ разное время возвѣщалъ Григорьевъ, какъ напримѣръ: что Лермонтовъ былъ случайное и фальшивое явленіе въ нашей литературѣ, что комедіи г. Островскаго выше *Каменнаго Гостя* Пушкина и даже... Шекспира; что Агаѳья Ѳедосѣевна въ *Обломовѣ* гораздо выше и симпатичнѣе Ольги въ томъ же романѣ, что Марья Андреевна г. Островскаго равняется Татьянѣ Пушкина, и пр. и пр. Здѣсь же по всей вѣроятности надо искать причины той несвободности во взглядахъ, которая не можетъ не удивлять въ человѣкѣ серіозно образованномъ, какимъ былъ Григорьевъ. Несмотря на свое обширное знакомство съ европейскою литературой, чѣмъ онъ много превосходилъ другихъ нашихъ критиковъ, онъ однако же никогда не могъ понять, почему міровое, общечеловѣческое въ искусствѣ выше исключительно народнаго, мѣстнаго. Понимая и Шекспира, и Гёте, и Байрона, и Жоржъ Санда, онъ кончалъ тѣмъ что признавалъ русскую литературу выше всѣхъ другихъ вмѣстѣ взятыхъ, а г. Островскаго—выше всего что̀ есть въ русской литературѣ. Тутъ конечно сказалась прекрасная черта, страстная любовь къ родной литературѣ; но сказалась также и извѣстная узкость мысли, вмѣстѣ съ тѣмъ страннымъ, до крайности фальшивымъ демократизмомъ, который доходитъ до ненависти къ образованному обществу и до фетишизма предъ балалайкой и ловойникомъ.

До какой узкости и односторонности критическаго понима-

нія доводилъ Григорьева усвоенный имъ „органическій“ взглядъ на литературу, лучше всего видно изъ его отношеній къ Лермонтову. Этотъ писатель остался для нашего критика совершенно не понятымъ, и онъ ему не отводитъ почти никакого мѣста въ нашей литературѣ. „Лермонтовъ, говоритъ Григорьевъ — не болѣе, какъ случайное повѣтріе, миражъ иного, чуждаго міра; правда, его поэзіи есть правда жизни мелкой по объему и значенію, теряющейся въ безбрежномъ морѣ иной жизни; казнь, совершаемая этою, все-таки поэтическою, правдой надъ маленькимъ муравейникомъ, въ отношеніи къ которому она справедлива, имѣетъ сколько-нибудь общее значеніе только какъ казнь одинокаго положенія этого муравейника.“—„Говорить о Лермонтовѣ, какъ о русскомъ Байронѣ, нѣтъ никакой возможности серіозно: стóитъ только приложить байронизмъ къ той пошлой свѣтской сферѣ, въ которой къ сожалѣнію вращался нашъ поэтъ, чтобы дѣло приняло оборотъ комическій. Стóитъ напримѣръ представить себѣ типъ женскій, къ которому обращены слѣдующія строки:

Въ толпѣ другъ друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь...

или другой, который поэтизированъ такъ:

Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится какъ птичка,

стóитъ только представить эти типы осуществленными въ кругѣ Лермонтовскаго муравейника, въ жалкой свѣтской дѣйствительности, и взглянуть на нихъ съ высоты идеаловъ, цѣлостно и свято хранимыхъ въ великой, не муравейной средѣ жизни, чтобъ эти типы тотчасъ же развѣнчать, назвать прямо по имени и поставить въ настоящемъ комическомъ свѣтѣ.“ Таковъ приговоръ Григорьева надъ Лермонтовымъ, надъ самымъ горячимъ поэтомъ русскаго образованнаго поколѣнія тридцатыхъ годовъ. Критикъ не скрываетъ главнаго мотива, руководившаго имъ въ этомъ приговорѣ: Лермонтовъ, говоритъ онъ, вращался въ жалкомъ свѣтскомъ кругу, представляющемся Григорьеву дряннымъ муравейникомъ; Лермонтовъ бралъ типы и образы изъ жалкой свѣтской дѣйствительности, тогда какъ писатель, по мнѣнію Григорьева, долженъ заниматься исключительно средой „не му-

равейною, великою, цѣлостно и свято хранящею высокіе идеалы", словомъ, средой, которою занимается г. Островскій. Повидимому это сводится на вопросъ о томъ, кому какое общество больше нравится, свѣтское или замоскворѣцкое; и еслибы дѣйствительно вопросъ былъ сведенъ къ тому, мы конечно воздержались бы отъ всякихъ возраженій славянофильскому критику, потому что о вкусахъ не спорятъ. Но дѣло въ томъ что въ настоящемъ случаѣ вопросъ вовсе не можетъ быть сведенъ къ такому личному и вздорному обстоятельству. Надо замѣтить, вопервыхъ, что самый фактъ вращенія Лермонтова въ жалкой свѣтской средѣ совсѣмъ не вѣренъ. Лермонтовъ умеръ въ такихъ молодыхъ годахъ что не могъ конечно запастись чрезвычайнымъ разнообразіемъ наблюденій; однако краткая жизнь его прошла среди впечатлѣній вовсе не свойственныхъ обыкновеннымъ свѣтскимъ людямъ. Лучшіе и самые плодовитые свои годы поэтъ провелъ на Кавказѣ, среди обстановки разумѣется совсѣмъ не свѣтской, среди людей, внутреннее содержаніе которыхъ, полагаемъ, было гораздо интереснѣе чѣмъ у героевъ г. Островскаго. Произведенія поэта, между которыми есть *Валерикъ* и глава *Максимъ Максимычъ*, доказываютъ довольно убѣдительно что свѣтская среда не помѣшала ему не только понимать людей совсѣмъ не свѣтскихъ, но и возводить ихъ, по выраженію Гоголя, въ перлъ созданія. Вовторыхъ, отношенія Лермонтова къ тому что онъ называетъ свѣтскою толпой, постоянно отрицательныя, то есть правильныя съ точки зрѣнія самого Григорьева. Наконецъ втретьихъ, творецъ „органической" критики забываетъ что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ всѣ литературно-образованные люди въ Россіи принадлежали къ тому самому обществу которое онъ называетъ свѣтскимъ. Въ этомъ обществѣ вращались Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Дельвигъ, князь Вяземскій, Баратынскій, Чаадаевъ, Жуковскій, все что составляло цвѣтъ тогдашней интеллигенціи.

Отношенія Григорьева къ г. Гончарову во многомъ напоминаютъ его отношенія къ Лермонтову. Манера судить автора не по силѣ его художественнаго дарованія, не по идеямъ развитымъ въ его произведеніяхъ, а по той средѣ которую онъ наблюдаетъ и воспроизводитъ, выразилась въ отзывѣ Григорьева объ *Обломовѣ* еще сильнѣе чѣмъ въ отзывѣ о *Героѣ нашего времени*. Безъ всякаго сомнѣнія, самая идея

Обломова, далеко не клонящаяся къ прославленію русской жизни, русской натуры и русской обломовщины (при всемъ даже мягкомъ, тепломъ отношеніи къ нимъ автора) была очень несимпатична Григорьеву. Но, повидимому, не это обстоятельство возмутило главнымъ образомъ славянофильскаго критика. Возмутило его больше всего то что въ *Обломовѣ* выведена барышня, и эта барышня нарисована авторомъ очень изящно и поэтически, и публика почувствовала поэтическое изящество показаннаго ей женскаго образа. Немногія строки, посвященныя Григорьевымъ этой замѣчательнѣйшей героинѣ новой русской литературы, едва ли не самыя желчныя въ цѣлой книгѣ. „Герой нашей эпохи—говоритъ Григорьевъ—не Штольцъ Гончарова и не его Петръ Ивановичъ Адуевъ, да и героиня нашей эпохи тоже не его Ольга, изъ которой подъ старость, если она точно такова, какою, вопреки многимъ граціознымъ сторонамъ ея натуры, показываетъ ее намъ авторъ, выйдетъ преотвратительная барыня съ вѣчною и безцѣльною нервною тревожностью, истинная мучительница всего окружающаго, одна изъ жертвъ Богъ знаетъ чего-то. Я почти увѣренъ что она будетъ умирать какъ барыня въ *Трехъ Смертяхъ* Толстаго. Ужь если между женскими лицами г. Гончарова придется выбирать непремѣнно героиню, безпристрастный и не потемненный теоріями (при чемъ тутъ теоріи?) умъ выберетъ, какъ выбралъ (?) Обломовъ, Агаѳью Ѳедосѣевну—не потому только что у нея локти соблазнительны и что она хорошо готовитъ пироги, а потому что она гораздо болѣе женщина чѣмъ Ольга.“ Критикъ не довольствуется тѣмъ что заявляетъ симпатіи своего собственнаго „не потемненнаго теоріями ума“, но хочетъ непремѣнно чтобъ и самъ авторъ, вопреки всѣмъ очевидностямъ, раздѣлялъ его сочувствія. „Дѣло въ томъ, продолжаетъ онъ, что у самого автора *Обломова*, какъ у таланта все-таки огромнаго, стало-быть живаго, сердце лежитъ гораздо больше къ Обломову и къ *Агаѳьѣ* чѣмъ къ Штольцу и къ *Ольгѣ*.“ Въ другомъ мѣстѣ той же статьи, Григорьевъ снова возвращается къ ненавистной ему героинѣ. „Гончаровская Ольга.... Да сохранитъ Господь Богъ отъ Гончаровской Ольги въ ея зрѣлыхъ, а тѣмъ болѣе почтенныхъ лѣтахъ, самыхъ жаркихъ ея поклонниковъ—вотъ вѣдь все что скажетъ *русскій* человѣкъ объ этомъ хитро, граціозно и умно нарисованномъ женскомъ образѣ. Съ одной стороны — она

чуть что не Улинька, подымающая ладшаго Тентетникова, съ другой—холодная и разчетливая резонёрка, будущая чиновница, директорша департамента или по крайней мѣрѣ начальница отдѣленія, отъ которой убѣгомъ уйдешь въ Сибирь-Тобольскій, не то что на Выборгскую Сторону, гдѣ спасся отъ нея Обломовъ. У русскаго человѣка есть непобѣдимое отвращеніе къ подымающимъ его до вершины своего развитія женщинамъ, да и вообще замѣчено что таковыхъ любятъ только мальчики, едва скинувшіе курточки. Отъ такого идеала непосредственное чувство дѣйствительно прямо повлечетъ къ Агаѳьѣ Ѳедосѣевнѣ, которая далеко не идеалъ, но въ которой есть нѣсколько чертъ свойственныхъ нашему идеалу, и явилось бы болѣе еслибъ авторъ *Обыкновенной Исторіи* и *Обломова* былъ побольше поэтъ, вѣрилъ бы больше своимъ душевнымъ сочувствіямъ, а не сочинялъ бы себѣ изъ этихъ сочувствій какого-то пугала, которое надобно преслѣдовать."

Несмотря на явную напряженность и такъ-сказать личность этого отзыва, любопытный смыслъ открывается изъ него. Григорьевъ нигдѣ не объясняетъ идею столь оскорбившаго его романа, но ясно что если онъ и не вполнѣ понялъ ее, то за то очень хорошо ее *почувствовалъ*.

Понятно что для Григорьева, ни со стороны его „органической критики", признающей законность однихъ только народныхъ, то-есть простонародныхъ типовъ, ни со стороны его личныхъ симпатій, склоняющихся къ Агаѳьѣ Ѳедосѣевнѣ, такое произведеніе какъ *Обломовъ* не могло быть сочувственно. Оно оскорбляло въ немъ все то что вмѣстѣ съ героемъ романа влекло его къ Агаѳьѣ Ѳедосѣевнѣ. Для Григорьева вообще въ русскомъ писателѣ не существовало горшаго преступленія, какъ дерзость заниматься людьми образованнаго круга, въ особенности же барышнями, и изображать европейскія формы общежитія. Ни въ какомъ другомъ случаѣ субъективное чувство его не выражается такъ желчно и рѣзко какъ въ отзывахъ о романахъ и повѣстяхъ изъ образованной и въ особенности столичной среды. Судя по ядовитости этихъ отзывовъ, можно думать что слышишь не то что образованнаго русскаго писателя, критика и эстетика, воспитавшагося на нѣмецкой философіи, а провинціальную барыню, обидѣвшуюся тѣмъ что не получила приглашенія на балъ къ губернатору. Замѣчательнѣе всего что Григорьевъ

обижается на образованное или такъ-называемое дворянское общество не за пустоту, суетность и пошлость свѣтской жизни, а за то что считаетъ людей этого круга тонко-развитыми и тонко чувствующими. „Художество есть дѣло серіозное, дѣло народное, восклицаетъ онъ въ одной статьѣ. Какая ему нужда до того что въ извѣстномъ господинѣ или въ извѣстной госложѣ развились черезъ мѣру утонченныя потребности?“ Нѣтъ, отвѣтили бы мы Григорьеву, художеству большая нужда до утонченныхъ потребностей, потому что весь успѣхъ цивилизаціи измѣряется тѣмъ что общество отъ потребностей грубыхъ, животныхъ, переходитъ къ потребностямъ тонкимъ, развитымъ, къ потребностямъ нравственнаго, мыслящаго и эстетическаго существованія; и это ужь ваша вина если при словахъ „тонкія потребности“ въ вашемъ представленіи ничего не возникаетъ кромѣ батистоваго бѣлья, шампанскаго и французскихъ кокотокъ.

Такое субъективное отношеніе къ образованному обществу раздѣляетъ съ Григорьевымъ большинство русской литературы, и мы не разъ имѣли уже случай указывать на него въ нашихъ статьяхъ. Откуда оно исходитъ, здѣсь не мѣсто судить, но нельзя не указать что между прочимъ оно питается страннымъ, какъ бы намѣреннымъ непониманіемъ этой среды. По мнѣнію русскихъ писателей (за исключеніемъ конечно корифеевъ литературы, каковы графъ Толстой, гг. Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій) образованное общество есть вопервыхъ, свѣтское, то-есть паркетное, и вовторыхъ, совсѣмъ не русское. Это довольно удивительно въ странѣ гдѣ напримѣръ одинъ г. Тургеневъ создалъ цѣлую коллекцію дворянскихъ типовъ, совсѣмъ не свѣтскихъ въ паркетномъ смыслѣ. Еще удивительнѣе покажется субъективность лжедемократическихъ тенденцій современной литературы, когда мы обратимъ вниманіе какимъ невѣдомымъ объектомъ представляется этой литературѣ такъ-называемый „свѣтскій“ человѣкъ „въ его отношеніяхъ къ общимъ культурнымъ формамъ“. Напримѣръ, по поводу повѣстей графа Сологуба, Григорьевъ, похваливъ автора за то что онъ умѣетъ подмѣтить пошлыя черты въ своихъ геройхъ, тутъ же замѣчаетъ: „но вся бѣда въ томъ что только эти черты кажутся ему (автору) пошлыми, тогда какъ выдѣланныя (то-есть европейскія) гораздо пошлѣе. Возьмемъ, продолжаетъ критикъ— самый крайній случай: положимъ что подкладка, тщательно

скрытая, какого-нибудь свѣтскаго господина, усвоившаго себѣ и англійскій флегматизмъ, и французскую наглость, есть просто натура избалованнаго барченка, или положимъ что одна изъ блестящихъ героинь графа Сологуба, въ родѣ графини Воротынской, вся сдѣланная, вся воздушная, наединѣ съ своею горничной выскажетъ тоже натуру обыкновенной и по-русски избалованной барышни: настоящая натура героя или героини все-таки лучше (пожалуй хоть только въ художественномъ смыслѣ) ея или его *дѣланной* натуры; ужь потому только что дѣланная натура есть всегда повторенная." Оставляя въ сторонѣ прямой смыслъ этой критической причуды, ибо о вкусахъ какъ извѣстно не спорятъ, мы хотимъ обратить вниманіе только на косвенный смыслъ вышеприведенныхъ строкъ. Въ русскихъ герояхъ и героиняхъ изъ образованной среды, по замѣчанію Григорьева, европейская внѣшность часто прикрываетъ русскую грубость и самодурство; а потому критикъ полагаетъ что типы эти совсѣмъ не интересны, и заниматься ими литературѣ нашей не слѣдуетъ. Какъ же такъ однако? Развѣ содержаніе всей русской жизни со временъ Петра не заключается именно въ борьбѣ двухъ элементовъ, западно-европейскаго и самобытно русскаго, стремящихся къ ассимиляціи? Помилуйте, да вѣдь эти типы, таящіе русскую подкладку подъ европейскою внѣшностью, двѣсти лѣтъ служатъ показателями нашихъ успѣховъ, нашего гражданскаго роста въ каждую данную эпоху, и конечно не даромъ занимались ими и Кантемиръ, и Державинъ, и Фонъ-Визинъ, и Грибоѣдовъ, и другіе! Вся наша литература понимала что взаимное отношеніе европейскихъ и русскихъ элементовъ—дѣло высочайшей важности, и постоянно искала живыхъ выразителей этого отношенія. Только тогда когда ассимиляція этихъ элементовъ окончательно совершится, когда на мѣсто простонароднаго русскаго типа явится національный русскій типъ, когда европейское также мало будетъ обезличивать русское, какъ мало обезличиваетъ оно французское, англійское, нѣмецкое, только тогда исчезнетъ интересъ къ этимъ типамъ, въ которыхъ русское и европейское еще живетъ въ полномъ разладѣ, не соединяясь химически и не найдя для себя никакой законнорожденной въ этомъ сосѣдствѣ формы. Не понимать этого можно только при томъ замѣчательномъ отсутствіи историческаго

чувства, на которое постоянно приходится указывать въ сочиненіяхъ Григорьева.

Мы охотно допускаемъ что неправильный взглядъ на произведенія Лермонтова и Гончарова отчасти вытекалъ у Григорьева изъ его славянофильской тенденціи, отчасти же представляется жертвою его личныхъ симпатій и антипатій. Гораздо труднѣе найти оправданіе тѣмъ положительнѣ страннымъ сужденіямъ какія онъ высказываетъ по поводу *Дворянскаго Гнѣзда*. Извѣстно что это единственное произведеніе г. Тургенева въ которомъ чувствуется славянофильское вѣяніе; по крайней мѣрѣ герой повѣсти, Лаврецкій, носитъ на себѣ несомнѣнный славянофильскій оттѣнокъ, въ особенности если взять во вниманіе что ему не безъ цѣли противопоставленъ Паншинъ. Развязка повѣсти, то-есть удаленіе Лизы въ монастырь и смиреніе Лаврецкаго предъ „западническимъ“ типомъ своей жены, тоже всегда вызывала полное сочувствіе людей съ нѣсколько славянофильскимъ складомъ мыслей. Такимъ образомъ *Дворянское Гнѣздо* должно было быть очень сочувственно Григорьеву, и дѣйствительно общій смыслъ статей его объ этомъ произведеніи—хвалебный. Однако, при восторженномъ вообще тонѣ Григорьева, мы ожидали въ этомъ случаѣ похвалъ гораздо болѣе горячихъ, зная заранѣе что всѣ симпатіи критика на этотъ разъ совладаютъ съ симпатіями автора. На повѣрку вышло что восторги Григорьева предъ *Дворянскимъ Гнѣздомъ* довольно умѣреннаго свойства, и разбавлены сужденіями чрезвычайно страннаго смысла. Во-первыхъ, славянофильскія требованія критики не вполнѣ удовлетворены авторомъ. Григорьевъ очевидно недоволенъ развязкой повѣсти, ему не нравится что борьба въ ней разыгрывается въ пичью, что Лаврецкій не истребляетъ всѣхъ порожденныхъ на Руси западниковъ и не водружаетъ побѣдоносно славянофильское знамя. Во-вторыхъ, Григорьевъ недоволенъ и самимъ Лаврецкимъ, находя что онъ недостаточно славянофиленъ, что авторъ придалъ ему нѣкоторыя черты Паншина, и наоборотъ, украсилъ Паншина нѣкоторыми чертами Лаврецкаго. Самое удивительное, что по этому поводу высказываетъ Григорьевъ, заключается въ претензіи: зачѣмъ Лаврецкій влюбился въ барышню, а не въ простую дѣвку. „Почему жажда любви у него,—замѣчаетъ критикъ,—устремилась не на первую хорошенькую женщину, хоть бы она

была горничная, а непремѣнно на исключительную, по крайней мѣрѣ на кажующуюся исключительною женскую личность, и личность тонко развитую,—почему первое чувство любви есть у Лаврецкаго нѣкоторымъ образомъ сдѣланное, искусственное, подготовленное мечтами объ идеалѣ—не показано." Въ этомъ неподражаемомъ замѣчаніи Григорьевъ высказался весь. Онъ не въ состояніи простить г. Тургеневу, зачѣмъ такой симпатичный герой, какъ Лаврецкій, влюбляется въ „тонко-развитую женскую личность", а не въ дворовую дѣвушку. Это почти такой же непростительный грѣхъ, какъ и грѣхъ г. Гончарова любующагося Ольгой. Хорошій человѣкъ непремѣнно долженъ ломѣщать свои чувства въ „простыхъ русскихъ женщинахъ" и какъ огня бѣгать дѣвушекъ образованнаго круга, потому что иначе его чувство будетъ сдѣланное, искусственное... За этотъ грѣхъ Григорьевъ отводитъ *Дворянскому Гнѣзду* мѣсто рядомъ съ *Воспитанницей* г. Островскаго и даже увѣряетъ что и въ публикѣ впечатлѣніе сдѣланное обоими произведеніями было равносильно... Впрочемъ, такъ какъ г. Островскаго славянофильскій критикъ считаетъ выше Шекспира и Пушкина, то такое сосѣдство должно быть очень лестно для г. Тургенева.

До сихъ поръ, однако, мы видимъ только возраженія, вытекающія болѣе или менѣе изъ образа мыслей, личныхъ вкусовъ и симпатій; но Григорьевъ даетъ также эстетическую и даже чисто техническую критику этой замѣчательнѣйшей русской повѣсти пятидесятыхъ годовъ. Тутъ уже помимо всякихъ личныхъ воззрѣній и сочувствій сказалось просто непониманіе дѣла. Извѣстно что со стороны искусства, техники, архитектуры, *Дворянское Гнѣздо* есть лучшее произведеніе г. Тургенева, вообще большаго мастера въ литературной техникѣ. Обдуманность, стройность, соразмѣрность плана въ этой повѣсти удивительная; сжатость драматическаго развитія, ловкость съ какою переплетаются всѣ нити фабулы, экономія подробностей, необходимость и умѣстность всѣхъ вводныхъ лицъ, искусство съ какимъ эти лица ярко очерчены немногими строками, вообще зрѣлость созданія, интересъ котораго занимаетъ чрезвычайно трудную средину между интересомъ фабулы и интересомъ психологическимъ и философскимъ, все это въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ* въ высокой степени безукоризненно. Для лучшаго уясненія техническихъ достоинствъ повѣсти, можно указать напримѣръ

на личность старика-музыканта, Лемма. Казалось бы, личность совершенно посторонняя, и вся внѣшняя роль его въ фабулѣ заключается въ томъ что онъ передаетъ Лизѣ записку Лаврецкаго. Но какъ необходима, какъ мастерски поставлена его внутренняя роль въ драмѣ! Леммъ—это истолкователь поэтическаго содержанія и тона произведенія. Все что̀ поэтически звучитъ въ душѣ Лаврецкаго, въ душѣ Лизы, имѣетъ такъ-сказать свое параллельное теченіе въ Леммѣ. Пока ихъ отношенія невыяснены, сомнительны, вялы, невдохновенны, Леммъ сохраняетъ жалкую, полустрадальческую, полукомическую фигуру бѣдняка, тщетно и мучительно ждущаго пробужденія силы и жизни; вдохновеніе спитъ въ немъ. Но вотъ драма между героемъ и героиней достигаетъ своего яркаго, страстнаго момента, и въ этотъ самый моментъ изъ чердака гдѣ живетъ Леммъ раздается внезапная, чудная и сильная мелодія, прорвавшіеся звуки текутъ въ разверстую душу Лаврецкаго, и читатель чувствуетъ какъ отражается въ немъ самомъ это страстное вдохновеніе, въ которомъ все разомъ совпало—и счастье Лаврецкаго, и вдохновеніе автора, и вдохновеніе жалкаго старика-музыканта. Это не только художественно въ техническомъ смыслѣ, это очень глубоко по идеѣ, потому что невольно говоритъ читателю, какъ поэтическіе элементы въ жизни тайно питаютъ другъ друга и тайно зажигаются одинъ о другой силою какого-то невѣдомаго процесса.

Григорьевъ понялъ что Леммъ назначенъ выражать „лирическое настроеніе Лаврецкаго въ иныя минуты“, но находитъ что онъ *придѣланъ* къ драмѣ, что онъ неправильно поставленъ между Лаврецкимъ и Паншинымъ (причемъ тутъ Паншинъ? неужели критикъ вспомнилъ о немъ только потому что Леммъ не одобряетъ его романса?) Что онъ вообще лицо сочиненное и излишнее, что онъ „стоитъ только какъ тѣнь Бетховена“ и т. д.

Вдумываясь въ это странное непониманіе Лемма—странное потому что Григорьевъ во всякомъ случаѣ былъ эстетически образованный критикъ,—мы приходимъ къ предположенію что непріязненныя отношенія творца „органической“ критики къ Лемму имѣютъ свою причину. Леммъ—Нѣмецъ; между тѣмъ изъ всѣхъ выведенныхъ въ повѣсти лицъ онъ по натурѣ своей ближе всѣхъ подходитъ къ Лаврецкому. Авторъ показалъ въ Леммѣ такія симпатичныя черты, такъ

много искренности, глубины, правды, поэтическаго содержанія—и вмѣстѣ такъ много смиренія что онъ и Лаврецкій во все теченіе драмы постоянно и вполнѣ понимаютъ другъ друга. Такимъ образомъ авторъ въ фигурѣ Лемма возвысился до уразумѣнія общечеловѣческихъ элементовъ хорошей натуры, что̀ при извѣстномъ славянофильскомъ упорствѣ Григорьева не могло ему понравиться: зачѣмъ молъ русскому писателю сочинять Нѣмца, да еще въ такой симпатичной формѣ?

Всѣ эти шалости „органической критики“ могли бы быть очень извинительны, еслибы Григорьевъ не усилился возвести ихъ въ цѣлую систему, пожалуй даже и вѣрную въ своемъ основаніи, но сдѣлавшуюся очень ложною благодаря натяжкамъ, крайностямъ и ревнивой нетерпимости. Вѣдь если мы возьмемъ точку отправленія „органической критики“, то-есть ту мысль что литература должна быть національна, что русскій художникъ долженъ искать русскихъ типовъ, а не французскихъ или испанскихъ, то конечно никто противъ этой мысли возражать не станетъ. Противъ нея можетъ быть сдѣлано только одно возраженіе, именно: что тезисъ этотъ подразумѣвается самъ собою, что это не идеалъ, поставленный впереди художника, а нѣчто безъ всякаго сомнѣнія постоянно находящееся при немъ. Но изойдя изъ этой, столь обыкновенной точки отправленія, „органическая критика“ вдругъ начинаетъ говорить явныя несообразности и заставляетъ догадываться что понимаетъ вещи гораздо уже и субъективнѣе чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Мы видѣли, напримѣръ, что выраженіе „національная литература“, съ которымъ всякій охотно согласится, Григорьевъ въ умѣ своемъ замѣняетъ выраженіемъ „простонародная литература“, съ чѣмъ согласиться уже невозможно. Если изъ того что̀ было сказано по этому вопросу выше читатель еще не убѣдился что подъ національностью Григорьевъ разумѣлъ не что̀ иное какъ простонародность, то слѣдующія слова его должны разсѣять всякія сомнѣнія. „Для меня лично, читаемъ въ статьѣ его *Послѣ Грозы Островскаго*, написанной въ формѣ письма къ И. С. Тургеневу,—человѣка въ народъ вѣрующаго и давно, прежде вашего Лаврецкаго, воспитавшаго въ себѣ смиреніе предъ народною правдой, пониманіе и чувство народное составляютъ высшій критеріумъ, допускающій надъ собою въ нуж-

ныхъ случаяхъ повѣрку однимъ уже только послѣднимъ, самымъ общимъ критеріумомъ христіанства. Не народъ существуетъ для словесности, а словесность (въ самомъ обширномъ смыслѣ, то-есть какъ все многообразное проявленіе жизни въ словѣ) для народа, и не словесностью создается народъ, а народомъ словесность. Всякая же словесность, которая думаетъ создать или пересоздать народъ... Но здѣсь я лучше локамѣсть остановлю рѣчь свою и не докончу мысли, какъ Гамлетъ не доканчиваетъ фразы: „И если солнце зарождаетъ червей въ дохлой собакѣ“...

Чего же яснѣе? Словесность не только должна заниматься народомъ, но даже читаться должна только народомъ, и вкусъ народа—высшій судья въ искусствѣ, и надъ этимъ судьей стоитъ развѣ одно только евангельское откровеніе. И это еще не все: даже никакихъ претензій на нравственное, воспитательное дѣйствіе на народъ литература не смѣетъ имѣть, потому что какже воспитывать того, кто представляетъ такъ-сказать вторую инстанцію послѣ христіанства? И это еще не все: литература должна быть просто-напросто создана народомъ, и да погибнетъ всякая словесность кромѣ народной.

Дальше идти разумѣется невозможно. Ставъ на такую точку зрѣнія, остается только отложить перо, скрестить руки—и ликовать что народъ читаетъ *Похожденія англійскаго милорда Георга* и не читаетъ Пушкина. Итакъ какъ пониманіе и чувство народное есть высшій критеріумъ, повѣряемый развѣ однимъ христіанствомъ, то слѣдуетъ признать что *милордъ Георгъ* неизмѣримо выше *Бориса Годунова*. Да и что̀ такое Пушкинъ? Органическаго критика и самъ Шекспиръ не затрудняетъ. Въ той же упомянутой статьѣ по поводу *Грозы* г. Островскаго, Григорьевъ съ величайшимъ сочувствіемъ и даже пафосомъ говоритъ слѣдующее: „Появленіе комедіи *Свои люди сочтемся*, какъ событіе слишкомъ яркое, выдвигавшееся далеко изъ ряда обычныхъ, надѣлало много шуму, но не вызвало ни одной дѣльной критической статьи. Комедія изумила критику, и комическое отношеніе критики къ комедіи изображено смѣлыми, остроумными, хотя и рѣзкими чертами въ остроумной шуткѣ Эраста Благонравова: *Сонъ по случаю одной комедіи*. Въ этой шуткѣ, написанной со всѣмъ благороднымъ пыломъ юности, со всѣмъ увлеченіемъ правды, въ шуткѣ, взбѣсившей до нельзя тог-

дашнюю критику—высказанъ былъ впервые даровитымъ критикомъ-юмористомъ глубоко-вѣрный взглядъ на различіе новаго таланта, появившагося въ нашей литературѣ, отъ таланта Гоголя." Само собою разумѣется что въ этой мнимоостроумной шуткѣ Эраста Благонравова, составляющей, если не ошибаемся, ребяческій грѣхъ одного недавно умершаго въ Москвѣ поэта, въ параллели между Гоголемъ и Островскимъ всѣ преимущества оказываются на сторонѣ послѣдняго. Но это еще куда не шло; а вотъ чѣмъ оканчивается „шутка" (она написана въ формѣ разговора):

„Хоръ. Что же, по вашему мнѣнію, вѣрнѣе природѣ: новая комедія или *Каменный Гость?*

„Молодой человѣкъ. Разумѣется, новая комедія. *Каменный Гость* вопервыхъ уже потому хуже новой комедіи что въ немъ есть несообразности, которыхъ въ ней нѣтъ. Такъ, въ немъ является и говоритъ статуя командора, а статуя вѣдь ходить и говорить не можетъ; кромѣ того въ ней еще тотъ недостатокъ что дѣйствующія лица не конкретны въ отношеніи къ языку. Ихъ языкъ можно перевести по-каковски вамъ угодно, и они отъ этого ничего не потеряю тъ. Новая же комедія непереводима.

„Хоръ. Ну, а Шекспира можно переводить?

„Молодой человѣкъ. Можно; но оттого его произведенія и ниже новой комедіи."

Да не подумаютъ читатели что называя статью Эраста Благонравова шуткой, Григорьевъ хочетъ тѣмъ показать шутливое къ ней отношеніе. Напротивъ, онъ принимаетъ это ребячество какъ нельзя серіознѣе, онъ возмущается тѣмъ что остальная критика не раздѣляетъ того же мнѣнія о комедіи г. Островскаго. О чемъ бы онъ ни писалъ, онъ всегда свернетъ на любимое свое положеніе: русская литература выше европейской, а г. Островскій выше русской литературы. Даже похваливая Пушкина, котораго онъ цѣнитъ весьма высоко, Григорьевъ какъ будто каждымъ словомъ хочетъ сказать: а все-таки г. Островскій лучше! Впрочемъ одинъ разъ, только одинъ разъ Григорьевъ усомнился, дѣйствительно ли выше комедій г. Островскаго нѣтъ ничего въ русской литературѣ—именно когда вышла книга: *Хожденія и странствія инока Парѳенія.* Книга эта, по словамъ Григорьева, геніально талантливая, прочитана всею серіозно-читающею Русью, отъ мала до велика, и произвела нѣсколько перево-

ротовъ и потрясеній. Къ сожалѣнію, произведеніе это мнѣ неизвѣстно, и я лишенъ возможности судить, насколько авторъ ея оспариваетъ у г. Островскаго пальму первенства въ русской и всемірной литературѣ.

Мы довольно долго „блуждали“ вмѣстѣ съ Григорьевымъ въ области, представляющей несомнѣнный и живой интересъ, и кажется не пришли еще ни къ какому прямому выводу, кромѣ развѣ относящагося собственно къ литературной дѣятельности самого Григорьева. Но насъ гораздо болѣе занимаетъ его задача чѣмъ его попытки къ разрѣшенію ея. Вопросъ о національности въ литературѣ, лежащій въ основѣ „органической критики“, есть вопросъ чрезвычайной важности. Самъ Григорьевъ, къ сожалѣнію, отнесся къ нему слишкомъ неудовлетворительно и скорѣе запуталъ его чѣмъ уяснилъ. Мы видѣли что онъ гораздо чаще руководился личными вкусами чѣмъ принципами „органической критики“, и что половина его критической дѣятельности потрачена на рискованныя усилія соорудить г. Островскому пьедесталъ выше „Наполеонова столпа“, на борьбу со свѣтскими барышнями и на мучительное изслѣдованіе такихъ никому не нужныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ: имѣетъ ли русскій художникъ право изображать гитпанскіе типы, и т. п. Но мысль что литература должна стремиться къ національности, есть безспорно вѣрная мысль, однако вѣрная только въ такомъ случаѣ, когда самое понятіе о національности установлено правильно. Національность въ ея духовныхъ проявленіяхъ, т.-е. въ искусствѣ, въ литературѣ, въ наукѣ, есть результатъ извѣстной зрѣлости народной, извѣстнаго культурнаго богатства, достигшаго самобытности. Такое богатство можетъ быть накоплено лишь участіемъ всѣхъ составныхъ элементовъ націи. Ограничивая понятіе народности понятіемъ простонародности, мы осуждаемъ литературу на коснѣніе въ неподвижныхъ архаическихъ формахъ. Простонародное творчество съ вѣками не развивается, а изсякаетъ. Если мы сравнимъ какіе-нибудь новѣйшіе продукты непосредственнаго народнаго творчества съ памятниками народной поэзіи отдаленнѣйшихъ временъ, мы конечно отдадимъ предпочтеніе послѣднимъ. Былины и пѣсни глубокой старины безъ сомнѣнія неизмѣримо поэтичнѣе того что слагаетъ нынче народъ. Требовать отъ образованной искусственной литературы чтобъ она была простонародна, зна-

читъ требовать поддѣлокъ, ненужныхъ самому народу. Національность имѣетъ смыслъ несравненно обширнѣйшій. У Англичанъ, у Нѣмцевъ, у Французовъ, литература національна, хотя вовсе не простонародна. Зная что наши образованные классы заимствовали свою образованность у Европы, мы вообразили что они потеряны для національности, что націоналенъ въ Россіи остался только мужикъ. Это едва ли не самое дѣтское изъ всѣхъ заблужденій распространенныхъ въ нашей литературѣ. Заимствованность есть переходный моментъ, хотя и длящійся болѣе столѣтія. Когда переселенецъ является воздѣлывать дѣвственную ниву, онъ бросаетъ въ нее сѣмя, снятое съ чужой нивы. Мы не могли, пересаждая къ себѣ европейскую образованность, въ то же время сообщить ей свой національный отпечатокъ. Онъ выступаетъ мало-по-малу, путемъ органическаго историческаго процесса, въ которомъ участвуютъ и стихійные элементы народной жизни, и формы заимствованной цивилизаціи. Индивидуальное, народное сохраняется въ типовомъ европейскомъ. Европейскіе народы, принявъ наслѣдованную отъ древняго міра общую цивилизацію, не сдѣлались нео-Римлянами, но выработали каждый свой особый національный обликъ. Подобное же происходитъ у насъ; уже и теперь народные элементы значительно всосались въ верхніе слои нашей жизни, и большинство образованныхъ русскихъ людей нисколько не смахиваетъ на иностранцевъ и не поражаетъ тѣмъ раздвоеніемъ французскихъ формъ съ русскою подкладкой какимъ отличались наши дѣды и прадѣды. Стихія народная вступаетъ все въ тѣснѣйшее соединеніе со стихіей общеевропейскою, и результатомъ этого духовнаго химическаго процесса явится національный русскій типъ и настанетъ эпоха національнаго творчества.

А.

СОВРЕМЕННЫЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Еще миновалъ мѣсяцъ, еще покрылся именами тысячъ новыхъ жертвъ скорбный листъ безпощадной, неравной борьбы, звѣрскаго укрощенія, кровавой мести! Потоки крови не изсякали, въ пепелъ и разореніе приводился цѣлый христіанскій край, цѣлыя населенія гибли.... и наконецъ свершилось то чего неминуемо должно было ожидать: численная грубая сила взяла верхъ надъ отвагой и мужествомъ народной горсти, выступившей на защиту своихъ братьевъ, на обузданіе безчеловѣчныхъ неистовствъ, на отстояніе правъ человѣчества и христіанства противъ дикаго разгула мусульманской орды!

Четыре мѣсяца длилась кровавая борьба, и стóитъ лишь взглянуть безпристрастно на составъ противниковъ чтобъ окончательно рѣшить, на чьей сторонѣ должно признать дѣйствительный, настоящій перевѣсъ. Съ одной стороны—милліонное съ небольшимъ населеніе, съ регулярною силой едва сложившеюся и не превышавшею двѣнадцати тысячъ человѣкъ, съ казной едва достаточною на мирный повседневный обиходъ, населеніе не за долго еще не знавшее что̀ такое носить оружіе и подъ страхомъ смерти не смѣвшее за него браться; съ другой, всѣ организованныя военныя силы цѣлаго государства, собирающаго свои вооруженныя силы съ трехъ материковъ, истощавшаго всѣ свои средства на одно лишь

понимаемое имъ въ строѣ европейской цивилизаціи усовершенствованіе силы матеріальной, то-есть той которая дала ему ступить на европейскую почву и одна лишь даетъ еще точку опоры его разлагающемуся организму. Мирный сельчанинъ, пахарь, взятый отъ сохи, съ одной стороны, и въ полномъ вооруженіи всѣхъ новѣйшею наукой изобрѣтенныхъ разрушительныхъ средствъ несмѣтныя полчища фанатизованныхъ изувѣровъ, съ другой,—вотъ тѣ элементы, которые со дня на другой стали лицомъ къ лицу, вотъ та пропорція, въ которой они столкнулись. Контингентъ первыхъ былъ сразу весь на лицо; убыли вознаграждать было нечѣмъ ни въ людяхъ, ни въ средствахъ. Контингентъ вторыхъ—неизсякаемый источникъ всего, рожденнаго съ оружіемъ въ рукахъ, мусульманскаго населенія Египта, Малой Азіи и Балканскаго полуострова, съ опорой на регулярныя силы, считающіяся не десятками, а сотнями тысячъ и со средствами неистощимо получаемыми отъ грабежа!

При таковыхъ обоюдныхъ условіяхъ что же мы видѣли въ эти послѣдніе четыре мѣсяца, и гдѣ эти пресловутые успѣхи и побѣды турецкаго оружія, которые въ запуски воспѣваются французскими и австрійскими туркофилами? Даже послѣдній погромъ вчерашняго дня что даетъ въ результатѣ? Едва нѣсколько лишнихъ верстъ, пройденныхъ турецкими полчищами отъ границы на сербскую территорію. Послѣдствія могутъ, конечно, быть важны, и важны въ томъ отношеніи что силы оборонительныя таютъ и таютъ безвозвратно, между тѣмъ какъ силы наступательныя ежедневно пополняются новыми наплывами всевозможныхъ ордъ! И продлись это положеніе еще нѣсколько мѣсяцевъ,—пришлось бы, чего добраго, и на самомъ дѣлѣ Европѣ править тризну надъ сербскою народностью, а Портѣ—безвозбранно подписать status quo опустошенной и обезлюденной мѣстности, когда-то слывшей подъ именемъ Сербскаго княжества.

Случайность эта не ускользнула отъ вниманія Европы, и вся забота ея въ послѣднее время была сосредоточена на томъ чтобъ остановить безплодное кровопролитіе. Вотъ уже скоро годъ какъ она молвила свое первое слово въ событіяхъ обуревающихъ Востокъ, и три раза съ тѣхъ поръ періодически подымалась завѣса, за которою идетъ подготовительная дипломатическая работа къ разрѣшенію дѣла.

Въ первый періодъ задача ея дѣятельности обозначалась

официально принятымъ терминомъ локализаціи борьбы и программой реформъ для христіанскихъ населеній Босніи и Герцеговины. Осязательнымъ проявленіемъ этого періода были, съ одной стороны, энергическій напоръ на Сербское и Черногорское правительства, съ тѣмъ чтобъ отклонить и удержать ихъ отъ всякаго вооруженнаго вмѣшательства, а съ другой — предъявленіе Портѣ пресловутой Андрашевской ноты.

Въ послѣднемъ политическомъ обозрѣніи *Русскаго Вѣстника* (за сентябрь) мы представили подробный разборъ этого акта и не имѣемъ ничего прибавить къ доказательствамъ его несостоятельности. Сами событія дали его оцѣнку.

Второй періодъ дипломатической дѣятельности обозначается Берлинскимъ меморандумомъ. Тутъ впервые проглядываетъ угроза напора и на Турецкое правительство, отъ котораго рѣшались наконецъ требовать осуществленія хотя бы одного изъ обѣщаній, расточенныхъ въ ираде 2 октября и въ фирманѣ 12 декабря 1875 года и резюмированныхъ въ нотѣ графа Андраши.

Нельзя, конечно, судить о томъ исходѣ какой бы *могъ имѣть* этотъ новый шагъ державъ еслибъ ему было дано переступить порогъ Порты. Но на этотъ порогъ стала Англія, а за порогомъ, тутъ же, одинъ вслѣдъ за другимъ, два султана лишились—одинъ—своей жизни, другой—своего разума, и Европѣ пришлось уже не обсуждать, а лишь заносить въ лѣтопись XIX столѣтія тотъ рядъ кровавыхъ ужасовъ который, начиная съ Салоникской рѣзни, охвативъ всю сѣверную часть Балканскаго полуострова, усѣялъ тысячами мученическихъ жертвъ поля Болгаріи и истощаетъ въ безпощадной борьбѣ лучшія живыя силы христіанскаго народа!

Но изъ самихъ ужасовъ этихъ, возмутившихъ общественную совѣсть всего міра, и подъ давленіемъ небывалаго взрыва общественнаго мнѣнія, явилось, наконецъ, даже въ Британскомъ правительствѣ сознаніе необходимости положить предѣлы дикому разгулу его кліента на Босфорѣ.

И здѣсь мы вступаемъ въ третій періодъ дѣйствія:

Появилась новая программа, столь же краткая сколько, въ существенной своей части, неопредѣленная, и взамѣнъ ноты графа Андраши и Берлинскаго меморандума были предъявлены Портѣ такъ-называемыя англійскія предложенія:

1) Шестинедѣльное перемиріе.

2) Административная автономія для Болгаріи, Босніи и Герцеговины, и

3) Status quo ante bellum для Сербіи и Черногоріи.

Здѣсь сразу пришлось державамъ наткнуться на такой фокусъ какого, конечно, не найти примѣра въ лѣтописяхъ международныхъ сношеній.

„Вы желаете", отозвалась Порта, „*шестинедѣльнаго* перемирія? Я вамъ предлагаю *шестимѣсячное*. Вы желаете реформъ для *трехъ* провинцій? Я предлагаю либеральную форму правленія, конституціонную, *для всѣхъ христіанъ моей имперіи*, обще со всѣми прочими моими подданными всѣхъ безъ различія исповѣданій. На status quo для Сербіи и Черногоріи я согласна."

Чего, кажется, лучше! Чего удовлетворительнѣе можно было ожидать?

И дѣйствительно, вся туркофильская печать, и въ Вѣнѣ, и въ Кельнѣ, и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ, откликнулась восторженнымъ паѳосомъ на этотъ ловкій оборотъ данный въ Константинополѣ требованіямъ европейскаго ареопага.

„Это ли", восклицалъ оттуда умиленный корреспондентъ *Journal des Débats*, „это ли, скажутъ, не слушать добрыхъ совѣтовъ? Это ли не уступки? Требуютъ отъ Порты единицу,—она даетъ десять!"

Но пока грубая шутка облетала столицы Европы и питала своею оригинальностью столбцы всесвѣтныхъ ефемеридныхъ дѣятелей, предложенія Порты взвѣшивались на вѣсахъ здраваго смысла и той непоколебимой цѣли, которую съ перваго же дня Россія себѣ предназначила и указала своимъ союзникамъ: *По возможности, безъ нарушенія мира, оградить христіанскую Европу отъ возобновленія тѣхъ волненій, тревогъ, ужасовъ, которые ей періодически приходилось доселѣ кровавыми чертами заносить въ лѣтописи XIX вѣка!*

На этихъ вѣсахъ правда не могла не имѣть перевѣса,—и вотъ первый шагъ къ ея торжеству сдѣланъ: бойня пріостановлена, и два мѣсяца относительнаго отдыха заручены чтобъ обсудить и привести въ дѣло благія, человѣколюбивыя намѣренія, стоящія во главѣ требованій европейскихъ державъ. Достаточно ли будетъ этого срока для завершенія великаго дѣла—это другой вопросъ; но не обину-

лись можно сказать что онъ стоитъ въ непремѣнной зависимости отъ степени добросовѣстности, съ какою примутся за разрѣшеніе задачи и какую мы встрѣтимъ не только со стороны Порты, но и, скажемъ наиглавнѣйше, среди нашихъ западныхъ сообщниковъ.

Если рѣчь пойдетъ съ тою заднею мыслію что турецкимъ полчищамъ, согнаннымъ къ берегамъ Дуная съ береговъ Нила, Тигра и Евфрата, трудно продолжать свои побѣдоносные подвиги среди дождей, снѣговъ и стужи непривычнаго имъ климата, что турецкому флоту бороться противъ зимнихъ непогодъ Чернаго Моря также не безопасно, что, наконецъ и Балтика, впредь до марта мѣсяца, не дозволитъ, пожалуй, какому-нибудь адмиралу Гоббарту сдѣлать диверсію въ направленіи къ Кронштадту; если, говоримъ мы, въ этомъ смыслѣ нужно было выиграть время, то нѣтъ сомнѣнія что *шестимѣсячный срокъ*, ставившійся Портой условіемъ sine qua non перемирія и столь упорно ею отстаивавшійся, имѣлъ и не перестаетъ имѣть свою существенную цѣль. И съ этой точки зрѣнія будетъ также въ свое время понятно и то что къ 20 декабря *окажется необходимымъ продлить перемиріе* еще на нѣсколько недѣль, а тамъ минуетъ зима, настанетъ весна, и ipso facto цѣль будетъ достигнута,—время выиграно и съ пользой употреблено на должную и военную и матеріальную подготовку для встрѣчи грядущихъ событій.

Если, съ другой стороны, на совѣщаніяхъ имѣющихъ открыться цѣль общехристіанская, общечеловѣческая и общеевропейская будетъ подчинена своекорыстнымъ стремленіямъ преобладанія,—чувствамъ зависти, подозрѣнія и недовѣрія, и вообще враждебному настроенію эгоистично-меркантильнаго или клерикальнаго свойства, то опять понятно что ни въ два, ни въ четыре, ни въ шесть мѣсяцевъ нельзя ожидать соглашенія, и что въ данный моментъ время *выигранное* для однихъ окажется для другихъ временемъ утраченнымъ, невозвратимымъ!....

Устраняя однако эти зловѣщія гипотезы и смотря на дѣло прямо, безъ заднихъ съ чьей-либо стороны мыслей,—на дѣло какъ оно должно быть, и инымъ быть не можетъ, мы не видимъ причины къ чему тутъ запасаться временемъ, не видимъ что̀ оно можетъ принести въ облегченіе задачи.

Въ матеріальномъ отношеніи для воюющихъ сторонъ,—разоренныхъ и та, и другая,—каждый лишній день военнаго

положенія отзывается лишнимъ разореніемъ; не легче оно отзывается на коммерческихъ интересахъ всей Европы и на ея внутреннихъ порядкахъ, а въ особенности для тѣхъ двухъ сосѣдей пожарища, которыхъ усилія должны клониться не къ тому только чтобы *притушить* его—а разъ на всегда *потушить*—и очистить почву отъ тѣхъ горючихъ матеріаловъ коими она усѣяна.

Но, говорятъ намъ, чего же требовать, чего желать лучше того что̀ сама Порта предлагаетъ, то-есть распространенія на всю Имперію тѣхъ благодатей самоуправленія которыхъ Европа домогается лишь для трехъ провинцій? „А если *слишкомъ общій характеръ* предложенія Порты“—толкуютъ на Западѣ, „и даетъ имъ *нѣкоторую неопредѣленность*, то и предложенія державъ, хотя и болѣе обособленныя, *не менѣе неопредѣленны* съ точки зрѣнія способа и условій исполненія“.

Дѣйствительно, эта *неопредѣленность* въ предложеніяхъ державъ есть—и она основана на самомъ терминѣ коимъ они обусловлены: *административная автономія*. Что̀ такое административная автономія? Какъ ее понимать? Это вопросы на которые можетъ быть дано столько же разныхъ отвѣтовъ сколько представится отвѣтчиковъ, коимъ они будутъ предложены. И на соглашеніе по этому вновь изобрѣтенному политическому термину можетъ быть безуспѣшно потрачено далеко болѣе шести мѣсяцевъ. Но, во всякомъ случаѣ, послѣ пережитыхъ двадцати годовъ, не требуется еще ни минуты времени чтобъ убѣдиться въ полнѣйшей и всесторонней несостоятельности Оттоманскаго правительства исполнить хотя бы одно изъ принятыхъ имъ обязательствъ, изъ данныхъ имъ обѣщаній а вслѣдствіе этого, повторяемъ мы, и настоящія предложенія его не могутъ и на часъ остановить хода переговоровъ.

И дѣйствительно: возьмемъ хотя бы послѣднія *временныя* правила изданныя въ Константинополѣ два перваго турецкаго *парламента* (!) имѣющаго собраться 1го будущаго декабря. Изъ одного лишь пункта этихъ правилъ выясняется весь смыслъ этой жалкой пародіи:

„Всякій состоящій турецкимъ подданнымъ, имѣющій двадцать пять лѣтъ отъ роду и владѣющій въ краѣ собственностью, избираемъ.... *Депутаты представляютъ не ту или другую провинцію, то или другое сословіе, но все населеніе Имперіи*“ (ст. 4).

Другими словами, судьбою и бытомъ христіанъ Турецкой имперіи будутъ заправлять магометане, которыхъ, если взять Турецкую имперію во всемъ ея составѣ, а не одну Европейскую ея часть, окажется втрое болѣе. И вотъ депутаты христіанскихъ населеній, которые въ турецкой палатѣ депутатовъ очутятся въ жалкомъ меньшинствѣ, не будутъ имѣть права и заикнуться о своихъ *мѣстныхъ* нуждахъ, ибо они отнюдь не должны являться представителями какой-либо *отдѣльной части*; а *всего валоваго состава Имперіи*.

Но предполагая даже и то что эта, такъ-называемая, палата депутатовъ были бы составлена поровну изъ христіанъ и мусульманъ, раждается другой вопросъ: кто будетъ предсѣдателемъ? Кѣмъ и какъ онъ назначается? Регламентъ о томъ умалчиваетъ, но нѣтъ сомнѣнія что званіе это въ турецкомъ парламентѣ можетъ быть предоставлено лишь правовѣрному. При раздѣлѣ же голосовъ поровну, голосъ предсѣдателя дастъ перевѣсъ. Спрашивается: въ какомъ вопросѣ касающемся христіанъ можно предполагать чтобы мусульманскій голосъ предсѣдателя оказался на ихъ сторонѣ? Въ какомъ вопросѣ значитъ могутъ они имѣть большинство, иначе успѣхъ?

Впрочемъ даже и этотъ столь проблематическій случай былъ повидимому предусмотрѣнъ, и рядомъ съ палатою депутатовъ установляется такъ-называемая палата господъ, Меджлисъ-и-Аяу, составленный изъ 30 и до 50 членовъ назначаемыхъ правительствомъ изъ высшихъ сановниковъ, улемъ и т. под. и имѣющій „пересматривать, утверждать или отвергать *согласно закону* (разумѣется шеріяту) постановленія и рѣшенія палаты депутатовъ“ (ст. 2).

Этихъ двухъ выписокъ достаточно чтобъ оцѣнить по достоинству эту новую попытку бросить пыль въ глаза легковѣрной Европѣ.

Нельзя впрочемъ и останавливаться на предположеніи чтобъ эта попытка удалась, и какъ уже намекаютъ западные вѣстовщики предполагается обратиться къ существующимъ въ Турціи автономіямъ чтобы формуловать ту которою предстоитъ надѣлить Болгарію, Боснію и Герцеговину.

Но здѣсь является другое опасеніе, вызываемое въ особенности тою ловкостью съ какою умѣютъ увертываться константинопольскіе политики когда дѣло идетъ о томъ чтобъ уберечь за собою исходную лазейку во всякой уступкѣ къ которой ихъ иногда вынуждаютъ обстоятельства.

Выбрать изъ рукъ по частямъ то что̀ какъ будто уступается въ общемъ, вотъ надъ чѣмъ постоянно изощряется, и по большей части не безуспѣшно, вся дипломатическая тонкость.

Возьмемъ напримѣръ хотя бы регламентъ объ устройствѣ Ливанской горы 1861 года. Первымъ и кореннымъ началомъ въ немъ постановлено что назначаемый въ Ливанъ генералъ-губернаторъ долженъ быть изъ христіанъ. Это же коренное начало будетъ по всей вѣроятности принято и для славянскихъ автономій.

Но вотъ на основаніи этого положенія и будетъ назначенъ хотя бы въ Болгаріи, какъ о томъ уже ходилъ слухъ, извѣстный египетскій дѣятель Нубаръ-паша, Армянинъ-католикъ. Для управленія гяуровъ-православныхъ Порта можетъ конечно столь-же безотчетно положиться на него какъ и на любаго изъ своихъ лашей правовѣрныхъ, и будутъ, изъ приблизительно двухмилліоннаго населенія, тысячь пять католиковъ сыты и довольны, а слѣдовательно будутъ довольны и австрійскій, и французскій, и италіянскій консулы; объ англійскомъ и говорить нѣчего. А русскій консулъ и все православное населеніе края, при первомъ словѣ о творящейся неправдѣ, будутъ превозглашены—одинъ агитаторомъ, другіе вѣчно недовольными бунтовщиками... Такъ будетъ себѣ дѣло идти до первой новой вспышки. А мы видѣли до какого пожара можетъ довести малѣйшая искра брошенная на эту злополучную почву.

И сколько въ томъ же смыслѣ придется тутъ предотвращать и предусматривать!

Итакъ, повторяемъ, вся суть грядущихъ совѣщаній, какъ и срокъ времени какой потребуется на ихъ успѣшное приведеніе къ желаемому результату, всецѣло и безспорно зависитъ отъ степени добросовѣстности съ которою со стороны всѣхъ будетъ къ нимъ приступлено и ведено дѣло.

Но сколь ни шатки въ этомъ отношеніи надежды на будущее въ виду всего пережитаго въ недавнемъ прошломъ, опора нравственная, несокрушимая какъ сама Россія, у насъ есть въ томъ фактѣ что въ настоящій періодъ дѣйствія идетъ во главѣ держава которая съ перваго же дня честно и добросовѣстно подняла и держитъ знамя мира и согласія, — знамя твердо покоящееся въ десницѣ Вѣнценоснаго Миротворца и которое лишь честь Россіи, будь она затронута, можетъ замѣнить въ его державной рукѣ Куликовскою хоругвію Донскаго!

В. НЕКЛЮДОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТАГО

СЕНТЯБРЬ.

Стр.

Рыбачій полуостровъ. Воспоминанія о поѣздкѣ на Ледовитый Океанъ. *А. П.* 5

Поэтъ Державинъ правитель намѣстничества (1785—1788). Гл. I—XV. *Графа Е. А. Саліаса* 66

Древніе памятники христіанства въ Тавридѣ. *Д. М. Струкова.* 121

Въ народъ! Разказъ. *А. Незлобина* 148

Разбитая кружка. (Съ санскритскаго). Стихотвореніе. *В. М.* 246

Сто лѣтъ назадъ. Окончаніе. *V. W.* 252

Жизнь растенія. Гл. IV.—V. *К. А. Тимирязева.* 291

Котъ. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Часть первая. Гл. I—XIII. *Д. И. Стахѣева.* 338

Двѣ судьбы. Романъ Уилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе 430

Двухмѣсячное пребываніе въ Константинополѣ въ смутное время съ 3 мая по 3 іюля. *Русскаго Туриста.* 462

Современныя политическія замѣтки. *В. С. Неклюдова* ... 491

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Какъ мы теперь живемъ. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. VIII—XVIII.

ОКТЯБРЬ.

Стр.

Объ образованіи основъ и временъ русскаго глагола. *Р. Г. Вестфаля*.... 507
Отъ Бѣлостока до Бѣловѣжской пущи. Путевыя замѣтки. Гл. I—IV *В. В. Крестоскаго*..... 523
Поэтъ Державинъ правитель намѣстничества (1785—1788). Окончаніе. *Графа Е. А. Саліаса*..... 567
Поѣздка изъ Константинополя въ Сараево въ 1874 году. *М—ка*..... 629
Лордъ Пальмерстонъ. Біографическій очеркъ *Р*..... 678
При Дворѣ. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть первая. *И. Л. Ласкосъ*..... 711
Ренегатъ. (Изъ Роберта Прутца.) Стихотвореніе. *Ѳ. Б. Миллера*..... 807
Время школьнаго ученія. Уѣздное училище и гимназія (1816—1822). Изъ записокъ человѣка. *Сто-одного*... 810
Изъ воспоминаній черноморскаго офицера. *А. Д. Сатина*... 832
Философское ученіе Джорджа Генри Луиса. *А. Щ. Стадлина*..... 843
Блужданія русской мысли. *А*..... 871
Современныя политическія замѣтки. *В. С. Неклюдова*. 901

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Какъ мы теперь живемъ. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. XIX—XXIV.

Сего 1 октября вышла и разослана подпищикамъ X, октябрьская, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Содержаніе книги: I. Москва въ 1770—1771 годахъ, историческій очеркъ *С. М. Соловьева.*—II. Императрица Екатерина II и князь Потемкинъ: переписка 1790 года.—III. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Григорію Андреевичу Глинкѣ 1815—1817 годы.—IV. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, 1816—1859 годы.—V. Записки Ивана Степановича Жиркевича, 1795—1848 годы. Гл. XVII—XIX.—VI. Мои встрѣчи съ архимандритомъ Фотіемъ, настоятелемъ Новгородскаго Юрьева мостыря. Разказъ *Я. Морошкина.* — VII. Академикъ А. Л. Витбергъ въ Вяткѣ и переписка его съ товарищемъ по ссылкѣ, 1837— 1839 годы. — VIII. Закавказье въ 1855 году: замѣтки и очерки *Н. П. Колюбакина,* сообщ. съ предисловіемъ и примѣчаніями *Ад. П. Берже.*—IX. Война Россіи съ Турціей въ 1854 году; записки и донесенія кн. Паскевича и кн. Горчакова; планы и предначертанія о войнѣ и проч.—X. Замѣтки о боѣ на р. Черной въ Крыму. Сообщ. *И. И. Красовскій.*—XI. Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ 1856 года. Историческій очеркъ *М. И. Богдановича.*— XII. Профессоръ оріенталистъ П. Я. Петровъ. Воспоминаніе *Н. В. Берга.*—XIII. Листки изъ записной книжки *Русской Старины.*—XIV. Библіографическій листокъ новыхъ русскоисторическихъ книгъ.

Цѣна за 12 книгъ *Русской Старины* 1876 года съ гравированными портретами: Лжедимитрія I, Екатерины II, Михельсона, кн. Платона Зубова, А. П. Ермолова, В. Г. Бѣлинскаго и др. со снимками ВОСЕМЬ рублей съ пересылкой.

Гг. иногородные подпищики имѣютъ высылать свои требованія адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала *Русская Старина,* Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Городскіе подпищики *Русской Старины* обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургѣ, на Невскій прос-

лектъ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, д. № 46.

Отдѣленія главной конторы *Русской Старины* въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева, и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту, домъ Фирсанова.

Въ редакціи и въ ея конторахъ можно получить третье, *значительно исправленное, изданіе Русской Старины* 1870 года (*годъ первый*), *12 книгъ въ* трехъ большихъ томахъ, *съ виньетками, снимками и портретами. Цѣна 8 рублей съ пересылкой (осталось немного экземпляровъ).*

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1877 года. Цѣна за 12 книгъ, съ портретами при каждой книгѣ, 8 руб. съ пересылкой. К. 3.516.

— Въ такомъ случаѣ онъ животное! Передайте ему что онъ фальшивый человѣкъ и лгунъ, и что я топчу его ногами.— Marie говоря это затопала ногами по полу, какъ будто измѣнникъ лежалъ тутъ, и громко сказала, будто ей было все равно кто ее услышитъ:—Я презираю его, презираю. Всѣ они дурные, но онъ хуже всѣхъ. Папа бьетъ меня, но это я могу перенести. Мама бранитъ меня, и я переношу это. Еслибъ онъ билъ меня и бранилъ, я бы все перенесла. Но думать что онъ все время лгалъ, этой мысли я не могу вынести.

Она разрыдалась. Гетта цѣловала ее, стараясь успокоить, и оставила ее плачущую на диванѣ.

Черезъ два или три часа по уходѣ миссъ Кабрери, Мери Мельмотъ не приходила къ завтраку, она вошла въ комнату madame Мельмотъ и слѣдующимъ образомъ объявила о своемъ намѣреніи:

— Можете сказать папа что я выйду за лорда Ниддерделя когда ему будетъ угодно.

Она говорила по-французски и очень быстро. Услыхавъ это madame Мельмотъ выразила свой восторгъ.

— Твой отецъ, сказала она,—будетъ очень радъ что ты наконецъ взглянула на это какъ слѣдуетъ. Лордъ Ниддердель, я увѣрена, очень хорошій молодой человѣкъ.

— Да, сказала Marie, кипя гнѣвомъ при этихъ словахъ.— Я выйду за лорда Ниддерделя, или за этого ужаснаго мистера Грендола, который хуже ихъ всѣхъ, или за стараго дурака его отца, или за человѣка что чиститъ сапоги на перекресткѣ, или за лакея который служитъ у насъ за столомъ, или за всякаго кого ему вздумается выбрать. Я нисколько не забочусь о томъ кто это будетъ. Но затѣмъ я ему устрою такую жизнь! Я сдѣлаю что лордъ Ниддердель пожалѣетъ о томъ часѣ когда увидалъ меня. Вы можете такъ и сказать папа.

Давъ такое порученіе madame Мельмотъ, Marie вышла изъ комнаты.

XIX. Мельмотъ въ Парламентѣ.

Мельмотъ въ этотъ день вернулся слишкомъ поздно и не узналъ пріятныхъ извѣстій,—для него они были бы хорошими извѣстіями, несмотря на то что слушая ихъ, онъ узналъ бы тѣ странности которыя Marie прибавила объявляя

о своемъ намѣреніи madame Мельмотъ. Ему все равно было что думала молодая дѣвушка о свадьбѣ, только бы удалось устроить эту свадьбу. У него тоже былъ поводъ къ огорченію, если не къ раздраженію. Еслибы Marie согласилась двѣ недѣли тому назадъ, онъ бы такъ поспѣшно повелъ дѣло что въ настоящее время уже заручился бы лордомъ Ниддерделемъ. Теперь же, благодаря неблагоразумію дочери и низости сэръ-Феликса Карбери, могло и должно было существовать сомнѣніе. Онъ думалъ что будучи уже тестемъ старшаго сына маркиза, онъ былъ бы въ внѣ опасности. Если даже возникнетъ дѣло, но не будетъ доказано,—при менѣе важныхъ обстоятельствахъ оно могло бы быть доказано,—то едва ли членъ Парламента за Вестминстеръ, дочь котораго замужемъ за наслѣдникомъ маркиза Аудъ Рики, будетъ обвиненъ Слишкомъ много лицъ было бы прикосновенно къ дѣлу. Безъ сомнѣнія онъ былъ очень недоволенъ Marie. Безъ сомнѣнія гнѣвъ его противъ сэръ-Феликса не имѣлъ границъ. Онъ уже выбранъ въ Парламентъ за Вестминстеръ. Въ этотъ самый день онъ, предъ лицомъ всего свѣта, займетъ свое мѣсто. Онъ еще не зналъ что дочь его дала согласіе на бракъ съ лордомъ Ниддерделемъ.

Во многихъ кружкахъ чувствовалась большая неловкость по поводу того какъ Мельмотъ займетъ свое мѣсто въ Парламентѣ. Когда онъ былъ предложенъ какъ консервативный кандидатъ бурга, многіе политическіе вожди партіи придавали ему очень большое значеніе. Партія намѣревалась привѣтствовать его избраніе, если онъ будетъ избранъ, какъ великое торжество консервативовъ, и разгласить объ этомъ избраніи вдоль и поперекъ всей страны. Онъ былъ избранъ, но при этомъ не слышно было трубныхъ звуковъ. Внезапно, въ продолженіи сорока восьми часовъ, партія устыдилась своего избранника. Кому теперь ввести его въ Палату? Но вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ стыда съ одной стороны, въ другомъ классѣ являлась мысль что Мельмотъ могъ сдѣлаться консервативнымъ трибуномъ народа, что въ немъ могло осуществиться неясное дотолѣ смѣшеніе радикализма съ упорною приверженностью старинѣ, о чемъ мы недавно слышали отъ одного политика, который употребилъ свое краснорѣчіе чтобы преподать намъ что прогресса можно ожидать только отъ тѣхъ, кои намѣрены упорно стоять на одномъ мѣстѣ. Новая грошовая газета *Толпа* выставляла

Мельмота политическимъ героемъ, проповѣдуя касательно его торговыхъ предпріятій великое правило что значительность дѣлъ достаточно извиняетъ кое-какія неправильности въ нихъ. Хотя Наполеонъ истреблялъ цѣлыя племена ради своихъ цѣлей, но онъ не можетъ быть судимъ одинаково съ молодымъ поручикомъ, который можетъ быть наказанъ за жестокое обращеніе съ нѣсколькими неграми. По мнѣнію этой газеты, на многое въ поведеніи Мельмота можно смотрѣть сквозь пальцы, и человѣколюбивыя цѣли его великихъ замысловъ могутъ прикрыть множество грѣховъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть чтобъ эта теорія была выражена съ такою откровенностью, какъ это было сдѣлано устроумнымъ и смѣлымъ авторомъ статьи въ газетѣ *Толпа;* но на практикѣ она встрѣчаетъ сочувствіе многихъ передовыхъ умовъ.

Такимъ образомъ мистеръ Мельмотъ, хотя и не стоялъ уже на той высотѣ, на которой былъ до тѣхъ поръ пока негодный Скверкумъ не распустилъ этихъ слуховъ касательно покупки Пиккеринга, но все-таки могъ держать голову выше нежели въ день большаго обѣда. Онъ отвѣчалъ на письмо мистеровъ Сло и Бидивайль запиской, написанной по обыкновенію въ конторѣ и подписанной имъ самимъ. Онъ писалъ что не теряя времени, онъ покончитъ всѣ дѣла касательно покупки Пиккеринга. Сло и Бидивайль конечно очень желали чтобы дѣла эти были окончены. Они вовсе не желали преслѣдованія за поддѣлку. Самое желательное для нихъ было, выйти изъ этого дѣла чистыми вмѣстѣ съ своимъ кліентомъ и если возможно подбить нѣсколько спѣси съ ненавистнаго Скверкума. Они готовы были вѣрить что Мельмотъ ради самого себя уплатитъ деньги. Если деньги будутъ внесены, тогда не будетъ повода чтобы бумага съ подписью Долли Лонгестаффа когда-нибудь вышла изъ ихъ конторы. Они продолжали высказывать увѣренность что она была подписана рукою Долли. У нихъ было пропасть извиненій. Было совершенно лишнее приглашать Долли явиться къ нимъ въ контору, они знали изъ долговременнаго опыта что Долли не явится. Письмо написанное у нихъ въ конторѣ въ видѣ проекта и переданное отцу Долли, было возвращено къ нимъ съ подписью Долли, какъ они полагали, вмѣстѣ съ другими бумагами его отцомъ. Могло ли быть что-нибудь яснѣе подобнаго доказательства? Но все-таки деньги не были уплачены.

Это уже была вина Лонгестаффа старшаго. Если деньги будутъ, все будетъ въ порядкѣ. Скверкумъ видимо былъ убѣжденъ что деньги не будутъ уплачены, и безпрерывно обращался въ контору Бидивайлей. Онъ обвинялъ Сло и Бидивайля въ передачѣ документовъ, вслѣдствіе простой записки, и еще записки за фальшивою подписью. Онъ требовалъ чтобъ эта записка была сохранена. По полученіи мистеромъ Бидивайлемъ краткаго отвѣта отъ мистера Мельмота, мистеръ Скверкумъ былъ увѣдомленъ что мистеръ Мельмотъ обѣщалъ заплатить деньги сразу, но что необходимо подождать день или два. Мистеръ Скверкумъ отвѣтилъ, что онъ отъ имени своего кліента сообщитъ объ этомъ дѣлѣ лорду-меру.

Такимъ образомъ прошло два или три дня, публичное обвиненіе не возобновлялось, и Мельмотъ въ нѣкоторой степени снова занялъ свое прежнее положеніе. Боклерки и Лептоны не любили и боялись его попрежнему, но уже не такъ охотно довѣряли обвиненіямъ противъ него и не такъ громко повторяли ихъ. Всѣмъ было хорошо извѣстно что мистеръ Лонгестаффъ не получилъ денегъ, и такое положеніе дѣлъ могло сильно колебать довѣріе къ человѣку жившему какъ Мельмотъ. Но въ этомъ не было преступленія. О поддѣлкѣ не было и рѣчи, когда разказывали эту исторію. Лонгестаффы отецъ и сынъ были очень опрометчивы. Но чего можно было ожидать отъ нихъ обоихъ кромѣ необдуманныхъ поступковъ? Сло и Бидивайль можетъ-быть нерадиво отнеслись къ своей обязанности. Удивительно, говорили иные, что дѣлаютъ атторнеи въ наше время. Тѣ кто ожидали видѣть Мельмота въ настоящее время за рѣшеткою тюрьмы, и сообразовали съ этимъ свой образъ дѣйствій, воображали теперь себя обманутыми.

Еслибъ избраніе члена Парламента за Вестминстеръ было на самомъ дѣлѣ торжествомъ партіи, то кто-нибудь изъ популярныхъ консерваторовъ счелъ бы пріятнымъ долгомъ выразить Мельмоту удовольствіе съ какимъ онъ введетъ своего новаго политическаго союзника въ Палату. Въ такомъ случаѣ при введеніи Мельмота въ Палату была бы радостная овація, и все бы прошло безъ хлопотъ для него. Въ настоящее же время положеніе дѣлъ было не таково.

Хотя вопросъ объ этомъ обсуждался въ Карльтонѣ, но не

нашлось ли одного уважаемаго консерватива, который предложилъ бы свои услуги.

— Мнѣ кажется мы не должны его покидать, сказалъ мистеръ Боклеркъ. Сэръ-Орландо Дротъ, одинъ изъ вождей консерваторовъ, подалъ мысль, что такъ какъ лордъ Ниддердель былъ близокъ съ мистеромъ Мельмотомъ, то онъ можетъ ввести его. Но Ниддердель не годился для подобнаго дѣла. Онъ былъ добрый малый и всѣ любили его. Онъ былъ въ Палатѣ, потому что отецъ его имѣлъ значительную поземельную собственность въ Шотландіи; но въ Палатѣ онъ никогда ничего не дѣлалъ, и избрать его для исполненія подобной обязанности значило бы показать что никто другой не желалъ взять ее на себя.

— Вамъ это не будетъ непріятно, Лоптонъ, сказалъ мистеръ Боклеркъ.

— Нисколько, сказалъ Лоптонъ,—но я какъ и Ниддердель молодъ, не имѣю значенія и слишкомъ застѣнчивъ.

Мельмотъ, не имѣвшій понятія обо всемъ этомъ, въ четыре часа пошелъ въ Палату. Ему было немного не по себѣ оттого что онъ былъ одинъ, но онъ рѣшилъ что никакой призрачный страхъ не остановитъ его. Онъ зналъ что онъ членъ Палаты, и вывелъ изъ этого заключеніе, что когда онъ явится, то одинъ войдетъ и вступитъ въ свои права. И тутъ судьба ему благопріятствовала. Вождь партіи, тотъ самый основатель новаго ученія, проповѣдникомъ и истолкователемъ коего думали видѣть Мельмота, тотъ который, какъ читатель можетъ-быть помнитъ, рѣшился присутствовать на обѣдѣ, когда всѣ его товарищи испугались и измѣнили ему, который сдержалъ свое обѣщаніе и сидѣлъ почти одинъ среди пустыхъ мѣстъ за столомъ, случайно входилъ въ Палату въ ту самую минуту, когда Мельмотъ требовалъ у привратника права воспользоваться своимъ преимуществомъ.

— Позвольте мнѣ сопровождать васъ, сказалъ консервативный вождь, съ нѣкоторымъ рыцарствомъ.

Такимъ образомъ мистеръ Мельмотъ былъ введенъ въ Палату главою своей партіи. Когда это увидали, многіе вообразили что несправедливость ходившихъ слуховъ уже доказана. Не было ли это достаточнымъ ручательствомъ респектабельности всякаго человѣка?

Лордъ Ниддердель увидалъ въ этотъ день своего отца въ корридорѣ Палаты Лордовъ и передалъ ему что̀ случилось.

Старикъ былъ въ большомъ недоумѣніи со дня обѣда. Онъ сознавалъ что если справедливость слуховъ о Мельмотѣ будетъ доказана, бракъ съ его дочерью будетъ большимъ несчастіемъ. Онъ зналъ также, что если сынъ его будетъ оттягивать, придется покончить съ этою партіей; онъ не вѣрилъ ходившимъ слухамъ. Онъ твердо рѣшилъ, что деньги должны быть получены до совершенія брачнаго обряда; конечно, если сынъ его теперь раздумаетъ, денегъ нельзя было ждать. Онъ собирался совѣтовать сыну не оставлять начатаго дѣла.

— Старикъ Кюръ говорилъ мнѣ, что не вѣритъ ни одному слову, сказалъ отецъ. Кюръ былъ повѣренный фамиліи маркизовъ Аудъ Рики.

— Есть какое-то затрудненіе на счетъ денегъ Долли Лонгестаффа, сказалъ сынъ.

— Что намъ до того, если деньги для насъ у него готовы? Я думаю что даже такому человѣку не всегда легко достать сотни двѣ тысячъ разомъ. Я знаю по опыту, я всегда затруднялся достать даже одну тысячу. Я не буду жаловаться, если онъ, чтобы пополнить деньги дочери, прихватилъ немного отъ денегъ Лонгестаффовъ. А ты не зѣвай. Ничего дурнаго не можетъ выйти пока пасторъ не произнесъ окончательнаго слова.

— Не можете ли вы дать мнѣ сотни двѣ,—можете, сэръ? попробовалъ сказать сынъ.

— Нѣтъ не могу, возразилъ отецъ рѣшительно.

— Мнѣ ужасно круто приходится.

— И мнѣ тоже. Старикъ поплелся на свое мѣсто, и просидѣвъ тамъ минутъ десять отправился домой.

Лордъ Ниддердель тоже скоро избавился отъ своихъ законодательныхъ обязанностей и пошелъ въ Медвѣжій Садъ. Тамъ онъ засталъ Граслока и Майльза Грендела, которые обѣдали вмѣстѣ; онъ сѣлъ за ближайшій столъ. У нихъ былъ громадный запасъ новостей.

— Вы слышали, я думаю, сказалъ Майльзъ ужаснымъ шепотомъ.

— Что?

— Онъ вѣроятно не знаетъ! сказалъ лордъ Граслокъ.— Клянусь Юпитеромъ, Ниддердель, вы также мало знаете какъ и другіе.

— Что такое случилось?

— Вообразите, они тамъ въ Палатѣ и не знали. Фоснеръ бѣжалъ.

— Бѣжалъ! вскрикнулъ Ниддердель, роняя ложку, которою только-что хотѣлъ ѣсть супъ.

— Бѣжалъ, повторилъ Граслокъ. Лордъ Ниддердель оглянулся вокругъ и тогда примѣтилъ выраженіе ужаса на лицахъ всѣхъ членовъ, обѣдавшихъ въ этой комнатѣ. Бѣжалъ,—клянусь Георгіемъ! Онъ продалъ всѣ наши расписки нѣкоему господину въ Гретъ-Мальбро, котораго зовутъ Флатфлисъ.

— Я знаю его, сказалъ Ниддердель, качая головой.

— Вѣроятно, сказалъ Майльзъ съ грустью.

— Бутылку шампанскаго! сказалъ Ниддердель, обращаясь къ лакею, смиреннымъ голосомъ, чувствуя что ему необходима поддержка въ новомъ обрушившемся на него несчастіи. Лакей, совсѣмъ уничтоженный страшнымъ сознаніемъ положенія клуба, сообщилъ ему шепотомъ ужасное извѣстіе, что въ домѣ не было ни одной бутылки шампанскаго.

— Чортъ знаетъ что̀ такое! воскликнулъ несчастный молодой человѣкъ.

Майльзъ Грендолъ покачалъ головой. Граслокъ покачалъ головой.

— Это правда, сказалъ одинъ молодой лордъ, сидѣвшій за другимъ столомъ. Тогда лакей, все тѣмъ же тихимъ и грустнымъ тономъ прибавилъ, что оставалось нѣсколько бутылокъ портеру. Была половина іюля.

— Коньяку! попытался спросить Ниддердель.

Оставалось нѣсколько бутылокъ, но онѣ были уже всѣ выпиты.

— Пошлите достать коньяку, сказалъ Ниддердель быстро и запальчиво. Но обстоятельства клуба были таковы, что чего бы ни спросать, за все, даже за такую малость, приходилось платить наличными.

Лордъ Граслокъ разсказалъ всю исторію насколько она была извѣстна. Господина Фоснера съ девяти часовъ вчерашняго вечера не было видно. Старшій слуга уже нѣсколько недѣль зналъ о громадныхъ счетахъ по которымъ были должны. Предполагалось, что долгъ простирался до трехъ или четырехъ тысячъ фунтовъ; купцы увѣряли теперь что кредитомъ у нихъ пользовался не господинъ Фоснеръ, а клубъ. Многочисленныя расписки на большія суммы, которыя сго-

ворчивый поставщикъ имѣлъ отъ многихъ членовъ, были проданы мистеру Флатфлису. Мистеръ Флатфлисъ провелъ бо́льшую часть дня въ клубѣ, и полагали что онъ и Herr Фоснеръ были за одно. Въ эту минуту вошелъ Долли Лонгестаффъ. Долли заходилъ уже въ клубъ и слышалъ эту исторію, но тотчасъ же ушелъ въ другой клубъ, узнавъ что тутъ нельзя получить ни одной бутылки вина.

— Вотъ такъ идетъ, сказалъ Долли, — одно за другимъ! Скоро тутъ ничего не останется. Вы пьете коньякъ, Ниддердель? Когда я ушелъ коньяку не было.

— Я посылалъ за нимъ въ погребокъ на углу.

— Теперь намъ за многимъ придется посылать на уголъ. Знаетъ ли кто что-нибудь объ этомъ Мельмотѣ?

— Онъ въ Палатѣ и сіяетъ какъ день, сказалъ Ниддердель. — Онъ кажется все устроилъ.

— Я бы желалъ чтобъ онъ уплатилъ мнѣ мои деньги. Этотъ Флатфлисъ былъ здѣсь. Онъ показывалъ мнѣ моихъ расписокъ на полторы тысячи франковъ! У меня такой мерзкій почеркъ что я никогда не могу распознать я писалъ или нѣтъ. Но клянусь Георгіемъ, чтобы выпить и съѣсть на полторы тысячи нужно по крайней мѣрѣ полгода.

— Нельзя знать на что вы способны, Долли, сказалъ лордъ Граслокъ.

— Онъ можетъ-быть платилъ за васъ за карты, сказалъ Ниддердель.

— Кажется ему не случалось. У Карбери была пропасть моихъ расписокъ въ то время, но на это я получилъ деньги отъ стараго Мельмота. Какъ можно знать. Если кто подпишетъ Д. Лонгестаффъ, развѣ я обязанъ платить? Всякій подписываетъ мое имя! А какъ помѣшать этому? Думаете вы что Мельмотъ правъ? Ниддердель сказалъ что онъ такъ думаетъ. Я бы желалъ только чтобъ онъ не подписывалъ моего имени. Это такое дѣло которое надо предоставить каждому дѣлать за себя. Я полагаю что Фоснеръ мошенникъ, но клянусь Юпитеромъ, я знаю одного человѣка, который во сто разъ хуже Фоснера.

Съ этими словами онъ повернулся и пошелъ въ куриль-ную комнату. По его уходѣ за столомъ воцарилось молчаніе, всѣмъ было извѣстно что лордъ Ниддердель женится на до-черя Мельмота.

Въ то же самое время въ Палатѣ Общинъ происходила

сцена другаго рода. Мельмотъ сѣлъ на одну изъ заднихъ скамеекъ консервативной партіи, и нѣсколько времени просидѣлъ тамъ незамѣченный и забытый. Легкое волненіе, бывшее при его входѣ, прошло, и Мельмотъ былъ въ настоящее время то же что̀ и другіе. Сначала онъ снялъ шляпу, но какъ только замѣтилъ что большинство членовъ сидѣли съ покрытыми головами, онъ снова надѣлъ ее. Съ часъ просидѣлъ онъ неподвижно, озираясь кругомъ и удивляясь. До сей поры онъ никогда не былъ даже въ галлерѣ Палаты. Помѣщеніе было гораздо меньше, нежели онъ полагалъ, и собраніе не имѣло въ себѣ ничего страшнаго. Спикеръ не внушилъ ужаса, какъ онъ ожидалъ, и ему показалось что тѣ кто говорили, говорили совершенно также какъ другіе люди во всякомъ другомъ мѣстѣ. Сначала онъ едва понялъ да и не старался понять значеніе произнесенной рѣчи. Одинъ человѣкъ за другимъ быстро вставали, иные изъ нихъ просто приподымались чтобы сказать нѣсколько словъ. Ему показалось что это самое обыкновенное дѣло, далеко не такое страшное какъ тѣ празднества на которыхъ ему часто случалось провозглашать тостъ и выражать благодарность. Но вдругъ ходъ засѣданія измѣнился, и одинъ джентльменъ сказалъ длинную рѣчь. Мельмоту уже надоѣло смотрѣть, онъ началъ слушать, и знакомыя слова достигли его уха. Этотъ джентльменъ предлагалъ сдѣлать небольшое прибавленіе къ торговому трактату и въ сильныхъ выраженіяхъ объяснялъ разорительную несправедливость, коей Англія подвергалась вслѣдствіе искушенія потреблять перчатки сдѣланныя въ странѣ гдѣ не взимается подоходнаго налога. Мельмотъ слушалъ его краснорѣчіе, ни мало не заботясь о перчаткахъ, и очень мало о разореніи Англіи. Но среди послѣдовавшихъ преній возникъ вопросъ о цѣнности денегъ, о размѣнѣ и о переводѣ шиллинговъ на франки и доллары. Съ этимъ дѣломъ Мельмотъ былъ хорошо знакомъ и онъ сталъ прислушиваться. Ему показалось что джентльменъ, котораго онъ хорошо зналъ въ Сити, и который изъ недоброжелательства къ нему, не пріѣхалъ на его обѣдъ,—нѣкто мистеръ Броунъ, сидѣвшій въ Палатѣ какъ разъ впереди его съ той же стороны, медленно и скучно толковалъ о какой-то мелочной фискальной теоріи, ничего не понимая въ томъ о чемъ говорилъ. Ему представлялся удобный случай! У него въ рукахъ была возможность отмстить за нанесенное

ему оскорбленіе, и въ то же время показать всѣмъ что онъ не боялся своихъ враговъ въ Сити. Конечно для этого требовалась нѣкоторая смѣлость, такъ какъ случай встать и говорить представлялся ему черезъ два часа по вступленіи его въ парламентскую жизнь. Но онъ твердо помнилъ тѣ уроки, которые теперь постоянно твердилъ себѣ. Онъ не долженъ ничего бояться. Чего только можно достигнуть безстыдною наглостью, онъ достигнетъ. Ему казалось это очень легко, и онъ не видѣлъ причины почему не осадить этого стараго дурака. Онъ ничего не зналъ объ обычаяхъ Палаты; зналъ о нихъ менѣе всякаго школьника; но именно потому-то и чувствовалъ меньше страха нежели всякій другой новичокъ въ Парламентѣ.

Мистеръ Броунъ говорилъ долго и вяло; Мельмотъ хотя много думалъ о своемъ намѣреніи и почти уже рѣшилъ говорить, однако еще сомнѣвался, какъ вдругъ мистеръ Броунъ сѣлъ на свое мѣсто. Казалось рѣчь его не имѣла опредѣленнаго конца, къ тому же Мельмотъ не слѣдилъ особенно за его доводами. Онъ замѣтилъ только что было высказано и повторено положеніе, заключавшее въ себѣ, какъ казалось Мельмоту, существенную финансовую ошибку, и онъ жаждалъ исправить ее. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ мистеръ Броунъ не пріѣхалъ на его обѣдъ, то ему хотѣлось доказать Палатѣ что мистеръ Броунъ не понимаетъ того о чемъ говоритъ. Когда мистеръ Броунъ сѣлъ, ни кто не спѣшилъ вставать. Предметъ былъ непопуляренъ, и тѣ кто понималъ дѣла Палаты очень хорошо знали что онъ былъ возбужденъ только для того чтобы дать возможность двумъ или тремъ негоціантамъ провѣтрить свои личныя сумасбродныя идеи. Вопросъ этотъ остался бы безъ вниманія, еслибы вдругъ не всталъ новый членъ.

Никто изъ присутствующихъ не запомнилъ случая чтобы депутатъ черезъ два или три часа послѣ своего перваго появленія въ Палатѣ вставалъ съ цѣлью сказать рѣчь. А это еще былъ джентльменъ котораго недавнее избраніе было совершенно особаго рода. Многіе изъ его приверженцевъ полагали что его имя должно быть вычеркнуто до баллотировки; другіе думали что стыдъ помѣшаетъ ему показаться, если даже его выберутъ; наконецъ третья партія полагала что его появленіе въ Парламентѣ будетъ предупреждено заключеніемъ въ стѣнахъ Ньюгета. Но вотъ онъ здѣсь, не

только на своемъ мѣстѣ, но даже всталъ чтобы говорить! Благосклонное и любезное вниманіе, которое всегда оказываютъ новому члену, говорящему въ первый разъ, было показано и Мельмоту. Случай этотъ вызвалъ всеобщее возбужденіе и всѣ охотно готовы были слушать его. Послышался гулъ одобренія.

Какъ только Мельмотъ всталъ и оглянувшись замѣтилъ что всѣ хранили молчаніе, намѣреваясь его слушать, бо́льшая часть его смѣлости покинула его. Палата, которая по его мнѣнію вовсе не имѣла торжественнаго вида, когда мистеръ Броунъ бормоталъ свою рѣчь, теперь внушала ему ужасъ. Онъ замѣтилъ устремленные на него взоры великихъ людей, которые вовсе не казались ему великими, когда нѣсколько минутъ тому назадъ онъ наблюдалъ за ними и видѣлъ какъ они зѣвали, закрываясь своими шляпами. Мистеръ Броунъ, какъ ни жалка была его рѣчь, безъ сомнѣнія приготовилъ ее, и можетъ-быть въ продолженіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ ежегодно произносилъ три или четыре рѣчи въ родѣ этой. Мельмотъ даже и не подумалъ подобрать въ головѣ два или три слова кряду. Онъ воображалъ что скажетъ здѣсь то что̀ хотѣлъ сказать, также какъ дѣлалъ это предсѣдая въ правленіи Мексиканской желѣзной дороги. Но тутъ былъ спикеръ, три клерка въ парикахъ, лежала булава,— а хуже всего, глаза цѣлаго ряда государственныхъ мужей были устремлены на него! Онъ почувствовалъ весь ужасъ своего положенія. Онъ даже забылъ тотъ пунктъ на которомъ хотѣлъ разбить мистера Броуна.

Но человѣкъ этотъ слишкомъ далеко зашелъ въ своей смѣлости чтобы сразу остановиться. Гулъ продолжался: хотя лицо его было красно, онъ былъ весь въ поту и окончательно сконфуженъ, но онъ все-таки рѣшилъ сразу приступить къ дѣлу, начавъ первыми подвернувшимися ему словами.

— Мистеръ Броунъ совершенно ошибается, сказалъ онъ.

Вставая онъ даже не снялъ шляпы. Мистеръ Броунъ медленно повернулся и взглянулъ на него. Кто-то (онъ не замѣтилъ кто), дотронувшись до него сзади, посовѣтывалъ ему снять шляпу. Послышался призывъ къ порядку, котораго онъ конечно не могъ понять.

— Да, вы ошибаетесь, сказалъ Мельмотъ, кивая головой и нахмуривъ сердито брови, посмотрѣлъ на бѣднаго мистера Броуна.

— Досточтимый членъ, сказалъ Спикеръ возможно добродушнѣйшимъ голосомъ,—можетъ-быть еще не знаетъ что онъ не долженъ называть другаго члена по имени. Онъ долженъ, говоря о джентльменѣ на котораго онъ указалъ, называть его досточтимымъ членомъ за Вайтчапель. Когда онъ говоритъ, онъ долженъ обращаться не къ досточтимому сочлену, а къ предсѣдателю.

— Надо снять шляпу, сказалъ сзади его добродушный джентльменъ.

Въ подобномъ положеніи можетъ ли человѣкъ сразу понять такъ много разнообразныхъ указаній и въ то же время помнить въ чемъ главная сила аргумента который онъ хотѣлъ привести? Онъ снялъ шляпу; причемъ понятно еще болѣе покраснѣлъ и сконфузился.

— Все что̀ онъ сказалъ было несправедливо, продолжалъ Мельмотъ;—я думалъ что человѣкъ изъ Сити, подобно мистеру Броуну, долженъ бы былъ лучше знать это дѣло.

Послѣдовалъ новый призывъ къ порядку и съ обѣихъ сторонъ Палаты раздался взрывъ хохота. Мельмотъ простоялъ нѣсколько минутъ, озираясь кругомъ, собирая всю свою храбрость чтобы возобновить нападки на мистера Броуна, рѣшивъ что ни насмѣшки окружающихъ, ни непривычка къ мѣсту не отнимутъ у него охоты и не заставятъ замолчать, но все-таки онъ не находилъ словъ для продолженія борьбы.

— Я кажется кое-что смыслю въ этомъ, сказалъ Мельмотъ, садясь и закрываясь шляпой чтобы скрыть свое негодованіе и смущеніе.

— Мы увѣрены что досточтимый членъ Палаты за Вестминстеръ знакомъ съ этимъ предметомъ, сказалъ предсѣдатель, — и намъ будетъ очень пріятно услыхать его замѣчаніе. Палата, я увѣренъ, извинитъ незнаніе ея правилъ такому молодому члену.

Но мистеръ Мельмотъ болѣе не хотѣлъ вставать. Онъ сдѣлалъ большое усиліе и, во всякомъ случаѣ, показалъ мужество. Хотя бы всѣ они говорили что онъ не выказалъ большаго краснорѣчія, они должны будутъ согласиться что онъ не стыдился показаться. Онъ оставался на своемъ мѣстѣ пока не послышался обычный звонокъ къ обѣду, затѣмъ онъ вышелъ, стараясь придать себѣ насколько могъ величественную осанку.

— Да, это было смѣло, сказалъ Коенлупъ въ корридорѣ, беря подъ руку своего друга.

— Я не вижу тутъ особенной смѣлости. Этотъ старый дуракъ Броунъ не понималъ о чемъ говорилъ, я хотѣлъ имъ дать это замѣтить. Они помѣшали мнѣ сдѣлать это, вотъ и все. Мнѣ кажется это безтолковое мѣсто.

— Деньги Лонгестаффу заплачены? сказалъ Коенлупъ, смотря своими большими черными глазами прямо въ лицо своего друга.

— Пожалуста не безпокойтесь ни о Лонгестаффѣ, ни о его деньгахъ, сказалъ Мельмотъ, садясь въ свой экипажъ;— предоставьте мнѣ мистера Лонгестаффа и его деньги. Я надѣюсь вы не настолько глупы чтобъ испугаться того что говорятъ другіе глупцы. Когда люди играютъ въ такую игру какъ мы съ вами, они должны знать что дѣлаютъ и не пугаться всякаго слуха.

— О, Боже мой! Разумѣется, сказалъ Коенлупъ чтобъ оправдать себя.—Не думаете ли вы что я чего-нибудь испугался?

Въ эту минуту мистеръ Коенлупъ помышлялъ о побѣгѣ съ опасныхъ береговъ Англіи и старался припомнить такую счастливую страну гдѣ бы предписаніе британской полиціи не могло обезпокоить подобнаго ему джентльмена, удалившагося на покой.

Въ этотъ вечеръ madame Мельмотъ передала мужу о согласіи Мери выйти замужъ за лорда Ниддерделя, но не упомянула ни о человѣкѣ что чиститъ салоги на перекресткѣ, ни о лакеѣ и не намекнула на угрозу Мери о томъ какого рода жизнь она устроитъ своему мужу.

XX. Сэръ-Феликсъ вмѣшивается въ разныя дѣла.

Нѣтъ на свѣтѣ долга болѣе несомнѣннаго и опредѣленнаго какъ долгъ брата защищать сестру противъ дурнаго поступка съ нею; но въ то же время теперь, при настоящемъ образѣ нашей жизни, нѣтъ обязанности болѣе трудной, и можно прибавить вообще болѣе неопредѣленной. Оскорбленіе, которому подвергаются въ большинствѣ случаевъ наши сестры, не требуетъ ни защиты, ни мщенія, хотя обязанность защитить

и отомстить чувствуется и признается всѣми. Намъ запрещены дуэли, а любить другаго палкой всегда непріятно и рѣдко удается. Какой-нибудь Джонъ Кромбъ можетъ-быть поступитъ такимъ образомъ и выйдетъ изъ борьбы съ торжествомъ, но не сэръ-Феликсъ Карбери, даже если данный сэръ-Феликсъ имѣетъ необходимую смѣлость. Кромѣ того, когда дѣвушка была обманута или, вѣрнѣе сказать, брошена послѣ того какъ джентльменъ въ продолженіе цѣлаго сезона забавлялся ухаживая за нею и можетъ-быть даже пользовался преимуществами будущаго мужа, является сознаніе что чѣмъ меньше объ этомъ будутъ говорить тѣмъ лучше. Молодая дѣвушка ни мало не намѣрена убиваться горемъ отъ любви къ измѣнщику и сдѣлаться трагическою героиней ловѣти которая будетъ разказываться въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Она намѣрена опять „украсить свои лучи новымъ блескомъ и блистать на горизонтѣ утренняго неба". Этотъ измѣнилъ, какъ можетъ-быть до него было еще двое или трое, тѣмъ не менѣе дорога къ успѣху все-таки открыта. Uno avulso non deficit alter. Но если будетъ извѣстно что въ послѣднемъ несчастномъ случаѣ были употреблены палки и хлысты, это породитъ затрудненіе въ пріисканіи замѣстителя. Братъ признаетъ свою обязанность и готовится ко мщенію. Оскорбленная же вѣроятно предпочитаетъ чтобъ ей было предоставлено вести свою малую войну одной.

— Клянусь небомъ, онъ мнѣ отвѣтитъ за это! сказалъ сэръ-Феликсъ очень торжественно, когда сестра сообщила ему что дала слово человѣку который, по его предположенію, долженъ былъ жениться на другой женщинѣ. Въ этомъ случаѣ безъ сомнѣнія поступокъ былъ очень дуренъ и представлялся удобный случай высказывать угрозы. Денегъ на это не требовалось, не требовалось также и немедленнаго подвига, и въ данную минуту сэръ-Феликсу ничего не стоило разыгрывать изъ себя безукоризненнаго джентльмена и заботливаго брата. Гетта, которой слѣдовало бы можетъ-быть лучше знать своего брата, была такъ неблагоразумна что повѣрила ему. На слѣдующій день не было и не могло еще придти отвѣта отъ Роджера Карбери. Гетта только и думала что о своемъ горѣ и помнила объ угрозахъ брата; Феликсъ же забылъ объ угрозахъ послѣ разговора съ сестрой и не думалъ болѣе объ этомъ.

— Феликсъ, сказала она,—ты не будешь говорить объ этомъ съ мистеромъ Монтегю.

— О чемъ? О, объ этой женщинѣ, мистрисъ Гёртль? Непремѣнно. Человѣкъ поступающій такимъ образомъ долженъ быть уничтоженъ, и клянусь небомъ, если онъ поступилъ такъ съ тобою, я уничтожу его.

— Я хочу сказать тебѣ, Феликсъ. Если это справедливо, я не желаю болѣе его видѣть.

— Справедливо ли! Говорятъ тебѣ я знаю что это такъ.

— Мама написала къ Роджеру. По крайней мѣрѣ я увѣрена что она это сдѣлала.

— Зачѣмъ она къ нему писала? Къ чему Роджеру Карбери мѣшаться въ наши дѣла?

— Ты говорилъ что онъ знаетъ. Если онъ скажетъ, то-есть если вы оба скажете что онъ женится на этой женщинѣ, я не увижу болѣе мистера Монтегю. Пожалуста не ходи къ нему. Когда случается подобное несчастіе, лучше перенести его и молчать. Что хорошаго можетъ выйти?

— Предоставь это мнѣ, сказалъ сэръ-Феликсъ, выходя изъ комнаты, токомъ брата-покровителя.

Онъ вышелъ изъ дому и отправился на квартиру Поля Монтегю. Еслибы Гетта была благоразумнѣе и не напомнила ему о его обязанности, онъ бы не взялся теперь за это дѣло. Уходя онъ тоже безъ сомнѣнія помнилъ что дуэли были уже дѣломъ прошлымъ, а кулаки и палки считались не въ модѣ.

— Монтегю, сказалъ онъ придавая себѣ выраженіе достоинства, насколько это было возможно послѣ его недавнихъ несчастій,—я думаю я правъ говоря что вы женитесь на этой Американкѣ мистрисъ Гёртль?

— Позвольте сказать вамъ что никогда въ жизни вы не были болѣе неправы. Какое вамъ дѣло до мистрисъ Гёртль?

— Когда человѣкъ дѣлаетъ предложеніе моей сестрѣ, мнѣ кажется это очень важное дѣло для меня, сказалъ сэръ-Феликсъ.

— Хорошо; я вполнѣ это допускаю. Если я отвѣчалъ вамъ немного рѣзко, извините меня. Теперь къ дѣлу. Я не женюсь на мистрисъ Гёртль. Кажется я знаю какимъ образомъ вамъ извѣстно ея имя; но если вы его знаете, мнѣ нечего колебаться называть вамъ ее. Вы знаете гдѣ ее отыскать и можете, если желаете, пойти къ ней и спросить ее. Затѣмъ скажу

вамъ что я имѣю самое пламенное желаніе жениться на вашей сестрѣ. Надѣюсь, вы удовольствуетесь тѣмъ что я сказалъ вамъ.

— Вы были помолвлены съ мистрисъ Гёртль.

— Любезнѣйшій Карбери, я полагаю что не обязанъ разказывать вамъ всѣ подробности моей прошлой жизни. Во всякомъ случаѣ я вовсе не намѣренъ дѣлать этого въ отвѣтъ на непріязненные вопросы. Мнѣ кажется вы достаточно слышали о мистрисъ Гёртль, чтобы въ качествѣ брата имѣть право спрашивать меня не имѣю ли я намѣренія жениться на ней. Говорю вамъ что нѣтъ. Далѣе этого мнѣ кажется я не обязанъ идти; далѣе этого по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту я не пойду.

Сэръ-Феликсъ продолжалъ шумѣть и старался придать какъ можно больше важности себѣ въ качествѣ брата; но не предпринялъ ничего для рѣшительнаго мщенія.

— Безъ сомнѣнія, Карбери, сказалъ Монтегю, — я желаю смотрѣть на васъ какъ на брата; если я рѣзокъ съ вами, это только потому что вы рѣзки со мною.

Сэръ-Феликсъ находился теперь въ первый разъ послѣ своей неудачи въ той части города которую онъ привыкъ посѣщать, и собравшись съ духомъ рѣшился завернуть въ Медвѣжій Садъ. Онъ намѣревался выпить тамъ стаканъ хересу и повидаться съ двумя-тремя изъ тѣхъ кого еще застанетъ тамъ, и такимъ образомъ мало по малу вернуться къ своимъ старымъ привычкамъ. Когда онъ пришелъ туда клубъ былъ запертъ. „Что за чортъ, что случилось съ Фоснеромъ?“ сказалъ онъ вынимая часы. Было около пяти. Онъ позвонилъ и постучалъ въ дверь, чувствуя что это былъ случай показать удальство. Одинъ изъ лакеевъ, въ одеждѣ которую можно назвать неофиціальною, черезъ нѣсколько времени отодвинулъ запоры и сообщилъ ему удивительную новость что клубъ закрытъ.

— Вы хотите сказать что я не могу войти! сказалъ сэръ-Феликсъ.

Безъ сомнѣнія лакей желалъ это сказать, онъ полуотворилъ дверь, не болѣе какъ на одинъ футъ, и стоялъ въ этомъ узкомъ отверстіи. Мистеръ Фоснеръ бѣжалъ. Было собраніе комитета и клубъ закрыли. Дальнѣйшія подробности слуга отказался сообщить сэръ-Феликсу Карбери.

„Клянусь Георгіемъ!“ Вредъ который это происшествіе принесло молодому баронету исполнилъ его негодованіемъ. Онъ намѣревался, какъ увѣрялъ себя, обѣдать въ клубѣ, провести тамъ весело вечеръ со своими избранными товарищами. Но клубъ былъ закрытъ, Фоснеръ бѣжалъ. По какой причинѣ закрытъ клубъ? Какое право имѣлъ Фоснеръ бѣжать? Развѣ онъ не заплатилъ ему впередъ свой членскій взносъ? Въ свѣтѣ всегда такъ, чѣмъ болѣе вреда приноситъ человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ негодуетъ когда вредъ причиняется ему. Сэръ-Феликсъ готовъ былъ вообразить что онъ можетъ потребовать вознагражденія за убытки со всего комитета.

Онъ прямо отправился въ домъ къ мистрисъ Пипкинъ. Когда въ присутствіи мистрисъ Пипкинъ онъ почти далъ обѣщаніе жениться, онъ сказалъ что придетъ опять на другой день. Онъ не сдержалъ слова, но объ этомъ онъ и не думалъ. Подобное нарушеніе слова со стороны молодаго человѣка въ его положеніи не требуетъ даже извиненія. Его впустила сама Рёби; она конечно была въ восторгѣ его видѣть.

— Какъ вы думаете, кто въ городѣ? сказала она.—Джонъ Кромбъ; онъ пришелъ сюда такой нарядный, но я съ нимъ почти не говорила, только сказала ему чтобъ онъ ушелъ.— Сэръ-Феликсъ, услыхавъ это имя, почувствовалъ непріятное ощущеніе. — Я не знаю право зачѣмъ онъ пришелъ ко мнѣ, когда я сказала ему также вѣрно какъ у него носъ на лицѣ, что больше никогда не желаю его видѣть.

— Не стóитъ думать объ немъ, сказалъ баронетъ.

— Онъ бы съ радостью сейчасъ женился на мнѣ, еслибъ только я согласилась, продолжала Рёби, думая можетъ-быть что о ея прежнемъ честномъ возлюбленномъ не слѣдовало говорить какъ о человѣкѣ не имѣющемъ никакого значенія.—И у него все есть, мебель и прочее. Говорятъ, у него много денегъ въ банкѣ. Но я терпѣть его не могу, сказала Рёби, покачивая своею хорошенькою головкой, и склоняясь на плечо другаго своего возлюбленнаго аристократа.

Это происходило въ задней комнатѣ, пока мистрисъ Пипкинъ не пришла изъ кухни готовая помѣшать такому романическому счастію, напомнивъ къ сожалѣнію о внѣшнемъ мірѣ.

— Хорошо, сэръ-Феликсъ, начала она,—если ваши намѣренія честны, очень рада, вы можете навѣщать мою племянницу.

— Мы съ ней оба честные люди; не правда ли Рёби? Я

хочу взять ее съ собой и угостить обѣдомъ, мистрисъ Пипкинъ. Она не поздно вернется; раньше десяти часовъ, увѣряю васъ.—Рёби все болѣе прижималась къ его плечу.—Пойдемъ Рёби, надѣнь шляпку, перемѣни платье и мы отправимся. Мнѣ столько надо сообщить тебѣ.

Столько сообщить ей! Вѣрно они назначатъ день свадьбы, онъ скажетъ ей гдѣ они будутъ жить, рѣшатъ какое платье она надѣнетъ, и можетъ-быть онъ дастъ денегъ на покупку платья! Столько надо ей сообщить! Она взглянула на мистрисъ Пипкинъ съ умоляющимъ видомъ. Ужь въ этомъ случаѣ тетка вѣрно не захочетъ отказать ей, вѣдь она у нея не въ тюрьмѣ.

— Вы дали письменное обѣщаніе, сэръ-Феликсъ Карбери? спросила мистрисъ Пипкинъ съ жестокою серіозностью.

Мистрисъ Гёртль высказала свое рѣшительное мнѣніе что сэръ-Феликсъ на самомъ дѣлѣ не думаетъ жениться на Рёби Рёглсъ, развѣ онъ докажетъ свое желаніе, давъ формальное письменное обѣщаніе.

— Тоска писать, сказалъ сэръ-Феликсъ.

— Все это очень хорошо, сэръ-Феликсъ. Писанье часто надоѣдаетъ. Но когда джентльменъ имѣетъ серіозное намѣреніе, небольшая записочка доказываетъ это лучше всякихъ словъ. Рёби никуда не пойдетъ обѣдать, если вы не дадите письменнаго обѣщанія.

— Тетя Пипкинъ! воскликнула несчастная Рёби.

— Что же вы думаете я сдѣлаю съ нею? спросилъ сэръ-Феликсъ.

— Если вы намѣрены жениться на ней, напишите это. А если вы этого не сдѣлаете, скажите прямо, и уходите по добру по здорову.

— Я пойду, сказала Рёби.—Я ни за что не буду сидѣть тутъ какъ въ тюрьмѣ. Я могу уходить когда мнѣ вздумается. Подождите Феликсъ, я черезъ минуту сойду.

Дѣвушка быстро вскочила, побѣжала на верхъ, и начала переодѣваться, не давъ себѣ ни минуты подумать.

— Она сюда болѣе не вернется, сэръ-Феликсъ, сказала мистрисъ Пипкинъ самымъ торжественнымъ тономъ.—Она мнѣ ровно ничего, только дочь сестры моего бѣднаго, дорогаго мужа. Между нами нѣтъ кровнаго родства, и безчестье не падетъ на меня. Но мнѣ тяжело будетъ видѣть какъ она таскается по улицамъ.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы не позволяете мнѣ привести ее обратно сюда?

— Потому что это и значитъ показать ей дорогу на улицу. Вы не имѣете намѣренія жениться.—На это сэръ-Фрликсъ ничего не сказалъ.—Вы и не помышляете объ этомъ. Для васъ это забава. А что будетъ съ ней послѣ? Ее бросятъ какъ старый башмакъ или какъ тряпку которую выметаютъ съ соромъ. Я видала много такихъ, но я бы скорѣй согласилась чтобы мой собственный ребенокъ умеръ въ рабочемъ домѣ или съ голоду. А для такихъ какъ вы это рѣшительно все равно.

— Я не сдѣлалъ ей никакого зла, сказалъ сэръ-Фрликсъ чуть не испуганнымъ голосомъ.

— Такъ уходите, и не дѣлайте ей ничего дурнаго. Вотъ дверь мистрисъ Гёртль отворена. Подите, поговорите съ ней. Она гораздо лучше моего умѣетъ говорить.

— Мистрисъ Гёртль сама съ своими дѣлами не умѣла справиться.

— Мистрисъ Гёртль дама, сэръ-Фрликсъ, и вдова, она хорошо знаетъ свѣтъ.

Въ то время какъ она говорила это, мистрисъ Гёртль сошла внизъ; ее и сэръ-Фрликса представили другъ другу немного рѣзкимъ образомъ. Мистрисъ Гёртль часто слышала о сэръ-Фрликсѣ Карбери, и также какъ и мистрисъ Пипкинъ была увѣрена что онъ вовсе не намѣренъ жениться на Рёби Рёглсъ. Очень скоро сэръ-Фрликсъ очутился одинъ съ мистрисъ Гёртль въ ея комнатѣ. Онъ очень желалъ видѣть эту женщину съ тѣхъ поръ какъ зналъ о ея ломолвкѣ съ Полемъ Монтегю, и еще болѣе пожелалъ познакомиться съ нею когда узналъ о предложеніи сдѣланномъ Полемъ его сестрѣ. Съ часъ тому назадъ Поль самъ отправилъ его къ ней для удостовѣренія въ истинѣ своихъ показаній.

— Сэръ-Фрликсъ Карбери, сказала она,—боюсь вы не сдѣлаете добра этой дѣвушкѣ, да вы и не имѣете этого намѣренія. Онъ подумалъ что это совсѣмъ не дѣло мистрисъ Гёртль, и что съ нимъ какъ съ человѣкомъ имѣющимъ извѣстное положеніе въ обществѣ, не слѣдовало обращаться такимъ образомъ. Тетка Пипкинъ была даже не родная тетка; но что такое мистрисъ Гёртль?

— Не лучше ли вамъ оставить ее выйти замужъ за человѣка который дѣйствительно любитъ ее.

Онъ примѣтилъ въ глазахъ мистрисъ Гёртль что-то такое что̀ удержало его сразу отъ гнѣвнаго порыва; но кто такое мистрисъ Гёртль что она позволяетъ себѣ мѣшаться въ его дѣла?

— Честное слово, сударыня, сказалъ онъ,—я вамъ очень благодаренъ, но я не знаю чему я обязанъ чести вашего... вашего...

— Вмѣшательства, хотите вы сказать.

— Я не сказалъ этого, но можетъ-быть что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Я всегда буду вмѣшиваться чтобы спасти каждую женщину созданную Богомъ, сказала съ энергіей мистрисъ Гёртль.—Мы всѣ не торопимся потому что стыдимся дѣлать то малое добро на которое сама судьба насъ наталкиваетъ. Вы должны уйти и оставить ее въ покоѣ, сэръ-Феликсъ.

— Мнѣ кажется въ этомъ дѣлѣ она можетъ поступать какъ ей угодно.

— Вы намѣрены жениться? спросила мистрисъ Гёртль строго.

— Мистеръ Поль Монтегю намѣренъ жениться на васъ? нахально возразилъ сэръ-Феликсъ. Онъ нанесъ тяжелый ударъ и достигъ цѣли. Она не подозрѣвала что онъ знаетъ что-либо касательно ея дѣлъ. Она мысленно связала его съ Роджеромъ Карбери, который, какъ она знала, былъ большой другъ Поля, но она еще не знала что Гетта Карбери была именно дѣвушка которую любилъ Поль. Неужели Поль такъ говорилъ о ней что этотъ сорванецъ зналъ всю ея исторію?

Съ минуту она подумала,—необходимо было ей подумать немного,—прежде нежели могла отвѣтить ему.

— Я не вижу, сказала она съ слабою попыткой улыбнуться,—чтобъ эти два случая были похожи между собою. Я во всякомъ случаѣ уже въ такихъ лѣтахъ что сама могу о себѣ позаботиться. Еслибъ онъ на мнѣ не женился, я осталась бы тѣмъ что̀ я была прежде. То же ли самое будетъ съ этою бѣдною дѣвушкой, если она согласится прогуливаться съ вами ночью по городу?

Этими словами она хотѣла скорѣе защитить Рёби нежели себя. Какое ей дѣло до того что этотъ молодой человѣкъ будетъ думать что она выходитъ замужъ или нѣтъ.

— Если вы мнѣ отвѣтите и я вамъ отвѣчу, сказалъ сэръ-Феликсъ.—Намѣренъ мистеръ Монтегю жениться на васъ?

— Не ваше дѣло знать это, отвѣчала она вспыхнувъ.— Вопросъ вашъ дерзокъ.

— Нѣтъ, это мое дѣло, гораздо болѣе чѣмъ все что̀ касается Рёби можетъ быть вашимъ дѣломъ. Вы не хотите мнѣ отвѣчать и я не отвѣчу вамъ.

— Тогда, сэръ, судьба этой дѣвушки ладетъ на вашу голову.

— Все это я знаю, отвѣчалъ баронетъ.

— А молодой человѣкъ прибывшій за ней въ городъ конечно сумѣетъ васъ отыскать, прибавила мистрисъ Гёртль.

На подобную угрозу нельзя было отвѣчать и сэръ-Феликсъ вышелъ изъ комнаты. Во всякомъ случаѣ теперь Джона Кромба тамъ не было. И развѣ въ Лондонѣ нѣтъ полицейскихъ? Неужели одинъ вечеръ проведенный весело причинитъ какой-нибудь новый вредъ Джону Кромбу или сильнѣе возбудитъ гнѣвъ въ груди этого вѣрнаго возлюбленнаго? Рёби такъ часто танцовала съ нимъ въ Музыкальномъ Залѣ что Джонъ Кромбъ едва ли могъ воспылать болѣе воинственнымъ духомъ вслѣдствіе того что она пообѣдаетъ съ нимъ въ этотъ вечеръ. Сойдя внизъ онъ засталъ Рёби въ передней уже совершенно одѣтою.

— Если ты выйдешь изъ этой двери съ этимъ молодымъ человѣкомъ, сказала мистрисъ Пипкинъ, толкнувъ маленькій столикъ стоявшій на дорогѣ,—то сегодня вечеромъ ты сюда не вернешься.

— Въ такомъ случаѣ я уйду, сказала Рёби, опираясь на руку своего возлюбленнаго.

— Негодная дѣвчонка! сказала мистрисъ Пипкинъ;—и это послѣ всего что̀ я для тебя сдѣлала, какъ будто ты была моя плоть и кровь!

— Я думаю, я за то работала; развѣ нѣтъ? возразила Рёби.

— Завтра пришли за своими вещами; ты сюда больше не вернешься. Ты мнѣ чужая, какъ всякая другая дѣвушка, но я спасла бы тебя еслибы ты меня послушалась. А васъ,— она взглянула на сэръ-Феликса,—то только потому что у меня меблированныя комнаты и эта дама живетъ наверху, а то бы я такъ васъ выпроводила что вы забыли бы приходить сюда за бѣдными дѣвушками.

Я думаю ей нечего было бояться мистрисъ Гёртль, еслибъ она и привела въ исполненіе свою угрозу.

Сэръ-Феликсу надоѣла и мистрисъ Пипкинъ, и ея жилица

и онъ вышелъ подъ руку съ Рёби изъ дому. Въ эту минуту Рёби торжествовала и была счастлива. Она ни на минуту не задумалась впустить ее тетка или нѣтъ, когда она вернется утомленная и можетъ-быть раскаивающаяся. Она шла подъ руку со своимъ возлюбленнымъ, одѣтая въ свое лучшее платье и шла ѣсть обѣдъ, которымъ онъ ее угоститъ. А возлюбленный ея сказалъ что у него столько есть сообщить ей, столько передать! Но въ первый мигъ своего блаженства она не предлагала неумѣстныхъ вопросовъ. Такъ пріятно было идти съ нимъ въ Пентонвиллъ, такъ весело было войти въ увеселительное заведеніе, полу-ресторанъ, полу-чайный садъ; такъ пріятно было слушать какъ онъ заказывалъ хорошія кушанья, которыя въ его обществѣ будутъ такъ вкусны! Кто не согласится что даже городской Ромервиль покажется настоящимъ Элизіумомъ для тѣхъ, кто такъ недавно вкушалъ свой обѣдъ во мракѣ маленькой лондонской подвальной кухни! Мы оставимъ Рёби посреди ея блаженства.

Въ этотъ же вечеръ, около девяти часовъ, Джонъ Кромбъ зашелъ къ мистрисъ Пипкинъ и тамъ ему сказали что Рёби ушла со двора съ сэръ-Феликсомъ Карбери. Онъ ударилъ себя кулакомъ по колѣнкѣ и глаза его засверкали.

— Когда-нибудь жестоко достанется ему, сказалъ Джонъ Кромбъ.

Ему позволили подождать Рёби до полуночи и затѣмъ онъ ушелъ съ сердцемъ удрученнымъ скорбію.

XXI. Джонъ Кромбъ попадаетъ въ бѣду.

Это было въ пятницу вечеромъ, въ тотъ злополучный день, когда бѣдная Рёби Рёгльсъ настояла чтобъ уйти изъ-подъ крова дома тетки Пипкинъ со своимъ аристократическимъ и порочнымъ возлюбленнымъ, несмотря на рѣшительное заявленіе мистрисъ Пипкинъ что если она уйдетъ въ такомъ обществѣ, то ей не позволено будетъ вернуться.

— Конечно вы должны впустить ее домой, сказала мистрисъ Гёртль вскорѣ по уходѣ дѣвушки.

При этихъ словахъ мистрисъ Пипкинъ расплакалась. Она слишкомъ хорошо знала себя и свое мягкосердечіе чтобы предположить возможность что она продержитъ ее всю

ночь на улицѣ; но огорченіе это было тяжело, очень тяжело для нея.

— Когда я была молода, мы не дѣлали какъ она, по-своему, сказала она рыдая.—Чѣмъ это кончится?

Не могутъ же обстоятельства принудить ее держать у себя эту дѣвушку, каково бы ни было ея поведеніе? Она все-таки согласилась что Рёби надо будетъ впустить въ домъ когда она вернется. Затѣмъ около девяти часовъ пришелъ Джонъ Кромбъ; остальная часть вечера прошла грустнѣе первой. Отъ него невозможно было утаить истину. Мистрисъ Гёртль увидѣла его и въ присутствіи мистрисъ Пипкинъ разказала ему всю исторію.

— Она упряма, мистеръ Кромбъ, сказала мистрисъ Гёртль

— Да, это такъ, сударыня. Давно ушла она съ баронетомъ?

— Да, давно, мистеръ Кромбъ.

— Чортъ возьми! Хорошо; можетъ быть мнѣ удастся поймать его на дняхъ; она пошла съ нимъ обѣдать, не правда ли? Развѣ здѣсь ей не даютъ обѣдать?

Мистрисъ Пипкинъ заговорила тутъ съ горькимъ чувствомъ обиды. У Рёби Рёглсъ былъ сытный обѣдъ, не хуже чѣмъ у любой женщины въ Лондонѣ—бычачье сердце и картофель, и всего этого она могла ѣсть сколько душѣ угодно. Мистрисъ Пипкинъ легко могла увѣрить мистера Кромба что въ ея домѣ не голодали и ѣду не давали по порціямъ. Джонъ Кромбъ немедленно вытащилъ очень толстый и очень полезный синій суконный плащъ, который онъ привезъ изъ Бонгея въ Лондонъ въ подарокъ той которая была такъ добра къ его Рёби. Онъ убѣдилъ ее что нисколько не сомнѣвается въ томъ что провизія у нея хорошая и въ изобиліи, и прибавилъ что взялъ на себя смѣлость привезти ей эту бездѣлицу въ знакъ его уваженія. Прошло нѣсколько времени прежде чѣмъ мистрисъ Пипкинъ успокоилась; наконецъ она позволила накинуть себѣ плащъ на плечи. Но и эта сцена произошла очень грустно. У того кто дарилъ не было пріятнаго сознанія что онъ дѣлаетъ это въ радости, а съ другой стороны, отъ той которая получала подарокъ не было изліянія благодарности. Мистрисъ Гёртль, бывшая тутъ, объявила что подарокъ великолѣпенъ; но положеніе было таково что восторгъ былъ немыслимъ.

— Съ вашей стороны, мистеръ Кромбъ, было очень мило

подумать о такой старухѣ какъ я, въ особенности когда у васъ такъ много горя изъ-за молодой дѣвушки.

— Это какъ слорынья въ пшеницѣ, мистрисъ Пипкинъ, или какъ болѣзнь на картофелѣ; надо потерпѣть, я думаю. Очень расположена она къ баронету, сударыня?

Вопросъ этотъ обращенъ былъ къ мистрисъ Гёртль.

— Я думаю, это временная фантазія, мистеръ Кромбъ, отвѣчала эта дама.

— Онѣ никогда не думаютъ о томъ что ихъ фантазіи едва не убиваютъ человѣка.

Онъ немного помолчалъ, откинувшись на спинку стула, не двигаясь и пристально устремивъ глаза въ потолокъ. Мистрисъ Гёртль держала въ рукахъ какую-то работу и наблюдала за нимъ. Человѣкъ этотъ былъ для нея существомъ необыкновеннымъ: такой постоянный, такой тихій, такъ мало разговорчивый, такъ мало похожій на ея соотечественниковъ, способный выѣсти такъ много и въ то же время столь лыкій въ своей привязанности!

— Сэръ-Фелпксъ Карбери! сказалъ онъ.—На-дняхъ я разыщу сэръ-Фелпкса. Если она отправилась только обѣдать, развѣ она уже не вернулась бы теперь, сударыня?

— Я думаю они пошли въ какое-нибудь увеселительное заведеніе, сказала мистрисъ Гёртль.

— Очень можетъ быть, сказалъ Джонъ Кромбъ тихимъ голосомъ.

— Она до безумія любитъ танцы, сказала мистрисъ Пипкинъ.

— А гдѣ же они танцуютъ? спросилъ Кромбъ, вставая со стула и потягиваясь.

Обѣ женщины ясно видѣли что онъ началъ помышлять о томъ какъ бы послѣдовать за Рёби въ Музыкальный Залъ. Однако ни одна изъ нихъ ему не отвѣтила; и онъ опять сѣлъ.

— Танцуютъ въ этихъ мѣстахъ всю ночь, мистрисъ Пипкинъ?

— Они дѣлаютъ все что имъ не слѣдуетъ дѣлать, сказала мистрисъ Пипкинъ.

Джонъ Кромбъ поднялъ кулакъ, тяжело опустилъ его на ладонь другой руки, затѣмъ молча просидѣлъ нѣсколько времени.

— Я никогда не слыхалъ чтобъ она любила танцовать, сказалъ онъ.—Я бы устроилъ ей танцы въ Бонгеѣ, какъ и все

другое. Полагаете ли, сударыня, что она пошла ради танцевъ или ради баронета? Это воззваніе опять относилось къ мистрисъ Гёртль.

— Я думаю они пошли вмѣстѣ, сказала эта дама.

Затѣмъ послѣдовала опять длинная пауза, послѣ которой бѣдный Джонъ Кромбъ вышелъ изъ себя.

— Будь онъ проклятъ! будь онъ проклятъ! Что я ему сдѣлалъ? Ничего! Развѣ я вмѣшивался когда-нибудь въ его дѣла? Никогда. Но я вмѣшаюсь. Я это сдѣлаю. Я того надѣлаю что не удивлюсь если попаду на висѣлицу.

— О, мистеръ Кромбъ, не говорите такъ, сказала мистрисъ Пипкинъ.

— Мистеръ Кромбъ немного разсерженъ, но онъ скоро успокоится, сказала мистрисъ Гёртль.

— Она негодная дѣвчонка послѣ того какъ она поступаетъ съ вами, сказала мистрисъ Пипкинъ.

— Нѣтъ, сударыня, она не негодная, сказалъ Кромбъ.— Она жестокая, ужасно жестокая. Къ чему мнѣ узнавать насчетъ муки у мельника или о какомъ бы то ни было дѣлѣ, если она тутъ съ этимъ баронетомъ... Нѣтъ, нѣтъ, ничего не нужно! Когда я буду этимъ занятъ, я даже не буду въ состояніи понять этого. Еслибъ я свернулъ ему шею, сударыня, рѣшились ли бы вы сказать что я не хорошо дѣлаю?

— Я предпочла бы чтобы вы отняли у него дѣвушку, сказала мистрисъ Гёртль.

— Я бы его съѣлъ, вотъ что. Половина двѣнадцатаго; а? Она должна же придти, а?

Мистрисъ Пипкинъ, вовсе не желавшая жечь всю ночь свѣчи, объявила что въ этомъ случаѣ она ничего не можетъ сказать. Если Рёби придетъ, въ эту ночь ее впустятъ. Мистрисъ Пипкинъ думала что лучше будетъ встать и впустить ее нежели сидѣть изъ-за нея и не спать. Бѣдный мистеръ Кромбъ не сразу понялъ намекъ и еще съ полчаса просидѣлъ тутъ, говоря мало, но ожидая что Рёби еще вернется. Когда часы пробили двѣнадцать ему сказали что онъ долженъ уйти. Онъ медленно собрался и поплелся изъ дому.

— Онъ добрый малый, сказала мистрисъ Гёртль какъ только за нимъ затворили дверь.

— Слишкомъ хорошъ для Рёби Рёгльсъ, сказала мистрисъ Пипкинъ.—Онъ можетъ содержать жену. Мистеръ Карбери

говоритъ что въ ихъ краяхъ онъ не хуже всякаго кулца ведетъ дѣло.

Мистрисъ Гёртль непріятно было слышать имя мистера Карбери, и этотъ послѣдній доводъ она не приняла въ пользу Джона Кромба.

— Я не думаю чтобъ я стала лучшаго мнѣнія о человѣкѣ вслѣдствіе его дружбы съ мистеромъ Карбери, сказала она.

— Мистеръ Карбери вовсе не похожъ на своего двоюроднаго брата, мистрисъ Гёртль.

— Мнѣ нѣтъ дѣла ни до кого изъ Карбери, мистрисъ Пипкинъ. Мнѣ кажется здѣсь всѣ или слишкомъ смиренны или слишкомъ несносны. Кажется никто не довольствуется тѣмъ чтобы быть твердымъ въ своихъ дѣлахъ и не вмѣшиваться въ чужія.—Все это было совершенно непонятно для мистрисъ Пипкинъ.—Я думаю мы можемъ идти спать. Когда дѣвушка придетъ и постучитъ, конечно мы должны ее впустить. Если я услышу, я сойду внизъ и отворю ей дверь.

Мистрисъ Пипкинъ очень извинялась предъ своею жилицей за безпорядки въ домѣ. Она не ляжетъ сама, чтобы при первомъ ударѣ отворить дверь, и чтобы мистрисъ Гёртль не безпокоили. Она постарается изо всѣхъ силъ устроить чтобы больше не было никакого безпокойства. Она надѣется что мистрисъ Гёртль убѣдится что она вынуждена исполнять обязанность свою къ этой дурной и злой дѣвушкѣ. Затѣмъ она перешла прямо къ цѣли своей рѣчи. Она надѣется что мистрисъ Гёртль не будетъ принуждена оставить ея квартиру изъ-за этого непріятнаго происшествія.

— Я не боюсь этого высказать теперь, мистрисъ Гёртль, но ваше пребываніе здѣсь такъ важно для меня. Мнѣ не на что разчитывать кромѣ жильцовъ, а ихъ, въ особенности хорошихъ, такъ трудно достать!

Бѣдная женщина едва ли понимала мистрисъ Гёртль, которая была совсѣмъ особенная жилица. Она не заботилась о безпокойствахъ, ей даже нравилось помогать спасенію Рёби. Мистрисъ Гёртль просила мистрисъ Пипкинъ лечь спать. Ее нисколько не обезпокоитъ стукъ въ дверь. Еще съ полчаса послѣ ухода Джона Кромба просидѣли дамы въ гостиной. Затѣмъ мистрисъ Гёртль взяла свѣчку и прошла до половины лѣстницы, ведущей въ ея пріемную комнату, какъ послышались два громкихъ удара. Она тотчасъ сошла въ переднюю къ мистрисъ Пипкинъ. Дверь отворили и въ ней

показались Рёби Рёгльсъ, Джонъ Кромбъ и два полисмена. Рёби бросилась на одну изъ ступенекъ, начала махать руками и жалобно выть.

— Боже милостивый; что случилось? спросила мистрисъ Пипкинъ.

— Онъ пришелъ и убилъ его! восклицала Рёби.—Онъ это сдѣлалъ! Онъ пришелъ и убилъ его.

— Эта молодая женщина здѣсь живетъ? спросилъ одинъ изъ полисменовъ.

— Да, она здѣсь живетъ, сказала мистрисъ Гёртль.

Но теперь мы должны вернуться къ похожденіямъ Джона Кромба послѣ того какъ онъ вышелъ изъ дому.

Онъ нанялъ комнатку въ маленькой гостиницѣ рядомъ со станціей Восточной желѣзной дороги, гдѣ всегда останавливался когда пріѣзжалъ по дѣламъ въ Лондонъ; сюда онъ намѣревался вернуться. Вдругъ ему пришла въ голову мысль постараться разыскать Рёби и своего врага въ танцклассахъ столицы; съ этою цѣлью онъ предложилъ вопросъ, но полученный отвѣтъ не могъ помочь ему въ его намѣреніи; онъ оставилъ его какъ слишкомъ сложное и требовавшее болѣе смышлености нежели сколько онъ признавалъ за собою. Онъ повернулъ въ улицу, которая какъ онъ зналъ ведетъ къ перекрестку; тамъ онъ ужь найдетъ дорогу въ восточную часть города. Онъ только-что прошелъ конецъ Госвель-Рода и стоялъ съ разинутымъ ртомъ, стараясь сообразить какъ пойти по настоящей дорогѣ; онъ думалъ было спросить полисмена, бывшаго по близости, но колебался, боясь что тотъ пожелаетъ узнать что ему нужно. Затѣмъ вдругъ онъ услышалъ крикъ женщины и узналъ голосъ Рёби. Голосъ раздавался близко отъ него, но при мерцаніи газовыхъ фонарей онъ не могъ разобрать откуда онъ шелъ. Онъ стоялъ не шевелясь; сунувъ руку подъ шляпу, онъ жалъ себѣ лобъ, стараясь сообразить какъ ему поступить въ подобномъ случаѣ. Тутъ онъ ясно услыхалъ голосъ: „я не хочу, не хочу“, затѣмъ крикъ. Потомъ еще нѣсколько словъ. „Это не хорошо—я не хочу.“ Наконецъ онъ пришелъ въ себя. Онъ побѣжалъ въ ту сторону гдѣ былъ слышанъ голосъ, и повернувъ въ переулокъ направо который велъ въ Госвель-Родъ, увидалъ Рёби вырывавшуюся изъ рукъ мущины. Она вышла изъ танцкласса съ своимъ возлюбленнымъ; когда они пришли къ

ловороту, возникъ вопросъ о ея дальнѣйшей судьбѣ въ эту ночь. Рёби хотя хорошо помнила угрозы мистрисъ Пипкинъ, но намѣрена была попытать счастія у дверей своей тетки. Сэръ-Феликсъ желалъ устроить такъ какъ ему было пріятнѣе; такъ какъ Рёби не соглашалась съ его доводами, то онъ подумалъ что не мѣшало употребить силу чтобы способствовать своему намѣренію. Онъ оттащилъ Рёби въ переулокъ. Несчастный! Онъ проглотилъ нѣсколько большихъ стакановъ воды съ коньякомъ и это придало ему смѣлости относительно вмѣшательства полиціи, въ противномъ случаѣ онъ бы побоялся и бросилъ руки Рёби какъ только она возвысила голосъ. Но каково должно было быть количество спирта чтобы дать ему смѣлость настаивать на своемъ, еслибъ онъ могъ вообразить что Джонъ Кромбъ былъ недалеко отъ него? Вдругъ онъ почувствовалъ что его кто-то схватилъ за платье и толкнулъ съ такою силой что онъ ударился о рѣшетку и едва не лишился жизни. Но онъ разслышалъ восклицаніе Рёби: „это навѣрное Джонъ Кромбъ!“ Тогда ему показалось что конецъ его наступилъ, и не будучи въ состояніи держаться на ногахъ, онъ повалился на-земь.

— Ну, вставайте вы, сказалъ Джонъ Кромбъ. Но баронетъ полагалъ что лучше лежать на землѣ.—Вы встанете, сказалъ Джонъ, беря его за шиворотъ и приподнимая его.—Теперь, Рёби, я ему задамъ, сказалъ Джонъ. При этомъ Рёби закричала изо всей силы. Крикъ ея теперь былъ гораздо рѣзче того, который привлекъ вниманіе Джона Кромба.

— Не бейте лежачаго, сказалъ баронетъ жалобно, какъ бы умоляя пощадить ему жизнь.

— Не буду, сказалъ Джонъ;—но лобью когда онъ встанетъ. Сэръ-Феликсъ въ рукахъ этого человѣка былъ какъ ребенокъ. Джонъ Кромбъ поднялъ его, и лѣвою рукой обхвативъ его за шею (упрятавъ его голову подъ судъ, какъ у насъ говорилось когда мы дрались въ школѣ), разъ шесть ударилъ несчастнаго по лицу, не зная и не заботясь куда именно попадали его удары, но при каждомъ ударѣ онъ обезображивалъ его черты. Онъ бы еще продолжалъ, еслибы Рёби не кинулась на него и не высвободила сэръ-Феликса изъ его рукъ.—Будетъ съ него пока, сказалъ Джонъ Кромбъ, оставивъ свою работу. Сэръ-Феликсъ упалъ опять на землю и страшно застоналъ.—Я зналъ что ему достанется, сказалъ Джонъ Кромбъ. Крики Рёби привлекли конечно полицію. Съ

обоихъ концовъ переулка явились одновременно на мѣсто происшествія два полисмена. Самое жестокое было то что Рёби принося жалобы полиціи ни слова не сказала противъ сэръ-Феликса, но съ горечью жаловалась на Джона Кромба. Напрасно Джонъ старался объяснить полисмену что онъ вмѣшался вслѣдствіе криковъ молодой дѣвушки о помощи. Рёби быстро болтала языкомъ, а Джонъ Кромбъ очень медленно. Рёби клялась что никогда не совершалось ничего болѣе ужаснаго, жестокаго и кроваваго. Когда обращались къ сэръ-Феликсу, онъ ничего не могъ сказать. Онъ только стоналъ и дѣлалъ напрасныя усилія вытереть кровь, лившуюся съ его лица, пока полисмены поддерживали его у рѣшетки. А Джонъ, хотя и старался объяснить полисменамъ всю низость поступка молодаго баронета, однако ни слова не сказалъ противъ Рёби. Онъ даже нисколько не былъ разсерженъ за ея жалобы на него. Какъ онъ самъ не разъ говорилъ въ послѣдствіи, онъ нашелъ баронета какъ разъ вовремя, и такъ какъ ему удалось наказать его, то онъ не чувствовалъ гнѣва противъ Рёби что она вызвала подобную операцію. Скоро на мѣстѣ появился третій полисменъ и около дюжины постороннихъ лицъ: извощиковъ, ночныхъ бродягъ, предпочитающихъ въ это время года спать на мостовой, нежели въ бѣдныхъ ночлежныхъ домахъ. Они всѣ были противъ Джона Кромба. Зачѣмъ этотъ рослый мущина вмѣшался въ дѣло между молодою женщиной и молодымъ человѣкомъ? Двое или трое изъ нихъ обтерли лицо сэръ-Феликсу, вытерли глаза и предлагали то одно, то другое средство. Иные изъ нихъ думали что самое лучшее свезти его прямо въ больницу. Одна женщина замѣтила что ему такъ ломяли бока что онъ ужь не встанетъ. Одинъ недоросль замѣтилъ что онъ былъ словно мертвецъ. Извощикъ прибавилъ что не легко ему пришлось. На всѣ эти замѣчанія о его состояніи, сэръ-Феликсъ самъ не дѣлалъ прямыхъ возраженій, но выразилъ желаніе чтобъ его куда-нибудь увезли,—ему было все равно куда.

Наконецъ полисмены рѣшили между собою что̀ имъ дѣлать. Они узнали изъ показаній Рёби и Кромба что сэръ-Феликсъ былъ сэръ-Феликсъ. Одинъ изъ полицейскихъ коммиссаровъ повезетъ его въ Варѳоломеевскую больницу и возьметъ его адресъ, чтобы его можно было вызвать когда начнется слѣдствіе. Рёби отведутъ по адресу который онъ далъ,—мнѣ̀ полмили отъ того мѣста гдѣ они теперь находи-

лись, и оставятъ ее тамъ или нѣтъ, смотря потому какія получатъ о ней свѣдѣнія. Джонъ Кромбъ несомнѣнно долженъ быть запертъ въ полицейскую станцію. Онъ былъ зачинщикъ, насколько они до сихъ поръ знали, можетъ-быть даже убійца. Никто не сказалъ добраго слова за него. Онъ самъ за себя не сказалъ почти ни слова, и конечно не противился тому какъ съ нимъ намѣревались поступить. Но безъ сомнѣнія внутренно онъ гордился сознаніемъ что жестоко избилъ своего врага.

Такимъ образомъ два полисмена съ Джономъ Кромбомъ и Рёби очутились у двери мистрисъ Пипкинъ. Рёби все продолжала громко жаловаться на злодѣя, который любилъ ея возлюбленнаго и можетъ-быть убилъ его. Среди своихъ сѣтованій она грозила каторгой, цѣпями, пожизненнымъ заключеніемъ и взысканіемъ проторей и убытковъ. Отъ мистрисъ Пипкинъ полисменамъ удалось узнать часть правды.

— О, да; дѣвушка жила здѣсь и была честная дѣвушка. Человѣкъ, котораго они арестовали, былъ тоже честный малый и настоящій женихъ дѣвушки. Другой, котораго побили, былъ безъ сомнѣнія лицо титулованное, но онъ не былъ человѣкъ порядочный и не былъ настоящимъ женихомъ дѣвушки. Назвали имя Джона Кромба.

— Я Джонъ Кромбъ изъ Бонгея, сказалъ онъ,—и я никого и ничего не боюсь. Я не былъ пьянъ; нѣтъ. Помялъ его немного. Конечно помялъ. Я намѣренъ былъ это сдѣлать. Вотъ эта дѣвица дала слово быть моею женой.

— Нѣтъ, я не давала, закричала Рёби.

— Нѣтъ дала, настаивалъ Джонъ Кромбъ.

— Ну, такъ я никогда не сдержу его, возразила Рёби.

Джонъ Кромбъ бросилъ на нее взглядъ полный любви и прижалъ руку къ сердцу. Послѣ чего старшій полисменъ сказалъ что онъ сразу понялъ въ чемъ дѣло, но что пусть лучше мистеръ Кромбъ пока послѣдуетъ за нимъ. На это распоряженіе несчастный Бонгейскій герой не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія.

— Миссъ Рёгльсъ, сказала мистрисъ Гёртль,—если этотъ молодой человѣкъ не побѣдитъ наконецъ ваше сердце, то у васъ его нѣтъ.

— Конечно оно есть у меня и я вовсе не намѣрена отдавать его ему. Онъ убилъ сэръ-Феликса. Мистрисъ Гёртль вполголоса выразила злобное желаніе, что хорошо было бы еслибы такъ. Послѣ того всѣ три женщины пошли спать.

XXII. Спросите у него.

Роджеръ Карбери, получивъ письмо отъ матери Гетты, въ которомъ она выражала желаніе чтобъ онъ сообщилъ все что̀ зналъ объ отношеніяхъ Поля Монтегю къ мистрисъ Гёртль, почувствовалъ что онъ не въ состояніи этого сдѣлать. Онъ пытался спросить себя какъ бы онъ поступилъ въ подобномъ случаѣ еслибы это не касалось его лично. Какой совѣтъ въ подобномъ случаѣ далъ бы онъ матери, и какой дочери, еслибы самъ не былъ заинтересованъ? Онъ былъ убѣжденъ, что въ качествѣ родственника Гета, къ которому обращались какъ къ ея брату, онъ сказалъ бы ей что затруднительное положеніе Поля Монтегю относительно этой Американки во всякомъ случаѣ воспрещало ему въ настоящее время просить руки другой женщины. Онъ думалъ что достаточно знакомъ со всѣми обстоятельствами чтобы быть увѣреннымъ что таково было бы его рѣшеніе. Онъ видѣлъ мистрисъ Гёртль вмѣстѣ съ Монтегю въ Лоуестоффѣ, и зналъ что они останавливались какъ хорошіе друзья въ одной гостиницѣ. Онъ зналъ что она пріѣхала въ Англію именно съ цѣлью настоять на выполненіи даннаго слова; о чемъ Монтегю самъ часто упоминалъ. Онъ зналъ что Монтегю часто посѣщалъ ее въ Лондонѣ. Правда, самъ Монтегю говорилъ что чего бы ему ни стоило, онъ нарушитъ и въ самомъ дѣлѣ нарушилъ данное слово. Онъ вполнѣ вѣрилъ истинѣ его словъ, но не имѣлъ довѣрія къ его твердости. До сей поры, онъ не имѣлъ повода думать что мистрисъ Гёртль согласилась быть покинутой. Какой отецъ, какой братъ допустилъ бы дочь или сестру сдѣлаться невѣстой человѣка находящагося въ такомъ неловкомъ положеніи. Онъ конечно совѣтовалъ Монтегю избавиться отъ узъ которыми онъ себя опуталъ: но не по этой причинѣ находилъ онъ что этотъ человѣкъ въ настоящемъ своемъ положеніи не могъ быть женихомъ другой женщины.

Все это было ясно для Роджера Карбери. Для него было также ясно то что онъ не могъ, какъ честный человѣкъ, помочь собственному дѣлу разказывая исторію которая была ему извѣстна какъ другу человѣка во вредъ которому надо было теперь ее разказать. Это было его рѣшеніе когда онъ по-

кинулъ Монтегю и мистрисъ Гёртль на пескахъ Лоуестоффи. Но что̀ ему было дѣлать теперь? Дѣвушка, которую онъ любилъ, призналась въ любви къ другому, и этотъ другой, добиваясь любви этой дѣвушки, былъ, какъ онъ думалъ, низкимъ измѣнникомъ предъ нимъ! Онъ уже рѣшилъ что ихъ будетъ раздѣлять постоянная и вѣчная вражда. Что̀ его любовь къ дѣвушкѣ будетъ также постоянна, онъ былъ въ этомъ вполнѣ увѣренъ. Уже въ его головѣ бродила мысль продлить родъ Карбери въ лицѣ одного изъ дѣтей Гетты, но съ условіемъ что онъ и отецъ ребенка никогда не будутъ видѣть другъ друга. Прошло не болѣе двадцати четырехъ часовъ между полученіемъ письма Поля и письма отъ леди Карбери, но въ эти двадцать четыре часа онъ почти забылъ о мистрисъ Гёртль.

Дѣвушка была уже потеряна для него и онъ думалъ только о своей потерѣ и о вѣроломствѣ Поля. Въ это время ему сдѣланъ былъ вопросъ, на который его просили дать положительный отвѣтъ. Зналъ ли онъ такіе факты связанные съ присутствіемъ нѣкоей мистрисъ Гёртль въ Лондонѣ, которые препятствовали бы Геттѣ принять брачное предложеніе Поля Монтегю? Конечно зналъ. Всѣ факты были ему извѣстны. Но какъ ему передать ихъ? Въ какихъ выраженіяхъ отвѣчать на это письмо? Если онъ скажетъ правду, какъ она была ему извѣстна, какъ оградитъ онъ себя отъ подозрѣнія что онъ разказалъ эту исторію во вредъ сопернику и для собственной пользы, или во всякомъ случаѣ, въ наказаніе сопернику?

Онъ не могъ взять на себя написать отвѣтъ на письмо леди Карбери, онъ рѣшился ѣхать въ Лондонъ. Если онъ долженъ сообщить эту исторію, онъ сообщитъ ее лучше лицомъ къ лицу, нежели письменно. Итакъ онъ отправился, пріѣхалъ въ городъ поздно вечеромъ и постучалъ у дверей дома въ Вельбекъ-Стритѣ, между десятью и одиннадцатью часами утромъ на другой день послѣ несчастной встрѣчи сэръ-Феликса съ Джономъ Кромбомъ. Мальчикъ отворившій дверь имѣлъ такой видъ какой долженъ имѣть слуга когда семейство въ которомъ онъ служитъ постигло большое несчастіе. За миледи прислали изъ больницы чтобы навѣстить сэръ-Феликса, который былъ, какъ передавалъ мальчикъ, въ очень плохомъ положеніи. Мальчикъ не зналъ въ точности что̀ случилось, но полагалъ что сэръ-Феликсъ уже лишился въ настоящее время части своихъ членовъ. Да,

миссъ Карбери на верху и безъ сомнѣнія приметъ своего родственника, хотя она тоже очень разстроена и сильно безпокоится. Что бѣдная Гетта „безпокойлась“ когда братъ ея былъ въ больницѣ, а возлюбленный въ сѣтяхъ ужасной Американки, было довольно естественно.

— Что такое съ Феликсомъ? спросилъ Роджеръ. Новое несчастье всегда имѣетъ преимущество предъ старыми.

— О, Роджеръ, какъ я рада васъ видѣть. Феликсъ не вернулся домой вчера вечеромъ, а сегодня утромъ пришелъ человѣкъ изъ больницы въ Сити и сказалъ что онъ тамъ.

— Что такое съ нимъ случилось?

— Кто-то побилъ его, сказала Гетта плача. Затѣмъ она разсказала исторію насколько знала ее. Посланный изъ больницы объявилъ что молодой человѣкъ былъ внѣ опасности и что у него всѣ кости цѣлы, но что лицо его было страшно обезображено, глаза въ ужасномъ положеніи, многіе зубы вышиблены, а губы разорваны. Но, продолжалъ посланный, больничный докторъ не видѣлъ причины, почему бы молодаго человѣка не взять домой.—Мама поѣхала за нимъ, сказала Гетта.

— Это Джонъ Кромбъ, сказалъ Роджеръ. Гетта никогда не слыхала о Джонѣ Кромбѣ и посмотрѣла на своего родственника удивленными глазами.—Вамъ не говорили о Джонѣ Кромбѣ? Нѣтъ; вы не могли слышать о немъ.

— Зачѣмъ было Джону Кромбу такъ избить Феликса?

— Говорятъ, Гетта, женщины бываютъ причиною многихъ бѣдъ случающихся на свѣтѣ. Дѣвушка покраснѣла до ушей, какъ будто ей разсказали всю исторію прегрѣшеній и глупостей Феликса.—Если это было такъ какъ я полагаю, продолжалъ Роджеръ,—Джонъ Кромбъ счелъ себя оскорбленнымъ и отмстилъ такимъ образомъ.

— Вы знали о немъ прежде?

— Да, конечно, отлично зналъ. Онъ мой сосѣдъ и всѣмъ сердцемъ любилъ одну дѣвушку; онъ бы женился на ней и былъ бы ей хорошимъ мужемъ. У него домъ, гдѣ бы они жили, онъ честный человѣкъ, съ нимъ она была бы спокойна, счастлива и всѣми уважаема. Вашъ братъ увидалъ ее, и хотя зналъ всю исторію, хотя я самъ говорилъ ему что этотъ человѣкъ все свое счастье видѣлъ въ любви этой дѣвушки, но онъ вѣроятно подумалъ что такая хорошенькая дѣвушка слишкомъ хороша для Джона Кромба.

— Но Феликсъ хотѣлъ жениться на миссъ Мельмотъ?

— У васъ устарѣлыя понятія, Гетта. Прежде такъ было; надо было покончить сперва со старою любовью, прежде чѣмъ заняться новою; теперь все это кажется измѣнилось. Такіе красивые молодые люди какихъ встрѣчаемъ теперь могутъ сразу быть влюблены въ двухъ. Боюсь что Феликсъ былъ того же мнѣнія; за то онъ и наказанъ.

— Значитъ вы все это знаете.

— Нѣтъ; я не знаю. Но думаю что это было такъ. Я знаю что Джонъ Кромбъ грозилъ это сдѣлать, и я былъ убѣжденъ что рано или поздно онъ сдержитъ слово. Если такъ случилось, кто виноватъ въ этомъ?

Родственникъ Гетты разказывалъ эту исторію такъ, что она слушая его не знала говоритъ ли онъ о другомъ человѣкѣ, о незнакомцѣ, о которомъ она никогда не слыхала, или о себѣ самомъ. Онъ бы женился на ней и былъ бы добръ къ ней. У него былъ домъ, гдѣ принять ее. Онъ былъ честный человѣкъ, съ нимъ бы она была спокойна, счастлива и всѣми уважаема. Онъ такъ на нее смотрѣлъ когда говорилъ какъ будто это именно ея касалось. Затѣмъ, когда онъ сказалъ о старыхъ понятіяхъ, о томъ что нужно покончить со старою любовью, прежде нежели начать новую, не намекалъ ли онъ на Поля Монтегю и на эту исторію съ Американкой? Но если такъ, то не самой же Геттѣ высказать это въ словахъ. Онъ долженъ сказать яснѣе, чтобы можно было думать что она понимаетъ его намекъ на ея положеніе.

— Это ужасно, сказала она.

— Ужасно; да. Мнѣ жаль вашу мать и жаль васъ.

— Мнѣ кажется что для насъ никогда не будетъ счастья, сказала Гетта. Она горѣла желаніемъ услышать что-нибудь о мистрисъ Гёртль, но сама еще не смѣла предложить этого вопроса.

— Не знаю ждать мнѣ вашу матушку или нѣтъ, сказалъ онъ помолчавъ немного.

— Пожалуста дождитесь ее, если вы не очень заняты.

— Я пріѣхалъ сюда только затѣмъ чтобъ ее видѣть, но можетъ-быть она не желала бы застать меня здѣсь, когда привезетъ Феликса домой.

— Конечно она будетъ рада. Она бы желала чтобы вы всег-

да были тутъ, когда случается несчастіе. О, Роджеръ, я бы желала чтобы вы сказали мнѣ.

— Что̀ сказать вамъ?

— Она писала вамъ, правда?

— Да, она писала.

— И обо мнѣ?

— Да, о васъ, Гетта. Мистеръ Монтегю мнѣ тоже писалъ.

— Онъ говорилъ мнѣ что напишетъ, сказала тихо Гетта.

— Сообщилъ онъ вамъ мой отвѣтъ?

— Нѣтъ; онъ не говорилъ мнѣ объ отвѣтѣ. Съ тѣхъ поръ я не видала его.

— Не находите ли вы что съ его стороны это было очень мило? Я чувствую почти то же что̀ и Джонъ Кромбъ, хотя не попробую выразить это чувство такимъ же образомъ.

— Развѣ вы не сказали что дѣвушка обѣщала любить того человѣка?

— Я этого не говорилъ; но она дѣйствительно обѣщала. Да, Гетта, въ этомъ разница. Дѣвушка была непостоянна и нарушила свое слово. Вы этого не дѣлали. Я буду не правъ если у меня въ головѣ явится хоть одна дурная мысль о васъ. Я никогда дурно не думалъ о васъ. Не васъ я упрекаю. Но онъ былъ невѣренъ, онъ поступилъ, если возможно, даже хуже Феликса.

— О, Роджеръ, въ чемъ же былъ онъ невѣренъ?

Все-таки ему не хотѣлось разказать ей исторію мистрисъ Гёртль. Измѣна, которую онъ подразумѣвалъ, говоря о своемъ другѣ, относилась къ нему.—Онъ долженъ былъ уѣхать и близко не подходить въ вамъ, сказалъ Роджеръ,—когда онъ замѣтилъ возможность своего чувства къ вамъ. Въ отношеніи же ко мнѣ, онъ обязанъ былъ не отнимать чашу отъ моихъ губъ.

Какъ она могла сказать ему что къ этой чашѣ его губы никогда бы не прикоснулись? Если только въ этомъ была его измѣна, она должна была сказать ему правду. Но эта ужасная исторія съ мистрисъ Гёртль; она бы выслушала ее, если-бы только могла добиться чтобъ ее разказали. Она не проронитъ ни слова. Но она не могла согласиться чтобъ ея возлюбленный былъ виноватъ въ томъ что любилъ ее.

— Но, Роджеръ, сказала она,—вѣдь это было бы все равно.

— Вы можете думать такъ. Можете сознавать, можете

знать это. Я ни въ какомъ случаѣ не буду съ вами спорить когда вы говорите что это должно было быть такъ. Но онъ не сознавалъ этого; не зналъ этого. Онъ былъ для меня какъ меньшой братъ, и онъ укралъ у меня все. Я понимаю, Гетта, что вы хотите сказать. Я бы никогда не имѣлъ успѣха! Мое счастье было невозможно, еслибы даже Поль никогда не вернулся домой изъ Америки. Я сто разъ себѣ это говорилъ, но все-таки я не могу простить ему. И не прощу, Гетта. Будете ли вы его женой или женой другаго, или останетесь навсегда Геттою Карбери, мое чувство къ вамъ не измѣнится. Пока мы оба живы, вы будете для меня самымъ дорогимъ существомъ. Моя ненависть къ нему...

— О, Роджеръ, не говорите ненависть.

— Моя вражда къ нему не измѣнитъ моего чувства къ вамъ. Говорю вамъ, если вы будете его женой, я все-таки буду любить васъ. Что же касается заповѣди „не пожелай", то какъ можетъ человѣкъ перестать желать то что онъ всегда желалъ? Но я буду разлученъ съ вами. Когда я буду умирать, я пришлю за вами. У меня нѣтъ другой мечты о счастьи какъ въ связи съ вами. Пусть бы взялъ онъ все мое состояніе и я сталъ бы зарабатывать себѣ хлѣбъ, еслибъ я только могъ надѣяться получить ваше сердце и раздѣлять съ вами мои труды.

Все-таки ни слова не было сказано о мистрисъ Гёртль.

— Роджеръ, сказала она,—я уже отдала его. Нельзя отдать его двоимъ.

— Еслибъ онъ былъ недостоинъ, не измѣнилась ли бы ваша любовь къ нему?

— Я думаю никогда. Роджеръ, развѣ онъ недостоинъ?

— Какъ можете вы повѣрить моему отвѣту на такой вопросъ? Онъ мой врагъ. Онъ такъ былъ неблагодаренъ въ отношеніи ко мнѣ какъ это рѣдко случается. Онъ обратилъ всю мою доброту въ желчь, всѣ цвѣты моего счастья въ терніи. Онъ заградилъ мнѣ дорогу. А вы спрашиваете меня достоинъ ли онъ. Я не могу отвѣчать вамъ.

— Еслибы вы считали его достойнымъ, вы бы сказали мнѣ, проговорила она, вставая и беря его за руку.

— Нѣтъ; я вамъ ничего не скажу. Спросите у кого-нибудь другаго, только не у меня; онъ осторожно, но безуспѣшно старался освободить свою руку.

— Роджеръ, еслибы вы считали его добрымъ, вы бы мнѣ

сказали, потому что вы сами добры. Хотя вы и ненавидите его, вы бы все-таки сказали. Вы не захотите оставить ложное впечатлѣніе даже о врагахъ вашихъ. Я спрашиваю васъ, потому что какъ бы васъ это ни касалось, я знаю, я могу вамъ довѣриться. Я ничѣмъ не могу быть для васъ болѣе, Роджеръ; но я люблю васъ какъ сестра и спрашиваю васъ какъ сестра спросила бы брата. Ему отдано мое сердце. Скажите есть ли причина чтобы моя рука не принадлежала ему!

— Спросите его самого, Гетта.

— А вы мнѣ ничего не скажете? Вы не попробуете спасти меня, хотя знаете что я въ опасности? Кто такое мистрисъ Гёртль?

— Вы спрашивали у него?

— Я не слыхала ея имени до его ухода. Я даже не знала о существованіи подобной женщины. Правда что онъ обѣщалъ жениться на ней? Феликсъ сказалъ мнѣ о ней, и сказалъ также что вы знаете. Но я не могу вѣрить Феликсу, какъ вѣрю вамъ. И мама говоритъ что это такъ; но мама также сказала чтобы спросить у васъ. Есть такая женщина?

— Безъ сомнѣнія такая женщина существуетъ.

— И она была.... другомъ Поля?

— Что бы тамъ ни было, Гетта, отъ меня вы этого не услышите. Я не скажу ни худа, ни добра объ этомъ человѣкѣ, исключая его поведенія по отношенію ко мнѣ. Пошлите за нимъ и попросите его разказать вамъ исторію мистрисъ Гёртль, такъ какъ это его самого касается. Я не думаю чтобъ онъ сталъ лгать, но если онъ солжетъ, вы будете знать что онъ лжетъ.

— И это все?

— Все что я могу сказать, Гетта. Вы просите меня быть вашимъ братомъ; но я не могу стать на мѣсто вашего брата. Я прямо говорю вамъ, я влюбленъ въ васъ и такъ и останусь. Вашъ братъ встрѣтитъ съ радостью человѣка котораго вы изберете себѣ въ мужья. Я же никогда не могу привѣтствовать вашего мужа. Я думаю двадцать лѣтъ пройдетъ, и если вы будете еще Гетта Карбери, я все-таки буду влюбленъ въ васъ, хотя и буду старъ. Что дѣлать теперь съ Феликсомъ, Гетта?

— А что можно сдѣлать? Иногда мнѣ приходитъ въ голову что это разобьетъ сердце мамы.

— Ваша мать сердитъ меня своею постоянною снисходительностью.

— Но что̀ она можетъ сдѣлать? Вы бы не хотѣли чтобъ она выгнала его на улицу?

— Не знаю какъ сказать, желалъ бы я этого или нѣтъ. На нѣсколько времени можетъ-быть это бы его устроило. Подъѣхалъ экипажъ. Вотъ и они. Да; сойдите лучше внизъ и предупредите вашу матушку что я здѣсь. Можетъ-быть его проведутъ прямо въ постель чтобъ я не видалъ его.

Гетта сдѣлала какъ ее просили, и встрѣтила въ передней мать и брата. Феликсъ, вполнѣ владѣя руками и ногами, могъ выйти изъ экипажа, и послѣшно перейдя тротуаръ, войти въ домъ; затѣмъ не сказавъ сестрѣ ни слова, онъ скрылся въ столовой. Лицо его было такъ залѣплено пластыремъ что не было видно ни одной черты; оба глаза распухли и были покрыты синяками; часть бороды была обрѣзана и вся физіономія такъ измѣнилась что даже мальчикъ слуга едва узналъ его.

— Роджеръ наверху, мама, сказала Гетта въ передней.

— Онъ слышалъ о Феликсѣ; по этому поводу онъ пріѣхалъ?

— Онъ зналъ только то что̀ я сказала ему. Онъ пріѣхалъ по поводу вашего письма. Онъ говоритъ что это сдѣлалъ человѣкъ по имени Кромбъ.

— Такъ онъ знаетъ. Кто могъ ему сказать? Онъ всегда все знаетъ. О, Гетта, что̀ мнѣ дѣлать? Куда дѣнусь я съ такимъ несчастнымъ мальчикомъ?

— Онъ раненъ, мама.

— Раненъ; конечно раненъ; ужасно израненъ. Это чудовище хотѣлъ убить его. Говорятъ, у него останутся ужасные слѣды навсегда. О, Гетта, что̀ мнѣ дѣлать съ нимъ? Что̀ дѣлать мнѣ съ собой и съ тобою?

Въ этотъ разъ Роджеръ избѣгъ непріятности личнаго свиданія съ своимъ родственникомъ Феликсомъ. Несчастнаго насколько возможно удобнѣе устроили въ столовой, и леди Карбери пошла наверхъ въ гостиную къ своему родственнику. Она узнала почти всю правду, хотя конечно сэръ-Феликсъ лгалъ относительно иныхъ подробностей. Есть такія печальныя обстоятельства, которыя почти неизбѣжно требуютъ лжи. Когда молодой человѣкъ дурно поступилъ относительно женщины, когда молодаго человѣка побили, а онъ не отвѣтилъ тѣмъ же, когда пороки сына являются прямо предъ глазами матери, что̀ остается дѣлать какъ не лгать? Какъ

могъ сэръ-Феликсъ сказать правду объ этомъ нападеніи? Но полисменъ привезшій его въ больницу разказалъ все что̀ зналъ. Человѣка который избилъ баіонета звали Кромбомъ, и это нападеніе произошло по поводу молодой женщины, по имени Рёльсъ. Настолько извѣстно было въ больницѣ, и все это нельзя было прикрыть какою бы то ни было ложью, сказанною сэръ-Феликсомъ. Когда же сэръ-Феликсъ клялся что полисменъ держалъ его въ то время какъ Кромбъ его билъ, никто ему не вѣрилъ. Въ подобныхъ случаяхъ лгунъ и не ждетъ чтобъ ему вѣрили. Онъ знаетъ что его безчестье будетъ извѣстно всѣмъ, и по крайней мѣрѣ надѣется избѣгнуть стыда разказывать о немъ самому.

— Что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать? сказала леди Карбери своему родственнику.—Безполезно совѣтовать мнѣ бросить его. Я не могу этого сдѣлать. Я знаю, онъ испорченъ. Я знаю что я много виновата что онъ сталъ такимъ каковъ онъ теперь.—Слезы текли по ея истощенному лицу.—Но онъ мое дитя. Что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать теперь?

На этотъ вопросъ Роджеръ находилъ почти невозможнымъ отвѣчать. Еслибъ онъ высказалъ то что̀ думалъ, онъ сказалъ бы что сэръ-Феликсъ достигъ такихъ лѣтъ въ которыя, если человѣкъ стремительно идетъ къ погибели, онъ безвозвратно погибнетъ. Думая какъ онъ думалъ о своемъ родственникѣ онъ не видѣлъ для него возможности спасенія.

— Я бы увезъ его за границу, сказалъ онъ.

— Лучше ли онъ будетъ за границей нежели здѣсь?

— У него будетъ меньше возможности продолжать порочную жизнь, и менѣе способовъ вводить васъ въ долги.

Леди Карбери мысленно разбирая этотъ совѣтъ, подумала обо всѣхъ своихъ надеждахъ: жажда литературнаго успѣха, ея вечера по вторникамъ, ея любовь къ обществу, ея Броуны, Альфы, Букеры, ея пріятная гостиная и ея рѣшеніе на склонѣ дней своихъ играть какую-нибудь роль въ свѣтѣ. Неужели ей отказаться отъ всего этого и удалиться въ какой-нибудь скучный французскій городъ, потому что ей нельзя долѣе оставаться въ Лондонѣ съ такимъ сыномъ? Это было жестоко, хуже даже тѣхъ жестокихъ несчастій, которыя она перенесла. Это было тяжелѣе той клеветы которую выдумали на нее, когда она, заботясь о безопасности своей жизни, бѣжала изъ дома своего мужа.

Но это она должна будетъ перенести чтобы только не разставаться съ сыномъ.

— Да, сказала она, — я думаю это такъ. Я бы желала только умереть чтобы всему этому былъ конецъ.

— Онъ могъ бы поѣхать въ одну изъ колоній, сказалъ Роджеръ.

— Да, услать его чтобъ онъ спился и умеръ, и такимъ образомъ избавиться отъ него. Я уже слышала объ этомъ прежде. Куда бы онъ ни поѣхалъ, я поѣду за нимъ всюду.

Какъ извѣстно читателю, Роджеръ Карбери еще такъ недавно не питалъ большаго уваженія къ своей родственницѣ. Онъ зналъ ее за женщину суетную и полагалъ что у нея нѣтъ правилъ. Теперь же, въ эту минуту, ея чрезмѣрная любовь къ сыну, котораго она уже не могла болѣе защищать, искупала всѣ ея погрѣшности. Онъ забылъ о ея пребываніи въ Карбери подъ вымышленнымъ предлогомъ, забылъ Мельмотовъ, и всѣ мелкія хитрости которыя примѣчалъ за нею: онъ высоко ставилъ эту чистую и прекрасную любовь.

— Еслибы вы пожелали отдать на нѣкоторое время вашъ домъ внаймы, сказалъ онъ,—мой домъ къ вашимъ услугамъ.

— Но Феликсъ?

— Вы привезете его съ собою. Я одинъ на свѣтѣ. Я могу устроить себѣ помѣщеніе въ коттеджѣ. Онъ теперь не занятъ. Если вы полагаете что это будетъ вашимъ спасеніемъ, попробуйте пожить такимъ образомъ съ полгода.

— И выгнать васъ изъ вашего собственнаго дома? Нѣтъ, Роджеръ. Я не могу этого. И что намъ дѣлать съ Геттой?

Сама Гетта ушла, оставивъ мать вдвоемъ съ Роджеромъ, такъ какъ она была увѣрена что въ ея отсутствіи будутъ сдѣланы вопросы и даны отвѣты касательно мистрисъ Гёртль которымъ ея присутствіе могло бы помѣшать. Она желала чтобъ это было иначе; чтобъ ей позволено было услыхать все самой; она была увѣрена что разказъ, переданный ей матерью, уже не будетъ такъ вѣренъ: она навѣрное прибавитъ что-нибудь, чего бы не было, еслибъ этотъ разказъ передалъ ей ея родственникъ Роджеръ.

— На Гетту можно положиться, она сама все разсудитъ.

— Какъ можете вы говорить это, когда она только-что приняла предложеніе этого молодаго человѣка? Не правда ли, онъ даже теперь еще живетъ съ Американкой, на которой обѣщалъ жениться.

— Нѣтъ; это не правда.

— Что же правда въ такомъ случаѣ? развѣ онъ не помолвленъ съ этою женщиной?

Роджеръ съ минуту колебался.

— Я знаю что даже это не вѣрно. Въ послѣдній разъ когда онъ говорилъ объ этомъ, онъ объявилъ что ихъ помолвка разошлась. Я говорилъ Геттѣ чтобъ она сама его спросила. Позвольте ей сказать ему что она слышала отъ васъ объ этой женщинѣ, и что она должна знать правду. Я не люблю его, леди Карбери. У меня нѣтъ болѣе истинной дружбы къ нему. Но я думаю что если Гетта спроситъ его просто, каковы его отношенія къ мистрисъ Гёртль, онъ скажетъ ей правду.

Роджеръ, уѣзжая, не видалъ вторично Гетты, и вовсе не видалъ своего родственника Феликса. Онъ сдѣлалъ теперь все что могъ сдѣлать своею поѣздкой въ Лондонъ, и въ тотъ же день вернулся обратно въ Карбери. Не лучше ли было для него, несмотря на обѣщаніе которое онъ далъ, выбросить изъ головы все семейство? Для него не могло быть другой любви. Онъ долженъ горевать и быть одинокимъ. Но онъ могъ избѣжать тысячи заботъ и постепенно пріучить себя къ мысли о жизни какъ будто и не было на свѣтѣ такой женщины какъ Гетта Карбери. Но нѣтъ! Онъ не позволитъ себѣ думать что такъ бы слѣдовало поступить. Самый фактъ его любви налагалъ на него обязанность, одну изъ первыхъ его обязанностей, наблюдать за интересами той кого онъ любилъ, и тѣхъ кто были ей близки.

Но въ числѣ близкихъ ей онъ не признавалъ Поля Монтегю.

XXIII. Состояніе Marie.

Когда Marie Мельмотъ увѣряла сэръ-Феликса Карбери что отецъ уже назначилъ ей въ приданое большое состояніе, которое нельзя было взять безъ ея согласія, она говорила совершенную истину. Мельмотъ скрылъ отъ нея всѣ подробности этого дѣла насколько ему нужно было держать ее въ невѣдѣніи для той цѣли которую онъ имѣлъ въ виду. Но когда устраивалось это дѣло, необходимо было объяснить или показать видъ что ей объяснили многое. Память Marie и ея пониманіе значительно превышали ожиданія ея отца. Онъ

получалъ очень значительный доходъ съ большой суммы денегъ, которую положилъ на ея имя въ заграничный банкъ, и заставилъ ее дать ему законную довѣренность на полученіе этихъ доходовъ. Онъ сдѣлалъ это, опасаясь крушенія на пути по которому намѣревался слѣдовать, и рѣшилъ, что каковы бы ни были обстоятельства, у него все-таки останется достаточно денегъ чтобы жить въ довольствѣ и роскоши, если ему придется жить въ неизвѣстности, даже въ позорѣ. Онъ далъ себѣ клятву что не пуститъ этихъ денегъ въ свои спекуляціи, и до сей поры былъ вѣренъ своей клятвѣ. Хотя бы банкротство и явная гибель были неизбѣжны, онъ не поддержитъ своего кредита употребивъ эти деньги, если даже въ ту минуту этихъ денегъ будетъ достаточно. Если настанетъ такой день, то обладаніе этимъ доходомъ сдѣлаетъ его по возможности счастливымъ, и во всякомъ случаѣ онъ можетъ жить роскошно въ какомъ-нибудь городѣ гдѣ менѣе всего извѣстно его прошедшее, и гдѣ его радушно примутъ, благодаря его богатству. Вотъ каковъ былъ планъ его жизни. Но онъ упустилъ изъ виду многія обстоятельства. Его дочь могла измѣнить ему; въ случаѣ ея свадьбы ему не удастся спасти свое состояніе; могло также случиться что это деньги потребуются на приданое дочери. Наконецъ, на него могло обрушиться такое несчастіе что даже увѣренность въ будущихъ доходахъ не дастъ ему возможности перенести его. Въ настоящую минуту, его мучило сильное безпокойство. Если онъ возьметъ это состояніе обратно, у него болѣе чѣмъ хватитъ на уплату всей суммы должной Лонгестаффамъ, и еще останется чтобы помочь ему выйти изъ другихъ затрудненій. Что касается Лонгестаффовъ, ему конечно не хотѣлось ради ихъ измѣнить принятому правилу. Если гибель неизбѣжна, они будутъ такіе же кредиторы, какъ и всякій другой. Но онъ съ болью сознавалъ что въ этомъ дѣлѣ, кромѣ факта простаго долга, было замѣшано еще что-то. Онъ собственною рукой начерталъ подпись Долли Лонгестаффа на листкѣ, которое нашелъ въ ящикѣ стараго мистера Лонгестаффа. Онъ нашелъ это письмо въ конвертѣ, адресованномъ мистеромъ Лонгестаффомъ старшимъ мистерамъ Сло и Бидивайлю, и самъ опустилъ его въ почтовый ящикъ близъ своего дома. Обстоятельства сильно благопріятствовали ему въ этой продѣлкѣ. Онъ жилъ въ домѣ мистера Лонгестаффа, и у нихъ былъ общій кабинетъ,

такъ что бумаги мистера Лонгестаффа почти что были въ его рукахъ. Онъ уже давно владѣлъ искусствомъ отмыкать замки. Но его умѣнье не доходило до того чтобы вставить замокъ на мѣсто. Онъ отвернулъ замокъ, нашелъ письмо, приготовленное къ отправкѣ, вмѣстѣ съ конвертомъ; онъ настолько познакомился съ домашними обстоятельствами фамиліи Лонгестаффовъ, что былъ увѣренъ что если онъ со свойственною ему ловкостью не поможетъ отправкѣ этого письма, оно никогда не дойдетъ по назначенію. Во всемъ этомъ судьба до нѣкоторой степени ему благопріятствовала. По сложившимся обстоятельствамъ, едвали можно было открыть поддѣлку. Молодой человѣкъ могъ клясться что подпись была не его; даже если старикъ поклянется что хорошо заперъ ящикъ съ неподписаннымъ письмомъ, все-таки доказательствъ не будетъ. Могли думать, могли говорить, могли быть увѣрены, затѣмъ настанетъ переворотъ. Но впереди было большое состояніе, съ которымъ можно было удалиться, пить и ѣсть и веселиться остальные дни жизни. Въ это время явилось несносное усложненіе въ его дѣлахъ. Что было такъ легко относительно письма которое Долли Лонгестаффъ никогда бы не подписалъ, было менѣе легко, но возможно въ другомъ дѣлѣ. Это было сдѣлано подъ двойнымъ гнётомъ, немедленной необходимости, возрастающаго честолюбія и увеличивающейся смѣлости. Слухи, распространившіеся за границей (что для Мельмота было, конечно, очень важно), называли своимъ именемъ то что было сдѣлано съ письмомъ Долли Лонгестаффа. Если этотъ или подобный слухъ дойдетъ до его мѣстопребыванія, если двѣнадцать присяжныхъ скажутъ что онъ это сдѣлалъ, къ чему ему тогда всѣ эти деньги? Когда возникло это опасеніе, возникъ также вопросъ—не будетъ ли полезно употребить эти деньги чтобы спасти себя отъ гибели? Безъ сомнѣнія всю опасность въ дѣлѣ Лонгестаффовъ можно было устранить, уплативъ условленную сумму за Никкерингъ-паркъ. Ни Долли Лонгенстаффъ, ни Скверкумъ, о которомъ уже слышалъ мистеръ Мельмотъ, не будутъ безпокоиться объ этомъ, если деньги будутъ уплачены. Но деньги на эту уплату будутъ брошены даромъ, если, какъ онъ твердо былъ убѣжденъ, не будетъ достаточно доказательствъ того что онъ сдѣлалъ.

Но усложненій было тамъ много! Можетъ-быть въ своемъ

восхищеніи странной которую онъ избралъ своимъ отечествомъ, мистеръ Мельмотъ готовъ былъ приписать британской аристократіи болѣе преимуществъ, нежели она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Въ душѣ онъ былъ убѣжденъ что еслибы весь свѣтъ зналъ что онъ тесть старшаго сына маркиза Аудъ Puku, то въ дѣлѣ подобнаго рода онъ не то чтобы совсѣмъ освободился отъ кары законовъ, но до нѣкоторой степени былъ бы въ безопасности отъ ихъ когтей. Онъ полагалъ что ему удастся пользоваться протекціей фамиліи съ которою онъ породнится. Кромѣ того если ему удастся безопасно пережить эти тяжелые дни, какъ хорошо будетъ имѣть зятемъ британскаго маркиза! Какъ и многіе другіе, онъ забылъ спросить, когда настанетъ для него это наслажденіе и какого рода оно будетъ. Но онъ думалъ что подобная свадьба прибавитъ прелести его жизни. Онъ зналъ что лордъ Ниддердель не женится на его дочери не будучи вполнѣ увѣренъ въ дѣйствительности ея состоянія, но онъ думалъ что доходъ, перейдя вмѣстѣ съ Marie, хотя и будетъ менѣе обѣщаннаго, на первое время однако будетъ достаточенъ; онъ уже далъ удостовѣреніе повѣренному маркиза что его дочь владѣла состояніемъ, о которомъ идетъ рѣчь.

На дняхъ возникло еще новое затрудненіе и на самомъ дѣлѣ очень встревожило мистера Мельмота. Какъ-то утромъ онъ послалъ за Marie чтобъ она пришла къ нему въ кабинетъ и сказалъ ей что ему нужна для одного дѣла ея подпись. Она спросила для какого дѣла. Онъ отвѣтилъ ей что нужно подписать документъ касающійся денегъ, напомнилъ что она уже разъ прежде подписывала такую бумагу и прибавилъ что все это дѣловыя формальности. Нечего спрашивать болѣе, нужно только подписать бумагу. Marie удивила его не только доказавъ что понимала гораздо болѣе въ дѣлахъ нежели онъ полагалъ, но и рѣшительно отказавшись подписать что бы то ни было. Читатель поймет что они не мало наговорили другъ другу.

— Я знаю, папа. Это для того чтобы вы могли дѣлать съ деньгами что вамъ угодно. Вы были такъ не добры ко мнѣ по поводу сэръ-Феликса Карбери что я не согласна это сдѣлать. Если я выйду замужъ, деньги будутъ принадлежать моему мужу.

Онъ едва могъ перевести духъ, слушая ея слова. Онъ не зналъ какъ подступить къ ней: съ угрозами, съ просьбами

или съ побоями. До окончанія ихъ свиданія, онъ испыталъ всѣ эти три средства. Онъ сказалъ ей что посадитъ ее въ тюрьму за обманные поступки; умолялъ ее не губить отца такою чудовищною злобой. Наконецъ взялъ ее за обѣ руки и сильно тряхнулъ ее. Но Marie была непоколебима. Онъ можетъ разорвать ее на части, она все-таки ничего не подпишетъ.

— Ты кажется думала что сэръ-Феликсъ получитъ всю эту сумму, сказалъ отецъ презрительно.

— Онъ бы и получилъ, еслибъ у него хватило духу взять ее, отвѣчала Marie.

Еще новая причина держаться Ниддерделя. Онъ безъ сомнѣнія лишится непосредственнаго дохода, но заручится маркизомъ. Ему приходилось съ большимъ тщаніемъ взвѣшивать выгоды и невыгоды оставить Лонгестаффовъ безъ уплаты и передать деньги Ниддерделю. Онъ могъ рѣшиться на то или другое не потому чтобы считалъ это болѣе полезнымъ для себя.. Съ обѣихъ сторонъ опасности были очень велики! Но въ настоящую минуту ему необходима была смѣлость, а это былъ самый смѣлый шагъ. Marie сказала что выйдетъ за Ниддерделя,—или за того человѣка который чиститъ сапоги на перекресткѣ. Въ понедѣльникъ утромъ одинъ изъ Бидивайлей пришелъ къ нему въ Сити. Онъ сказалъ мистеру Бидивайлю что всему свѣту извѣстно что въ настоящую минуту деньги „рѣдки въ Сити". — Мы просимъ уплаты не торговаго долга, сказалъ мистеръ Бидивайль,—а долга за значительное имѣнье, которое вы купили. Мистеръ Мельмотъ замѣтилъ что значеніе денегъ одинаково, какимъ бы образомъ ни былъ сдѣланъ долгъ. Затѣмъ онъ предложилъ сдѣлать платежъ въ два срока, чрезъ три и черезъ шесть мѣсяцевъ, съ надлежащими процентами. Это предложеніе мистеръ Бидивайль отвергъ съ негодованіемъ, прося вернуть документы по имѣнію.

— Вы не имѣете никакого права спрашивать документы, сказалъ Мельмотъ. — Вы можете требовать только должную сумму, а я уже сказалъ вамъ какимъ образомъ предлагаю уплатить ее.

Мистеръ Бидивайль былъ внѣ себя отъ ужаса. Съ тѣхъ поръ какъ онъ занимался дѣлами, во всей практикѣ почтенной

фирмы, къ которой онъ принадлежалъ, подобнаго случая не было. Конечно надо винить мистера Лонгестаффа, по крайней мѣрѣ такъ говорили между собою всѣ Бидивайли. Онъ такъ желалъ имѣть дѣло съ денежнымъ человѣкомъ что настаивалъ на передачѣ документовъ по имѣнью. Но онъ не имѣлъ права отдавать документы. Онъ владѣлъ Пикерингъ-ларкомъ совмѣстно съ сыномъ. Домъ былъ уже разрушенъ и покупщикъ предлагалъ теперь векселя вмѣсто денегъ за покупку!

— Не хотите ли вы сказать, мистеръ Мельмотъ, что у васъ нѣтъ денегъ чтобы платить за то что вы купили, и что несмотря на это документы по имѣнью уже не въ вашихъ рукахъ.

— У меня состояніе въ десять, въ двадцать, въ тридцать разъ болѣе, сказалъ Мельмотъ гордо;—но мнѣ кажется вы можете знать что человѣкъ ведущій большія дѣла не можетъ всегда въ одинъ день получить наличными деньгами сумму въ восемьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Мистеръ Бидивайль не выражая этого прямо далъ однако понять мистеру Мельмоту свое убѣжденіе что его кліентъ былъ обокраденъ, и что онъ тотчасъ же приметъ самыя строгія мѣры, какія допускаетъ законъ. Мистеръ Мельмотъ пожалъ только плечами и болѣе не возражалъ. Мистеру Бидивайлю оставалось уйти.

Несмотря на преданность своему кліенту и своей фирмѣ въ борьбѣ съ мистеромъ Скверкумомъ, Бидивайль начиналъ сомнѣваться въ подлинности письма, которое Долли такъ настойтиво утверждалъ что не подписывалъ. Самъ мистеръ Лонгестаффъ во всякомъ случаѣ былъ честный человѣкъ, но и онъ выразилъ свое мнѣніе что Долли не подписывалъ письма. Сынъ его уже разъ отказался подписать и насколько ему было извѣстно не имѣлъ съ тѣхъ поръ случая сдѣлать это. Онъ вполнѣ былъ убѣжденъ что заперъ письмо на ключъ въ собственномъ ящикѣ въ комнатѣ, которая въ послѣднее время сдѣлалась также кабинетомъ Мельмота. Затѣмъ войдя въ комнату въ присутствіи Мельмота, — дружба ихъ въ то время уже прекратилась,—онъ нашелъ свой ящикъ отпертымъ. Въ то время съ нимъ былъ этотъ самый мистеръ Бидивайль.

— Вы хотите сказать что я отперъ вашъ ящикъ, сказалъ

мистеръ Мельмотъ. Мистеръ Лонгестаффъ сильно покраснѣлъ и возразилъ что онъ, безъ сомнѣнія, не дѣлалъ подобнаго обвиненія, но также нисколько не сомнѣвался въ томъ что не оставилъ ящикъ отпертымъ. Онъ зналъ свои привычки и былъ увѣренъ что никогда въ жизни не оставлялъ этого ящика отпертымъ.—Значитъ въ этомъ случаѣ вы измѣнили привычкамъ вашей жизни, сказалъ съ живостью мистеръ Мельмотъ. Мистеръ Лонгестаффъ не позволилъ себѣ сказать болѣе ни слова въ домѣ, но когда они вышли вмѣстѣ на улицу, онъ увѣрилъ юриста что ящикъ навѣрное былъ оставленъ запертымъ, и онъ вполнѣ убѣжденъ что неподписанное письмо осталось въ ящикѣ. Мистеръ Бидивайль могъ только прибавить что это самое несчастное дѣло въ какомъ ему приходилось участвовать.

Итакъ по всѣмъ причинамъ самымъ лучшимъ было породниться съ Ниддерделемъ, если только можно будетъ устроить это. Читатель долженъ понять что хотя мистеръ Мельмотъ позволилъ себѣ сильную поэтическую вольность, утверждая что состояніе его было въ тридцать разъ больше суммы которую онъ долженъ былъ уплатить за Пиккеринга, все-таки состояніе у него было. Спекуляціи этого человѣка были такъ велики и такъ обширны что онъ не зналъ въ точности что̀ имѣлъ или сколько былъ долженъ. Но онъ зналъ что въ настоящую минуту ему приходилось плохо вслѣдствіе необходимости имѣть большія суммы. Его главною надеждой на немедленное полученіе денегъ былъ Коенлупъ, въ рукахъ коего были всѣ акціи Мексиканской желѣзной дороги. Онъ много довѣрялъ Коенлупу, болѣе нежели имѣлъ обыкновеніе довѣрять кому бы то ни было. Коенлупъ увѣрялъ что въ настоящую минуту ничего нельзя сдѣлать съ желѣзнодорожными акціями. Вслѣдствіе паники, онѣ упали почти до нуля. Теперь во время его несчастья Мельмотъ нуждался въ деньгахъ отъ великой желѣзной дороги, но потому именно что онъ нуждался, великая желѣзная дорога не имѣла никакого значенія. Коенлупъ сказалъ ему что онъ долженъ переждать тяжелую минуту, или вѣрнѣе пережить тяжелый мѣсяцъ. По наущенію Коенлупа онъ предложилъ мистеру Бидивайлю два векселя.

— Опять предложите, сказалъ Коенлупъ.—Рано или поздно ему придется взять векселя.

Среди дня въ понедѣльникъ Мельмотъ встрѣтилъ лорда Ниддерделя въ корридорѣ Палаты Общинъ.

— Видѣли вы Marie на этихъ дняхъ? сказалъ онъ. Въ это утро повѣренный отца Ниддерделя увѣрилъ его въ присутствіи отца что если онъ женится на Marie Мельмотъ въ настоящее время, онъ безъ сомнѣнія будетъ имѣть нѣсколько болѣе пяти тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода. Онъ надѣялся получить гораздо больше, и едва ли разчитывалъ за эту цѣну взять Marie; но потомъ вѣроятно будетъ больше. Безъ сомнѣнія было какое-то затрудненіе на счетъ Пиккеринга. Мельмотъ навѣрное заложилъ его. Но это могло быть только на нѣсколько недѣль. Мельмотъ объявилъ что Пиккерингъ будетъ отданъ молодымъ при свадьбѣ. Отецъ его совѣтовалъ ему уговорить дѣвушку назначить день. Въ самый послѣдній день можно будетъ разстроить свадьбу если не окажется состоянія.

— Я сейчасъ ѣду къ вамъ, сказалъ Ниддердель.

— Между пятью и шестью вы навѣрное застанете дамъ за чаемъ, сказалъ Мельмотъ.

XXIV. Мельмотъ пріобрѣтаетъ друга.

— Думали вы еще объ этомъ? сказалъ лордъ Ниддердель молодой дѣвушкѣ, какъ только madame Мельмотъ удалось оставить ихъ вдвоемъ.

— Я объ этомъ очень много думала, сказала Marie.

— Какой же результатъ?

— Я согласна выйти за васъ.

— Вотъ это хорошо, сказалъ Ниддердель, разваливясь на диванъ подлѣ нея, такъ что могъ обнять ее рукою за талью.

— Подождите еще, лордъ Ниддердель, сказала она.

— Вы бы могли называть меня Джонъ.

— Такъ подождите, Джонъ. Вы думаете что можете жениться на мнѣ, хотя нисколько меня не любите.

— Это неправда, Marie.

— Нѣтъ, это такъ, это совершенно вѣрно. И я думаю также что могу выйти за васъ замужъ, хотя вовсе не люблю васъ.

— Но вы полюбите меня.